

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2017. № 418. Май

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2017. № 418. May

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берзун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Грекевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.;
Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.;
В.И. Канов, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.;
В.П. Парничев, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сушченко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobiov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ ФИЛОЛОГИЯ

Волков И.О. «Итальянский текст» в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» (1871)	5
Диденко В.В. Особенности актуализации фрейма «толерантность» в русском и американском миграционных медиадискурсах	14
Иванова Л.А. Семантическое поле времени в идиолекте языковой личности сибирского старожила: границы и структура	24
Кострубина С.А. Аббревиатуры английских и русских экономических терминов: контрастивный аспект	30
Лукьянова И.В. Когнитивные модели наименований растений (на диалектном материале)	36
Склярова Н.Г., Хачересова Л.М. Альтернативность в американском президентском дискурсе	44
Толстоноженко О.А. След взаимоотношений с И.С. Тургеневым в повести Л.Н. Толстого «Альберт»: социально-психологические аспекты художественной структуры	53

ИСТОРИЯ

Буянов Д.Е. Духовные христиане в Сибири и на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.)	62
Воропанов В.А. Состав коллегий уездных и окружных судов в Тобольской и Томской губерниях в первой четверти XIX в.	71
Ганиев Р.Т. Древние тюрки и Китай в 553–581 гг.: приемы и методы внешней дипломатии	78
Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Компоненты динамики численности христианского населения в начале XXI в.: мир, регион, страна	85
Иванова Н.П. Структура древнерусского пасхального (подвижного) календаря (по материалам базы данных «Хронология новгородского летописания IX–XV вв.»)	91
Козлова Д.С. Налоговая политика в контексте революции и Гражданской войны (на примере Томской губернии, февраль 1917 – декабрь 1919 г.)	101
Люля Н.В. Родильная обрядность украинского сельского населения юга Западной Сибири в конце XIX–XX в.	110
Расколец В.В. Положение об Институте исследования Сибири: от первых проектов до утверждения (ноябрь 1917 – октябрь 1919 г.)	114
Рожков А.А., Соловенко И.С. Основные тенденции развития угольной промышленности России в конце XX – начале XXI в.	124
Румянцева Т.Б. Политика правительства США по развитию производственных и технологических возможностей малых и средних предприятий (1980–1990-е гг.)	137
Рябова Ю.В. И.И. Долгих – первый руководитель Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР	143
Селецкий М.В., Шнейдер С.В., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер кызы С. Эпипалеолитические комплексы навеса Бадыноко (Приэльбрусье)	147
Федосов Е.А. Фасцизация образа врага в советской визуальной пропаганде начального периода холодной войны (1946–1964 гг.)	163
Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Трансформация корпоративной идентичности и имиджа Томского университета в 1920-е гг.	172
Харевич В.М., Акимова Е.В., Вашков А.А. К проблеме верхней границы кокоревской культуры в позднем палеолите Енисея (по материалам стоянки Троицкая)	182

CONTENTS PHILOLOGY

Volkov I.O. “Italian text” in I.S. Turgenev’s “Torrents of Spring” (1871)	5
Didenko V.V. Actualizations of the frame of tolerance in Russian and American migration media discourses	14
Ivanova L.A. The semantic field of time in the idiolect of the language personality of the old resident of Siberia: boundaries and the structure	24
Kostrubina S.A. Abbreviations of English and Russian economic terms: a contrastive aspect	30
Lukyanova I.V. Cognitive models of folk plant names	36
Sklyarova N.G., Khacheresova L.M. Alternativeness in the discourse of American presidents	44
Tolstonozhenko O.A. The trace of interrelation with Ivan Turgenev as revealed in Leo Tolstoy’s “Albert”: socio-psychological aspects of the artistic structure	53

HISTORY

Buyanov D.E. Spiritual Christians in Siberia and in the Far East of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)	62
Voropanov V.A. The membership of district courts in Tobolsk and Tomsk provinces in the first quarter of the 19th century	71
Ganiev R.T. The policy of the Muqan and Taspar (Tuobo) Qaghans in the Turkish Empire (553–581 AD)	78
Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. The components of the Christian population dynamics at the beginning of the 21st century: world, region, country	85
Ivanova N.P. The structure of the Old Russian Easter (flexible) calendar (based on the database “Chronology of the Novgorod Chronicles of the 9th–15th Centuries”)	91
Kozlova D.S. Fiscal policy in the context of the Revolution and the Civil War (Tomsk Province, February 1917 – December 1919)	101
Lyulya N.V. The maternity rite of Ukrainian rural population in the south of Western Siberia in the late 19th–20th centuries	110
Raskolets V.V. The Institute for the Study of Siberia regulations: from the first draft to the approval (November 1917 – October 1919)	114
Rozhkov A.A., Solovenko I.S. Major trends in Russian coal industry in the late 20th – early 21st centuries	124
Rumyantseva T.B. The US government policy aimed at the development of the industrial and technological capacity of small and medium-sized enterprises (1980s–1990s)	137
Ryabova Yu.V. I.I. Dolgikh, the first leader of the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs	143
Seletskiy M.V., Shnaider S.V., Zenin V.N., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Alisher Kyzzy S. Epipaleolithic complexes of the Badynoko rockshelter (Elbrus region)	147
Fedosov E.A. The fascination of the enemy image in the Soviet visual propaganda at the beginning of the Cold War (1946–1964)	163
Fominykh S.F., Stepnov A.O. Transformation of the corporate identity and image of Tomsk University in the 1920s	172
Kharevich V.M., Akimova E.V., Vashkov A.A. The problem of the upper chronological border of the Kokorevo culture during the Late Paleolithic of the Yenisei (Troitskaya site)	182

Шубин Л.Л., Шабардин А.М. Взгляд через 70 лет на тыловую медицину: 70 эвакогоспиталей Удмуртии и результаты их работы	191
--	-----

ПРАВО

Архипов А.В. Актуальные вопросы квалификации хищения безналичных денежных средств	195
Груздев В.В. Гражданко-правовой принцип равенства	199
Жулеева М.С., Лазутина Т.В. Человек и его права в контексте современной реальности	202
Колотков М.Б. Рождение террора во Франции: поиск истины и правовых альтернатив	208
Корякин А.Л. История развития законодательства об ускоренных производствах в российском уголовно-процессуальном праве	214
Татаринов С.А. О роли Конституционного Суда Российской Федерации в формировании и развитии системы российского конституционализма	221
Черкасов К.В., Осипов Д.А. Представитель главы региона в региональном парламенте: место, роль и значение в механизме осуществления публичной власти	228
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	235

Shubin L.L., Shabardin A.M. The rear medicine 70 years later: medical care in evacuation hospitals of Udmurtia	191
---	-----

LAW

Arkhipov A.A. Topical issues of qualification of embezzlement of non-cash money	195
Gruzdev V.V. The civil law principle of equality	199
Zhuleva M.S., Lazutina T.V. The person and their rights in the context of modern reality	202
Kolotkov M.B. The origin of terror in France: the search for truth and legal alternatives	208
Koryakin A.L. The development of legislation on fast-track procedure in the Russian criminal procedure law	214
Tatarinov S.A. On the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the formation and development of Russian constitutionalism	221
Cherkasov K.V., Osipov D.A. The commissioner of the head of the region in the regional parliament: the place, role and importance in public authority	228
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	235

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

И.О. Волков

«ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕКСТ» В ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «ВЕШНИЕ ВОДЫ» (1871)

Рассматривается своеобразие «итальянского текста» в поздней повести И.С. Тургенева «Вешние воды» (1871). Анализируется характер художественного моделирования автором образов семьи Розелли, устанавливается их значимая роль в связи с проблематикой личности главного героя. В качестве важной особенности позднего творчества Тургенева определяется стремление осмысливать проблему человеческого существования через создание национальных типов.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; «Вешние воды»; Италия; Вергилий; Шекспир.

Следующая за «Степным Королём Лиром» (1870) повесть «Вешние воды» (1871) продолжает линию художественной характерологии национальной сущности русского (пуреформенного) человека. Относя действие основных событий к 1840 г., Тургенев в качестве главного героя выбирает «типовичного дворянского интеллигента» [1. С. 84], который уже существенно отличается от своих «романских» предшественников.

Центральный персонаж помещён в широкий план двух инонациональных культур – немецкий и итальянский. Их присутствие в повести соответствует «глубоким художественным задачам» автора [2. С. 87]. Через моделирование национальных типов Тургенев выходит к проблемам общечеловеческого, универсального («бессмертие жизни») характера. В этом очевидно следование писателя эстетической традиции Уильяма Шекспира.

В «Вешних водах» исследователи обращали внимание на характер изображения типа «лишнего человека» [3, 4], особенности психологизма [5, 6], тему античности [1, 7], вариант «тургеневской девушки» [8], дантовские мотивы [9] и пр. Однако значимость и своеобразие «итальянского текста» повести, акцентированная уже в примечании Л.В. Крестовой [10], ещё не получили целостного развёрнутого освещения.

Основным местом действия «Вешних вод» оказывается Германия – города Франкфурт и Висбаден, а характеристика немецкого типа занимает здесь значительное место. Но «немцы в повести проигрывают» [2. С. 87] итальянцам, и не только в расстановке ценностных акцентов. Тургенев отводит семье Розелли, транслирующей живой и богатый образ Италии, особую роль в плане глубокой и развёрнутой характеристики Дмитрия Санина – представителя нового «неопределенного» времени. Повесть пронизана многочисленными аллюзиями на итальянскую историю и культуру. А главная героиня второй части – Марья Николаевна Полозова – вводит в текст произведения значимую фигуру Вергилия.

Эстетика итальянских образов в творчестве Тургенева в целом и в «Вешних водах» в частности во многом восходит к непосредственным впечатлениям автора от двух путешествий на родину «сурового Данта». Кроме того, сложная социокультурная ситуация в России и Европе 1870–1871 гг. заставляла писателя находиться в напряжённом поиске человеческого идеала, в ходе которого он и обратился к итальянскому

типу. В обоих случаях значимый материал, раскрывающий характер художественных исканий Тургенева, содержится в его письмах.

Первый раз писатель посетил Италию в феврале 1840 г., тогда он побывал в Риме, Неаполе, Сорренто, Чивита-Беккиа, Ливорно, Пизе, Генуе, Лаго-Маджоре¹. Отправившись в заграничное путешествие, в письме к А.В. Никитенко Тургенев изъявил желание «изредка присыпать в Ваш журнал письма, которые, уже по одним подробностям итальянской жизни, природы и памятников древности, может быть, не будут совершенно лишены интереса» [11. Т. 1. С. 147]. Он планировал создать и опубликовать в журнале «Сын отечества» целый цикл очерков о своих итальянских приключениях, однако этот замысел по каким-то причинам не был осуществлён.

За весь период этой поездки Тургенев написал только три (известных и опубликованных на сегодня) письма, из которых два – адресованные Н.В. Станкевичу – всецело посвящены рассказу о его итальянских впечатлениях. Особой полнотой отличается письмо от 14, 15 (26, 27) апреля 1840 г., где автор делится своими ощущениями от пребывания в Неаполе. Тургенев описывает Станкевичу вид на город, который открывается из окна его номера: «Прямо перед нашим домом, на другой стороне залива, стоит Везувий; ни малейшей струи дыма не вьётся над его двойной вершиной. По краям полукруглого залива теснятся ряды белых домиков» [Там же. С. 148]. Здесь же он упоминает о трёх замках-крепостях – Сант-Эльмо (Castel Sant'Elmo)², Кастиль-дель-Ово (Castel dell'Ovo) и Кастиль-Нуово (Castel Nuovo), сообщает о подробном осмотре Геркуланума и неисполненном намерении побывать на развалинах Помпей.

Существенным дополнением к картине тургеневского путешествия служат письма Н.В. Станкевича к Н.Г. и Е.П. Фроловым [13]. Находясь в 1840-м г. в Риме, он сообщает им о своём времяпрепровождении, в том числе о прогулках по древней столице, в которых участвовал и Тургенев. Из этой переписки известно, что писатель посетил следующие места: Ватикан, Колизей, Гробницу Сципионов, Гробницу Цецилии Метеллы, цирк Ромула (Большой цирк), грот Эгрии, Собор Святого Петра, крепость Ангела (Замок Святого Ангела), Дворец Боргезе, Виллу Альбани.

Вторая поездка в Италию в гораздо большей полноте отразилась в письмах Тургенева. Дольше всего

он находился в Риме (30 октября 1857 г. – 22 февраля 1858 г. и 8–13 марта 1858 г.), где состоялись примечательная встреча с А.А. Ивановым и знакомство с его шедевром «Последний день Помпеи». Бесконечно восторгаясь городом и его окрестностями, будучи во власти «постоянного чувства, что Великое, Прекрасное, Значительное – близко, под рукой...» [11. Т. 3. С. 278], писатель своё пребывание в Риме связывает с надеждой на обновление творческих сил, он хочет создать что-то особенное, большое, серъёзное. Здесь Тургенев завершил повесть «Ася», продолжил дорабатывать статью «Гамлет и Дон-Кихот» и обдумывать замысел романа «Дворянское гнездо».

В Риме Тургенев вместе с В.П. Боткиным часто разъезжал по городу, с особенным удовольствием посещая его древние развалины. Побывав на Вилла-Мадама (Villa Madama), он писал П.В. Анненкову: «Через несколько лет всё рухнет – иные стены едва держатся – но под этим небом самой запустение носит печать изящества и грации; здесь понимаешь смысл стиха: “Печаль моя светла”» [Там же]. А побродив по руинам Дворца Цезарей (Domus Aurea), Тургенев «проникся весь каким-то эпическим чувством»: «...эта бессмертная красота кругом, и ничтожность всего земного, и в самой ничтожности величие – что-то глубоко грустное, и примиряющее, и поднимающее душу...» [Там же. С. 284]. Примечательно, что именно в этот период Тургенев «упивается» «Историей Рима» Теодора Моммзена [Там же. С. 268].

Здесь же Тургенева застали известия о начавшейся в России подготовке к крестьянской реформе. К нему приходят восторженные письма от С.Т. Аксакова³ и А.Н. Майкова⁴ с убеждением непременно вернуться в Россию, чтобы в этот исторический момент быть «на своем месте» [14. С. 595].

В начале 1860-х гг. Тургенев пристально следил за политическими событиями в Италии. Его внимание особенно привлекал Джузеппе Гарибальди, которого он в письме к А.И. Герцену от 15 (27) августа 1862 г. назвал «последним из героев» [11. Т. 5. С. 102]. Горячо сочувствуя итальянскому полководцу, писатель задаётся вопросом: «Неужели Брут, который не только в истории *всегда* (курсив Тургенева. – И.В.), но даже и у Шекспира гибнет – восторжествует?» [Там же].

Во время работы над «Вешними водами», на фоне событий франко-прусской войны и Парижской коммуны писатель вновь возвращается к героической фигуре Гарибальди. Так, 27 февраля (11 марта) 1871 г. в Петербурге на чтениях в «пользу раненых гарибальдийцев» Тургенев познакомился с «Воспоминаниями о пребывании среди гарибальдийцев» А.Н. Пешковой⁵ и назвал их «апофеозом Гарибальди в живой картине» [11. Т. 11. С. 319].

Очень знаково, что в тургеневской оценке кризисного состояния Европы звучат античные мотивы. Например, в письме к П. Виардо от 13 (25) марта 1871 г. писатель сравнивает происходящее в Париже с «императорским и преторианским Римом, погружющимся в анархию» [Там же. С. 327], и здесь же вспоминает «крик Горация: “Quo, quo scelesti, ruitis?” (Куда вы стремитесь, несчастные?)» [Там же]. А в письме к С.К. Кавелиной от 2 (14) апреля 1871 г. в ироническом отзыве о справедливости целей нового

правительства Парижской коммуны Тургенев намеренно использует имя Тацита [11. Т. 1. С. 71]. Чуть позже писатель скажет о самом себе как о выросшем «на классиках»: «жил и умру в их лагере» [Там же. С. 133].

Размышляя о «национальной сущности русской жизни» [16. С. 208], находясь «в поисках нравственных ориентиров» [1. С. 81], писатель разворачивает в повести «Вешние воды» типологию мироощущения русского человека за границей. Тургенев обращается к проблемам нравственно-философского характера, выявляя в их содержании черты глубокого драматизма. Через описание чувства любви решаются вопросы общечеловеческого свойства.

Главный герой «Вешних вод» Дмитрий Санин представляет собой тип обыкновенного человека: он родился в провинции – «полустепных краях» [17. Т. 8. С. 280], получил стандартное образование («глуп не был и понабрался кое-чего») [Там же] и решил определиться чиновником на службу – возложить на себя «казённый хомут». Его поездка за границу не преследует высоких целей (учёба в университете, постижение немецкой философии, приобщение к идеалам времени). Она объясняется просто и обыденно: «...по смерти отдаленного родственника, оказалось несколько тысяч рублей – и он решился прожить их за границею» [Там же. С. 257]. Автор-рассказчик подчёркивает в облике Санина принадлежность к русскому типу. Знакомя семью Розелли с Россией, герой рассказывает прежде всего «о русском климате, о русском обществе, о русском мужике» [Там же. С. 264], исполняет русскую народную песню «По улице мостовой» и романс «Сарафан» на фольклорный мотив. Сам он сравнивается автором с «привитой яблоней в наших чернозёмных садах» [Там же. С. 281] и с «выхоленным трёхлеткой» конских заводов [Там же].

Эту «непримечательную» личность Тургенев помещает в контекст любовного чувства, развивающегося в двух формах – высокой, несущей гармонию, и низкой, приносящей боль и страдание. Поочерёдное столкновение Санина с каждой из них и выявленная при этом его несостоительность характеризуют героя как «слабого человека». Слабость определяет всю дальнейшую драму жизни Санина.

Эстетика изображения любви между Джеммой и Саниным закономерно отсылает к трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». Описание нежной страсти венеонских возлюбленных отвечает поэтическому рисунку сердечных переживаний в повести Тургенева. Моделируя итальянские характеры и помещая их в любовную ситуацию, Шекспир, во-первых, в процессе развития интимного чувства показывает становление личности, «рост души» [18. С. 96–97], а во-вторых, через противопоставление личной гармонии внешней деструкции раскрывает драму человеческого существования. Тургенев, также обращаясь к ярким итальянским типам и помещая человека в стихию чувства, обнаруживает антонимичную природу самой любви. Столкновение двух противоречивых начал в пределах одного человеческого чувствования приводит к трагическим последствиям.

Описывая тяжёлое душевное состояние своего персонажа, Тургенев приводит в качестве яркой и

ёмкой характеристики выражение «taedium vitae» – отвращение к жизни. Однозначно причисляя эту формулу к словесному творчеству древних римлян, писатель соотносит психологическое состояние Санина с тоской и меланхолией античного человека. Особенностью своего мироощущения герой вписывается в общекультурный, исторический план.

Латинскому изречению «taedium vitae» в 1911 г. было специально посвящено диссертационное исследование американского учёного Клары Томпсон [19], которая проанализировала римские надгробные надписи на предмет их смысловых пересечений с этим выражением. Ей же, по всей видимости, принадлежит первая попытка отыскать его письменные источники, среди которых выделяются «Аттические ночи» Авла Геллия – абсолютное соответствие («eos tamen, qui ad Hannibalem non redissent, usque adeo intestabiles invisosque fuisse, ut taedium vitae (здесь и далее курсив мой. – И.В.) серент, несемque sibi consciverint») [19. Р. 1] и «Письма к Аттику» Цицерона – частичное соответствие («audivimus nihil aliud nisi imperata epikephalaia solvere non posse, onas omnium venditas, civitatum gemitus, ploratus, monstra quaedam non hominis sed ferae nescio cuius immanis. quid quaeris? taedet omnino eos vitae») [Там же]. Римские тексты К. Томпсон изучала по «Своду латинских надписей» (*Copius Inscriptionum Latinarum*), который составлялся под непосредственным руководством Теодора Моммзена – автора «Истории Рима» (см. выше).

О роли и месте латинского выражения «taedium vitae» в повести Тургенева впервые заговорил А.Н. Егунов. Исследователь показал, что это словосочетание не принадлежало к числу тех латинских выражений, которые в русском культурном пространстве XIX в. стали афористичными, поскольку в предшествовавшей и современной Тургеневу русской литературе оно не встречается. Егунов делает предположение, что писатель заимствовал его из «языкового обихода образованных кругов Запада» [7. С. 188], в частности французских. Вслед за К. Томпсон ленинградский учёный приходит к выводу, что дошедшая до нас римская литература даёт лишь один единственный пример точного употребления выражения «taedium vitae» – «Аттические ночи» Авла Геллия, который в свою очередь ссылается на несохранившееся свидетельство Корнелия Непота.

Однако это заключение нуждается в существенной корректировке, поскольку изречение «taedium vitae» встречается не только в сочинении Геллия. Эта латинская формула также присутствует в «Анналах» Корнелия Тацита, которого Тургенев активно читал в 1856 г. и которого цитировал в своих письмах во время работы над повестью. В 25-й главе VI книги «Анналов» древнеримский историк, описывая кончину Агриппины, говорит о «гнусном обвинении», которое на неё возвёл Тиберий: «...она сожительствовала с Азинием Галлом и после его смерти впала в отвращение к жизни» [20. С. 165] («impudicitiam arguens et Asinium Galium adulterum, eiusque morte ad taedium vitae conpulsam») [21. Р. 575].

Русский дворянин поглощён мыслями «о суете, ненужности, о пошлой фальши всего человеческого»

[17. Т. 8. С. 255], его разъедает страх смерти и тяготит ожидание неизбежного конца. Ощущение предопределенности и обречённости людского существования роднит героя с человеком античного мира, убеждённого в абсолюте действия судьбы, рока. Пересечение смысла выражения «taedium vitae» в тексте сочинения Тацита с проблематикой образа Дмитрия Санина происходит ещё и в рамках темы любви и измены. Важно, что эту формулу Тургенев употребляет по отношению к самому себе. В философском письме от 27 октября (8 ноября) 1872 г. к Гюставу Флоберу, пронизанном семантикой увядания и бессилия, он посредством его характеризует свои ощущения – «неприязнь и отвращение ко всему на свете», «грусть пятидесятилетних» [11. Т. 12. 276–277].

Санинское «taedium vitae» настоящего сопрягается с воспоминанием об «итальянском» периоде его жизни, прошедшем под знаком любви к Джемме. Образ семьи Розелли несёт в себе представление о гармонии существования, которая может быть достигнута человеком. Высокая образность включает в себя элементы простого и обыкновенного, естественного и непосредственного. Однако эта обыкновенность за счёт развёрнутого автором культурного фона получает дополнительное звучание и углубленное значение.

На протяжении всего повествования в произведении несколько раз возникает мотив античной статуи. В начале повести, когда Санин впервые знакомится с итальянскими героями, Эмилио и Джемма уподобляются изваяниям античных мастеров. Находящийся в обмороке мальчик своей неподвижностью и бледностью схож с «древним мрамором», лоб оказывается «окаменелым», а брови «неподвижны и тонки» [17. Т. 8. С. 258]. В «мраморном» облике Эмилио можно усмотреть отсылку к статуе Аполлона Бельведерского. Воплощенные в ней античные идеалы красоты, совершенства линий находят своё отражение в тургеневском описании итальянского юноши. Не случайно рассказчик отмечает сходство Эмилио с девушкой («мальчик, лет четырнадцати, поразительно похожий на девочку») [Там же. С. 255], а затем несколько раз подчеркивает красоту его лица, напоминающего облик Джеммы.

Мрамор как материал античного искусства и искусства вообще имел для Тургенева особую значимость – он символизировал само художественное творчество, полное жизни, природы, силы, лёгкости, вечности и вдохновения⁶. Тургеневское восприятие пластического искусства сложилось во многом под влиянием эстетики Гёте – здесь важно сказать о его «Итальянском путешествии»⁷. Кроме того, мрамор для русского писателя был главным (скulptурным) средством отображения полноты психологии запечатлённого образа. Он говорит об этом в «Заметке <о статуе Ивана Грозного М. Антокольского>»: «мрамор гораздо способнее передать всю тонкость психологических черт и деталей» [17. Т. 10. С. 261].

Описывая внешний облик Джеммы, автора поражает цвет её лица – «ровный и матовый» [17. Т. 8. С. 260], который напоминает «слоновую кость или молочный янтарь» [Там же] – материалы, имеющие большую ценность ещё с античных времён. Имя де-

вушки повествователь расшифровывает как «драгоценный камень». Гемма (от лат. *gemma*) – это жанр мелкой античной пластики (глиптики), представляющий собой барельефное изображение на драгоценном камне. В древности в качестве одного из материалов для гемм использовали и янтарь.

Волосы Джеммы, «темные, лоснистые кудри» [17. Т. 8. С. 273], не раз упомянутые в авторском описании, уподобляются волнистым локонам ветхозаветной героини и спасительницы целого народа Юдифи. Рассказчику на память приходит полотно Кристофano Аллори, знаменитого флорентийского живописца. Юдифь на картине Аллори спокойна, горделива и величава, она будто позирует художнику, демонстрируя свою силу и торжество только что свершившейся победы над Олоферном.

Эта поза победного торжества, когда Юдифь на вытянутой руке демонстрирует отрубленную голову своего врага, крепко держа её за волосы, значимо отзовётся в конце повести Тургенева. С подобным ликованием празднует свою победу Марья Николаевна Полозова: Санин «с отчаянием и припал к рукам своей властительницы. Она высвободила их, положила их ему на голову и всеми десятью пальцами схватила его волосы. Она медленно перебирала и крутила эти безответные волосы, сама вся выпрямилась, на губах змеилось торжество...» [Там же. С. 377].

Характер зеркальной повторяемости в повести имеют и другие детали. Так, лес сначала становится местом дуэли, отстаивания чести Джеммы, а затем он получает абсолютно противоположное наполнение – как топос падения Санина, совершения предательства. Гранатовый крестик, который Джемма передала Санину в знак своей любви и верности, перекликается с красным деревянным крестом, повстречавшимся двум любовникам. Наконец, вихрем налетевшая гроза в момент вспыхнувшего чувства между Саниным и Джеммой столь же внезапно захватит главного героя и Полозову в лесу.

В характеристике Джеммы писатель соединяет черты античного (скульптура) и ренессансного (живопись) искусств, не разделяя их, а дополняя одно другим. Во время третьего свидания с Джеммой Санин отмечает блеск глаз, бледность и «классическую строгость» черт лица. Особенно он любуется «изящной красотой её рук» [Там же. С. 273], которая снова рождает ассоциации с шедеврами итальянского Возрождения. «Гибкие и длинные и отделенные дружка от дружки» [Там же] пальцы напомнили рассказчику легендарную возлюбленную и натурщицу Рафаэля Форнарину. По преданию, художник изобразил её на двух картинах – «Донна Велата» («Дама с вуалью») и «Форнарина». Тургенев был знаком с обоими полотнами. Из переписки Станкевича очевидно, что в 1840-м г. писатель посетил римский Палаццо Боргезе⁸ (Palazzo Borghese), в галерее которого находилась «Форнарина»⁹. А в марте 1858-го г. он побывал во флорентийском Палаццо Питти (Palazzo Pitti), где особое внимание обратил именно на «Донну Велату» [11. Т. 3. С. 307].

Вероятно, именно к этим двум картинам и отсылает Тургенев, перенося разницу запечатлённых Рафаэлем образов в свою повесть. «Донна Велата», изобра-

жающая молодую итальянскую девушку под покрывалом, отсылает к портрету Джеммы, столь же яркому, чистому, дышащему жизнью, но не лишённому стыдливости и природной скромности. А «Форнарина», рисующая полуобнажённую девушку с широкими и светлыми глазами, прямо пересекается с описанием Полозовой.

Эстетика Античности и Возрождения, явно прослеживаемая в образах Эмилио и Джеммы, символизируют вечную красоту и юность, которые определяют «вектор развития человечества» [1. С. 76]. Они являются знаками естественной, природной жизни, которая, с одной стороны, наполнена гармонией единённого существования, а с другой – не лишена и страсти, высокой героики. Вторгнувшийся в мир итальянского спокойствия Санин нарушает его размежеванный ход жизни. В Джемме, прежде готовой стать женой немецкого бургера, он пробуждает силу и страсть чистой любви. А после его измены привычный мир девушки рушится, она теряет практически всё: свадьба расстроена, а близкие один за другим умирают. Переезд в Америку вновь приносит Джемме тишину и спокойствие семейного счастья (всё-таки выйдя замуж за негоцианта). Её дочь Марианна символизирует своеобразный новый, ещё неизвестный вариант развития истории своей матери.

Для Эмилио, по-детски непосредственного, впечатлительного и сентиментального, Санин стала кумиром, предметом обожания. Герой избавил юношу от необходимости жертвовать свободой творчества ради карьеры купца. После санинского предательства и бегства Эмилио оказывается в рядах освободителей родины и погибает «славной смертью» под предводительством Гарибальди. Наивность ребёнка превратилась в самоутверженность воина.

Особый культурно-исторический план создают и другие итальянские персонажи повести. Например, нужно отметить знаковость имени отца Джеммы – Джованни Баттиста. Во-первых, с итальянского языка его можно перевести как Иоанн Креститель – Giovanni (il) Battista. Библейская история об усекновении головы Иоанна Крестителя вновь отсылает к сцене торжества Марии Николаевны, здесь возникает параллель её образа с царицей Иродиадой. К этой фигуре Тургенев вновь обратится в 1877 г., когда будет заниматься переводом новеллы Флобера. Во-вторых, учитывая особый интерес Тургенева во время пребывания в Риме к древним развалинам и руинам, можно предположить, что в номинации персонажа делается отсылка к Джованни Баттиста Пиранези, который так же, как и герой повести, родился близ области Венеция. Среди многочисленных работ знаменитого архитектора и графика особенно выделяются гравюры с запечатлёнными на них руинами античного мира [23], которые так любил осматривать в Риме Тургенев.

По словам фрау Леноре, Джованни Розелли – «хороший, хотя немного вспыльчивый и заносчивый человек» [17. Т. 8. С. 263] – оказывается республиканцем, что ассоциативно связывает его с карбонариями. Так как основное действие повести происходит летом 1840 г., а Джованни Баттиста «двадцать пять лет тому назад поселился во Франкфурте в качестве

кондитера» [17. Т. 8. С. 263], то этот переезд из Италии в Германию можно привязать к 1815 г. В указанный период страна находилась в очень сложном положении: «Свержение Наполеона не принесло Италии национального освобождения. Французский гнет сменился теперь австрийским» [24. С. 25]. Будучи членом тайной организации, Джованни Розелли, вероятно, покинул родину именно из-за наступившей реакции, когда Венский конгресс «открыл собой один из наиболее мрачных периодов в истории Италии» [25. С. 229].

Кроме того масляный портрет покойного Джованни Баттиста вносит в его образ характеристику «сумрачного и сурового бригантата» [17. Т. 8. С. 263], разбойника, похожего на героя романа Кристиана Вульпиуса (шурина Гёте) – Ринальдо Ринальдини. «Разбойничья» сторона Джованни Розелли также уходит своими корнями в историю Италии начала XIX в. Здесь очевидна отсылка к деятельности «“бандитских” отрядов» 1806–1811 гг. [24. С. 16], когда страдавшие от тяжёлых условий французского господства бедняки и крестьяне принялись «грабить и уничтожать дома самых богатых жителей» [Там же. С. 17]. Причём между разбойничими «крестьянскими отрядами и первыми карбонарскими организациями <...> существовали известные связи» [Там же. С. 18]. Сравнение с Ринальдо Рональдини романтизирует образ Джованни Баттиста, усиливая ореол благородного разбойника.

В истории г-жи Розелли значимой деталью оказывается город Парма, где «находится такой чудный купол, расписанный бессмертным Корреджио» [17. Т. 8. С. 263]. На внутренней стороне купола Пармского собора Антонио Корреджио поместил фреску «Вознесение Богоматери». С изображением Богоматери перекликается усиленное материнское чувство фрау Леноре. Будучи вдовой, она взяла на себя двойную ответственность за всю семью. Поэтому в повести особенно подчёркивается её стремление как можно благополучней устроить будущее своих детей: Эмилио определить по торговой части, Джемму удачно сочетать с Клибером.

Друг семьи Розелли – Панталеоне Чиппатола из Варезе¹⁰, истовый ревнитель родной культуры и столь же сильный ненавистник всего немецкого, именем и своеобразием характера связан с историей площадного театрального искусства Италии. В комедии дель арте есть «сатирически-обличительные маски господ, составляющие буффонную основу действия» [26. С. 221] – основным типом этой группы является Панталоне. Эта комическая фигура в общих чертах представляет собой старого купца, большого и хилого (с подагрой или ревматизмом), который «хромает, охает, кашляет, чихает, сморкается, болеет животом» [27. С. 102]. Когда-то Панталоне «был полон жизни и боевого задора. Он был молод и смел» [Там же. С. 104], теперь же сделался объектом меткой сатиры. Герой считает своё мнение единствено верным («кладезь мудрости и жизненного опыта») [Там же. С. 107], а если у него есть дети, то он по-своему «старается устроить их судьбу» [Там же. С. 106]. Панталоне выделяется своим красным костюмом, его маска «землистого цвета, длинный, горбатый нос, седые усы, седая борода» [Там же. С. 104].

Органично соответствует многим признакам этого типа и герой повести Тургенева. Старый и хворый Панталеоне Чиппатола с неизменным восхищением обращается к годам своей молодости, когда он был оперным певцом: получил «однажды в Модене лавровый венок» [17. Т. 8. С. 266] или «кимел честь и счастье петь вместе» [Там же] с великим Гарсиа в опере Россини «Отелло». Ему свойственно брюзжание, недовольство современными нравами и желание поучать молодых людей. Он отлично говорит на итальянском языке, поскольку был родом из области, где широко распространён тосканский диалект. Именно через Панталеоне в текст повести в большом количестве входит итальянская речь. Немецкий же язык знает плохо, использует из него лишь некоторые ругательства, которые очень сильно коверкает. Что касается внешности, то Панталеоне выглядит так, будто надел на себя костюм площадного лицедея: лиловый фрак, короткие панталоны, синие чулки. Как и герой комедии дель арте, он страдает недугом – подагрой, из-за чего ходит очень медленно и неуклюже. Лицо его, совершенно исчезавшее «под целой громадой седых, железного цвета волос» [Там же. С. 259], находится словно под маской актёра. За этой карнавальной «ширмой» можно было различить только «заострённый нос да круглые жёлтые глазки» [Там же].

По-своему Панталеоне участвует и в деле счастливого соединения двух влюбленных. Сначала он передаёт Санину «записочку» от Джеммы, а затем выступает в роли его секунданта на дуэли с Дёнгофом. Наконец, он принимает сторону молодых людей, когда те объявляют о своих чувствах г-же Розелли. В дуэльной сцене Панталеоне играет трагикомическую роль. Сначала его охватывает порыв воодушевления, он полон страстного энтузиазма, но затем на смену этим чувствам приходит страх: изо всех сил пытаясь сохранить свой *il antico valor*, герой в итоге утрачивает спокойствие и впадает в отчаяние. Благополучный исход дуэли приводит Панталеоне в восторг, его захватывают гордость и самодовольство.

Панталеоне повсюду сопровождаем курчавым пуделем со столь же знаковым именем Тарталья. Этот персонаж народного театра принадлежит к той же группе масок, что и Панталоне. Ему досталась роль, связанная с дефектом речи – заиканием. Мaska Тартальи должна была «комически изобразить борьбу персонажа» [27. С. 148] с этим своим недостатком. Несмотря на то что в повести Тургенева именем Тартальи назван вовсе не человек, а пудель, черты этой маски в нём всё-таки угадываются. Прежде всего это проявлено в его особой живости и возбуждённом состоянии. Практически в каждый момент своего появления в повествовании он находится в движении: «усиленно вертя хвостом, с любопытством оглядывал» [17. Т. 8. С. 259], «припал на передние лапы и принял лаять» [Там же. С. 260], «чибал от удовольствия» [Там же. 262], «прыгал через палку, “говорил”, то есть лаял, чибал, запирал дверь носом» [Там же. С. 279]. Пудель Тарталья даже участвует в разыгрывании небольшого представления: «с старым кивером на голове, представлял маршала Бернадотта, подвергающегося жестоким упрекам императора Наполеона

за измену» [Там же]. Своим появлением он вносит суматоху, беспорядок, равно как и веселье, смех.

С народным итальянским театром, с комедией дель арте Тургенев был прекрасно знаком, хорошо знал состав и особенности её комических фигур. Посетив в 1840 г. Неаполь, писатель случайно забрёл на народные представления в гавани – своеобразный отголосок commedia dell'arte. Он писал об этом в письме к Н.В. Станкевичу от 14, 15 (26, 27) апреля 1840 г.: «В четвертом кружке был Пульчинелла; к Петрушке приходил Доктор и перед появлением пел: "Vengo, vengo-vengo, vengo, vengo, quá...", а там густым басом: "Chi il diavolo sará!". Доктор входит, кланяется и поет: "Sapete chi son io?". Петрушка раскланивается и знакомится. На сцену приносят больного, и Доктор берет его в объятья и носится с ним, повторяя: "Povero giovenotto!"» [11. Т. 1. С. 150].

Об уличном представлении с участием Пульчинеллы Тургенев также упоминает в письме к Т.Н. Грановскому от 26 апреля (8 мая) 1840 г.: «...но Рим, но Неаполь! Стоит прогуляться на molo вечером: вот аббат проповедует крикливым голосом, показывая на Христа, окровавленного всюду, на каждом сгибе – и мелкие деньги сыплются на тарелку, разносимую капуцином, из карманов православных; вот шарлатан; вот импровизатор; вот pulcinello. <...> Между импровизаторами есть люди замечательные: особенно один, безногий – чрезвычайно похожий на Мирабо. Жаль, что я не мог понимать неаполитанского наречья: в фарсах pulcinelli много истинно комического» [Там же. С. 154–155]. Позже тургеневские впечатления о народном театре Италии вошли в очерк «Человек в серых очках» (1879): «...когда я жил в Неаполе – на тамошнем народном театре такие водились молодцы... прелест! Да всякий итальянец – актер. У них это в натуре...» [17. Т. 11. С. 101].

Особый пласт итальянского текста в повести «Вешние воды» представляют фигура Публия Вергилия Марона и его эпическая поэма «Энеида». Тургенев, владевший древними языками, был знаком со всеми сочинениями Вергилия, он цитирует их в своих произведениях и письмах. В разное время он по-разному относился к творчеству древнеримского поэта. В конце 1840-х гг. называет всю латинскую литературу, включая и Вергилия, «искусственной и холодной», нарекает «литературой для литераторов» [11. Т. 1. С. 428]. А тридцать лет спустя, в 1873 г., писатель «снова и с немалым удовольствием» [11. Т. 12. С. 209] перечитывает древнеримского поэта, приходя к заключению, что он «смелый новатор и романтик» [Там же. С. 221]. Последняя характеристика имеет концептуальное значение, поскольку во многом определяет эстетико-философскую позицию Тургенева.

Во второй части «Вешних вод» появляется новая героиня – Марья Николаевна Полозова, вместе с которой в художественное пространство повести и входит Вергилий: любовная линия Энея и Диодонь включается «в сюжетное развитие повести» [7. С. 184]. Четвёртая песня вергилиевой поэмы накладывается на главы XL и XLII тургеневской повести. Схематически соответствия между двумя произведениями можно выстроить следующим образом: место действия – лес

и горы; фон – гром и дождь (гроза); герой находится в поиске, стремится обрести своё счастье; внезапно ему преграждают путь, его изначальные намерения нарушаются; любовное чувство выступает под знаком сильного влечения – страсти.

Центральным моментом схождения повести Тургенева с текстом Вергилия оказываются дважды повторённые Полозовой слова о Диодоне и Энее. Одним из связующих элементов здесь оказывается мотив охоты. С одной стороны, в поэме древнеримского автора охота предполагает собой совершенно конкретную ловлю диких животных, ради чего герои забираются на «высокие горы и в чащу лесную» [28. С. 67], где их неожиданно застает гроза. С другой стороны, охота здесь – это стремление богов поймать Энея и Диодону в свои «сети», заставить их следовать своей воле. Такими охотниками выступают Венера и Юнона – первая хочет оградить сына от дальнейших опасностей, а вторая желает не допустить строительства Рима, соперника Карфагена.

Этот мотив в изменённом виде имеет место и в «Вешних водах». Герои Тургенева, безусловно, звероловством в горах и в лесу не занимаются, но, что очень важно, Марья Николаевна задаёт Санину вопрос: «что значит: охотиться по брызгам?» [17. Т. 8. С. 373]. В момент их бешеной скачки по сначала влажному, а потом болотистому лугу она вспоминает своего дядю – псового охотника, и всё происходящее сравнивает именно с периодом вешней охоты. Это сравнение получает твёрдое основание уже на уровне «любовной охоты»: Полозова выступает в роли охотника, а Санину достаётся участь жертвы, добычи. Как у Вергилия судьба героев оказывается всецело в руках вышних сил, так и у Тургенева Марья Николаевна играет будущностью Санина, расставляет силки, в которые он вскоре и попадается. Судьба Энея и Диодонь изначально предопределена божественной волей, а печальный исход любви Санина и Джеммы был предрешён уже при первой встрече героя с Полозовой. Вместе с тем «искушение» главного героя проходит в рамках привычного спора между Марьей Николаевной и её мужем.

«На прикормку пошёл, подаётся» [Там же. С. 367] – так Полозова мысленно обозначает для себя момент перелома, когда Санин, наконец, начинает подчиняться ей. Уединившись в небольшой тёмной комнатке за ложей в театре (своеобразный предвариант пещеры Диодонь и Энея), герои завязывают спор, и в этой обстановке «его лицо и её лицо сближались, его глаза уже не отворачивались от её глаз... эти глаза словно блуждали, словно кружили по его чертам...» [Там же]. Полозова словно гипнотизирует Санина своими глазами – здесь предельно проявляется «змеиная» природа героини. Фамилия Полозовой образована от полисемантического слова «полоз», обозначающего, во-первых, «гладкий, скользящий, загнутый спереди брус, пластину» [29. С. 492], а во-вторых – «змею из семейства ужей» [Там же]. Первое значение акцентирует смысловую связь двух фамилий: Полозова – полозья, Санин – сани. Всё это включается в символику скольжения, вихревого спуска, сумасшедшего бега, скачки. Однако более продуктивным оказывается

второе значение, поскольку в описании Мары Николаевны троекратно подчёркивается «змеиный» элемент: сначала отмечается «змеевидность» её кос [17. Т. 8. С. 358], затем, поражаясь притворством и изворотливостью Полозовой, герой восклицает: «Змея! ах, она змея! <...>, – но какая красивая змея!» [Там же. С. 367]. Наконец, в момент победы над Саниным на «вкусных» губах Мары Николаевны «змеилось торжество» [Там же. С. 377]. Эпизод в театральной комнатке ассоциативно напоминает сцену змеиной охоты, а завораживающий взгляд героини отсылает к безвеким и оттого неспособным мигать глазам змеи.

Заметно усилено в повести сходство между Полозовой и Дионой. Во-первых, подчёркивается «царственная» сущность героини, которая проявляется, прежде всего, через фиксацию телесности её облика – обаяние «мощного, не то русского, не то цыганского, цветущего женского тела» [Там же. С. 344]. При первой встрече с Марьей Николаевной особое впечатление на Санина производит вид её «прелестной шеи, удивительных плеч, удивительного стана» [Там же]. Находясь с ней рядом, он невольно вдыхает «теплоту и блаженство её роскошного тела» [Там же. С. 367]. Порядка пяти раз Санин применяет к Полозовой обозначение «барыня»: «эта барыня хоть куда» [Там же. С. 344], «потакать капризам этой богатой барыни» [Там же. С. 346], «эта барыня завладела им», «эта барыня явно дурачит его» [Там же. С. 358], «навсегда расстанется с этой взбалмошной барыней» [Там же. С. 370]. Показательно, что именно по отношению к Полозовой и только единожды герой использует слово «госпожа» в полном, не сокращённом варианте – «эта госпожа Полозова» [Там же. С. 357].

Во-вторых, писатель представляет из Мары Николаевны изгнанницу. Но если у Вергилия Диона была предана собственным братом, то изгнанничество Полозовой имеет иной характер. Марья Николаевна относится к типу «роковой женщины» (*femme fatale*), Тургенев изображает её хитрой и коварной обольстительницей, равнодушной к чужому счастью или несчастью. Свою «светскую» жестокость она оправдывает стремлением к полной свободе, но это также и своеобразная оборона против всего окружающего, Полозова словно мстит миру и каждому его представителю в отдельности за что-то глубоко личное, индивидуальное. Лишь однажды проглянула на свет частица этой внутренней тайны. Во время уединённой беседы в театре в глазах Мары Николаевны «мелькнуло что-то похожее на робость, похожее даже на грусть» [Там же. С. 366]. На одно мгновение про-

мелькнувшие чувства Полозовой заявляют проблему её трагического существования.

Подтверждением и дополнением этого служат собственные воспоминания героини о любви к служке Донского монастыря и домашнему учителю, знание латыни и поэмы Вергилия, а также гордое признание своего плебейского происхождения – прямой принадлежности к народному типу. Генетически образ Мары Николаевны можно возвести к Евлампии Харловой, дочери степного короля Лира из одноимённой повести. Гордая и непокорная, властная и жестокая, Евлампия Мартыновна после смерти отца покидает свой степной дом (как и Полозова), становится чем-то вроде Богородицы у хлыстовцев-раскольников. Пресыщение властью отмечает в Евлампии герой-рассказчик во время своей последней встречи с ней – точно таким же пресыщением исполнен и образ Мары Николаевны.

Таким образом, опинаясь на художественную традицию Уильяма Шекспира в создании ярких национальных типов, Тургенев в «Вешних водах» формирует совершенно особый культурно-исторический пласт, призванный во всей полноте раскрыть своеобразие итальянской натуры. Италия в повести оказывается символом идеального, а представленный ею тип человеческой личности отвечает идею гармонического существования. Эстетика Античности и Возрождения, героика Рисорджименто, элементы *commedia dell'arte* – всё это оказывается средством создания итальянского «текста», в который Тургенев помещает своего обыкновенного героя.

Осенью 1871 г., когда писатель занимался окончательной доработкой рукописи «Вешних вод», к нему пришло известие о смерти Н.И. Тургенева. М.М. Стасюлевич попросил Тургенева написать «некрологическую статью о нашем почтенном Николае Ивановиче» [11. Т. 11. С. 158]. Просьба была исполнена незамедлительно – спустя неделю некролог был отправлен редактору «Вестника Европы». Быстро, с которой Тургенев подготовил статью, и её содержание красноречиво свидетельствуют о том, насколько важной для него являлась в это время личность знаменитого декабриста-изгнанника. Писатель характеризует его как выразителя «коренной русской сути» [17. Т. 11. С. 182], видит в нём воплощение идеального служения «столь любимому им русскому народу» [Там же]. Представления о Н.И. Тургеневе как идеальном национальном типе и изображение гармонического через галерею итальянских образов значимо соположены в период активных поисков героя времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее полное представление о местах пребывания Тургенева даёт Указатель, составленный редакторами Полного собрания писем (см. тома 1 и 3). Эти данные подкрепляются материалами «Летописи жизни и творчества Тургенева». Кроме того, писатель сам в отдельных письмах выстраивает маршрут своего путешествия по Италии.

² Замок Сант-Эльмо (castel Sant'Elmo) в русской истории известен главным образом тем, что в нём на протяжении долгого времени скрывался от гнева своего отца царевич Алексей. Особой тайной овеяны причины, побудившие Алексея Петровича покинуть своё надёжное укрытие [12]. Впервые весь массивный комплекс исторических материалов по делу сына Петра I был опубликован в 1859 г. Н.Г. Устряловым.

³ Возобновляя переписку с Тургеневым, С.Т. Аксаков 20 декабря 1857 г. с воодушевлением писал ему о грядущих изменениях: «...мне хочется убедить Вас, что Вы должны немедленно воротиться в Россию. Мы переживаем теперь великое время. Важность события требует, чтобы каждый русский, образованный и благонамеренный человек, был на своем месте, не в качестве помещика (что также весьма недурно), а в качестве члена общества. <...> Если только здоровье Ваше позволяет, присаживайтесь к нам, любезнейший Иван Сергеевич. Нельзя жить на чужой стороне, когда решается судьба родины» [14. С. 346–347].

⁴ 5 декабря 1857 г. А.Н. Майков отправил Тургеневу очень эмоциональное письмо, которое тот из-за неверно указанного адреса так и не получил. Текст письма сохранился и воспроизводится по воспоминаниям Л.П. Шелгуновой: «Подумайте, в какое время мы живём! Старое борется с новым. Новое само по себе представляет хаос <...> бросьте всё в Европе, бегите к нам скорее, Вы – Антей, сын родной земли, скорей ступите пятою своею на родную, и прежние силы и молодость, с прибавкою возмужалого ума, опять пробегут живительной искрой в Вашей душе. Бросьте всё там! Возвращайтесь сюда! Здесь строится, нужны работники – а главного артельщика и нет!..» [15. С. 87–88].

⁵ Пешкова Александра Николаевна (1842–1918) – русская писательница, участвовала в походах Дж. Гарибальди в качестве сестры милосердия.

⁶ В письме к Т.Н. Грановскому от 18 (30) мая 1840 г. Тургенев писал: «Скажу Вам на ухо: до моего путешествия в Италию мрамор статуи был мне только что мрамор, и я никогда не мог понять всю тайную прелесть живописи» [11. Т. 1. С. 154].

⁷ В «Итальянском путешествии» Гёте писал: «Мрамор удивительный материал, поэтому Аполлон Бельведерский так бесконечно радостен в подлиннике, тогда как высокое дыхание живого, свободного, вечно юного создания тотчас исчезает даже в наилучшем гипсовом слепке» [22. С. 77].

⁸ Н.В. Станкевич в письме к Е.П. и Н.Г. Фроловым от 19 марта 1840 г. писал: «Недавно осмотрели мы Palazzo Borghese, где много хороших картин. Особенно – «Рафаэлево снятие со креста»» [13. С. 691].

⁹ 5 апреля 1840 г. Н.В. Станкевич в письме к Е.П. и Н.Г. Фроловым описывал прогулку по Villa Borghese в ожидании открытия галереи: «Тургенев охотился за ящерицами, Ефремов отчасти тоже, Марков занимался изысканием: под каким деревом Рафаэль сидел с Форнарино?» [13. С. 702].

¹⁰ В окрестностях города Варезе, к которому себя относит Панталеоне, в мае 1859 г. произошло сражение между войсками Сардинии под командованием Дж. Гарибальди и отрядами австрийской армии. Сражение закончилось победой Гарибальди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жилякова Э.М. Зеленоватое море больших дорог... (И.С. Тургенев и Вергилий) // Европейские исследования в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 72–91.
2. Данилевский Р.Ю., Тиме Г.А. Германия в повестях «Ася» и «Вешние воды» // И.С. Тургенев: вопросы биографии и творчества. Л. : Наука, 1982. С. 80–95.
3. Муратов А.Б. Повести И.С. Тургенева 1867–1871 годов. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. 180 с.
4. Полякова Л.И. Повести И.С. Тургенева 70-х годов. Киев : Наукова думка, 1983. 191 с.
5. Курляндская Г.Б. Особенности реализма И.С. Тургенева (на материале повести «Вешние воды») // Второй межвузовский тургеневский сборник / отв. ред. А.И. Гаврилов. Орёл, 1968. С. 3–35.
6. Курляндская Г.Б. Психологизм в повести Тургенева «Вешние воды» // Спасский вестник. Орёл, 2002. Вып. 9. С. 5–20.
7. Егунов А.Н. Вешние воды. Латинские ссылки в повести Тургенева // Тургеневский сборник. Л. : Наука, 1968. Т. 4. С. 182–188.
8. Ромашенко С.А. Итальянский вариант тургеневской девушки (повесть «Вешние воды») // Италия в русской литературе / под ред. Н.Е. Меднис. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2007. С. 86–95.
9. Трофимова Т.Б. Тургенев и Данте (к постановке проблемы) // Русская литература. 2004. № 2 С. 169–182.
10. Крестова Л.В. Примечание к повести «Вешние воды» // И.С. Тургенев Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения. Т. 8. М. : Наука, 1981. С. 500–531.
11. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1982 (издание продолжается).
12. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. Тайна замка Сант-Эльмо: неаполитанский текст в реальной и литературной истории царевича Алексея Петровича // Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX века. Салерно, 2014. С. 28–52.
13. Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / ред. и изд. А.А. Станкевича. М., 1914. 785 с.
14. Переписка И.С. Тургенева : в 2 т. М. : Худож. лит., 1986. Т. 1. 606 с.
15. Шелгунова Л.П. Из далёкого прошлого // Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. Воспоминания : в 2 т. М. : Худож. лит., 1967. Т. 2. С. 7–256.
16. Бяль Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л. : Сов. писатель, 1990. 640 с.
17. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1978–1986.
18. Морозов М.М. Избранное. М. : Искусство, 1979. 667 с.
19. Clara L. Thompson. *Taedum vitae in Roman sepulchral inscriptions*. Saint Louis, 1911. 64 р.
20. Корнейлий Тацит. Сочинения в двух томах. Том первый. Анналы. Малые произведения. Л. : Наука, 1969. 443 с.
21. Taciti P. Cornelii Annalium ab excessu divi Augusti libri. Oxford, 1896. 612 р.
22. Гёте И.-В. Из Итальянского путешествия // Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 9. С. 7–240.
23. Торопов С.А. Джованни Баттиста Пиранези. Избранные офорты. М. : Изд-во Всесоюз. акад. арх., 1939. 136 с.
24. Ковальская М.И. Итальянские карбонарии. М. : Наука, 1977. 110 с.
25. Ревуненков В.Г. Италия после Венского конгресса. Революция 1848–1849 гг. (1814–1849) // Очерки истории Италии / под ред. М.А. Гуковского. М. : Учпедгиз, 1959. С. 229–256.
26. Бояджиев Г.Н., Дживелегов А.К. Итальянский театр // История западноевропейского театра. М. : Искусство, 1955. Т. 1. С. 145–253.
27. Дживелегов А.К. Итальянская народная комедия. *Commedia dell'arte*. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 299 с.
28. Энейда Вергилия. Перевод И.Г. Шершеневича // Современник. СПб., 1851. № 2. С. 41–80.
29. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1983. 816 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 марта 2017 г.

“ITALIAN TEXT” IN I.S. TURGENEV’S “TORRENTS OF SPRING” (1871)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/418/1

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Keywords: I.S. Turgenev; “Torrents of Spring”; Italy; Virgil; Shakespeare.

This paper focuses on I.S. Turgenev’s story “Torrents of Spring” (1871), representing the latest (post-reform) period of his work. In this story, the Russian writer creates bright Italian characters whose specificity is discussed in this article. Turgenev gives a special place to the Roselli family, which is emblematic of the lively and rich Italy. The family description provides a deep and wide image of the central character Dmitry Sanin, representing the new and “uncertain” times. Turgenev follows William Shakespeare’s artistic tradition creating bright national characters in “Torrents of Spring”. He makes an exclusively unique cultural-historical type to fully expose the distinction of the Italian spirit. In the story, Italy becomes the image of an ideal, and an Italian character is an ideal example of human existence. To make his “Italian text”, Turgenev addresses the Ancient and Renaissance aesthetics, the

Risorgimento heroic style and the elements of *commedia dell'arte*; they all are used as creative tools. The story finds to have numerous allusions to the history of Italy (The Carbonarist Movement, Giuseppe Garibaldi's activity) and to Italian culture (sculptures, oil paintings, theater and literature). The main character of the second part – Maria Nikolaevna Polozova – introduces the story *The Aeneid* by Virgil, which is an essential point for Turgenev's work interpretation. To a large extent, Turgenev's Italian aesthetics dates back to the author's immediate impressions after his two travels to the "severe Dante's" native land. Besides, the complex cultural situation in the Russia of 1870–1871 (post-reform crisis) and in Europe (the Franco-Prussian War, the Paris Commune) made Turgenev be in a tense search for a human ideal. In the course of his search, the writer addressed the Italian type. In both cases, the important material to discover Turgenev's artistic search is found in his letters. Reflecting on the "national essence of the Russian life", searching for "moral guidelines", Turgenev plays out a Russian person's view of life abroad in "Torrents of Spring". The writer addresses moral and philosophical problems and discovers the traits of a deep dramatism in them. The panhuman issues are solved via describing the feeling of love. The aesthetics of Gemma and Dmitry Sanin's love refers to the *Romeo and Juliet* tragedy by William Shakespeare. The description of the two Verona lovebirds' tender passion corresponds to the poetic image of the cordial feelings in Turgenev's story.

REFERENCES

1. Zhilyakova, E.M. (2004) Zelenovatoe more bol'shikh dorog... (I.S. Turgenev i Vergiliy) [Greenish sea of large roads . . . (I.S. Turgenev and Virgil)]. *Evropeyskie issledovaniya v Sibiri*. 4. pp. 72–91.
2. Danilevskiy, R.Yu. & Time, G.A. (1982) Germaniya v povestyakh "Asya" i "Veshnie vody" [Germany in the stories "Asya" and "Torrents of Spring"] In: *I.S. Turgenev: voprosy biografi i tvorchestva* [I.S. Turgenev: questions of biography and creativity]. Leningrad: Nauka.
3. Muratov, A.B. (1980) *Povesti I.S. Turgeneva 1867–1871 godov* [Stories by I.S. Turgenev of 1867–1871]. Leningrad: Leningrad State University.
4. Polyakova, L.I. (1983) *Povesti I.S. Turgeneva 70-kh godov* [Stories by I.S. Turgenev of the '70s]. Kiev: Naukova dumka.
5. Kurlyandskaya, G.B. (1968) Osobennosti realizma I.S. Turgeneva (na materiale povesti "Veshnie vody") [Features of Turgenev's realism (on the material of the story "Torrents of Spring")]. In: Gavrilov, A.I. (ed.) *Vtoroy mezhdunarodnyi turgenevskiy sbornik* [Second intercollegiate Turgenev collection]. Orel: Kn. izd-vo.
6. Kurlyandskaya, G.B. (2002) Psichologizm v povesti Turgeneva "Veshnie vody" [Psychologism in Turgenev's story "Torrents of Spring"]. *Spasskiy vestnik*. 9. pp. 5–20.
7. Egunov, A.N. (1968) Veshnie vody. Latinskie ssylki v povesti Turgeneva [Torrents of Spring. Latin references in Turgenev's story]. In: Izmaylov, N.V. & Nazarova, L.N. (eds) *Turgenevskiy sbornik* [Turgenev Collection]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
8. Romashchenko, S.A. (2007) Ital'yanskiy variant turgenevskoy devushki (povest' "Veshnie vody") [The Italian version of the Turgenev girl (the story "Torrents of Spring")]. In: Mednis, N.E. (ed.) *Italiya v russkoy literaturi* [Italy in Russian Literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
9. Trofimova, T.B. (2004) Turgenev i Dante (k postanovke problemy) [Turgenev and Dante (to the formulation of the problem)]. *Russkaya literatura*. 2 pp. 169–182.
10. Krestova, L.V. (1981) Primechanie k povesti "Veshnie vody" [Notes to the story "Torrents of Spring"]. In: Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. Vol. 8. Moscow: Nauka.
11. Turgenev, I.S. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
12. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2014) *Obrazy Neapolya v russkoy slovesnosti XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Images of Naples in Russian literature of the 18th – first half of the 19th centuries]. Salerno. pp. 28–52.
13. Stankevich, A.A. (ed.) (1914) *Perepiska Nikolaya Vladimirovicha Stankevicha. 1830–1840* [Correspondence of Nikolai Vladimirovich Stankevich. 1830–1840]. Moscow: Tip. A.I. Mamontova.
14. Baskakov, V.N. et al. (eds) (1986) *Perepiska I.S. Turgeneva: v 2 t.* [Correspondence of I.S. Turgenev: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozh. lit.
15. Shelgunova, L.P. (1967) Iz dalekogo proshloga [From the distant past]. In: Shelgunov, N.V., Shelgunova, L.P. & Mikhaylov, M.L. *Vospominaniya: v 2 t.* [Memories: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit.
16. Byalyy, G.A. (1990) *Russkiy realizm. Ot Turgeneva k Chekhovu* [Russian realism. From Turgenev to Chekhov]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
17. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
18. Morozov, M.M. (1979) *Izbrannoe* [The Selected]. Moscow: Iskusstvo.
19. Thompson, C.L. (1911) *Taedium vitae in Roman sepulchral inscriptions*. Saint Louis.
20. Tacitus, C. (1969) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
21. Taciti P. Cornelii. (1896) *Annalium ab excessu divi Augusti libri*. Oxford.
22. Goethe, J.W. (1980) Iz Ital'yanskogo puteshestviya [From the Italian Journey]. In: Anikst, A.A. (ed.) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Translated from German by N. Man. Vol. 9. Moscow: Khudozh. lit.
23. Toropov, S.A. (1939) *Dzhovanni Battista Piranezi. Izbrannye oforty* [Giovanni Battista Piranesi. Selected etchings]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuzn. akad. arkh.
24. Koval'skaya, M.I. (1977) *Ital'yanskie karbonarii* [Italian carnarians]. Moscow: Nauka.
25. Revunenkov, V.G. (1959) Italiya posle Venskogo kongressa. Revolyutsiya 1848–1849 gg. (1814–1849) [Italy after the Congress of Vienna. The Revolution of 1848–1849. (1814–1849)]. In: Gukovskiy, M.A. (ed.) *Ocherki istorii Italii* [Essays on the history of Italy]. Moscow: Uchpedgiz.
26. Boyadzhiev, G.N. & Dzhivelegov, A.K. (1955) Ital'yanskiy teatr [The Italian Theater]. In: *Istoriya zapadnoevropeyskogo teatra* [History of the Western European Theater]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
27. Dzhivelegov, A.K. (1954) *Ital'yanskaya narodnaya komediya. Commedia dell'arte* [Italian folk comedy. Commedia dell'arte]. Moscow: USSR AS.
28. Sovremennik. (1851) Eneida Vergiliya. Perevod I.G. Shershenevicha [The Aeneid of Virgil. Translation by I.G. Shershenevich]. *Sovremennik*. 2. pp. 41–80.
29. Ozhegov, S.I. (1983) *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz.

Received: 20 March 2017

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ФРЕЙМА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В РУССКОМ И АМЕРИКАНСКОМ МИГРАЦИОННЫХ МЕДИАДИСКУРСАХ

Представлены результаты исследования, направленного на выявление и анализ конкретных наполнителей фрейма «толерантность». В ходе исследования из русских и американских медиатекстов на тему миграции отобраны актуализации фрейма или его частей, выявлены конкретные наполнители и соотнесены с соответствующими слотами. В результате количественного анализа выделены аспекты фрейма, получающие наибольшую перспективацию в данном дискурсе. Методом сравнительно-сопоставительного анализа выделены сходства и различия между конкретными наполнителями фрейма в русском и американском медиадискурсе.

Ключевые слова: фреймовая семантика; фреймовый анализ; дискурс-анализ; структура фрейма; элементы фрейма; конкретные наполнители фрейма.

В настоящем исследовании выявляются и сопоставляются конкретные наполнители фрейма «толерантность» в русском и американском медиадискурсе на тему миграции.

В лингвистике интерес к рассмотрению фреймов является относительно новым явлением. Первоначально он зарождается среди зарубежных ученых в 70-х гг. XX в. главным образом у исследователей искусственного интеллекта и когнитивной психологии (работы М. Минского, Ф. Бартлетта, Л. Барсалу, Р. Шенка, Р. Абельсона). Так, американский исследователь искусственного интеллекта М. Минский впервые вводит понятие фрейма в когнитивные науки [1]. Разработка и внедрение фреймовой теории в лингвистику принадлежат Ч. Филлмору в конце XX столетия [2]. Таким образом, к началу XXI в. фреймовая семантика становится оформленшейся наукой со своим понятийным и методологическим аппаратом.

Использование теоретических и методологических положений фреймовой семантики в настоящем исследовании обусловлено следующими причинами:

– фреймовая семантика дает возможность получить доступ к специфике фонового знания (организованного в виде фреймов), касающейся культурных, социальных и групповых особенностей;

– применение фреймового анализа дает плодотворные результаты при рассмотрении различных видов дискурсов, особенно исторического, политического, медийного (см., напр., исследования Д. Буссе, К. Фраас, А. Цима, К.-П. Конердинга, Й. Кляйна [3–7]).

Склоняясь к когнитивной исследовательской парадигме, мы оперируем не традиционной двухкомпонентной моделью «язык – мышление», а расширяем ее, включая третью составляющую – дискурс. Традиция такой трехкомпонентной модели берет начало во французском постструктурализме, основным представителем которого выступает Мишель Фуко [8]. В настоящее время она все чаще становится основой современных европейских исследователей в области фреймовой семантики [3–5]. Вслед за этой тенденцией в данном исследовании соединяются теоретические и методологические постулаты фреймовой семантики и теории дискурсов.

Исследование фрейма «толерантность» представляет не только научно-методологическое, но и практическое значение. В настоящее время исследователь-

ский интерес к рассмотрению явления толерантности переживает новый подъем, приобретая междисциплинарный характер и все чаще становясь предметом изучения российских ученых [9]. По всей видимости, такой интерес вызывается ростом глобализации, распространения международного терроризма, кризисом беженцев в Европе, противостоянием развитых и развивающихся стран. В то же время концентрацию внимания западных исследователей к проблеме толерантности во второй половине XX в. можно объяснить послевоенными политическими, социальными, культурными переменами в странах Европы и США, а также более частыми межкультурными взаимодействиями и различными миграционными потоками. В этот период явление толерантности становится одним из центральных предметов исследования таких зарубежных политических философов, как М. Уолцер [10], У. Кимлика [11], Р. Коэн-Альмагор [12]. Они исследуют разницу в реализации принципа толерантности в различных обществах, а также ее границы и области применения.

Для настоящего исследования представляет интерес работа М. Уолцера «О толерантности» [10], в которой он рассматривает специфику проявления толерантности в различных типах государственного устройства: многонациональных империях, международном сообществе, консоциативных и национальных государствах и иммигрантских сообществах. Исследовательский и практический интерес представляет сопоставление структур фрейма «толерантность» в культурах, принадлежащих к разным типам по классификации Уолцера: русской, в которой сохраняются черты многонациональной империи (со времен СССР), и американской, выступающей типичным иммигрантским сообществом [10]. По Уолцеру, основное отличие данных типов государственных устройств состоит в том, что во многонациональных империях толерантность направлена на определенную группу (автономное сообщество или отдельное государство), а не на индивида; при высокой степени толерантности к отдельным группам отсутствует толерантность к индивидам, имеющим свою линию поведения, отклоняющимся от своего сообщества. Иммигрантские сообщества, напротив, характеризуются отсутствием организованных групп, так как прибытие иммигрантов имеет волнообразный характер и объек-

тами толерантности выступают не члены группы, а личный выбор и предпочтения индивидов [10].

При этом данное исследование не ставит перед собой цель выявить и описать все структурные компоненты и аспекты фрейма «толерантность» в каждой из рассматриваемых культур, так как это привело бы к громоздкой противоречивой модели. Поэтому мы ограничиваем рассмотрение фрейма «толерантность» конкретным дискурсом – медиадискурсом на тему миграции. Выбор именно этого типа дискурса на данную тему обусловлен, с одной стороны, возрастанием влияния СМИ на общество, его медиализацией [13, 14], а с другой – указанными проблемами, связанными с миграцией, глобализацией, противопоставлением свои – чужие. Принимая тезис о том, что медиадискурсы конструируют смыслы [13, 15], мы склоняемся к идеи, что, оперируя фреймом «толерантность», медиадискурсы его формируют и изменяют. Каждая актуализация (имплицитная или эксплицитная) отсылает к данному фрейму, предполагая конкретные фоновые знания адресата, с одной стороны, включая стандартные ожидания и установки, а с другой – внося изменения в структуру фрейма.

Проблема природы фрейма. Структурные элементы фрейма. Множество концепций о фреймовой природе можно разделить на три обширные группы: когнитивные, лингвистические и когнитивно-лингвистические (когнитивно-языковые). Приведем краткую характеристику каждой из них.

С начала своего зарождения фреймовая теория развивается в обоих направлениях – лингвистическом (например, разработки Ч. Филлмора) и когнитивном (исследования М. Минского, Л. Барсалу, Ф. Бартлетта). Хотя при описании фрейма Ч. Филлмор использует определение когнитивиста М. Минского, в своих работах он обращается к лингвистической природе фрейма, оперируя терминами «предикация», «предикат», «падежные рамки» [2] и т.д. В отличие от такого подхода в когнитивных науках большинство исследователей обращаются к когнитивной природе фрейма. То есть, по их мнению, сами знания человека обладают фреймовой структурой и таким образом хранятся в памяти. Например, именно к таким выводам приходят М. Минский, Бартлетт, Л. Барсалу, Р. Шенк и Р. Абельсон. По М. Минскому, знание представлено в долговременной памяти в форме фреймов и извлекается оттуда, когда того требует ситуация [1]. Сходное понимание природы фрейма переходит из когнитивных наук и в когнитивную лингвистику, где фрейм понимается как особая концептуальная форма репрезентации знания, которая может соотноситься с постоянными или временными структурами знания, служащими для создания локальных смысловых структур [4]. Однако многие исследования (и не только лингвистические), принимающие природу фрейма в качестве когнитивной, отводят языку особую роль для репрезентации и организации любых структур знания. Иными словами, именно язык придает фрейму его структуру и организацию, и фрейм тем самым обладает двойственной природой – и когнитивной, и языковой. К такой же мысли приходит и один из современных немецких исследователей фреймовой се-

мантики Д. Буссе. Он делает вывод о двойственной природе фрейма на основании соотношения лексем с комплексными структурами знания и многонаправленных отношений между языковым знаком и фоновым знанием, необходимым для его понимания в определенном контексте или в определенной ситуации. Поэтому ограничение лишь на языковой стороне фрейма, без учета его когнитивной природы, было бы, по его мнению, неоправданным [3].

Очевидно, что понимание природы фрейма зависит от специфики и направленности исследования, в котором фрейм используется как исследовательский конструкт. То обстоятельство, что в среде ученых до сих отсутствует единое мнение по этому вопросу, говорит о необходимости дальнейших исследований с использованием междисциплинарных методов. Поэтому мы будем склоняться к такому пониманию природы фрейма, которое является наиболее релевантным для данного исследования. Наиболее подходящей концепцией в нашем случае является рассмотрение фреймовой природы как двойственной, когнитивно-языковой. Такой выбор объясняется тем, что здесь модель фрейма используется для отображения организации знаний именно языковыми средствами.

Для применения модели фрейма в обозначенных целях необходимо четкое понимание его структуры. В данном исследовании вслед за Д. Буссе, К.-П. Конердингом, А. Цимом и другими современными лингвистами [3–6] используется трехкомпонентная фреймовая структура, каждый уровень которой характеризуется особым уровнем абстракции. Так, на самом высшем уровне абстракции находятся слоты (slots), далее следуют заданные (стандартные) значения (default values), и самыми конкретными элементами фрейма выступают конкретные наполнители (fillers). Именно благодаря последним фреймы, относящиеся к одной и той же лексеме, могут изменяться в зависимости от дискурсов, где эти фреймы актуализуются [7].

Каждый структурный элемент фрейма может выступать предметом лингвистического рассмотрения. Целью данной работы является выявление элементов фрейма, обладающих наибольшей степенью конкретности, – конкретных наполнителей. Однако для построения каркаса матричного фрейма используется уже выделенная ранее структура слотов, без которой исследование конкретных наполнителей оказалось бы невозможным. За основу структуры матричного фрейма «толерантность» берется совмещенная модель двух матричных фреймов К.-П. Конердинга – «действие» и «состояние» [6]. В данной модели слоты распределены на смысловые группы, что облегчает дальнейшее рассмотрение конкретных наполнителей и их соотнесение с тем или иным слотом. Ниже представлен так называемый «скелет» матричного фрейма «толерантность»:

Слоты:

1. Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта.
2. Цели, роли, функции референтного объекта.
3. Вышестоящие связи, типичные события, действия людей, в которых референтный объект играет роль.
4. Фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта.

5. Длительность, время протекания.
6. Участники, задействованные единицы (субъекты и объекты).
7. Роли, особенности и состояния участников.
8. Средства, стратегии, тактики деятеля по отношению к участникам. Характеристика роли.
9. Способности деятеля.
10. Ошибки при совершении действия. Их последствия.
11. Исправление ошибок.
13. Сходные референтные объекты, их отличия и общие категории.
14. Другие названия референтного объекта.
15. Теории, в которых референтный объект играет роль.

Эмпирический материал исследования. Рассмотрение конкретных наполнителей невозможно не только без конструирования структуры матричного фрейма, но также и без привлечения определенного типа дискурса в качестве эмпирического материала. Такая необходимость следует из самой природы конкретных наполнителей, обладающих наименьшей степенью абстракции и реализующихся только на уровне того или иного контекста.

Для формирования исследовательского корпуса используются медиатексты на тему миграции, содержащие актуализации фрейма «толерантность» или его частей. Выборка статей ограничена репортажами и комментариями. В качестве источников взяты следующие газеты: американские «New York Times», «USA Today» и «Los Angeles Times»; российские «Аргументы и факты», «Российская газета», «Московский комсомолец».

Выбор газет основан на таких критериях:

- наличие электронных архивов в открытом доступе (или при подписке на электронные издания);
- высокий уровень тиража и распространение по всей стране;
- уровень подачи информации (ни одна из газет не является чистым представителем желтой или бульварной прессы).

Временные рамки выборки материала ограничены восемью месяцами 2016 г. – с января по август. Таким образом, русский и американский исследовательские корпуса насчитывают по 40 медиатекстов каждый. Репрезентативность материала обеспечивается разнообразием событий, освещаемых в СМИ за это время: теракты, совершаемые исламистами (в Париже, Мюнхене, Орландо), проблемы с беженцами и мигрантами (как в Европе, так и в России и США), президентские выборы в США.

Общей темой исследуемого медиадискурса является миграция. В данном случае различные виды миграции по территориальному признаку не разграничиваются, напротив, в задачу исследователя входит выяснение того, кто чаще всего тематизируется в рассматриваемых национальных дискурсах как мигрант. При этом понятие «мигрант» рассматривается как гипероним – типичный наполнитель слова «объект проявления толерантности». Конкретные наполнители, подлежащие выявлению и анализу, и будут включать такие признаки, как страна происхождения, со-

циальный статус, пол, возраст и т.д. В толковых словарях приводятся следующие дефиниции слов «мигрант» и «migrant»:

Мигрант: лицо, совершающее переселение, меняющее местожительство внутри страны или переезающее из одной страны в другую, чаще всего из-за экономической, политической, национальной, правовой нестабильности [16].

Migrant: a person who travels to a different country or place, often in order to find work [19].

(Мигрант: лицо, которое переезжает в другую страну или на другое место, часто для того, чтобы найти работу.)

При выборке текстов для создания исследовательского корпуса мы ограничиваемся лишь теми, в которых слово «мигрант» имеет значение «лицо, переезающее из одной страны в другую», исключая значение «лицо, меняющее местожительство внутри страны» (за вычетом некоторых исключений, когда речь идет о миграции из таких российских республик, как Чечня или Дагестан, или о мигрантах во втором поколении, которые формально не меняют свое место жительства). В случае мотивов переселения мы не делаем никаких ограничений, рассматривая мотивы также в качестве конкретных наполнителей. Понимаемая таким образом тема миграции включает в себя подтему беженцев. При отборе материала причины, побуждающие беженцев покинуть свою страну, не специфицируются. Критерием выборки в случае как с мигрантами, так и беженцами является страна, куда они переселяются: Россия или США (при анализе статей из российских или американских СМИ соответственно). Лишь в некоторых случаях делается исключение, когда в сообщениях из российских СМИ речь идет о беженцах в Европе, но при этом проводится сравнение с мигрантами, живущими в России или туда переезающими.

Для поиска статей в архивах российских и американских газет используются ключевые слова «мигранты» и «migrants» соответственно. Другим возможным способом поиска было бы использование ключевого слова «толерантность» и «tolerance», однако он обладает следующими недостатками:

- во-первых, в конкретном тексте или дискурсе фрейм «толерантность» может актуализироваться с помощью лексемы, обозначающей не целый референтный объект (тему) фрейма, а какую-то его часть;
- во-вторых, так упускается из виду вероятность имплицитной актуализации фрейма.

Поэтому используя для поиска лексему «толерантность», мы рискуем получить лишь ограниченный доступ к материалу, упустив, возможно, большую его часть. Использование лексемы «мигранты», напротив, имеет свое преимущество в том, что отобранные статьи будут включать как актуализации целиго фрейма, так и его частей. Вследствие того что не все найденные с помощью этого метода статьи могут послужить материалом исследования, так как в некоторых из них актуализации фрейма «толерантность» вовсе отсутствуют, необходимо принимать решение об отнесении статьи к исследовательскому корпусу в каждом конкретном случае отдельно.

Выявление конкретных наполнителей фрейма «толерантность». Конкретные наполнители по типу актуализации в высказываниях выступают эксплицитными предикатами фрейма [3, 5]. В данном случае термин предикции используется не только в грамматическом смысле, но и в логическом – как высказывание о референтном объекте (теме) фрейма, указание на наличие или отсутствие у референтного объекта какого-либо признака. С помощью конкретных наполнителей пользователь языка выводит на первый план определенные аспекты знания о референтном объекте, в то время как другие аспекты отходят на второй план. Каждый конкретный наполнитель (эксплицитный предикат) дает ту или иную перспективу референтному объекту [3, 5].

В дискурсах реализация конкретных наполнителей осуществляется по разным моделям. В данной работе используется следующая классификация типов предикций немецкого лингвиста А. Цима [5]:

1. Эксплицитные (направленные) предикции, в которых референтный объект (тема) фрейма стоит на месте подлежащего, а конкретный наполнитель занимает место сказуемого и дополнения (объекта), обстоятельства или подчинительного предложения. Данные об объекте в этом случае не являются обязательными, а зависят от валентности глагола. То есть конкретный наполнитель реализуется и в том случае, если глагол не требует объекта либо если возможный объект не реализован.

2. Квазиэксплицитные (ненаправленные) предикции, в которых референтный объект определяется частью сложного слова, аффиксом или определением или сам стоит на месте определения или дополнения, выражается в подчинительном предложении. Все формы квазиэксплицитных предикций поддаются переформулировке в эксплицитные предикции, обладающие сходными структурами.

3. Имплицитные предикции, выраженные пресуппозициями или импликациями, указывают на актуализацию заданных (стандартных) значений фрейма, поэтому в данной работе отдельно не рассматриваются. Однако следует отметить, что мы обращаемся не только к фрейму «толерантность» целиком, но также и к его частям, которые могут быть выражены синонимами или синонимичными выражениями лексем «толерантность» и «tolerance». Для поиска и проверки таких выражений следовало обратиться к тезаурусам и словарям синонимов [18–20]. Такие случаи подробнее рассматриваются ниже.

Выявление и соотнесение с тем или иным слотом конкретных наполнителей, выраженных эксплицитными предикциями, не представляет методологических сложностей. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Однако европейская толерантность и рассуждения о мультикультурализме возможны, только когда в обществе есть ощущение гарантированной безопасности и благополучия* (АиФ. 23.03.2016).

В примере (1) референтный объект фрейма выражается лексемой «толерантность» и занимает место подлежащего. Конкретный наполнитель выражен сказуемым и подчинительным предложением: «возможны, только когда в обществе есть ощущение гаранти-

рованной безопасности и благополучия». В данном случае он наполняет слот «Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта».

(2) *Похоже, абстрактная толерантность большее не устраивает европейцев. И даже отпугивает* (РГ. 18.08.2016).

В примере (2) мы имеем дело с эксплицитным видом предикции: конкретные наполнители «не устраивает европейцев», «отпугивает» относятся к слоту «Фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта». Кроме того, имеется также квазиэксплицитная предикция, выраженная прилагательным «абстрактная». Ее можно переделать в эксплицитную предикцию, поставив лексему «толерантность» на место подлежащего: «толерантность является абстрактной», тогда этот конкретный наполнитель также заполнит слот «Фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта».

Определенные методологические трудности могут возникнуть, когда мы обращаемся к квазиэксплицитным предикциям, относящимся к части референтного объекта фрейма. При этом каждый пример подлежит отдельному рассмотрению с привлечением тезаурусов и словарей синонимов, однако в большинстве случаев возможно относительно просто переделать квазиэксплицитную предикцию в эксплицитную, как мы убедились в предложении (2). Рассмотрим еще несколько примеров.

(3) *Вроде и мигрантов в регионе не так много, и коренное население в большинстве своем не испытывает к ним резкой неприязни. А стабильная политическая ситуация лишь подтверждает, что проблема, если она и есть, пока не входит в число «взрывоопасных»* (МК. 9.03.2016).

В примере (3) на актуализацию части фрейма «толерантность» указывает выражение «не испытывает к ним резкой неприязни», которое близко по значению лексеме «терпят» и, как следствие, выражению «относится с толерантностью» [18]. Таким образом, возможно выделить следующие конкретные наполнители:

– «мигранты», «коренное население», относящиеся к слоту «Участники, задействованные единицы»;

– «стабильная политическая ситуация», относящийся к слоту «Вышестоящие связи, типичные события, действия людей»;

– «мигрантов в регионе не так много», относящийся к слоту «Мотивы, предпосылки, условия возникновения». В данном случае конкретный наполнитель соотнесен с данным слотом вследствие следующей логической операции: «если мигрантов в регионе не так много, то коренное население не испытывает к ним резкой неприязни» или «так как мигрантов в регионе не так много, коренное население не испытывает к ним резкой неприязни».

(4) *Приезжие не раздражают наших граждан только в качестве чернорабочих* (МК. 30.03.2016).

В примере (4), так же как и в примере (3), часть фрейма «толерантность» выражена с помощью синонимичного выражения «не раздражают». Соответственно, выделяются следующие конкретные наполнители:

– «приезжие», «наши граждане», относящиеся к слоту «Участники, задействованные единицы»;

– «чернорабочие», относящийся к слоту «Роли, особенности и состояния участников». Однако, так же как и в примере (3), возможна такая переформулировка предложения: «если приезжие – чернорабочие, то они не раздражают наших граждан». Поэтому данный наполнитель возможно соотнести еще с одним слотом – «Мотивы, предпосылки, условия возникновения».

Такая же методика применима и к работе с конкретными наполнителями, актуализированными в американских медиатекстах:

(5) *It's the belief that people of all creeds merit tolerance and respect* (NY Times. 5.01.2016).

(6) *Another sign of expanding tolerance can be found with a commonly used measure of racism – approval of interracial dating* (NY Times. 27.05.2016).

(7) *He wore his kurta and ran around the hall as the young imam preached about tolerance and requested donations so the worshipers could purchase their own space and finally leave the rented space in an Afghan restaurant* (NY Times. 6.08.2016).

В примере (5) лексема «tolerance» выступает прямым дополнением, и для получения эксплицитной предикции следует переформулировать предложение таким образом: «tolerance is merited by people of all creeds». Выявленный конкретный наполнитель «people of all creeds» будет заполнять слот «Участники, задействованные единицы». Кроме того, обратим внимание на однородный со словом «tolerance» член предложения «respect». Очевидно, таким образом выражен конкретный наполнитель слова «Сходные референтные объекты, их отличия и общие категории».

При постановке лексемы «tolerance» на место подлежащего в примере (6) получается следующее пред-

ложение: «tolerance is signed by approval of interracial dating». В результате конкретный наполнитель «approval of interracial dating» соотносится со слотом «Фазы, частичные события, состояния, особенности».

Для выделения конкретного наполнителя в примере (7) переформулируем предложение как «tolerance was preached by the young imam» либо «tolerance was the subject of the young imam's preach». Таким образом, конкретный наполнитель «the young imam's preach» наполняет слот «Теории, в которых референтный объект играет роль».

После выделения всех конкретных наполнителей фрейма «толерантность» и соотнесения их с соответствующими слотами, модель фрейма получается довольно громоздкой, неоднородной и непоследовательной. Поэтому следующий шаг состоит в распределении конкретных наполнителей на смысловые группы и выделении в каждой из них гиперонима, который может служить названием для данной группы. С помощью количественного анализа выясняется, какие слоты фрейма чаще всего получают конкретные наполнители и какие конкретные наполнители, в свою очередь, более характерны для соответствующего слота.

В табл. 1 представлена матричные модели фрейма «толерантность» с конкретными наполнителями из русских и американских миграционных медиадискурсов. После проведения процедур классификации, обобщения и количественного анализа (в целях экономии некоторые единичные конкретные наполнители не указываются; в круглых скобках приведено количество конкретных наполнителей, входящих в каждую тематическую группу).

Т а б л и ц а 1

Конкретные наполнители фрейма «толерантность»

Слоты	Конкретные наполнители (русские)	Конкретные наполнители (американские)
1. Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта	Преподавание толерантности, семинары, мероприятия (21) Контроль властей, институционализация (6) Взаимодействие с другими (6) Стабильность в обществе (6) Пропаганда, призывы (5) Толерантность в произведениях искусства (4) Критика нетолерантности, борьба с бюрократией (4) Интеграция мигрантов (4) Необходимость (4) Общее прошлое (3) Обучение в школе (2) Законы (2)	Beat moral fanaticism and Republicans (5) Programs (5) Belief, moral commitments of people (3) Pluralism, diversity (3) The role of schools (3) Commitment pluralism (2) The 2016 presidential campaign, lack of compliance (2) Demonstrations (2) The role of mass media (representation) Anti-discrimination laws
2. Цели, роли, функции референтного объекта	Противодействие национализму (5) Развитие экономики Комфортная жизнь населения	To fight against horror, Islamophobia (3) To make America strong and great (3) Useful for politics (2) To maintain a relationship between countries
3. Вышестоящие связи, типичные события, действия людей, в которых референтный объект играет роль	Проблемы, связанные с миграцией (10) Мероприятия, связанные с миграцией (4) Религия (4) Политические конфликты (4) Кризис (4) Трудовая миграция (2) Политика (2)	Immigration, integration (5) Issues of the society (terror, anxiety) (5) Crises (refugee, humanitarian) (5) Terrorism (orlando) (3) Difficult themes (nationality, race) (2) Globalization (2) Mexican-american relationship Trumpism
4. Фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта	Отслеживание негативных явлений в обществе (2) Является религиозной (2)	“Zero tolerance”, intolerance (3) Approval of interracial dating
5. Длительность, время протекания	Относится к традициям (5) Недавнее явление (2) Ранее (100, 500 лет назад)	Tradition (4) In the future (4) Earlier (in the 1990s / 80s) (4) Until recently (2)

Слоты	Конкретные наполнители (русские)	Конкретные наполнители (американские)
6. Участники, задействованные единицы (субъекты и объекты)	<p>Объекты: Жители стран СНГ (17) Мигранты (10) Беженцы (7) «незванные гости», чужаки (5) Граждане (3) Слаборазвитые страны (2) Мусульмане (2)</p> <p>Субъекты: Россия и ее части (8) Власти Европы (8) Госорганы России, власти (6) Местные жители (2) Работодатели (2) Правозащитники (2) Журналисты, аналитики (2) Жители европы (2) Верующие, представители религии (2)</p>	<p>Objects: Central americans (6) Mexican immigrants (4) Muslims (3) African-americans (black) (3) Asian-americans (3) Latinos (2)</p> <p>Subjects: Barak obama (4) Funds and volunteers (4) American liberals and progressives (2)</p>
7. Роли, особенности и состояния участников	<p>Субъекта: Страхи (истерика) по поводу мигрантов (8) Отношение как к преступникам, раздражение, неприязнь (6) Европейские страны, чуждые мигрантам (5) Россия менее привлекательна для беженцев (4) Уменьшение толерантности, праворадикальные настроения (4) Недобросовестность полиции, госструктур (3) Общество находится в депрессии, неуверенности (3) Положительное отношение к отдельным аспектам «чужих» (2) Отсутствие неприязни (2)</p> <p>Объекта: Совершение преступлений, погромов (15) Плохо говорят по-русски, не знают обычая (8) Крайний ислам, терроризм, фанатичность (7) Слабость, страх (7) Хитрость, коварство, наглость (6) Бедность, голод (5) Нет желания интеграции, отсутствие толерантности (5) Молодость, здоровье, сила (4) Семейные отношения (4) Проблемы на родине (3) Духовная близость (3) Квалификация (3) Озлобленность (3) Необразованность (2) Культурные различия (2) Многочисленность (2) Вред для экономики (нелегальные мигранты) (2) Свои традиции (восточные) (2) Желание интеграции, амбиции (2) Благодарность (2) Трудолюбие, трезвость (2)</p>	<p>Subjects: Fear immigrants (4) Fear islamic terrorism, anxious (3) Supporters of open society, liberals, pluralists (3) Trump and his people: sick and tired of tolerance (3), resemble a european nationalist Opposition of immigration (noncollege, middle-and lower-income) (2) Voters (2)</p> <p>Objects: (Frightened, desperate) people fleeing violence, hunger and poverty (23) Victims, ask us for help (12) Mothers and children, families (11) Want to work and study (11) (seen as) outsiders (7) Aggressive, angry, not satisfied (6) Feel like americans (5) Migrants workers (increase productivity, perform jobs that americans are unwilling to do, a source of dynamism and growth) (4) Fear, panic (4) Lgbt-migrants (3) Turned more liberal (3) Criminal aliens (3) Young adults who commit to some fanatical belief system (2) Muslim politicians, latino officers (2) Muslim voters (2)</p>
8. Средства, стратегии, тактики деятеля по отношению к участникам. Характеристика роли	Подбирать слова, говорить корректно, не говорить всей правды (2) Цензура СМИ, замалчивание преступлений беженцев (в Европе) (2) Улучшение жизни мигрантов (2)	Not sitting idly until refugees arrive, fixing legal system (6) Help, protect (5) Featuring on television, mass media (3) Coded language or careful discussion (“desirability bias”) (3)
9. Способности деятеля	Оценивать окружающих по личным качествам Уважать чужую культуру Бороться с бюрократией Не бросаться в крайности	
10. Ошибки при совершении действия. Их последствия	Отменить ограничительные меры по отношению к беженцам, смягчить правила (6) Безропотность, наивность, романтизм (6) Отказ от толерантности (5) Чрезмерная помощь беженцам (2) Замалчивание проблем (2) Насаждение толерантности силой (2) Высокий уровень мультикультурализма Политкорректность Последствия: Преступления со стороны беженцев (9) Катастрофа, хаос (8) Расплата (4) Раскол общества (4) Тerrorизм (4) Страх (2)	Outrage, Trumpism, restrictions (12) Cowardice or opportunism (4) Blaming Muslims (4) Close the door (2) Results: Boycott, loss of the positive view of Americans, lack of talented immigrants (14) The beast is loose, violence, racism (7) Damage other countries, other people (6) It will hurt the economy (4) No effect (3) Damage American values (3) Shock waves Violation of the Constitution

Слоты	Конкретные наполнители (русские)	Конкретные наполнители (американские)
	Разрушение демократии Разрыв взаимоотношений с другими странами	
11. Исправление ошибок	Жесткие меры, контроль (19) Защитить себя (6) Демонстрации против миграционной политики Европы Кардинальные перемены	Building relationships with other countries and people (3) Vote against trump Not to be silent Remember traditions Refugee-centric strategy
12. Последствия для актантов и участников	Не те последствия, на которые надеялись Благополучная ситуация	To become a target (because of their tolerance)
13. Сходные референтные объекты, их отличия и общие категории	Мультикультурализм, межнациональный мир (8) Положительные действия, отношения (6) Дружелюбие (5) Уважение (2) Политика «открытых дверей» (2) Отсутствие ксенофобии (2) Сострадание, милосердие (2)	Liberalism, open society (10) Acceptance (6) Diversity, pluralism (5) “political correctness” (3) Values (3) Respect (3) Welcome (2) Humanity (2)
14. Другие названия референтного объекта	Терпимость «в чужой монастыре, пусть даже это и мечеть, со своим уставом не ходи»	
15. Теории, в которых референтный объект играет роль	Социология (2) Педагогика Масс-медиа Востоковедение Арабистика Экономика Этносociология Психология Искусствоведение	Political science (3) Imam’s preach Demographics Psychology Immigration analysis Liberalism

Оперируя наиболее типичными конкретными наполнителями, приведем следующее описание фрейма «толерантность», получающего актуализацию в русском медиадискурсе на тему миграции:

Основным условием возникновения толерантности является ее преподавание, проведение семинаров и мероприятий. Кроме того, толерантность достигается контролем властей и взаимодействием с другими людьми. Предпосылкой появления толерантности служит стабильность в обществе. Главная цель проявления толерантности – противодействие национализму. О толерантности обычно говорят в контексте проблем с миграцией. Проявлению толерантности сопутствует отслеживание негативных явлений в обществе. Толерантность в России относится к традициям. Чаще всего толерантность проявляется к жителям стран СНГ, мигрантам и беженцам со стороны русских и европейцев. При этом двум последним свойственны страхи, раздражение и неприязнь по отношению к мигрантам, а также взгляд на них как на преступников. Те люди, к которым проявляется толерантность (или должна проявляться), часто совершают преступления и погромы, могут оказаться террористами. Они плохо говорят по-русски и не знают местных обычаяев. Проявлять толерантность к кому-то – означает не говорить всей правды или молчать. Основной ошибкой при проявлении толерантности выступает её чрезмерность (смягчение правил, безропотность). Это приводит к преступлениям со стороны беженцев, хаосу и катастрофе. Отказываться от толерантности тоже неверно. Это вызывает разрушение демократии и разрыв отношений с другими странами. Для борьбы с чрезмерной толерантностью необходимо введение жестких мер и контроля со стороны властей, нацеленных на самозащиту. Толерантность, проявленная в меру, сходна по значению с межнациональным ми-

ром, мультикультурализмом, а также является одним из положительных поступков. Толерантность также носит название терпимости. Ее изучают в некоторых областях знания, например в социологии, педагогике, психологии.

Обобщенная характеристика фрейма «толерантность» в американском миграционном медиадискурсе звучит следующим образом:

Условием распространения толерантности является победа над моральным фанатизмом и республиканцами. Кроме того, играют роль различные программы по ее продвижению. Предпосылки толерантности – в моральных установках людей, разнообразии в обществе, воспитании в школе. Основная цель толерантности – борьба со страхами и исламофобией. О толерантности часто говорят в контексте иммиграции и интеграции, общественных проблем, кризиса беженцев и гуманитарного кризиса. Толерантность бывает нулевой – «zero tolerance». Толерантность относится к традициям американского общества, она существовала раньше и будет существовать в будущем. Обычно она проявляется со стороны сторонников либерализма (президента Обамы), разными фондами и волонтерами по отношению к выходцам из стран Центральной Америки, а также к мусульманам. Люди, которые проявляют (или должны проявлять) толерантность, характеризуются страхами по отношению к мигрантам, они боятся исламского терроризма. Объекты толерантности – люди, бегущие от жестокости и бедности в своих странах, это жертвы, просящие США о помощи. Часто это семьи, члены которых хотят учиться и работать. Проявление толерантности требует изменения системы законодательства по отношению к беженцам, а также оказания им помощи и защиты. Основная ошибка – отказ от толерантности, «трампизм», ограничения и произвол. Это может привести к бой-

коту Америки, потере ее положительного образа и снижению числа талантливых мигрантов. Исправить эту ошибку можно, налаживая отношения с другими странами и другими людьми. Толерантность по смыслу связана с либерализмом, открытым обществом, разнообразием и плюрализмом. Чаще всего толерантность является темой политических наук.

Таким образом, на основе анализа конкретных наполнителей фрейма можно получить обобщенную схематичную картину того, какое значение того или иного феномена конструируется в медиадискурсах, какой смысл ему придается, а также какие предписания по отношению к нему выдвигаются. В случае актуализации фрейма «толерантность» в русских медиадискурсах прослеживается тенденция положительной оценки толерантности, однако с указанием на частые ошибки в ее проявлениях, которые возможно исправить контролем со стороны властей и общественных организаций. В американских медиадискурсах подчеркивается важность толерантности для сохранения положительного образа страны и для привлечения числа талантливых мигрантов. Возвращаясь к классификации М. Уолцера, можно заметить корреляцию между наиболее типичными наполнителями фрейма и выделенными им характеристиками типа государства:

— особенности проявления толерантности по Уолцеру: *в России как во многонациональной империи*

толерантность направлена на определенную группу, а не на индивида; отсутствует толерантность к индивидам, имеющим свою линию поведения, отключающимся от своего сообщества;

— наиболее типичные наполнители фрейма «толерантность»: *ошибки в ее проявлениях, которые возможно исправить контролем со стороны властей;*

— особенности проявления толерантности по Уолцеру: *в США как в иммиграントском сообществе объектами толерантности выступают не члены группы, а личный выбор и предпочтения индивидов;*

— наиболее типичные наполнители фрейма «толерантность»: *важность толерантности для сохранения положительного образа страны и для привлечения числа талантливых мигрантов.*

Такие сопоставления дают подобным исследованиям перспективу как в плане расширения методологического аппарата (соединения не только фреймовой семантики и теории дискурсов, но и привлечения нелингвистических наук – политической и социальной философии), так и в практическом применении результатов – в области межкультурной коммуникации, международных отношений, политологии.

Используя сравнительно-сопоставительный анализ, в табл. 2 отметим дальнейшие сходства и различия между конкретными наполнителями слов фрейма «толерантность» в русских и американских медиадискурсах.

Таблица 2

Сравнительно-сопоставительный анализ конкретных наполнителей фрейма «толерантность»

Слоты	Конкретные наполнители (русские и американские)
1. Мотивы, предпосылки, условия возникновения референтного объекта	В русских медиадискурсах на первый план выдвигается роль институциализации толерантности, официальных мероприятий как предпосылок ее возникновения. В американских медиадискурсах конкретный наполнитель «programs» также актуализируется довольно часто, однако, наряду с «beat moral fanaticism and republicans» – призывом к политическому противостоянию
2. Цели, роли, функции референтного объекта	Более широкое выражение «противодействие национализму» коррелирует с «to fight against Islamophobia» в американских медиадискурсах
3. Вышестоящие связи, типичные события, действия людей, в которых референтный объект играет роль	В данном случае конкретные наполнители практически совпадают: «проблемы, связанные с миграцией» и «issues of the society (terror, anxiety)», «crises (refugee, humanitarian)»
4. Фазы, частичные события, состояния, особенности референтного объекта	Наполнение слота зависит от определенного контекста, поэтому общие тенденции не прослеживаются с большей частотностью, чем остальные конкретные наполнители, в русских медиадискурсах реализуется «религиозная толерантность», в американских – «zero tolerance»
5. Длительность, время протекания	И в русских, и в американских медиадискурсах на первый план выходят конкретные наполнители, указывающие на традиции толерантности (в России и в США соответственно)
6. Участники, задействованные единицы (субъекты и объекты)	Прослеживается культурная специфика: «жители СНГ» и «Central Americans» в качестве объектов; «Россия» и «Barack Obama» в качестве субъектов
7. Роли, особенности и состояния участников	Основные особенности субъекта сходны: «страхи по поводу мигрантов», «отношение как к преступникам, раздражение, неприязнь» и «fear immigrants and Islamic terrorism», «anxious». Характеристика объекта резко отличается: «совершение преступлений, погромов», «незнание русского языка и обычая», «крайний ислам, терроризм, фанатичность» и «(frightened, desperate) people fleeing violence, hunger and poverty», «victims, asking for help»
8. Средства, стратегии, тактики деятеля по отношению к участникам. Характеристика роли	Наблюдаются как сходства, так и различия: Сходные конкретные наполнители: «говорить корректно, не говорить всей правды» и «coded language or careful discussion ("desirability bias")». «Улучшение жизни мигрантов» и «help, protect». Конкретные наполнители, присутствующие в американских, но отсутствующие в русских дискурсах: «fixing legal system», «featuring migrants on television, in mass media»
9. Способности деятеля	И в русских и в американских дискурсах данный слот обычно остается незаполненным
10. Ошибки при совершении действия. Их последствия	Резкие расхождения: основные ошибки и в русских дискурсах: «отменить ограничительные меры по отношению к беженцам, смягчить правила», «проявлять безропотность, наивность, романтизм», и в американских: «outrage, Trumpism, restrictions». Основные последствия в русских дискурсах: «преступления со стороны беженцев», «катастрофа, хаос», и в американских: «boycott, loss of the positive view of Americans, lack of talented immigrants». Однако наблюдаются и сходства: ошибки, актуализированные и в русских медиадискурсах: «отказ от толерантности», и в американских: «cowardice or opportunism», «blaming Muslims». В качестве последствий: «разрушение демократии, разрыв взаимоотношений с другими странами» и «violence, racism», «damage of other countries and other people»

Слоты	Конкретные наполнители (русские и американские)
11. Исправление ошибок	Резкие различия: В русских дискурсах: «жесткие меры, контроль», «самозащита», в американских: «building relationships with other countries and people»
12. Последствия для актантов и участников	И в русских, и в американских дискурсах данный слот обычно остается незаполненным
13. Сходные референтные объекты, их отличия и общие категории	Наблюдаются сходства: «мульткультурализм, (межнациональный) мир» и «liberalism, open society», «положительные действия, отношения», «дружелюбие» и «acceptance»
14. Другие названия референтного объекта	И в русских, и в американских дискурсах данный слот обычно остается незаполненным
15. Теории, в которых референтный объект играет роль	Данный слот получает сходные конкретные наполнители в определенных контекстах: «социология», «востоковедение», «психология» и «political science», «psychology», «demographics»

Выводы. Методы фреймовой семантики оправдали себя для рассмотрения представления структуры организации знания в определенном дискурсе. Они позволяют структурировать и классифицировать те или иные аспекты знания, выделить наиболее релевантные среди них, облегчая дальнейший анализ в случае сравнительно-сопоставительных исследований.

Количественный анализ конкретных наполнителей фрейма «толерантность» показывает перспективацию на его отдельных аспектах в исследуемом миграционном медиадискурсе. Так, в русским медиадискурсе на первый план выходят следующие слоты:

«Мотивы, предпосылки и условия возникновения референтного объекта» (21 конкретный наполнитель со значением «преподавание толерантности, семинары, мероприятия»).

«Исправление ошибок» (19 конкретных наполнителей со значением «жесткие меры, контроль»).

«Участники, задействованные единицы» (17 конкретных наполнителей со значением «жители стран СНГ» – относится к объектам).

«Роли, особенности и состояния участников» (15 конкретных наполнителей со значением «совершение преступлений, погромов» – относится к объектам).

«Вышестоящие связи, типичные события, действия людей, в которых референтный объект играет роль» (10 конкретных наполнителей со значением «проблемы, связанные с миграцией»).

Слоты, выходящие на первый план в американском медиадискурсе, следующие:

«Роли, особенности и состояния участников» (23, 12, 11 и 11 конкретных наполнителей со значениями «frightened, desperate people fleeing violence, hunger and poverty», «victims, asking US for help», «mothers and children, families», «want to work and study» соответственно, все из них относятся к объектам).

«Последствия ошибок» (14 конкретных наполнителей со значением «boycott, loss of the positive view of Americans, lack of talented immigrants»).

«Ошибки при совершении действия» (12 конкретных наполнителей со значением «outrage, Trumpism, restrictions»).

«Сходные референтные объекты, их отличия и общие категории» (10 конкретных наполнителей со значением «liberalism, open society»).

Результаты подобного исследования необходимы для дальнейшего рассмотрения фрейма – выявления заданных (стандартных) значений. С одной стороны, заданные значения могут выражаться имплицитными предикатами, выявляемыми на уровне текстов, а с другой – наиболее типичными конкретными наполнителями. Таким образом, количественный анализ конкретных наполнителей можно назвать первым шагом на пути к завершающему этапу фреймового анализа – рассмотрению заданных значений и, как следствие, обращению к фоновым структурам организации знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. Massachusetts Institute of Technology // Artificial Intelligence. 1974. № 306. P. 6–81.
2. Fillmore Ch. Frame Semantics and the Nature of Language. Annals New York Academy of Sciences, 1976. P. 20–32.
3. Busse D. Frame-Semantik. Ein Kompendium. Berlin; Boston, 2012. 888 s.
4. Fraas C. Frames – ein qualitativer Zugang zur Analyse von Sinnstrukturen in der OnlineKommunikation // Job, Barbara/Mehler, Alexander/Sutter, Tilmann (Hg.): Die Dynamik sozialer und sprachlicher Netzwerke. VS-Verlag, Wiesbaden, 2011. S. 20–40.
5. Ziem A. Frames und sprachliche Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz. Berlin, 2008. 485 s.
6. Konerding K.-P. Frames und lexikalisches Bedeutungswissen. Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie. Tübingen : Niemeyer, 1993. 583 s.
7. Klein J. Frame als semantischer Theoriebegriff und als wissensdiagnostisches Instrumentarium // Interdisziplinarität und Methodenpluralismus in der Semantikforschung. 1999. S. 157–183.
8. Foucault M. Die Hauptwerke. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2013. 1686 s.
9. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 542 с.
10. Walzer M. On Toleration. Yale University Press, 1997. 127 p.
11. Kymlicka W. Two Models of Pluralism and Tolerance // Analyse & Kritik, 1992. № 14 (1). P. 33–56. URL: http://www.analyse-und-kritik.net/1992-1/AK_Kymlicka_1992.pdf (дата обращения: 20.01.2017).
12. Cohen-Almagor R., Zambotti M. Liberalism, Tolerance and Multiculturalism: The Bounds of Liberal Intervention in Affairs of Minority Culture // Ethical Liberalism in Contemporary Societies. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2009. P. 79–98.
13. Матисон Д. Медиадискурс. Анализ медиатекстов. Харьков : Гуманитарный центр, 2013. 264 с.
14. Карасин В.И. Языковая матрица культуры. М. : Гнозис, 2013. 320 с.
15. Дейк ван Т. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : ЛиброКом, 2013. 344 с.
16. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М. : АСТ, 2002. 976 с.
17. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Рус. яз., 2001. 568 с.
18. Бабенко Л.Г. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 835 с.

19. Oxford Dictionary, Thesaurus, and Wordpower Guide. New York : Oxford University Press, 2001.
20. The Classic, Standard, Definitive Roget's International Thesaurus. HarperCollinsPublishers Inc., 1977.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 апреля 2017 г.

ACTUALIZATIONS OF THE FRAME OF TOLERANCE IN RUSSIAN AND AMERICAN MIGRATION MEDIA DISCOURSES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 14–23.

DOI: 10.17223/15617793/418/2

Veronika V. Didenko, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: verdi.fefu@gmail.com

Keywords: frame semantics; frame analysis; discourse analysis; frame structure; frame elements; frame fillers.

This article presents the results of the research of the frame *tolerance*. The aim of the research was revealing and analyzing the fillers of the frame. The material is represented by utterances with actualizations of the frame *tolerance* or of the parts of it. These utterances were extracted from the Russian and American media texts with the theme of *migration*. The research data corpus consists of 40 Russian and 40 American media texts from the Russian newspapers *Argumenty i Fakty*, *Rossiyskaya Gazeta* and *Moskovskiy Komsomolets* and American newspapers *The New York Times* and *The Los Angeles Times*. The main research methods include frame analysis, comparative analysis, classification, integration, and quantitative analysis. The research uses the integrated matrix frame model based on two models of *action* and *state* worked out by the German linguist K.-P. Konerding. The integrated model is implemented as a net or a skeleton of the abstract frame and consists of 15 slots. On the first stage of the research, explicit (direct) and quasi-explicit (non-direct) predication were identified in the utterances that include actualizations of the frame or its parts. The second stage concerns the analysis of the revealed predication and the extraction of the frame fillers out of them. While in case of explicit predication there is no need in any other operations, quasi-explicit predication should be transformed into explicit ones by shifting the frame reference object to the place of the subject of the sentence. On the third stage, the revealed frame fillers are related to the slots of the matrix frame. The fourth and the last stage of the research implements quantitative and comparative analysis of the frame fillers. The frame semantics methods proved to be relevant for the studying and representing of the knowledge structures formed in the particular type of discourse. They make it possible to structure and to classify particular aspects of knowledge and to reveal the most relevant of them. It should assist in conducting the following research analyses, e.g. comparative analysis of the frames or the whole discourses. The quantitative analysis of the fillers of the frame *tolerance* shows the perspectives on its separate aspects in the media discourse under study. The results of this research are necessary for the next stage of the frame analysis that is for revealing the frame standard meanings. On the one hand, candidates to standard meanings are some implicit predication revealed on the text level. On the other hand, the most typical frame fillers could also provide access to the frame standard meanings. That is why the analysis of the frame fillers plays an important role on the last stage of the frame analysis that is the study of the standard meanings and, therefore, the revealing of the discourse strategies and background knowledge structures.

REFERENCES

1. Minsky, M. (1974) A Framework for Representing Knowledge. Massachusetts Institute of Technology. *Artificial Intelligence*. 306. pp. 6–81.
2. Fillmore, Ch. (1976) *Frame Semantics and the Nature of Language. Annals*. New York Academy of Sciences. pp. 20–32.
3. Busse, D. (2012) *Frame-Semantik. Ein Kompendium* [Frame semantics. A collection]. Berlin; Boston: Walter de Gruyter & Co.
4. Fraas, C. (2011) Frames – ein qualitativer Zugang zur Analyse von Sinnstrukturen in der OnlineKommunikation [Frames – a qualitative approach to the analysis of sense structures in the online communication]. In: Job, B., Mehler, A. & Sutter, T. (eds) *Die Dynamik sozialer und sprachlicher Netzwerke* [The dynamics of social and linguistic networks]. Wiesbaden: VS-Verlag.
5. Ziem, A. (2008) *Frames und sprachliche Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz* [Frames and linguistic knowledge. Cognitive aspects of semantic competence]. Berlin: de Gruyter.
6. Konerding, K.-P. (1993) *Frames und lexikalisches Bedeutungswissen. Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie* [Frames and lexical meaning. Investigations on the linguistic foundation of the frame theory and its application in lexicography]. Tübingen: Niemeyer.
7. Klein, J. (1999) [Frame as a semantic theory of concepts and as a knowledge-diagnostic tool]. *Interdisziplinarität und Methodenpluralismus in der Semantikforschung* [Interdisciplinarity and Method Pluralism in Semantic Research]. Universität Koblenz-Landau/Abteilung Landau. pp. 157–183. (In German).
8. Foucault, M. (2013) *Die Hauptwerke* [The main industries]. Frankfurt: Suhrkamp Verlag.
9. Kupina, N.A. & Khomyakov, M.B. (eds) (2005) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and cultural linguistic problems of tolerance]. Moscow: OLMA-PRESS.
10. Walzer, M. (1997) *On Toleration*. Yale University Press.
11. Kymlicka, W. (1992) Two Models of Pluralism and Tolerance. *Analyse & Kritik*. 14 (1). pp. 33–56. [Online] Available from: http://www.analyse-und-kritik.net/1992-1/AK_Kymlicka_1992.pdf. (Accessed: 20th January 2017).
12. Cohen-Almagor, R. & Zambotti, M. (2009) Liberalism, Tolerance and Multiculturalism: The Bounds of Liberal Intervention in Affairs of Minority Culture. In: Wojciechowski, K. & Joerden, J.C. (eds) *Ethical Liberalism in Contemporary Societies*. Frankfurt: Peter Lang.
13. Matison, D. (2013) *Mediadiskurs. Analiz mediatekstov* [Media Discourse. Analysis of media texts]. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
14. Karasik, V.I. (2013) *Yazykovaya matritsa kul'tury* [Language matrix of culture]. Moscow: Gnozis.
15. Dijk, T. (2013) *Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Representation of dominance in language and communication]. Moscow: Librokom.
16. AST. (2007) *Noveyshiy slovar' inostrannykh slov i vyrazheniy* [The newest dictionary of foreign words and expressions]. Moscow: AST.
17. Aleksandrova, Z.E. (2001) *Slovar' sinonimov russkogo jazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow: Russkiy jazyk.
18. Babenko, L.G. (2012) *Slovar'-tezaurus prilagatel'nykh russkogo jazyka* [Dictionary-thesaurus of adjectives of the Russian language]. Ekaterinburg: Ural State University.
19. Oxford University Press. (2001) *Oxford Dictionary, Thesaurus, and Wordpower Guide*. New York: Oxford University Press.
20. Roget, M. (1977) *The Classic, Standard, Definitive Roget's International Thesaurus*. Harper Collins Publishers Inc.

Received: 27 April 2017

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ВРЕМЕНИ В ИДИОЛЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИБИРСКОГО СТАРОЖИЛА: ГРАНИЦЫ И СТРУКТУРА

Описывается семантическое поле времени в идиолекте русского старожила Сибири. Разработаны критерии отбора лексических средств, маркирующих категории времени. Рассматриваются границы и структура поля: ядро, центр и периферия. Характеризуются четыре типа времени: физическое, биологическое, социальное и культурное, составляющие ядерную и приядерную зоны. Показано, что периферийная зона представлена единицами, находящимися на пересечении поля ВРЕМЯ с другими полями: ПОГОДА, СКОРОСТЬ, РАБОТА. Делается вывод о сложности поля и нечеткости его границ.

Ключевые слова: идиолект; диалектная языковая личность; время, семантическое поле, народно-речевая культура.

Антропоцентрический характер современной лингвистики обусловил активную разработку проблемы языковой картины мира. Поскольку субъектом её построения является носитель языка, то одним из центральных объектов языкоznания становится языковая личность, феномен которой определил развитие новой научной дисциплины – лингвоперсонологии.

Развитие лингвоперсонологии связано с именами таких исследователей, как Ю.Н. Карапулов, В.И. Карапик, К.Ф. Седов, В.П. Нерознак, Е.В. Иванцова, С.Г. Воркачев. Идеи, изложенные в работах этих ученых, способствуют формированию теории лингвоперсонологии, определению ее объекта, методов, терминологического аппарата и т.д. Субъектом постижения мира выступает языковая личность, которая может быть представлена как обобщенный тип носителя языка и как отдельный человек – конкретная языковая личность. В современных лингвистических исследованиях доминирует абстрактный подход к субъекту. С позиций обобщенного субъекта описываются разные фрагменты мира: в работах А. Вежбицкой репрезентированы типичные русские концепты: «Воля», «Душа», «Госка», «Судьба», «Дружба» [1]. Другие ключевые концепты русской культуры («Свобода», «Справедливость», «Счастье», «Смирение», «Гордость») анализируются в работах Ю.Д. Апресяна [2], Н.Д. Арутюновой [3], А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева [4] и др. Особый интерес для исследователей представляют универсальные категории, задающие границы человеческого бытия, к числу которых наряду с пространством относится и категория времени.

Понятие времени пронизывает язык и всё наше сознание в целом и потому принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания. Традиционно описание времени проводилось с грамматических позиций, однако в современной лингвистике на первый план выходят когнитивный и тесно связанный с ним лингвокультурологический аспекты, которые рассматривают явления внутренней ментальной природы человека, их воплощение в языке и взаимодействие с культурой. С этой точки зрения время является малоизученной проблемой. Концептуальное осмысление категории отражено в трудах В.И. Постоваловой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, характеризующих время через систему языковых универсалий – концептов. Значительное место отводится этой проблеме в научных изысканиях Ю.С. Степанова. Он

описывает концепты русской культуры, понимая под ними «сгусток культуры в ментальном мире человека» [5. С. 40]. В число таких концептов входит и время как одно из базовых понятий науки, философии и культуры. В сборнике статей «Логический анализ языка. Язык и время» [3] также особое внимание уделяется способам концептуализации этой категории. Когнитивный аспект времени освещается в работе Е.С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира» [6], при этом речь идет о наивных представлениях о времени. Как лингвокультурологическая категория время рассматривается и в исследовании Л.Н. Михеевой [7].

Категория времени подвергается анализу, базирующемуся на языковых данных носителей литературного языка. В то же время она привлекает внимание исследователей традиционной народно-речевой культуры. Так, в монографии С.М. Беляковой [8] представлен опыт реконструкции диалектного образа времени на материале говоров юга тюменской области. Семантический аспект времени в архангельских народных говорах анализирует Е.В. Первухина [9]. В исследовании Д.И. Лалаевой рассматривается этно-лингвокультурологический аспект категории на материале донского казачьего диалекта. В том же ключе категория времени интерпретируется Г.В. Калиткиной. Ее работа «Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке» посвящена исследованию ключевых темпоральных концептов в среднеобских диалектах [10]. Исследователи традиционной народной культуры описывают время как культурный феномен, отражающий народное мировосприятие и миропонимание.

Во всех перечисленных исследованиях субъектом осмыслиения мира выступает абстрактный говорящий, однако конструкт такой обобщенной языковой личности создается именно на основе конкретной языковой личности, которая отражает язык в его непосредственной реализации и репрезентирует тип культуры, к которому относится. При обращении к конкретной языковой личности чаще описываются носители элитарной культуры (писатели, общественные деятели). Так, существуют работы, посвященные изучению языковой картины мира А.С. Пушкина, А. Блока, И.С. Тургенева и др. Однако не менее важно исследование рядового носителя языка, а особенно носителя традиционной культуры, поскольку диалекты выступают субстратом национального мировидения, отра-

жая русскую ментальность. С точки зрения конкретного диалектоносителя категория времени не описана, поэтому данное исследование представляет собой первый опыт обращения к проблеме времени в идиолекте сибирского старожила. Объектом описания выступает языковая личность Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), жительницы села Вершинино Томской области. Материалом послужили записи речи информанта, фиксирующие речевые практики языковой личности, а также базирующийся на этих записях «Полный словарь диалектной языковой личности» в четырех томах, составленный лингвистами Томской диалектологической школы [11]. Словарь включает всю лексику, зафиксированную в период 24-летнего наблюдения над речью информанта методом включенного наблюдения.

Адекватность описания категории времени зависит от достоверности материала; таким образом, особо значимой представляется разработка критериев отбора единиц времени в идиолекте сибирского старожила. Целью данной работы являются моделирование поля ВРЕМЯ, определение его границ поля и внутренней структуры для дальнейшей интерпретации полученного материала с позиций языковой картины мира. Что касается вопроса о выявлении специфики полученного поля, то в данной статье он не решается, поскольку это является отдельной задачей.

Идея времени в языке может быть представлена средствами всех содержательных уровней русской языковой системы: в морфологии она представлена видовременной системой глагола, в синтаксисе – сложным предложением с временными отношениями частей; в словообразовании значение времени передается к производным единицам с помощью соответствующих аффиксов. Однако приоритетные позиции в описании языковой картины мира занимает лексический уровень языка. Лексические средства, отражающие идею времени, многочисленны в языке, что связано со сложностью и многогранностью самого понятия. Исследователи отмечают неоднородность выражения времени, его склонность к метафорическому способу воплощения, в частности В.А. Плунгян отмечает, что «в наивной картине мира для понятия “время” не существует никакого естественного таксономического класса» [12. С. 160]. В связи с этим возникает вопрос о критериях включения единиц времени в соответствующее семантическое поле.

Анализ словарных материалов и записей речи показывает, что идея времени с той или иной степенью определенности отражается в именных, глагольных, наречных лексемах, т.е. практически во всех знаменательных частях речи, а также во фразеологических оборотах и нефразеологических сравнениях. Чаще всего единицы времени многозначны, входящие в структуру значения лексико-семантические варианты отражают различные аспекты временных характеристик, поэтому единицей анализа в работе является лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова, реализующий тот или иной аспект значения.

Наиболее продуктивным в моделировании поля ВРЕМЯ является обращение к дефиниционному анализу отраженных в словаре единиц. Основным крите-

рием включения их в семантическое поле является наличие общей темы «время» или ее синонимов («период», «отрезок времени» и т.п.) в толковании слова в «Полном словаре диалектной языковой личности».

Ядерную позицию поля ВРЕМЯ занимают инвариантные единицы, содержащие в интегральной семе указание на время. Они обозначают отрезки времени, сезоны года, месяцы, время суток, дни недели, например, ЧАС, ДЕНЬ, СУТКИ, НЕДЕЛЯ, ГОД, МИНУТА, ЗИМА, ОСЕНЬЮ, МАРТ, ЧЕТВЕРЕГ, УТРО. Человек не может постичь время как объективную категорию в чистом виде, поэтому существуют различные способы его измерения – смысловые конструкты, созданные человеком.

В словаре также выделяется обширный класс единиц, характеризующих время по его свойствам. В качестве таких свойств исследователи, в частности В.В. Морковкин [13], Л.Н. Михеева [7], выделяют следующие:

1) длительность – последовательность состояний, сменяющих друг друга. Позволяет делить отрезки времени, поэтому каждое состояние имеет начало и конец;

2) необратимость времени – одностороннее движение времени от прошлого к будущему;

3) одномерность времени – проявляется в линейном движении событий.

Учитывая это, такие единицы, как СНАЧАЛА, ВРАЗ, ВСКОРЕ, ПОПОЗЖЕ, ДАВНОШНИЙ, КРАТКОВРЕМЕННЫЙ, НЕНАДОЛГО, ВЕЧНО, ИЗРЕДКА, НИКОГДА, ПРОШЛОГОДНИЙ, ЛОНИШНИЙ, ТРЕТЬЕВНИШНИЙ, НОНЕШНИЙ, НАЗАВТРЕ и др., правомерно включить в поле ВРЕМЯ, поскольку они описывают количественные и метрические свойства времени: длительность, последовательность, движение от прошлого к будущему. С их помощью человек стремится упорядочить события, наполняющие его жизнь. Такие единицы составляют ядро поля ВРЕМЯ: их семантика выражает только темпоральность и не содержит никаких дополнительных смыслов.

Приядерную зону занимают единицы, в которых сема «время» или ее синонимы также присутствуют, но кроме нее значение включает и дифференциальные семы, уточняющие интегральную в плане характера наполненности события и специфических черт ситуации: КАНИКУЛЫ (перерыв занятий в учебных заведениях, предоставляемый учащимся для отдыха); КАРАНТИН (временная изоляция больных и лиц, соприкасавшихся с ними, для предупреждения распространения эпидемических заболеваний). Приядерная зона, как показывают наблюдения, дефиниционный и контекстный анализ, весьма обширна: в нее включаются единицы, характеризующиеся различной референтной соотнесенностью. Для дальнейшей структуризации приядерной зоны эффективным представляется ориентация на комплекс значений слова ВРЕМЯ, приведенных в «Полном словаре...»:

1. Последовательная смена часов, дней, лет.

2. Промежуток определенной длительности в последовательной смене часов, дней, лет. Определенный промежуток времени, предназначенный для чего-л.; срок.

3. Определённый момент, в который происходит что-л. Свободные от обычных дел, обязанностей часы, дни.

4. Период, эпоха (в жизни общества, народа).

5. Возраст, срок жизни.

Можно заметить, что приведенные значения слова коррелируют с референтными сферами лексики времени и могут служить основанием для выделения его типов. Анализ материала показывает, что основным типом является *время физическое*, существующее объективно и определяющее все сущее, все процессы и явления в жизни человека. Оно составляет ядро поля: это та времененная рамка, система координат, которая задаёт вехи человеческой жизни, именно с ним человек соотносит все события: **ВЕК¹**; **ГОД**; **ПОЛГО'ДА**; **КВА'РТАЛ**, **ДЕНЬ**; **ПО'ЛДЕНЬ**; **РАНЬ**; **РАССВЕТАТЬ**; **РА'ННИЙ**; **ДНЁМ**; **НАЧА'ЛО**; **СНАЧА'ЛА**; **ПЕ'РВО ВРЕ'МЕЧКО**; **ВРАЗ**; **ПОПУ'ТНО**; **ВМЕ'СТЕ**; **ДАВНО'**; **ДО'ЛГО**; **ЧУТОЧКУ**.

Другие типы времени, составляющие приядерную зону поля ВРЕМЯ, также содержат информацию о физическом протекании события, но на первый план выходят иные доминанты. Они включают человеческий фактор, систему отношений, принятую в обществе. Человек выступает в различных ипостасях и это отражается в типах времени, актуальных для него.

Прежде всего, человек как живое существо вписывается в континуум его биологического существования. Периоды существования человека от рождения до смерти, возраст характеризуются *временем биологическим*: **ВОЗРАСТ**, **ВРЕ'МЯ**, **РОВЕСНИЦА** (лицо женского пола одинакового возраста с кем-л.); **ДЕ'ТСТВО**, **МАЛОЛЕ'ТСТВО**, **МОЛОДЕ'НЕЦ**, **РЕБЯТИ'ШКИ**, **ДЕ'ВУШКА**, **МУЖИЧО'К**: «*А приходит это, мак собирать, покупать, мужичонка. Молодой парень! Хороший [красивый] такой.*». **СТАРУ'ШКА** (женщина, достигшая старости); **СТАРИЧО'НОЧКА**, **СТА'РОСТЬ**. «*Мама-то ешо молодая. Ну всё равно в годах. Двадцать третьего она? Намного... на четырнадцать лет [меня младше].*».

В идиолексиконе присутствуют также единицы, номинирующие возраст растений и животных: **ГОДОВИ'К** (2. Одногодичное растение); **ПЕРВОТЁЛОЧЕК**, **ПЕРВОТЁЛОЧКА**, **ТРЕТЬЯ'К**, **м.** (жеребёнок на третьем году жизни) и др. Являясь неотъемлемой частью поля ВРЕМЯ, они не входят в зону анализа в данной работе, поскольку рассматривается только биологическое время человека.

Человек биологический в процессе своего существования вписывается в социальный контекст, выполняя различные социальные роли. Динамику развития общества в целом и отдельного человека в нем отражает *время социальное*. Лексическими маркерами такого времени являются номинации событий, происходящих в социуме в определенный период: **ПЕРЕСТРО'ЙКА**, **ВОЙНА**', **ГО'ЛОР**, **СЕНОКО'С**. Они могут быть как глобальными, так и актуальными лишь для небольших социальных объединений или конкретного человека: **ЗАБАСТО'ВКА**; **КАРANTI'Н**, **ВА'ХТА**, **ДЕЖУ'РСТВО**; **КОМАНДИРО'ВКА**; **СЕ'ССИЯ**, **ДЕКРЕ'Т**: «*Ну, а так-то*

были, с работы-то. И дали ей во'тпуск: "Отдыхай, гыт, Ольга Петровна". А это, на месяц. "Маленько развейся, и съезди куда-нибудь" – дак от собирается она к брату куды-то далёко».

Еще один ракурс существования человека связан с культурными традициями, принятыми в социуме, т.е. со *временем культурным*. В крестьянской культуре центральным выразителем этого типа времени выступает праздник – день или дни торжества, установленные в честь или память кого- или чего-либо. В идиолекте культурное время представлено единицами **ПРА'ЗДНИК**, **ГОДОВИЩИ'НА**, **ТОРЖЕСТВО'**, **ВСТРЕЧИ'НЫ**, **РОЖЕСТВО'** **ХРИСТО'ВО**, **РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ**, **ДЕНЬ МОЛОДЁЖИ**; **СТАРИ'ННЫЙ НО'ВЫЙ ГОД** и др. «*[И хлеб нельзя есть в сочельник?] Да. Старухи раньше... у нас тётка была – она ничё не ела. Ничё не ела. Водички попьёт, целый день ничё не ела. В сёдняшний день, в Сочельник. [А родители ваши ели?] Мама нет. Ну... так-то... ну, постовали, ну кажется, не ела в Сочельник. А так постовала, мама. [А тётя?] И тётя точно так же. Постовали посты. И нам не давали. Не давали нам ись тоже».*

Итак, все типы времени базируются в своей основе на *времени физическом*, фиксирующем объективные формы существования материального и нематериального мира, но оно получает конкретизацию в виде информации о различных аспектах человеческого существования и деятельности: *время биологическое* характеризует биологические периоды жизни человека, *время социальное* отражает динамику развития общества и человека в нем, *время культурное* – значимые для общества и языковой личности культурные феномены.

Принципиальной для нас является установка на то, что «время рассматривается с точки зрения его понимания носителем языка: осознание этого времени происходит по событиям, его заполняющим, а не по каким-либо физическим параметрам» [6. С. 86], поэтому наряду со временем объективным, инвариантным можно говорить о времени перцептуальном, субъективном, относящемся к сфере восприятия внешнего мира отдельным индивидуумом.

В приведенных выше единицах, заполняющих ядерное и приядерное пространство поля, темпоральная составляющая очевидна, однако в других случаях она выражена не так явно. Например, существует класс единиц, в семантике которых главенствующую позицию занимает информация о характере действия, протекающего во времени, в то время как само указание на временной отрезок уходит на периферию: **ВЕСЕЛИТЬСЯ** (весело проводить время); **ИГРАТЬ** (2. Проводить время в каком-л. занятии, служащем для развлечения), **ОТДОХНУТЬ** (проводить некоторое время в отдыхе, восстановить свои силы отдохном). Характер заполнения времени может быть различным, при этом анализ данных свидетельствует о приоритетной позиции труда в семантике единиц данного класса: *Я прово'рна была работать, пахала, сеяла; А я же работала как серый волк; [Посидите!] Кака' сиденка. Некогда сидеть; Ну ладно, сидеть хорошо, а делать надо*. С этой точки зрения выделяет-

ся оппозиция РАБОТАТЬ/ОТДЫХАТЬ как основной способ проведения времени, таким образом, можно говорить о принадлежности заполняющих оппозицию единиц полям РАБОТА и ВРЕМЯ одновременно: ♦ **ДЕ'ЛО ДЕ'ЛАТЬ; ТРЕПА'ТЬСЯ** (1. Работать много, до изнеможения); **МОТА'ТЬСЯ** (1. Проводить время в беготне, хлопотах, утомительных занятиях); ♦ **В МЯ'ЛКЕ** (в постоянной, интенсивной, тяжёлой работе): «*Тоже много она [родственница] работает, треплется*»; «*Я дак её не видывала, когд' она работала. Это я была везде в мялке – не хвастаю*»; «*Работала, свету белого не видала*».

Время отдыха в идиолексиконе выражено не столь явно и тесно связано с бездействием: «*Отдохну, когд' умру*»; «*Стряпать надо. Отдыхать некогда*»; «*[Надо отдыхать.] Говорят, надо большие трудиться*». Бездействие как способ проведения времени в словаре приводится с пометой *Неодобр.:* **ПОСИ'ЖИВАТЬ, ПРОБОЛТА'ТЬСЯ, ♦ ДИВА'Н ДАВИТЬ, ♦ СКЛАДЯ' РУ'КИ, ♦ ПРОДАВА'ТЬ СЛОНЫ**: «*А он посиживат и всё. Неужели нечего делать у себя дома?*»; «*Я говорю: “Ну ты кака', Аня, чудна'. Если бы он не работал, где-то бы болтался. Ну тут и тут проболтался бы. Он же на работе*»; «*А я приду да диван, гыт, давлю лежжу*».

В идиолексиконе присутствуют также единицы, номинирующие результаты труда, относящиеся к определенному сезону года: **СЕНЧА'К**, м., **СЕНЧУ'К** (сено, скошенное поздней осенью); ♦**ЧЁРНОЕ СЕ'НО** (сено, заготовленное в период дождей); **ОЗИ'МЫЕ**, мн. (сельскохозяйственные культуры, высеваемые и прорастающие осенью, зимующие под снегом); **ЛЕ'ТНИНА**, ж. (овечья шерсть осенней стрижки). Такие единицы, скорее, следует отнести к полю **физическая деятельность**, хотя временной компонент в их значении также присутствует: «*[А называли как-то поздно скощенное сено?]* Ну, сенча'к. Сенчак, угуг. Это поздно' сено, кого там? – сенча'к. [Оно плохое?] Плохо'. Сенчак. А чётако обозначает, я не знаю. Наверно, что это поздно' тако, в ему' соку-то нету, а сенчак его называют, да, называли. А это чё, гыт, поздно', гыт, сенчак. Ну, правильно: все светы итсвету'т, дудки одне останутся – кого там».

К ближней периферии относятся и единицы, описывающие скорость. Скорость можно отнести к параметрам времени наряду с длительностью, однако она не является его типичным свойством, поскольку описывает не движение самого временного потока, а действия человека относительно времени. Единицы, характеризующие скорость, находятся на периферии поля, поскольку сема «время» в них присутствует лишь имплицитно: **БЫ'СТРО** (1. С большой скоростью); **МЕ'ДЛЕННО** (совершаемый с небольшой скоростью); **СКО'РО¹** (1. Быстро, с большой скоростью), ***ШУ'СТРО**. Скорость может описываться не только наречиями, но и глаголами с семантикой «быстроты-медлительности» и фразеологизмами: **БРЕСТИ'** (2. Перен. делать что-л. медленно, с трудом); **ШИ'ШЛИТЬСЯ** (экспр. медленно делать что-л.); ♦ **С ОГНЯ' РВАТЬ** (одобр. делать что-л. с охол.

той, энергично, быстро); ♦ **РАЗ-ДВА** (о том, что совершаются быстро); ♦ **НЕ ЧЕ'ШЕТСЯ** кто (неодобр. о том, кто медлит, бездействует); **ШПА'РИТЬ** (экспр. выполнять действие с особой силой, быстротой, азартом) и т.д.: *Они молодцы ши'бко работать, с огня рвут работать*; «*Ольга-то мастерица, прямо, раз-раз! – и поставит мне эти [уколы]*»; «*Как корова шарюсь. Ни поспе'ху, ни подвижности, ни силы – ничё не стало!*»; «*А тут бы – гору своротить можно за' два дня-то, двое суток дома. Дак от ничё не де'латся чё-то. Мал-мало так шишилится только*».

В приведённых контекстах отчётливо прослеживается аксиологическая составляющая: то, что выполняется быстро, оценивается положительно, в то время как медлительность маркирована отрицательно, поскольку скорость здесь выступает средством оценки результатов деятельности человека. То же самое наблюдается и в характеристиках человека, проявляющего качества быстроты-медлительности: **ВАЛО'ВА'ТЫЙ** (медлительный); **ВЯ'ЛЫЙ** (медлительный, лишённый жизненной энергии); **СПОКО'ЙНЫЙ** (2. Неэнергичный, медлительный); **ПРОВОРНО'Й, ПРОВО'РНЫЙ; ШУ'СТРЕНЬКИЙ; ШУ'СТРЫЙ** (подвижный, быстрый, проворный): «*Отец был такой и мать, ши'бко подви'жны были. ~ А Коля от совсем другой. Он тихо'й. Он прямо спокойный. Не ши'бко разбежится*»; «*Он подкапывал картошки, не мог за ней успеть подкопать. Он-то валоватый такой, толстый, а она-то така' там... ну, ши'бко прово'рна*»; «*Шустра така' старушка. Посидит, соскочит и побежала*». Кроме того, человек, выполняющий что-либо с высокой / низкой скоростью может сравниваться с животными, обладающими такими качествами: **СОБА'КА** (2. О том, кто интенсивно, много работает, не щадя себя); ♦ **Как корова** (о медленно передвигающейся женщине); ***САВРА'С ♦ КАК САВРА'С** (об очень быстро, энергично передвигающемся человеке).

В идиолексиконе присутствуют единицы, связь которых со временем также не столь прозрачна; к их числу относятся, в частности, номинации погодных явлений. Их соотнесённость с полем «Время» отмечают многие исследователи, в частности В.Г. Гак [14], Е.А. Нефедова [15] и др. Основная сложность состоит в том, что в толковании таких единиц в основном не содержится указания на время, но при анализе контекстов связь с полем «Время» прослеживается: **НЕПОГО'ДА**: «*Тут подошло сено. То погода, но'чче непогода ши'бко, всё надо тоже было убирать вовре'мя, сено это*»; **ХО'ЛОД**: «*Ну постоит мороз, допустим неделю постоит, две ли как – а тут день холод большой, назавтра уж опе'ть [тепло]*»; **СУШЬ**: «*Я говорю: “Валя, вы копайте, и лук сей, и морковь сей, обязательно надо сеять. Время-то уходит, всё равно. Да така' сушь будет, я говорю, и ветер дак... ”*»; **ЖАР**: «*А лето было – жар-то какой был, в июне-то всё стоял*»; **ПОГОДА**: «*Вот беда-то прямо. А вот счас от, после этих дожжов, огурцы, заморозки ожидают, там, может, и вёдро стаёт, погода направится. [Лето не очень жаркое.] Ну, како' жарко!*».

В речевой практике диалектоносителя погода занимает очень важное место. Время протекания любого события тесно связано с погодой: «*А седьмого [июня] в Троицу-то снег напал*»; «*Помню в двадцать третьем году в Петров день иней упал*». Погода характеризуется коммуникативной значимостью и в связи с земледельческим трудом. С ней соотносятся различные виды крестьянских работ: время посадки, обработки посевов, сбора урожая: «*Думаю, поморозне будет, может шинковку возьму пошикнюю [катусту]*». Успешность земледельческих трудов во многом зависит от погоды: «*Говорят, от вёдра да от жа'ру огурцы го'рьки бывают, а другой раз дож, ненасье – тоже го'рьки*»; «*Помидоры я посадила в тепличку. Они там пропали – там жыра ды'ка*». Любой метеорологический событие развёртывается во времени, наблюдается в определённый момент в какой-либо точке пространства, поэтому такие единицы входят в состав поля ВРЕМЯ, но принадлежат к зоне крайней периферии.

Таким образом, время, являясь существенным элементом любой картины мира, получает различные формы воплощения. Лексические средства, маркирующие категорию, обладают сложной семантикой, поэтому моделирование поля требует четких оснований для включения тех или иных единиц в зону анализа. Главным критерием отбора являлось наличие в толковании семы «время» или её синонимов. При этом выстраивание полевой структуры зависит от статуса семы «время» в пределах лексического значения единицы: она может носить либо интегральный, либо

дифференциальный характер. Существенную роль играет также контекст употребления единицы, позволяя дать более полное представление о её семантике. В результате проделанной работы в сферу анализа вошли 1 132 единицы.

Анализ материала позволяет построить модель поля, состоящую из ядерной, приядерной и периферийной зон. Однако поле времени имеет нечеткие границы; члены, входящие в его состав, неравноправны. Ядро поля составляют инвариантные единицы (326 ЛСВ), номинирующие отрезки времени, сезоны, месяцы, дни недели, части суток, а также некоторые параметры, отражающие неотъемлемые свойства времени. В приядерную зону входят 520 единиц, включающих, помимо интегральной семы «время», также и дифференциальные, привязывающие единицу к конкретной ситуации.

Материал позволяет структурировать ядерную и приядерную зоны по сфере референтной соотнесенности временных отрезков, что позволяет выделить четыре типа времени: физическое, биологическое, социальное и культурное.

В периферию поля включаются единицы, находящиеся на пересечении поля ВРЕМЯ с другими полями (286 ЛСВ). К пространству ближней периферии относятся номинации способа проведения времени и скорости; дальнюю периферию заполняют единицы, характеризующие метеорологические состояния.

Представленная модель поля ВРЕМЯ дает возможность последующей интерпретации материала в аспекте языковой картины мира [16, 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка (попытка системного описания) // Вопросы языкоznания. 1995. № 1. С. 37–67.
3. Логический анализ языка. Язык и время / Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М. : Индрик, 1997. 352 с.
4. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
6. Яковleva E.C. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994. 343 с.
7. Михеева Л.Н. Время как лингвокультурологическая категория. М. : Флинта ; Наука, 2006. 96 с.
8. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира / под ред. Л.Г. Бабенко. Тюмень, 2005. 264 с.
9. Первухина Е.В. Наречия времени и пространства в архангельских народных говорах (семантический аспект) : автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2002. 23 с.
10. Калиткина Г.В. Объективизация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 293 с.
11. Полный словарь диалектной языковой личности : в 4 т. / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. Т. 1–4.
12. Плунгян В.А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка: язык и время. М. : Индрик, 1997. С. 158–169.
13. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. 168 с.
14. Гак В.Г. Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998. 763 с.
15. Нефедова Е.А. Время, погода, жизнь в пространстве диалекта. Фрагменты диалектной картины мира. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 429 с.
16. Гынгазова Л.Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 15–19.
17. Гынгазова Л.Г. «Полный словарь диалектной языковой личности» как источник изучения темпоральной картины мира языковой личности сибирского старожила // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 99–110.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 марта 2017 г.

THE SEMANTIC FIELD OF TIME IN THE IDIOLECT OF THE LANGUAGE PERSONALITY OF THE OLD RESIDENT OF SIBERIA: BOUNDARIES AND THE STRUCTURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 24–29.

DOI: 10.17223/15617793/418/3

Lyudmila A. Ivanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ludon26@mail.ru

Keywords: idiolect; dialect language personality; time; semantic field; folk speech culture.

The article discusses the category of time in the idiolect of a folk speech culture representative. Time is an important element of any picture of the world. The concept of time permeates language and all our consciousness as a whole, and, therefore, belongs to the defining categories of human consciousness. All levels of the language system can express the idea of time. However, the lexical level of the language takes the priority position in the description of a language picture of the world. The category is marked by various lexical means that have a complex semantics. So, it is necessary to develop clear criteria for the inclusion of units in the analysis area. The use of the definitional analysis of units is the most productive in the modeling of the field "Time". The availability in the meaning of the seme "time" or its synonyms was the main criterion for word selection. *The Complete Dictionary of the Dialect Language Personality* served as a source of research. Analysis of the material allows constructing a model of the field consisting of the core, the center, the periphery. But the field of time has unclear boundaries, the members included in its composition are unequal. Lexical units with the direct meaning of temporality constitute the core of the field. It is invariant units: seasons, months, days of the week, part of the day. The central part of the field includes units that also have distinctive semes besides the seme of time. Units with a connotative meaning (evaluation) are in the center of the field too. The material also allows structuring the core and center in the form of four types of time: physical, biological, social and cultural. Physical time is the main type; it exists objectively and determines all processes and phenomena in human life. A person as a living creature fits into the continuum of the biological existence. Biological time characterizes periods of human existence from birth to death. A person exists in a social context; s/he performs various social roles. Social time reflects the dynamics of the development of society as a whole and of the individual in it. Another aspect of human existence is linked to cultural traditions, that is to cultural time. Holiday acts as the central expression of this type of time in peasant culture. Units intersecting with adjacent fields, in particular with the field of weather, activities and space, are located at the periphery. Their relationship with time is not so clear. An important role is played by the context of the use of the unit in the simulation peripheral space; it gives a more complete picture of its semantics. The model allows identifying the specifics of the field "Time" and interpreting the material in the aspect of a language picture of the world.

REFERENCES

1. Vezhbitskaya, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through the medium of key words]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Apresyan, Yu.D. (1995) *Obraz cheloveka po dannym yazyka (popytka sistemnogo opisaniya)* [The image of a person according to the language (an attempted system description)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 37–67.
3. Arutyunova, N.D. & Yanko, T.E. (1997) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of the language. Language and time]. Moscow: Indrik.
4. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2005) *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of the study]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
6. Yakovleva, E.S. (1994) *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow: Gnozis.
7. Mikheeva, L.N. (2006) *Vremya kak lingvokul'turologicheskaya kategorija* [Time as a linguistic and cultural category]. Moscow: Flinta; Nauka.
8. Belyakova, S.M. (2005) *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira* [The image of time in the dialectal picture of the world]. Tyumen: Tyumen State University.
9. Pervukhina, E.V. (2002) *Narechiya vremeni i prostranstva v arkhangelskikh narodnykh govorakh (semanticheskiy aspekt)* [Adverbs of time and space in the Arkhangelsk folk dialects (semantic aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
10. Kalitkina, G.V. (2010) *Ob'ektivatsiya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [Objectivization of traditional temporality in dialect language]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Ivantsova, E.V. (ed.) (2007) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti: v 4 t.* [A complete dictionary of the dialectal language personality: in 4 volumes]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Plungyan, V.A. (1997) *Vremya i vremena: k voprosu o kategorii chisla* [Time and times: on the category of number]. In: Arutyunova, N.D. & Yanko, T.E. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka: yazyk i vremya* [Logical analysis of the language: language and time]. Moscow: Indrik.
13. Morkovkin, V.V. (1977) *Opyt ideograficheskogo opisaniya leksiki (analiz slov so znacheniem vremeni v russkom yazyke)* [Experience of ideographic description of vocabulary (analysis of words with the meaning of time in Russian)]. Moscow: Moscow State University.
14. Gak, V.G. (1998) *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
15. Nefedova, E.A. (2012) *Vremya, pogoda, zhizn' v prostranstve dialektika. Fragmenty dialektnoy kartiny mira* [Time, weather, life in the space of a dialect. Fragments of the dialectal picture of the world]. LAP LAMBERT Academic Publishing.
16. Gyngazova, L.G. (2007) *Interpretatsiya mira yazykovoy lichnosti'yu dialektonositelya i ee reinterpretatsiya issledovatelyem* [Interpretation of the world by the language personality of the dialect speaker and its reinterpretation by the researcher]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 295. pp. 15–19.
17. Gyngazova, L.G. (2016) Complete Dictionary of the Dialect Language Personality as a source of studying the temporal worldview of the language personality of a Siberian old-timer. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (9). pp. 99–110. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/9/7

Received: 15 March 2017

АББРЕВИАТУРЫ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

Выявляются и структурируются основные типы сокращений английских и русских экономических терминов. На основе проведенного дериватологического анализа в контрастивном аспекте (за контрастивную пару принимаются английские и русские терминологические единицы) устанавливаются структурные особенности в образовании экономических сокращений на примерах из английского и русского языков. Самым заметным различием в структурных особенностях экономических терминов являются большое структурное разнообразие в образовании английских аббревиатур и наличие большого числа англоязычных заимствований – в русских.

Ключевые слова: экономический термин; экономическая терминология; дериватология; контрастивная пара; аббревиатура; структурный тип.

Экономическая сфера деятельности человека постоянно и динамично развивается, что способствует непрерывному обогащению экономической терминологии. При этом давно замечено, что стремление к сокращению терминов является одной из особенностей черт как в английском, так и в русском языке, актуальность которой только усиливается в наши дни. Это и повлияло на выбор темы данной статьи, цель которой – выявление основных типов экономических сокращений в английской и русской терминологии профессиональной области знания в контрастивном аспекте. Материалом исследования послужили 992 сокращения на английском и 612 экономических сокращений на русском языке. Все анализируемые единицы собраны методом сплошной выборки из специальных отечественных и зарубежных словарей и справочников [1–8], поэтому считаем их экономическими терминами. Преимущественно это сокращения экономических терминов XX–XXI вв.

Для начала определим некоторые рабочие понятия, опираясь на которые, мы представляем результаты данного исследования. На основе анализа работ В.П. Даниленко, А.А. Реформатского, В.М. Лейчика можно установить, что термин – это слово или словосочетание, которое называет и обозначает конкретное понятие или явление некоторой сферы деятельности человека или области его знаний. Термин стремится к моносемии в системе своей терминологии и часто через контекст может входить в общую лексическую систему языка [9. С. 58; 10. С. 110; 11. С. 7]. Соответственно, экономическим термином считаем слово или словосочетание, которое называет и обозначает понятие (или явление) экономической сферы деятельности. Экономическая терминология – это совокупность средств номинирования, обозначения и фиксации профессионально-научного знания экономической сферы исследования.

Дериватология – это наука, изучающая деривацию (создание) языковых единиц всех лингвистических уровней – от фонемы и морфемы до слова, словосочетания, предложения и дискурса (связного текста) [12. С. 67–68].

С позиции контрастивного анализа будем рассматривать деривацию лексических единиц исключительно одной контрастивной пары языков [13. С. 5–7]. За теоретическую основу проведения контрастивного

анализа используем концепцию В.П. Коровушкина, который указывает на то, что сопоставление двух языковых единиц имеет целью установление их сходств и различий, типологических и специфических черт на определенном уровне языковой структуры [14. С. 54] (в нашем случае – лексическом).

В рамках проводимого исследования за контрастивную пару принимаем две лексические единицы, которые при сопоставлении дают возможность выявить основные типологические черты, характерные для этих единиц, а также их различия.

В научной литературе есть некоторые разногласия по поводу того, что считать сокращением и аббревиатурой, являются ли эти понятия синонимами. В рамках нашего исследования считаем термины, обозначающие эти понятия, синонимичными. При этом вслед за В.П. Коровушкиным считаем сокращение / аббревиатуру «результативной единицей процесса аббревиатурного словообразования со статусом слова... морфологическая структура которой содержит хотя бы один абброслед, отсылающий к синхронно существующей с ней полной генеративной единице» [15. С. 128; 16. С. 63; 17. С. 21–22]. Здесь уточним, что абброслед – это отыскочный след, представляющий собой аббревиатурный фрагмент (абброФрагмент) полной генеративной единицы, который конституирует производную сокращенную структуру деривата – сокращения / аббревиатуры. Генеративная единица – это изначально сокращаемое слово / словосочетание, которое является основной и мотивом создаваемой аббревиатуры.

Стоит отметить, что единой точки зрения в области типологизации сокращений / аббревиатур нет, несмотря на то что многие лингвисты предлагали свои подходы и классификации. Рассмотрим некоторые подходы к классификации способов сокращений терминов и терминосочетаний.

В.В. Борисов в своих работах подробно рассматривает процесс аббревиации и представляет классификацию сокращений. Он предлагает выделять три способа морфологической аббревиации: а) морфемная аббревиация; б) инициальная аббревиация; в) комбинированный способ [18. С. 69–70].

Следуя морфологическому принципу классификации сокращений, Л.К. Кондратюкова выделяет следующие четыре типа (модели): 1) буквенные; 2) сло-

говые; 3) буквенно-слоговые сокращения; 4) усечения [19. С. 90–91].

Л.Б. Ткачева, отмечая отсутствие единой классификации в научной литературе по вопросу способов сокращений, выделяет следующие возможные способы аббревиации: 1) инициальный; 2) усечение; 3) стяжение; 4) акронимия; 5) гибридные сокращения [20. С. 57].

Согласно теоретической концепции В.П. Коровушкина, абброслед, содержащийся в сокращённой единице, может соотноситься с инициальной фонемой генеративной единицы (аббронициальный абброслед), фонемным фрагментом слова (абброрморфемный абброслед), цельнооформленным словесным компонентом (аббрсловесный абброслед) [16. С. 61–77; 17. С. 9–36]. Соответственно, автор предлагает три структурных типа сокращений: аббронициальные, абброрморфемные, аббрсловесные.

Представленные классификации подразумевают, что сокращенные единицы могут начинаться от инициала до сложносокращенных структур с несокращенными частями. Однако стоит отметить, что любая классификация может быть дополнена различными структурными типами в зависимости от рассматриваемого языкового материала, и на примере отдельно взятой терминосистемы типология сокращений может заметно отличаться от другой.

Структурный тип как формальная единица аббревиатурно-словообразовательного анализа – это «уровневая» соотнесенность абброследов в структуре сокращенного деривата с дискретными языковыми единицами при его лексикализации в слово в плане выражения. Это составляет естественное основание для типизации сокращенных структур [17. С. 44]. На этом основании построим классификацию сокращений экономических терминов.

По уровневому типу абброследов и способу деривации сокращенных структур экономической терминологии можно выделить следующие структурные типы (СТ): СТ-I – инициальные сокращения; СТ-II – усеченные, включающие и сложения усеченных структур терминосочетания; СТ-III – словесные структуры; СТ-IV – сокращения, осложненные формантами; СТ-V – сокращения-композиты, лексикализуемые сложением сокращенных структур с несокращенными словами; СТ-VI – синтаксически связанные сокращенные структуры, лексикализуемые в составе терминосочетаний; СТ-VII – графические сокращения.

При этом каждый выделенный тип сокращений включает несколько структурных подтипов (Спг). Проиллюстрируем их на примерах в английском (А) и русском (Б) языках.

Структурный тип I – инициальные сокращения подразделяется на следующие подтипы: Спг-1 – инициально-буквенные – такой подтип сокращений, при котором происходит алфавитное озвучивание каждого аббронициала-буквы: А) английские: ZBB (<Zero-based budget); Б) русские: НДС (<налог на добавленную стоимость). Спг-2 – инициально-звуковые аббревиатуры, или акронимы, – это акрофонемное озвучивание всего комплекса инициалов-букв, произносимых не по отдельности, а как цельнооформленное

слово: А) английские: ОПЕК (<Organization of Petroleum Exporting Countries); Б) русские: ЧИФ (<чековый инвестиционный фонд). Спг-3 – буквенно-звуковые аббревиатуры – смешанный подтип инициальных сокращений, при которых происходит алфавитное озвучивание одной части и акрофонемное – другой части абброследов: А) английские: ASA (<American Standard Association); Б) русские: ЕЭП (<Европейское экономическое пространство). Далее в структурном типе-І возможна также дифференциация структурных моделей по количеству и способу комбинации гласных (V/= vowel/) и согласных (C/= consonant/) инициалов в сокращенной структуре [17. С. 46].

При этом контрастивно-дериватологический анализ показал следующие основные тенденции образования инициальных сокращений и различия в английской и русской экономической терминологии: 1) среди инициально-буквенных сокращений в обоих языках выявлены модели от двухинициальных до шестиинициальных структур. Однако в английском языке выявлено большее разнообразие в способах комбинации гласных и согласных инициалов в двухинициальных (4 способа против 3 в русском) и пятиинициальных аббревиатурах (7 способов против 2 в русском): а) двухинициальные: А) английские: /VC/: A.D. (<accidental damage), б) /VV/: IE (<Individual Entrepreneur), в) /CC/: BP (<bill of parcels), г) /CV/: LE (<Legal Entity); Б) русские: /VC/: ЮЛ (<юридическое лицо), /VV/: АО (<акционерное общество), /CC/: ТБ (<торговый баланс); б) пятиинициальные А) английские: /VVCCV/: AICPA (<American Institute of Certified Public Accountants), /CCCVV/: CFROI (<cash flow return on investment), /CVCCC/: NAMMS (<National Partnership of Microfinance Market Stakeholders), /CV-CCC/: PA-DSS (<Payment Application Data Security Standard), /CVVCC/: NAOCC (<Non Aircraft Operating Common Carrier), /CCVCC/: NVOCC (<Non Vessel Operating Common Carrier), /VCCVC/: ICSID (<International Agency for Settlement of Investment Disputes); Б) русские: /CCCCV/: КМСФО (<Комитет по международным стандартам финансовой отчетности), /VCvCC/: ОНиВД (<обеспечение непрерывности и / или восстановление деятельности кредитной организации); 2) среди инициально-звуковых выявлены модели от двухинициальных до семиинициальных структур. Дополнительно в английском языке выявлена восьминициальная аббревиатура: INMARSAT (<International Convention on the International Maritime Satellite Organization – Конвенция о международной морской спутниковой организации).

При этом наблюдается большее разнообразие в способах комбинации гласных и согласных инициалов в английском языке в трёхинициальных (4 способа против 2 в русском языке), четырёхинициальных (4 способа против 3 в русском), пятиинициальных (10 способов против 6 в русском), шестинициальных (6 способов против 2 в русском); 3) среди буквенно-звуковых аббревиатур выявлены трех- и четырёхинициальные структуры в обоих языках, однако в русском дополнительно выявлены пяти-, шести-, девятиинициальные модели: НАДЦБ (<Национальная ассоциация дилеров по ценным бумагам), ГИС ГМП

(<Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах), СТО БР ИББС (Стандарт Банка России по обеспечению информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации).

Структурный тип II – усеченные сокращения. Это такие сокращения, которые были образованы в результате усечения начальных, срединных или конечных компонентов, стяжения усеченных компонентов или их сложения при усечении нескольких слов терминосочетания. При этом выделяются следующие структурные подтипы: Спт-1 – начально-усеченные дериваты одного слова (апокопа): А) английские: load (<loading), Б) русские: опцион (опциональный контракт); Спт-2 – конечно-усеченные дериваты одного слова (аферезис): только английские: fence (<defence – защита); Спт-3 – начально-конечно-усеченные дериваты одного слова (синкопа): только английские: mart (<market – рынок); Спт-4 – начально-усеченные сложения двух усеченных структур: А) английские: PERFAN (<Performance analysis) – анализ деятельности, Б) русские: Минфин (<министрство финансов); Спт-5 – начально-усеченные сложения трех апокопированных слов: А) английские: firavv (<first available vessel) – первое отходящее судно, Б) русские: Совнархоз (<Совет народного хозяйства). Таким образом, в английском языке представлены два дополнительных подтипа, не свойственных экономическим сокращениям в русском.

Структурный тип III – словесные сокращения – результаты эллипса терминосочетаний. Спт-1 – однокомпонентные конечно-словечные дериваты терминосочетаний (эллипс начальных слов): А) английские: clearance (<customs formalities clearance), Б) русские: платежеспособность (<коэффициент платежеспособности). Спт-2 – однокомпонентные начально-словесные дериваты терминосочетаний (эллипс конечных слов): А) английские: fixed (<fixed rate of exchange), Б) русские: списание (<списание балансовой стоимости активов). Спт-3 – двухкомпонентные начально-словесные дериваты терминосочетаний (эллипс конечных слов): А) английские: Transaction demand (<Transaction demand for money), Б) русские: норма доходности (<норма доходности ценообразования). Спт-4 – двухкомпонентные конечно-словесные дериваты терминосочетаний (эллипс начальных слов): А) английские: Official List (<Stock Exchange Daily Official List), Б) русские: курс валюты (<обменный курс валюты). Спт-5 – двухкомпонентные начально-конечно-словесные дериваты терминосочетаний (эллипс срединного компонента): А) английские: public economics (<public sector economics), Б) русские: Главснаб (<Главное управление материально-технического снабжения). Спт-6 – трехкомпонентные начально-словесные дериваты терминосочетаний (эллипс конечных слов): только английский: trailing p/e (<trailing price/earnings ratio). Спт-7 – трехкомпонентные конечно-словесные дериваты терминосочетаний (эллипс начальных слов): только русские: Росфинмониторинг (<Федеральная служба РФ по финансовому мониторингу). Спт-8 – трехкомпонентные начально-конечно-словесные дериваты тер-

миносочетаний (эллипс срединного компонента): только английские: profit and loss account (<profit and loss appropriation account). Спт-9 – четырехкомпонентные конечно-словесные дериваты терминосочетаний (эллипс начальных слов): только английские: cash flow return on assets (<operating cash flow return on assets). Отметим, что в словесных сокращенных структурах выделено три подтипа, свойственных только английскому языку (Спт-6, Спт-8, Спт-9) и один дополнительный Спт-7 – русскому.

Структурный тип IV – сокращение с формантами: Спт-1 – аффиксально-ициальные: а) суффиксальные: НИРС (<heavily indebted poor countries); б) полу-суффиксальные: VAT-registered (<value added tax registered); Спт-2 – аффиксально-усеченные: суффиксальные: perks (<perquisites); Спт-3 – ициальновидовые (номенклатуро-подобные): B2C (<Business to consumer marketing / Consumer marketing). Этот структурный тип свойствен только для английских экономических аббревиатур. На материале русских сокращений таких примеров не выявлено.

Структурный тип V – сокращения-композиты с несокращенными словами: Спт-1 – ициальные композиты с цельнооформленными несокращенными словами: А) английские: NCND-Agreement (<Non-Circumvention and Non-Disclosure Agreement), Б) русские: затраты НИОКР (<затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки); Спт-2 – усеченные композиты с цельнооформленными несокращенными словами: А) английские: sub license (<subject to license being granted), Б) русские: капремонт (<капитальный ремонт).

Структурный тип VI – синтаксически связанные сокращения в составе терминосочетания: только Спт-1 – ициальные структуры в составе терминосочетания: А) английские: brokered cd (<bogekered certificate of deposit), Б) русские: Карликовая ГНИА (<Карликовая ценная бумага, гарантированная Государственной национальной ипотечной ассоциацией США и выпущенная под обеспечение пулом ипотек).

Структурный тип VII – графические структуры – являются особым типом сокращений, при котором графически сокращается материальная оболочка. Используются такие аббревиатуры только в письменной речи: А) английские: agt. (<agent), Б) русские: а-во (<агентство). Здесь отмечены: Спт-1 – графические композиты с цельнооформленными несокращенными словами: А) английские: P.& I.clause (<Protection and indemnity clause), Б) русские: инвалюта (<иностранный валюты) и Спт-2 – графические структуры в составе терминосочетания: А) английские: acc. cop. (<according to the custom of the port), Б) русские: нов. пост. (<новые поступления).

Следующий структурный тип встречается только в одном из сравниваемых языков – русском. При этом он очень широко распространен и является примечательной особенностью всей русской экономической терминологии. Это структурный тип VIII – сокращения – иноязычные заимствования. Деривация такого типа сокращения происходит путем заимствования терминосочетания, термина или его элемента (на лю-

бом уровне: фонемном, морфемном) из английского языка экономики в русский.

Здесь можно выделить следующие структурные подтипы. Спт-1 – английские сокращения, ассилированные транслитерацией в русском языке: 1) английские буквенно-звуковые аббревиатуры-акронимы в русской транслитерации: ФИФО = FIFO (<First in, first out – метод оценки и учета материальных запасов компании или портфеля ценных бумаг в порядке их поступления / покупки; буквально: «первый внутрь, первый наружу»); 2) английские буквенно-звуковые аббревиатуры-акронимы в русской транслитерации – гибриды с цельнооформленными переводами несокращенного компонента полного английского прототипа: СВОТ-анализ = SWOT-analysis (<Strengths, weakness, opportunities and threats – анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз); 3) английские транслитерированные аббревиатуры в составе термина-словосочетания: цена СИФ = CIF (<cost, insurance and freight – стоимость, страховка и фрахт = цена продажи, в которую включаются цена товара, затраты на его транспортировку до порта назначения и на его страхование); 4) английские инициально-буквенные аббревиатуры в русской транслитерации: пиар = PR (<public relations – связи с общественностью); 5) английские инициально-буквенные аббревиатуры в русской транслитерации в составе термина-словосочетания: **Матрица БКГ (Boston Consulting Group – матрица «доля рынка»)**; 6) английские транслитерированные начально-усеченные структуры-апокопы: РЕПО = REPO (<repossession repurchase agreement – продажа ценных бумаг с обязательством обратной покупки); 7) английские транслитерированные сложения усечений двух апокопированных терминов-слов: Форекс = Forex (<Foreign Exchange – рынок межбанковского обмена валюты по свободным ценам); 8) английские транслитерированные сложения усечений двух апокопированных терминов в составе композита с транслитерированным полным компонентом прототипа: МАНИВЭЛ = MONEYVAL (<money value – Committee of Experts on the Evaluation of Anti-Money Laundering Measures and the Financing of Terrorism – Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег); 9) английские транслитерированные словесные структуры с эллипсисом конечного компонента терминосочетания-прототипа: флотинг (<floating rate of exchange – плавающий валютный курс); 10) английские транслитерированные словесные структуры с эллипсисом начальных компонентов терминосочетания-прототипа: клиринг = clearance (<customs formalities clearance – освобождение от таможенных формальностей).

Спт-2 – английские экономические сокращения, графически неассимилированные транслитерацией в русском языке: 1) английские нетранслитерированные инициально-буквенные аббревиатуры-гибриды с цельнооформленными несокращенными русскими словами: CRM-технологии (<customer relationship management – автоматизация маркетинговой деятельности, продаж и контактов); 2) английские нетранслитерированные инициально-звуковые аббревиатуры – гибриды-акронимы с цельнооформленными несокра-

щенными русскими словами: PEST-анализ (<Policy, Economy, Society, Technology – выявление политических, экономических, социальных и технологических аспектов внешней среды, которые могут повлиять на стратегию компании); 3) английские нетранслитерированные инициально-буквенные аббревиатуры-гибриды с цельнооформленными русскими переводами несокращенного компонента полного английского прототипа: ERP-система (<Enterprise Resource Planning System – Система планирования ресурсов предприятия); 4) английские нетранслитерированные буквенно-звуковые аббревиатуры-акронимы в составе терминосочетания: GAP-страхование (<guaranteed asset protection – гарантия сохранения цены автомобиля); 5) английские нетранслитерированные инициально-буквенные аббревиатуры-псевдономенклатуры в составе терминосочетания: P2P-кредитование (<peer-to-peer – «социальное» кредитование, кредитование среди равных).

Когда мы говорим о том, что сокращения – экономические заимствования – свойственны только русскому языку экономики, мы не исключаем того, что в английском языке заимствуются некоторые термины и их сокращения. Однако на примере нашей выборке таких сокращений всего несколько и все они – имена собственные (наименование немецкого индекса и латиноамериканской организации), тогда как в российской экономике заимствуются целые явления и их наименования. Кроме всего прочего, они представлены разнообразной структурой, а значит, могут быть рассмотрены как особый тип образования сокращенных структур.

Контрастивно-дериватологический анализ структуры сокращений терминов в английском и русском экономических языках показал, что основные деривационные правила типичны в рассматриваемых языках. В обоих языках выявлено шесть основных структурных типов. Специфика наблюдается в следующем: 1) в английском языке – наличие дополнительного структурного типа IV – сокращения с формантами; 2) большая вариабельность подтипов и моделей в выделенных структурных типах в английском языке; 3) для русского языка – наличие одного дополнительного структурного типа VIII – сокращения – иноязычные заимствования; 4) в русском языке выделен всего один дополнительный подтип, не наблюдаемый в английском языке: в словесных сокращениях Спт-7 – трехкомпонентные конечно-словесные дериваты терминосочетаний (эллипсис начальных слов). Это свидетельствует о большем структурном разнообразии сокращений терминов в английском экономическом языке, чем в русском. Связано это преимущественно с постоянными продолжительными экономическими подъёмами в крупнейших англоговорящий странах – США и Великобритании, новыми изобретениями и постоянными революциями. Очень многие экономические явления российской экономики приходится перенимать, а соответственно, и заимствовать термины, их обозначающие. В этой связи отличительной особенностью в области экономического терминообразования в русском языке является наличие заимствований терминов и их сокращений.

Отметим также, что специфика аббревиации в экономической сфере проявляется в стремлении к минимизации энергозатрат на проведение многих операций, включая деловую речь как в устной, так и в письменной форме, в стремлении к некоторой унификации многих терминов, и особенно сложносоставных (а исследуемый материал показал, что сокращаются многокомпонентные терминосочетания вплоть до девятикомпонентных структур). Поскольку выявленная в ходе

работы классификация сокращений экономических терминов в английском и русском языках очень похожа, можно говорить о том, что тенденция к сокращению терминологических единиц заложена на уровне pragmatики. Если обратиться к экономическим аббревиатурам, можно заметить, что преимущественно сокращаются наименования различных сообществ и объединений и международных соглашений, что в том числе подчеркивает специфику экономических сокращений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаджян И.П. Деловой английский. English for Business. Ростов н/Д : Феникс, 2012. 317 с.
2. Толковый словарь экономических терминов / В.А. Коноплицкий, А.И. Филина. Киев : Альтерпрес, 2007. 624 с.
3. Черноситова Т.Л. Толковый англо-русский, русско-английский экономический словарь. Ростов н/Д : Феникс, 2002. 256 с.
4. Acronyms and Initialisms Dictionary / ed. by R.C. Thomas, J.M. Ethridge and F.Y. Ruffner. Detroit : Gale, 1965. 767 р.
5. Jung U. Elsevier's foreign-language teacher's dictionary of acronyms and abbreviations. Amsterdam : Elsevier, 1985. 137 р.
6. Pugh E. Third Dictionary of Acronyms and Abbreviations. L. : Clive Bingley, 1977. 208 р.
7. Словарь банковских терминов [Внешняя экономика – словарь сокращений]. URL: <http://www.perfekt.ru/dictionaries/abb-econ.html> (дата обращения: 20.12.2016).
8. Словарь банковских терминов. URL: <http://www.banki.ru/wikibank/category:investitsii/> (дата обращения: 29.01.2017).
9. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М. : Наука, 1977. 246 с.
10. Реформатский А.А. Введение в языкознание : учеб. для филол. фак-тов пед. ин-тов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1967. 542 с.
11. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
12. Коровушкин В.П. К разработке теории английской просторечной дериватологии (на материале военного социолекта XVII–XX вв.) // Содержательные и формальные аспекты языковых единиц : межвуз. сб. Вологда, 1995. С. 65–71.
13. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии : в 2 ч. Череповец, 2005. Ч. I. 245 с.
14. Коровушкин В.П. Теоретические основы контрастивной социолектологии. Череповец : ЧГУ, 2009. 246 с.
15. Коровушкин В.П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолексикологического анализа). Череповец, 2008. 167 с.
16. Коровушкин В.П. Методика словаобразовательного анализа субстандартной аббревиации (на материале английского и русского военного жаргона) // Единицы разных уровней в языке и речи : межвуз. сб. науч. тр. Череповец, 1994. С. 58–86.
17. Коровушкин В.П. Сокращения в военном жаргоне англоязычных стран (XVII–XX вв.). Ч. I: Аббревиатурное словообразование в англоязычном военном жаргоне. Череповец, 1989. 218 с.
18. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / под ред. А.Д. Швейцера. М., 1972. С. 98–100.
19. Кондратюкова Л.К. Становление и развитие терминологии вычислительной техники в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 1984. 190 с.
20. Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 200 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 апреля 2017 г.

ABBREVIATIONS OF ENGLISH AND RUSSIAN ECONOMIC TERMS: A CONTRASTIVE ASPECT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 30–35.

DOI: 10.17223/15617793/418/4

Svetlana A. Kostrubina, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: kostrubinasa@mail.ru
Keywords: economic term; economic terminology; derivatology; contrastive pair; abbreviation; structural type.

The paper reveals and structures the main types of English and Russian economic abbreviations. The author identifies structural features in the formation of economic abbreviations with the help of derivatological analysis in a contrastive aspect: English and Russian terminological units are treated as contrastive pairs. Abbreviation is a productive unit of the process of word-formation. Its morphological structure contains at least one abbreviated fragment of a full generative unit. Structural type is a correlation of the language level of an abbreviated fragment between reduced derivative and discrete linguistic units. It is a natural basis for the classification of abbreviated structures. Shortened economic terms are classified on this basis. The following structural types (ST) can be distinguished: ST-I – initial abbreviations; ST-II – shortened names which include blends; ST-III – ellipsis (verbal structures); ST-IV – abbreviations with affixation; ST-V – abbreviations-composites (reduced structures with unabbreviated words); ST-VI – syntactically-associated shortened structures; ST-VII: graphic shortenings. The author discusses each structural type in more detail, and illustrates them by the examples in (A) English and (B) Russian languages. ST-I – initial abbreviations – are formed by taking initial letters of multiword sequences. They may be pronounced as individual letters (initialisms), as regular words (acronyms) and as the hybrid of initials and sounds. For example, A) English: ZBB (Zero-based budget); B) Russian: NDS (Nalog na dobavlennyu stiomost' [VAT]). It is also possible to differentiate structural patterns in the number and method of combination of vowel and consonant initials in the shortened structure. There is greater variety in the modes of combination of vowel and consonant initials in English than in Russian. ST-II shortenings are derived by the lack of phonetic material compared with the base word. For example, A) English: load (<loading); B) Russian: option (optsiyonnyy kontrakt [option contract]). There are two additional subtypes in English that are not peculiar to economic abbreviations in Russian, ST-III – ellipsis (verbal structures): A) English: fixed (<fixed rate of exchange); B) Russian: kurs valyuty (<obmennyy kurs valyuty [exchange rate]). There are three subtypes peculiar only to the English language and one subtype to Russian. ST-IV – abbreviations derived with the help of formants (affixation). They are only English: HICPs (<heavily indebted poor countries). ST-V – abbreviations-composites (reduced structures with unabbreviated words): A) English: NCND-Agreement (<Non-Circumvention and Non-Disclosure Agreement); B) Russian: Zatraty NIOKR (Zatraty na nauchno-issledovatel'skiye i optychno-konstruktorskiye razrabotki [R&D costs]). ST-VI – syntactically-associated shortened structures.

For example, A) English: brokered cd (<brokered certificate of deposit); B) Russian: Karlikovaya GNIA (<Karlikovaya tsennaya bumaga, garantirovannaya Gosudarstvennoy natsional'noy ipotechnoy assotsiatsiyey SSHA i vypushchennaya pod obespecheniye pulom ipotek [GNMA midget]). ST-VII: graphic shortenings are manifested in writing only. A) English: agt. (<agent); B) Russian: a-vo (<agentstvo [agency]). ST-VIII: abbreviations – foreign borrowings. They are peculiar only to the Russian language, for example, tsena CIF = CIF (<cost, insurance and freight); ERP-sistema (<Enterprise Resource Planning System). In summary one can see that the most notable difference in the structural features of economic terms is a great structural diversity in the formation of English abbreviations and the large number of English borrowings in Russian economic terminology. However, identified classifications of shortened economic terms in English and Russian are very similar, derivation rules of forming abbreviations in contrastive languages are typical.

REFERENCES

1. Agabekyan, I.P. (2012) *Delovoy angliyskiy. English for Business* [Business English. English for Business]. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Konoplitskiy, V.A., Filina, A.I. (2007) *Tolkovyy slovar' ekonomicheskikh terminov* [Explanatory Dictionary of Economic Terms]. Kiev: Al'terpres.
3. Chernositova, T.L. (2002) *Tolkovyy anglo-russkiy, russko-angliyskiy ekonomicheskiy slovar'* [Explanatory English-Russian, Russian-English Dictionary of Economics]. Rostov-on-Don: Feniks.
4. Thomas, R.C., Etheridge, J.M. & Ruffner, F.Y. (eds) (1965) *Acronyms and Initialisms Dictionary*. Detroit: Gale.
5. Jung, U. (1985) *Elsevier's foreign-language teacher's dictionary of acronyms and abbreviations*. Amsterdam: Elsevier.
6. Pugh, E. (1977) *Third Dictionary of Acronyms and Abbreviations*. London: Clive Bingley.
7. Perfekt.ru. (n.d.) *Slovary' bankovskikh terminov [Vneshnyaya ekonomika – slovar' sokrashcheniy]* [Dictionary of banking terms [Foreign economy – dictionary of abbreviations]]. [Online] Available from: <http://www.perfekt.ru/dictionaries/abb-econ.html>. (Accessed: 20th December 2016).
8. Banki.ru. (n.d.) *Slovary' bankovskikh terminov* [Dictionary of banking terms]. [Online] Available from: <http://www.banki.ru/wikibank/category:investsii/>. (Accessed: 29th January 2017).
9. Danilenko, V.P. (1977) *Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology: The experience of linguistic description]. Moscow: Nauka.
10. Reformatskiy, A.A. (1967) *Vvedenie v jazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. 4th ed. Moscow: Prosveshchenie.
11. Leychik, V.M. (2007) *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Term studies: subject, methods, structure]. 3rd ed. Moscow: Izd-vo LKI.
12. Korovushkin, V.P. (1995) K razrabotke teorii angliyskoy prostorechnoy derivatologii (na materiale voennogo sotsiolektika XVII–XX vv.) [To the development of the theory of the English common-sense derivatology (based on the military sociolect of the 17th–20th centuries)]. In: Bystrova, I.S. (ed.) *Soderzhatel'nye i formal'nye aspekty yazykovykh edinits* [Substantive and formal aspects of linguistic units]. Vologda: Vologda Pedagogical Institute.
13. Korovushkin, V.P. (2005) *Osnovy kontrastivnoy sotsiolektologii: v 2 ch.* [Fundamentals of contrastive sociolectology: in 2 parts]. Pt. 1. Cherepovets: Cherepovets State University.
14. Korovushkin, V.P. (2009) *Teoreticheskie osnovy kontrastivnoy sotsiolektologii* [Theoretical bases of contrastive sociolectology]. Cherepovets: Cherepovets State University.
15. Korovushkin, V.P. (2008) *Angliyskiy leksicheskiy substandart versus russkoe leksicheskoe prostorechie (opyt kontrastivnoy sotsiolektologicheskogo analiza)* [English lexical substandard versus Russian lexical vernacular (experience of contrasting sociolexicological analysis)]. Cherepovets: Cherepovets State University.
16. Korovushkin, V.P. (1994) Metodika slovoobrazovatel'nogo analiza substandartnoy abbreviatii (na materiale angliyskogo i russkogo voennogo zhargona) [Methodology of word-formation analysis of substandard abbreviations (on the material of English and Russian military jargon)]. In: Korovushkin, V.P. et al. (eds) *Edinitsy raznykh urovney v yazyke i rechi* [Units of different levels in language and speech]. Cherepovets: Cherepovets State Pedagogical Institute.
17. Korovushkin, V.P. (1989) *Sokrashcheniya v voennom zhargone angloyazychnykh stran (XVII–XX vv.)* [Abbreviations in the military jargon of English-speaking countries (17th–20th centuries)]. Vol. I. Cherepovets: ChVVIURE.
18. Borisov, V.V. (1972) *Abbreviatsiya i akronimiya. Voennye i nauchno-tehnicheskie sokrashcheniya v inostrannykh yazykakh* [Abbreviation and acronymy. Military and scientific and technical abbreviations in foreign languages]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo.
19. Kondratyukova, L.K. (1984) *Stanovlenie i razvitiye terminologii vychislitel'noy tekhniki v angliyskom yazyke* [Formation and development of computer science terminology in English]. Philology Cand. Diss. Omsk.
20. Tkacheva, L.B. (1987) *Osnovnye zakonomernosti angliyskoy terminologii* [Basic regularities of English terminology]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 25 April 2017

И.В. Лукьянова

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ (НА ДИАЛЕКТНОМ МАТЕРИАЛЕ)

На материале фитонимов говоров Среднего Приобья рассмотрены вопросы категоризации человеком растительного мира с использованием когнитивных моделей: метафорической, метонимической и пропозициональной. Когнитивная модель рассматривается как типовая схема ментальной сферы человека, которая формирует ментальное представление о растении, репрезентирующемся в процессе номинации. Описаны принципы выбора той или иной когнитивной модели диалектноносителями, дана классификация когнитивных моделей в зависимости от типа связи между источником метафоры и метонимии и областью их проекции – растением.

Ключевые слова: когнитивная диалектология; фитоним; среднеобские говоры; категоризация; когнитивная модель; метонимия; метафора.

Репрезентация в языке понятийной системы человека, способы обработки, хранения и передачи знаний о мире, в том числе посредством языка, – все эти вопросы освещаются в когнитивной лингвистике через призму когнитивных моделей. При этом понятие «когнитивная модель» рассматривается в рамках двух основных подходов.

Первый предполагает изучение и описание когнитивных моделей как типовых схем понятийной системы человека, на базе которых сформированы и формируются все ментальные представления о реалиях, репрезентирующиеся затем в языке в процессе наименования словом. Фактически этот подход представляет «попытку моделирования структур, отвечающих за организацию знаний в мозгу человека» [1. С. 106]. Одним из основоположников подхода является Дж. Лакофф, в своих работах [2, 3] описавший четыре типа идеализированных когнитивных моделей: метафорическую, метонимическую, пропозициональную и образно-схематическую, используя которые, человек категоризирует познаваемую реальность. Источниками теории когнитивных моделей Лакофф называет фреймовую семантику Филлмора, теорию метафоры и метонимии Лакоффа и Джонсона, когнитивную грамматику Лангакера и теорию ментальных пространств Фоконье [3. С. 99].

Второй подход использует понятие «когнитивная модель» для описания системы субъектов, объектов, предикатов, локативов и т.п. как отдельных языковых ситуаций, так и текста в целом, служащей для понимания текста при естественной обработке языковых данных [4. С. 56].

В данной статье когнитивные модели рассмотрены в рамках первого подхода и описывают «механизмы мышления и образования концептуальной системы человеческого сознания» [Там же. С. 57], ментальные схемы, по которым репрезентируются в процессе номинации в языке представления о конкретных реалиях растительного мира.

Когнитивная деятельность человека, направленная на познание нового объекта, состоит из нескольких этапов. Например, Н.И. Панасенко, описывая отраженные в семантике наименований лекарственных растений этапы когнитивной деятельности, выделяет следующие [5. С. 313–331]:

1) получение первичной информации о растении от органов чувств (зрение, обоняние, тактильные ощущения, вкус);

2) обработка полученной информации, которая включает выявление дополнительных свойств и сравнение с уже известными объектами;

3) отдельно выделяется этап осмысливания полученной информации с использованием фоновых знаний культурологического характера;

4) заключительная оценка, на этапе которой «расчленения могут быть отнесены к определенному разряду» [5. С. 315].

При этом часть фитонимов получает наименование в результате прохождения субъектом, осмысливающим реалию (растение) и именующим растение словом, только одного или двух этапов.

Если оценивать роль когнитивных моделей в процессе ментальной деятельности, то необходимо дополнить представленную схему. Воспринимающий субъект после получения комплексной информации об объекте (реалии) в результате первого и второго этапа когнитивной деятельности испытывает потребность в категоризации и выделении наиболее важного признака объекта, вызванную необходимостью хранения и передачи полученного знания. После того как признак выбран, субъект использует определенную когнитивную модель, отвечающую потребностям структурирования вновь полученного знания в ментальной сфере. В результате выбора важного признака и использования когнитивной модели появляется новая ментальная единица, репрезентированная в языке новым наименованием.

Таким образом, предполагается, что процесс познания растительного мира содержит все этапы когнитивной деятельности, на заключительном этапе происходит процесс категоризации, формируется окончательное представление о реалии, которое при помощи когнитивных моделей закрепляется в единице знания и языковом оформлении словом. Так как «обозначение соответствующих предметов и явлений в их универсальности или обобщенном качестве, охватывающее собой сущностную характеристику соответствующих предметов и явлений <...> есть не что иное, как номинация предметов и событий в соответствующих языковых единицах» [6. С. 10], то эти два процессы – оформление единицы знания и порождение слова – неразрывны и одновременны. Выбор когнитивной модели основывается на субъективной оценке важности того или иного признака реалии, так как когнитивные модели «отражают не мир, а наши представления о мире» [1. С. 108].

Соответственно, когнитивные модели играют важную роль как в формировании понятийной системы человека, так и в процессе языковой номинации.

Когнитивные модели исследуются на материале диалектных названий дикорастущих травянистых растений. Диалект является речью, прежде всего, сельского населения, для которого природа – это среда повседневного существования. Соответственно, ментальные представления носителей диалекта о растениях складывались, как правило, путем непосредственного взаимодействия с объектом познания, а задача хранения и передачи полученного знания носит pragматический характер. В связи с этим представляет интерес процесс категоризации непосредственного знания, полученного опытным путем, посредством когнитивных моделей и презентация этого знания в диалектных фитонимах.

Обширный корпус диалектных материалов, сформированный в течение нескольких десятилетий учеными Томской диалектологической школы, включает большое количество народных названий растений, которые вызывают стабильный интерес у исследователей. С 70-х гг. XX в. фитономика среднеобских говоров изучалась в структурно-семантическом и описательном (работы В.Г. Аряновой), ономасиологическом (работы Н.Д. Голева, В.В. Копочевой и др.), мотивологическом (О.И. Блинова, А.С. Савенка и др.) аспектах. С конца XX в. в связи с формированием в отечественной лингвистике антропоцентрично ориентированного подхода, а также в результате публикации аспектного толкового словаря фитонимов Среднего Приобья [7] появились исследования среднеобских фитонимов лингвокультурологического (А.С. Рazine, О.И. Блинова), этнолингвистического (В.Б. Колосова, С.Ю. Дубровина) и когнитивного (Н.И. Панасенко, З.И. Резанова) характера.

Цель исследования диалектных наименований растений, результаты которого представляет данная статья, заключается в изучении и описании когнитивных моделей, используемых диалектносителями при категоризации знаний об окружающем мире природы и презентированных в фитонимах.

Источником материала послужил «Словарь фитонимов Среднего Приобья» в 3 томах [7], методом сплошной выборки выделено 1 560 наименований, обозначающих дикорастущее травянистое растение. С целью выявления презентированных в диалекте ментальных схем, т.е. когнитивных моделей, проведен ономасиологический анализ выбранного материала, заключавшийся в определении признаков номинации, положенных в основу наименования. Для целей ономасиологического анализа привлекался справочный ботанический электронный ресурс [8]. В исследование включены как мотивированные, так и немотивированные названия растений. Для работы с последними использовались источники, позволяющие определить этимологию фитонима [9].

В результате анализа выявлено три типа когнитивных моделей, презентированных в диалектной фитономике, на базе которых в ментальной сфере диалектносителей категоризированы знания об окружающих их растениях: метафорическая, метонимическая и пропозициональная.

Метафорические когнитивные модели. В когнитивной лингвистике и в частности в когнитивной диалектологии [10] метафора рассматривается «как важнейший способ когнитивного моделирования действительности, способ непрямого отражения мира в сознании, презентированный в языке в системах образных номинаций» [11. С. 26]. Как известно, необходимое условие возникновения метафоры – это сходство между двумя сопоставляемыми в сознании человека объектами: новым воспринимаемым объектом и объектом ранее известным. При этом отметим, что для нее «релевантны только те черты сходства, которые воспринимаются как таковые людьми» [12. С. 182].

Не менее важным свойством метафоры является известная степень типичности источников ее формирования. Обычно в качестве типичных описываются: артефактная, антропоморфная, натуromорфная (в составе которой рассматриваются зооморфная, орнитоморфная, фитоморфная и т.д.), социоморфная метафоры.

Такая типичность метафоры позволяет выделить типовые когнитивные модели, на основании которых происходит познание человеком окружающего мира. В то же время исследователи когнитивных основ метафоры Дж. Лакоф и М. Джонсон отмечают, что «материальное основание метафор неотделимо от культурного, так как выбор материального основания из множества возможностей регулируется культурными факторами» [Там же. С. 43]. Именно основание когнитивной метафоры на культурных кодах, общих для каждого человеческого индивида, и объясняет типичность метафорических моделей, в то время как все богатство конкретной культуры и индивидуальной картины мира проявляется в разнообразии выбора источников метафоры внутри типовой модели.

Обращаясь к исследуемому материалу, отметим, что фитономика «как фрагмент языковой картины мира отражает тесную связь в процессах номинации растений типового знания об обозначаемом с ментальными национально-культурными стереотипами воплощения этого знания в названии» [13. С. 73]. В исследовании, посвященном народной фитономике, Н.И. Коновалова выделяет следующие «типы метафорической мотивации названий растений»: сходство части растения с частью тела человека и животного, сходство растения с предметом и т.д. [Там же. С. 67–69].

В диалектной фитономике Среднего Приобья выявлено 837 фитонимов, являющихся языковой презентацией когнитивных метафорических моделей, что составляет 54% от общего количества исследуемых наименований. Рассмотрим культурные коды, использованные в основании метафор, и обозначим типовые модели:

1. Когнитивная метафорическая модель, содержащая артефактный код культуры (артефактная). В основании метафоры положено сравнение растений с широким кругом предметов и явлений: вещи домашнего и хозяйственного обихода, одежды и обуви, продуктов питания. Достаточно высокопродуктивная модель, презентированная в 24% исследованных фитонимов.

КОЛОКОЛЬЧИК. Бубенчик лилиевидный, *Dennphora liliifolia* Ledb. Многолетнее травянистое рас-

тение с поникающими цветками, собранными в мешок, колокольчатой формы. «*Ну еще про колокольчики. Цветёт он синенькими такими, как колокольчики, меленькими цветочками...* (Яшк. Полом.)».

КАЛАЧИКИ. Просвирник маленький, *Malva pusilla* Sm. Однолетнее травянистое растение с лежачим ветвистым стеблем. «*А это калачики. Листики такие кругленькие. Они белым, сиреневым цветут. Когда отцветают, то появляются на веточках в виде калачиков. Мы их раньше очищали и ели. Растут везде и по дорогам*» (Мар. Мар.).

РУБАШКА. Ярутка полевая, *Flaspi arvense* L. Однолетнее травянистое растение с ветвистым стеблем, мелкими цветками и крупными, округлыми стручками. «*Это рубашка, семена как в рубашках*» (Юрг. Шал.).

В данном исследовании отдельно выделяется натурафактная метафора, использующая в качестве источника метафоры неживые природные объекты и явления (солнце, звезды, огонь и т.д.), и отдельно рассматривается закономерно обширный пласт сравнений с мирами животных и растений, выделяемый в отдельные типы моделей. Закономерность продуктивности этого типа метафоры обусловлена тем, что и растения, и животные принадлежат к живой природе, которая окружает человека познающего. Он воспринимает пространство огорода, леса, луга и поля как единое целое во всем своем при этом разнообразии, и самое близкое, лежащее на поверхности сравнение неизвестного растения, – это сравнение с растением уже известным, часто культурным, очень хорошо знакомым, или другой частью этого живого мира: зверем, птицей или насекомым. Наименования, представляющие зооморфные и фитоморфные когнитивные метафорические модели, составляют большую часть материала, анализируемого в рамках метафорической модели, – 53%. Рассмотрим их подробнее.

2. Когнитивная метафорическая модель, содержащая растительный культурный код (фитоморфная). Данная модель представлена в фитонимах, которые диалектносители сравнивают с другим, ранее известным им растением по внешнему сходству или свойствам. Всего выделено 211 таких фитонимов, что составляет 25% от общего числа наименований, отнесенных к метафорической модели.

МОРКОВКА. Болиголов пятнистый (омег), *Conium maculatum* L. Ядовитое двулетнее травянистое растение. «*Морковка, такая же, как морковка, но ядовитая*» (Том. Верш.).

БЕРЁЗКА. Гречиха вьющаяся, *Polygonum convolvulus* L. Сорное травянистое растение с вьющимся стеблем и яйцевидными остроконечными, у основания сердцевидными листьями (как у березы). «*Берёзка, повилица её называют, она всё стягивает*» (Шег. Кайт.).

ДИКИЙ ХМЕЛЬ. Княжик сибирский, *Astragalus sibiricus* L. Ядовитое растение с лежачим или цепляющимся стеблем до трех метров длиной. «*Это так хмель дикий цветёт. Он похож на домашний, но у него не бывает таких шишечек. И он цветёт вот такими вот белыми цветами, а вьётся по деревьям так же*» (Мар. Благ.).

3. Когнитивная метафорическая модель, содержащая зоологический код культуры (зооморфная). Данная модель представлена тремя типами фитонимов:

А. Фитонимы, содержащие оценочную коннотацию, где метафора служит либо для предупреждения о вредных и ядовитых свойствах растений [14. С. 25], либо сообщает информацию о размере растения, либо о том, что оно похоже на культурное, но таковым не является, «ненастоящее».

ВОЛЧЬЯ ЯГОДА. Паслен персидский, *Solanum persicum* Willd. Признак номинации «растение с ядовитыми ягодами». «*Волчья ягода. От её не едят. Она ядовита. Красненька. Всё говорили: "Токо съешь – станешь волком". Но она ядовита*» (Том. Н.-Рожд.).

КЛЕВЕР МЫШИНЫЙ, МЫШЕРЕПКА. Клевер белый, *Trifolium repens* L. Многолетнее травянистое растение со стелющимся стеблем, мелкими белыми цветками, собранными в головчатые соцветия. «*Клевер крупный, а мышерепка мелкая*» (Шег. Карг.); «*Клевер есть красный, растёт он такой большой, есть клевер мышиный, он белый, головочки белые*» (Том. Н.-Рожд.). Растение маленького размера, как будто «мышиное».

Б. Фитонимы, обозначающие растения, имеющие, по представлению диалектносителей, сходство с частями тела животных.

СОБАЧКИ. Льнянка (ленник) обыкновенная, *Linaria vulgaris* Mill. Многолетнее травянистое растение с прямым стеблем и кистью неправильных светло-желтых цветов с шпорцем. «*Ещё у нас собачки растут. Цветы такие есть. Жёлтеньким цветёт. Цветок у неё на собачку похож. Ребяташки с ними играют*» (Асино).

В. Наименования, отражающие мифологические и фольклорные представления народной культуры, связанные с животными. Например, кукушка традиционно в фольклоре обозначает женские образы: молодой девушки, невесты, вдовицы, девушки-сироты [15]. Поэтому растения, формой напоминающие предметы женского туалета или домашнего обихода, в народном сознании ассоциируются с кукушкой.

КУКУШКИНЫ САПОЖКИ. Башмачок красный, *Cypripedium macranthum* Swartz. Многолетнее растение с крупным лилово- или фиолетово-розовым цветком. «...кукушинин сапожок... Цветочек у его, помоему, темно-сиреневый такой, а сверху такие три отвилочки, а там копия сапожок» (Яшк. Полом.).

В большинстве случаев фитонимы групп А и В являются двусловными, и зооморфная метафора играет вторичную роль, оттеняя образ, подчеркивая особенности, выражая оценку в дополнение к информации, содержащейся в основном наименовании. Зооморфная модель продуктивна в среднеобской фитонимике и представлена в 27% проанализированных в рамках метафорической модели наименований.

4. Когнитивная модель, содержащая натурафактный код культуры.

Непродуктивная модель, представленная в 3% наименований и использующая в качестве источника метафоры явления и объекты неживой природы: огонь (жар), звезды, сосульки, восход солнца (зарю).

ЖАР-ЦВЕТОК. Папоротник мужской, *Dryopteris filix mas*. (L.) Schott. Многолетнее споровое растение. «Он-то всё от людей прячется. Не хочет, чтобы цветок его огненный видели. Цветёт он один раз в год накануне дня Ивана Купала. Между листьями вначале вырастает светящаяся точка, она шевелится, растёт, а ровно в полночь с треском лопается и появляется светящийся ярким светом цветок, при этом гром грохочет и молнии лес освещают, как днем. Поэтому его и зовут жар-цветок...» (Чайн. Бунд.).

ЗВЁЗДОЧКА. Звездчатка-мокрица, *Stellaria media* (L.) Суг. Травянистое растение с лежачим стеблем и одиночными мелкими цветками. «Как звёздочки цветочки эти, меленъкие, сплошные» (Мар. М.-Песч.).

5. Когнитивная метафорическая модель, содержащая антропологический код культуры (антропоморфная). Данная метафорическая модель «свидетельствует о направленности интерпретации человеком внешнего мира через признаки собственной телесности» и о «значимости аспектов физической и социальной активности человека в интерпретации внешнего мира» [16. С. 68]. Данная когнитивная модель объективирует:

А. Образное осмысление частей растения через восприятие человеком собственного физического тела и проекцию человеческих органов на растение или сравнение по сходству с человеческими органами:

БОЛЬШЕГОЛОВНИК. Василек шероховатый, *Centaurea scabiosa* L. Многолетнее травянистое растение с прямым стеблем, темно-лиловыми цветками, собранными в корзинки до четырех сантиметров в диаметре. «А это большеголовник, потому что у него большие шишки» (Яшк. Полом.).

РУКА-ТРАВА. Ятрышник шлемовидный, *Orchis militaris* L. Многолетнее травянистое растение семейства орхидейных. «Рука-трава, полметра, цвет розовенький, корень похож на руку, как рука обыкновенная» (Шег. Карг.); «Его, знаешь, мама рассказывала: “Положишь на сковородку, а они шавелятся, как пальчики”» (Том. Мор.).

Б. Образный перенос в процессе познания человеческих свойств характера или действий на растение:

ПЛАКУН-ТРАВА. Дербенник иволистный (плакун иволистный), *Lythrum salicaria* L. Многолетнее травянистое растение с толстым корневищем, розово-пурпурными цветками, собранными пучками. «Знаю одну таку, плакун-трава зовут. Её берут на Ивана Купала, ночью, надо на болото идти за ейным корнем» (Мар. Кол.). На концах листьев у этого растения образуются капельки жидкости, отчего кажется, что растение как будто «плачет».

ЗЛЮЧА КРАПИВА. Крапива малая, *Urtica urens* L. Растение со жгучими стеблями и листьями, «злюче». «Она же такая паскуда: вот обожжёши, она и сегодня, и завтра ещё жгёт. Она ядовитая такая» (Том. Ит.).

В. представление о мужском или женском начале растения, имеющее фольклорно-мифологические корни.

ВАНЬКА, ИВАН КОЧКИН, ИВАН, ИВАН БОЛОТНЫЙ. Лабазник вязолистный, *Filipendula*

ulmaria (L) Maxim. Многолетнее травянистое растение с белыми душистыми цветками. «Его иван кочкин по старинке зовут. С него чай делали» (Мар. М.-Песч.); «А у ивана болотного листья зелёны и светят белым светом» (Яшк. Мох.).

В целом антропоморфная метафора выражена в 17% фитонимов.

6. Когнитивная метафорическая модель, содержащая сакральный и обрядовый коды культуры. Использует образы Бога, Богородицы, апостолов и святых, а также связана с обрядовыми традициями и архаичным сознанием народа, комплексом примет и поверий, является наименее продуктивной моделью – представлена в 2% исследованных фитонимов.

ИВАНОВСКАЯ ТРАВА. Зверобой обыкновенный (продырявленный), *Hypericum perforatum* L. «Да мне маменька рассказывала, что давно-давно легенда есть: когда палач нёс голову Иоанна Крестителя, тогда несколько капель упали крови на траву, и выросла трава, которая впитала кровь Ивана. Так сейчас она называется ивановская трава» (Шег. Мельн.).

ЧЁРТОВЫ ПАЛОЧКИ, ЧЁРТОВЫ ПОЛОСКИ. Рогоз широколистный, *Typha latifolia* L. По народным поверьям, нельзя срывать и приносить в дом, приносит обитателям несчастье и привлекает нечистую силу. «Ребяташки камыши принесли домой, так мама его весь выкинула. “Нельзя, – говорит, – домой чёртобы палочки приносить, тёмная сила возьмёт власть над нами, и дома одни несчастья будут”» (Кож. Урт.). «Камыши растёт по берегам прудов, его еи ё чёртовыми полосками называют, его в доме ставить нельзя, плохая примета» (Яск. Арыш.).

Метонимические когнитивные модели. Как и метафора, метонимия является одной из базовых структур познания. Метонимия так же, как и метафора, позволяет человеку осознавать и описывать вновь получаемый опыт в терминах ранее известного и хорошо понимаемого. При этом метонимия имеет особенность: «метонимические концепты дают возможность осмысливать некоторую сущность в рамках ее связей с другими сущностями» [12. С. 66]. И в этом заключается важное различие метафоры и метонимии как структур, моделирующих знание о мире. Метафора представляет собой субъективную, во многом воображаемую, ассоциативную связь между источником метафоры и целью ее проекции – новым познаваемым объектом, в то время как метонимия используется тогда, когда связь между новым и уже известным сегментами действительности достаточно объективна, часто подтверждена эмпирическим путем, функциональна; в частности, Т.Г. Скребцова отмечает, что «отличительной чертой метонимических моделей является наличие функции, связывающей один элемент с другим» [1. С. 107].

Репрезентированные в диалектной фитонимике Среднего Приобья метонимические модели подтверждают функциональный характер когнитивной метонимии, так как служат для передачи рационального, практического опыта диалектносителей, связанного с использованием растений в народной медицине, быту и сельском хозяйстве. Взгляд на метонимию как на способ организации, хранения и передачи именно

практических знаний подтверждается исследованиями ономасиологов, которые отмечают значительную роль метонимического переноса в pragmatische направлена процессе номинации [17]. В исследуемом материале метонимические модели представлены в 246 наименованиях растений (что составляет 16% от общего количества фитонимов) и реализуются в нескольких вариантах.

Группа метонимических когнитивных моделей, объективирующих практический опыт народной медицины применения растений. Группа включает три типа моделей и составляет большую часть примеров когнитивной метонимии – 132 наименования или 54% от всех фитонимов с презентацией метонимической модели.

1. Когнитивная метонимическая модель (61 фитоним): источник «болезнь» – новая понятийная область «растение». Репрезентирует в фитониме практическое знание о применении растения для лечения болезни, название которой становится основой для наименования растения словом.

НАДСАДНИК. Герань луговая, *Geranium pratense* L. Травянистое растение с прямостоячим стеблем и лилово-синими крупными цветками. «*Вот болит у меня живот, надсадилась я. А потом этого надсадника [попила], и перестанет живот болеть*» (Колл. Сар.).

ЖЕЛТУХА, ЖЕЛТУНИЦА. Пижма обыкновенная, *Tanacetum vulgare* L. Травянистое растение до полутора метров высотой с прямостоячим стеблем и перисторассечеными листьями. «*Желтуха это, желтуница, жёлтым светом. Пьют, когда человек заболеет желтухой, желтунницей*» (Шег. Карг.).

ГЕМОРРОЙНИК. Кровохлебка лекарственная, *Sangisorba officinalis* L. «*Геморройник состоит из суставчиков. <...>. Много его тут. От геморроя*» (Кож. Апт.).

2. Когнитивная метонимическая модель (20 фитонимов): источник «орган» – новая понятийная область «растение». Репрезентирует в фитониме практическое знание о применении растения для лечения того или иного органа человеческого тела, название которого становится основой для наименования растения словом.

СЕРДЕЧНИК. Пустырник пятилопастный, *Leonturus quinquelobatus* Gilib. Многолетнее травянистое растение с прямостоячим стеблем и серовато-розовыми цветками. «*Сердечник, мелкие розовые цветки, используют как сердечное средство*» (Том. Н.-Арх.).

ЛЕГОЧНИЦА. Горечавка легочная, *Gentiana pneumonanthe* L. Многолетнее травянистое растение с крупными колокольчатыми темно-синими цветами. «*Легочница называют у нас*» (Крив. Был.). Используется для лечения заболеваний легких.

3. Когнитивная метонимическая модель (51 фитоним): источник «оказываемый эффект (воздействие)» – новая понятийная область «растение». В этом типе модели отображаются две области практического опыта деревенских жителей: А – результат воздействия растения на человека, т.е. тот эффект, который наблюдается в поведении или состоянии организма человека после приема плодов или самого растения целиком в пищу либо в результате иного воздействия на рецепторы (например, запах). Б – ре-

зультат воздействия растения на качество жизни человека согласно сформировавшимся в культуре представлениям (приметам, поверьям).

А. БОЛИГОЛОВКА. Болиголов пятнистый (омег), *Conium maculatum* L. Очень ядовитое травянистое растение. «*Да и на покосе есть ядовитая такая трава, если её много нюхать будешь, то голова заболится. <...>. А называется болиголовка*» (Яшк. Полом.).

Б. ХОЛОСТАЦКАЯ ТРАВА. Ковыль перистый, *Stipa pennata* L.S. ampl. Многолетнее травянистое злаковое растение. «*Ковыль – холостяцкая трава, где ковыль, там бобыль, красивый, а ставить дома нельзя, один останешься*» (Юрг. Юрг.).

Остальные типы метонимических моделей представляют другие сферы опыта жителей деревни: о применении растений в пищу, в быту, на своем личном подворье.

4. Когнитивная метонимическая модель (32 фитонима): источник «блюдо» – новая понятийная область «растение». Объективирует знания о применении растения для приготовления блюда (напитка).

БОРЩОВКА. Борщевик рассеченолистный, *Heracleum dissectum* Ledb. Травянистое растение с крупными листьями и белыми цветками. «*Ну, купыри разные бывают, гладкие, а бывают с опушением такие – борщовка их ещё называют, потому что их в борщ ложили, борщ варили*» (Мар. Благ.).

ПОЛЕВОЙ ЧАЙ. Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria* (L.) Maxim. Многолетнее травянистое растение с белыми душистыми цветками. «*Полевой чай, называется, белоголовник, растёт на лугах, в болотах. <...>. Мы, бывало, чай заваривали, он вкусный такой, приятный*» (Ас. Каз.).

5. Когнитивная метонимическая модель (29 фитонимов): источник метонимии «предмет домашнего обихода» – новая понятийная область «растение». С использованием этой метонимической модели передается опыт использования растений в быту, в домашнем хозяйстве.

КРЫНОШНИК. Плаун деряба, *Lycopodium annotinum* L. Многолетнее травянистое ползучее растение с жесткими стеблями до полуметра длиной. «*Крыношник красивый. Крынки мыли, поверье было, он твёрдый*» (В.-Кет. Кур.).

РУМЯНКА. Синяк обыкновенный, *Echium vulgare* L. Двулетнее травянистое растение с синими цветками. «*Это румянка, его цветами девки щёки румянили, в их краска красная есть, но оно ядовитое*» (Мар. Благ.).

6. Когнитивная метонимическая модель (50 фитонимов): источник «домашнее (сельскохозяйственное) животное» – новая понятийная область «растение». Модель воплощает две области опыта практического применения растения: А – в качестве корма для сельскохозяйственных животных. Б – в качестве отравы для насекомых.

А. СВИНЯЧЬЯ ТРАВА. Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare* L. «*Ещё свинячья трава растет, она по земле ползет, длинная такая... А вот ее свиньи едят, она в огороде по картошке растет*» (Яйск. Кайла).

Б. БЛОШНИК, КЛОПОВНИК. Багульник болотный, *Ledum palustre* L. «*Багульник ещё от клопов.*

<...>. *Клоповник* ещё звали, *блошник* ещё звали» (Том. Верш.).

7. Когнитивная метонимическая модель (3 фитонима): источник «игра, игровое действие» – новая понятийная область «растение». Малопродуктивная модель, с единичными репрезентациями в фитонимике представляет опыт по применению растения в детских играх и шуточных гаданиях.

КУРИНЫЕ ХВОСТИКИ. Мятлика луговая, *Roa pratensis* L. Многолетний злак с многоколосковой метелкой. «...трава куриные хвостики. С них в детстве всё делали так: рукой из низу проведёшь к колоску, и всё отрывается, и определяешь, петушок это или курочка. Если там хвостик торчит длиненький, значит это петушок» (Яшк. Полом.).

Пропозициональные когнитивные модели. В логике и лингвистике существуют разные понимания термина «пропозиция», в наиболее общем виде пропозиция считается «отражающей некие онтологически существующие отношения между предметами или предметом и его свойством и осмыслиенные как таковые в голове человека» [4. С. 138]. При этом в когнитивной науке пропозиция «рассматривается в качестве структуры сознания, единицы хранения знания, единицы, репрезентирующей мир и выступающей в виде определенной формы его репрезентации» [Там же. С. 139–140]. Важным для понимания сущности пропозициональной когнитивной модели в приведенных определениях является формулировка «осмыслиенные как таковые», ведь в когнитивной лингвистике пропозициональная когнитивная модель – это модель, «которая не использует механизмы воображения, то есть метафору, метонимию или ментальные образы» [3. С. 370]. Таким образом, используя для категоризации вновь полученного опыта пропозициональную модель, диалектоноситель не связывает познаваемый объект с уже известными ему предметами или явлениями путем создания образной, ассоциативной связи, или связи по функции, как в случае с метафорой и метонимией, а вычленяя существенные признаки реалии, характеризует ее напрямую. При репрезентации в языке пропозициональная модель реализуется прямым способом номинации, т.е. непосредственным выражением в звуковой оболочке слова, в его корневой морфеме объективного призыва растения, положенного в основу наименования. Иначе говоря, «когда мы осмыслияем наш опыт, проецируя на него пропозициональные модели, мы накладываем на мир объективистскую структуру» [Там же. С. 371].

В диалектных наименованиях растений пропозициональная когнитивная модель реализована в 475 фитонимах, что составляет 30% от общего количества. Это позволяет говорить о средней продуктивности этой модели.

Как способ, позволяющий структурировать, хранить и передавать знания о мире растений, пропозициональная когнитивная модель используется для обработки достаточно широкого круга информации о растениях: об их внешнем виде, цвете, вкусе, запахе, месте произрастания, времени цветения, тактильных и других характерных свойствах, в том числе о нега-

тивном влиянии на человека (всего выделено 12 групп признаков). Часто пропозициональная когнитивная модель используется в двусловных наименованиях растений, состоящих из компонентов: прилагательное + существительное / существительное + прилагательное (например, *ромашка белая*, *дикая рябинка*, *полевая незабудка*), являясь средством обработки вторичной, дополнительной информации о растении.

Приведем примеры:

ВОНЮЧКА. Адонис весенний, *Adonis vernalis* L. Многолетнее травянистое растение семейства лютиковых. «Вонючка вонюча така. Их так и называли вонючки. Они среди огоньков растут» (Том. Н.-Рожд.). Пропозициональная когнитивная модель объективирует запах растения.

ЛИПУЧКА. Незабудка полевая, *Myosotis arvensis* (L.) Willd. Травянистое растение с голубыми цветками и цепкими семенами. «Липучка растёт в поле, цветёт синими цветами» (Кож. Дес.). Пропозициональная когнитивная модель объективирует характерное свойство растения прилипать к одежде людей и шерсти домашних животных.

ПОДЬЯРНИК. Мать-и-мачеха обыкновенная, *Tussilago farfara* L. Многолетнее травянистое растение. «Под яром растёт, так и зовут его подъярник» (Крив. Бар.). Пропозициональная когнитивная модель объективирует место произрастания.

РЕЗУЧКА. Осока, *Carex* L. Растение с режущими, острыми листьями, растение, которое «режет». «Осока, ну она резучка, так она резучка. Её хоть скоси, хоть сеном, всё равно режешься» (Том. Ит.). Пропозициональная когнитивная модель объективирует воздействие на человека.

СЛАДКАЯ ТРАВА. Астрагал датский. *Astragalus danicus* Retz. Многолетнее травянистое растение с розово-фиолетовыми цветками. «А это сладкая трава. Коровы сильно её любят» (Мар. Благ.). Пропозициональная когнитивная модель объективирует вкус растения.

Сводная информация о продуктивности когнитивных моделей приведена в таблице.

Продуктивность когнитивных моделей
в диалектной фитонимике

Когнитивная модель	Количество фитонимов	% от общего числа
Метафорическая (типы: артефактная, зооморфная, фитоморфная, натурофактная, антропоморфная, с сакральным и обрядовым культурными кодами)	837	54
Метонимическая (типы: «болезнь-растение», «эффект-растение», «орган-растение», «животное-растение», «блюдо-растение», «предмет-растение», «игра-растение»)	246	16
Пропозициональная	477	30

Подведем итоги проведенного анализа:

1. Выбор когнитивной модели для структурирования вновь получаемого знания о реалии растительного мира осуществляется на заключительном этапе когнитивной деятельности человека и проис-

ходит одновременно с процессом номинации реалии словом.

2. В диалектной фитонимике Среднего Приобья представлены три типа когнитивных моделей: метафорическая, метонимическая и пропозициональная. Из них наиболее продуктивной является метафорическая модель, представленная в 54% исследованных фитонимов. Метафорическая модель базируется на типовых культурных представлениях, которые позволяют выделить следующие типы когнитивной метафорической модели: артефактную, натуралистическую, фитоморфную, зооморфную, антропоморфную и модель, использующую сакральный и обрядовый культурные коды. Следующей по продуктивности является пропозициональная модель – 30% наименований, объективирующих широкий круг признаков и свойств растений. Метонимическая

модель представлена в 16% фитонимов, и в зависимости от характера источника метонимии в статье выделено и описано 7 типов метонимических когнитивных моделей.

3. Использование диалектоносителями в процессе познания метафорической когнитивной модели обосновано склонностью человеческого сознания сравнивать новые объекты с ранее познанными путем установления образной, ассоциативной связи. Метонимическая модель, в отличие от метафоры, носит в фитонимике более pragmaticальный характер, связана с эмпирическим опытом и функцией познаваемого растения. Пропозициональная модель действовала тогда, когда, вычленив существенные характеристики реалии, человек характеризует ее напрямую, кодируя посредством пропозициональной модели объективные свойства растения, как они есть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
2. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 12–51.
3. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М. : Гностис, 2011. 515 с.
4. Кубракова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
5. Панасенко Н.И. Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики (Опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 397 с.
6. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 120 с.
7. Арянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006–2008. Т. 1–3.
8. Определитель растений on-line. Открытый атлас сосудистых растений России и сопредельных стран. URL: <http://www.plantarum.ru/> (дата обращения: 15.10.2016).
9. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М. : Наука, 1967. 258 с.
10. Демешкина Т.А. Когнитивно-дискурсивный анализ диалектного текста // Язык и метод 2: русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва. Краков, 2015. С. 137–146.
11. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1. С. 26–43.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
13. Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург : Дома учителя, 2001. 150 с.
14. Лукьянова И.В. Категории польза и вред в диалектной фитонимике // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 24–30.
15. Никитина А.В. Образ кукушки в славянском фольклоре. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2002. 176 с.
16. Резанова З.И. Мир и человек в системе взаимных метафорических отражений: среднеобские говоры // Резанова З.И., Галимова Д.Н., Калиткина Г.В., Коберник Л.Н., Надеина Л.В. Картины русского мира: Метафорические образы традиционной культуры. М. : ЛЕНАНД, 2014. 320 с.
17. Голев Н.Д. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны // Говоры русского населения Сибири : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 76–87.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 апреля 2017 г.

COGNITIVE MODELS OF FOLK PLANT NAMES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 36–43.

DOI: 10.17223/15617793/418/5

Irina V. Lukyanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irluk11@gmail.com

Keywords: dialect phytonymy; folk plant names; cognitive dialectology; categorization; cognitive model; metonymy; metaphor.

The article reviews cognitive models represented in folk plant names in the Siberian dialect. Cognitive models are considered as typical schemes of the human conceptual system, on their basis all the mental representations of objects are formed, and then represented in the language by the nomination process. The research aimed to analyze and classify cognitive models which the dialect speakers use when they categorize knowledge about the nature world. Firstly, the *Dictionary of Phytonyms of the Middle Ob Region* in 3 vols [7] as an informative source of the research was used. And about 1560 wild herb names were selected by the continuous sampling method. Secondly, as a result of the analysis the author identified three types of cognitive models represented in dialect phytonymy, on the basis of which dialect speakers mentally categorize the knowledge of the plants surrounding them: metaphoric, metonymic and propositional. In addition, the cognitive models (metaphoric, metonymic and propositional) were described and classified. **The metaphoric cognitive model.** In the Middle Ob dialect phytonymy 837 plant names were found being a linguistic representation of metaphoric cognitive models (54 % of the analyzed names). The metaphoric cognitive model is based on the tendency of the human mind to compare new objects with previous ones by association. The article describes metaphoric cognitive models based on the model of cultural codes: artifact, anthropomorphic, naturemorphic (using objects of inanimate nature (like fire or sunrise) as a source of metaphors); the model which used phyto- and zoomorphic cultural codes and, finally, the model based on the sacral cultural code are described separately. **The metonymic cognitive model.** The metonymic model is more pragmatic, based on empirical experience and function of the known plants. Metonymic models represented in the Middle Ob dialect

phytonymy confirm the functional character of cognitive metonymy, because they are used for the transmission of rational, practical experience of dialect speakers associated with the use of plants in medicine, life and agriculture. Metonymic models are presented in 246 names of plants (16 % of the analyzed names). The article describes seven types of metonymic models. **The propositional cognitive model.** The propositional model is used when essential characteristics of plants are described directly as they are. In dialect names of plants, propositional cognitive models are implemented in 475 phytonyms (30 % of the analyzed names). As a way to structure, store and transmit knowledge about the world of plants, propositional cognitive models are used for the broad range of information about plants: their appearance, color, taste, smell, place of growth, blossom time, tactile and other characteristic properties, including the negative impact on the person (12 groups of attributes were identified). Finally, the following conclusion was drawn: the most productive in dialect phytonymy is the metaphoric cognitive model (54 %), the propositional model has a medium productivity (30 %) and the metonymic model is least frequently used (16 %).

REFERENCES

1. Skrebtsova, T.G. (2011) *Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektsiy* [Cognitive Linguistics: A course of lectures]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
2. Lakoff, J. (1988) *Myshlenie v zerkale klassifikatorov* [Thinking in the Mirror of Classifiers]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 23. pp. 12–51.
3. Lakoff, J. (2011) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi* [Women, Fire and Dangerous Things]. Moscow: Gnozis.
4. Kubryakova, E.S. et al. (1997) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms]. Moscow: Philological Faculty of Moscow State University.
5. Panasenko, N.I. (2000) *Kognitivno-onomasiologicheskoe issledovanie leksiki (Opyt sopostavitel'nogo analiza nazvaniy lekarstvennykh rasteniy)* [Cognitive-onomasiological study of vocabulary (Experience of comparative analysis of names of medicinal plants)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
6. Kolshanskiy, G.V. (2013) *Ob "ektivnaya kartina mira v poznaniii i yazyke* [Objective picture of the world in knowledge and language]. Moscow: LIBROKOM.
7. Ar'yanova, V.G. (2006–2008) *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya* [Dictionary of phytonyms of the Middle Ob region]. Vols 1–3. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
8. Plantarium.ru. (n.d.) *Opredelitel' rasteniy on-line. Otkrytyy atlas sosudistykh rasteniy Rossii i sopredel'nykh stran* [The identifier of plants on-line. Open atlas of vascular plants in Russia and neighboring countries]. [Online] Available from: <http://www.plantarium.ru/>. (Accessed: 15th October 2016).
9. Merkulova, V.A. (1967) *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy* [Essays on the Russian folk nomenclature of plants]. Moscow: Nauka.
10. Demeshkina, T.A. (2015) *Kognitivno-diskursivnyy analiz dialektnogo teksta* [Cognitive-discursive analysis of the dialect text]. In: Shumska, D. & Ozga, K. (eds) *Yazyk i metod 2: russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka. Lingvisticheskiy analiz na grani metodologicheskogo sryva* [Language and method 2: Russian language in linguistic studies of the 21st century. Linguistic analysis on the verge of a methodological breakdown]. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
11. Rezanova, Z.I. (2010) A metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: ideas, methods, solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1. pp. 26–43. (In Russian).
12. Lakoff, J., Johnson, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS.
13. Konovalova, N.I. (2001) *Narodnaya fitonimiya kak fragment yazykovoy kartiny mira* [Folk phytonymy as a fragment of the language picture of the world]. Ekaterinburg: Doma uchitelya.
14. Luk'yanova, I.V. (2016) Categories of benefit and harm in dialect phytonymy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 24–30. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/4
15. Nikitina, A.V. (2002) *Obraz kukushki v slavyanskom fol'klore* [The image of the cuckoo in Slavic folklore]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
16. Rezanova, Z.I. (2014) *Mir i chelovek v sisteme vzaimnykh metaforicheskikh otrazheniy: sredneobskie govory* [The world and man in the system of mutual metaphorical reflections: the Middle Ob dialects]. In: Rezanova, Z.I. et al. *Kartiny russkogo mira: Metaforicheskie obrazy traditsionnoy kul'tury* [Pictures of the Russian world: Metaphorical images of traditional culture]. Moscow: LENAND.
17. Golev, N.D. (1983) *Voprosy otozhdestveniya, klassifikatsii i nominatsii v russkoy narodnoy leksike flory i fauny* [Questions of identification, classification and nomination in the Russian folk vocabulary of flora and fauna]. In: Palagina, V.V. (ed.) *Govory russkogo naseleniya Sibiri* [Dialects of the Russian population of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 23 April 2017

АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ В АМЕРИКАНСКОМ ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

На материалах официальных выступлений президентов США Дж. Буша-старшего, Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего, Б. Обамы рассматриваются конструкции альтернативной семантики, реализующие значения взаимоисключения, мотивации, дистрибуции, чередования, аппроксимации, уточнения, перечисления. Выявляются особенности функционирования указанных синтаксических образований в американском президентском дискурсе для осуществления речевого воздействия на массовую аудиторию в зависимости от коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: дискурс; институциональный дискурс; политический дискурс; президентский дискурс; альтернативность; конструкции альтернативной семантики; речевое воздействие.

Альтернативность представляет собой семантическую категорию, которая, во-первых, отражает характерную особенность человеческого бытия, состоящую в необходимости выбора между несколькими возможностями; во-вторых, опирается на совокупность средств языкового выражения; в-третьих, включает систему субкатегориальных вариантов, полученных в результате регулярного взаимодействия союзов альтернативной семантики с определенным контекстуальным окружением. Отечественными лингвистами неоднократно предпринимались попытки классификаций альтернативных отношений в русском [1–4], немецком [5. С. 28–29; 6] и английском [7. С. 51–53; 8. С. 248] языках. Сопоставительный анализ данных классификаций свидетельствует о том, что, несмотря на некоторые расхождения в используемых наименованиях, в контекстуальном варьировании семантической категории альтернативности в разных языках прослеживаются общие тенденции. Субкатегоризацию альтернативности образуют такие значения, как взаимоисключение, перечисление, мотивация, дистрибуция, чередование, уточнение, аппроксимация, возникающие при определенной модификации ее семантики в контексте [9. С. 43, 119]. Ранее мы исследовали интенциональную специфику конструкций альтернативной семантики, передающих указанные разновидности альтернативности [10], а также их участие в отражении ряда фрагментов универсальной и индивидуальной картины мира [11].

Данная статья посвящена воздействующей функции конструкций с союзами *or*, *either... or*, реализуемой на уровне массовой коммуникации для достижения определенных целей политического воздействия. В частности, будут рассмотрены случаи использования данных языковых структур американскими президентами в своих официальных выступлениях для оказания воздействия на аудиторию с тем, чтобы убедить граждан США в том, что политический курс президентской администрации отвечает национальным интересам государства и, таким образом, завоевать их доверие и поддержку.

Источником фактического материала для исследования послужили тексты официальных выступлений президентов США Дж. Буша-старшего, Б. Клинтона, Дж. Буша-младшего, Б. Обамы с 1989 по 2014 г., включающие инаугурационные обращения, послания Конгрессу о положении в стране, доклады на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных

Наций, пресс-конференции, прощальные речи и другие обращения, посвященные различным общественно-политическим событиям и опубликованные на сайтах www.whitehouse.gov/the-press-office, www.presidentialrhetoric.com, millercenter.org. Общий объем источников языкового материала составил 71 текст, из которых методом сплошной выборки были отобраны 500 примеров.

Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушать адресатам – гражданам общества – необходимость «политически правильных» действий и / или оценок [12. С. 58]. Иными словами, политик старается преподнести свои идеи аудитории так, чтобы она восприняла их как собственные, единственно правильные и разумные, что облегчает принятие ею курса, выгодного политическому лидеру. При успешном использовании определенных инструментов речевого воздействия адресат не подвергает информацию критике, а принимает ее как должное.

Президентский дискурс, будучи особой разновидностью политической коммуникации, выступает в качестве вербальной формы проявления власти, средства воздействия на большую аудиторию не только в масштабе страны, но и на мировой арене [13. С. 446], поэтому его изучение имеет огромное значение для определения хода развития внутриполитических и международных отношений. Исследователи выделяют такие характеристики президентского дискурса, как институциональность, идеологичность, прецедентность [14], риторичность [15], интертекстуальность [16], имплицитность [17].

Известно, что политическим режимом в США является демократия, в основе которой лежат общеизвестные ценности. К демократическим ценностям относятся законность, плюрализм мнений, равенство, свобода слова и самоопределения. Исходя из этого, президенты пытаются манипулировать аудиторией с помощью конструкций с союзами альтернативной семантики, реализующими значение **взаимоисключения** (16,4% случаев от общего числа примеров), когда воплощение одной альтернативы абсолютно несовместимо с осуществлением другой. Адресату предоставляются некоторые варианты, обычно ценностно-противоположные, для осуществления псевдосамостоятельного свободного выбора. Естественно, что политик четко осознает, какая из противопоставляемых возможностей будет поддержана аудиторией, но, тем не менее, сам процесс разрешения альтернативы должен импонировать адре-

сату и настраивать его на одну волну с политиком, автоматически получающим образ «своего».

Рассмотрим пример из обращения Б. Обамы у Бранденбургских ворот:

...For throughout all this history, the fate of this city came down to a simple question: Will we live free or in chains? [18].

Президент предлагает две полярные альтернативы: положительную – *free* и отрицательную – *in chains*. Адресат поставлен перед жестким выбором, не допускающим каких-либо промежуточных вариантов и предполагающим необходимость аксиологической оценки, т.е. сравнения с точки зрения того, что лучше, а что хуже [19. С. 276]. Важность и, можно даже сказать, судьбоносность решения усиливаются тем, что члены сочинительной конструкции являются контекстуальными антонимами, а вопросительный тип предложения выражает прямое обращение к аудитории. Кроме того, создается впечатление, что президент будет осуществлять выбор вместе с народом, причисля себя к нему с помощью личного местоимения *we*. Очевидно, что выбор адресата останется за альтернативой *free*, что соответствует его ценностным ориентирам как члена развитого демократического общества.

В ряде случаев президент эксплицитно, с помощью глаголов *to choose* (1) и *to decide* (2), призывает аудиторию сделать выбор:

(1) *Now we must choose if the example of our fathers and mothers will inspire us or condemn us* [20].

Необходимость разрешения альтернативы здесь усиливается присутствием в предложении модального глагола *must*, выражающего долженствование. Дж. Буш апеллирует к гражданским чувствам адресата, подчеркивая, что важно мнение каждого. Кроме того, аллюзия к истокам зарождения демократии *the example of our fathers and mothers* помогает создать у реципиента ощущение единения и преемственности поколений. Обстоятельство времени *now* намекает на экстренность принятия решения, его непосредственное влияние на уклад жизни настоящего поколения, а может быть, даже на ход исторических событий.

Альтернативные вопросы служат характерным средством психологического воздействия в американском президентском дискурсе. В примерах (2) и (3) они имеют перспективную ориентацию, т.е. касаются дальнейшего политического курса государства, о чем свидетельствует наличие в них форм будущего времени:

(2) *The United States could have accepted the permanent division of Europe, and been complicit in the oppression of others. Today, having come far in our own historical journey, we must decide: Will we turn back, or finish well?* [21].

В примере (2) США представляются как ключевая фигура на глобальной политической арене, без вмешательства которой не может происходить ни одно событие в мире. Обстоятельство времени *today* указывает на неотложность выбора, а словосочетание *historical journey* придает высказыванию особую торжественность. Экспрессия предложения усиливается альтернативным вопросом, который вводится модальным сказуемым *must decide* после паузы, о нали-

чи которой свидетельствует пунктуация. Он прямо побуждает граждан США к осуществлению выбора между двумя исключающими друг друга возможностями, от которых зависит политическое будущее государства. Так как альтернативы оказываются полярными, президент легко предвидит потенциальный ответ адресата. Аудитория должна отдать предпочтение одному из вариантов, тем самым решительно отклонив другой. Получается, что политический лидер, хотя и направляет выбор адресата, взывая к его чувствам с помощью конструкций альтернативной семантики, но как бы берет на себя второстепенную роль, в то время как народу предоставляется желанная возможность самому определять путь своего развития в соответствии с демократическими идеалами.

(3) *Will we be one Nation, one people, with one common destiny, or not? Will we all come together, or come apart?* [22].

Цепочка альтернативных вопросов в примере (3) позволяет адресанту прочно завладеть вниманием аудитории. Здесь первое предложение представляет собой особый pragmaticкий тип альтернативного вопроса, где позитивная альтернатива описана подробно, с помощью асиндикона четко выделяется каждый однородный член, ее составляющий. Негативная альтернатива, в свою очередь, выражена лишь одной отрицательной частицей *not*. Такой количественный перевес в степени вербализации первого варианта, делающий другой незначительным, бесперспективным, служит проявлением так называемой стратегии вуалирования нежелательной информации [23. С. 28]. Во втором предложении примера (3) альтернативы представляют собой антонимичные постпозитивы *together* и *apart* при глаголе *to come*. Именно они и создают контраст в той же последовательности, что и в первом предложении, в соответствии с той же логикой. Подобным образом президент пытается пробудить в аудитории чувство сплоченности и патриотизма.

В следующем примере альтернативный вопрос образован двумя отдельными предложениями для усиления эмоционального контраста. Они объединяются союзом *or* в сверхфразовое единство и выражают, соответственно, альтернативы *a nation that accepts the cruelty of ripping children from their parents' arms* и *a nation that values families, and works together to keep them together*. Оба предложения характеризуются общим ровным спокойным ритмом, что достигается наличием параллелизма и повторов. На этом фоне легко осуществлять убеждение, в отличие от ситуаций, когда ритмический рисунок колеблется и реципиент приходит в возбужденное состояние:

(4) *Are we a nation that accepts the cruelty of ripping children from their parents' arms? Or are we a nation that values families, and works together to keep them together?* [24].

Еще одним вариантом альтернативности, характерным для американского президентского дискурса, является значение **мотивации** (3% случаев от общего числа примеров), когда вторая альтернатива, указывая на предполагаемые последствия неисполнения первой, мотивирует ее реализацию:

(5) *It said: disarm, disclose, or face serious consequences* [25].

В этом высказывании, взятом из выступления Дж. Буша, ясно прослеживается ультимативность, усиленная цепочкой глаголов, стоящих в повелительном наклонении. Если трансформировать данное предложение путем вербализации имплицитного обратного условия, то можно увидеть причинно-следственную связь, характерную для конструкций альтернативной мотивации: *disarm, disclose or [*if you don't disarm and disclose*] face serious consequences*. Употребление подобных предложений связано со стремлением президента искоренить у адресата желание действовать как-то иначе, неугодным для лидера способом. В этом ему помогает мотивирующее имплицитное обратное условие, которое хоть и не озвучивается в силу его смысловой избыточности, но воспринимается реципиентом как подразумеваемая информация, оказывая должное воздействие.

Обратимся еще к одному примеру:

(6) *They will hand over the terrorists, or [*if they don't hand over the terrorists*] they will share in their fate* [26].

Глава государства полон решимости добиться выполнения действия, названного в первой части конструкции, в противном случае тех, кто не подчинится, будет ждать суровое наказание. Не исключено, что употребление глагола *will* в обеих частях конструкции альтернативной мотивации, помимо выражения будущего времени, передает оттенок модальности со значением обещания, что также способствует формированию образа уверенного, могущественного лидера, на которого можно положиться. Создается впечатление, что президент не сомневается, что способен осуществить взятые на себя обязательства, и это должно обеспечить ему поддержку со стороны аудитории.

(7) *But if history teaches us anything, it is that we must resist aggression or it will destroy our freedoms* [27].

Исходя из содержания приведенного выше высказывания, становится очевидным, что если американский народ не сможет противостоять агрессии сейчас, то она в будущем уничтожит его свободу. Не желая подобных последствий, президент использует модальный глагол *must* и тем самым настойчиво призывает адресата к действию или содействию. Естественно, никто из граждан демократического государства не захочет лишиться такой ценности, как свобода, и будет готов сделать многое, чтобы ее сохранить. Президент взывает к каждому члену общества, желая заручиться его поддержкой, о чем свидетельствует нехарактерное употребление абстрактного существительного *freedom* во множественном числе. В данном случае мы наблюдаем разновидность оппозиционной редукции, а именно транспозицию, при которой сильный член находится на месте слабого, что создает экспрессивный эффект. «Уникальность, то есть существенная единичность денотата, является здесь тем фоном, на котором ярко выделяется категориальное значение множественности существительного, его обозначающего» [28. С. 94]. Президент подразумевает, что если свобода каждого может быть ограничена, то каждый должен непременно приложить усилия, чтобы это предотвратить, приняв курс главы

государства. Употребление существительного *freedom* во множественном числе может быть связано с желанием указать на разные виды демократических свобод, которые реципиенту придется отстаивать – свободу слова, выбора, вероисповедания и т.д.

Значение **чередования** (2% случаев от общего числа примеров) в американском президентском дискурсе актуализируется при взаимодействии союзов альтернативной семантики с наречиями, передающими неопределенную характеристику частотности альтернативно сменяющих друг друга событий. Это придает членам сочинительной конструкции особую значимость, масштабность:

(8) *Our freedom, our democracy, has never been easy. Sometimes we stumble; we make mistakes; we get frustrated or discouraged* [29].

Б. Обама считает путь к демократии и свободе трудным, что подчеркивается асиндетическим выражением альтернативных отношений в первых двух случаях, что предполагает соответствующее пунктуационное оформление на письме и наличие больших пауз в речи. Каждый член сочинительной конструкции получает особое выделение, звучит весомо и врезается в память также благодаря синтаксическому параллелизму нераспространенных предложений. Наречие *sometimes* заостряет внимание реципиента на том, как много препятствий приходится преодолевать. Однако чем сложнее препятствия, тем желаннее цель. Именно этот посыл заложен в высказывании и подкреплен идеей единства посредством личного местоимения *we* и притяжательного местоимения *our*.

Рассмотрим пример, взятый из второй инаугурационной речи Б. Обамы:

(9) *But the words I spoke today are not so different from the oath that is taken each time a soldier signs up for duty or an immigrant realizes her dream* [30].

Президент хочет подчеркнуть, что его клятва сходна со всеми без исключения клятвами, которые, в частности, солдаты дают родине, а иммигранты снимут себе. Тем самым он относит себя к обычным гражданам страны, выполняющим свой долг как перед другими, так и перед самим собой, что может говорить, с одной стороны, о личной заинтересованности и душевном порыве главы государства, с другой – о его желании принизить свой высокий статус, чтобы стать ближе к аудитории. Обстоятельство времени *each time* характеризует данную ситуацию как обыденную в силу ее многократной повторяемости. Лидер теперь представляется аудитории не как кто-либо, находящийся на недосягаемой высоте, а как простой человек, разделяющий стремления народа. Кроме того, в предложении учитывается и гендерный аспект, так как глава государства говорит как о мужчинах (*soldiers*), так и о женщинах, употребляя притяжательное местоимение женского рода *her*, тем самым подразумевая, что вне зависимости от пола граждане Соединенных Штатов могут осуществить свою мечту и служить родине. Таким образом, президент пытается расположить к себе слушателей.

Для осуществления определенных коммуникативных задач в американском президентском дикурсе служат конструкции с союзами альтернативной се-

мантиki, выражающие значение **дистрибуции** (2,6% случаев от общего числа примеров). Оно заключается в альтернативном распределении событий (процессов, состояний, признаков) между предметами или лицами, составляющими некоторое множество:

(10) *And we will pursue nations that provide aid or safe haven to terrorism [31].*

Дж. Буш разъясняет, какие действия могут послужить основанием для преследования любых наций. Подобная тактика позволяет президенту одновременно устрашить тех, кто попадает под описанную категорию, и заверить тех, кто хочет искоренить терроризм, в решительности и потенциальной эффективности мер, которые будут вскоре предприняты.

(11) *We may enjoy a standard of living that is the envy of the world, but so long as hundreds of millions endure the agony of an empty stomach or the anguish of unemployment, we're not truly prosperous [18].*

Б. Обама прибегает к количественной характеристике ситуации для усиления эффекта воздействия на аудиторию. США не могут позиционировать себя как процветающая нация, пока в мире еще остаются сотни миллионов людей, страдающих от голода и безработицы. Огромное число, названное президентом и обозначающее совокупность людей, между которыми альтернативно распределяются негативные события, производит должное впечатление на реципиента, и у него возникает желание помочь обездоленным. Альтернативный ряд содержит параллельные конструкции с постпозитивным определением, вводимым союзом *of*, что задает ровный, однообразный ритм, на фоне которого аллитерация звуков [mp], а также негативная коннотация существительных создает ощущение чего-то гнетущего и тревожного. Лексические единицы, принадлежащие к возвышенному стилю – *agony* и *anguish*, помогают выразить всю серьезность ситуации и подчеркивают необходимость принимать меры. На словах поддержка должна оказываться только голодным и безработным, тогда как на деле под названным предлогом могут осуществляться какие угодно действия. Адресата пытаются убедить в благих намерениях власти, чтобы получить своеобразный карт-бланш для проведения выгодной политики.

Конструкции с союзами альтернативной семантики в значении **уточнения** (4% случаев от общего числа примеров), маркером которого служат тире или запятая между сочиненными компонентами, позволяют переформулировать высказывание наиболее удачным образом и тем самым сгладить острые углы:

(12) *We are closer to energy independence than we've ever been before – or at least as we've been in decades [32].*

Б. Обама делает смелое заявление о том, что США находятся ближе к энергетической независимости, чем когда-либо. Однако чтобы сообщение не казалось слишком преувеличенным, он сужает временные рамки до десятилетий. Показателем данного вида альтернативности является ограничитель *at least*, а пауза привлекает внимание реципиента.

Нередко уточнение сопровождается изменением либо временной формы, либо модальности во втором члене сочинительной конструкции:

(13) *Every nation has learned, or should have learned, an important lesson: Freedom is worth fighting for, dying for, and standing for – and the advance of freedom leads to peace [33].*

Дж. Буш сначала уверенно заявляет, что каждая нация извлекла важный урок о ценности свободы, но такое обобщение явно противоречит существующему положению дел, и поэтому ему приходится уточнить высказывание при помощи модального глагола *should* с перфективным инфинитивом, что каждая нация должна была извлечь урок.

Более веско подобное уточнение звучит в отрицательных высказываниях с частицей *not*:

(14) *Where foreign governments cannot or will not effectively stop terrorism in their territory, the primary alternative to targeted lethal action would be the use of conventional military options [34].*

Неспособность иностранных правительств остановить терроризм на своей территории выражается модальным глаголом в отрицательной форме *cannot*. Затем, не довольствуясь выбранной характеристикой ситуации, президент формулирует мысль иначе с помощью модального глагола *will* с отрицательной частицей *not*, считая именно нежелание, а не неспособность вести борьбу причиной ее безрезультатности. США же, наоборот, признают своим долгом окончательно искоренить терроризм и противопоставляют себя другим государствам, о чем свидетельствует прилагательное *foreign*.

Конструкции с союзами альтернативной семантики, передающие значение **аппроксимации** (3,8% случаев от общего числа примеров), служат для приблизительного обозначения различных фрагментов действительности благодаря определенности семантики первого компонента конструкции и неопределенности, обобщенности, дифузности семантики второго. К наиболее характерным показателям данного варианта альтернативности относятся неопределенные местоимения *some (other) / any (other)*, *someone (else) / anyone (else)*, *somebody (else) / anybody (else)*, *something (else) / anything (else)* и т.п. во втором компоненте конструкции:

(15) *Every terrorist we deal with abroad is one who will never do harm to an innocent American or anyone else [35].*

С помощью так называемой аппроксимации генерализации [13. С. 104], обусловленной наличием в позиции второго компонента сочинительной конструкции местоимения *anyone* в значении «кто угодно» в сочетании с усилительной частицей *else*, Дж. Буш пытается донести до аудитории идею о неоспоримой военной мощи США, которую никто не способен побороть. Такое государство способно защитить каждого рядового американца и обеспечить ему безопасную жизнь. Прилагательное *every*, используемое в качестве определения к существительному *terrorist* и отрицательное наречие *never* придают высказыванию большую экспрессивность.

(16) *But a targeted strike can make Assad, or any other dictator, think twice before using chemical weapons [36].*

Б. Обама, во-первых, причисляет Асада к диктаторам, во-вторых, при помощи аппроксимации генерализации расширяет круг диктаторов, которых США

заставят думать дважды, прежде чем использовать химическое оружие. Кроме того, приблизительная номинация позволяет избежать конкретики и развязать руки для дальнейших действий, ведь остается неясным, кто именно из лидеров других государств может попасть в данную категорию.

В некоторых случаях американские президенты прибегают к квантитативной аппроксимации:

(17) *In one year, or five years, the power of Iraq to inflict harm on all free nations would be multiplied many times over [37].*

С одной стороны, Дж. Буш не знает точно, когда именно сила Ирака укрепится достаточно, чтобы причинять вред свободным народам. С другой стороны, президент предполагает, что это произойдет скоро, максимум через пять лет. Тем самым имплицитно вводится посыл, что с Ираком нужно бороться как можно быстрее, пока не выросла его мощь.

При передаче значения **перечисления** компоненты сочинительной конструкции, соединяемые союзами альтернативной семантики, обозначают факты, не исключающие друг друга по смыслу. Подобные конструкции как средство речевого убеждения являются наиболее часто встречающимися в американском президентском дискурсе (57,2% случаев от общего числа примеров).

(18) *For the American people can no more meet the demands of today's world by acting alone than American soldiers could have met the forces of fascism or communism with muskets and militias [30].*

В своей второй инаугурационной речи Б. Обама сближает фашизм и коммунизм, делая их членами одной сочинительной конструкции и превращая в контекстуальные синонимы. Таким образом, две упомянутые идеологии составляют в качестве отдельных частей ту единую отрицательную силу, с которой сражаются США. Создается впечатление, что именно это государство является борцом с несколькими злейшими врагами всего человечества. Здесь в силу нейтрализации значения альтернативности по смыслу перечисления союз *or* функционально сближается с союзом *and*, но в отличие от последнего придает незаконченный характер перечислению, что свидетельствует о наличии и других угроз, которые не упомянуты в данном контексте.

(19) *No act of the terrorists will change our purpose, or weaken our resolve, or alter their fate [38].*

При помощи перечисляемых альтернатив Джордж Буш стремится продемонстрировать решительность, непоколебимость и создать образ надежного политика. Использование союза *or*, придающего перечислению незавершенность, предоставляет адресату возможность додумать ситуацию самому, включаясь в размышление и следуя логике президента.

В следующем примере предлагается всесторонняя характеристика ситуации, которая описывается членами альтернативной конструкции, заключенной в придаточное предложение времени:

(20) ...*I believe that none of us are fully free when others in the human family remain shackled by poverty or disease or oppression [39].*

Такое построение высказывания позволяет обозначить тесную взаимозависимость между событиями, описываемыми главной и придаточной частями.

Получается, что свобода граждан США также зависит от свободы граждан других наций. Чтобы убедить в этом аудиторию, президент закладывает в сочинительную конструкцию восходящую градацию, которая представлена абстрактными существительными с отрицательной коннотацией: *poverty, disease, oppression*. С помощью перечисления негативных вариантов в порядке возрастания их угрозы для жизни и свободы человека глава государства пытается вызвать у реципиента негодование, желание помочь. Кроме того, Барак Обама акцентирует внимание адресата на связи США с другими странами, называя их членами одной человеческой семьи. Поскольку государства, нуждающиеся в помощи, по-родственному близки американцам, то последние должны поддержать их в трудную минуту. На самом же деле это дает возможность США под благородным предлогом вести выгодную для себя политику.

(21) *We recognize that no matter how responsibly we live our lives, any one of us at any time may face a job loss, or a sudden illness, or a home swept away in a terrible storm [30].*

Употребляя модальный глагол *may* перед перечислением негативно окрашенных альтернатив, Б. Обама как бы снимает с себя ответственность за возможные несчастья, которые потенциально могут, причем с малой долей вероятности, обрушиться на граждан США, ведь предотвращать подобные беды не всегда под силу структурам власти. В данном предложении звучит некая доля фатализма, благодаря придаточному уступки *no matter how responsibly we live our lives*. Таким образом, глава государства побуждает реципиента согласиться с разумностью его доводов и в случае, если что-либо из перечисленного выше все-таки произойдет, не искать в этом вины президента.

Отрицательные частицы *not, no*, отрицательные местоимения *no, no one, nothing* и наречия *nowhere, never* представляют собой наиболее благоприятное контекстуальное окружение для реализации конструкциями альтернативной семантики значения перечисления:

(22) *No wrongs of the past should ever be allowed to divide you, or to slow your remarkable progress [40].*

В речи Дж. Буша, адресованной гражданам Латвии, прилагательное *no* в сочетании с подлежащим, наречие *ever* и распределение субъектно-объектных отношений эмфатически подчеркивает идею, что впредь никаким несправедливостям прошлого не удастся разделить народ и препятствовать его прогрессу. Члены сочинительной конструкции также несут негативную коннотацию. Намекая на то, что у Латвии было тяжелое прошлое в составе Советского Союза, президент утверждает, что у освободившейся страны теперь есть все шансы на дальнейшее развитие. Создаваемый положительный образ США как союзника латвийского народа служит для достижения поставленных внешнеполитических целей.

(23) *And that is why I can stand here tonight and say without exception or equivocation that the United States of America does not torture [41].*

Б. Обама с помощью зевгмы в альтернативной конструкции подчеркивает недвусмысленность своего заявления об отсутствии пыток во всех тюрьмах США

без исключения. Глава государства употребляет развернутое обстоятельство образа действия, выраженное однородными абстрактными существительными с предлогом *without exception or equivocation*, поскольку такая форма выражения мысли звучит более убедительно. Подобная тактика свидетельствует о том, что президент будто бы защищается от ранее выдвинутых обвинений и старается отразить возможные упреки в неясности, расплывчатости заявлений, завоевать доверие аудитории.

Нам встретились также смешанные случаи, когда альтернативность одновременно приобретает в контексте оттенок уточнения и перечисления.

(24) *By allowing radical Islam to work its will – by leaving an assaulted world to fend for itself – we would signal to all that we no longer believe in our own ideals, or even in our own courage* [21].

Дж. Буш пытается донести до аудитории мысль о том, что без вмешательства США мир не сможет сражаться с радикальным исламизмом. Для этого он взыскивает к гордости реципиента. Если США будут бездействовать, то весь мир с презрением может подумать о том, что демократические идеалы для них ничего не значат. Перечисление с оттенком восходящей градации, маркированное наречием *even*, которое одновременно служит и маркером уточнения, призвано устрашить реципиента перспективой уличения его в трусости. Конечно же, такой исход событий не прельщает аудиторию, и она должна приветствовать любые действия правительства, направленные на борьбу с врагом.

Значение перечисления реализуется также в обстоятельствах и придаточных предложениях уступки (8,2% случаев от общего числа примеров):

(25) *Whether we bring our enemies to justice, or bring justice to our enemies, justice will be done* [26].

Дж. Буш хочет доказать адресату, что при любых обстоятельствах правосудие над врагами свершится. В силу наличия в высказывании уступительного придаточного с перечисляемыми противоположными альтернативами утверждение звучит довольно категорично и жестко. Здесь очевидно стремление устрашить врагов и вместе с тем донести до реципиента идею неизбежного наказания, которое они понесут. Воплощению данной тактики способствует также хиазм – «стилистическая фигура, заключающаяся в том, что в двух соседних предложениях (или словосочетаниях), построенных на синтаксическом параллелизме, второе предложение (или сочетание) строится в обратной последовательности его членов» [42. С. 325]. Все это обеспечивает создание положительного отношения адресата к президенту, гарантирующему неизбежность справедливого наказания противников свободы и демократии.

(26) *They remind me that no matter who you are, or where you come from, or what you look like, or what God you pray to, or who you love, there is something fundamental that we all share* [43].

Б. Обама уверенно заявляет, что, несмотря на возможные различия, перечисляемые в уступительных придаточных предложениях, которые соединяются союзами альтернативной семантики, граждане США все равно остаются единым народом. Это способству-

ет пробуждению у реципиента патриотических чувств и возникновению ощущения сплоченности. Таким образом, президент предупреждает национальный раскол, напоминая аудитории об общности целей, взглядов, интересов. Кроме того, пресекается дискриминация по различным признакам: происхождению, внешности, расе, религии и т.д.

Аналогичную роль в американском президентском дискурсе выполняют предложения с обстоятельством уступки, состоящим из альтернативного ряда с предлогом *regardless of*:

(27) *And I believe that America holds within her the truth that regardless of race, religion, or station in life, all of us share common aspirations to live in peace and security, to get an education and to work with dignity, to love our families, our communities, and our God* [44].

Уступительные придаточные предложения могут иметь усеченную до альтернативного ряда структуру:

(28) *You endured 79 days of bombing, not to keep Kosovo a province of Serbia, but simply because Mr. Milosevic was determined to eliminate Kosovar Albanians from Kosovo, dead or alive* [45].

Б. Клинтон с помощью конструкции альтернативной семантики в качестве усеченного придаточного уступки представляет Слободана Милошевича жестоким тираном, которому абсолютно неважно, как изгнать косовских албанцев из Косово, мертвыми или живыми. Такая тактика должна вызвать у аудитории негативное отношение к президенту Югославии, что было выгодно для политического курса США конца 90-х гг.

Значение перечисления также реализуется в обстоятельствах условия и условных придаточных предложениях (2,8% случаев от общего числа примеров):

(29) *Laboring in obscurity, often unable to discuss their work even with family and friends, the men and women at the NSA know that if another 9/11 or massive cyber-attack occurs, they will be asked, by Congress and the media, why they failed to connect the dots* [46].

Б. Обама стремится подчеркнуть, какая огромная ответственность ложится на плечи работников Агентства национальной безопасности, перечисляя негативные условия, при которых им пришлось бы отвечать за свою профессиональную деятельность перед Конгрессом или журналистами. Создается контраст между реальной и воображаемой ситуациями, и у реципиента складывается впечатление о «титаническом» труде работающих в АНБ.

(30) *You don't like a particular policy or a particular president, then argue for your position* [47].

Данным высказыванием, содержащим бессоюзное условное придаточное предложение, Барак Обама призывает адресата выступать против определенной политики или президента, тем самым убеждая его, что он может вершить власть. Таким образом, президенту удается создать видимость действующей в стране демократии.

Итак, анализ языкового материала показал, что конструкции альтернативной семантики регулярно используются в американском президентском дискурсе для осуществления воздействия на аудиторию с целью принятия ею политического курса, выгодного адресанту, сообщения информации выгодным для

лидера способом, а также для донесения до реципиента собственных идей как единственно верных и не допускающих сомнений. При этом данные конструкции выражают значения взаимоисключения, мотивации, чередования, дистрибуции, уточнения, аппроксимации и перечисления, полученные при определенной модификации инвариантного семантического признака альтернативности в контексте.

Проведенное исследование воздействующей роли альтернативности в американском президентском дискурсе позволило выявить некоторые закономерности, в частности корреляцию семантических вариантов альтернативности и коммуникативных целей и установок адресанта. Так, конструкции, передающие значение взаимоисключения, предоставляют аудитории возможность совершить ценностный выбор, усиленный прямым апеллированием к реципиенту с помощью альтернативного вопроса или лексических единиц, содержащих сему выбора. Лидеры прибегают к конструкциям со значением мотивации, когда речь идет о некой угрозе для США, в частности о террористах, поскольку ультимативный характер высказывания

позволяет устрашить врага, выразить решимость и уверенность в своих силах при борьбе с ним. Благодаря значению чередования высказывание звучит весомее, масштабнее, несет в себе идею о постоянном стремлении к идеальной демократии, несмотря на препятствия. При помощи дистрибуции президенты либо стремятся устрашить оппонентов, либо произвести на аудиторию впечатление большой количественной характеристики явления. Конструкции с уточнением дают возможность лидеру сделать заявление, а затем исправиться, словно снимая с себя ответственность за искаженную информацию. Аппроксимация позволяет президентам представить факты в выгодном свете, не прибегая к более точной номинации. Конструкции с перечислением, будучи самыми употребительными в американском президентском дискурсе, помогают убедительно и разносторонне описать ситуацию.

Таким образом, конструкции альтернативной семантики в американском президентском дискурсе являются неотъемлемым инструментом оказания влияния на аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перетрухин В.Н. Типы разделительных отношений и способы их выражения в простом предложении // Ученые записки Курского педагогического института. 1971. Т. 92, вып. 4–5. С. 4–38.
2. Холодов Н.Н. Сложносочиненные предложения с разделительными союзами // Русский язык в школе. 1975. № 4. С. 65–70.
3. Хегай В.М. Виды разделительных отношений в современном русском языке // Сложное предложение. Калинин, 1979. С. 139–145.
4. Ляпон М.В. Сложносочиненные предложения // Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. С. 615–633.
5. Госсман К.Г. Функционально-семантическое поле дизъюнкции (на материале полипредикативных конструкций современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 159 с.
6. Хан Г.В. Содержание разделительной связи и способы ее выражения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1988. 24 с.
7. Алимурадов О.А. Семантико-синтаксические свойства ог в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 216 с.
8. Алимурадов О.А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций : дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2004. 543 с.
9. Склярова Н.Г. Альтернативность как языковая универсальность. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2006. 284 с.
10. Склярова Н.Г. Реализация конструкций альтернативной семантики в различных типах речевых актов // Вестник Пятигорского лингвистического университета. 2012. № 1. С. 117–121.
11. Склярова Н.Г. Отношение альтернативности в индивидуально-авторской картине мира (на материале англоязычных художественных произведений) // Отражение этнокультурной специфики народа и индивидуальных особенностей личности в языке и речи. Ростов н/Д : Изд-во Юж. федерал. ун-та, 2010. С. 187–212.
12. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект. Тюмень : Изд-во Тюмен. ун-та, 2012. 260 с.
13. Чикилева Л.С. Когнитивно-прагматические и композиционно-стилистические особенности публичной речи : дис. ... д-ра филол. наук, 2005. 508 с.
14. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 163 с.
15. Спиридовский О.В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.
16. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. 2-е изд., испр. М. : Флинта; Наука, 2007. 256 с.
17. Пирогова Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001. С. 201–227.
18. Obama B.H. Address at the Brandenburg Gate. Berlin, Germany, 2013. June 19. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/06.19.13.html>
19. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
20. Bush G.W. Inaugural Address. Washington, DC, 2001. January 20. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.20.01.html>
21. Bush G.W. 2006 State of the Union Address. Washington, DC, 2006. January 31. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.31.06.html>
22. Clinton W.J. Second Inaugural. 1997. January 20. URL: <http://millercenter.org/president/clinton/speeches/speech-3443>
23. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Переяма, 2000. 368 с.
24. Obama B.H. Remarks by the President in Address to the Nation on Immigration. Cross Hall, 2014. November 20. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/11/20/remarks-president-address-nation-immigration>
25. Bush G.W. The War on Terror: At Home and Abroad. Manhattan, Kansas: Kansas State University, 2006. January 23. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.23.06.html>
26. Bush G.W. Address to the Nation. Washington, DC, 2001. September 20. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html>
27. Bush G.H.W. Address on Iraq's Invasion of Kuwait. 1990. August 8. URL: <http://millercenter.org/president/bush/speeches/speech-5529>
28. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М. : Высш. шк., 2002. 160 с.
29. Obama B.H. State of the Union Address. Washington, D.C., 2014. January 28. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.28.14.html>
30. Obama B.H. Second Inaugural Address. Washington, D.C., 2013. January 21. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.21.13.html>
31. Bush G.W. Focus on Iraq: Address to the City Club of Cleveland. Cleveland, Ohio, 2006. March 20. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/03.20.06.html>
32. Obama B.H. Remarks by the President in a Press Conference. East Room, 2014. November 05. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/11/05/remarks-president-press-conference>

33. Bush G.W. Freedom in Iraq and Middle East: Address at the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy. Washington, D.C., 2003. November 6. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/11.06.03.html>
34. Obama B.H. Drones, War, and Defense: Speech at the National Defense University. Washington, D.C., 2013. May 23. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/05.23.13.html>
35. Bush G.W. Defending the War. Kutztown, PA, 2004. July 9. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/07.09.04.html>
36. Obama B.H. Making the Case for Action in Syria: Prime-Time Address to the Nation. Washington, D.C., 2013. September 10. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.10.13.html>
37. Bush G.W. September 11 Anniversary Address. New York, 2002. September 11. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.11.02.html>
38. Bush G.W. End of Major Combat in Iraq. San Diego, California, 2003. May 1. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/05.01.03.html>
39. Obama B.H. Remarks at the University of Cape Town. Cape Town, South Africa, 2013. June 30. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/06.30.13.html>
40. Bush G.W. Freedom and Democracy: Address in Latvia. Riga, Latvia, 2005. May 7. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/05.07.05.html>
41. Obama B.H. Address Before a Joint Session of Congress. 2009. February 24. URL: <http://millercenter.org/president/obama/speeches/speech-4612>
42. Квятковский А.П. Психологический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.
43. Obama B.H. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly. New York City, New York : United Nations General Assembly Hall, 2014. September 24. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly>
44. Obama B.H. Address at Cairo University. 2009. June 4. URL: <http://millercenter.org/president/obama/speeches/speech-5502>
45. Clinton W.J. Address on the Kosovo Agreement. 1999. June 10. URL: <http://millercenter.org/president/clinton/speeches/speech-3933>
46. Obama B.H. Privacy, Data Collection, and Changes to the NSA. Washington, D.C., 2014. January 17. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.17.14.html>
47. Obama B.H. Address on the Government Reopening. Washington, D.C., 2013. October 17. URL: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/10.17.13.html>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 марта 2017 г.

ALTERNATIVENESS IN THE DISCOURSE OF AMERICAN PRESIDENTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 44–52.

DOI: 10.17223/15617793/418/6

Natalia G. Sklyarova, Southern State University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: panochka@bk.ru

Lyubov M. Khacheresova, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: panochka@bk.ru

Keywords: discourse; institutional discourse; political discourse; presidential discourse; alternativeness; constructions of alternative semantics; manipulation.

In the article constructions with the conjunctions *or*, *either... or*, expressing various aspects of alternativeness are investigated in the official speeches of the USA presidents B. Obama, W. Clinton, G. Bush S., G. Bush Jr. The methods of contextual and discourse analysis help to reveal the functional peculiarities of these syntactic structures in the American presidential discourse and their influential potential on the mass audience depending on the communicative situation. The study of the language material showed that constructions with alternative semantics are regularly used in the institutional discourse of American presidents to manipulate the mass consciousness, to disguise information, to instill certain ideas into the recipients' minds and convince them in their truth and righteousness so that the audience would accept the political course necessary for the head of the State. The meanings which constructions with disjunctive conjunctions carry include the following semantic variants of alternativeness: mutual exclusiveness, motivation, alternation, distribution, approximation, enumeration, amendment which appear due to a certain modification of the invariant meaning of alternativeness by different contextual means. Constructions conveying absolute mutual exclusiveness are aimed at making the illusion of choice between good and evil which is amplified by the direct appeal to the audience by means of alternative questions and / or words with the component “choice” in their semantics. The presidents of the USA make use of constructions conveying motivation when they speak about some threat to the state and its citizens, for example, terrorism. No-compromise character of such language units enables the leader to intimidate the enemy and express his determination and readiness for the struggle against it. Due to the meaning of alternation the utterance sounds awe-inspiring and overwhelming and implies the message that the USA is constantly striving for ideal democracy regardless of all the obstacles. With the help of constructions expressing distribution the American presidents try, on the one hand, to threaten opponents, on the other hand, to impress the audience by the quantitative characteristics of the situation or event. The function of amendment performed by constructions with disjunctive conjunctions gives the leader an opportunity to correct a statement thus taking off the responsibility for distorting the facts. Approximate nomination serves for presenting the information to the advantage without precision and exactness. Constructions with enumeration being the most widespread among other syntactic units with conjunctions *or* and *either... or* in the presidential discourse often contribute to the depictions of different aspects of the described situation. Thus, constructions with alternative semantics are an essential instrument of manipulating the audience in the discourse of the USA presidents.

REFERENCES

1. Peretrushkin, V.N. (1971) Tipy razdelitel'nykh otnoshenii i sposoby ikh vyrazheniya v prostom predlozhenii [Types of disjunction relations and ways of expressing them in a simple sentence]. *Uchenye zapiski Kurskogo pedagogicheskogo instituta*. 92:4–5. pp. 4–38.
2. Kholodov, N.N. (1975) Slozhnosochinennye predlozheniya s razdelitel'nymi soyuzami [Complex sentences with disjunctive conjunctions]. *Russkiy yazyk v shkole*. 4. pp. 65–70.
3. Khegag, V.M. (1979) Vidy razdelitel'nykh otnoshenii v sovremennom russkom yazyke [Types of disjunctive relations in modern Russian]. In: Kuznetsova, R.D. (ed.) *Slozhnoe predlozhenie* [The complex sentence]. Kalinin: Kalinin State University.
4. Lyapon, M.V. (1980) Slozhnosochinennye predlozheniya [Compound sentences]. In: Shvedova, N.Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
5. Gossman, K.G. (1985) *Funktional'no-semanticeskoe pole diz'yunktsii (na materiale polipredikativnykh konstruktsii sovremennoego nemetskogo yazyka)* [Functional-semantic field of disjunction (on the material of polyadic constructions of modern German)]. Philology Cand. Diss. Leningrad.
6. Khan, G.V. (1988) *Soderzhanie razdelitel'noy svyazi i sposoby ee vyrazheniya v sovremenном nemetskom yazyke* [The content of the disjunctive connection and ways of its expression in modern German]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kiev.
7. Alimuradov, O.A. (2000) *Semantiko-sintaksicheskie svoystva or v sovremenном angliyskom yazyke* [Semantic and syntactic properties of “or” in modern English]. Philology Cand. Diss. Pyatigorsk.

8. Alimuradov, O.A. (2004) *Znachenie, smysl, kontsept i intentsional'nost': sistema korrelyatsiy* [Meaning, sense, concept and intentionality: a system of correlations]. Philology Dr. Diss. Stavropol.
9. Sklyarova, N.G. (2006) *Al'ternativnost' kak yazykovaya universaliya* [Alternativity as a language universal]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
10. Sklyarova, N.G. (2012) Realizatsiya konstruktsiy al'ternativnoy semantiki v razlichnykh tipakh rechevykh aktov [Realization of constructions of alternative semantics in various types of speech acts]. *Vestnik Pyatigorskogo lingvisticheskogo universiteta – Pyatigorsk State University Bulletin*. 1. pp. 117–121.
11. Sklyarova, N.G. (2010) *Otnosheniya al'ternativnosti v individual'no-avtorskoy kartine mira (na materiale angloyazychnykh khudozhestvennykh proizvedeniy)* [Alternative relations in the individual author's picture of the world (on the material of English-language fiction)]. In: Boeva-Omelechko, N.B. (ed.) *Otrazhenie etnokul'turnoy spetsifiki naroda i individual'nykh osobennostey lichnosti v yazyke i rechi* [Reflection of the ethno-cultural specificity of the people and individual characteristics of the individual in language and speech]. Rostov-on-Don: SFU.
12. Shapochkin, D.V. (2012) *Politicheskiy diskurs: kognitivnyy aspekt* [Political discourse: the cognitive aspect]. Tyumen: Tyumen.
13. Chikileva, L.S. (2005) *Kognitivno-pragmatische kompozitsionno-stilisticheskie osobennosti publichnay rechi* [Cognitive-pragmatic and composition-stylistic features of public speech]. Philology Dr. Diss. Moscow.
14. Filinskiy, A.A. (2002) *Kriticheskiy analiz politicheskogo diskursa predvybornykh kampaniy 1999–2000 gg.* [A critical analysis of the political discourse of the election campaigns of 1999–2000]. Philology Cand. Diss. Tver.
15. Spiridovskiy, O.V. (2006) *Lingvokul'turnye kharakteristiki amerikanskoy prezidentskoy ritoriki kak vida politicheskogo diskursa* [Linguocultural characteristics of American presidential rhetoric as a kind of political discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
16. Chudinov, A.P. (2007) *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2nd ed. Moscow: Flinta; Nauka.
17. Pirogova, Yu.K. (2001) *Implitsitnaya informatsiya kak sredstvo kommunikativnogo vozdeystviya i manipulirovaniya* [Implicit information as a means of communicative influence and manipulation]. In: Novikov, A.I. (ed.) *Problemy prikladnoy lingvistiki* [Problems of Applied Linguistics]. Moscow: Azbukovnik.
18. Obama, B.H. (2013) *Address at the Brandenburg Gate*. Berlin, Germany. June 19. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/06.19.13.html>.
19. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
20. Bush, G.W. (2001) *Inaugural Address*. Washington, DC. January 20. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.20.01.html>
21. Bush, G.W. (2006) *2006 State of the Union Address*. Washington, DC. January 31. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.31.06.html>.
22. Clinton, W.J. (1997) *Second Inaugural*. January 20. [Online] Available from: <http://millercenter.org/president/clinton/speeches/speech-3443>.
23. Shegal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena.
24. Obama, B.H. (2014) *Remarks by the President in Address to the Nation on Immigration*. Cross Hall. November 20. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/11/20/remarks-president-address-nation-immigration>.
25. Bush, G.W. (2006) *The War on Terror: At Home and Abroad*. Manhattan, Kansas: Kansas State University. January 23. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.23.06.html>.
26. Bush, G.W. (2001) *Address to the Nation*. Washington, DC. September 20. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html>.
27. Bush, G.H.W. (1990) *Address on Iraq's Invasion of Kuwait*. August 8. [Online] Available from: <http://millercenter.org/president/bush/speeches/speech-5529>.
28. Blokh, M.Ya. (2002) *Teoreticheskie osnovy grammatiki* [Theoretical bases of grammar]. Moscow: Vysshaya shkola.
29. Obama, B.H. (2014) *State of the Union Address*. Washington, D.C. January 28. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.28.14.html>.
30. Obama, B.H. (2013) *Second Inaugural Address*. Washington, D.C. January 21. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.21.13.html>.
31. Bush, G.W. (2006) *Focus on Iraq: Address to the City Club of Cleveland*. Cleveland, Ohio. March 20. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/03.20.06.html>.
32. Obama, B.H. (2014) *Remarks by the President in a Press Conference*. East Room. November 05. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/11/05/remarks-president-press-conference>.
33. Bush, G.W. (2003) *Freedom in Iraq and Middle East: Address at the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy*. Washington, D.C. November 6. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/11.06.03.html>.
34. Obama, B.H. (2013) *Drones, War, and Defense: Speech at the National Defense University*. Washington, D.C. May 23. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/05.23.13.html>.
35. Bush, G.W. (2004) *Defending the War*. Kutztown, PA. July 9. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/07.09.04.html>.
36. Obama, B.H. (2013) *Making the Case for Action in Syria: Prime-Time Address to the Nation*. Washington, D.C. September 10. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.10.13.html>.
37. Bush, G.W. (2002) *September 11 Anniversary Address*. New York. September 11. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.11.02.html>.
38. Bush, G.W. (2003) *End of Major Combat in Iraq*. San Diego, California. May 1. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/05.01.03.html>.
39. Obama, B.H. (2013) *Remarks at the University of Cape Town*. Cape Town, South Africa. June 30. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/06.30.13.html>.
40. Bush, G.W. (2005) *Freedom and Democracy: Address in Latvia*. Riga, Latvia. May 7. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/05.07.05.html>.
41. Obama, B.H. (2009) *Address Before a Joint Session of Congress*. February 24. [Online] Available from: <http://millercenter.org/president/obama/speeches/speech-4612>.
42. Kvyatkovskiy, A.P. (1966) *Poeticheskiy slovar'* [Poetic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
43. Obama, B.H. (2014) *Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly*. New York City, New York: United Nations General Assembly Hall. September 24. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly>.
44. Obama, B.H. (2009) *Address at Cairo University*. June 4. [Online] Available from: <http://millercenter.org/president/obama/speeches/speech-5502>.
45. Clinton, W.J. (1999) *Address on the Kosovo Agreement*. June 10. [Online] Available from: <http://millercenter.org/president/clinton/speeches/speech-3933>.
46. Obama, B.H. (2014) *Privacy, Data Collection, and Changes to the NSA*. Washington, D.C. January 17. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/01.17.14.html>.
47. Obama, B.H. (2013) *Address on the Government Reopening*. Washington, D.C. October 17. [Online] Available from: <http://presidentialrhetoric.com/speeches/10.17.13.html>.

Received: 15 March 2017

СЛЕД ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С И.С. ТУРГЕНЕВЫМ В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «АЛЬБЕРТ»: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Повесть Л.Н. Толстого «Альберт» рассматривается в контексте взаимоотношений автора с И.С. Тургеневым, стремившимся занять символическую позицию наставника «молодого писателя». Как с точки зрения особенностей историко-литературного процесса и правил «поля литературы», так и в свете показательных фактических совпадений прослеживается параллель между действиями Альбера и Делесова, с одной стороны, и событиями в жизни Толстого в 1857 г. – с другой.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; И.С. Тургенев; мотив; сюжет; поэтика; поле литературы; символический капитал; переводчики; дневники; автобиографизм.

Тема взаимоотношений Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева поднималась в отечественном литературоведении неоднократно¹. Противостояние, возникшее буквально с момента знакомства, приведшее к знаменитой ссоре и во многом обусловившее восприятие писателями творчества друг друга, является магистральной темой в работах о двух прозаиках: «Тургенев и Толстой по-разному понимали сущность народного национального характера, по-разному представляли себе пути исторического развития России, но в одном и том же направлении они отвечали на вопрос о причинах, определяющих глубину нравственного содержания личности» [8. С. 84]. Их противоречивое взаимодействие наметило будущую трансформацию литературного поля, обогащение его структуры новым типом писательского самоутверждения, который будет Толстым в ходе его ранних столкновений с Тургеневым сначала апробирован, а позднее и полностью реализован.

Ю.Н. Тынянов рассматривал переход от одного авторского поколения к другому не в виде восприятия предшествующего опыта напрямую, а как отталкивание от существующей традиции, борьбу: «Всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба, разрушение старого целого и новаястройка старых элементов» [9. С. 198]. По мысли Ю.М. Лотмана, высказанной в его итоговой книге «Культура и взрыв», внутри синхронно работающей структуры постепенные процессы обеспечивают преемственность, а взрывные обуславливают новаторство. «В самооценке современников эти тенденции переживаются как враждебные, и борьба между ними осмыслияется в категориях военной битвы на уничтожение» [10. С. 21]. Середина XIX в. была одним из периодов, актуализировавших «взрывы», в результате чего вся сфера словесности была пронизана духом скандала [11].

Н. Букс выделяет три типа скандалного действия: скандал как техника построения художественного текста и столкновения репрезентируемых идей, скандал как стратегия творческого поведения, скандал как форма межлитературного общения (например, писательские ссоры и критические распри). В последнем случае «стилистика скандала, т.е. эксцентричность артистического поведения, всегда рассчитанного на публику, превращает околовитературные столкновения в подобие театрального зрелища, делает их основой для сюжетов книг, имеющих своего потребителя. Свидетельством тому служит немалое число сочинений о скандалах, которые утверждают за живыми протагонистами статус литературных персонажей» [12. С. 11]. Исследователь рассматривает скандал как своеобразную стратегию остранения, игнорирование общепринятых правил игры с целью выхода из системы ради взгляда на неё со стороны. Это превращает скандальное действие в антиритуал: осколок одной системы врезается в другую, за счёт чего происходят смещение намеченного пути, нарушение норм, устранение привычных ритуалов. В результате из потока повседневности вычленяется событие, которое теперь можно трансформировать в самостоятельный текст, «поэтому любой скандал, участниками которого являются знаковые фигуры, может рассчитывать на автономное существование в категории художественной условности» [Там же. С. 12].

Создавая историю о музыканте, Л.Н. Толстой невольно запечатлевает в своей повести важный момент в истории русской литературы – этап существенной трансформации её старой системы. Современный исследователь, посвятивший свою работу проблеме взаимоотношений истории и текста, заметил: «...мало кто отрицаёт верифицируемость хроники, т.е. последовательности “единичных экзистенциальных пропозиций”, проблема состоит в организации этих пропозиций в сюжет, подчинённый той или иной жанровой модели. Вопрос о том, “что же случилось на самом деле”, во многом заменяется вопросом о дискурсивной организации описывающих это “на самом деле” текстов» [13. С. 16].

Анализ повести Толстого с точки зрения социологии литературы позволит по-новому взглянуть на историю взаимоотношений двух художников. Согласно теории поля П. Бурдье молодые писатели, не обладавшие «именем» в культурной среде своего времени, были вынуждены прибегать к помощи авторитетных фигур, заручаться поддержкой покровителей, уже обладающих большим запасом символической власти [14]. Протекция со стороны известного писателя обеспечивает читательский интерес, благосклонные отзывы критиков, внимание издателей к новому таланту. Толстой сознательно нарушил это общее правило для «новичков», чем, с одной стороны, вызвал непонимание потенциальных «покровителей», с другой

гой – создал условия для формирования принципиально новой позиции в поле литературы. На наш взгляд, этот процесс нашёл отражение в повести «Альберт», писавшейся в течение 1857 г.

Для обоснования связи сюжета повести с событиями в жизни писателя необходимо кратко рассмотреть историю общения Толстого и Тургенева с момента знакомства до создания этого произведения.

Писатели познакомились заочно после опубликования в 1855 г. в журнале «Современник» рассказа «Рубка леса», который был посвящён Тургеневу. В ноябре того же года Толстой, приехав в Петербург, останавливается в его квартире. Следующие пять с половиной лет писатели пребывали в состоянии дружбы-вражды, вплоть до широко известной крупной ссоры, разлучившей их почти на два десятилетия.

Разница между двумя литературными и отчасти возрастными поколениями, к которым принадлежали художники, была с самого начала осмыслена Тургеневым в терминах родства, что позволило ему создать игровой дискурс отношения к Толстому как к «ребёнку». В письме к Марии Николаевне Толстой он отмечает, что полюбил гостявшего у него молодого писателя от всей души, но это, однако, не мешает ему «ворчать на него беспрестанно, как рассудительный дядя на взбалмошного племянника» [15. Т. 3. С. 71]. Здесь же, говоря о поведении Толстого, он пишет с позиции воспитателя: «Я ему дам прочесть это письмо – пусть казнится!» [Там же]. П.В. Анненкову он вскоре сообщает, что Толстого «полюбил каким-то странным чувством, похожим на отеческое» [Там же. С. 73]. 13/25 янв. 1857 г. он пишет А.В. Дружинину, что с Толстым «совершаются самые благодатные перемены – и я радуюсь этому, “как нянька старая”» [Там же. С. 188]. Тургенев осторожно обнаруживает своё отношение в одном из писем к самому молодому писателю: «Извините меня, что я Вас как будто по головке гляжу: я на целых десять лет старше Вас – да и вообще чувствую, что становлюсь дядькой и болтуном» [Там же. С. 179]. А.А. Фет вспоминал, что Н.Н. Толстой, брат писателя, наблюдавший неоднократные размолвки, говорил: «Тургенев никак не может помириться с мыслью, что Лёвочка растёт и уходит у него из-под опеки» [16. С. 123].

Сформированная таким образом позиция давала Тургеневу возможность отказывать Толстому в самостоятельности решения им как литературных, так и семейных вопросов. Например, после разрыва М.Н. Толстой с мужем Тургенев, небезучастный к её судьбе, пишет, что надеется на заботу о ней старшего брата, Николая Николаевича, поскольку «Лев Николаевич – поэт; он за всё берётся слишком быстро и живо – и выдержки в нём до сих пор не было» [15. Т. 3. С. 254]. Более того, он просит своих петербургских друзей проследить за Толстым, спешно возвращающимся из Европы в Россию к сестре, и, когда тот будет проезжать через столицу, немедленно ему, Тургеневу, доложить.

«Молодость» Толстого акцентируется старшим писателем и в культурном плане: Тургенев называл его «остервенелым Троллодитом», «отсталым дикарем» и, хотя и признавал в нём литературный талант и

чутьё, стремился воспитать, советуя прочитать Шекспира, Белинского, Жорж Санд и других авторов.

Самыми настойчивыми со стороны Тургенева были побуждения оставить все прочие занятия в пользу литературного творчества. На этом старший писатель настаивал с первого письма, ещё до личного знакомства с Толстым: «Вы достаточно доказали, что Вы не трус – а военная карьера все-таки не Ваша – Ваше назначение – быть литератором, художником мысли и слова» [15. Т. 3. С. 63]. Писатели часто ссорились по пустякам, надолго расходились, попытки воздействовать на Толстого то ослабевали, то усиливались, и всегда, возобновляя отношения, Тургенев заводил разговор о призвании литератора. В 1858 г. он писал: «До сих пор в том, что Вы делали – всё ещё виден дилетант, необычайно даровитый, но дилетант; мне бы хотелось видеть Вас за станком, с засученными рукавами и с рабочим фартуком» [Там же. С. 291]. В марте 1861 г. после продолжительной размолвки Тургенев вновь поднимает эту тему, радуясь известию о возвращении Толстого к искусству: «Каждый человек так создан, что ему одно дело приходится делать; специальность есть признак всякого живого организма, – а Ваша специальность все-таки искусство, – это, разумеется, не исключает возможности (курсив И.С. Тургенева. – О.Т.) заниматься и педагогией, особенно в том первобытном виде, какой возможен и нужен у нас на Руси» [15. Т. 4. С. 307]. В этом письме сказалось пренебрежительное отношение ко всем внелитературным интересам младшего писателя.

Тургенева заметно задевает то, что Толстой на время сближается с «бесценным триумвиратом», состоявшим из А.В. Дружинина, В.П. Анненкова и В.П. Боткина. В одном из писем к младшему писателю сказывается ревность: «Вы, я вижу, теперь очень сошли с Дружининым – и находитесь под его влиянием. Дело хорошее – только, смотрите, не объешься его» [15. Т. 3. С. 160]. Если ещё недавно Тургенев был готов отступить и признать самостоятельность Толстого, то теперь он заявляет: «Я желаю следить за каждым Вашим шагом» [Там же. С. 168]. И действительно, следит, даже надзирает и опекает: выплачивает долги Толстого за азартные игры, следит за публикациями, передвижениями, поведением Толстого.

В свою очередь, будущий создатель великих романов с момента знакомства не соглашался принять делегируемое ему положение «младшего». Более того, он сам в письмах и дневниковых записях называл Тургенева «дитя» [17. Т. 47. С. 114], «Ваничка» [Там же. С. 148]. Признавая эстетическое чутьё своего товарища, Толстой отнюдь не относился к нему как к кумиру: «Он дурной человек, по холодности и бесполезности, но очень художественно-умный и никому не вредящий» [Там же. С. 188]. Говоря, что «Тургенев глупо устроил себе жизнь» [Там же. С. 85], Толстой сам встаёт на позицию судьи, что психологически исключает для него возможность подчинения. При этом если Тургенев судит о поведении Толстого с позиций литературы, её правил, требований и закономерностей, то Толстой оценивает жизнь и частные действия Тургенева с точки зрения морали, принципы которой, безусловно, шире, чем законы творчества.

В терминах П. Бурдье положение Толстого в эти годы должно было быть зависимым: в общем случае молодые писатели невольно попадали под влияние авторитетных фигур и получали за их счёт некий вес в литературных кругах. Однако в ситуации с Толстым эта закономерность не сработала: к моменту его приезда в столицу кружок «Современника» был уже в ожидании, ведь Толстой, прогремевший своими первыми произведениями, представлял перед ними как «новая сила, не только талант, но и граф» [18. С. 213]. Многие литераторы, в том числе и Тургенев, чьё положение в редакции к этому времени стало шатким, стараются взять Толстого «под свою руководство, под свою власть» [Там же. С. 221].

Пытаясь соответствовать образу наставника, Тургенев частично берёт на себя заботу о репутации молодого писателя и становится редактором и популяризатором его творчества. Так, например, он просит И.И. Панаева в 1856 г. «подшпоривать Толстого, чтобы он доставил “Юность” или кавказскую повесть к январской книжке» [15. Т. 3. С. 129]. Затем в 1857 г., находясь в заграничной поездке вместе с Толстым, он пишет В.П. Боткину: «Я радуюсь, глядя на него: это, говоря по совести, единственная надежда нашей литературы» [Там же. С. 195]. В это же время он сообщает П.В. Анненкову, что Толстой написал очередную замечательную вещь: «Её надо будет несколько переделать и обчистить – и тогда выйдет отличнейшая штука – Вы увидите» [Там же. С. 205] (речь шла о будущей повести «Альберт», которая в то время носила название «Пропащий»). Здесь Тургенев, хорошо знакомый с журнальными законами, рассматривает произведение и с точки зрения успеха у публики, к чему Толстой не только не стремился, но от чего старательно отрекался. 9/21 февраля 1857 г. в Париже он записал: «Задача достижения совершенства в каждом роде есть гениальное соединение 2-х крайностей. В литературе, как искусстве – одна крайность – только личность, другая всё требования читателя. Французская впала в эту» [17. Т. 47. С. 202]. Тем самым он намечает для себя отказ слепо следовать желаниям публики (который впоследствии приведет к формированию уникальной позиции автора-моралиста) и переходит к другой «крайности» – интенсивному насыщению своего художественного нарратива автобиографической – в значительной степени философской – рефлексией².

Таким образом, тактику знакового поведения Л.Н. Толстого можно охарактеризовать как сумму нарочито скандальных символических жестов, направленных сначала на неподчинение, затем противоборство, а в итоге и на открытый конфликт. Социальная позиция молодого писателя была отчетливо противоречивой: аристократ и одновременно выдвиженец с культурной периферии. Этот феномен был освещен Б.М. Эйхенбаумом, который точно определил специфику положения будущего романиста в литературном процессе: «Толстой вошёл в литературу провинциалом, человеком неопределенной эпохи, отсталым “дикарем”, “автодидактом” (как его называл Тургенев), хотя с титулом графа. Никакой связи с людьми и культурой 40-х годов у него не было. Но

именно это и помогло ему занять особую позицию» [18. С. 108]. Толстой демонстративно отказывался от покровительства Тургенева, что приводило к частым ссорам «по пустякам» и в конечном итоге завершилось разрывом отношений на семнадцать лет. Повесть «Альберт» содержит в своей художественной организации явные следы противостояния Толстого Тургеневу.

Зимой 1856–1857 гг. обостряется интерес Толстого к музыке и поэзии. Он посещает много музыкальных концертов и вечеров, интересуется творчеством А.С. Пушкина. Как утверждает комментатор повести «Альберт», всё это создавало благоприятную среду для написания произведения, а встреча со скрипачом Георгом Кизеветтером окончательно подтолкнула Толстого взяться за перо [20. С. 287]. Действительно, ряд событий в повести совпадает с дневниками записями Толстого о музыканте, однако встречи со скрипачом не были единственным источником сюжета.

Обширная работа по сопоставлению рукописей ранних произведений Толстого с текстами его дневников [21] показала, в частности, что во время написания «Альбера» Толстой был увлечён чтением биографии А.С. Пушкина и детально изучал его творчество, литературоведом были выявлены смысловые и текстуальные параллели с творчеством поэта [22]. Н.И. Бурнашева высказала предположение о том, что пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом» заставил Толстого посмотреть на себя как на независимого писателя и отказаться от условностей, которые ему навязывали в кружке «Современника» [Там же. С. 97–98].

Первое упоминание о намерении писать повесть появляется в дневнике 10 января 1857 г. В это время Толстой называет произведение «Пропащий» и параллельно с ним планирует активно работать над «Отъездом полем», продолжением «Юности», «Беглецом», «Казаком», романом женщины и комедией [17. Т. 47. С. 111]. По мнению Н.И. Бурнашевой, Толстой планировал раскрыть тему художника и искусства во второй половине «Юности» (первая часть уже была сдана в печать), что косвенно подтверждается появлением имени Нехлюдова в одном из черновиков [22. С. 91–92]. Тем самым, сюжет изначально мыслился как автобиографический, в отдельное произведение он преобразовался после встречи автора со скрипачом.

Далее в дневнике неоднократно встречаются упоминания повести, находящейся в той или иной стадии готовности. Так, 29 января того же года, собираясь в Париж, Толстой писал, что «обдумал много Пропаща» [17. Т. 47. С. 113]; уже 3 февраля появляется запись: «Кажется, что Пропащий совсем готов» [Там же]. Как полагает Н.М. Мендельсон [20], речь здесь шла не о завершении работы над текстом, а об окончании обдумывания идеи. 21 февраля по новому стилю Толстой записывает, что приехал в Париж. Здесь писатель продолжает работу над повестью, при этом частые упоминания о ней соседствуют с записями об общении с Тургеневым.

14/26 февраля: «Чуть чуть и плохо писал Пропаща. Пришёл Тургенев, с ним обедал и краснел <...> Потом пошёл к Тургеневу и легко и приятно болтал с ним до часу» [17. Т. 47. С. 114–115].

24 февраля/8 марта: «Утром зашёл Тургенев и я поехал с ним. Он добр и слаб ужасно. Замок Fontainebleau. Лес. Вечер писал слишком смело. Я с ним смотрю за собой. Полезно. Хотя чуть чуть вредно чувствовать на себе взгляд чужой и острый, свой деятельнее» [17. Т. 47. С. 116]. Ориентация на свои собственные оценки в очередной раз свидетельствует о желании выйти из-под опеки старшего писателя.

25 февраля/9 марта: «Тургенев ни во что не верит, вот его беда, не любит, а любит любить. <...> Писал плохо и хорошо. Больше первое. Слишком смело и небрежно» [Там же. С. 117].

Тургенев увлекает с собой Толстого в Дижон, где последний продолжает работу над первой редакцией повести. Так, 26 февраля/10 марта появляется запись в дневнике: «Утром написал главу славно. Ходил с Тургеневым по церквам. Обедал. В кафе играл в шахматы. Тщеславие Тургенева, как привычка умного человека, мило. За обедом сказал ему, чего он не думал, что я считаю его выше себя <...> Вечером написал главу порядочно» [Там же]. Возможно, здесь Толстой признал превосходство таланта Тургенева над своим собственным, что тем не менее, не мешало ему судить старшего товарища с нравственной точки зрения.

На следующий день работа над повестью продолжается: «Утро писал плохо. Тургенев прочёл конспект Г. и Ф. – хороший материал, не бесполезно и умно очень. Обедал славно. Писал вечер с удовольствием. Тургенев мил, но просто устал и невер (вероятно, «неверующий». – О.Т.)» [Там же].

Через несколько дней, 1/13 марта, первая редакция кажется Толстому завершённой, и он представляет её на суд Тургеневу, но его реакция далека от ожидаемой: «Тургенев скучен. <...> Прочёл ему Пропащеного. Он остался холоден. Чуть ссорились. Целый день ничего не делал» [Там же]. Тем не менее Толстой не останавливается и делится творческими планами с Боткиным: «Только очень недавно я успел устроиться так, что несколько часов в день работаю. Ужасно грязная сфера Кизиветтера, и это немножко охлаждает меня, но всё-таки работаю с удовольствием» [17. Т. 60. С. 167]. Через несколько дней писатели возвращаются в Париж, где после увиденной публичной казни Толстой решает покинуть город.

После отъезда Толстого из Парижа снова начинается активная работа над повестью, теперь в дневнике упоминается только она, причем речь идет о новой редакции: «Немного пописал Повреждённого опять сначала» [17. Т. 47. С. 126]. Подобные записи появляются с периодичностью в несколько дней на протяжении более чем месяца. Параллельно с повестью продолжается работа над «Юностью», что со стороны этого «параллельного» текста могло усиливать стремление к автобиографизму.

25 июня/7 июля Толстой встречает в Люцерне музыканта, над которым смеются люди из высшего света. Этот случай настолько глубоко проникает в сознание писателя, что сразу появляется сюжет для рассказа, и Толстой, взявши за него немедленно, занимается несколько следующих дней только им³.

Писатель был вынужден вернуться по семейным обстоятельствам в Ясную Поляну, где 8 августа наме-

четает для себя план действий, расставляет приоритеты: «Вот как дорогой я ограничил своё назначение: Главное, литературные труды, потом семейные обязанности, потом хозяйство» [17. Т. 47. С. 150–151]. Примечательно, что литература в этот период помещается на первое место. Ещё в середине июня, находясь в Кларане, Толстой сформулировал своё отношение к литературной критике: «Критика – вздор; ибо критика есть всесторонний, безошибочный – нечеловеческий взгляд. Брань и лесть только возможны в критике» [Там же. С. 212]. Теперь он ещё более явно подчёркивает, что не намерен гнаться за похвалой и популярностью и оглядываться на мнение читателей. Так, 6-го сентября он отмечает: «О своём писании решил, что мой главный порок – робость. Надо дерзать. Вечером написал 2 листочка погибшего» [Там же. С. 156].

Отделка повести постепенно подходит к концу, и хотя самому автору работа не совсем нравится (особенно слабой кажется вторая её половина), 26 ноября 1857 г. он отсылает её Н.А. Некрасову, а уже на следующий день сомневается: «Очень недоволен я теперь Погибшим; но не поеду в Петербург, подожду корректур» [Там же. С. 164]. 25 декабря Толстой в очередной раз меняет название повести и высказывает намерение её публиковать: «Переправка Музыканта. Напечатаю» [Там же. С. 166]. Произведение вышло в «Современнике» под заголовком «Альберт» 28 февраля 1858 г. [20. С. 287]. Оно не было одобрено ни критикой, ни окружением Толстого и Н.А. Некрасовым, который пытался отговорить автора печатать текст [25. С. 8], не вызвало заинтересованности у читателей и даже некоторыми литературоведами было оценено как творческий провал автора [26. С. 53].

Е.Ю. Фатюшина отмечает, что повесть стала своеобразной вехой на пути Толстого к творческой самостоятельности: «То, как Толстой распорядился окончательной редакцией “Альбера”, выбивается из схемы “переделка повести – негативная оценка читателя – новая переделка” и становится началом коренного изменения в отношении писателя как внешним, так и к собственным оценкам своих творений. После “Альбера” самооценки Толстого становятся все менее обусловлены мнением авторитетных для него людей. С этой повести начинается путь Толстого к независимости от литературного кружка» [27. С. 4]. После публикации прекращается связь автора с «Современником» и прерывается переписка с Некрасовым.

Начав дневник в 1847 г., Толстой вёл его регулярно в период с 1850 по 1857 г., прежде чем отказаться от записей в пользу литературного творчества – вплоть до 1881 г., когда работа с дневником была возобновлена [28. С. 296, 309]. Таким образом, время создания «Альбера» совпадает с последним годом ведения дневника перед долгим перерывом. Как утверждает И. Паперно, Толстой поставил перед собой цель создать «литературный эквивалент жизни, превратить себя целиком в книгу» [Там же. С. 308], что усиливает интерес к повести «Альберт» как к тексту, стоящему на границе между дневником и литературой.

В 90-томном юбилейном собрании сочинений Л.Н. Толстого помимо финального текста повести приведены отрывки из первой и третьей редакций.

Сопоставление этих трёх вариантов позволяет обнаружить следы тургеневско-толстовских отношений на разных «участках» литературного процесса.

Самый общий план взаимодействия героев в фабуле позволяет увидеть за ним попытку автора осмысливать принципы функционирования и взаимодействия агентов внутри поля литературы. Два основных действующих лица в повести принимают на себя роли учителя и ученика. Точнее, роль ученика навязывается Альберту его неравнодушным покровителем.

В окончательной редакции повести род занятий Делесова не обозначен, однако в ранних вариантах его роль сначала исполняет «литератор и поэт Крапивин», и Мендельсон подчёркивает его «чисто книжную, напускную поэтичность» [29. С. 297]. Затем, во второй редакции, место Крапивина занимает «чиновник писатель Седьмый» [Там же], компаниию которому составляет в числе прочих лиц художник Делесов. Из этого следует, что первоначально Делесов (по крайней мере, персонаж, занимающий его позицию, выполняющий его «функцию») мыслится как деятель искусства, что помещает его в артистическое поле, в пределах которого должна осуществляться ситуация покровительства.

В первых двух редакциях музыкант носит имя Вольфганг, и только в третьей главный герой назван Альбертом (др.-герм. «благородный блеск»), а его потенциальный наставник – Делесовым. Теперь вопрос об отношении к искусству дополняется нравственной проблематикой: появляется рассуждение о том, вправе ли один человек посягать на внутренний мир другого [29. С. 298]. Таким образом, связка учитель–ученик в интерпретации Толстого расценивается не столько с позиций внутренней логики артистического поля, сколько с точки зрения морали.

Сама по себе ситуация покровительства предполагает, что в ней участвуют представители разных возрастных или культурных поколений: «старший» имеет запас символического капитала и готов им делиться, «младший» не имеет возможности попасть в желаемое суб-поле культуры без помощи наставника. Покровитель обеспечивает подопечному карьерный рост. Так, Делесов размышляет о бедном, но талантливом музыканте Альберте, которого привёз в свой дом: «Пускай поживёт сначала у меня, а потом устронем ему место или концерт, стащим его с мели, а там видно будет» [17. Т. 5. С. 37]. Более того, Делесов действительно предпринимает усилия для того, чтобы помочь музыканту применить его талант в правильном, по мнению Делесова, направлении: «Я говорил нынче о вас директору, – сказал он, тоже опуская глаза. – Он очень рад принять вас, если вы позволите себя послушать» [Там же. С. 45].

Покровитель, как правило, желает извлечь выгоду из своего положения: это нужно для получения ещё большего количества символического капитала благодаря возведению в статус «учителя». В случае с Тургеневым и Толстым первый надеялся за счёт младшего писателя вернуть авторитет в журнале «Современник». Смысл своего поступка Делесов видит в возвышении собственного морального облика за счёт великодушного поступка: «Хоть это всё странным мо-

жет показаться многим из моих знакомых, – думал Делесов, – но ведь так редко делаешь что-нибудь не для себя, что надо благодарить Бога, когда представляется такой случай, и я не упущу его. Всё сделаю, решительно всё сделаю, что могу, чтобы помочь ему <...> Право, я не совсем дурной человек; даже совсем недурной человек, – подумал он. – Даже очень хороший человек, как сравню себя с другими...» [17. Т. 5. С. 37].

Наряду с этим в повести прослеживается череда частных эпизодов, восходящих к истории взаимоотношений Толстого с Тургеневым. Как было отмечено ранее, Тургенев искусственно конструировал возрастную дистанцию между собой и молодым писателем: он называл себя в письмах «дядькой» и «стариком» и создавал игровой дискурс отношения к Толстому как к ребёнку за счёт употребления терминов родства.

9/12 марта 1857 г., находясь в Париже и часто общаясь с Тургеневым, Толстой во время активной работы над первой редакцией повести о музыканте записал в дневнике: «Тургенев старый» [17. Т. 47. С. 119].

В печатной редакции Делесов в самом начале повести характеризуется следующим образом: «Молодой (здесь и далее курсив наш. – О.Т.) человек <...> вернулся в залу» [17. Т. 5. С. 28]. Но как только он услышал звуки музыки, его восприятие собственного возраста резко изменилось: «По какому-то странному сцеплению впечатлений, первые звуки скрипки Альбера перенесли Делесова к его первой молодости. Он – не молодой, усталый от жизни, изнурённый человек, вдруг почувствовал себя семнадцатилетним, самодовольно-красивым, блаженно-глупым и бессознательно-счастливым существом» [Там же. С. 31–32]. В третьей редакции Делесову дана следующая характеристика: «Ему теперь было 35 лет, он был очень богат и ему давно уж всегда и везде было скучно. Быть скучающим человеком сделалось даже как бы его общественным положением. И всегда особенно было ему скучно и вместе грустно там, где надо было веселиться. Кроме того, у него была плешивая голова, и волосы продолжали лезть, ревматизмы в ногах и гиморой в пояснице» [Там же. С. 145–146]⁴. Самоощущение Делесова как пожилого человека было подкреплено развёрнутым описанием воспоминаний молодости. В процессе создания третьей редакции Толстой занёс в записную книжку 14 сентября 1857 г.: «Что вспомнил Делесов при вальсе. Как танцевал в поту и поцарапал. Старик, – для него всё гово, а прежде и дерево, и облако, вокруг них всё было поэзия» [17. Т. 47. С. 217].

Ещё одним основанием для сравнения «жизненного» и литературного текстов можно назвать моделирование круга чтения: Тургенев настойчиво рекомендовал Толстому определённые книги, чтобы воспитать в молодом писателе вкус. Аналогичную ситуацию находим в повести: «Делесов прошёл в кабинет, отобрал несколько французских книг и немецкое евангелие.

– Положи это завтра ему в комнату, да смотри, не выпускай, – сказал он Захару» [17. Т. 5. С. 45].

Показателен символический жест Альбера – отказ от опеки, – схожий с поведением Толстого в определённый период его общения с Тургеневым. Так, мо-

лодой автор не считал нужным прибегать к чьей-либо помощи для продвижения в высших кругах литературы и делал ставку на «родовой» символический капитал, что выливалось в открытую демонстрацию своей независимости. Кроме того, можно выделить эпизод, когда Тургенев в некоторой степени ограничивал его передвижения. В Дижоне 1/13 марта во время работы над первой редакцией повести в дневнике Толстого появляется запись: «Встал поздно. Тургенев скучен. Хочется в Париж, он один не может быть» [17. Т. 47. С. 117]. Альберт, в свою очередь, страдает от посягательств на свою свободу и не принимает никакую помощь. Так, на уже упомянутое предложение Делесова показаться директору он отвечает: «Благодарю, я не могу играть, — проговорил себе под нос Альберт и прошёл в свою комнату, особенно тихо затворив за собою дверь» [17. Т. 5. С. 45]. В финальной редакции музыкант в прямом смысле слова сбегает ночью от своего «благодетеля».

Обращает на себя внимание ряд фактических совпадений: повесть буквально пронизана деталями, связанными с Тургеневым. Во-первых, репрезентативны имена персонажей. В текстах всех редакций неизменным остается имя слуги — Захар: «Захар был петербургский лакей, уже восемь лет служивший у Делесова. Делесов, как одинокий холостяк, невольно поверял ему свои намерения и любил знать его намерения насчёт каждого из своих предприятий» [Там же. С. 36]. Эта характеристика прозрачно отсылает к Захару Балашову, с которым Толстой был знаком и который многие годы служил Тургеневу лакеем в Петербурге.

Герой-«покровитель» в разных редакциях называется то Михаилом *Ивановичем*, то Дмитрием *Ивановичем*; Альберт появляется в салоне Анны *Ивановны*. Такое настойчивое употребление отчества, вероятно, отсылает к *Ивану Сергеевичу* Тургеневу.

Во-вторых, репрезентативен хронотоп. Действие происходит зимой, о чём свидетельствует фраза «А холодно на дворе?» [Там же. С. 48]. В статье Фатюшиной [30] этот факт связывается, с одной стороны, со следованием жанру святочного рассказа, с другой — с реальными обстоятельствами знакомства Л.Н. Толстого с Георгом Кизеветтером. Примечательно, что Толстой жил на квартире Тургенева в Петербурге также зимой, что могло наложить отпечаток на произведение, задуманное годом позднее.

Читая последний вариант повести, о месте действия можно догадаться лишь по характеристике Захара: он был «петербургским лакеем». В третьей редакции отмечается, что Делесов перед поездкой за границу делал прощальные визиты: «Выезжая из Гороховой, на первом тротуаре он заметил совсем не весёлую и не краси- вую фигуру, которая показалась ему знакома» [Там же. С. 154]. Эта конкретизация может быть немаловажной, поскольку Гороховая улица находится всего в полутора километрах от дома (набережная реки Фонтанки, 38), где Толстой гостил у Тургенева [31].

В-третьих, наблюдается сходство характеристик героя повести и Тургенева. В последней редакции вскользь отмечена такая черта Делесова, как неумение вести хозяйство:

«— А холодно на дворе? — спросил Делесов.

— Мороз здоровый, Дмитрий Иванович, — отвечал Захар. — Я забыл вам доложить, до весны ещё дров купить придётся.

— А как же ты говорил, что останутся?» [17. Т. 5. С. 48].

В мемуарах А.А. Фета сохранилось воспоминание об общении Тургенева со своими крестьянами в Топках: «Какой-то мужик ловко подвёл Ивану Сергеевичу о недостаче у него тягольной земли и просил о прибавке таковой. Не успел Ив. Серг. обещать мужику просимую землю, как подобные настоятельные нужды явились у всех, и дело кончилось раздачей всей барской земли крестьянам» [16. С. 118]. Эта черта старшего писателя была известна всем его знакомым и осуждалась в будущем рачительным хозяином Толстым.

Помимо параллели Тургенев — Делесов отмечается фрагментарное сходство самого Толстого с его героем-музыкантом. В третьей редакции художник Бирюзовский, защищая Альбера перед критиком Алениным, произносит: «Один офицер говорил мне, что нет Севастопольских героев, потому что все герои лежат там на кладбище. И тут, и в искусстве есть на одного уцелевшего сотни гибнущих героев, и судьба их та же. — Вот они, эти погибшие герои, отдавшиеся все своему служению. Вот он!» [17. Т. 5. С. 162]. Сопоставление музыканта с воином невольно вызывает ассоциации с самим автором, находившимся в действующей армии на Кавказе и в Севастополе. Кроме того, ещё 10 января 1857 г., в первые дни работы над повестью, Толстой по дороге в Москву записывает: «Русский добросовестный художник в конце злится на того, который видит притворство, и на Жемчужникова и говорит: тот, кого мы видим в соплях, царь и велиk, он сгорел, а ты не сгоришь. Говорят, Севастопольские герои все там остались и здесь герои не все. Дар огромный, надо осторожно обращаться с ним, сожжёшь других и себя, и сам заплакал» [17. Т. 47. С. 111].

Ещё одно биографическое совпадение — восприятие нового таланта высшим светом. С точки зрения тех культурных правил, которых придерживались петербургские литераторы, о Толстом в их среде быстро сложилось мнение как о дикаре. Альберт в ранних редакциях получает похожую оценку со стороны культурных деятелей:

«— Я по одному тому, как он берётся за скрипку, вижу, что это не большой артист, — сказал Аленин.

— Уж этого я не знаю, — сказал сын министра, — только что он *вонюч и грязен*, это положительно» [17. Т. 5. С. 158].

«Ведь я не мало возился с артистами. Их есть целая порода, нечёсаных, как я называю. Эти господа воображают, что надо *не бриться, не мыться, не чесаться* и не учиться, чтобы быть артистами» [Там же. С. 159].

Кроме того, Толстой был вынужден приостановить работу над «Альбертом» после случая с музыкантом в Люцерне, когда его увлёк новый сюжет. 10/22 июля по пути из Шаффгаузена в Фридрихсхафен на пароходе Толстой попадает в компанию англичан, в которой чувствует себя неуютно: «Молодые Англи-

чане, не знают своей литературы и улыбаются над моим *варварством*» [17. Т. 47. С. 146]. Через несколько дней в Штутгарте писатель фиксирует связанныю с предыдущей мыслью: «Пошёл домой, француз не давал спать до 3. Болтал и про свои политические планы, и про поэзию, и про любовь. Что за ужас. Я бы лучше желал быть без носа, *вонючим, зобастым, самым страшным кретином, отвратительнейшим уродом, чем таким моральным уродом*» [Там же. С. 147].

При всём общем несходстве биографического автора с героем, Альберт демонстрирует поведение, схожее с поведением Толстого, имеющее, однако, несколько иную причину. Как известно из воспоминаний Фета, Тургеневу приходилось не шуметь в квартире до полуночи, чтобы не разбудить Толстого, который веселился накануне допоздна: «В продолжение часа, проведенного мною у Тургенева, мы говорили вполголоса из боязни разбудить спящего за дверью графа.

— Вот все время так, — говорил с усмешкой Тургенев. — Вернулся из Севастополя с батареи, остановился у меня и пустился во все тяжкие. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь; а затем до двух часов спит как убитый. Старался удерживать его, но теперь махнул рукою» [16. С. 106].

Примечательно, что Толстой, привыкший вести дневник и несколько журналов для самоконтроля и постоянно анализировавший своё поведение, отмечал за собой подобные слабости. Так, находясь в Петербурге, он записывает 1 января 1857 г.: «Всю ночь спал дурно. Эти дни слишком много слушал музыки. Проснулся в 12-м часу, получил сухое, но милое письмо от Тургенева» [17. Т. 47. С. 108]. 4 января того же года он пишет: «Встал во 2-м часу» [Там же], на следующий день: «Встал в 1-м часу» [Там же. С. 109]. В этой же записи находим первое упоминание о Георге Кизиветтере, прототипе Альбера: «Грустное впечатление. Скрыпач» [Там же]. Нельзя отрицать, что и сам музыкант спровоцировал будущее описание недостойного поведения Альбера. Толстой писал о скрипаче: «Пришёл Кизиветер, ужасно пьян. — Играли плохо. <...> Генерал кричал при музыке, дома Кизиветер спящий — труп, Боткин, Панаев, З брата Жемчужниковых. <...> Горчаков сошёлся с Кизиветером. Кизиветер глубоко тронул меня» [Там же. С. 110] (курсив Толстого. — О.Т.).

В последнем варианте повести эта черта музыканта (или самого автора?) нашла отражение: «Делесов проснувшись сидел у себя в гостиной за кофеем и читал книгу. Альберт в соседней комнате ещё не шевелился <...> В двенадцатом часу за дверью послышалось кряхтенье и кашель» [17. Т. 5. С. 43–44]. Здесь герой поздно просыпается, потому что полночи бродит в тяжких раздумьях. В третьей редакции он больше схож со своим «прототипом»: «Часа через два стали приезжать гости, Альберт всё спал.

— Ну, что ваше необыкновенное создание? — сказал сын министра, входя в комнату в французом Пиши.

— Несчастье! Ужасно пьян и спит, — отвечал Делесов» [Там же. С. 156].

Наконец, связь между описываемыми в повести событиями взаимоотношениями двух писателей прослеживается во фразе Альбера: «Я слышал в первый раз Сомнамбулу, когда здесь были *Viardo и Рубини*» [Там же. С. 39]. Знакомство автора повести с семьёй Виардо произошло благодаря Тургеневу. Так, например, находясь в Париже в начале 1857 г., Толстой записал в дневнике 19 февраля/3 марта: «С Тургеневым в концерте, прелестный трио и Виардо» [Там же. Т. 47. С. 115], где речь шла, безусловно, о Полине Виардо. Помимо этого 22 марта/3 апреля Толстой писал: «Пописал немного и пошёл в концерт. Ботезини и разная мерзость. Одна Viardo и Ристори очень замечательны, особенно первая. С Тургеневым посидел у Café» [Там же. С. 113]. Названный ряд «следов» явно указывает на то, что одним из основных импульсов к написанию текста была сложная рефлексия Толстым попыток Тургенева занять лидирующую позицию по отношению к молодому автору.

Таким образом, сюжетная организация повести испытала на себе значительное влияние модели взаимоотношений Толстого и Тургенева. Публикация «Альбера» в «Современнике» сама по себе была杰作ом, демонстрировавшим независимость автора от правил и авторитетов. В свою очередь, поступки Альбера и Делесова как героев обусловлены, с одной стороны, законами, установленными в артистическом поле, с другой — реальным опытом Толстого, который сознательно расщеплял нормы социального поведения и разрушал сложившиеся традиции как внутри литературного произведения, так и за его пределами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: [1–7].

² См. подробно об этой тенденции в недавней книге И. Паперно: [19].

³ «Альберт» и «Люцерн» подчинены схожим теме и проблематике, что обращало на себя внимание исследователей (см.: [23–24]).

⁴ В дневнике и письмах Толстого неоднократно появлялись записи о болезнях Тургенева. Так, он писал Т.А. Ергольской 30 марта/11 апреля из Женевы: «Бедный Тургенев очень болен и физически и ещё серьёзнее морально» [17. Т. 60. С. 175].

ЛИТЕРАТУРА

1. Громова-Опульская Л.Д. Тургенев и Лев Толстой (история дружбы и полемики) // Русская словесность. 1994. № 4. С. 3–8.
2. Кошелев В. «Лирическое хозяйство» Афанасия Фета и обстоятельства ссоры Тургенева и Толстого // Русская литература. 2001. № 1. С. 206–222.
3. Курляндская Г.Б. Тургенев и Толстой (К проблеме: классика и современность) // Тургениана. Орёл, 1991. С. 5–13.
4. Левитт Ч.М. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Академический проект, 1994. С. 104–136.
5. Трофимова Т.Б. Тургенев и Лев Толстой: К истории творческих взаимоотношений // Тургеневские чтения. М.: Русский путь, 2004. С. 117–126.
6. Чалмаев В. «Когда вы будете в Спасском...»: Последняя встреча И.С. Тургенева с Л.Н. Толстым // Октябрь. 1986. № 7. С. 192–200.
7. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Кн. 1: Пятидесятые годы. Л.: Прибой, 1928. 416 с.

8. Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев и русская литература. М. : Просвещение, 1980. 192 с.
9. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 198–226.
10. Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. М. ; СПб. : Искусство – СПб, 2010. С. 12–148.
11. Пенская Е. «Журнальное безобразие»: анатомия скандала в литературе и журналистике 1850–1860-х годов // Семиотика скандала : сб. ст. М. : Европа, 2008. С. 517–536.
12. Букс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала : сб. ст. М. : Европа, 2008. С. 7–12.
13. Щербенок А. Деконструкция и классическая русская литература: От риторики текста к риторики истории. М. : Новое лит. обозрение, 2005. 232 с.
14. Бурдье П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
15. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1987. 702 с.
16. Фет А.А. Из «Моих воспоминаний» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. М. : Правда, 1988. С. 67–124.
17. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Худ. лит., 1928–1958.
18. Эйхенбаум Б.М. Мой временник. Маршрут в бессмертие. М. : Аграф, 2001. 375 с.
19. Paperno I. “Who, What Am I?” Tolstoy Struggles to Narrate the Self. Ithaca, London, 2014. 229 p.
20. Мендельсон Н.М. «Альберт»: История писания и печатания // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Худ. лит., 1935. Т. 5 : Произведения 1856–1859 гг. С. 287–293.
21. Буриашева Н.И. Раннее творчество Л.Н. Толстого: текст и время. М. : МИК, 1999. 336 с.
22. Буриашева Н.И. «Читаю биографию Пушкина с наслаждением». «Пушкинский» рассказ Льва Толстого // Книгочей. М. : Либерея, 2001. Вып. 6. С. 89–98.
23. Щербенок А. Художественная антропология Ж.-Ж. Руссо и рассказы Л.Н. Толстого // Studia Slavica. Таллин, 1999. Вып. 1. С. 33–42.
24. Щербенок А. Толстой, Чехов, Набоков: текстуальность и непосредственность // Литературоведение XXI века: Тексты и контексты русской литературы. СПб., 2001. С. 148–161.
25. Фатюшина Е.Ю. Повесть «Альберт» как художественный эксперимент Л.Н. Толстого : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 249 с.
26. Клейтон Н. О творческих истоках повести Л.Н. Толстого «Альберт» // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. № 1. С. 51–64.
27. Фатюшина Е.Ю. Повесть «Альберт» как художественный эксперимент Л.Н. Толстого : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 13 с.
28. Паперно И. «Если бы можно было рассказать себя...»: Дневники Л.Н. Толстого // Новое литературное обозрение. 2003. № 3 (61). С. 296–317.
29. Мендельсон Н.М. Сравнительный обзор текста всех редакций «Альбера»: История писания и печатания // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Худ. лит., 1935. Т. 5 : Произведения 1856–1859 гг. С. 296–299.
30. Фатюшина Е.Ю. «Святочная ночь» и «Альберт»: толстовское преломление традиции святочного рассказа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 4–1. С. 285–290.
31. Новиков Д. Лев Толстой у Ивана Тургенева // Аврора. 1988. № 9. С. 3–5.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 апреля 2017 г.

THE TRACE OF INTERRELATION WITH IVAN TURGENEV AS REVEALED IN LEO TOLSTOY'S “ALBERT”: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE ARTISTIC STRUCTURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 53–61.

DOI: 10.17223/15617793/418/7

Oksana A. Tolstonozhenko, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: t_oksa@mail.ru

Keywords: Leo Tolstoy; Ivan Turgenev; motif; plot; poetics; literary field; cultural capital; correspondence; diary; autobiography.

The article analyzes Leo Tolstoy's “Albert” story (1858) as a landmark text which reflects some aspects of interrelation with Ivan Turgenev. The publication of the story was a peculiar stage in Tolstoy's work. The author considers “Albert” in terms of literary history and sociology. The literary generations shift could be considered as a struggle against traditions of the previous epoch and reconstruction of earlier patterns, but not as a direct and evolutionary inheritance of them. According to the rules of the literary field, Tolstoy had to find a mentor in order to provide advancement to a higher position of the cultural hierarchy at the beginning of his literary career. Turgenev, who gradually lost his positions in the *Sovremennik* journal, attempted to supervise the young writer and to guide him in order to gain a recognized status of an original talent adviser. However, Tolstoy breached this rule of the literary field and refused to follow the rules wittingly: he denied Turgenev's intentions to take a supervising position. During the period from 1855 till 1861, the writers repeatedly quarreled. In the spring of 1857, Tolstoy traveled to Europe, where he was working on the story originally entitled ‘Propashchii’ (finally transformed into “Albert”), when he was inspired by his acquaintance with the violinist Georg Kiesewetter. At the first step, Tolstoy planned to incorporate the plot about a musician into his “Youth” autobiographical masterpiece, so that we consider the story as having self-representing intentions. In Paris, the writer frequently spent time with Turgenev, who persevered to influence the former. After his return to Yasnaya Polyana, Tolstoy continued working on “Albert”. By the beginning of 1858, several variants of the story and the final version were created. Despite the fact that most of Tolstoy's fellow writers did not like his story, and Nikolay Nekrasov, the owner of *Sovremennik* at the time, attempted to convince the author not to publish it, Tolstoy insisted on publishing “Albert”. After that he refused to communicate with most of the literature elite of Saint-Petersburg. Turgenev's influence on the younger writer and the author's attempt to refuse it can be traced on different levels of text. First, Tolstoy depicted the interaction between the two people of different generations, and, what is more, the oldest one (Delesov) aimed to supervise the youngest (Albert) and to help him to succeed in the artistic field. Second, the patronized character resisted the influence, breaking the prescribed rules. This notion is confirmed by a series of Albert's provocative actions, which finally led him to escape from his mentor. Third, the story contains some explicit motif references to Tolstoy and Turgenev's relations, such as the characters' names, chronotope, mentioning Pauline Viardot, etc. To sum up, the model of the social and psychological interaction between the two writers impacted Tolstoy's story plot structure.

REFERENCES

1. Gromova-Opul'skaya, L.D. (1994) Turgenev i Lev Tolstoy (istoriya druzhby i polemiki) [Turgenev and Leo Tolstoy (the history of friendship and of polemics)]. *Russkaya slovesnost'*. 4. pp. 3–8.
2. Koshelev, V. (2001) “Liricheskoe khozyaystvo” Afanasiya Feta i obystoyatel'stva ssory Turgeneva i Tolstogo [“Lyrical household” of Afanasy Fet, and the circumstances of the quarrel between Turgenev and Tolstoy]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 206–222.

3. Kurlyandskaya, G.B. (1991) Turgenev i Tolstoy (K probleme: klassika i sovremennoст') [Turgenev and Tolstoy (On the Problem: Classics and Modernity)]. In: Balykova, L.A. & Dmitryukhina, L.V. *Turgeniana* [Turgenena]. Orel: Poisk.
4. Levitt, Ch.M. (1994) *Literatura i politika: Pushkinskiy prazdnik 1880 goda* [Literature and politics: Pushkin's holiday of 1880]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
5. Trofimova, T.B. (2004) Turgenev i Lev Tolstoy: K istorii tvorcheskikh vzaimootnosheniy [Turgenev and Leo Tolstoy: On the history of creative relationships]. In: Medyntseva, G.L. & Ognyanova, E.M. *Turgenevskie chteniya* [Turgenev's readings]. Moscow: Russkiy put'.
6. Chalmaev, V. (1986) "Kogda vy budete v Spasskom...": Poslednyaya vstrecha I.S. Turgeneva s L.N. Tolstym ["When you are in Spasskoe...": The last meeting of I.S. Turgenev with L.N. Tolstoy]. *Oktjabr'*. 7. pp. 192–200.
7. Eykhenbaum, B.M. (1928) *Lev Tolstoy* [Leo Tolstoy]. Book 1. Leningrad: Priboy.
8. Kurlyandskaya, G.B. (1980) *I.S. Turgenev i russkaya literatura* [I.S. Turgenev and Russian literature]. Moscow: Prosveshchenie.
9. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoryya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 198–226.
10. Lotman, Yu.M. (2010) *Semiosfera* [Semiosphere]. Moscow; St. Petersburg: Iskusstvo – SPb. pp. 12–148.
11. Penskaya, E. (2008) "Zhurnal'noe bezobrazie": anatomiya skandala v literature i zhurnalistike 1850–1860-kh godov ["Journalism ugliness": anatomy of the scandal in literature and journalism of the 1850s–1860s]. In: Buks, N. (ed.) *Semiotika skandala* [Semiotics of the scandal]. Moscow: Evropa.
12. Buks, N. (2008) Skandal kak mekhanizm kul'tury [Scandal as a mechanism of culture]. In: Buks, N. (ed.) *Semiotika skandala* [Semiotics of the scandal]. Moscow: Evropa.
13. Shcherbenok, A. (2005) *Dekonstruktziya i klassicheskaya russkaya literatura: Ot ritoriki teksta k ritoriki istorii* [Deconstruction and classical Russian literature: From the rhetoric of the text to the rhetoric of history]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
14. Bourdieu, P. (2000) Pole literatury [The Field of Literature]. *Novoe lit. obozrenie*. 45. pp. 22–87.
15. Turgenev, I.S. (1987) *Poln. sobr. soch.: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
16. Fet, A.A. (1988) Iz "Moikh vospominanii" [From "My Memories"]. In: Fridlyand, V.G. (ed.) *I.S. Turgenev v vospominaniyah sovremennikov* [I.S. Turgenev in the memoirs of contemporaries]. Moscow: Pravda.
17. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Moscow: Khud. lit.
18. Eykhenbaum, B.M. (2001) *Moy vremennik. Marshrut v bessmertie* [My timer. Route to immortality]. Moscow: Agraf.
19. Paperno, I. (2014) "Who, What Am I?" *Tolstoy Struggles to Narrate the Self*. Ithaca, London: Cornell University Press.
20. Mendel'son, N.M. (1935) "Al'bert": Istoryya pisaniya i pechataniya ["Albert": The History of Writing and Printing]. In: Tolstoy, L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Vol. 5. Moscow: Khud. lit.
21. Burnasheva, N.I. (1999) *Rannee tvorchestvo L.N. Tolstogo: tekst i vremya* [Early works of L.N. Tolstoy: text and time]. Moscow: MIK.
22. Burnasheva, N.I. (2001) "Chitayu biografiyu Pushkina s naslazhdeniem". "Pushkinskiy" rasskaz L'va Tolstogo ["I read Pushkin's biography with pleasure." "Pushkin's" story of Leo Tolstoy]. *Knigochej*. 6. pp. 89–98.
23. Shcherbenok, A. (1999) *Khudozhestvennaya antropologiya Zh.-Zh. Russo i rasskazy L.N. Tolstogo* [Artistic anthropology of J.-J. Rousseau and short stories of L.N. Tolstoy]. *Studia Slavica*. 1. pp. 33–42.
24. Shcherbenok, A. (2001) [Tolstoy, Chekhov, Nabokov: textuality and immediacy]. *Literaturovedenie XXI veka: Teksty i konteksty russkoy literatury* [Literary criticism of the 21st century: Texts and contexts of Russian literature]. Proceedings of the Third International Conference on Philology. Munich. 20–24 April 1999. St. Petersburg; Munich: RKhGI. pp. 148–161. (In Russian).
25. Fatyushina, E.Yu. (2005) *Povest' "Al'bert" kak khudozhestvennyy eksperiment L.N. Tolstogo* [The story "Albert" as an artistic experiment of L.N. Tolstoy]. Philology Cand. Diss. Moscow.
26. Clayton, N. (2010) O tvorcheskikh istokakh povesti L.N. Tolstogo "Al'bert" [On the creative origins of L.N. Tolstoy's "Albert"]. *Problemy filologii: yazyk i literatura*. 1. pp. 51–64.
27. Fatyushina, E.Yu. (2005) *Povest' "Al'bert" kak khudozhestvennyy eksperiment L.N. Tolstogo* [The story "Albert" as an artistic experiment of L.N. Tolstoy]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
28. Paperno, I. (2003) "Esli by mozhno bylo rasskazat' sebya...": Dnevniki L.N. Tolstogo ["If one could tell the Self...": Diaries of L.N. Tolstoy]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3 (61). pp. 296–317.
29. Mendel'son, N.M. (1935) Sravnitel'nyy obzor teksta vsekh redaktsiy "Al'berta": Istoryya pisaniya i pechataniya [A comparative review of the text of all the editions of "Albert": The History of Writing and Printing]. In: Tolstoy, L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Vol. 5. Moscow: Khud. lit.
30. Fatyushina, E.Yu. (2014) "Svyatochnaya noch'" i "Al'bert": tolstovskoe prelomlenie traditsii svyatochnogo rasskaza ["The Festive Night" and "Albert": Tolstoy's refraction of the tradition of the Christmas story]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 4–1. pp. 285–290.
31. Novikov, D. (1988) *Lev Tolstoy u Ivana Turgeneva* [Leo Tolstoy in Ivan Turgenev's works]. *Avrora*. 9. pp. 3–5.

Received: 24 April 2017

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47); 21

Д.Е. Буянов

ДУХОВНЫЕ ХРИСТИАНЕ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Раскрываются причины и характер переселения духовных христиан в Сибирь и на Дальний Восток. Анализируются социально-политические аспекты переселения, связанные с выбором места проживания сектантов. Выясняются особенности вероучения духовных христиан. Исследуются вопросы хозяйственной деятельности духовных христиан. Обращается внимание на взаимоотношения духоборов и молокан с властью. Описывается история ссылки духоборов в Якутию в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Сибирь; Дальний Восток; Якутия; ссылка; переселение; духовные христиане; духоборы; молокане; традиции; религия.

В последние годы в научной литературе усилилось внимание к деятельности русских неправославных христианских сект. Среди них особое место занимают духовные христиане, которых называют еще старорусскими сектантами. После реформ патриарха Никона (1553–1556 гг.) в Русской православной церкви произошел Раскол. Это событие, несомненно, оказало влияние на возникновение в России мистических и рационалистических религиозных учений. Среди радикальных антицерковных движений, возникших во второй половине XVII – начале XVIII в., выделяются хлысты (христы, христоверы). Считается, что название «хлысты» – это искаженное слово «христы». Во второй половине XVIII в. из хлыстов вышли духовные христиане (сначала духоборцы, а из последних – молокане). В источниках XIX – начала XX в. термины «духоборцы» и «духоборы» употребляются как равнозначные. У хлыстов впервые возникло представление о возможности прямого общения человека с Богом без посредства священников. Впоследствии духовные христиане развили этот тезис и провозгласили идею «внутренней церкви», как бы находящейся в душе верующего.

Духоборы и молокане выражали социальный протест, прежде всего, русского крестьянства (а молокане – еще мещанства и купечества, которое вышло из тех же сословий) против существующих в стране феодально-крепостнических порядков и догматизма Русской православной церкви. При этом молокане были в первых рядах тех общественных сил, которые шли в стезе капиталистического развития России. Рыночные отношения, экономический рационализм, свободный труд, частное предпринимательство вполне соответствовали их представлениям об обществе, о роли и месте человека в жизни, о путях спасения души. Молокане полагали, что залог спасения каждого христианина – добрые дела, прежде всего ежедневный напряженный труд (этика «добрых дел»). Их религиозная мораль оправдывала всякое преуспевание и материальное обогащение, если это сопровождается братской и бескорыстной помощью всем нуждающимся. Молокане считали частную собственность и социальное неравенство вполне естественными и присущими человеческой природе явлениями,

чему находились и соответствующие обоснования в Библии. Они говорили, что дело не в эксплуатации и угнетении бедноты, а в том, что «один бережливый рабочий хозяин, а другой лодырь, пропащий человек; так положено самим Богом» [1. С. 81]. Молокане были убеждены, что буржуазные порядки не противоречат смыслу Св. Писания и строили на этом основании свою религиозную концепцию и идеологию, а также публичное поведение и социально-культурные стереотипы.

Духоборы, напротив, отрицали частную собственность и в XIX в. не раз предпринимали попытки перестроить общественные отношения в своей среде на уравнительно-коммунистических началах. Духоборы ориентировались на традиционные крестьянские общинные формы хозяйственного и социального быта. Для них в значительно большей степени, чем для молокан, были характерны коллективизм, соседская солидарность, обычаи взаимопомощи и товарищеской поддержки.

В Российской империи общины духовных христиан всех направлений и толков существовали на территории Восточной Украины, в Новороссии, на Дону, в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке. Секта духоборов, возникшая в середине XVIII в., состояла преимущественно из государственных крестьян, однодворцев и казаков. Частновладельческих крепостных среди духоборов было немного. Среди молокан преобладали государственные крестьяне, но было немало горожан – ремесленников, кустарей, мелких торговцев.

Последователи духовного христианства отвергали все уставы православия, догматическое богослужение, внешние церковные обряды, поклонение видимым вещественным проявлениям культа: иконам, крестам, мощам, отрицали храмы, монастыри и монашество, святых, а также все семь таинств (крещение, причащение, покаяние, миропомазание, брак, елеосвящение, священство). При этом духоборы не придавали никакого значения Св. Писанию и на своих молениях пользовались существующей устно Животной книгой (псалмы, песни религиозного содержания), а то время как молокане считали Библию краеугольным камнем своего вероучения.

Религиозное движение духовных христиан привлекло внимание общественности и исследователей во второй половине XIX в. [2–4; 5. Кн. XI. С. 138–161; Кн. XII. С. 83–115; 6]. В российских энциклопедических изданиях были опубликованы статьи о духоборах и молоканах [7. С. 251–253; Т. XIX^А, полутом 38. С. 644–646; 8. Ст. 224–230]. Много работ посвятили духовным христианам В.Д. Бонч-Бруевич [9. С. 170–171; 10. С. 173–213; 11. С. 214–263]. В советское время изучением деятельности религиозных сектантов на Дальнем Востоке занималась М.Н. Балалаева [12. С. 110–128; 13. С. 24–39; 14. С. 3–29; 15; 16. С. 188–217; 17. С. 3–9]. В новейшей историографии проблемы выделяются труды Ю.В. Аргудяевой [18. С. 156–173; 19; 20. С. 19–21; 21. С. 57–61; 22].

Данная статья опирается на группу архивных источников, находящихся на хранении в Государственном музее истории религии (ГМИР), Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК), Государственном архиве Амурской области (ГААО). Кроме того, были использованы статистические данные и материалы нарративного характера по истории российского Дальнего Востока, опубликованные в конце XIX – начале XX в.

Духоборы и молокане жестоко преследовались правительством. Царские власти и церковные чины делали упор на применение всяческих стеснений, ограничений и часто жестоких гонений в отношении сектантов, не делая никому никаких послаблений и не утруждая себя выяснением различий между ними. Власти, считая духовных христиан особенно вредными сектантами, ссылали их в отдаленные и труднодоступные места Сибири. Законы Российской империи предписывали ссылать раскольников и сектантов в Якутскую область, что практиковалось в течение всего XIX столетия. Некоторые из духовных христиан были оставлены на поселении в Енисейской, Иркутской и Томской губерниях.

Когда после заключения Айгунского договора между Россией и Цинской империей (28 мая 1858 г.) началось освоение русскими Дальнего Востока, правительство использовало в качестве доступного и не слишком обременяющего казну переселенческого ресурса, находящихся под административным и полицейским контролем сектантов. Первые группы духовных христиан оказались на востоке страны не по своей воле.

В 1861 г. было издано «Положение Сибирского комитета о правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири». В статье 8 Положения говорилось, что на каждое семейство отводится в пользование участок земли не более 100 казенных десятин. Переселенцы получали ряд льгот: им предоставлялась земля в бесплатное пользование в течение 20 лет, на 10 лет они освобождались от рекрутской повинности и навсегда – от подушной подати. Однако «переселение это совершается желающими на собственный их счет, без всякого денежного пособия со стороны казны». Кроме того, земля передавалась в пользование крестьянским обществам в составе не менее 15 семейств [23]. В по-

следнем пункте отчетливо прослеживается попытка царского правительства насадить архаичную общину на востоке страны, что в корне противоречило стремлению молокан к ведению индивидуального капиталистического хозяйства фермерского типа.

Путь на новые земли был труден, требовал больших материальных затрат и сопровождался потерей многих человеческих жизней. Начальник отряда земледельческой колонизации Амурской экспедиции С.П. Шлишкевич писал: «В целом история переселения в Амурсскую область разделяется на два периода: первый – до постройки Сибирской и Забайкальской железной дороги и второй – по открытии сплошного движения до Сретенска (в 1900 г.). Пока постройка Сибирской железной дороги не началась, и всё переселение в Сибирь шло на Тюмень, переселенцы в Амурскую область должны были встречать на пути в восемь тысяч вёрст весьма серьёзные трудности, и преодолеть их было доступно только сильным и выносливым в физическом и моральном отношении натурам. Шли по два и по три года, что называется голодая и холодая, теряя в пути детей и взрослых членов семьи, проедая имущество, останавливаясь для заработков, чтобы снова двинуться в путь. Правда, пришло этих переселенцев немного... но они проявили прямо стихийную силу стремления и чрезвычайную выносливость. Невольно приходит в голову вопрос – что влекло их так сильно через всю Сибирь мимо тех благодатных мест, где после прохода этих немногочисленных путников осели миллионы позже пришедшего русского крестьянства? Верный ответ на этот вопрос затерян в недрах крестьянской психологии, но с некоторой вероятностью можно допустить, что здесь действовали три причины, располагавшиеся по степени силы в таком порядке: 1) свобода от воинской повинности; 2) полная фактическая свобода вероисповедания; 3) безграничный земельный простор, отражавшийся в норме сто десятин на двор» [24. С. 98].

Дальневосточный исследователь конца XIX – начала XX в. А.В. Кириллов писал, что переселившиеся на Амур в 1859 г. сектанты, имея правильную переписку со своими родными и знакомыми, оставшимися на старых местах, сообщали им не только о тех материальных выгодах, которые предоставляло переселение, но и о религиозной терпимости администрации и местного населения, которую они здесь нашли. Эти слухи были заманчивыми для сектантов и раскольников, которые не пользовались в других местах религиозной свободой и служили одним из сильных толчков, побуждавших их к переселениям [25. С. 9].

Об этом же писал амурский краевед первой половины XX в. Г.С. Новиков-Даурский: «Распространился слух о “веротерпимости”, то есть свободе вероисповедания для амурских новоселов. Это привлекало на Амур староверов из Забайкалья, Западной Сибири и даже из Польши, молокан и духоборов из Самарской, Тамбовской и Таврической губерний, баптистов, субботников и прочих сектантов из разных областей России» [26. С. 130]. По воспоминаниям старожила А.В. Ланкина, к переселению молокан в Приамурье их подвигнул рассказ односельчанина первоходца Михаила Евтеевича Лештаева, побывавшего

в Амурской области в 1862 г. Лештаев, осмотрев окрестности г. Благовещенска, нашел незанятую и пригодную для обработки землю, и, убедившись в отсутствии на востоке воинской повинности, возвратился с этой вестью назад [27. Л. 2].

Духоборы приезжали в Амурскую область в основном из Енисейской губернии и Забайкалья. Переселение духоборов шло бок о бок с молоканами, однако в отличие от последних поток духоборов был не такой массовый и селились они преимущественно в сельской местности. Основными местами проживания духоборов в Амурской области на рубеже XIX–XX вв. были села Андреевка, Астрахановка, Покровка, Ново-Троицкое, Гильчин, Тамбовка, Гомелевка, Введеновка и г. Благовещенск [28. С. 132].

В 1862 г. было разрешено переселиться в Приамурье 33 семьям крестьян из Туруханского края, из них 25 семей (указано в списке) исповедовали духоборчество. Это были находившиеся из-за своих религиозных воззрений в ссылке семьи Миловановых, Галактионовых (Галахтионовых), Иголкиных, Стародубовых, Тулиных и др. В деревне Искупино это были: Милованов Федот Васильев (9 душ), Галактионов Яков Васильев (3 д.), Иголкин Николай Родионов (2 д.), Стародубов Никита (3 д.), Афанасьева Улита (вдова, 2 д.), Пугин Филипп Осипов (6 д.), Стародубов Василий Матвеев (7 д.), Галахтионов Михаило Васильев (8 д.), Галахтионов Дмитрий Васильев (7 д.), Галахтионов Павел Яковлев (3 д.), Стародубов Иван Никитин (10 д.), Стародубов Иван Николаев (7 д.), Милованов Степан Алексеев (3 д.), Милованов Гаврило Андреев (5 д.), Иголкин Лукьян Константинов (7 д.), Тулин Тихон Васильев (6 д.), Григорьева Улита (вдова, 3 д.), Иголкин Илья Николаев (12 д.); в станке Мирном: Тулин Семен Осипов (4 д.), Тулин Давид Семенов (9 д.), Иголкин Родион Никитин (4 д.), Волобуев Андрей Данилов (8 д.), Абабков Гаврило Никандров (8 д.), в станке Шорохинском: Меньшагин Самсон Капитонов (3 д.), Суходолин Карп Евсеев (1 д.), Шведов Григорий Федоров (2 д.), Иголкина Агафья (вдова, 1 д.); в станке Старо-Ермаковском: Мочалов Федор (1 д.); в станке Ново-Ермаковском: Мочалов Михаило Федоров (9 д.), Тулин Панкратий (6 д.); в станке Деникинском: Иголкин Тарас (6 д.); в станке Чулковском: Гордеев Прохор (1 д.); в населенных пунктах, названия которых неизвестны: Гилев Прокопий Петров (4 д.), Тулина Ирина Федоровна (вдова, 7 д.), Шведов Григорий (5 д.), Кухтин Глеб Павлов (9 д.), Иголкин Никита (10 д.), Тулин Александр (5 д.), Галахтионов Дмитрий (7 д.), Стародубов Василий (8 д.), Стародубов Григорий (2 д.), Тулин Филипп Осипов (5 д.), Григорьев Василий (4 д.), Тулин Тихон (2 д.) [22. С. 99–100, 272–273].

Из этих фамилий известен как принадлежащий к духоборам род Иголкиных, благовещенских мещан [29. Л. 25 об., 26, 26 об.]. На Амуре традиционно принадлежали к молоканам Галактионовы (Галахтионовы), Миловановы, Меньшагины. Однако некоторые Галактионовы и Миловановы были духоборческого вероисповедания. Так, в метрической книге Благовещенской городской управы за 1912 г. зарегистрированы благовещенские мещане-духоборы: Никита Афа-

насьевич Милованов, его жена Анастасия Иосифовна, в семье которых родились дети – Мария (1897 г.), Сергей (1901 г.), Иван (1903 г.); Павел Трофимович Галактионов, его жена Матрена Алексеевна, у которых родилась дочь Марианна (1912 г.). Свидетелем при записи этого события был благовещенский мещанин Антон Пивоваров, скорее всего, также духобор [29. Л. 66 об., 67, 98 об., 99]. В метрической книге Благовещенской городской управы за 1914 г. отмечены духоборческого вероисповедания благовещенский мещанин Иван Никитич Милованов, его жена Феодосия Васильевна, у которых в 1913 г. родилась дочь Евдокия [30. Л. 36 об.–38]. К духоборам принадлежали переселившиеся на Амур Клементьевы, Кухтины, Стародубовы, Иголкины, Суходолины, Тулины. Иркутский историк М.В. Муратов упоминает находившихся в сибирской ссылке Глеба и Павла Кухтиных [31. С. 39, 46].

В 1864 г. духоборы из Туруханского края основали деревню Покровку Амурско-Зейской волости. В 1870 г. в ней было 35 дворов, 151 человек населения; к 1 января 1891 г. числилось 48 дворов, 236 жителей. Основными занятиями жителей Покровки были земледелие и извоз [32. С. 324]. 15 июня 1900 г. духобор Андрей Николаевич Стародуб (Стародубов) из деревни Покровка в письме своему единоверцу сообщил, что он с семейством засеял 30 десятин хлеба, имел в хозяйстве 16 лошадей, 18 коров. Он описал семейное положение (женил внука), имена родственников – жену внука звали Афимья, пополнение семейства – в семье внука родились 2 дочери – Вера и Матрена, у дочери Стародуба Авдоты родился сын Михаило, на тот момент ему исполнилось два года. В конце письма А.Н. Стародуб передавал низкий поклон духоборам в Новотроицком селении [33. Л. 1].

Сектанты проживали в Андреевке Ивановской волости. В 1870 г. эта деревня состояла из 10 дворов и 68 жителей; в 1880 г. было 13 дворов, 85 жителей, к 1 января 1891 г. было 35 домов, 234 жителя [32. С. 53]. К 1912 г. в Андреевке проживало 793 человека. [34 Л. 69 об.]. Село было основано в 1865 г. молоканином Андреем Андреевичем Буяновым. Деревня считалась зажиточной. В списке репрессированных сельчан в конце 30-х гг. ХХ в. числились И.В. Абрамов, Н.В. Абрамов, И.К. Болотин, М.И. Виноградов, И.Ф. Дружин, Н.И. Ларионов, И.А. Ларионов. В семье Ильи Андриановича Ларионова было 22 человека. Его родители Андриан Николаевич Ларионов и мать Елизавета Яковлевна Ларионовы были одними из первых жителей села [35. С. 67, 69]. Болотины, Виноградовы, Дружини однозначно относились к молоканам, Ларионовы были духоборами, Абрамовы могли быть и теми и другими.

Деревней с духоборческим населением была Введеновка Томской волости. Была основана в 1891 г. духоборами, выселившимися из села Ново-Троицкое. В начале 90-х гг. XIX в. во Введеновке было 33 двора, 187 жителей [32. С. 97]. В РГИА ДВ сохранилось дело, содержащее просьбу жителей этого села позволить им переселиться в Забайкальскую область. В октябре 1897 г. после очередного сильного наводнения крестьяне Федор Афанасьев и Макар Савельев от

имени 18 домохозяйств (Авдеевы, Афанасьевы, Ивановы, Савельевы, Ткачевы, Тюрюхановы, Чернаковы) обратились к военному губернатору Амурской области за разрешением переехать в другое, более удобное для хлебопашства место. Однако власти смогли убедить жителей Введеновки остаться в их родном селе [36. Л. 84, 88, 89–90].

Село Ново-Троицкое Амурско-Зейской волости считалось одним из центров духоборческого движения в Приамурье. Было основано в 1864 г. переселенцами из Ставропольской и Самарской губерний. В 1870 г. село состояло из 23 дворов и 97 жителей, к 1 января 1891 г. в селении числилось 24 дома, 159 жителей. Занятия жителей: земледелие и доставка грузов [32. С. 284].

Большой деревней со смешанным сектантским населением (молокане, духоборы, баптисты) была Тамбовка Гильчинской волости. Основана в 1875 г. молоканами из Тамбовской губернии. В 1880 г. состояла из 23 дворов и 83 душ мужского и 84 душ женского пола. К 1 января 1891 г. числилось 111 дворов, 829 жителей (445 мужского и 384 женского пола). Главные занятия населения: земледелие и извоз. Некоторые из жителей занимались овцеводством, другие – пчеловодством [Там же. С. 406]. В 1916 г. в Тамбовке было 263 дома, 2 384 жителя, домохозяйства держали 2 225 лошадей и 1 340 коров [37. С. 86–87]. Всего в 1893 г. в Амурской области было 3426 крестьянских дворов, из них 112 духоборских, 416 молоканских [38. С. 27].

В 60-е гг. XIX в. духоборы появляются в Благовещенске. Небольшая их часть проживала в городе практически с начала его строительства. К. Литвинцев писал, что кроме молокан, в Благовещенске можно встретить несколько семейств молоканской отрасли – духоборов. При этом автор высказывает свою точку зрения, сводящуюся к тому, что духоборчество выродилось из молоканства. В этом пункте он не прав. К. Литвинцев отмечает, что амурские духоборы занимаются земледелием, торговлей, рыбными промыслами по рекам Амуру и Зее, последний род занятий, рыболовство, практикуется исключительно духоборами и производится в довольно больших размерах. Они, вкупе с китайцами, могут считаться единственными поставщиками свежей рыбы на весь Благовещенск [39. С. 552].

Еще одним местом поселения духоборов на востоке страны была Якутия. Массовая их высылка в Якутскую область была связана с обострением ситуации вокруг сектантов на Кавказе. Там в конце XIX в. духоборы разделились на две враждебные партии. Одна довольствовалась существующими порядками, другая стала энергично протестовать против властей [10. С. 193–194]. Как писал В.Д. Бонч-Бруевич, эта общественная вспышка привела к тому, что духоборческая масса вновь вернулась к сознанию своих предков, снова начались отказы от оружия и борьба за уничтожение частной собственности. Это вызвало репрессии со стороны правительства. Молодежь, бросившая ружья, после страшных истязаний была отдана в дисциплинарные батальоны и сослана на 18 лет в Якутскую область. Участвовавшие в протестном движении были

изгнаны из своих домов и отправлены в лихорадочные долины Кахетии и Картолинии, где половина сектантов в первые два года умерли от болезней. В 1898–1900 гг. оставшиеся в живых из ссыльных и находившихся на свободе духоборцев (более 7 000 человек) уехали в Канаду [10. С. 189; 11. С. 247].

Л.Н. Толстой принял активное участие в оказании помощи духоборам, он пожертвовал им гонорар за роман «Воскресение» для организации переселения сектантов в Канаду. В письме в «Иностранные газеты» великий русский писатель рассказал о необычайно строгих мерах правительства в отношении духоборов: «Не говоря о сечениях, карцерах и всякого рода истязаниях, которым подвергались отказаные (от военной службы. – Д.Б.) духоборы в дисциплинарных батальонах, от чего многие умерли, и об их ссылке в худшие места Сибири, не говоря о 200 запасных, в продолжение двух лет томившихся в тюрьмах и теперь разлученных с семьями и сосланных попарно в самые дикие местности Кавказа, где они, не имея заработков, буквально мрут с голода, не говоря об этих наказаниях самих виноватых в отказе от службы, семьи духоборов систематически разоряются и уничтожаются. Все они лишены права отлучаться от своих мест жительства и усиленно штрафуются и запираются в тюрьмы за неисполнение самых странных требований начальства: за называние себя не тем именем, которым велено называть себя, за поездку на мельницу, за посещение матерью своего сына, за выход из деревни в лес для собирания дров, так что последние средства прежде богатых жителей быстро истощаются» [40. С. 419, 423].

По дороге в Якутию сектанты терпели большую нужду, а на новом месте сразу попадали в крайне тяжелые бытовые условия. Об этом можно судить по документам, находящимся в архиве ГМИР. Сохранилось письмо из Иркутска некоего Веригина (возможно, родственника предводителя духоборов П.В. Веригина), датированное 1897 г. В нем следующие по этапу к месту ссылки сектанты просили своих собратьев выслать им денег, поскольку выдали им в день на человека по 10 копеек, которых хватало только на 2 фунта черного хлеба, тогда как им было необходимо 4 фунта [41. Л. 1, 2]. В письме от 8 сентября 1897 г. рассказывается о судьбе партии ссыльных духоборов в Якутской области. В Якутск сектанты прибыли 31 августа в числе 31 человека. Один остался в больнице, остальные отправились дальше по этапу. Губернатор в отнесся к поручению по возвращению ссыльных с необычной для него суровостью. Вместо того чтобы поселить духоборов в обжитом месте, решено было отправить их на устье реки Ноторы, где было небольшое стойбище. На обустройство и поселение всей группе сектантов было выдано всего по 30 рублей на человека. Чиновник по особым поручениям при губернаторе по дороге купил продовольствие и одежду для духоборов по небольшой цене. Вначале планировалось построить деревянные избы. Однако чиновник решил вопрос с жильем по-иному. Он пригласил местных жителей из поселков, расположенных на расстоянии 70–100 вёрст, которые построили для духоборов юрты (это перед морозной якутской зимой. – Д.Б.). После этого смягчился и губернатор, дозволил сектан-

там взять лишнюю пару лошадей, отпустил дополнительно 100 рублей на непредвиденные расходы и выдал медикаменты. А прощаясь со ссылочными, сказал, что будет следить за их судьбой и постараётся оказывать духоборам всю возможную помощь, пока их быт не будет вполне налажен [42. Л. 1–3].

Это была первая партия духоборов, высланных с Кавказа 25 ноября 1896 г. [43. С. 45]. Для духоборов, при рожденных земледельцев, ссылка в дремучую якутскую тайгу означала неминуемую смерть. И они бы, наверное, погибли, если бы не помочь, пришедшая от Л.Н. Толстого. Писатель был очень занят судьбой духоборов, сосланных царским правительством с Кавказа в Якутскую область за отказ по религиозным мотивам от несения военной службы. В 1898 г. правительство отправило группу женщин с детьми в количестве 41 человека к их мужьям и братьям, уже водворенным на поселение в устье реки Ноторы (на территории нынешнего Амгинского улуса). Л.Н. Толстой хотел найти надежного человека, который мог бы сопровождать этих людей и по возможности облегчить их дорожные страдания. В это время Лев Николаевич познакомился с молодым якутским врачом П.Н. Сокольниковым, который закончил медицинский факультет Московского университета и получил назначение в Якутию. 22 марта 1898 г. Л.Н. Толстой обратился с письмом к Иркутскому генерал-губернатору А.Д. Горемыкину, находившемуся в то время в Москве, в котором просил дать распоряжение по телеграфу в Иркутск о том, чтобы Сокольников был допущен сопровождать арестованных женщин с детьми в Якутск. П.Н. Сокольников присоединился к группе жен духоборов на станции Козлов, лечил их в дороге, собирая в Томске и Иркутске пожертвования на их нужды.

Все тяготы этого путешествия П.Н. Сокольников подробно описал в большой серии очерков под названием «Жены и дети духоборов», напечатанных в ряде номеров газеты «Восточное обозрение», написанных с позиций сострадания к этим неграмотным, гонимым и преследуемым людям. Личная забота Л.Н. Толстого о судьбе жен и детей духоборов, статьи П.Н. Сокольникова вызвали сочувствие к ним на всем пути следования. Трудовое население Сибири повсюду их встречало приветливо, заботилось о ночлеге и питании. 1 июля 1899 г. усталые и исхудальные от постоянного недоедания жены и дети духоборов увидели своих родных. В дальнейшем духоборческие поселения стали появляться в других местах. 25 июля 1900 г. власти Якутской области рассмотрели вопрос об образовании новых поселений для ссылочных сектантов. Под новые поселки выделили места в урочище Маган и в Бетюнском наслеге Ботурусского улуса. 26 февраля 1905 г. по совместному докладу военного министра и министра внутренних дел правительство разрешило выезд якутских духоборов за океан. Таким образом, духоборы первой партии пробыли в якутской ссылке около 8 лет [44. С. 69, 77]. В конце августа 1905 г. якутские духоборы (190 человек) выехали в Канаду [43. С. 60].

Во второй половине XIX – начале XX в. духовные христиане внесли большой вклад в освоение российского Дальнего Востока. Их трудами был распаханы десят-

ки, сотни тысяч гектаров целины, построены мельницы, здания магазинов, жилых домов. В Благовещенске был возведен, наверное, единственный такой в России каменный молоканский молельный дом [45. С. 39–40].

Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков отмечал, что сектанты – «это самый здоровый и полезный элемент нашей области. Все они отличаются трудолюбием, трезвостью, предприимчивостью и сравнительно чистотой нравов. Главное занятие их – за исключением молокан, живущих в городе, которые по преимуществу занимаются торговлей, – сельское хозяйство, с каждым годом развивающееся благодаря их трудолюбию и энергии. Сектанты, как более предприимчивые и развитые сравнительно с окружающей их средой, всегда отзывчивы к мерам, служащим для поднятия и улучшения сельского хозяйства и служат отличным проводником для распространения в крестьянстве различных сельскохозяйственных машин» [22. С. 96]. Об этом же писал Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской: «Раскольническое население... в Забайкальской и Амурской областях держится довольно замкнуто в своих исторических рамках, отличается силой духа, трудолюбием, а главное – трезвостью» [46. С. 33]. В «Приложении к всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1912–1913 гг.» отмечается, что сектанты – духоборы, молокане и другие стали переселяться на Амур с 1862 г. Для них были характерны энергия, религиозный фанатизм и хозяйственность. Амурский край привлекал их религиозной свободой, отсутствием рекрутчины и земельным простором [47. С. 33]. Царские власти и Русская православная церковь в XIX в. причисляли духовных христиан к особо вредным sectам и постоянно устраивали на них гонения. Однако на Дальнем Востоке администрация, озабоченная вопросами освоения края и закрепления в нем многочисленного населения, фактически проводила политику предоставления сектантам религиозных свобод.

С установлением советской власти на Дальнем Востоке в конце 1922 г. начинается закат религиозного движения духовных христиан. В 20-е гг. XX в. духовные христиане еще сохраняли в регионе сильные социальные и экономические позиции. На руку сектантам было то обстоятельство, что в это время произошла утрата прежнего статуса православной церкви, в рядах которой начался серьезный кризис [48. С. 107]. В условиях относительной стабилизации общественной ситуации молокане провели несколько съездов. Первый Амурский губернский съезд духовных христиан молокан прошел в Благовещенске с 3 по 8 декабря 1922 г. Представители дальневосточных общин, включая делегатов из Харбина и Владивостока, обсудили самые важные и представляющие интерес проблемы своей внутренней жизни. Политические вопросы не поднимались [49. С. 1–10]. Однако 4-й Амурский окружной съезд духовных христиан-молокан, состоявшийся в Благовещенске 11–12 февраля 1927 г., начал свою работу с направления в ЦИК СССР благородственной телеграммы. В ней выражалась готовность молокан всеми силами содействовать процветанию и укреплению экономического благосостояния и

духовного просвещения всех народов, входящих в состав Союза ССР. Телеграмма была отправлена от имени амурской общины по инициативе председателя Всесоюзного центрального совета духовных христиан молокан Н.Ф. Кудинова, который лично прибыл на амурский съезд [50. Л. 2, 3]. Но уверения сектантов в своей лояльности и их приветствия в адрес советской власти уже не имели никакого значения.

В докладе Амурского окружного отдела ОГПУ (1926 г.) были зафиксированы кризисные явления в среде духовных христиан. Отмечалось, что молокане культурно-просветительной работы не ведут. Люди пожилого и среднего возраста по традиции соблюдали религиозность, молодежь в большинстве была пассивна и, вопреки категорическому запрету, совершала такие правонарушения, как употребление алкоголя и табака. По мнению автора доклада, секта амурских духоборов представляла в большинстве случаев выходцев из молокан, сущность их вероучения отличалась от молоканского лишь пророчествами и круговой пляской. У духоборов не было ничего самобытного, оригинального, а различные обряды были заимствованы ими от других сект. Нередко эти заимствования служили причиной разногласий и даже разделения секты на толки. Так случилось, когда некоторые из амурских духоборов переняли от баптистов обряд «преломления хлеба», а другие не признали этого обряда. В результате произошел раскол на два толка. Обряд «преломления хлеба» не привился, и разъединившаяся секта объединилась снова. Духоборческие группы возглавлялись старцами, которые руководили молитвенными собраниями. Определенных руководителей (пресвитеров), так же как у молокан, не было. Несмотря на пятидесятилетнее существование, секта духоборов популярностью среди населения не пользовалась и роста таковой не наблюдалось. В Благовещенске в секту входили мелкие торговцы, домовладельцы, часть занималась рыбным промыслом (бедняки). В деревенских общинах имелся кулацкий и середняцкий крестьянский элемент [51. Л. 2, 12].

К концу первого послереволюционного десятилетия для всех верующих в СССР наступили тяжелые времена. Члены «Союза воинствующих безбожников» начали кампанию по «борьбе с религией», выступали инициаторами закрытия церквей и разрушения храмов. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля

1929 г. «О религиозных объединениях» значительно сузило рамки легальной церковной деятельности и закрепило право на выражение атеистических убеждений и свободу атеистической пропаганды. Религиозными делами стали заниматься не службы комиссариата юстиции, а органы государственной безопасности [52. С. 188–190]. Начались закрытие храмов, мольельных домов и ликвидация общин. На Дальнем Востоке с 1927 по 1932 г. численность молокан сократилась в 60 раз, духоборов – в 10, баптистов и евангельских христиан – в 3 раза [15. С. 33]. Спустя несколько десятилетий умерли последние духовные христиане, которые принимали участие в молитвенных собраниях, помнили, как они проходили, знали основы своей веры.

Если в сибирский период жизни духовные христиане подвергались репрессиям и немало претерпели от царских властей, то на Дальнем Востоке их общины достигли больших экономических успехов, а общественные позиции укрепились. Всё изменилось после революции 1917 г. Большевики с претензией на обладание новой непогрешимой веры – марксизматализма – не могли и не хотели иметь в стране никакую иную постороннюю идеологию. Началась борьба с религией. Коммунистам были особенно неприятны сектанты-молокане с их буржуазным жизненным настроем и ориентацией на капиталистические общественные отношения. Молокане подвергались сильному социальному давлению с двух направлений – сверху и снизу. Власти (царская и советская) не могли их терпеть как религиозных диссидентов, покушающихся на государственную идеологическую монополию. Общество также отвергало молоканское мироустройство, основанное на буржуазных принципах, поскольку российское крестьянство в массе тяготело к традиционным докапиталистическим уравнительно-общинным формам быта. Духоборы с их стремлением к организации локальных теократических сообществ с наличием независимых от власти управлений и судебных институтов (сектантские вожди, старички) совершенно не вписывались в формирующуюся тоталитарное государство. Окончательно духоборы были раздавлены коллективизацией сельского хозяйства, поскольку основой их жизненного устройства был патриархальный крестьянско-сельский быт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов И.П. Молокане. М. : Моск. рабочий, 1931. 44 с.
2. Новицкий О.М. Духоборцы. Их история и вероучение. 2-е изд. Киев, 1882. 282 с.
3. Гумилевский Ф. История русской церкви. В пяти периодах. 5-е изд. М., 1888. 1304 с.
4. Ливанов Ф.В. Острожники и раскольники. Очерки и рассказы. 1-е изд. СПб. : Типография М. Хана, 1872. Т. III. 640 с.
5. Харламов И.Н. Духоборцы // Русская мысль. 1884. Кн. XI. С. 138–161; Кн. XII. С. 83–115.
6. Пругавин А.С. Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства. СПб. : Изд. А.С. Суворова, 1882. 433 с.
7. Духоборцы // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XI, полутом 21. СПб., 1893. С. 251–253.
8. Пругавин А.С. Молокане // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 11-е стереотип. изд. с матрицы 1915 г. / под ред. проф. Ю.С. Гамбара, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. М., 1933. Т. 29. Ст. 224–230.
9. Бонч-Бруевич В.Д. Духоборцы // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 13-е изд., стереотип. / под ред. проф. Ю.С. Гамбара, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. М., Б.г. Т. 19. С. 170–171.
10. Бонч-Бруевич В.Д. Раскол и сектантство в России. Доклад В.Д. Бонч-Бруевича второму очередному съезду Российской социал-демократической партии // Избранные атеистические произведения. М., 1973. С. 173–213.
11. Бонч-Бруевич В.Д. Сектантство и старообрядчество в первой половине XIX в. // Избранные атеистические произведения. М., 1973. С. 214–263.

12. Балалаева Н.М. О борьбе религиозного сектантства против колхозного движения на Дальнем Востоке СССР // Из истории борьбы за советскую власть и социалистическое строительство на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1965. С. 110–128.
13. Балалаева Н.М. О переселении молокан в Амурскую область // Ученые записки Хабаровского государственного педагогического института. Хабаровск, 1968. Т. 16 (серия историческая). С. 24–39.
14. Балалаева Н.М. Антисоветская деятельность амурских религиозных сект (ноябрь 1922–1924 гг.) // Ученые записки Хабаровского государственного педагогического института. Хабаровск, 1970. Т. 28, ч. I (серия историческая). С. 3–29.
15. Балалаева Н.М. История религиозного сектантства на Дальнем Востоке СССР (1859–1936) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971. 36 с.
16. Балалаева Н.М. Амурское молоканство в период 1906–1917 гг. // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972. С. 188–217.
17. Балалаева Н.М. О попытке переселения земледельческого населения Амурской области на Камчатку в 1911–1912 годах // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1973. Вып. III. С. 3–9.
18. Аргудяева Ю.В. Молокане в Приамурье // Традиционная культура Востока Азии: археология и культурная антропология. Благовещенск, 1995. С. 156–173.
19. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М. : Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1997. 315 с.
20. Аргудяева Ю.В. Культура и быт молокан Амурской области // Дни славянской письменности и культуры : материалы тез. и докл. к науч.-практ. конф. Владивосток, 1997. С. 19–21.
21. Аргудяева Ю.В. Роль конфессиональных групп русских в освоении Дальнего Востока // Российское Приамурье: история и современность : материалы докл. науч. семинара, посвящ. 350-летию похода Е.П. Хабарова, 24–25 ноября 1999 г. Хабаровск, 1999. С. 57–61.
22. Аргудяева Ю.В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Крестьяне. Владивосток : ДВО РАН, 2006. Кн. I. 312 с.
23. Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» // ПСЗРИ. 2-е собр. Отделение первое. 1861. Т. XXXVI, № 36928. СПб., 1863.
24. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. V. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. Составил начальник отряда земледельческой колонизации С.П. Шлишкевич. СПб. : Типография В.Ф. Киршбайма, 1911. 142 с.
25. Кириллов А.В. Переселения в Амурскую область // Приамурские ведомости. 1895. 1 января (Приложение к № 53). С. 1–47.
26. Новиков-Даурский Г.С. Освоение русскими амурских просторов // Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. Благовещенск, 1961. С. 126–133.
27. Ланкин А.В. Переселение и жизнеописание духовных христиан в Амурской области с 1864 года по 1913 год (Рукопись). ГМИР. Ф. 2. Оп. 8. Д. 364.
28. Кобызов Р.А. Религиозные общины и общины Благовещенска // История Благовещенска. 1856–1917 : в 2 т. Благовещенск, 2009. Т. 1. С. 126–36.
29. Государственный архив Амурской области (далее – ГААО). Ф. 29-и. Оп. 3. Д. 780.
30. ГААО. Ф. 29-и. Оп. 3. Д. 943.
31. Муратов М.В. Духоборцы в Восточной Сибири в первой половине XIX века. Труды Государственного Иркутского университета. Выпуск пятый. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1923. 55 с.
32. Кириллов А.В. Географико-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск : Типография т-ва Д.О. Мокин и К, 1894. 543 с.
33. Государственный музей истории религии (далее – ГМИР). Ф. 2. Оп. 7(61). Д. 799.
34. ГААО. Ф. 30-и. Оп. 1. Д. 16.
35. Адаменко Н.Г. Исторические страницы села Андреевки // Страницы нашей истории. К 140-летию с. Ивановки и 80-летию Ивановского района. Благовещенск, 2004. С. 67–71.
36. Российский государственный архив Дальнего Востока. Ф. 702. Оп. 5. Д. 27.
37. Итоги сельскохозяйственной переписи в Амурской области. Благовещенск : Благовещенское утро, 1916. 145 с.
38. Статистика Российской империи. XXVII. Волости и населенные места. 1893 года. Вып. 2: Амурская область. СПб. : Издание центрального статистического комитета МВД, 1893. 58 с.
39. Литвинцев К. Амурские сектанты: молокане и духоборы. Историко-этнографический очерк // Христианское чтение. 1887. № 11–12. С. 549–567.
40. Толстой Л.Н. В иностранные газеты. 1898 г., марта 19. Москва // Собрание сочинений : в 22 т. Т. 19: Письма 1882–1899. М. : Худ. лит., 1984. С. 418–423.
41. ГМИР. Ф. 2. Оп. 7(61). Д. 410.
42. ГМИР. Ф. 2. Оп. 7(61). Д. 417.
43. Пинигин В.В. Любящий Вас Лев Толстой. Якутск : Якут. книж. изд-во, 1978. 183 с.
44. Доктор Прокопий Несторович Сокольников: фотографии, документы, воспоминания, статьи / сост. Л.М. Григорьева. Якутск : Бичик, 2015. С. 176.
45. Холкина Т.А., Чайон Л.А. Архитектурное наследие Благовещенск. Благовещенск : Амурская ярмарка, 2006. 112 с.
46. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб. : Типография Ю.Н. Эрлих, Садовая, № 9, 1895. 148 с.
47. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1912–1913 гг. Благовещенск : Типолитография «Благовещенск» торгового дома И.Я. Чурин и К, 1915. 102 с.
48. Бакаев Ю.Н. Власть и религия: история отношений (1917–1941). Хабаровск : Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 2002. 199 с.
49. ГМИР. Протоколы 1-го Амурского губернского съезда духовных христиан молокан, состоявшегося 3–8 декабря 1922 г. Ф. К-1. Оп. 3(24). Д. 1.
50. ГМИР. Протокол 4-го Амурского окружного съезда духовных христиан молокан, состоявшегося в г. Благовещенске 11–12 февраля 1927 г. Ф. К-1. Оп. 3(24). Д. 2.
51. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 168.
52. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» // Религия и власть на Дальнем Востоке России. Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск, 2001. С. 188–190.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 марта 2017 г.

SPIRITUAL CHRISTIANS IN SIBERIA AND IN THE FAR EAST OF RUSSIA (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 62–70.

DOI: 10.17223/15617793/418/8

Dmitry E. Buyanov, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: dmit2b@gmail.com

Keywords: Siberia; Far East; resettlement; Dukhobors; Molokans; traditions; religion.

The article is devoted to the life of spiritual Christians in Siberia and in the Far East of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. A lot of mystical and rationalistic sects appeared after the Raskol of the Russian Orthodox Church in the middle of the 17th century. The Khlysts (Khlysty) were among them. In the second part of the 17th century the movement of the Dukhobors and the Molokans emerged from the Khlysts Movement. The Khlysts had an idea of the possibility of a direct talk with God, avoiding mediation of priests. Later, spiritual Christians developed this thesis and proclaimed the idea of “inner church” in the soul of the believer. The Dukhobors and the Molokans mostly represented the social protest of the Russian peasantry (and the Molokans represented the protest of suburbanites and merchants as well) against the existing feudal and serfdom orders and dogmatism of the Russian Orthodox Church. Followers of spiritual Christianity denied all orders of the Orthodox Church, external church ceremonies, worship of visible demonstrations of cult: icons, crosses, relics. They denied churches (buildings), monasteries, monasticism, saints and seven sacraments. The communities of spiritual Christians existed in the European part of the country, Siberia and the Far East of the Russian Empire. The sectarians represented state peasants, handcraftsmen, small traders. The Dukhobors and the Molokans were strongly persecuted by the government. Authorities saw the sectarians as very harmful and exiled them in remote and far distant places of Siberia and Yakutsk region. Some of spiritual Christians were left in settlements of Yeniseysk, Irkutsk and Tomsk provinces. After signing the Treaty of Aigun between the Russian Empire and the Qing dynasty (28 May 1858) forced relocation of spiritual Christians began in the Far East. Later, spiritual Christians informed their fellows about advantages of resettlement expressed in freedom from conscription, religious tolerance and opportunity to receive an allotment of hundred desyatinas. The relocation of spiritual Christians is described in the article. It is noted that the Dukhobors arrived in Amur Oblast mainly from Yeniseysk Province and Transbaikalia. The Dukhobors resettled alongside with the Molokans, but the flow of the Dukhobors was not so mass, and they settled predominantly in the rural terrain. Villages Andreevka, Astrakhanovka, Pokrovka, Novo-Troitskoe, Gil’chin, Tambovka, Gomelevka, Vvedenovka and town Blagoveshchensk were places where the sectarians (their names are specified in the article) settled. The role of L.N. Tolstoy in helping Yakutsk Dukhobors is noted in the article. The contribution of spiritual Christians in the development of the Russian Far East in the second half of the 19th – early 20th centuries is highlighted. The causes of the crisis of the religious movement in the 1920s are analyzed.

REFERENCES

1. Morozov, I.P. (1931) *Molokane* [The Molokans]. Moscow: Mosk. rabochiy.
2. Novitskiy, O.M. (1882) *Dukhobortsy. Ikh istoriya i verouchenie* [The Dukhobors. Their history and dogma]. 2nd ed. Kiev: V univ. tip. (I. Zavadskogo).
3. Gumilevskiy, F. (1888) *Istoriya russkoy tserkvi. V pyati periodakh* [The history of the Russian church. In five periods]. 5th ed. Moscow: M.A. Ferapontov.
4. Livanova, F.V. (1872) *Ostrozhniki i raskol’niki. Ocherki i rasskazy* [The Ostrovniks and the Schismatics. Sketches and stories]. 1st ed. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya M. Khana.
5. Kharlamov, I.N. (1884) *Dukhobortsy* [The Dukhobors]. *Russkaya mysl’*. XI. pp. 138–161; XII. pp. 83–115.
6. Prugavin, A.S. (1882) *Raskol vnizu i raskol vverkhу. Ocherki sovremenennogo sektantstva* [The split at the bottom, and the split at the top. Essays on contemporary sectarianism]. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorova.
7. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1893) *Dukhobortsy* [The Dukhobors]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar’* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. XI:21. St. Petersburg: Típo-Litografiya I.A. Efrona.
8. Prugavin, A.S. (1933) *Molokane* [The Molokans]. In: Gambarov, Yu.S. et al. (eds) *Entsiklopedicheskiy slovar’ russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* [Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute Granat]. 11th ed. Vol. 29. Moscow: Russkiy Bibliograficheskiy Institut Granat.
9. Bonch-Bruevich, V.D. (n.d.) *Dukhobortsy* [The Dukhobors]. In: Gambarov, Yu.S. et al. (eds) *Entsiklopedicheskiy slovar’ russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* [Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute Granat]. 13th ed. Vol. 19. Moscow: Russkiy Bibliograficheskiy Institut Granat.
10. Bonch-Bruevich, V.D. (1973) *Raskol i sektantstvo v Rossii. Doklad V.D. Bonch-Bruevicha vtoromu ocherednomu s’ezdu Rossyskoy sotsial demokraticeskoy parti* [Split and sectarianism in Russia. Report of V.D. Bonch-Bruevich to the Second Regular Congress of the Russian Social Democratic Party]. In: Sheynman, M.M. (ed.) *Izbrannye ateisticheskie proizvedeniya* [Selected atheistic works]. Moscow: Mysl’.
11. Bonch-Bruevich, V.D. (1973) *Sektantstvo i staroobryadcheshestvo v pervoy polovine XIX v.* [Sectarianism and Old Belief in the first half of the 19th century]. In: Sheynman, M.M. (ed.) *Izbrannye ateisticheskie proizvedeniya* [Selected atheistic works]. Moscow: Mysl’.
12. Balalaeva, N.M. (1965) *O bor’be religioznogo sektantstva protiv kolkhoznogo dvizheniya na Dal’nem Vostoke SSSR* [On the struggle of religious sectarianism against the collective farm movement in the Far East of the USSR]. In: Shchagin, E.M. (ed.) *Iz istorii bor’by za sovetskuyu vlast’ i sotsialisticheskoe stroitel’stvo na Dal’nem Vostoke* [From the history of the struggle for Soviet power and socialist construction in the Far East]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnnoe izd-vo.
13. Balalaeva, N.M. (1968) *O pereselenii molokan v Amurskuyu oblast’* [On the migration of the Molokans to the Amur Oblast]. *Uchenye zapiski Khabarovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 16. pp. 24–39.
14. Balalaeva, N.M. (1970) *Antisovetskaya deyatel’nost’ amurskikh religioznykh sekt (noyabr’ 1922–1924 gg.)* [Anti-Soviet activities of the Amur religious sects (November 1922–1924)]. *Uchenye zapiski Khabarovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 28:I. pp. 3–29.
15. Balalaeva, N.M. (1971) *Istoriya religioznogo sektantstva na Dal’nem Vostoke SSSR (1859–1936)* [The history of religious sectarianism in the Far East of the USSR (1859–1936)]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
16. Balalaeva, N.M. (1972) *Amurskoe molokanstvo v period 1906–1917 gg.* [The Amur Molokanism in 1906–1917]. In: Balitskiy, V.G. (ed.) *Voprosy istorii Dal’nego Vostoka* [Questions of the history of the Far East]. Khabarovsk: Kn. izd-vo.
17. Balalaeva, N.M. (1973) *O popytkе pereseleniya zemledel’cheskogo naseleniya Amurskoy oblasti na Kamchatku v 1911–1912 godakh* [On the attempt to relocate the agricultural population of the Amur Oblast to Kamchatka in 1911–1912]. In: Balitskiy, V.G. (ed.) *Voprosy istorii Dal’nego Vostoka* [Questions of the history of the Far East]. Vol. 3. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical Institute.
18. Argudyeva, Yu.V. (1995) *Molokane v Priamur’e* [The Molokans in the Amur region]. In: Zabiyako, A.P. (ed.) *Traditsionnaya kul’tura Vostoka Azii: arkheologiya i kul’turnaya antropologiya* [Traditional Oriental Culture in Asia: Archeology and Cultural Anthropology]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical Institute.
19. Argudyeva, Yu.V. (1997) *Krest’ianskaya sem’ya u vostochnykh slavyan na yuge Dal’nego Vostoka Rossii (50-e gg. XIX v. – nachalo XX v.)* [The peasant family of the eastern Slavs in the south of the Far East of Russia (1850s – early 20th centuries)]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences.
20. Argudyeva, Yu.V. (1997) [Culture and Life of the Molokans of the Amur Oblast]. *Dni slavyanskoy pis’mennosti i kul’tury* [Days of Slavic Writing and Culture]. Proceedings of the conference, Vladivostok. pp. 19–21. (In Russian).

21. Argudyaeva, Yu.V. (1999) [The role of confessional groups of Russians in the development of the Far East]. *Rossiyskoe Priamur'e: istoriya i sovremennost'* [The Russian Amur region: History and Modernity]. Proceedings of the seminar dedicated to the 350th anniversary of the campaign of E.P. Khabarov. 24–25 November 1999. Khabarovsk. pp. 57–61. (In Russian).
22. Argudyaeva, Yu.V. (2006) *Etnicheskaya i etnokul'turnaya istoriya russkikh na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. *Krest yane* [Ethnic and ethnocultural history of Russians in the south of the Far East of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries). The peasants]. Vol. 1. Vladivostok: FEB RAS.
23. Russian Empire. (1863) *Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie Sibirskogo komiteta "O pravilakh dlya poseleniya russkikh i inostrantsev v Amurskoy i Primorskoy oblastyakh Vostochnoy Sibiri"* [Highly approved provision of the Siberian Committee "On the Rules for the Settlement of Russians and Foreigners in the Amur and Primorye Regions of Eastern Siberia"]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii*. Collection 2. Part 1. XXXVI. 36928.
24. Shlishkevich, S.P. (1911) *Trudy komandirovannoy po vysochayshemu poveleniyu Amurskoy ekspeditsii* [Works of the Amur expedition sent on the highest order]. Vol. V. St. Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshauma.
25. Kirillov, A.V. (1895) *Pereseleniya v Amurskuyu oblast'* [Resettlement to the Amur Oblast]. *Priamurskie vedomosti*. 1 January (Supplement to No. 53). pp. 1–47.
26. Novikov-Daurskiy, G.S. (1961) *Istoriko-arkheologicheskie ocherki. Stat'i. Vospominaniya* [Historical and archaeological essays. Articles. Memoires]. Blagoveshchensk: Amurskoe kn. izd-vo. pp. 126–133.
27. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund 2. List 8. File 364. Lankin, A.V. (n.d.) *Pereselenie i zhizneopisanie dukhovnykh khristian v Amurskoy oblasti s 1864 goda po 1913 god (Rukopis')* [Resettlement and biography of spiritual Christians in the Amur Oblast from 1864 to 1913 (Manuscript)].
28. Kobyzov, R.A. (2009) *Religioznye obshchestva i obshchiny Blagoveshchenska* [Religious societies and communities of Blagoveshchensk]. In: Telyuk, A.V. (ed.) *Istoriya Blagoveshchenska. 1856–1917: v 2 t.* [History of Blagoveshchensk. 1856–1917: in 2 vols]. Vol. 1. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka.
29. State Archive of the Amur Oblast (GAAO). Fund 29-i. List 3. File 780. (In Russian).
30. State Archive of the Amur Oblast (GAAO). Fund 29-i. List 3. File 943. (In Russian).
31. Muratov, M.V. (1923) *Dukhobortsy v Vostochnoy Sibiri v pervoy polovine XIX veka* [The Dukhobors in Eastern Siberia in the first half of the nineteenth century]. *Trudy Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta*. 5.
32. Kirillov, A.V. (1894) *Geografichesko-statisticheskiy slovar' Amurskoy i Primorskoy oblastey s vklucheniem nekotorykh punktov sopredel'nykh s nimi stran* [Geographical and statistical dictionary of the Amur and Primorye regions with the inclusion of some points of neighboring countries]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i K.
33. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund 2. List 7(61). File 799. (In Russian).
34. State Archive of the Amur Oblast (GAAO). Fund 30-i. List 1. File 16. (In Russian).
35. Adamenko, N.G. (2004) *Istoričeskie stranitsy sela Andreevki* [Historical pages of the village Andreevka]. In: Pervushin, V.G. (ed.) *Stranitsy nashey istorii. K 140-letiyu s. Ivanovki i 80-letiyu Ivanovskogo rayona* [Pages of our history. To the 140th anniversary of v. Ivanovka and the 80th anniversary of the Ivanovo district]. Blagoveshchensk.
36. Russian State Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 5. File 27. (In Russian).
37. Blagoveshchenskoe utro. (1916) *Itogi sel'skokhozyaystvennoy perepisi v Amurskoy oblasti* [Results of the agricultural census in the Amur Oblast]. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskoe utro.
38. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1893) *Statistika Rossiyskoy imperii* [Statistics of the Russian Empire]. Vol. XXVII:2. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
39. Litvinsev, K. (1887) *Amurskie sektyanty: molokane i dukhobory. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Amur sectarians: the Molokans and the Dukhobors. Historical and ethnographic essay]. *Khrisianskoe chtenie*. 11–12. pp. 549–567.
40. Tolstoy, L.N. (1984) *Sobranie sochineny: v 22 t.* [Works: in 22 vols]. Vol. 19. Moscow: Khud. lit. pp. 418–423.
41. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund 2. List 7(61). File 410. (In Russian).
42. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund 2. List 7(61). File 417. (In Russian).
43. Pinigin, V.V. (1978) *Lyubyashchiy Vas Lev Tolstoy* [Loving you, Leo Tolstoy]. Yakutsk: Yakut. knizh. izd-vo.
44. Grigor'eva, L.M. (2015) *Doktor Prokopy Nesterovich Sokol'nikov: fotografii, dokumenty, vospominaniya, stat'i* [Dr. Prokopy Nesterovich Sokolnikov: photographs, documents, memoirs, articles]. Yakutsk: Bichik.
45. Kholkina, T.A. & Chayun, L.A. (2006) *Arkhitekturnoe nasledie Blagoveshchensk* [Architectural heritage of Blagoveshchensk]. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka.
46. Dukhovskiy. (1895) *Vsepoddaneishiy otchet Priamurskogo general-gubernatora general-leytenanta Dukhovskogo. 1893, 1894 i 1895 gody* [The humble report of the Amur Governor-General Lieutenant-General Dukhovsky. 1893, 1894 and 1895]. St. Petersburg: Tipografiya Yu.N. Erlikh, Sadovaya, 9.
47. Blagoveshchensk. (1915) *Prilozhenie k vsepoddaneishemu otchetu voennogo gubernatora Amurskoy oblasti za 1912–1913 gg.* [Supplement to the humble report of the military governor of the Amur Oblast for 1912–1913]. Blagoveshchensk: Tipolitografiya "Blagoveshchensk" torgovogo doma I.Ya. Churin i K.
48. Bakaev, Yu.N. (2002) *Vlast' i religiya: istoriya otnosheniy (1917–1941)* [Power and religion: the history of relations (1917–1941)]. Khabarovsk: Khabarovsk State Technical University.
49. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund K-I. List 3(24). File 1. *Protokoly 1-go Amurskogo gubernskogo s"ezda dukhovnykh khristian molokan, sostoyavshegosya 3–8 dekabrya 1922 g.* [Protocols of the 1st Amur Provincial Congress of spiritual Molokans, held on December 3–8, 1922].
50. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund K-I. List 3(24). File 2. *Protokol 4-go Amurskogo okruzhnogo s"ezda dukhovnykh khristian molokan, sostoyavshegosya v g. Blagoveshchenske 11–12 fevralya 1927 g.* [Protocol of the 4th Amur District Congress of Spiritual Molokans, held in Blagoveshchensk on February 11–12, 1927].
51. State Archive of Khabarovsk Krai. Fund P-2. List 2. File 168. (In Russian).
52. Chastnaya kollektiya. (2001) *Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 8 aprelya 1929 g. "O religioznykh ob"edineniyakh"* [Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 8, 1929 "On Religious Associations"]. In: *Religiya i vlast' na Dal'nem Vostoke Rossii. Sbornik dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva Khabarovskogo kraya* [Religion and Power in the Far East of Russia. Collection of documents of the State Archive of Khabarovsk Krai]. Khabarovsk: Chastnaya kollektiya.

Received: 21 March 2017

СОСТАВ КОЛЛЕГИЙ УЕЗДНЫХ И ОКРУЖНЫХ СУДОВ В ТОБОЛЬСКОЙ И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИЯХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Управление кадрами государственной гражданской службы в областях Сибири являлось особым направлением деятельности царского правительства. В статье использованы комплексы документов 1814 и 1825 гг., позволяющие оценить последствия «административной» реформы, осуществленной в 1822 г., а также проанализированы изменения в кадровом составе уездных и окружных судов Тобольской и Томской губерний в первой четверти XIX в., итоги развития региональной группы дреформенной судебной бюрократии.

Ключевые слова: Российская империя; государственная кадровая политика; формулярные списки; судебные чиновники.

Региональный аспект проблемы возникновения, становления и развития имперской российской бюрократии превратился в самостоятельное направление историко-социологических исследований [1–5]. Объективная оценка принципов и результатов реализации государственной кадровой политики требует постоянного расширения круга источников. Неотъемлемой частью государственного аппарата Российской империи являлись должностные лица, занятые осуществлением правосудия. Обращение автора к анализу документов учёта кадров – формулярных списков – судебской группы чиновников составляет новизну данного исследования. Важно отметить, что управление кадрами государственной гражданской службы в областях Сибири являлось особым направлением деятельности царского правительства [6. С. 42–47; 7. С. 84–90]. В статье использованы комплексы документов 1814 и 1825 гг., позволяющие дополнительно оценить последствия «административной» реформы, осуществленной на территории азиатской части России в 1822 г.

Итак, в 1814 г. из 32 должностей дворянских заседателей уездных судов в Тобольской и Томской губерниях вакантной оказалась одна: коллежский асессор Г. Борисов, получивший назначение в августе 1813 г., не явился к месту службы в Тобольский уездный суд из-за болезни. В собрании формулярных списков отсутствуют документы Бийского уездного суда.

15 чиновников начали карьеру на военной службе, 3 являлись ветеранами войн. В число последних входили титулярный советник И.Н. Колосов – участник штурмов Очакова и Измаила, взятия Варшавы и Итальянского похода Суворова. Троє проходили службу на должностях писца в Военной коллегии (1789–1798 гг.), генерального писаря в Тобольской обер-кригс-комиссариатской комиссии и других должностях комиссариатского ведомства (1789–1810 гг.), а также писаря при обер-аудиторе и аудиторов (1787–1809 гг.). Четыре офицера были назначены членами коллегий уездных судов после их увольнения из армии. Из них минимальный срок оставался в должности бывший комиссариатский чиновник коллежский секретарь М.Ф. Карпов, отправленный в феврале 1811 г. для осуществления правосудия в Березов – один из наименее населённых уездных центров Тобольской губернии. Остальные офицеры исполняли обязанности членов коллегий уездных судов 6 (бывший делопроизводитель Военной коллегии), 10, 11

(И.Н. Колосов) и 30 лет. Из числа тех, кто прошёл низшие по классу должности государственной гражданской службы, 2 исполняли обязанности уездных стряпчих. К бывшим военнослужащим примыкал губернский секретарь М.В. Усов, представитель местного сословия «сибирских» дворян, с 1776 г. занимавшийся приёмом ясака («казенной мягкой рухляди») в Березовском уезде, с 1782 г. – уездный стряпчий, с 1784 г. – дворянский заседатель и частный комиссар нижних земских судов. На должностях государственной гражданской службы в органах губернского или центрального управления ранее в разное время работали 11 дворянских заседателей, включая 3 из отставных офицеров. Из 15 лиц, изначально совершивших статскую карьеру, 10 имели опыт судебно-канцелярской работы: в двух случаях 2–3 года и более 6 лет, в четырех случаях – 10–14 лет и в двух – более 24, из которых четыре возглавляли канцелярии судов, титулярный советник Ф.И. Булатов – уездного суда (с марта 1798 г.) и уголовной палаты (с июля 1810 г. по декабрь 1812 г.).

Минимальный судебский стаж – девять месяцев – был у заседателя Тюменского уездного суда коллежского секретаря М.Д. Волкова, с 1799 г. – канцелярского работника уездного, затем нижнего земского суда, в 1803 – марте 1814 г. – губернского правления. Один год и восемь месяцев продолжалась деятельность по осуществлению правосудия заседателя Ишимского уездного суда губернского секретаря Я.И. Старцова, в 1803–1812 гг. – работника Сибирского почтамта. Ещё в восьми случаях её срок составил 2–3 года, в пяти – 4–5 лет, в четырёх – 6–7 лет, в девяти – от 8 до 11 лет, в двух – 14–15 и 30 лет. К числу лиц с восьмилетним стажем относились оба дворянских заседателя Томского уездного суда с мая 1807 г. и октября 1806 г. титулярные советники И.О. Щербиков и И.С. Аврамов. Первый в 1783–1796 гг. находился в штате Томских нижней и верхней расправ, затем работал в уездном казначействе и казённой палате, в сентябре 1804 г. – январе 1807 г. писцом при губернском прокуроре и был назначен на должность дворянского заседателя Нарымского уездного суда. Второй начал службу в Томской воеводской канцелярии в 1768 г., продолжал её в 1782–1796 гг. в штате верхней расправы, с 1797 г. – в канцелярии уездного суда.

С октября 1805 г. оставался на должности члена коллегии Туруханского уездного суда титулярный

советник В.Д. Жданов, после отставки в 1784 г. служивший винным приставом, в сентябре 1799 г. – июне 1804 г. – дворянским заседателем Туинского уездного суда, с апреля 1814 г. – на должности члена коллегии Ялуторовского уездного суда коллежский асессор А.П. Решоткин, в июне 1783 г. – августе 1786 г. – секретарь канцелярии нижней расправы, затем капитан-исправник и асессор казённой палаты, в августе 1797 г. – июне 1806 г. и с мая 1807 г. – заседатель уездных судов, в августе 1808 г. – июне 1812 г. – уездный судья. Максимальный опыт деятельности по осуществлению правосудия принадлежал заседателю Туинского уездного суда с июня 1806 г. надворному советнику Н.С. Челюскину после увольнения из армии в чине поручика, посвятившего себя делу юстиции: с октября 1784 г. – на должности члена коллегии Колыванского нижнего надворного суда, с февраля 1800 г. и с февраля 1805 г. – дворянского заседателя и судьи Тюменского уездного суда. Средняя продолжительность участия в осуществлении правосудия дворянских заседателей уездных судов в губерниях Западной Сибири превысила 7,5 и 6,5 лет.

Из 15 лиц, замещавших должности уездных судей (должность председателя Туруханского уездного суда оказалась вакантной), девять ранее уволились из армии, из них четыре являлись ветеранами боевых действий, в частности кайнский судья надворный советник И.Ф. Салтанов – участником Семилетней, русско-турецких, Русско-шведской войн. Ещё два чиновника начали карьеру с должностей казака и сына боярского. Судья Омского уездного суда коллежский асессор Д.И. Чемесов, проходивший службу на должностях адъютантов, привлекался к исполнению обязанностей аудитора в деле о хищении крупной суммы казённых денег (10 310 рублей). Семь отставных офицеров до назначения в суды получили опыт работы на иных должностях государственной гражданской службы, четыре исполняли обязанности уездного и губернских стряпчих. Из четырех лиц, совершивших исключительно статскую карьеру, два были заняты в судебном делопроизводстве в продолжение 1 года 8 месяцев (в уголовном департаменте палаты суда и расправы) и более 20 лет, третий являлся бывшим секретарём духовной консистории, четвёртый перешёл на должности в органы уездной администрации из штата губернского правления.

Минимальный опыт осуществления правосудия – 1 год 1 месяц и 1 год 9 месяцев – принадлежал судьям Енисейского и Тарского уездных судов, коллежскому асессору А.И. (?), бывшему судебному делопроизводителю, канцелярскому работнику губернских канцелярий и Инспекторского департамента Военного министерства и надворному советнику Х.П. Борисову, служившему после отставки из армии на должностях заседателя нижнего земского суда, частного комиссара, капитана-исправника. Ещё четыре чиновника продолжали судебную деятельность 5–7 лет и четыре – 8–9 лет. Стаж судьи Тюменского уездного суда с августа 1811 г. титулярного советника В.А. Воронова, начавшего службу в 1778 г. в Тюменской воеводской канцелярии, продолжавшего её с 1782 г. в надворном суде, с 1786 г. – в гражданской палате на должности

крепостного надсмотрщика, с ноября 1788 г. – на должности протоколиста, с мая 1791 г. – секретаря, с марта 1803 г. – уездного судьи, с марта 1807 г. – асессора уголовной палаты, составил 12 лет 10 месяцев. По 15 лет осуществляли правосудие судьи Курганского и Ялуторовского уездных судов с декабря и января 1803 г. надворные советники А.И. Черкасов, бывший капитан-исправник и заседатель уездного суда, и Ф.М. Епанкин, после отставки из армии замещавший в январе 1790 г. – феврале 1793 г. должность советника в надворном суде, принимавший участие в работе уголовной и гражданской палат, верхней расправы, затем городничего. Максимальный судейский стаж принадлежал судье Кузнецкого уездного суда коллежскому советнику С.Г. Горбунову, бывшему рекрутому, назначенному после отставки из армии асессором в уголовный департамент Колыванской области, аналог уголовной палаты, , в мае 1797 г. уездным судьёй. В 1814 г. средняя продолжительность осуществления правосудия судей уездных судов в Тобольской и Томской губерниях превысила 10,5 лет.

К юридической ответственности в продолжение службы привлекались шесть заседателей и четыре судьи, однако четыре чиновника от неё освобождались. Судья И.Ф. Салтанов в 1795 г. обвинялся в допущении нарушений в делопроизводстве казённой палаты. Заседатель Тобольского уездного суда Ф.И. Булатов в бытность его секретарём Тюменского уездного суда подозревался в получении взятки деньгами на сумму 5 рублей и лисьей шкурой, оценённой в 6 рублей, вернул истцу мурзе Тюлякову 10 рублей. Суд не выявил в его действиях признаков состава преступления. Судья Ф.М. Епанкин в период работы городничим не был осуждён по делу о злоупотреблении властью («о взятии от заключавшихся преступников 5 рублей и о делании при допросах истезаний»). Ещё в двух случаях чиновников от ответственности освободили царские манифести: заседателя В.Д. Жданова за выявленные недоимки по винному налогу и судью Ф.М. Епанкина за оскорбление коллежского регистратора.

Взыскание от начальства («выговор с подтверждением») за ненадлежащее исполнение обязанностей («упущение медленность и беспорядки по многим делам») получили все члены коллегии Курганского уездного суда. Административному наказанию подвергался заседатель Тарского уездного суда титулярный советник П.Е. Чернавский за оскорбление и нанесение побоев («обиду и битье мещанской жены») в виде содержания под стражей в течение месяца, получивший также предупреждение («строжайшее подтверждение») за применение насилия («якобы пристрастных допросов») к лицам, обвинявшимся в совершении тяжкого преступления («смертоубийцам»).

Только 2 чиновника из 46 были наказаны по решению суда: штрафованию на сумму 20 и 25 рублей подверглись судья Тобольского уездного суда надворный советник С.А. Пырьев и заседатель Туинского уездного суда губернский секретарь П.Я. Забелин: первый в бытность секретарём духовной консистории за пропажу некоего церковного

имущества, второй в период работы соляным приставом за внесение исправлений в документы финансовой отчётности (*«точинки и поправки в шнуровых книгах»*). Наконец, под следствием за ненадлежащее исполнение обязанностей (*«разные по делам беспорядки и упущения»*) находились заседатель и судья Ялуторовского уездного суда, а также по обвинению в получении взятки в размере 10 рублей заседатель Нарымского уездного суда коллежский секретарь А.И. Васильев.

Ранги дворянских заседателей и судей уездных судов, служивших на территории азиатской части России, закономерно оказывались престижнее рангов коллег, работавших в областях Приуралья [8]. В 1814 г. среди членов коллегий уездных судов в Тобольской и Томской губерниях пять носили чины XIV–XII классов и пять – X, четырнадцать – IX, четыре – VIII и три – VII, среди председателей: двое – IX, пять – VIII, шесть – VII и двое – VI классов. Средний возраст дворянских заседателей уездных судов в Тобольской и Томской губерниях составил 47 и 52 года, от 40 и моложе было семь лиц, пять из них – в Тобольской губернии. Средний возраст судей составил 50 и 52 года, моложе 40 лет были трое.

Происхождение государственных гражданских служащих, работавших в областях за Уралом, оставалось разнородным. Из числа заседателей девять являлись наследственными гражданскими служащими, восемь – потомственными дворянами, из которых четверо – представителями местной группы сословия, ещё восемь – нижних воинских чинов, четверо – личных дворян и по одному – сыновьями мастерового и разnochинца. Из 15 уездных судей девять назывались потомственными дворянами, из которых двое местными – «военными», по двое происходили из семей нижних воинских чинов и обер-офицеров и по одному казаку и духовному лицу [9].

В 1822–1825 гг. состав коллегий судов первого звена в Тобольской и Томской губерниях обновился в связи с судебно-административной реформой. В 1825 г. среди 18 заседателей окружных судов в Тобольской губернии числились шесть офицеров в отставке, пять из которых являлись ветеранами боевых действий, участниками русско-турецких и Русско-шведской войн, Отечественной войны и Заграничного похода русской армии, заседатель Ялуторовского окружного суда коллежский советник И.Д. Самарин – военных действий против пугачёвцев (*«во время внутренняго замешательства»*) на территории Тобольской и Оренбургской губерний. Отставные офицеры ранее от 5 до 29 лет работали на иных должностях государственной гражданской службы.

Следует обратить внимание на то, что 11 из 12 заседателей окружных судов Тобольской губернии, изначально совершивших статскую карьеру, в разное время прошли стажировку в органах губернской или высшей администрации, четверо перешли в должности из штата губернских органов, ещё один службу начал при губернском прокуроре; при этом четверо обладали опытом судебного делопроизводства от 2 лет 4 месяцев до 10 лет 11 месяцев. С солдатской должности началась карьера заседателя Ишимского

окружного суда титулярного советника В.Д. Демина, уже в следующем году принятого в штат губернского правления, затем работавшего писцом при прокуроре, позднее частным комиссаром, в 1816–1823 гг. – в канцелярии уголовной палаты, где его премировали за добросовестный труд в сумме двойного жалованья. Ещё пять чиновников ранее возглавляли канцелярии нижних земских судов, 1 – канцелярию духовной консистории и один длительное время работал уездным стряпчим.

С августа 1825 г. в должности члена коллегии Курганского окружного суда находился титулярный советник И.А. Анисимов, бывший судебно-канцелярский работник (в 1808–1814 гг.) и секретарь нижних земских судов, с марта 1825 г. в должности члена коллегии Ялуторовского окружного суда – капитан И.И. Тетеревкин, бывший частный комиссар и заседатель нижнего земского суда, с января 1825 г. члена коллегии Туринского окружного суда коллежский секретарь С.Л. Бакулев, бывший канцелярский работник уездного казначейства и казённой палаты, с июня 1818 г. уездный стряпчий. В двух случаях чиновники были заняты в осуществлении правосудия менее 2 лет, среди них заседатель Тюкалинского окружного суда губернский секретарь М.А. Беляев, участник крупнейших сражений с войсками наполеоновской Франции в период 1805–1813 гг., обладатель знаков отличия Военного ордена святого Георгия и ордена святой Анны за 20 лет добросовестной службы, в 1816–1823 гг. – смотритель Тобольского работного дома. В шести случаях судебная деятельность продолжалась 2–3 года. В частности, заседатель Тарского окружного суда коллежский асессор А.И. Белянин службу начал в аппарате Военного министерства, где поощрялся премией в размере 400 рублей, орденом Анны 3-й степени; чин VIII класса получил в связи с командировкой на восток (*«за поездку в Сибирь»*).

Более 5 лет насчитывал судейский стаж заседателей Тобольского и Ялуторовского окружных судов титулярного советника А.А. Резанова, бывшего чиновника казённой палаты, отмечавшего в послужном списке свою добросовестность (*«был при размене нового тиснения ассигнаций на старые которых перешло через его руки до 700 тысяч рублей»*) и частного комиссара, а также коллежского советника И.Д. Самарина, более 9 лет – заседателей Тюменского и Березовского окружных судов титулярного советника Д.П. Смирнова, бывшего канцелярского работника наместнического, затем губернского правления, с 1807 г. – секретаря нижнего земского суда, в мае 1808 г. – январе 1811 г. секретаря уголовной палаты, позднее трудившегося на административно-полицейских должностях, и коллежского асессора Н.Г. Маламахова, ветерана Русско-турецкой войны, после отставки из армии работавшего в штате тобольской полиции, затем на должностях капитана-исправника и смотрителя учреждений приказа общественного призрения. Более 11 лет осуществляли правосудие заседатели Туринского и Ишимского окружных судов надворный советник В.Е. Емаметев, бывший делопроизводитель Главной полиции и Святейшего Синода, секретарь духовной консистории, и коллежский асессор

В.Е. Красин, являвшийся одним из первых выпускников Санкт-Петербургской учительской семинарии, бывший учитель («рисовального искусства») главного народного училища в Колывани, чиновник канцелярии Комиссии об учреждении училищ, с 1804 г. – судья Красноярского уездного суда, в 1807–1817 гг. – городничий. Наконец, с июня 1812 г. на должности члена коллегии Тарского окружного суда оставался ранее упоминавшийся В.И. Семёнов, уже надворный советник. Средняя продолжительность осуществления правосудия заседателей окружных судов в Тобольской губернии составила около 5 лет.

Из 13 заседателей уездных судов в Томской губернии 10 ранее находились в штате канцелярий органов центрального или губернского управления, пятеро из них были назначены на новые должности, ещё пятеро получили основательный опыт судебного делопроизводства. Минимальный опыт участия в осуществлении правосудия принадлежал заседателю Кузнецкого окружного суда губернскому секретарю Ф.Л. Шебалину, бывшему канцелярскому работнику губернского правления, губернской канцелярии, затем квартального надзирателя, заседателя нижнего земского суда, в декабре 1824 г. включённого в штат уездного суда, в июне 1825 г. – в состав коллегии. Ещё девять чиновников были заняты в судопроизводстве 1–3 года, двое – 4 и 6,5 лет. Среди них следует отметить заседателей Барнаульского и Томского окружных судов губернских секретарей С.Ф. Куртупова и П.И. Беляева. Первый начал службу на должности копииста уездного суда в сентябре 1810 г., в ноябре 1815 г. возглавил стол в губернском правлении, в феврале 1818 г. – канцелярию уездного суда, с марта 1824 г. – заседатель нижнего земского суда, с августа того же года – член коллегии окружного суда. Второй в период с сентября 1785 г. по июнь 1797 г. работал на канцелярских должностях в Томской верхней расправе, затем уездного суда, где исполнял обязанности секретаря, в мае 1801 г. – июне 1804 г. – секретарём Томского нижнего земского суда, с июля 1805 г. – в штате совместного суда, с августа 1806 г. – секретарём в Туруханском уездном суде, с января 1811 г. – секретарём в Нарымской ратуше, с мая 1818 г. – в штате городнического правления, с февраля 1823 г. – судебным заседателем.

Исключением среди заседателей в Томской губернии стал надворный советник А.П. Крапцов, после обучения в Коллегии иностранных дел продолжавший работать в её штате на должностях актуариуса – регистратора входящей и исходящей документации, и переводчика, затем в штате Берг-коллегии, с августа 1804 г. – в канцелярии Томского гражданского и уголовного суда, с декабря 1810 г. – в должности члена коллегии Кузнецкого уездного суда. Средняя продолжительность осуществления правосудия заседателей окружных судов в Томской губернии в 1825 г. составила более 3 лет.

В Тарском окружном суде оказалась вакантной одна должность из трех, в Тюменском – две из трех. В Тобольском окружном суде, в составе коллегии которого предусматривалось два заседателя, была указана третья должность как вакантная, в то же время в Ка-

инском суде, работавшем в округе, отнесённом к числу многолюдных, коллегия включала двух заседателей, необходимость в замещении третьей должности, напротив, не была указана. В собрании формулярных списков не были выявлены документы Омской области.

Среди чиновников, замещавших должности окружных судей в Тобольской и Томской губерниях, восемь уволились из вооружённых сил, включая трех лиц, находившихся в частях действующей армии, обладателей государственных наград. Так, судья Тюкалинского окружного суда надворный советник князь В.В. Мещерский принял участие в присоединении шведской части Финляндии, занятия Аланских островов, судья Тюменского окружного суда коллежский асессор П.Ф. Жилин – в боевых операциях на Балтийском и Средиземном морях, в Италии и Молдавии. Непосредственно после отставки из армии на судейские должности были назначены П.Ф. Жилин, начавший, тем не менее, службу в канцелярии с должности копииста (1779–1788 гг.), а также судья Каинского окружного суда коллежский асессор М.С. Коршунов, ранее упомянутый как заседатель того же суда с 1804 г. Остальные офицеры до замещения должностей членов коллегий или председателей судов отработали на иных должностях государственной гражданской службы от 3–4 лет и более. Вышеупомянутый Х.П. Борисов, судья Тарского уездного суда с 1813 г., в 1795–1796 гг. исполнял обязанности стряпчего в губернском магистрате. Нехватка кадров в областях за Уралом, их в целом невысокий деловой уровень побуждали органы губернской администрации акцентировать внимание при отборе лиц для замещения должностей главным образом на качестве их карьеры и законопослушности. Из семи чиновников, изначально совершивших статскую карьеру, шесть в разное время работали в штатах канцелярий органов губернского или центрального управления, пять имели опыт работы на судебно-канцелярских должностях.

Опыт судопроизводства четырех судей составлял 1–2 года, пяти – 3–4, остальных – более 5, 8, 9, 12, 14 лет и 21 года. Об усилиях органов губернской администрации по подбору и отбору кадров, в частности, свидетельствуют формулярные списки лиц, назначенных судьями в Тобольск, Барнаул, Колывань и Чарыш. Судом в Тобольске с апреля 1825 г. руководил титулярный советник И.Т. Загвостин, прослуживший в межевом ведомстве от копииста до прокурора межевой конторы, с апреля 1824 г. – смотритель Тобольского ремесленного дома, с июля того же года – заседатель Тобольского уездного суда. С марта 1824 г. суды в Барнауле и Колывани возглавляли губернский секретарь И.С. Берестов, наиболее молодой из окружных судей (28 лет), бывший канцелярский работник уездного суда (в марте 1808 г. – апреле 1809 г.), затем частного комиссарства, губернского правления, смотритель хлебного запасного магазина, с июля 1823 г. столоначальник в канцелярии Главного совета Западной Сибири, и титулярный советник Д.А. Никитин, бывший чиновник Камер-конторы, Санкт-Петербургской палаты суда и справы, Санкт-Петербургского и Томского губернских правлений,

секретарь нижнего земского суда, частный пристав, работник канцелярии горного начальства. В Чарыше с января 1824 г. обязанности судьи исполнял титулярный советник П.М. Соколов, бывший канцелярист уездного суда (в июне 1804 г. – августе 1810 г.), затем столоначальник губернского правления, поселенческий смотритель и капитан-исправник. С 1811 г. продолжалась судебная деятельность в Березове титулярного советника М.Ф. Карпова, с марта 1816 г. – на должности судьи. Максимальный судейский стаж принадлежал судье Каинского окружного суда М.С. Коршунову. Средняя продолжительность участия в осуществлении правосудия окружных судей в Тобольской губернии составила около 7 лет, в Томской – 6 лет.

О качестве судейских кадров в Западной Сибири дополнительно позволяют судить сведения о привлечении чиновников к юридической ответственности: наказания в продолжение службы налагались на пяти-рых заседателей и трех судей. Судья Томского окружного суда губернский секретарь Н.П. Гладков имел записи о взыскании с работников уездного казначейства утраченных денежных средств, а также выговоре, полученном за неправомерное наказание, назначенное им как частным комиссаром мещанину, заседатель Ишимского окружного суда В.Е. Красин – о взыскании, назначенному ему как городничему за нехватку соли в государственных запасных магазинах (*«по случаю происшедшего упущения по управлению в тюменской городнической должности и по недостатку в большом количестве в казенных магазинах соли»*).

Четыре чиновника штрафовались, три смещались с должностей, один дважды увольнялся с государственной службы. Туинский судья А.П. Полкопин был оштрафован дважды за злоупотребление властью городничего: неправомерное заключение мещанина под стражу и причинение физического или морально-го вреда «гражданам» – *«притеснения»*, заседатель Березовского окружного суда коллежский асессор Н.Г. Маламахов, ветеран Русско-турецкой войны, бывший городничий – четыре раза: за нанесение побоев дворовому человеку, причинение вреда здоровью подозреваемой – *«истязания»*, причинение физического или морального вреда крестьянам при осуществлении предварительного расследования по делу о кормчестве, а также с иными чиновниками за разрешение незаконной торговли в округе. Титулярный советник Н.И. Щетинин подвергся наказанию за превышение власти в качестве судьи Кузнецкого окружного суда (*«за присвоение непринадлежащей власти по збору ясака и за личность по делам службы навлекший сколько затруднений начальству зделан ему строгий выговор а взнесенные им деньги в числе употребленных на прогоны по сему исследованию оставлены в казне и сверх того штрафован третным жалованьем по окладу окружного судьи»*).

Заседатель Тобольского окружного суда Г.А. Каргопольцов, участник крупнейших сражений Отечественной войны, в 1822 г. был уволен с должности городничего в Ишиме по предложению генерал-губернатора М.М. Сперанского, в качестве окружного судьи выплатил 10 рублей в пользу истицы, обвинив-

шего его в оскорблении. Заседатель Томского окружного суда П.И. Беляев был уволен с должности секретаря Нарымской ратуши с переводом в Енисейское городническое правление за ненадлежащее исполнение должностных обязанностей (*«нерадение к должности и упущения по службе в деле казенного интереса»*). Заседатель Барнаульского окружного суда (с марта 1824 г.) губернский секретарь Е.С. Ефтугин покинул государственную службу в декабре 1817 г. после смещения с должности в городническом правлении за совершение неких правонарушений (*«неприличные поступки»*).

Наконец, вышеупомянутый И.Д. Самарин, солдатский сын, к 1799 г. – подполковник, 13 апреля 1800 г. был уволен из армии после 36 лет службы с лишением чинов, вновь восстановлен в правах 13 марта 1801 г. и назначен городничим в Туинск, где был обвинён в правонарушениях – *«обидах и притеснениях»*, солдатами и казаками местных команд, и по решению уголовной палаты уволен с государственной гражданской службы. В марте 1820 г. с разрешения генерал-губернатора Западной Сибири заместил должность заседателя в Ялуторовском окружном суде в возрасте 67 лет.

После пересмотра состава местных государственных гражданских служащих в 1822 г. табельные чины заседателей и судей понизились. Тем не менее сибирские чиновники традиционно превосходили в рангах уральских: в обер-офицерских числились 22 члена коллегии (шесть губернских и семь коллежских секретарей, девять титулярных советников) и девять председателей (три губернских секретаря и шесть титулярных советников), в штаб-офицерских – девять членов коллегий (пять коллежских асессоров и четыре надворных советника) и шесть председателей (по два коллежских асессора, надворных и коллежских советников).

Ради успешного продолжения карьеры в Сибирь ехали как столичные, так и местные *«титулярные советники»*. Так, Ф.А. Шамонин с 1810 г. проходил службу в Оренбургской губернии: в штате губернской канцелярии, удельной конторе, уездным стряпчим, достигнув в 1825 г. чина IX класса. С ноября 1828 г. по апрель 1833 г. Ф.А. Шамонин служил в Тобольске и Таре, перед отъездом – на должности судьи, за *«поездку»* в Сибирь был произведен в чин VIII класса и в 1833 г. переведён на должность судьи в Челябинск [10]. Схожим образом Н.И. Гарбовский, с 1812 г. судья Троицкого уездного суда, в 1817 г. был командирован с повышением в чине в должность асессора Тобольской уголовной палаты. В 1820-х гг. Н.И. Гарбовский вновь служил в Оренбургской губернии – на должностях стряпчего уголовных дел и прокурора [11].

В 1825 г. средний возраст заседателей в Тобольской губернии составил 45 лет (моложе 40 лет были 9 лиц из 18), в Томской губернии – 39 (моложе 40 лет были 9 лиц из 13), окружных судей – 46 лет. Среди заседателей числились 11 наследственных гражданских служащих, пять потомственных дворян, включая *«военного»*, пять обер-офицерских детей, три выходца из духовного сословия и три сына нижних воинских чинов, два мещанина и два разночинца, среди судей –

шесть обер-офицерских детей, три потомственных дворянина, включая князя, штаб-офицерского сына и «всеннего дворянину», три наследственных гражданских служащих, два сына низких воинских чинов и один разночинец [9].

Таким образом, органам, отвечавшим за управление кадрами государственной гражданской службы на территории Западной Сибири, удавалось поддерживать квалифицированный состав лиц, занятых осуществлением правосудия. Опыт предварительной службы чиновников оставался объективно разнопрофильным, однако назначения на должности преимущественно получали обладатели положительных характеристик от начальства.

Удельный вес отставных офицеров неуклонно сокращался (16 заседателей из 31 в 1814 г. и 7 из 31 в 1825 г., 11 судей из 15 в 1814 г. и 8 из 15 в 1825 г.), до получения назначений на должности в суды бывшие военнослужащие приобретали основательные навыки работы на иных должностях государственной гражданской службы. В то же время среди чиновников, изначально совершивших статскую карьеру, стабильно присутствовали лица с опытом судебно-канцелярской деятельности: 10 из 15 заседателей (66,6%) и двое из четырех судей в 1814 г.; 9 из 25 заседателей (36%) и пять из семи судей (71,4%) в 1825 г. Выглядит закономерным тот факт, что 84% членов коллегий и 85,7% председателей окружных судов в Тобольской и Томской губерниях в 1825 г. из числа изначально государственных гражданских служащих в разное

время находились в штатах органов губернского, или центрального, управления. После обновления состава чиновников в ходе судебно-административной реформы их средний стаж деятельности в сфере осуществления правосудия снизился относительно 1814 г. среди заседателей с 7 до 5 и 3 лет, среди судей – с 10 до 7 и 6 лет. Согласно документам учёта кадров уровень правонарушений в среде должностных лиц, занятых в судопроизводстве, формально был далёк от критического значения, угрожавшего разрушением системе правосудия.

В соответствии с действовавшим законодательством лица, служившие на территории Сибири, пользовались льготами при производстве в очередной чин. В 1814 и 1825 гг. чины только пять и шесть заседателей соответственно строго не соответствовали классу занимаемых должностей (были ниже X). Среди судей в 1825 г. оказались три губернских секретаря, в то же время четыре из них носили чины, превосходившие классом их должность. Средний возраст как заседателей, так и судей после проведения реформы также понизился. Происхождение западносибирских чиновников оставалось разнородным. В 1810–1820-х гг. из составов коллегий судов первого звена Тобольской и Томской губерний представителей потомственных дворян, включая специфическую группу местных дворян, а также сыновей низких воинских чинов, вытесняли выходцы из семей иных категорий населения: личных дворян и наследственных гражданских служащих, духовных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубов В.Е. Основные направления кадровой политики в системе государственного управления Российской империи конца XVIII – первой половины XIX в. // Научные записки Сибирской академии государственной службы. Новосибирск, 2000. Т. II. С. 38–56.
2. Иванов В.А. Кадровый состав государственного аппарата провинциальной России в середине XIX в. и его особенности (по материалам Калужской губернии) // История государства и права. 2011. № 20. С. 33–35.
3. Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX в. (Опыт социально-политической характеристики) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 228 с.
4. Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского университета. Сер. История. № 6. С. 11–23.
5. Туманик Е.Н. Кадровый состав Томского губернского суда в середине 1830-х гг. // От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 256–278 и др.
6. Воропанов В.А. Проблемы кадровой политики в системе провинциальной государственной службы Российской империи: формирование канцелярского аппарата в Западной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Российской государственности 1150 лет: исторический опыт и вызовы современности». Челябинск, 2012. С. 42–47.
7. Воропанов В.А. Развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в. // Социум и власть. 2013. № 6. С. 84–90.
8. Воропанов В.А. Чиновный состав уездных судов на Урале: управление кадрами в ведомстве Министерства юстиции в 1800–1820-х гг. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 2 (8). С. 27–36.
9. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. Д. 94. Л. 52 об.–125; Д. 111. Л. 103 об.–280; Д. 163. Л. 9 об.–168, 187 об.–363; Д. 177. Л. 183 об.–253.
10. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–3.
11. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1040 (листы без нумерации).

Статья представлена научной редакцией «История» 20 марта 2017 г.

THE MEMBERSHIP OF DISTRICT COURTS IN TOBOLSK AND TOMSK PROVINCES IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 71–77.

DOI: 10.17223/15617793/418/9

Vitaliy A. Voropanov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Keywords: Russian Empire; personnel policy; service records (form lists); judicial officials.

The article aims to study the practice of personnel administration of the public civil service in the sphere of justice in the regions of Siberia in the first quarter of the 19th century. The article uses complexes of documents of 1814 and 1825 that also allow estimating the consequences of the “administrative” reform carried out in the territory of the Asian part of Russia in 1822. The article

presents a detailed analysis of changes in the staff composition of the county and district courts of Tobolsk and Tomsk provinces in the first quarter of the 19th century, of results of development of the regional group of prereform judicial bureaucracy. Personnel regulatory bodies of the public civil service on the territory of Western Siberia managed to support skilled justice enforcement officers. Experience of preliminary service of officials remained objectively diversified; however, positions were mainly given to the owners of positive characteristics from the authorities. The proportion of the retired officers was significantly reduced by the end of the first quarter of the 19th century. The staff of officials was updated due to the “administrative” reform carried out in Siberia in 1822. At the same time there were people who passed trainings in bodies of provincial or central management. Among judicial officials there was a stable group of people represented by persons with experience in judicial office work. After updating of the list of officials during the judicial reform their average experience of activity in the sphere of justice decreased compared with 1814 among assessors from 7 to 5 and 3 years, among judges from 10 to 7 and 6 years. The age of both assessors and judges after the reform also went down. The origin of the West Siberian officials remained diverse. In the 1810s–1820s, representatives of hereditary noblemen, including the specific group of local noblemen, and also sons of the lower military ranks were outplaced from courts of the first instance of Tobolsk and Tomsk provinces by natives of families of other categories of the population: personal noblemen and hereditary civil servants, ecclesiastics. The level of offenses among the officials occupied in legal proceedings formally was far from the critical point threatening with the destruction of the justice system. Thus, the “administrative reform” of the supreme power succeeded to create a qualified list of judicial officials in the territory of Western Siberia.

REFERENCES

1. Zubov, V.E. (2000) Osnovnye napravleniya kadrovoy politiki v sisteme gosudarstvennogo upravleniya Rossiyskoy imperii kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v. [The main directions of the personnel policy in the system of public administration of the Russian Empire at the end of the 18th – the first half of the 19th centuries]. *Nauchnye zapiski Sibirskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby*. II. pp. 38–56.
2. Ivanov, V.A. (2011) Kadrovyy sostav gosudarstvennogo apparata provintsial'noy Rossii v seredine XIX v. i ego osobennosti (po materialam Kaluzhskoy gubernii) [The staff of the state apparatus of provincial Russia in the middle of the 19th century and its features (based on the materials of Kaluga Province)]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 20. pp. 33–35.
3. Merzlyakova, L.V. (1997) *Chinovnichestvo Vyatskoy gubernii pervoy poloviny XIX v. (Opyt sotsial'no-politicheskoy kharakteristiki)* [The officials of Vyatka Province of the first half of the 19th century. (Experience of a socio-political description)]. History Cand. Diss. Izhevsk.
4. Moryakova, O.V. (n.d.) Provintsial'noe chinovnichestvo v Rossii vtoroy chetverti XIX veka: sotsial'nyy portret, byt i nrayv [Provincial officials in Russia in the second quarter of the 19th century: social portrait, way of life and customs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Istorija* 6. pp. 11–23.
5. Tumanik, E.N. (2005) Kadrovyy sostav Tomskogo gubernskogo suda v seredine 1830-kh gg. [The staff of the Tomsk provincial court in the mid-1830s]. In: Rezun, D.Ya. (ed.) *Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni: etnosotsial'nye protsessy v Sibiri XVII – nachala XX v.* [From the Middle Ages to the New Times: ethnosoocial processes in Siberia in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: ID “Sova”.
6. Voropanov, V.A. (2012) Problemy kadrovoy politiki v sisteme provintsial'noy gosudarstvennoy sluzhby Rossiyskoy imperii: formirovaniye kantselyarskogo apparata v Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [Problems of personnel policy in the system of the provincial public service of the Russian Empire: the formation of a clerical apparatus in Western Siberia at the end of the 18th – the first half of the 19th centuries]. *Rossiyskoy gosudarstvennosti 1150 let: istoricheskiy opyt i vyzovy sovremennosti* [Russian statehood is 1150: historical experience and challenges of modern times]. Proceedings of the conference. Chelyabinsk. pp. 42–47. (In Russian).
7. Voropanov, V.A. (2013) Razvitiye sistemy otbora i podgotovki kadrov gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby v Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX v. [Development of the system of selection and training of civil service personnel in the Russian Empire in the first half of the 19th century]. *Sotsium i vlast'*. 6. pp. 84–90.
8. Voropanov, V.A. (2010) Chinovnyy sostav uezdnykh sudov na Urale: upravlenie kadrami v vedomstve Ministerstva yustitsii v 1800–1820-kh gg. [The official composition of district courts in the Urals: personnel management in the Ministry of Justice in the 1800s–1820s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2010. Vyp. 2 (8). pp. 27–36.
9. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 94. Pages 52 rev.–125; File 111. Pages 103 rev.–280. (In Russian).
10. United State Archive of Chelyabinsk Oblast. Fund I-121. List 1. File 13. Pages 1–3. (In Russian).
11. National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund 1. List 1. File 1040. (In Russian).
12. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 163. Pages 9 rev.–168, 187 rev.–363; File 177. Pages 183 rev.–253. (In Russian).

Received: 20 March 2017

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ И КИТАЙ В 553–581 гг.: ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ВНЕШНЕЙ ДИПЛОМАТИИ

Рассматриваются тюрко-китайские отношения в контексте их общих торговых интересов. Основная цель тюрок и китайцев заключалась в соблюдении торгового баланса и сил в региональном аспекте, а не в уничтожении или завоевании друг друга. Во время правления Мухань кагана тюрки находились в зените своего могущества, поэтому долгое время использовали метод сдерживания китайских династий, укрепляя свои позиции в регионе. Табо каган продолжил политику предшественника, но вскоре заключил брачный союз с династией Северная Чжоу, что явилось причиной окончательного поражения Северной Ци, а также способствовало в будущем появлению в Китае империи Суй, объединившей весь северный Китай.

Ключевые слова: Тюркский каганат; древние тюрки; Центральная Азия; Северная Чжоу; Северная Ци; династия Суй; Китай.

Начальный период истории Тюркского кагана неоднократно вызывал интерес у отечественных и зарубежных исследователей [1–4]. Тюрки из небольшого племени превратились в огромную державу, контролирующую территорию от Каспийского моря на западе до залива Ляодун на востоке. Именно включение тюрок в международную торговлю и осуществление контроля над торговыми транзитами Великого шелкового пути явились одними из главных причин их консолидации, возникновения Тюркского каганата и объединения запада и востока Центральной Азии под одной политической властью. В этот же период выстраивались первые стратегии тюрко-китайских отношений и осуществлялся поиск оптимальной модели взаимодействия в регионе, представлявший огромное скопление различных племен и политических объединений, конкурирующих между собой.

В настоящей статье предпринята попытка изучения тюрко-китайских отношений через призму их общих торговых интересов, которые в полной мере можно было реализовать лишь в условиях мирной или стабильной региональной ситуации. Мирное сосуществование тюрок и китайцев приносило выгоды не только для обеих сторон, но и для всего региона в политическом и экономическом отношении. Китай и тюрки выступали залогом и гарантом стабильных отношений на территории Центральной Азии, регулировавших все внешнеполитические контакты в регионе. Это условие соблюдалось при равновесии сил между кочевниками и Китаем либо при условии определенных договоренностей между ними. При этом они представляли друг для друга устойчивый взаимовыгодный интерес на протяжении всей истории их взаимоотношений. Тюрки поставляли Китаю лошадей, играли важную посредническую роль в торговых операциях на Великом шелковом пути и сохраняли спокойную и безопасную обстановку на северных пограничных территориях, сдерживая огромное количество конкурирующих между собой племен, в любой момент готовых обрушиться на Китай. Китай представлял для тюрок многомиллионный рынок сбыта товаров с Запада и являлся источником шелка.

К сожалению, северные кочевые соседи Китая традиционно представляются агрессивными варварскими племенами, жаждущими нападения, убийства и грабежа оседлого населения с целью получения продуктов земледелия и прочих недоступных для кочев-

ников товаров вне оседлой культуры. Доминирование подобной точки зрения в историографии обусловлено, в том числе, и содержанием китайских источников, отражающих китаецентристическое мировоззрение Срединной империи и представляющих соседей Китая в качестве варварской дикой окраины. Однако традиционный подход не раскрывает всей сложности и многоаспектности тюрко-китайских отношений. Многочисленные нападения и вторжения тюрок в северные районы Китая часто являлись инструментом их военной дипломатии в отстаивании своих экономических интересов, которые могут классифицироваться как торговые войны, а не способы эксплуатации земледельцев кочевниками (согласно концепции Т. Бар菲尔да).

В то же время признание Китаем мирных и равных отношений с «варварами» на страницах официальных династийных хроник являлось нежелательным, поэтому сведения подобного характера также могут содержаться в источниках в завуалированной форме (дань, вассалитет, подарки, приемы «варварских» слов, примеры военной дипломатии и т.д.).

Китайские бюрократические термины, имена и географические названия из источников приведены в транскрипционной системе Палладия. Географические рамки исследования ограничиваются территорией современной Монголии и китайскими провинциями Шэньси, Шаньси, Ганьсу и Внутренняя Монголия.

Основные сведения по ранней истории древних тюрок содержатся в китайских династийных летописях (чжэнши) «Чжоу шу», «Бэй ши», «Суй шу» [5, 6].

В 553 г., когда Мухань (木汗可汗) возглавил Тюркский каганат, древние тюрки (туцзюэ) контролировали большую часть территории современной Монголии, подчинив племена телэ и жужаней. За последующие 20 лет, благодаря активной завоевательной политике и торговым интересам Мухань кагана, границы каганата расширились до Каспийского моря на западе и до залива Ляодун на востоке.

В источниках сохранилось описание внешнего вида тюркского завоевателя: «Он выглядел особенно – его лицо было шириной более ступни и имело очень красный цвет; глаза его блестели, как два стеклянных шара; он был силен и жесток от природы. Он ревностно занимался завоевательными походами» [5. S. 8]. (俟斤一名燕都，状貌多奇异，面广尺余，其色甚赤，眼若琉璃。性刚暴，勇于征伐。) [7. 1441页].

По сведениям Чжоу шу, Мухань, как и его предшественники, провел ряд удачных военных кампаний против жужаней, бежавших в Западную Вэй. После этого Мухань «подчинил на западе сяньда (эфталиты), на востоке – кидань, на севере – цигу (киргизы). С помощью своей силы он покорил все государства за китайской границей. Область, которая простиралась от западного берега моря Ляо (залив Лядун) на востоке до Западного моря (Каспийское море) на западе на 10 000 ли, и с севера пустыни (Гоби) на юге до Северного моря (Байкал) на севере на 5 000 или 6 000 ли – вся была ему подчинена» [5. S. 8]. (俟斤又西破獻陀，東走契丹，北并契骨，威服塞外諸國。其地東自遼海以西，西至西海萬里，南自沙漠以北，北至北海五六千里，皆屬焉。) [7. 1441–1442頁]. Бэй ши добавляет, что он «сопротивлялся Китаю и позже вместе с династией Западная Вэй напал на Северную Ци и достиг Бинчжоу (пров. Шаньдун)» [5. S. 495].

В 555 г. предводитель жужаней во главе 1 000 семей своей орды бежал в Гуаньчжун (Шэньси) (в династии Западная Вэй). Тюрки состояли в дружественных отношениях с династией Западная Вэй и к тому были уже сильны, поэтому они просили убить всех перебежчиков из-за опасений агрессии с их стороны при поддержке династии Западная Вэй в дальнейшем. Будущий император Вэнь-ди (Тай-цзу династии Северная Чжоу) взял их предводителя и его сторонников (около 3 000 человек) в плен и выдал тюркам. Они все были обезглавлены перед воротами Цинмэнь (юго-восточные ворота г. Чанъян в Шэньси). Только юноши, не достигшие 18-летнего возраста, сумели избежать кровавой резни. Они служили рабами в домах у гунов (匈奴) и принцев (сыван 翡王) в династии Западная Вэй. Несмотря на это, некоторая часть жужаней, предположительно, мигрировала на запад, и их отождествляют с появившимися в это время в Европе аварами.

Следующим этапом укрепления власти тюрков в регионе после поражения жужаней было подчинение племени туохуней [8. Р. 268–300], занимавших обширную территорию к западу от оз. Кукунор (Цинхай) и в периоды своего усиления угрожавших узкому участку торговых путей из Китая на Запад вдоль хребта Наньшань примерно от г. Ланьчжоу до г. Цзюцюань. В 554–555 гг. Мухань неожиданно атаковал туохуней и взял их в плен, о чем кратко сообщается в «Чжоу шу» [5. S. 11].

Несмотря на совместные военные удачи тюрков с династией Северная Чжоу по покорению жужаней и туохуней, еще в 554–555 гг. тюрки отправляли посланников с данью в династию Северная Ци, мобилизовавшую 1 800 000 человек для принудительной работы над строительством Великой стены от Сякоу к северу от префектуры Ючжоу до префектуры Хэнчжоу длиной более 900 ли (1 ли – примерно 500 м).

Одновременно тюрки поддерживали отношения также с династией Северная Чжоу и отправляли к ним посланников с дарами (558 г.), получая взамен ответные «подарки» от китайцев. В 560 г. император Минди династии Северная Чжоу по поводу окончания строительства беседки «Чуняньго» собрал всех титулованных особ своей династии, а также тюркских посланников в саду «Фанлиньюань» (благоухающий

лес) и подарил каждому, согласно его рангу, золото и шелк.

В 561 г. на трон взошел новый император Северной Чжоу – У-ди. В этом году Мухань трижды отправлял друг за другом посланников с подарками. Источники отмечают, что «в это время Северная Чжоу и Северная Ци соперничали между собой за расположение тюрков» [5. S. 123]. После поражения жужаней и туохуней они являлись сильнейшими кочевниками в регионе, контролировавшими торговые пути из Китая на запад, часть которых пролегала по территории Северной Чжоу. Возможно, именно по этой причине уже долгое время династия действовала совместно с тюрками в регионе и состояла с ними в брачном союзе с 551 г., так как их объединяли общие торговые маршруты.

Брачные союзы между китайцами и тюрками способствовали взаимопроникновению и сближению двух культур на уровне элит. Подобную практику кочевники и китайцы начали применять еще в древности, во времена кочевых хунну и династии Хань. Она способствовала улучшению двусторонних отношений и поэтому успешно применялась в позднее время. Свадьбы китайских принцесс с иноземцами уже во время императора Гао-цзу (206–195 гг. до н.э.) династии Хань были одним из излюбленных дипломатических ходов. В свое время император Гао-цзу династии Хань отдал в жены правителью хунну китайскую принцессу, чтобы расположить к себе варваров. Однажды советник императора Лю Цзин сказал: «Это надежда на будущее, что когда-нибудь сын, который родится у принцессы, сядет на трон варваров и будет дружить с Китаем» [Ibid. S. 165].

Первый брачный союз между тюрками и китайцами был заключен по инициативе тюрков в 551 г. Император Тай-цзу (или Вэнь-ди, Юй-вэнь Тай династии поздняя Северная Чжоу) обручил Тумынь кагана с принцессой Чанло (Вечная радость) из династии Западная Вэй в знак дружбы и установления добрососедских отношений. Это случилось сразу после того, как жужане отказались заключить брачный союз с тюрками. Позже во время правления Мухань кагана обе китайские династии – Северная Чжоу и Северная Ци – боролись за расположение тюрков и решения брачного вопроса в свою пользу. Во время императора Гун-ди (554–556) династии Западная Вэй Мухань обещал отдать свою dochь в жены императору Тай-цзу (Юйвэнь Тай) династии Северная Чжоу. Но брачный союз не состоялся, так как император умер в 556 г. После этого Мухань обещал императору Гао-цзу (У-ди, 561–577) другую dochь. Но в это время вмешалась династия Северная Ци, которая в 563 г. также отправила посольство к тюркам с предложением о свадьбе. Мухань был польщен богатым подарком и хотел нарушить обещание, данное императору Гао-цзу. После этого Гао-цзу срочно отправил к Мухань кагану посольство в составе префекта Лянчжоу Ян Цзяня, Убо (старший, руководящий офицер отрядов гвардии) Ван Цина и других, чтобы добиться свадьбы с тюрками. Когда посланники прибыли, то они наставляли Муханя в верности и исполнении долга. В конце концов, переговоры с посланником от дина-

стии Северная Ци были расторгнуты, и он принял решение о замужестве своей дочери с императором Гао-цзу. При этом Мухань обратился к императору с тем, чтобы бороться «вместе против Востока» (династии Северная Ци). Однако в биографии супруги У-ди, урожденной Ашина, сообщается о том, что тюркский каган неоднократно просил императора Гао-цзу о свадьбе с его дочерью, после чего император согласился: «Жена императора У-ди (Гао-цзу), урожденная Ашина, была дочерью Мухань кагана туцзюэ. После того как туцзюэ уничтожили жужу, они захватили всю область за китайской границей в свое владение. Они располагали более 100 000 стрелками. Они имели намерение атаковать Китай. Так как император Тай-цзу (Вэнь-ди династии Северная Чжоу) боролся с династией Северная Ци, то он задержился с туцзюэ, чтобы использовать их в качестве помощи. Вначале Мухань хотел выдать замуж одну из своих дочерей за императора Тай-цзу, но позже он медлил. Когда император Гао-цзу взошел на трон (561), то Мухань неоднократно отправлял посланников с предложением о свадьбе. Так, император согласился и взял ее в жены» [5. S. 20]. (武帝阿史那皇后，突厥木杆可汗俟斤之女。突厥灭茹茹之后，尽有塞表之地，控弦数十万，志陵中夏。太祖方与齐人争衡，结以为援。俟斤初欲以女配帝，既而悔之。高祖即位，前后累遣使要结，乃许归后于我。) [7. 235页].

Кроме этого, в биографии Ян Цзяня (杨荐) [7. 884–885页] содержится интересный эпизод, позволяющий представить внутреннюю ситуацию у тюрков накануне принятия важного решения: «В 563 г. Ян Цзянь послали к туцзюэ с предложением о брачном союзе. Дитоу каган по имени Ашина Кую был младшим братом кагана туцзюэ (Муханя) и правил на Востоке. Он был в дружественных отношениях с династией Северная Ци, поэтому убеждал своего старшего брата Муханя нарушить обещание о том, чтобы отдать одну из своих дочерей династии Северная Чжоу, а вместо этого отдать свою dochь династии Северная Ци. Мухань принял план своего брата и хотел выдать династии Северная Ци Ян Цзяня и других, пришедших к нему в качестве посланников. Ян Цзянь раскрыл намерение, поэтому он осудил его строгими и трогательными словами; при этом он слезно умолял: “Раньше у императора Тай-цзу (Северная Чжоу) с каганом были хорошие добрососедские отношения. Когда несколько тысяч человек из орды жужаней подчинились нам, император их всех выдал кагану, чтобы показать кагану свою дружбу. Почему каган сегодня игнорирует милость императора и чувство долга? Ему не стыдно перед богами и духами?”» [5. S. 513]. Мухань долго думал, и, наконец, сказал: «Не будьте, пожалуйста, такими недоверчивыми! Мы хотим сперва вместе уничтожить восточных бандитов (династии Северная Ци). После этого я отправлю свою dochь». Он приказал Ян Цзяню прежде всего возвращаться к своему императору и среди прочего сообщить ему, что он просит его выступить против Северной Ци [5. S. 26–27].

В этом же году (563) император Гао-цзу приказал гуну Суй Ян Чжуна (杨忠) во главе 10 000 человек

напасть на династию Северная Ци вместе с тюрками и подчинить их. Когда войска Ян Чжуна перешли гору Цзинлин (гора Цзюйчжушань к северо-западу от округа Даи в Шэнси), то к нему присоединился Мухань со 100 000 всадниками. Однако поход закончился неудачей для тюрков и Северной Чжоу, несмотря на довольно серьезные военные силы, противостоявшие Северной Ци. Сражение состоялось в начале 564 г. к западу от городской стены Цзиньян, во время которого, по одной из версий источника, тюрки потерпели жестокое поражение. Погибших было так много, что солдаты и животные лежали кучами на несколько сот ли. Император У Чэн-ди династии Северная Ци повелел принцу Пиньюань Дуань Шао выгнать врагов за границу, после чего он вернулся обратно. Одной из причин поражения источники называют неблагоприятные погодные условия: «В это время началась снежная буря; она длилась несколько декад, и повсюду господствовал ужасный холод. Династия Северная Ци ввела в бой лучшие силы и повела их шумно, стуча в барабаны. Туцзюэ испугались и вернулись на Западную гору, не рискуя сражаться дальше» [5. S. 25]. Цзе чжи тун цзянь дополняет: «Когда тюрки на обратном пути достигли горы Цзинлин, где все было покрыто снегом, то они обернулись ввойочные покрывала, чтобы перебраться через гору. Лошади варваров были истощены от холода, и ниже колен у них уже не было волосяного покрова. Когда тюрки достигли Великой стены, то почти все лошади погибли. Тогда они разломали свои копья на куски, чтобы использовать их, как палки, и вернуться домой» [Ibid. S. 513].

Во время боевых действий 563–564 гг. ближайшие родственники императора династии Северная Чжоу находились в плену у Северной Ци, и последняя хотела их использовать в своих целях. В 563 г. династия Северная Ци пообещала вернуть родственников, но взамен она просила династию Северная Чжоу о союзе. Союз так и не состоялся, но, несмотря на это, в 564 г. родственников отпустили.

Вскоре Мухань отправил послов и подарки в династию Северная Чжоу и снова просил императора выступить совместно против Северной Ци.

Император приказал Ян Чжуна идти во главе своих солдат в Уе, а гуну Цзинь Юйвэнь (Ху) – в Лоян (в Хэнань); обе армии должны были поддерживать туцзюэ. Но Юйвэнь (Ху) в борьбе (против династии Северная Ци) не достиг успеха, поэтому Мухань также отозвал своих солдат назад.

После походов 563–564 гг. император У-ди династии Северная Чжоу в 565 г. поручил гуну Чэн Юйвэнь Чуню, гуну Суй Юйвэнь Гую, гуну Шэнью Доу И, гуну Наньян Ян Цзяню и другим подготовить ритуальные принадлежности и дорожный шатер для будущей императрицы и прибыть с ними и прислугой из шести дворцов к шатровому двору Муханя и забрать императрицу. Всего было 120 человек. Но каган также обещал свадьбу династии Северная Ци и был в размышлениях о перемене мнения о том, чтобы отдать dochь императору У-ди. Доу И установил, что у тюрков присутствовал гонец династии Северная Ци, а сам каган и его сановники туцзюэ были в сомнениях

(вступили в заговор с династией Северная Ци). Доу И их «проучил, выступил с обличающей речью о чувстве долга по отношению к династии Северная Чжоу» [5. S. 23]. Посол из Северной Ци оказался при дворе кагана не случайно, так как в это время (565–567 гг.) Мухань каган также отправлял посольство в Северную Ци и, согласно источникам, тюрки ежегодно платили им дань.

В итоге Юйвэнь Чунь и другие посланники задержались на несколько лет при дворе кагана, но так и не смогли выполнить поручение императора: «Они напоминали кагану о чувстве долга, но он не хотел об этом слышать. Однажды началась жуткая буря, и шатры туцзюэ были разрушены. Она длилась десять дней и долго не прекращалась. Муханя охватил ужас. Он верил, что это было наказание Неба. Наконец он отправил императрицу с подарками, а также Юйвэнь Чуня и других обратно» [Ibid. S. 20].

Дневную программу и церемонию для сопровождения будущей супруги императора разрабатывал Чжао Вэньбяо. Когда императрица была уже на пути в китайскую область (переходила границу), то туцзюэ замедлили движение под предлогом, что лошади отошли. Чжао Вэньбяо испугался, что они хотят изменить свое решение о свадьбе и сказал своему гонцу по имени Ломоюань: «Уже прошло много времени с того, как императрица выехала из страны варваров. Путешествие шло через пустыню, поэтому люди и лошади уже истощены. Кроме этого враги на востоке (т. е. династия Северная Ци) постоянно ждут удобного случая для нападения. Также туюхуни являются мятежными. Мы везем любимую doch' их кагана в Великую Империю для того, чтобы выдать замуж за императора. При этом они не подумали о защите перед возможными врагами. Подобает ли это подчиненным?» Ломоюань осознал и удвоил темп марша. После нескольких дней они пришли в префектуру Ганьчжоу [Ibid. S. 23–24].

В 568 г. они прибыли в столицу. Император У-ди вышел навстречу невесте, как предписывала свадебная церемония. «Императрица выглядела очаровательно, и ее поведение было безупречно». Источники также сообщают, что «император очень уважал ее... Она умерла в 582 г. в возрасте 32 лет» [Ibid.].

Однако автор Фан Сюаньлин в «Тан гаоцзу шилу» сообщает следующее: «Император У-ди (Северная Чжоу) взял в жены doch' туцзюэ. Она выглядела безобразно и не вызывала милость императора. Позже императрица Тайму (племянница императора У-ди династии Северная Чжоу и жена будущего императора Гао-цзу Тан) уговорила императора, против его воли, успокоить и утешить свою жену» [Ibid. S. 509].

«Цзю тан шу» дополняет: «Мать императрицы Тайму, жены императора Гао-цзу, была старшей сестрой императора У-ди, принцессой Сяньян. Император У-ди любил, защищал и содержал ее во дворце. Тогда император взял в жены (императрицу Ашина). Он ее не любил. Императрица Тайму была еще юной и сказала тайно императору: “На 4 границах пока не спокойно и тюрки еще сильны, поэтому я прошу тебя, любимый дядя, подавить свои чувства и успокоить и утешить свою жену. Когда ты получишь поддержку

от тюрков, тогда в Цзянънане (южное направление) и Гуаньдуне больше не будет беды!”» [5. S. 509].

После прибытия императрицы Ашины в столицу, император лично возглавил императорскую армию на параде, который проходил южнее городской стены. Зрители из столицы с повозками и лошадьми заняли площадь в несколько десятков ли. Все послы варваров принимали участие в нем.

Последнее распоряжение Мухань кагана в источниках датируется 569 г. В этом году каган вновь отправил гонцов в династию Северная Чжоу, чтобы преподнести в дар лошадей.

Преемником Муханя стал его младший брат Табо (佗钵, 他鉢), назначивший его каганом вместо своего сына Далобяня.

О ситуации в государстве тюрков накануне правления Табо источники сообщают: «Со временем Мухань кагана государство туцзюэ становилось все могущественнее и богаче. Они намеревались опередить (обогнать) Китай. Тогда наш императорский дом был с ними в тесном союзе (брачном) и дарил им ежегодно 100 000 рулонов шелка (цзэн), шелкового крепа (суй), парчи (цинь) и цветного шелка (цай). С туцзюэ, которые находились в столице, обращались с большой предупредительностью; часто их было несколько тысяч, получавших одежду из парчи и снабжавшиеся мясом! Династия Северная Ци боялась, что они (туцзюэ) нападут на них и разорят, поэтому они опустошали свои сокровищницы и задаривали их. Табо становился все более самонадеянным. В конце концов, он собрал своих приближенных и сказал им: “Зачем мне вообще заботиться о том, что мне чего-то не будет хватать, когда оба моих “сына” на юге (имеются в виду императоры династии Северная Чжоу и Северная Ци) остаются мне почтительными и послушными?”» [Ibid. S. 13] (俟斤死，弟他鉢可汗立。自俟斤以来，其国富强，有凌轹中夏志。朝廷既与和亲，岁给缯絮锦彩十万段。突厥在京师者，又待以优礼，衣锦食肉者，常以千数。齐人惧其寇掠，亦倾府藏以给之。他鉢弥复骄傲，至乃率其徒属曰：

“但使我在南两个儿孝顺，何忧无物邪。”) [7. 1447页]. Таким образом, Табо продолжил внешнеполитический курс своего предшественника и поддерживал отношения с обеими династиями.

В 572 г. тюрки отправили посланников с данью в Северную Ци, а в 573 г. они просили их о брачном союзе, хотя в этом же году (573) Табо приказал через уполномоченных преподнести в дар лошадей династии Северная Чжоу. О том, что отношения между тюрками и Северной Ци были тесными, свидетельствует тот факт, что когда династия Северная Чжоу захватила Бинчжоу в 576 г., то император Хоу Чжу (565–577) династии Северная Ци послал Кайфу (генерала) Хэси Юнъяна к Табо кагану туцзюэ, чтобы просить о помощи. В качестве подарка для Табо кагана император Хоу Чжу приказал Лю Шицину, знающему «язык варваров четырех сторон света», перевести сутру «Нирвана» на язык туцзюэ и подарить ее Табо, так как незадолго до этого (в 574–575 гг.) Табо и некоторая часть тюрков приняли буддизм. Также он поручил Чжуншу шилану (зам. управляющего Центральной

канцелярии дворца) Ли Дэлиню написать предисловие к ней. Кроме этого, незадолго до уничтожения династии Северной Ци, в 576 г., ее император задумал ночью бежать от угрозы физической расправы со стороны династии Северная Чжоу. Ночью император в одиночку перебил караул у ворот Улун (в Цзиньяне), выбрался наружу и хотел бежать к тюркам. Генерал отрядов ведущей гвардии Мэй Шэнлан преградил путь перед лошадью императора и уговорил его воздержаться от этого, так что император повернулся и отправился в (свою столицу) Е (Аньянсянь в Хэнань).

Когда династия Северная Ци была уничтожена (577 г.), то принц Фаньян Гао Шаои (高绍义) и префект Динчжоу (Динсянь в Хэбэй) из Маи (Май находился на востоке округа Сосянь в Шаньси на восточном берегу реки Маичуань) также бежали к Табо. Позже Гао Шаои стал новым императором династии Северная Ци, Табо поддержал его и предложил отомстить вместе с ним за династию Северная Ци [7. 1448页]. О причинах этого поступка источники не сообщают. Скорее всего, Табо не хотел расставаться с тем положением вещей, которое, в общем и целом, его устраивало, когда он мог безнаказанно манипулировать двумя китайскими государствами и извлекать из этого выгоду. Теперь же, когда оставался один политический центр в лице Северной Чжоу, необходимо было выстраивать отношения на другой основе. Кроме того, источники сообщают, что Табо каган исповедовал буддизм, он даже отказался от мясной пищи, молился вокруг статуи Будды и построил монастырь. После покорения Северной Ци династия Северная Чжоу запретила буддизм, и Табо, возможно, не смог с этим смириться.

Принц Фаньян Гао Шаои был третьим сыном императора Вэнь Сюань-ди (550–559) династии Северная Ци. Табо каган считал императора Вэнь Сюань-ди (династии Северная Ци) «героическим Сыном Неба». Гао Шаои, как и его отец (император), имел двойную лодыжку, он был особенно почитаемым со стороны кагана. Подчиненные династии Северная Ци, находившиеся на Севере, все покорились Гао Шаои. Гао Баонин в Янчжоу попросил Гао Шаои в послании возложить на себя императорский титул. Наконец Гао Шаои взошел на трон и назвал 1 год годом Упин (577).

После того, как государство Северная Ци было уничтожено, при дворе тюрков некоторое время еще находились их послы. Источники сообщают, что Табо обращался с посланником при дворе тюрков Хэси Юньцзанем хуже, чем с гонцами от туюхуней. Он воспротивился и сказал: «Мой народ побежден. Как я мог сберечь свою никчемную жизнь? Я хотел бы задушить себя, но опасаюсь, что тем самым мир не узнает, что в династии Северная Ци есть подданный, который умирает из-за верности. Поэтому я прошу об ударе ножом для того, чтобы моя верность стала очевидной повсюду!» Табо похвалил его, подарил ему 70 лошадей и отпустил.

В 578 г. Табо снова побеспокоил Северную Чжоу и напал на Ючжоу (Дасинсянь в Хэбэй). Армия китайцев была побеждена, а их военачальник Лю Сюн был убит. Тогда император Гао-цзу захотел лично встать

во главе своей армии и выступить против северян, но он неожиданно умер, и запланированный поход был отменен. В эту же зиму Табо вновь напал на пограничные области, он осадил город Цзюцюань и ушел, после того как они разграбили близлежащие окрестности [5. S. 13].

Однако уже в 579 г. Табо обратился с просьбой к императору Северной Чжоу о заключении брачного союза. Император присвоил дочери (Юйвэнь) Чжао принца Чжао (седьмой сын императора Тай-цзу (Вэнь-ди, Юйвэнь Тая)) титул Цяньцзинь Гунчжу (Принцесса тысячи золотых) и обручил ее с Табо. Одновременно император приказал взять в плен Гао Шаои, который к тому времени все еще находился под покровительством Табо кагана, и доставить его к пограничному перевалу, но Табо отказался подчиниться императорскому приказу и в ответ напал на Бинчжоу (префектура Бинчжоу была тогда переименована в Тайюаньцзюнь и соответствует округу Янцойсянь в Шаньси). Спустя год, в 580 г., Табо отправил посольство, чтобы преподнести подарки и одновременно забрать принцессу Цяньцзинь из Китая к себе на родину. Примерно в это же время Северная Чжоу отправила к нему посланника Хэжо И, который выполнил свою миссию и уговорил Табо выдать Северной Чжоу Гао Шаои (大象二年，始遣使奉献，且逆公主，而绍义尚留不遣。帝又令贺若谊往谕之，始送绍义云。) [7. 1447页].

Таким образом, в 580 г. в Центральной Азии осталось два сильных государства – Тюркский каганат и династия Северная Чжоу. Вскоре на политической карте Китая появилось новое государство – Суй (581–618). В 578 г., спустя год после истребления Северной Ци, основного соперника Северной Чжоу, скончался император У-ди. Его смерть оказалась роковой для Северной Чжоу, так как его сын, император Сюань-ди, был своевольным и жестоким правителем, чье экстравагантное поведение привело к ослаблению государства. После смерти Сюань-ди в 580 г. тестя императора Ян Цзянь взял власть в свои руки, а в 581 г. сместил сына Сюань-ди, императора Цзин-ди. Императорский род Юйвэнь, вместе с юным императором Цзин-ди, был впоследствии истреблен Ян Цзянем. Таким образом, к власти удалось прийти китайским и китаизированным тюркским аристократам во главе с Ян Цзянем. Благодаря отрицательному отношению большинства китайцев к феодальной раздробленности, а также воле аристократии к консолидации против внешних врагов и внутренних экономических проблем [9], Ян и его сторонники смогли относительно легко добиться объединения страны. В 581 г. Ян Цзянь был провозглашен под именем Вэнь-ди императором новой династии Суй и стал первым правителем за последние 300 лет, чья власть распространялась на весь северный Китай [10].

Во время правления Табо кагана в Тюркском каганате также произошли важные административно-территориальные изменения. Династийная хроника «Суй шу» сообщает: «Табо каган назначил Шэту (сына Коло кагана) Орфу каганом и отправил его править на Восток. Затем он сделал сына Жутань кагана, своего младшего брата, Були каганом, который должен

был править на Западе» [5. S. 520]. (佗钵以摄图为力伏可汗 统其东面 又以其弟渴但可汗子为步离可汗 居西方。) [11. 3901页]. До этого в хрониках имеется единственное упоминание о Дитоу кагане по имени Ашина Кутую, младшем брате Мухань кагана, который в 563 г. «правил на Востоке и был дружен с династии Северная Ци» [5. S. 26].

Источники не уточняют географические границы этого разграничения. Скорее всего, Табо провел данную реформу в восточной части Тюркского каганата с одной целью – более эффективного управления территориями. Проведенная реформа не связана с процессом разделения единого Тюркского каганата на Восточно-турецкий и Западно-турецкий каганаты. Распад каганата произошел после смерти Табо и был связан с вопросом о престолонаследии, а также борьбой за торговые маршруты Великого шелкового пути между западом и востоком при активном вмешательстве во внутренние дела тюрок династии Суй.

Незадолго до своей кончины Табо предвидел будущую расприю между родственниками за каганский титул, поэтому предостерег своего законного наследника – сына Аньло (庵罗): «Я слышал, что нет ближе родственных отношений, чем между отцом и сыном, но мой старший брат (Мухань) не любил своего сына Далобяня и доверил мне страну. Когда я умру, то остерегайся Далобяня» [Ibid. S. 43]. (他钵病且卒，谓其子庵逻曰：“吾闻亲莫过于父子。吾兄不亲其子，委位于我，我死，汝当避大逻便。) [12. 5930页].

Несмотря на предупреждение отца, Аньло не смог избежать «оскорблений и притеснений» со стороны Далобяня, поэтому был вынужден отказаться от титула в

пользу старшего и более сильного претендента – Шэту (摄图), взошедшим на престол под именем Шаболюэ кагана (沙钵略可汗) (581–587 гг.) [12. 5937页]. Однако сохранить Великий и единый Тюркский каганат Шэту так и не удалось.

Таким образом, Мухань кагань первым из тюркских правителей использовал известный метод «раскола» в отношении своих главных южных соседей – китайских династий – Северная Ци и Северная Чжоу. Тюрки представляли собой могущественную военную силу и поэтому регулировали отношения не только между китайскими династиями, но и во всем регионе. Основными приемами проводимой политики являлись брачные союзы, двусторонние переговоры и посольства, а также военные вторжения (торговые войны). Несмотря на сдерживание обеих династий, на начальном этапе тюрки поддерживали преимущественно более слабую сторону – династию Северная Чжоу, объединившись с которой противостояли Северной Ци.

Время правления Табо кагана охарактеризовалось резким потеплением в отношениях с Северной Ци из-за симпатии Табо к буддизму, но окончательно переломить ситуацию в пользу Северной Ци так и не удалось. В результате этой политики династия Северная Чжоу при поддержке тюрок расправилась с соперницей и укрепила свои позиции. Именно это обстоятельство способствовало дальнейшему укреплению китайской государственности и появлению новой династии Суй, объединившей под своей властью весь северный Китай. Дальнейшие отношения тюрок с династией Суй приходились выстраивать уже на новой основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М. : Наука, 1964. 215 с.
2. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М. : Наука, 1967. 500 с.
3. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / пер. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова ; науч. ред. и пред. Д.В. Рухлядева. СПб., 2009.
4. Beckwith C. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton : Princeton University Press, 2009.
5. Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Bd 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhänge. Index). Gottinger Asiatische Forschungen. Wiesbaden, 1958. Bd 10.
6. 二十四史。北京。中华书局。2012年。(Ershisi shi. Beijing. Zhonghua shuju. 2012 nian).
7. 周书。二十四史。北京。中华书局。2012年。(Zhou shu. Ershisi shi. Beijing. Zhonghua shuju. 2012 nian).
8. Pan Y. Locating advantages: The survival of the Tuyuhun State on the edge, 300-ca. 580 // Toung Pao. 2013. № 99 (4–5). P. 268–300.
9. Материалы по экономической истории Китая в раннее Средневековье (раздел «Ши хо чжи» из династийных историй) / пер. с кит. А.А. Бокщанина и Ли Кюньы ; ред. пер., вступ., ст. и ком. А.А. Бокщанина. М., 1980.
10. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. III: Троесцарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / отв. ред. И.Ф. Попова, М.Е. Кравцова ; Ин-т восточных рукописей РАН. М. : Наука; Вост. лит., 2014.
11. 隋書。二十四史。北京。中华书局。2012年。(Sui shu. Ershisi shi. Beijing. Zhonghua shuju. 2012 nian).
12. 北史。二十四史。北京。中华书局。2012年。(Bei shi. Ershisi shi. Beijing. Zhonghua shuju. 2012 nian).

Статья представлена научной редакцией «История» 8 апреля 2017 г.

THE POLICY OF THE MUQAN AND TASPAR (TUOBO) QAGHANS IN THE TURKISH EMPIRE (553–581 AD)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 78–84.

DOI: 10.17223/15617793/418/10

Rustam T. Ganiev, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: rusthist@yandex.ru

Keywords: Turkish Empire; ancient Turks; Central Asia; Northern Zhou Dynasty; Northern Qi Dynasty; Sui Dynasty; China.

Based on the materials of the Chinese dynastic chronicles (zhengshi) Zhoushu, Beishi, Beiqishu, Suishu, Tangshu, the author observes the internal and external policies of the Muqan and Taspar Qaghans, as well as the Turkish-Chinese relations during the period under study. In 553 AD, when Muqan was the head of the Turkish Empire, the ancient Turks (tujue) controlled most of the territory of the present-day Mongolia, having subordinated the Tiele and Rouran tribes. Over the next 20 years, due to the active policy of conquest and trade of the Muqan Qaghan, the borders of the Quaganate extended to the Caspian Sea in the west and to the

Gulf of Liaodong in the east. The Chinese dynasties Northern Zhou and Northern Qi competed with each other to establish allied relations with the Turks. A big pressure point for the Turks was the question of the marriage union between the Turks and the Chinese. For a long time Muqan Qaghan postponed his consent, choosing between Northern Zhou and Northern Qi, maintaining relations with both dynasties. At long last, Muqan chose the Northern Zhou dynasty, with whom he had trade interests and common trade routes along the ridge of the Nanshan, that was also under the threat of attack from other nomads. Muqan's successor was his younger brother, Taspar; he was appointed Qaghan instead of his son Dalobyan. Initially Taspar continued the policy of containment of the Chinese dynasties. Soon, however, he supported the Northern Qi dynasty, but later, nevertheless, was forced to renew the contract and enter into a marriage alliance with the Northern Zhou dynasty, which caused the final defeat of Northern Qi. In 580 AD, Central Asia was left with two strong states – the Turkish Empire and the Northern Zhou dynasty; and in 581 AD China had a new Sui Dynasty (581–618 AD). During the reign of Taspar the Turkish Empire had important territorial and administrative changes, as recorded in the sources. The Turkic territory was divided into eastern and western lands although there are no records of time, nor geographical boundaries of this in the sources. Most likely, Taspar executed this reform in the Eastern Turkish Empire with one purpose – to more effectively manage the vast territories conquered by the Turks at that time. Subsequently, it became a common practice among nomads later on, including the Mongols. Of course, initially the reform did not intend to divide the state of the Turks, which was created earlier by Taspar and his predecessors for almost forty years. However, the process initiated by Taspar led to the final separation of the once unified Turkish Empire into the East Turkish and West Turkish Empires after his death. This became an issue for both succession and the struggle for trade routes of the Silk Road between the East and the West with the active interference in the internal affairs of the Turks by the Sui Dynasty.

REFERENCES

1. Klyashtoryny, S.G. (1964) *Drevnyeturkskie runicheskie pamyatniki kak istochnik po istorii Sredney Azii* [Ancient Turkic runic monuments as a source on the history of Central Asia]. Moscow: Nauka.
2. Gumilev, L.N. (1967) *Drevnie tyurki* [Ancient Turks]. Moscow: Nauka.
3. Barfield, T.J. (2009) *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitay (221 g. do n.e. – 1757 g. n.e.)* [A dangerous frontier: nomadic empires and China (221 BC – 1757 AD)]. Translated from English by D.V. Rukhlyadev, V.B. Kuznetsov. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University, “Nestor-Istoriya”.
4. Beckwith, S. (2009) *Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present*. Princeton: Princeton University Press.
5. Liu Mau-Tsai. (1958) Die shinessischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken [The Shine News on the History of the East Turks]. *Gottinger Asiatische Forschungen*. 27. Vol. 10. Wiesbaden.
6. Zhonghua shuju. (2012) *Ershisi shi*. Beijing: Zhonghua shuju. (In Chinese).
7. Zhou Shu. (2012) *Ershisi shi*. Beijing: Zhonghua shuju. (In Chinese).
8. Pan, Y. (2013) Locating advantages: The survival of the Tuyuhun State on the edge, 300-ca. 580. *Toung Pao*. 99 (4–5). pp. 268–300.
9. Bokshchanin, A.A. (ed.) (1980) *Materialy po ekonomicheskoy istorii Kitaya v rannee Srednevekov'e* [Materials on the economic history of China in the early Middle Ages]. Translated from Chinese by A.A. Bokshchanin, Li Kunyi. Moscow: Nauka.
10. Popova, I.F. & Kravtsova, M.E. (eds) *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka* [History of China from ancient times to the beginning of the 21st century]. Vol. III. Moscow: Nauka.
11. Sui shu. (2012) *Ershisi shi*. Beijing: Zhonghua shuju. (In Chinese).
12. Bei shi. (2012) *Ershisi shi*. Beijing: Zhonghua shuju. (In Chinese).

Received: 08 April 2017

КОМПОНЕНТЫ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI в.: МИР, РЕГИОН, СТРАНА

Выявлены особенности динамики христианского населения мира в целом, его регионов и стран. Детально проанализирован вклад естественной, миграционной и конверсионной составляющих в изменение численности христиан за первое десятилетие XXI в. Выделены группы стран по соотношению вклада указанных компонентов. Установлено, что для христианского населения большинства регионов мира (кроме Европы) характерен естественный прирост. Если на Глобальном Севере христианская популяция растет за счет положительного сальдо миграции, то в регионах Глобального Юга положительный вклад естественной составляющей дополняет превышение числа переходящих в христианство над числом покидающих его.

Ключевые слова: христианство; естественное движение; механическое движение; конверсионное движение; мир; регионы; страны.

В течение первого десятилетия XXI в. численность христиан в мире ежегодно увеличивалась в среднем на 27–28 млн человек за счет, с одной стороны, прироста в 61 млн и, с другой – убыли в 33 млн [1]. (Далее, если не указано иное, в качестве источника данных используется работа [1]). Существуют два основных компонента ее динамики в мировом масштабе: *демографический и религиозная конверсия*. Демографический компонент, связанный с особенностями рождаемости и смертности, является доминирующим в динамике христианского населения планеты (табл. 1).

Таблица 1
Компоненты динамики христианского населения мира в 2010 г.

Компонент динамики христианского населения	Изменение численности за счет соответствующего компонента, тыс. человек
Демографический (рождаемость)	45 204
Конверсия (обращение в христианство)	16 029
<i>Христианское население увеличивается за год</i>	<i>61 233</i>
Демографический (смертность)	-21 755
Конверсия (уход из христианства)	-11 634
<i>Христианское население уменьшается за год</i>	<i>-33 389</i>
Итого: динамика христианского населения за год	27 844

В начале XXI в. на рождаемость приходится 74% увеличения численности глобальной христианской популяции. В настоящее время по показателю рождаемости адепты христианства занимают второе место в мире, следя сразу за мусульманами, в то время как адепты всех остальных крупнейших конфессий мира имеют уровень рождаемости ниже среднемирового (табл. 2).

По уровню рождаемости лидирует христианское население Субсахарской Африки: в Замбии и Чаде значение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) у женщин-христианок превышает 6,0 при среднем по субрегиону – 4,5. В государствах Европы СКР у христианского населения ниже уровня простого воспроизводства населения, а в Македонии, Боснии и Герцеговине он составляет лишь 1,1.

Необходимо также отметить, что уровень рождаемости у религиозного населения во всех регионах мира (за исключением Латинской Америки) значительно выше, чем у нерелигиозного, что в целом под-

тверждает мнение ряда отечественных и зарубежных демографов, которые видят основную причину падения темпов рождаемости именно в отходе населения от религии (подробнее см., напр., [4–6]).

Таблица 2
Региональная дифференциация демографических показателей у адептов различных религий, 2010 г. [2, 3]

Регион мира	Суммарный коэффициент рождаемости, детей		Медианный возраст, лет	
	Христиане	Все население	Христиане	Все население
Субсахарская Африка	4,5	4,8	19	18
Латинская Америка	2,2	2,2	27	27
АТР	2,3	2,1	28	29
Средний Восток и Северная Африка	2,5	3,0	29	24
Северная Америка	2,1	2,0	39	37
Европа	1,6	1,6	42	40
Мир	2,7	2,5	30	28

Отставание адептов христианства от мусульман по уровню рождаемости в значительной степени объясняется различием в медианном возрасте, который для первых составляет 30 лет, что на 2 года выше среднемирового показателя и на 7 лет – соответствующего показателя у мусульман. Дети (0–14 лет) составляют 27% глобальной христианской популяции, что соответствует среднемировому показателю, однако доля старших когорт населения (60 и более лет) у адептов христианства выше на 3%, чем в среднем по миру. «Старение» христианской общины обеспечивает его адепты в Северной Америке и особенно в Европе, чей медианный возраст составляет соответственно 39 и 42 года.

Среди компонентов уменьшения численности христианского населения мира лидирует смертность (более 65%), то есть из каждого трех «уходящих» христиан двое умирают, а один переходит в другую веру (в широкой трактовке).

Вторым компонентом динамики численности христиан в мире является *религиозная конверсия* – обращение в христианство новых членов и выход из него его адептов. Поэтому именно конверсию можно назвать наиболее «подвижным» компонентом, ведь один и тот же человек может проходить конвертацию несколько раз в течение своей жизни. Религиозная конверсия обусловлена миссионерской активностью

адептов христианства, а также его способностью удержать свою паству в конкурентных условиях «рынка религий». По численности новообращенных в первое десятилетие текущего века безусловным лидером является христианство – более 16 млн в среднем за год, однако и покидает ряды христиан также рекордное число людей – более 11,5 млн человек ежегодно, большинство из которых пополняют ряды нерелигиозного населения.

В настоящее время христианство опережает все остальные религии мира по числу конвертируемых новых адептов и по значимости данного компонента в росте численности его последователей. Наряду с христианством лишь ислам и буддизм характеризуются положительной ролью конверсии в изменении численности адептов, однако для них ее роль значительно более скромная – около 4% мирового прироста. Количество новообращенных христиан больше числа покинувших эту религию почти на 4,5 млн человек; таким образом, конверсия обеспечивает около 26% роста численности христиан, что свидетельствует о высокой конкурентоспособности христианства на «рынке религий» в большинстве стран мира. Тем не менее роль конверсии в убытках христианского населения мира тоже велика – почти 35%. Наибольший «урон» христианству наносят не другие религии, а распространение в мире нерелигиозности и секулярных идей. Однако важен повышательный тренд вклада конверсии: на рубеже XX и XXI вв. она «давала» 9,9% роста христианской общины мира [7].

В 2010 г. около 4 млн христиан в мире переместились из одного государства в другое, а всего 49% международных мигрантов (106,7 млн человек) исповедуют христианство [8]. Поэтому кроме двух основных вышеперечисленных компонентов на региональную динамику христианского населения большое влияние оказывают *миграционные процессы*. Так, для роста численности христианского населения стран Европы и Северной Америки большое значение имеет иммиграция, в то время как в Латинской Америке эмиграция стала важным компонентом уменьшения его численности.

Демографический компонент, так же как и религиозная конверсия и миграционные процессы, имеет различный вес в динамике христианского населения регионов мира. Так, в *странах Африки* доля рождаемости в росте христианской общины особенно высока – почти 84%, что обусловлено высокими показателями СКР у христианского населения региона (табл. 3). В 2010 г. на Африку приходилось 40% новорожденных христиан и почти 42% ежегодного увеличения численности христианского населения мира, что делает регион лидером по этим показателям [9].

Доля смертности в сокращении христианского населения в Африке также выше среднемировой – 71%. В 2010 г. смертность более чем на 82% обеспечила уменьшение христианского населения Бурунди, Ботсваны, Мозамбика, Бенина, Гвинеи, Буркина-Фасо и Сьерра-Леоне. В 2010 г. в Африке перешли в христианство более 3,3 млн человек, что составляет более 15% общего прироста христианской общины континента. На африканские страны приходится около 21%

новообращенных адептов христианства в мире. Что касается миграционных процессов, то они способствуют, прежде всего, убыли христианского населения Африки. Особенно значима эмиграция в уменьшении численности христианского населения Сан-Томе и Принсипи, Ливии, Кении, Уганды и ЮАР.

Таблица 3
Компоненты динамики христианского населения регионов
Глобального Юга в 2010 г.

Компонент динамики христианского населения	Изменение численности за счет соответствующего компонента, тыс. человек		
	Африка	Азия	Латинская Америка
Рождаемость	18 015	6 282	10 642
Конверсия (обращение в христианство)	3 317	4 497	3 868
Иммиграция	120	39	10
<i>Христианское население увеличивается за год</i>	<i>21 452</i>	<i>10 818</i>	<i>14 520</i>
Смертность	-6 995	-2 223	-3 169
Конверсия (уход из христианства)	-1 607	-1 227	-2 704
Эмиграция	-1 243	-615	-2 105
<i>Христианское население уменьшается за год</i>	<i>-9 845</i>	<i>-4 065</i>	<i>-7 978</i>
Итого: динамика христианского населения за год	11 607	6 753	6 542

В Азии рост христианского населения также обеспечивается в первую очередь демографической составляющей (58%), однако ее вклад значительно ниже, чем в Африке (см. табл. 3), что связано с тем, что уровень рождаемости христианского населения Азии, как и всего населения региона в целом, почти в два раза ниже, чем у их единоверцев на черном континенте.

В Китае и Сингапуре, отличающихся низким уровнем рождаемости населения, демографический компонент обеспечивает лишь треть роста христианской общины страны [10]. Тем не менее в некоторых странах региона, где законодательно ограничена деятельность зарубежных миссионеров, рождаемость дает более 99% роста христианского населения (Сирия, Узбекистан, Туркмения, Пакистан).

Особенностью динамики христианского населения Азии является повышенное значение религиозной конверсии, которая обеспечивает наибольший вклад в рост христианского населения среди всех регионов мира. В странах Азии на конверсию приходится около 42% роста местной христианской общины, или 28% всех обращений в христианство в мире. Более половины от числа обращений в христианство в регионе приходится на Китай, где религиозная конверсия обеспечивает 65% ежегодного роста христианского населения страны (2,7 млн человек), что является самым высоким показателем среди стран мира.

Однако и обратный процесс – выход из христианства – имеет существенное значение (31% ежегодного уменьшения христианского населения) в динамике христианского населения Азии. Наибольший урон христианской общине конверсия наносит в странах Персидского залива, где по социальным (после замужества) и экономическим (лучшие условия при приеме на работу) причинам часть иммигрантов-христиан

переходит в ислам. Например, в ОАЭ и Кувейте религиозная конверсия обеспечивает более 60% убыли численности христиан в стране. Угроза жизни заставляет переходить в ислам христиан в Сирии и Ираке.

Миграционные процессы играют в целом негативную роль в динамике христианской общины Азии, обеспечивая около 15% ее ежегодной убыли. По численности эмигрантов-христиан в регионе лидируют Филиппины, занимая пятое место в мире по данному показателю [8]. Наибольшую роль в сокращении христианского населения миграционный компонент имеет в странах с нестабильной социально-экономической и политической ситуацией, где адепты христианства имеют статус религиозного меньшинства. Так, например, в Иране, Азербайджане, Узбекистане и Таджикистане эмиграция обеспечивает 60–70% уменьшения христианского населения страны, а в Ираке и Сирии – даже 80–90%. В результате эмиграции только один Ирак потерял в 2010 г. более 13 тыс. христиан. Хотя иммиграция вносит незначительный вклад в рост христианского населения Азии (0,3%), в таких странах региона, как Сингапур, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар, она – основной источник, обеспечивающий увеличение его численности.

В 2010 г. в монархиях Персидского залива (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, ОАЭ и Оман) официальная статистика насчитывала около 3 млн христиан, хотя еще полвека назад численность адептов христианства в этих государствах исчислялась буквально единицами. По прогнозам, к 2050 г. в арабских странах Персидского залива будут жить уже 4,6 млн христиан, при этом иммиграция обеспечит увеличение христианской общины в данном субрегионе почти на 1,5 млн человек [3]. Ежегодно численность христианского населения Азии увеличивается почти на 6,8 млн, что позволяет региону занимать второе место в мире по данному показателю: на него приходится 24,5% прироста глобальной христианской общины.

В странах Латинской Америки доля рождаемости в росте христианской общины составляет около 73%, конверсия дает еще более 26% численности новых христиан региона и, наконец, иммиграция – менее 1% (см. табл. 3). На смертность же приходится 40% «уходящих» христиан региона, еще около трети – на выход из общины, обуславливающий рост числа нерелигиозных латиноамериканцев. Латинская Америка лидирует в мире по уровню эмиграции христианского населения, на него приходится 26% потери численности христиан в регионе (например, из Мексики уезжают более 1 млн христиан ежегодно). По абсолютному ежегодному приросту христианского населения Латинская Америка находится лишь на третьем месте в мире [11], уступая Африке и Азии, причем если разрыв с Азией у Латинской Америки по данному показателю составляет лишь 0,2 млн, то Африке она уступает почти в два раза.

Соотношение структурных компонентов динамики численности христианского населения Европы имеет свои ярко выраженные черты (табл. 4). Во-первых, в результате низкого уровня рождаемости и старения населения в Европе демографический компонент не обеспечивает воспроизводство христианской общины:

это единственный регион, где наблюдается естественная убыль христиан.

Рождаемость обеспечивает лишь немногим более половины роста численности христиан, что является самым низким показателем среди регионов мира. В таких государствах, как Италия, Швеция, Люксембург, Эстония, Испания, рождаемостью обусловлено менее 45% роста христианской общины. Хотя роль смертности в уменьшении численности христиан в Европе соответствует среднемировому показателю, страны Восточной Европы, в которых наблюдается депопуляция населения, наряду со странами Африки лидируют в мире по значимости этого показателя. Так, в 2010 г. смертность более чем на 82% обеспечила уменьшение христианского населения России, Украины и Беларуси.

Второй особенностью динамики христианского населения Европы, которая характерна для всех регионов Глобального Севера, является негативное влияние религиозной конверсии на численность христианской общины. Ежегодно в Европе численность христианского населения за счет конверсии уменьшается более чем на 1 млн человек. Подавляющее большинство из покидающих христианство европейцев пополняют группу нерелигиозного населения, что связано с активным развитием в регионе процессов социальной секуляризации. Следует отметить, что последние в наибольшей степени характерны для стран Западной Европы: так, во Франции, Швеции, Швейцарии, Дании выход из христианства приобрел массовый характер, обеспечивая более 50% сокращения численности христианского населения.

Таблица 4
Компоненты динамики христианского населения регионов Глобального Севера в 2010 г.

Компонент динамики христианского населения	Изменение численности за счет соответствующего компонента, тыс. человек		
	Европа	Северная Америка	Австралия и Океания
Рождаемость	6 006	3 787	473
Конверсия (обращение в христианство)	2 952	1 301	95
Иммиграция	2 575	1 247	123
<i>Христианское население увеличивается за год</i>	<i>11 533</i>	<i>6 335</i>	<i>691</i>
Смертность	-6902	-2260	-205
Конверсия (уход из христианства)	-4119	-1764	-213
Эмиграция	-130	-10	-10
<i>Христианское население уменьшается за год</i>	<i>-11 151</i>	<i>-4 034</i>	<i>-428</i>
<i>Итого: динамика христианского населения за год</i>	<i>382</i>	<i>2 301</i>	<i>263</i>

В Восточной Европе наблюдается зеркально обратная ситуация: в результате крушения коммунистических режимов население возвращается в лоно христианства (по П. Бергеру, *десекуляризация* [12]), т.е. традиционная религия восстанавливает свое влияние в обществе. В Эстонии, Венгрии, Беларуси более 50% роста христианской общины в среднем за год обеспечивают перешедшие в христианство в прошлом нерелигиозные граждане, от 40 до 25% роста – в Польше, Чехии, Словакии, Украине, Латвии, Литве, России.

Третья черта динамики христианского населения Европы, делающая данный регион действительно уникальным, заключается в ключевой роли миграционных процессов в росте численности христиан. Несмотря на широко распространенное мнение о том, что иммиграция способствует исламизации Европы, можно уверенно сказать, что численность христиан в регионе растет лишь благодаря положительному сальдо миграции на континент христиан из стран Африки, Латинской Америки и Азии, которое составляет около 2,5 млн человек ежегодно. К 2010 г. около 56% иммигрантов в ЕС (42%, если не брать в расчёт граждан ЕС) исповедовали христианство [8]. В результате в 2010 г. иммиграция обеспечивала около 40% роста численности христиан во Франции, Норвегии, Мальте, Испании, Швеции. Таким образом, если бы не миграция, то численность христианского населения Европы ежегодно сокращалась бы более чем на 2 млн человек. В 2014–2015 гг. в ЕС начался миграционный кризис, связанный с лавинообразным увеличением эмиграции из стран Ближнего Востока и Тропической Африки [13]. Хотя большинство мигрантов исповедовали ислам, тем не менее в структуре этой новой миграционной волны также насчитывается много христиан. Некоторые страны Европы, например Словакия, Венгрия, Польша, Чехия, заявили о готовности принимать у себя в первую очередь иммигрантов-христиан [14].

По абсолютному ежегодному приросту христианского населения – нескольким менее 400 тыс. человек – Европа занимает предпоследнее место в мире, опережая лишь Австралию и Океанию. Таким образом, регион, концентрирующий около четверти христианского населения мира, обеспечивает лишь 1,4% его ежегодного прироста.

Структура динамики численности христианского населения *Северной Америки* имеет много схожих черт с европейской. Однако более благоприятная демографическая ситуация в регионе обусловила то, что рождаемость христианского населения Северной Америки обеспечивает около 60% ежегодного прироста христианского населения. Тем не менее этот вклад значительно ниже среднемирового уровня, а в Канаде, отличающейся более низким уровнем рождаемости по сравнению с США, он составляет всего 41%.

Северная Америка характеризуется повышенным значением религиозной конверсии в динамике христианского населения, однако в регионе ежегодно покидают христианство почти на 0,5 млн человек больше, чем в него переходит. Большинство перешедших в христианство составляют представители мигрантских общин из стран Азии и Африки (индусы, буддисты, адепты этнорелигий), в то время как уходят из христианства в основном коренные жители Северной Америки, пополняющие ряды нерелигиозного населения.

Иммиграция, в отличие от конверсии, вносит значительный вклад в рост христианского населения Северной Америки: в 2010 г. около 74% иммигрантов, въехавших в США, были христианами, большинство из которых родились в Латинской Америке [8]. Интересно отметить, что статистически иммиграция компенсирует отрицательную роль конверсии в динамике

христианского населения Северной Америки, так как ежегодно в регион прибывает на 0,5 млн христиан больше, чем его покидает. Таким образом, ежегодно христианское население Северной Америки увеличивается на 2,3 млн человек, что составляет около 8% прироста христианской общины мира.

В Австралии и Океании в росте христианского населения доля рождаемости (68%) несколько ниже среднемирового уровня, на втором месте находится иммиграция (около 18%), которой уступает конверсия – 14%. Уникальность Австралии и Океании заключается в очень высокой интенсивности секулярных процессов, проходящих в регионе, прежде всего, в Австралии и Новой Зеландии. В результате уход из христианства, а не смертность – как в остальном мире – является важнейшим фактором уменьшения численности христианского населения. В Австралии конверсия обеспечивает 56% ежегодного сокращения христианского населения страны, а в Новой Зеландии – даже около 60%. Тем не менее численность христианского населения Австралии и Океании увеличивается примерно на 0,3 млн человек в год, что составляет около 1% ежегодного прироста численности adeptov христианства в мире.

Таким образом, в 2010 г. на регионы Глобального Севера (Европу, Северную Америку, Австралию и Океанию), в которых проживало 39% христианского населения мира, пришлось лишь 11% его ежегодного прироста. Неравномерность темпов роста стала причиной перераспределения христианского населения между регионами Глобального Юга и Глобального Севера, наблюдавшегося в начале XXI в.

Уже в 2014 г. первое место по численности христианского населения заняла Латинская Америка (23,7% всех христиан), потеснив Европу (23,6%), лидировавшую по этому показателю более тысячи лет, на второе место и «выдвинув» Африку (21,9%) на третье [15]. Но в 2017 г. Африка станет вторым по численности христиан регионом мира, а с 2019 г. – первым, сосредоточив на своей территории 25,6% глобальной христианской популяции (рассчитано по [15, 16]). К 2050 г. в Африке, по прогнозам, будут жить более 1 млрд христиан, или 1/3 глобальной популяции adeptов христианства, в то время как в Европе их останется лишь около 500 млн (15,8% всех христиан, или 4-е место в мире).

Таким образом, христианское население в странах Глобального Юга растёт значительно более высокими темпами, чем на Глобальном Севере [17], его опережающий рост обусловлен сочетанием двух компонентов: более высокого демографического потенциала и привлекательности христианства для местного населения, мало затронутого процессами секуляризации. Миграционные потоки оказывают разнонаправленное воздействие на геопространство христианства. С одной стороны, они породили христианские диаспоры в экономически благополучных странах Глобального Севера и Глобального Юга, с другой – привели к существенному уменьшению христианского населения в государствах Глобального Юга [18].

В настоящее время прослеживается практически все многообразие комбинаций трех компонентов изме-

нения численности христианского населения стран и территорий мира. В большинстве из них наблюдается более или менее устойчивый рост, вклад в который естественной, миграционной и конверсионной составляющих географически различен. Так, для большин-

ства стран Азии, Африки и Латинской Америки наибольшая роль принадлежит естественному и, в меньшей степени, конверсионному приросту (рис. 1), в то время как в Европе, Северной Америке, Австралии и Океании – конверсионному и естественному приросту.

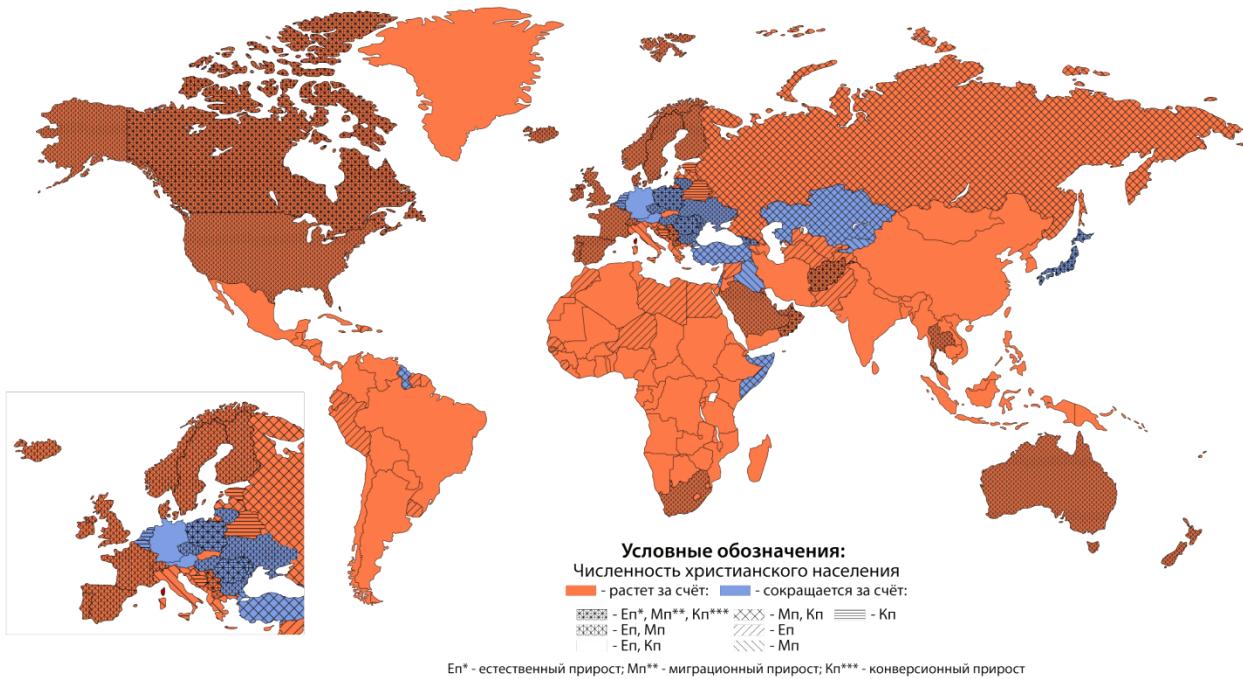

Рис. 1. Вклад различных компонентов в изменение численности христианского населения стран мира в 2010 г.

Снижение численности христианского населения наблюдается лишь в каждой двенадцатой стране мира. Большая их часть расположена в Европе, хотя Южная и Северная Европа затронуты этим процессом в меньшей степени, чем Западная и Восточная. В этом отношении примечательно, что,

в отличие от стран с ростом христианского населения, где встречаются все семь комбинаций компонентов роста, среди стран с убылью населения отсутствуют те, где христианское население сокращается за счет естественной убыли на фоне миграционного и конверсионного прироста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Atlas of Global Christianity. 1910–2010 / eds. T.M. Johnson, K.R. Ross. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. 382 p.
2. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. Pew Research Center, 2015. URL: http://www.pewforum.org/files/2015/03/PF_15.04.02_ProjectionsFullReport.pdf (дата обращения: 18.09.2016).
3. The Global Religious Landscape: a Report on the Size and Distribution of the World's Major Religious Groups as of 2010. Pew Research Center, 2012. URL: <http://www.pewforum.org/2012/12/18/global-religious-landscape-exec/> (дата обращения: 24.11.2016).
4. Антонов А.И. Атеизм «убил» рождаемость // ЮПИМонитор. 2008. 28 авг. URL: <http://www.upmonitor.ru/editorial/interview/2008-08-28/> (дата обращения: 18.10.2016).
5. Демографическая энциклопедия / редкол.: А.А. Ткаченко и др. М. : Энциклопедия, 2013. 944 с.
6. Синельников А.Б. Семейная жизнь и религиозность // Demographia.ru. 2010. 01 фев. URL: http://demographia.ru/articles_N_index.html?idArt=247 (дата обращения: 18.10.2016).
7. Barrett D.B., Kurian G.T., Johnson T.M. World Christian Encyclopedia. 2nd ed. New York : Oxford University Press, 2001. Vol. 1. 876 p.
8. Faith on the Move – The Religious Affiliation of International Migrants. Pew Research Center. 2012. March 8. URL: <http://www.pewforum.org/2012/03/08/religious-migration-exec/> (дата обращения: 28.11.2016).
9. Горюхов С.А. Куда перемещается центр роста глобального христианства? // Азия и Африка сегодня. 2012. № 12 (665). С. 44–48.
10. Горюхов С.А. Христианство в современном Китае // Азия и Африка сегодня. 2014. № 12 (689). С. 42–46.
11. Горюхов С.А., Дмитриев Р.В. Латинская Америка: современные тренды конфессионального развития // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 9 (124). С. 67–79.
12. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / ed. by P.L. Berger. Washington D.C., Grand Rapids : Ethics and Public Policy Center ; W.B. Eerdmans Pub. Co., 1999. 143 p.
13. Абрамова И.О., Бессонов С.А. «Арабская весна» и трансграничная миграция // Азия и Африка сегодня. 2012. № 6 (659). С. 10–17.
14. Park J. Europe's Migration Crisis // Council on Foreign Relations. 2015. 23 сент. URL: <http://www.cfr.org/refugees-and-the-displaced/europe-s-migration-crisis/p32874> (дата обращения: 14.10.2016).
15. Johnson T.M., Crossing P.F. Christianity 2014: Independent Christianity and Slum Dwellers // International Bulletin of Missionary Research. 2014. Vol. 38, № 1. P. 28–29.
16. Johnson T.M., Zurlo G.A., Hickman A.W., Crossing P.F. Christianity 2015: Religious Diversity and Personal Contact // International Bulletin of Missionary Research. 2015. Vol. 39, № 1. P. 28–29.
17. Фитунин Л.Л. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 4. С. 18–29.

18. Горюхов С.А. Христианство в эпоху глобализации: основные тенденции пространственного развития // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2016. № 6. С. 26–34.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 марта 2017 г.

THE COMPONENTS OF THE CHRISTIAN POPULATION DYNAMICS AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: WORLD, REGION, COUNTRY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 85–90.

DOI: 10.17223/15617793/418/11

Stanislav A. Gorokhov, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: stgorohov@yandex.ru

Ruslan V. Dmitriev, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

Keywords: Christianity; natural movement; mechanical movement; conversional movement; world; regions; countries.

The article is devoted to the problem of identifying the features of the Christian population dynamics in the world as a whole, in its regions and countries. At the global level, an increase in the number of Christians occurs due to natural (the difference between birth rate and death rate) and conversional (the number of those converting to Christianity minus the number of those leaving it) components. The former accounts for about 85 % of the average annual growth during the period 2000–2010, while the latter only for 15%. It is revealed that the Christian population is also growing in all regions of the world. The Global South (Africa, Asia, Latin America) provides a 90 % increase, the Global North (North America, Europe, Australia and Oceania) the other 10 %. Africa contributes the most to this increase (41 %) because of its sub-Saharan “part”: the world’s youngest Christian population living here has the highest fertility rate. The most significant difficulties were noted with the “reproduction” of Christians in Europe: its aging population gives the least number of births in comparison with other regions of the world. As a result, Europe lost its more than a thousand years’ leading position in the number of Christians in 2015 in “favor” of Latin America. According to the authors’ calculations, Africa – because of the extremely high growth rates of its Christian population – will oust Europe from the second place in 2017 and Latin America from the first in 2019. It is determined that all regions of the world (except Europe) are characterized by the excess of births over deaths in the Christian population. At the same time, there is a great disparity between the ratios of conversional and mechanical “components” of the Christian population change in the Global North and South regions. On the one hand, the excess of conversions from Christianity over to it in North America, Europe, Australia and Oceania is compensated by the positive net migration from the Global South. On the other hand, the decrease of Africa, Asia and Latin America’s Christian population as a result of emigration in the Global North is accompanied by the conversional increase. Decline in the number of Christians is observed only in every 12th country. Most of them are located in Europe; moreover, Western and especially Eastern Europe regions were affected to a greater extent than Southern and Northern ones. In addition to some European countries, there are some more states with the declining Christian population: Guyana, Somalia, Japan, Iraq, Israel, Turkey, Georgia, Kazakhstan and Kyrgyzstan.

REFERENCES

1. Johnson, T.M. & Ross, K.R. (eds) (2009) *Atlas of Global Christianity. 1910–2010*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
2. Pew Research Center. (2015) *The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050*. [Online] Available from: http://www.pewforum.org/files/2015/03/PF_15.04.02_ProjectionsFullReport.pdf. (Accessed: 18th September 2016).
3. Pew Research Center. (2012) *The Global Religious Landscape: a Report on the Size and Distribution of the World’s Major Religious Groups as of 2010*. [Online] Available from: <http://www.pewforum.org/2012/12/18/global-religious-landscape-exec/>. (Accessed: 24th November 2016).
4. Antonov, A.I. (2008) Ateizm “ubil” rozhdaemost’ [Atheism “killed” the birth rate]. *YuPlmonitor*. 28 August. [Online] Available from: <http://www.upmonitor.ru/editorial/interview/2008-08-28/>. (Accessed: 18th October 2016).
5. Tkachenko, A.A. et al. (eds) (2013) *Demograficheskaya entsiklopediya* [Demographic Encyclopaedia]. Moscow: Entsiklopediya.
6. Sinel’nikov, A.B. (2010) Semeynaya zhizn’ i religioznost’ [Family life and religiosity]. *Demographia.ru*. 01 February. [Online] Available from: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=247. (Accessed: 18th October 2016).
7. Barrett, D.B., Kurian, G.T. & Johnson, T.M. (2001) *World Christian Encyclopedia*. 2nd ed. Vol. 1. New York: Oxford University Press.
8. Pew Research Center. (2012) *Faith on the Move – The Religious Affiliation of International Migrants*. [Online] Available from: <http://www.pewforum.org/2012/03/08/religious-migration-exec/>. (Accessed: 28th November 2016).
9. Gorokhov, S.A. (2012) Kuda peremeshchaetsya tsentr rosta global’nogo khristianstva? [Where does the center of the global Christian growth move?]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 12 (665). pp. 44–48.
10. Gorokhov, S.A. (2014) Khristianstvo v sovremennom Kitae [Christianity in modern China]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 12 (689). pp. 42–46.
11. Gorokhov, S.A. & Dmitriev, R.V. (2015) Latin America: modern trends of confessional development. *Vestnik Zabaykal’skogo gosudarstvennogo universiteta – Transbaikal State University Journal*. 9 (124). pp. 67–79. (In Russian).
12. Berger, P.L. (ed.) (1999) *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Washington D.C., Grand Rapids: Ethics and Public Policy Center; W.B. Erdmans Pub. Co.
13. Abramova, I.O. & Bessonov, S.A. (2012) “Arabskaya vesna” i transgranichnaya migratsiya [The “Arab spring” and cross-border migration]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 6 (659). pp. 10–17.
14. Park, J. (2015) Europe’s Migration Crisis. *Council on Foreign Relations*. 23 September. [Online] Available from: <http://www.cfr.org/refugees-and-the-displaced/europees-migration-crisis/p32874>. (Accessed: 14th October 2016).
15. Johnson, T.M. & Crossing, P.F. (2014) Christianity 2014: Independent Christianity and Slum Dwellers. *International Bulletin of Missionary Research*. 38:1. pp. 28–29.
16. Johnson, T.M., Zurlo, G.A., Hickman, A.W. & Crossing, P.F. (2015) Christianity 2015: Religious Diversity and Personal Contact. *International Bulletin of Missionary Research*. 39:1. pp. 28–29.
17. Fituni, L.L. (2013) Smena modeley mirovogo razvitiya i global’noe upravlenie v tsivilizatsionnom izmerenii [Change of models of world development and global governance in the civilizational dimension]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost’*. 4. pp. 18–29.
18. Gorokhov, S.A. (2016) Khristianstvo v epokhu globalizatsii: osnovnye tendentsii prostranstvennogo razvitiya [Christianity in the era of globalization: the main trends of spatial development]. *Izvestiya Rossijskoy Akademii Nauk. Ser. geograficheskaya*. 6. pp. 26–34.

Received: 20 March 2017

СТРУКТУРА ДРЕВНЕРУССКОГО ПАСХАЛЬНОГО (ПОДВИЖНОГО) КАЛЕНДАРЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ БАЗЫ ДАННЫХ «ХРОНОЛОГИЯ НОВГОРОДСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ IX–XV вв.»)

Анализируется структура древнерусского пасхального (подвижного) календарного цикла на материалах новгородского летописания. Русские летописи насыщены пасхальными хронологическими элементами, в указанных летописях обнаружено 303 события, которые имеют отсылку к подвижному календарю. Удалось подтвердить существование двух систем недельного счета в рамках триодного цикла: первый (понедельник–воскресенье) от начала подвижного церковного года до Пасхи; второй (воскресенье–суббота) от Пасхи до Троицы. В ранней богослужебной традиции, возможно, переход от недельного счета понедельник–воскресенье к счету воскресенье–суббота происходил не перед Пасхой, а раньше, после Крестопоклонного воскресенья. Наконец, наличие пасхальных элементов позволяет реконструировать не только древние даты на современную систему счета времени, но и сами древнерусские времязначительные системы.

Ключевые слова: база данных; Древняя Русь; летописание; хронология; пасхальный; подвижный год.

В христианской традиции принято использовать два вида календаря. Первый – неподвижный богослужебный круг, месяцеслов. Он имел относительно постоянный вид и не менялся из года в год. Второй – так называемый подвижный (пасхальный) календарь, в центре которого – праздник Пасхи (Светлого Христова Воскресения) – один из главных христианских праздников. Пасха являлась тем ориентиром, который лег в основу составления годового недельного расписания богослужений – пасхального года. От даты православной Пасхи зависело установление многих других праздников и постов, связанных с пасхальным циклом, таких как Пятидесятница (Троица), начало Петрова поста и многие другие, поэтому знание способов расчета Пасхи и составления недельного пасхально-календарного цикла было так же важно для жителей Древней Руси, как и знание месяцеслова. Несмотря на свою подвижность, пасхальный календарь имеет четкую привязку к конкретным дням недели, что позволяет использовать его при редукции древних дат. Русские летописи насыщены пасхальными хронологическими элементами, которые используются для датирования исторических событий.

Так, в новгородских летописях, которые послужили основой для разработанной автором базы данных (БД) «Хронология новгородского летописания IX–XV вв.», на данный момент выявлено 303 таких элемента. Основным источником для созданной БД стали новгородские летописи: Новгородская первая (НПЛ) (Синодальный – НПЛ-С и Комиссионный списки – НПЛ-К), Новгородская четвертая (НЧЛ) и Софийская первая (СПЛ), однако продолжается БД данными других новгородских летописей (Тверской сборник, Новгородская Карамзинская летопись). Мы в своем исследовании будем приводить сведения только по трем первым летописям, поскольку они внесены в БД полностью.

Целью исследования являются выявление и анализ хронологических элементов, позволяющих представить структуру древнерусского подвижного календарного цикла. Сплошное исследование всех пасхальных хронологических элементов стало возможным благодаря использованию указанной БД, которая позволяет делать выборку датировок определенного типа (в частности, пасхальных). Выявление структуры и специфики пасхального года, отраженного в новгородском летописа-

нии, позволяет не только реконструировать времязначительные системы наших предков (эра, календарный стиль), но и производить редукцию древних дат, решать проблемы противоречивых летописных датировок, а в некоторых случаях восстанавливать первоначальный вид датирующей записи. Непосредственно о структуре пасхального года писали в своих работах Н.В. Степанов [1] и С.В. Цыб [2], хотя они не предпринимали попыток реконструкции подвижного цикла на материалах одной летописной традиции.

В данном исследовании использовались как общехistorические (сравнительно-исторический анализ, структурный анализ и др.), так и специальные методы, разработанные в рамках исторической хронологии (методы проверки календарно-математического согласования разнотипных элементов датирующего комплекса, метод анализа несинхронных датировок, метод определения годовых границ комплексов и др.). Новаторством является применение автором исследования технологии базы данных для анализа нарративных источников, к которым относятся летописи.

Подвижный (пасхальный) календарный цикл использовался не только для систематизации богослужебной практики, но и для датирования исторических событий. Содержание чина богослужений ориентируется на подвижный календарь и оформлено в специальную книгу – Триодь, или Триодион, что означает трехпесенный канон. Эта книга содержит чин богослужений в продолжение 18 недель: 10 недель до Пасхи – Постная Триодь, 8 недель по Пасхе – Цветная. Период года, не входящий в Триодион, формально считается временем, когда памятей подвижного круга нет, однако пасхальный цикл определяет порядок следования песнопений и утренних воскресных евангельских чтений на весь год.

Итак, воскресенье за 10 недель, или 71 день до Пасхи (включая пасхальное воскресенье), получило название «неделя о мытаре и фарисее». В литературе так и не сложилось окончательного мнения, был ли этот день последним днем предыдущего пасхального года или же первым днем нового. Однако это был ориентир, от которого удобно отсчитывать новый год, так как с понедельника, который следовал за воскресеньем о мытаре и фарисее, начинался так называемый покоянный период нового подвижного года (Постная Триодь), в который

входили три подготовительные седмицы перед Великим постом и сам Великий пост. Затем наступал «праздничный период» (Цветная Триодь), в который входили собственно Пасха и послепасхальные недели до воскресенья Всех святых – заговенья на Петров пост, этим праздником завершается Триодный цикл. Следует оговориться, что в Древней Руси слово «воскресенье» не использовалось в современном понимании как название дня недели, а только лишь как Воскресение Христово. Воскресный день назывался неделей. Промежуток же

времени в семь дней, который мы теперь называем неделей, именовался седмицей. Будем придерживаться этой терминологии. Проанализируем использование отсылок к пасхальному году в качестве датирующих элементов исторических событий в новгородской летописной традиции. Результаты показаны в таблице и позволяют наглядно представить структуру подвижного церковного календаря и номера годов новгородских летописей, в которых есть упоминание конкретных пасхальных элементов.

Структура древнерусского пасхального года в новгородских летописях

Как высчитать воскресный день недели: прибавить (+) или вычесть (–) от дня Пасхи (П), входящий в счет	Дни начала и конца недели	Название	Наиболее известные праздники этой недели	НПЛ-С	НПЛ-К	НЧЛ	СПЛ
<i>Покаянный период – Постная Триодь, 10 недель (70 дней) до Пасхи</i>							
<i>Три подготовительные к Великому посту седмицы</i>							
П – 71	Воскресенье	Неделя «о мытаре и фарисее» (без седмицы)	Воскресенье «о мытаре и фарисее»	–	6896	6896	6896
П – 64	Понедельник–воскресенье	Неделя «о блудном сыне» (черкисова неделя)	Воскресенье «о блудном сыне»	–	–	6892	–
П – 57	Понедельник–воскресенье	Неделя Мясопустная (пестрая), неделя о Страшном суде	В субботу – Вселенская родительская суббота, в воскресенье заговенье (заговинки)	6642, 6717, 6723, 6746 – – 6923	6642, 6717, – 6723, 6746, – 6896, 6923	6642, 6717, – 6745, 6892, 6896, 6923	6642, 6717, – 6745 (2), – 6896
П – 50	Понедельник–воскресенье	Неделя Сыропустная, Сырная, или Масленая (Масленица)	Последний ее день – воскресенье – получил название «Прощенное воскресенье»	6722, 6736, 6738, 6776	6722	– – – 6776	– – – 6776
<i>Великий Пост</i>							
<i>Святая Четыредесятница</i>							
П – 43	Понедельник–воскресенье	1-я седмица Великого поста, Федорова неделя, Соборная неделя, Чистая неделя, Сборь Чистой недели	В субботу – память великомуученика Феодора Тирона; в воскресенье – праздник Торжество Православия	– 6677, 6686, 6723, 6724, 6738, 6746, 6822, 6833 – 6677, 6686, 6723, – – – 6738, 6746, – 6833, 6854, 6856, – 6881, – – – – 6924, 6927	6562, 6677, – – – 6738, 6746, – – – 6881, 6883, – 6893, 6899, – – – 6927	6562, 6677 – – – 6746, – – – 6833, – 6854, 6855, 6876, – 6883	6562, 6677 – – – 6746, – – – 6833, – 6854, 6855, 6876, – 6883
П – 36	Понедельник–воскресенье	2-я седмица Великого поста (без названия)		–	6924	6924	6924
П – 29	Понедельник–воскресенье	3-я седмица Великого поста, Крестопоклонная	В воскресенье – Крестопоклонное воскресенье	6746 6909, 6924	6746, – 6924	6746, – 6924	6746, – 6924
П – 22	Понедельник–воскресенье	4-я седмица Великого поста Средокрестная неделя, также именуется Крестопоклонной	В среду отмечается середина Великого поста – Преполовение Святой Четыредесятницы (в просторечии – Средокрестье)	– – – 6924	– 6740, – 6924	6608, – 6883, 6894, 6924	– – 6883, – 6924
П – 15	Понедельник–воскресенье	5-я седмица Великого поста, Похвальня	В субботу – Похвала Пресвятой Богородице; в воскресенье память прп. Марии Египетской	6712, 6750, 6779 –	6712, – 6750, 6779, – 6798, 6801	– 6724, 6750, – – 6801	– – 6750, 6779, – 6801
П – 8	Понедельник–пятница	6-я седмица Великого поста – неделя вайи	В субботу – Лазарева суббота; в воскресенье –	– 6663,	6582, 6663,	– –	6582, 6663, –

Как высчитать воскресный день недели: прибавить (+) или вычесть (-) от дня Пасхи (П), входящий в счет	Дни начала и конца недели	Название	Наиболее известные праздники этой недели	НПЛ-С	НПЛ-К	НЧЛ	СПЛ
		(«пальмовых ветвей»), в русской народной традиции цветоносная, вербная	Вербное воскресенье (Вход Господень в Иерусалим)	6673, 6705, 6712, 6823, 6834	— 6705, 6712, — 6833, — 6908	— — — — 6807, — 6850, 6894, — 6924, 6926	— — — — 6839, — 6894, — 6924, 6926
<i>Страстная седмица</i>							
	Понедельник–суббота	7-я седмица Великого поста, Страстная неделя (Страстная седмица)	Каждый день этой недели получал название «Великий»	6724, 6734, 6807, 6838	6724, 6734, 6807, 6839, 6850, — 6904, 6924	— — 6807, — 6850, 6894, — 6924, 6926	— — — 6839, — 6894, — 6924, 6926
<i>Праздничный период – Триодь Цветная употребляется с утрени первого дня Пасхи до Божественной литургии в Неделю Всех святых</i>							
	Воскресенье, воскресенье–суббота	ПАСХА Седмица 1-я по Пасхе, Светлая (цветная) седмица	В воскресенье – Пасха	— — — 6675	6914 6582, — 6664, 6675, — 6724, 6860, 6675, — 6860, — — 6904, — 6942 (2)	— — 6675, 6724, — 6888, 6894, — 6912, 6942 (2)	6582, 6605, — — 6675, 6724, — 6888, — — 6912 —
П + 8	Воскресенье–суббота	Седмица 2-я по Пасхе – Антипасха (букв. «Вместо Пасхи»), апостола Фомы (Фомина неделя), Антипоклонная, «Красная горка»	Во вторник – Радоница (пасхальное поминование усопших)	— 6737	— 6737	6724 (2), — 6880 (2), 6894, 6898	6724 (2), — 6880 (2), 6894
П + 15	Воскресенье–суббота	Седмица 3-я по Пасхе, святых жён-мироносиц		— — — 6738	— 6846	6724 6846	6724 —
П + 22	Воскресенье–суббота	Седмица 4-я по Пасхе, «о расслабленном»	В среду – Преполовение Пятидесятницы (П + 25)	— 6807, 6896 6953	— 6896	6724 (2), 6896	—
П + 29	Воскресенье–суббота	Седмица 5-я по Пасхе, «о самарянине»	В среду – отдание праздника Преполовения	6738	6738	— 6897	—
П + 36	Воскресенье–суббота	Седмица 6-я по Пасхе, «о слепом»	В четверг – Вознесение Господне (П + 40)	— 6896	— 6896	6896	6896
П + 43	Воскресенье–суббота	Седмица 7-я по Пасхе, «святых отцов I Вселенского собора»	В субботу – Троицкая родительская суббота	— — — 6809	— — — 6848	— — — 6851	— — — 6809
П + 50	Воскресенье	Седмица 8-я по Пасхе	В воскресенье – Троица (Пятидесятница)	— — — 6809	— — — 6851	— — — 6851	— — — 6851
П + 57	Понедельник–воскресенье	Седмица 1-я по Пятидесятнице	В понедельник – «Духов День» (День Святого Духа) (П + 51); в воскресенье – праздник Всех святых и заговенье на Петров пост	6702	6702 6777 6785 — — 6914	6702 6777 — 6858 — 6914	6702 6777 6785 — — 6880 6914
<i>Конец триодного цикла</i>							
П + 64	Понедельник–воскресенье	Седмица 2-я по Пятидесятнице	В понедельник (П + 58) – начало Петрова поста, который длится до 29 июня (12 июля)	6721	6721 — 6893	6721 — 6893 — 6912	— — — — 6912

Примечание. Жирным шрифтом выделены двунадесятые праздники.

В новгородских летописях воскресенье – *неделя о мытаре и фарисее* – упоминается всего один раз. Под 6896 г. в СПЛ говорится от том, что Владыка Иван вернулся из Москвы в Новгород после рукоположения «м(е)с(я)ца феврал(я) 8 в Фарисе́йскую недѣлю» [3. Стб. 491]; те же хронологические ориентиры мы находим и в НПЛ-К и в НЧЛ [4. С. 383; 5. С. 351]. В данной датиров-

ке нет никаких противоречий: Пасха в 6896/1389 г. была 18 апреля, а 8 февраля было воскресеньем о Митаре и Фарисее. С понедельника начинался отсчет семидневок нового пасхального года и до праздника Пасхи он шел в порядке понедельник–воскресенье.

1-я седмица по последнему ее дню, т.е. воскресенью, называлась неделей «о блудном сыне», или Чер-

кисовой недеley. В хронологии новгородских летописей используется тоже один раз. Так, в НЧЛ под 6892 г. говорится о столкновениях различных концов Новгорода, которые продолжались больше двух недель, среди прочих хронологических элементов здесь упомянуто: «бысть на Чертьтисовѣ недѣли, в четвергъ» [5. С. 340]. Пасха в 6892/1384 г. была 10 апреля, тогда воскресенье о блудном сыне было 7 февраля, а седмица эта длилась с 1 по 7 февраля. Четверг этой седмицы приходился на 4 февраля. При этом летописец использовал мартовский стиль константинопольской эры. Таким образом, с помощью знания структуры пасхального календаря нам удалось реконструировать юлианскую дату, эру и стиль.

2-я седмица называлась **Мясопустной, или Неделя о Страшном суде**. В последний ее день (Мясопустное воскресенье) последний раз перед Великим постом разрешалось вкушать мясо. В новгородских летописях несколько раз в качестве хронологического ориентира упоминается эта седмица – «в мясопустную субботу», «бысть на мясопустной недѣли» и др., но ни разу она не упоминается как неделя о Страшном суде [4. С. 254, 340]: в НПЛ-С – 4 раза, НПЛ-К – 5, НЧЛ – 6, СПЛ – 5 (см. таблицу).

В некоторых случаях наличие пасхальной отсылки вместе с указанием на день недели позволяет произвести редукцию юлианской даты и времязчислительной системы. Например, в статье 6746 г. НПЛ говорится о том, что татары вновь подошли к Владимиру и подожгли его «въ пяток прежде мясопустная недѣли» [Там же. С. 75, 287]. Пасха в 6746/1238 г. была 4 апреля, Мясопустная неделя приходилась на 7 февраля, тогда дата поджога Владимира – 5 февраля 1238 г. Разница между эрой от Сотворения Мира и эрой от Рождества Христова для февраля составила 5008 лет, что свидетельствует о том, что в данном случае летописец использовал ультрамартовский календарный стиль константинопольской эры. В то время как в СПЛ и НЧЛ это же событие датировано 6745 г., т.е. мартовским календарным стилем той же эры.

3-я седмица получила название **Сыропустной**, **Сырной** или **Масленой недели** (**Масленицей**). Последний ее день именовался «Прощенное воскресенье». Он же был «заговеньем» (великим говеньем), т.е. последним днем перед самым длительным и строгим постом в году – Великим постом. В летописях упоминания этой недели чаще всего выглядят так: «сыропустную недѣлю», «в суботу сыропустной недѣль» [4. С. 207, 317–318]. В новгородских летописях чаще всего используется ссылки на эту неделю в НПЛ-С – 4 раза, в остальных – по одному разу (см. таблицу).

После Масленицы начинались 7 седмиц Великого поста. В большинстве случаев в Древней Руси применялась та же схема счета семидневок Великого поста, которая и ныне используется в церковном календаре: первые 6 недель считались в порядке понедельник–воскресенье. Последняя, 7-я неделя Великого была короче, с понедельника по субботу, и называлась страстной.

1-я седмица Великого поста, она же 4-я семидневка передвижного года, называлась Федоровой (в

субботу на этой неделе отмечается память великому-ченика Феодора Тирона как переходящее празднование). Она имеет и другое название – Соборная, так как на этой неделе русские священники проводили свои соборы-съезды. В источниках можно обнаружить еще одно название этой недели – «Чистая недѣля», «Сборъ Чистой недѣли». То, что Великий пост начинался с понедельника «Федоровой недели», подтверждается следующей записью в НПЛ-К: «...начинаемъ отъ първаго понедѣлника, наставшо Федоровъ недѣли...» [Там же. С. 200], – аналогичная формулировка в СПЛ. Эта первая семидневка Великого поста часто становилась важным ориентиром для недельного датирования событий. В летописях можно встретить такие хронологические метки: «на Фе[до]ровъ недѣли»; «1 недѣли поста»; «на зборъ по Федоровъ недѣль» [3. Стб. 445; 4. С. 182; 5. С. 221]. Не случайно, что количество использований этой хронологической отметки значительно: в НПЛ-С – 7, НПЛ-К – 10, НЧЛ – 8, СПЛ – 5 раз.

2-я седмица Великого поста названия не имела. В НПЛ-С не упоминается ни разу. В НПЛ-К, НЧЛ и СПЛ используется один раз в 6924 г.: «в недѣлю 2-ю поста въ 15 (марта. – *Н.И.*)» «марта въ 9, на 40 мученикъ, по зборѣ, в понедѣльникъ» [3. Стб. 536; 4. С. 406; 5. С. 415]; речь идет о чудесах в Москве в церкви святой Богородицы у гроба митрополита Петра. Здесь нет никаких противоречий. Пасха в 6924/1416 г. была 19 апреля, 1-я соборная неделя Великого поста приходилась с 2 по 8 марта, тогда 9 марта действительно относилось ко 2-й неделе (после соборной), а 15 марта было воскресеньем этой недели.

З-я седмица Великого поста в современной богослужебной практике называется **Крестопоклонной** по своему воскресному дню. На утрени из алтаря выносится Честной и Животворящий Крест Господень и предлагается для поклонения верующим; он находится в середине храма до пятницы следующей недели, поэтому в народе эту неделю называли «Крестовой», а третью воскресенье и четвертую седмицу Великого поста – «крестопоклонными». Интересно, что в Лаврентьевской летописи эта неделя называлась безымянной: «В лѣтѣ . ६८ . wт . ві . [6812 (1304)] мѣса . марта . въ . є . на безъимѣньной недѣ . во вторникѣ» (подчеркивание мое. – Н.И.) [6. С. 487]. Вероятно, в Древней Руси еще окончательно не сложилась структура пасхального года и не закрепились названия за определенными седмидцами, хотя некоторые недели уже имели вполне устойчивые названия. В новгородских летописях всего два раза используется отсылка к этой седмице, все летописи упоминают ее в статье 6746 г., и только в НПЛ-К есть еще раз отсылка к ней в статье 6909 г. Оба случая весьма занимательны.

Статья 6746 г. во всех новгородских летописях рассказывает о взятии татарами Торжка «мѣсяца марта въ 5, на память святого мученика Никона, въ среду средохрѣстную» [4. С. 76, 288]. Из источника следует, что 5 марта приходилось на 4-ю седмицу поста. Однако, как мы уже выяснили, в 6746/1238 г. Пасха была 4 апреля, поэтому среда Средокрестной недели приходилась не на 5, а на 10 марта, так как Крестопоклонное воскресенье приходилось на 7 марта, поэтому

му 5 марта относилось к 3-й седмице Великого поста. Можно предположить, что происходило смешение названий седмиц: и 3-я, и 4-я седмица могли называться «крестопоклонными», поскольку в конце 3-й седмицы отмечается Крестопоклонное воскресенье, а само поклонение Кресту приходилось на большую часть 4-й седмицы. Либо же прав Н.В. Степанов, выдвинувший гипотезу о том, что ломка в структуре пасхального календаря в Древней Руси, т.е. переход от счета недель понедельник–воскресенье на счет воскресенье–суббота, происходил не перед Пасхой, как в современном календаре, а на рубеже 3–4-й седмиц, в Крестопоклонное воскресенье [1. С. 27–29]. Кроме того, 5 марта в 1238 г. не было средой, средой было 3 марта. Месяцесловная отсылка тоже не верна, должно быть «мученика Конона», память которому отмечается 5 марта. В этой датировке целая серия несоответствий и в пасхальном, и в месяцесловном обозначении, и в дне недели.

Можно согласиться с Н.Г. Бережковым, утверждавшим, что ошибки кроются именно в месяцесловном и пасхальном обозначениях, а не в юлианской дате, поскольку последняя хорошо согласуется с датировкой начала развития этого сюжета. Оно относится к 6746 г.: «на сборь чистой недѣли (конец листа. – Н.И.)» [4. С. 75], т.е. 21 февраля татары подошли к Торжку и простояли под городом около двух недель («по двѣ недѣлѣ»), примерно до 5 марта [7. С. 270–271]. В НПЛ-С дата начала осады Торжка находится на одном листе, и она в ультрамартовская, в то время как следующие даты уже на другом листе и они мартовские. То же самое и в других новгородских летописях (НПЛ-К, НЧЛ, СПЛ). С определением календарного стиля в статьях 6744–6746 гг. во всех указанных новгородских летописях идет перемежение ультрамартовских и мартовских датировок. Так, сообщение о солнечном затмении 3 августа 1236 г. в НЧЛ и СПЛ зафиксировано дважды: в 6744 (мартовском) и 6745 (ультрамартовском) годах [3. Стб. 287–288; 5. С. 214]. В НПЛ это известие расположено в 6745 г. (ультрамартовском).

Как видим из приведенного выше примера, 6746 г. содержит и ультрамартовские, и мартовские датировки. Так, сюжет о взятии Рязани (16–21 декабря 1237 г.), помещенный в начале годовой статьи, и известие об осаде Владимира «въ пяток прежде мясо-пустныя недѣли» (5 февраля, см. выше) явно ультрамартовские. В то время как осада и взятие Торжка имеют мартовскую датировку. Как такое было возможно? Ответить на этот вопрос в рамках данной статьи вряд ли получится, необходимо привлечение дополнительных источников и материалов. Однако можно сделать предположение, что летописец пытался объединить тематически однородные сообщения в один год, используя разные источники, которые и содержали разные датировки. Видимо, поэтому у Н.Г. Бережкова так и не сложилось однозначного мнения о принадлежности этих статей НПЛ к конкретному стилю, он пишет о них то как об ультрамартовских, то как о мартовских [7. С. 110, 270–271].

Статья 6909 г. НПЛ-К тоже дает отсылку на 3-ю седмицу поста. Поездка новгородского владыки Иоанна в

Москву к митрополиту Киприану по церковным делам датируется «мѣсяца марта въ 6 въ среду крестьной недѣль» [4. С. 396]. В данной статье тоже множество разногласий в хронологии. Во-первых, в 6909 г. Пасха приходилась на 3 апреля, тогда 6 марта было Крестопоклонным воскресеньем, но не средой. Во-вторых, 6 марта было средой только в 1409 г., в таком случае можно предположить, что летописец использовал антиохийскую (очень архаичную для этого времени) эру, что маловероятно. Кроме того, в 1409 г. Пасха отмечалась 7 апреля, что не соответствует 6909 г. Следовательно, летописец явно ошибся в дне недели, так как остальные хронологические элементы 6 марта и указание на Крестопоклонную неделю согласуются между собой.

4-я седмица Великого поста называлась **Средокрестной**. В среду этой недели отмечали середину Великого поста – Преполовение Святой Четыредесятницы (в просторечии именовалось Средокрестьем), до пятницы этой недели святой Крест доступен верующим для поклонения, поэтому в народе эту седмицу называли Середокрестная, Крестопоклонная, Пере-ломная, Водокрѣсная неделя. В новгородских летописях не часто использована отсылка к этой седмице поста: по 2 раза в НПЛ-К и СПЛ, 3 раза в НЧЛ, в НПЛ-С ни разу (см. таблицу). Две датировки заслуживают отдельного внимания.

В НЧЛ под 6894 г. говорится о походе смоленского князя Святослава Ивановича с братичем, племянником по брату, Иваном Васильевичем, князем Глебом Святославичем и братом его Юрием на литовцев, отвоевать завоеванный ими город Мстиславль. «Въ великое говѣніе, на средокрестной недѣли, мѣсяца марта въ 22» [5. С. 343–344], – так датируется сбор князей для начала похода. Все хронологические элементы этого известия согласуются между собой (22 марта начало похода, 18 апреля на Страстной неделе подошли к городу, простояли 11 дней, 29 апреля сражение и гибель двух первых князей). Пасха в 6894/1386 г. была 22 апреля, 4-я неделя приходилась на 26 марта (понедельник) – 1 апреля (воскресенье). 22 марта не попадало на эту неделю, оно выпадало на 3-ю неделю, которая называется в современной пасхалии Крестопоклонной. Возможно, у летописца произошло смешение этих двух недель. Наличие дополнительных хронологических ориентиров (18 апреля – «в сред(у) на Страстной недѣли», 29 апреля – «еже есть в Фомину недѣлю, на антіпасху») позволяет не только реконструировать дату Пасхи этого года, но и установить эру и календарный стиль, использованные летописцем – константинопольская эра, мартовский календарный стиль.

В 6924 г. говорится о рукоположении владыки Самсона. Приводится несколько дат: «в субботу 3-ю поста 21 (марта. – Н.И.)», «в недѣлю средокрестьную въ 22 д(е)нь (марта. – Н.И.)», «на память святого отца Василья» [4. С. 406]. Пасха в 6924/1416 г. была 19 апреля, тогда 4-я неделя поста была с 23 по 29 марта, а 3-я неделя с 16 по 22 марта по современному счету. Однако здесь Крестопоклонное воскресенье (22 марта) отнесено к следующей, 4-й Средокрестной неделе. Поэтому, возможно, здесь, как и в 6746 г.,

продолжается сдвижка в счете недель, и счет воскресенье–суббота начинался с Крестопоклонного воскресенья. Тем более что возвведение Самсона митрополитом Фотием во иеромонахи датируется 21 марта субботой и относится к 3-й неделе поста.

Как видно из наблюдений за хронологическими ссылками в новгородских летописях на 3-ю и 4-ю недели Великого поста, окончательная структура пасхального года, по крайней мере в начале XV в., еще не сформировалась.

5-я седмица Великого поста называлась Похвальной, так как в ее субботний день праздновалась Похвала Богородице. В новгородских летописях 5 известий дополнительно снабжены этим хронологическим ориентиром. В каждой летописи по три таких отсылки, правда, под разными годами (см. таблицу).

Интерес представляет одно известие. Речь идет о солнечном затмении 23 марта 1270 г. Оно зафиксировано в обоих изводах НПЛ и СПЛ под 6779 г. Пасха в 6779/1270 г. приходилась на 13 апреля, тогда Похвальная 5-я неделя была с 24 по 30 марта. Причем в данной годичной статье использован ультраматровский стиль константинопольской эры, так как разница между 6779 и 1270 гг. для марта месяца составила 5509 лет. Это согласуется с рассуждениями Н.Г. Бережкова [7. С. 273–274]. Однако 23 марта не могло быть на 5-й седмице поста, оно должно было быть последним днем (воскресеньем) 4-й недели, если только не поддержать идею Н.В. Степанова о том, что в Древней Руси переход от недельного счета понедельник–воскресенье к счету воскресенье–суббота происходил не перед Пасхой, а раньше, после Крестопоклонного воскресенья [1. С. 27–29]. Тогда 23 марта действительно относилось к 5-й седмице Великого поста.

Таким образом, в новгородском летописании мы имеем как минимум три свидетельства о том, что ломка в недельном расписании передвижного календаря (со счета понедельник–воскресенье на счет воскресенье–суббота) происходила в Крестопоклонное воскресенье.

6-я седмица Великого поста называлась Цветной («цветоносная») или, в русской народной традиции, Вербной в честь праздника Входа Господня в Иерусалим, также эта неделя называлась «неделя вайи» («пальмовых ветвей»). Два наиболее почитаемых праздника, выпадающих на эту седмицу, – Лазарева суббота и Вход Господень в Иерусалим (воскресенье). В источниках не всегда можно разобрать, относятся ли Лазарева суббота и Вербное воскресенье к 6-й седмице Великого поста или же к 7-й (Страстной). Зачастую выделяют период Страстной седмицы, к которому примыкают Лазарева суббота и воскресенье – Вход Господень в Иерусалим. Однако названия «Цветная триодь» и «неделя вайи» (Цветная неделя) происходят от вышеупомянутого праздника, так как в ранней богослужебной традиции вторая часть Триоди начиналась со службы вечерни пятницы, накануне Лазаревой субботы, связанной с праздником Входа Господня во Иерусалим [8].

Посмотрим, что по этому поводу говорится в новгородских летописях. Всего 9 известий в новгородских

летописях имеют привязку к хронологическим ориентирам этой недели. Распределение их по годам и летописям можно посмотреть в таблице. Некоторые из дат могут быть проверены на соответствие всех приведенных хронологических элементов и помочь в восстановлении эры и стиля, используемых летописцем.

Под 6582 г. в НПЛ-К и СПЛ в известии о смерти Феодосия Печерского есть интересная запись «в пяток на кануну Лазоревъ». В сии бо д(е)нь канчивается посты 40, начинаемь от первого понедѣлника, наставши Феод(о)ровѣ недѣли, консается в пяток Лазорвъ, а стр(а)стная недѣля установлена есть поститися стр(а)сти ради г(о)с(под)ни» [3. Стб. 202]. Из этой записи следует, что Четыренадесятица (сорокодневный пост) заканчивается в пятницу накануне Лазаревой субботы, а Лазарева суббота и Вербное воскресенье – Вход Господень в Иерусалим – относятся к 7-й Страстной седмице Великого поста.

В 6673 г. НПЛ-С приводит нам дату расположения новгородского архиепископа Ильи киевским митрополитом Иоанном «мѣсяцъ марта въ 28, на върбницю» [4. С. 31]. Это же известие есть в НЧЛ, но без даты. Пасха в 6673/1165 г. приходилась на 4 апреля, а Вербное воскресенье на 28 марта, это совпадает с показаниями летописи. Можно уверено утверждать, что летописец использовал мартовский стиль константинопольской эры.

Лазарева суббота упоминается в новгородских летописях еще один раз под 6823 г.: в НПЛ-С, НПЛ-К, СПЛ помещено известие о поездке князя Юрия Даниловича в Орду, куда он был вызван. Сначала поехал из Новгорода в Ростов, а оттуда в Орду, «м(е)с(я)ца марта въ 15, въ суботу Лазареву» – дата выезда из Ростова [3. Стб. 372]. В 6823/1315 г. Пасха была 23 марта, тогда Лазарева суббота приходилась на 15 марта. Это подтверждает использование летописцем мартовского календарного стиля константинопольской эры. Остальные известия не содержат полных дат и не могут быть проверены.

Из приведенного анализа ясно, что Лазарева суббота и Вербное воскресенье выделяются особо («въ суботу Лазареву», «на върбницю»). Судя по статье 6582 г., они могли входить в состав следующей Страстной седмицы. Ссылки же непосредственно на дни недели 6-й седмицы встречаются дважды («въ понедѣлникъ върбной недѣли» – 6712 г.; «въ вторникъ на Вербной недѣли» – 6833/6834 г.). Эта седмица могла также называться «цветной» («празднова с ними в недѣлю цвѣтную» – 6582 г.). Оба случая требуют дополнительного рассмотрения.

Так, в статье 6712 г. помещено известие о взятии крестоносцами Царьграда, «априля въ 9 день в пяток 5 недѣли поста» они подступили к городу, затем «стояша ту Фрязи 3 дни» и взяли город «въ понедѣлникъ върбной недѣли солнцю въсходящю» [4. С. 48, 243]. С.В. Цыб усматривает в этих датировках следы «второго порядка счета великопостных семидневок», который вел недельный счет с воскресенья до субботы «при этом нумерация “седмериц” начинала вестись с опозданием на шесть дней по сравнении с первой, “недельной” (современной. – Н.И.) схемой счета» [8. С. 31–32]. Пасха в 6712/1204 г. приходилась на

25 апреля, тогда 5-я (Похвальная) неделя была с 5 по 11 апреля, а 9 апреля действительно было пятницей. Взятие же города, если следовать летописи, произошло 12 апреля 1204 г., в понедельник следующей, вербной седмицы Великого поста. Однако С.В. Цыб считает Вербное воскресенье пятым, а не шестым в структуре Великого поста [8. С. 31–32], и поэтому относит эту дату ко второй схеме счета «седмериц», но здесь нет расхождений с современной системой счета пасхальных недель, и утверждение С.В. Цыба необоснованно.

Второй случай представляет интерес в связи с тем, что летописи приводят одинаковую пасхальную ссылку хиротонии новгородского архиепископа Моисея «въ вторник на Вербной недѣли», но датируют разными годами НПЛ, оба извода 6834 г., также как и СПЛ, а НЧЛ – 6833 г. Очевидно, что все дело в используемом стиле. Поскольку в датировке данного известия нет юлианской даты, то трудно понять, от Пасхи какого года, 6833 или 6834 г., нужно отсчитывать вторник вербной недели. Для этого необходимо привлечь другие датируемые известия, относящиеся к этим годам. В НПЛ и СПЛ есть известие о смерти митрополита киевского и всея Руси Петра 20 декабря, и оно тоже относится к 6834 г., а в НЧЛ эти события разнесены на два разных года (6833 г. – рукоположение Моисея, 6834 г. – смерть митрополита Петра). Это возможно только в том случае, если в НПЛ и СПЛ использован мартовский стиль константинопольской эры, а в НЧЛ – сентябрьский, который на полгода опережает мартовский, и в нем между весной и декабрем происходит смена года. Таким образом, очевидно, что в дате Пасхи нужно ориентироваться на НЧЛ. Пасха в 6833/1325 г. была 2 апреля, тогда вторник вербной недели приходился на 21 марта, т.е. это и есть дата поставления архиепископа Моисея. Итак, знание структуры пасхального года помогает в реконструкции древних дат и времязначительных стилей.

7-я седмица Великого поста. В Великий пост также входила и последняя седмица перед Пасхой (**Страстная**) в честь страданий Иисуса в последние дни его земной жизни, смерти и погребения, потому и называемая Страстной. Она называется также Великой по знаменательности свершившихся в этот период событий. Однако эта седмица была не полной, она состояла только из 6 дней (понедельник–суббота), так как ее воскресный день и был днем Пасхи. Последняя великопостная седмица («в великии четверток на страстной недѣли») выводила счет дней недели на новый ориентир – Воскресение Христово.

В новгородском летописании всего 9 известий имеют отсылки к этой седмице (см. таблицу). Большая часть пасхальных элементов хорошо согласуется с другими показаниями и позволяет реконструировать календарный стиль и эру и в некоторых случаях юлианскую дату. Однако два известия демонстрируют ошибки летописцев в расчетах пасхальных элементов. Во-первых, статья 6894 г. (см. о ней выше) и статья 6838/6839 г. (НПЛ-С – 6838 г., НПЛ-К и СПЛ – 6839 г.). Что качается второго известия (посольство от митрополита, звали владыку Василия ставиться на владычество), которое датируется «тои же зимы... на

страстной недѣли» [4. С. 99], то, видимо, в НПЛ-С в номере года (6838 г.) ошибка, так как по структуре года между январем и марта нет перехода от одного года в другой, т.е. все события укладываются в один год. Такой год должен быть сентябрьским, но это не так, он не соответствует 6839 мартовскому году НПЛ-К и СПЛ. Пасха в 6839/1331 г. была 31 марта, значит, страстная неделя приходилась с 25 по 30 марта. К этому же 1331 г. относится другая полная дата в НПЛ-К и СПЛ – 8 декабря, воскресенье, память святого Потапия (дата возвращения архиепископа Василия после рукоположения), что подтверждает наше предположение о правильности года – 6839/1331 г. Кроме того, в публикации есть запись о том, что в рукописи НПЛ-С на этом листе меняется почерк, вплоть до 6845 г. Возможно, при смене летописцев в номере года и произошла ошибка.

Другая система для расчета семидневных недельных циклов входит в интервал Пасха–Троица (Пятидесятница). В богослужебной практике она получила название **Цветная триодь**. Триодь цветная заключает в себе песнопения от Недели Пасхи до Недели Всех святых, то есть следующего воскресенья после Пятидесятницы. «В России такое деление Триодина на Постную и Цветную сохранялось до середины XVII в. и было изменено в ходе реформы патриарха Никона. В старообрядческих изданиях по древней традиции Триодь постная закачивалась вместе с Четыредесятницей, а Триодь цветная начиналась с Лазаревой субботы и была тесно связана с праздником Входа Господня в Иерусалим» [9].

Особенность этой системы заключается в том, что отсчет начала седмицы велся не от понедельника до воскресенья, как в первой системе, а от воскресенья до субботы. Она также широко отражена в летописных источниках. Так, и Пасха, и пасхальная (Светлая, цветная) седмица часто используются в летописных датах; в новгородских летописях 11 известий имеют хронологическую отсылку или непосредственно к Пасхе («въ Великъ день»), или к седмице, следующей за ней («по Вѣ[ли]це дні», «после велице дни в среду», «на святои недѣль») (см. таблицу).

Есть несколько несоответствий между показаниями летописей и пасхальным недельным счетом. Так, в статье 6942 г. говорится о военном походе на Новгород великого князя Василия Васильевича «апрilia въ 1, на святои недѣли» и «апрilia въ 5, на святои недѣли» [4. С. 417], эти же данные и в НЧЛ. Вполне согласна с Н.Г. Бережковым, что здесь нет расхождений в пасхальном цикле, Пасха в 6942/1434 г. была 28 марта, а 1 апреля было четвергом Светлой (пасхальной) седмицы, однако 5 апреля не могло входить в эту же седмицу, поскольку было понедельником следующей, Фоминой седмицы [7. С. 302].

Другие послепасхальные седмицы также часто становились ориентирами для выражения летописных дат.

2-я неделя по Пасхе – Фомина неделя. В новгородских летописях всего семь известий, имеющих отсылку к этой неделе (см. таблицу). Все они не имеют хронологических противоречий, некоторые позволяют реконструировать даты.

В 6737 г. приход в Новгород на княжение Михаила Всеволодовича черниговского в НПЛ датируется «по

велицѣ дни Фоминѣ недѣли исходяче» [4. С. 68, 274]. Пасха в 6737/1229 г. приходилась на 15 апреля, Фомина неделя была с 22 по 28 апреля, т.е. приход князя можно датировать 28 апреля 1229 г.

В 6880 г. в СПЛ и НЧЛ, описывая один из эпизодов литовско-московского конфликта, рассказывается о неудачной осаде Переяславля-Залесского «въ среду... по Радуници» [3. Стб. 441; 5. С. 297]. Наличие этих сведений позволяет восстановить данную дату. Во вторник Фоминой недели отмечается Радоница (пасхальное поминование усопших, Пасха в 6880/1372 г. приходилась на 28 марта, Радоница была 6 апреля во вторник, таким образом, дата осады – 6 апреля 1372 г., среда).

3-я неделя по Пасхе – неделя святых жен-мироносиц. К данной хронологической метке в новгородских летописях есть только две ссылки (см. таблицу). Наличие указаний на дни недели в обоих случаях позволяет реконструировать точную дату и времязнисчительные системы.

Так, в 6724 г. после Липицкой битвы князя Мстислава Мстиславича Удатного, Константина Всеволодовича со своими сторонниками пошли к Переяславлю-Залесскому, куда бежал Ярослав Всеволодович. Ярослав не хотел признавать примирение, подписанное Юрием Всеволодовичем (признал старшинство Константина и его право на владимирский престол). Датируется этот поход «въ пяток 3 недѣли по Вѣлицѣ дні» [3. Стб. 273; 5. С. 196]. Пасха в 6724/1216 г. была 10 апреля, тогда неделя святых жен-мироносиц приходилась на 24 апреля, а поскольку после Пасхи счет ведется с воскресенья по субботу, то пятница была 29 апреля. В обеих летописях использован мартовский стиль константинопольской эры. По тому же принципу мы можем восстановить дату наводнения в Новгороде на Волхове и разрушения великого моста в 6846/1338 г. – среда 29 апреля. Календарный стиль и эра те же, что и в предыдущем случае.

4-я неделя по Пасхе – неделя «о расслабленном». На этой неделе на 25-й день после Пасхи отмечается важный праздник Преполовение Святой Пятидесятницы. Преполовение Пятидесятницы празднуется 8 дней, начиная от 4-й среды по Пасхе и заканчивая средой 5-й седмицы, поэтому упоминание этого праздника может относиться и к этой неделе, и к следующей. В новгородских летописях три известия имеют ссылку к этой неделе или празднику Преполовение.

Дважды использованы эти хронологические элементы в статье 6724 г. НЧЛ: «вторник, 4 недѣли» «въ Припловленіе, въ среду» [5. С. 196], причем оба относятся к продолжению сюжета о конфликте Ярослава Всеволодовича с князьями (см. выше). Наличие указаний на дни недели позволяет реконструировать даты: первая – 3 мая 1216 г. Ярослав был челом старшему брату (Константину), прося мира и защиты от тестя Мстислава Мстиславича Удатного, который забрал у него свою дочь; вторая – 4 мая произошло окончательное примирение и Ярослав одарил князей-победителей щедрыми дарами, хотя жену не вернул.

Известие о смерти новгородского архиепископа Клиmenta (6807 г.) имеет хронологические несоответ-

ствия. В НПЛ она датируется «мѣсяца маia 22 на память святого мученика Василиска, в пяток 4-и недѣли по Пасхѣ» [4. С. 90, 329–330]. Месяцесловная ссылка верна, 22 мая действительно было пятницей в 1299 г., а вот с пасхальной имеются некоторые проблемы. Пасха в 6807/1299 г. была 19 апреля, тогда 4-я неделя по Пасхе была с 10 по 16 мая, а не с 17 по 23. Очевидно, что здесь ошибка в расчете послепасхальных недель, должно быть 5-й недели по Пасхе, а не 4-й, как в летописи.

Последнее известие под 6896 г. об отречении новгородского владыки Алексея, казалось бы, не дает шанса на реконструкцию даты «на Препловленіе праздника Владычня» [4. С. 381; 5. С. 348], и нет никаких других хронологических ориентиров. Однако зная, что Переполовение отмечается в среду на 25-й день после Пасхи, отталкиваясь от информации в той же статье об избрании нового архиепископа Ивана Стухина «мѣсяца маia въ 7 на Вознесение господне, на память святого отца Пахомия» [4. С. 382; 5. С. 349], можно уверено произвести редакцию дат и времязнисчительных систем. Пасха в 6896/1388 г. была 29 марта, Преполовение – в среду 22 апреля (дата отречения Алексия), Вознесение – в четверг 7 мая (дата избрания владыки Иоанна). В обоих случаях использован мартовский календарный стиль константинопольской эры.

Таким образом, мы снова убедились, что знание структуры подвижного православного календаря помогает в реконструкции как дат, так и времязнисчительных систем.

5-я неделя по Пасхе – неделя «о самарянине». В новгородских летописях два известия имеют ссылку к этой неделе. В 6738 г. в НПЛ сообщается о землетрясении в Новгороде «в пятък по велицѣ дни 5 недѣли въ обѣдь» [4. С. 69, 275]. Дату этого события можно восстановить. Пасха в 6738/1230 г. была 7 апреля, 5-я неделя по Пасхе приходилась с 5 по 11 мая, пятница этой недели – 10 мая. При датировке этого известия использован мартовский стиль константинопольской эры.

Второе известие – смерть Дмитрия Ивановича Донского «мая въ 19 день на память святаго мученика Патрика, за 5 недиль по Вѣлицѣ дни, в среду, долго вечера, въ 2-и часъ нощи» [5. С. 358]. Эта дата не содержит никаких противоречий, месяцесловная ссылка соответствует реальности. Пасха в 6897/1389 г. была 18 апреля, 5-я неделя после Пасхи приходилась с 16 по 22 мая, и 19 мая выпадало на среду этой недели. Итак, в НЧЛ использован мартовский стиль константинопольской эры. В СПЛ те же календарные, месяцесловные и пасхальные показания, но год другой – 6896. Тут явно летописец допустил ошибку, если, конечно, не предположить использование постмартовского календарного стиля, что маловероятно. Для окончательного ответа на этот вопрос требуются дополнительные сведения.

6-я неделя по Пасхе – неделя «о слепом». Только одно известие имеет ссылку к этой неделе, а точнее, к празднику, который отмечается на этой неделе, – Вознесение Господне. Этот двунадесятый праздник отмечается на 40-й день после Пасхи. Случай с использованием ссылки к указанному празднику мы уже рассмотрели (см. 6896 г.).

7-я неделя по Пасхе – неделя святых отцов Первого Вселенского собора. Память Первого Вселенско-

го Собора, бывшего в Никее в 325 г., празднуется христианской церковью с древнейших времен. На этом соборе были приняты основные правила празднования Пасхи, которых придерживаются все христианские церкви. В новгородских летописях нет известий, которые бы имели датировки, связанные с этой неделей.

На **8-й неделе по Пасхе** отмечается один из главных двунадесятых праздников – **Троица (Пятидесятница)**. Период Пятидесятницы замыкают Троицкая родительская суббота и собственно сама Пятидесятница (Троица), ее попразднство и отдание. В источниках этот праздник иногда встречается под названием «Сошествие Святого Духа». Троица как ориентир недельного счета в новгородских летописях упоминается всего в трех известиях. Одно из них заслуживает особого внимания.

Под 6848 г. помещено известие о страшном пожаре в Новгороде, погорели Неревский конец и владычный двор, церкви святой Софии, Людин конец, пожар был настолько силен, что, пытаясь спастись от него в Волхове, люди тонули. Произошло это бедствие «мѣсяца июня въ 7, на память святого мученика Федота, въ вторник на Троицкой недѣлѣ» [4. С. 351]. Наличие такого количества хронологических элементов позволяет проверить их на согласованность между собой и установить эру и стиль. Месяцесловная отсылка верна, действительно 7 июня отмечается память мученика Феодота Анкирского, однако 7 июня не могло быть вторником на троицкой неделе. Пасха в 6848/1340 г. отмечалась 16 апреля, Троица приходилась на 4 июня. Вроде бы 7 июня попадает в границы троицкой недели (4–10 июня), но вторник этой недели был не 7, а 6 июня, 7-е же было средой. Скорее всего, первоначальной датировкой была именно пасхальная отсылка, к которой летописец по невнимательности добавил ошибочную юлианскую дату и к ней уже месяцесловное обозначение. Это подтверждается и наличием совершенно другой даты – «Мѣсяца августа 7» [5. С. 269]. Если наша гипотеза верна, то в датировке данного летописного известия использован мартовский стиль константинопольской эры.

Под 6809 г. сообщается о походе князя Андрея Александровича с новгородцами на Неву к городу, который построили «свѣи». Взяли его новгородцы «мая въ 18, на память святого Патрикия, в пяток перед Сществием святого духа». Юлианское число этой даты неверно, поскольку память священномуученику Патрикию, епископа Пруссского, отмечается в месяцесловах 19 мая. Справедливости ради необходимо отметить, что 18 мая память этому святому отмечается в Хутынском Апостоле 1391 г. и Евангелии XIII в. Однако в данном случае вряд ли имеет место разнотечние в месяцесловах. Ошибочность юлианской даты подтверждается тем, что хронологические элементы пасхального передвижного календаря тоже ориентированы на 19, а не на 18 мая. Сошествие Святого Духа, или Троица, отмечается на пятидесятый день после Пасхи (Пасха в 6809/1301 г. – 2 апреля), в 1301 г. это было 21 мая, тогда пятница перед Пятидесятницей приходилась на 19 мая. Таким образом, ошибочность юлианской даты в данном случае очевидна.

Следующая семидневка называлась **1-й седмицей по Пятидесятнице**, она начинала другой способ сче-

та дней в неделе (понедельник–воскресенье), а открывал ее важный праздник – Духов день или День Святого Духа. В православии празднуется на 51-й день после Пасхи, то есть на следующий день после Пятидесятницы (всегда в понедельник), а в воскресенье этой седмицы отмечаются праздник Всех святых и заговенье на Петров пост. Этим праздником завершились Цветная триодь и в целом триодный цикл.

Таким образом, удалось подтвердить существование двух систем недельного счета в рамках триодного цикла: первый (понедельник–воскресенье) – от начала подвижного церковного года (неделя «о мытаре и фарисее») до Пасхи; второй (воскресенье–суббота) – от Пасхи до Троицы. В новгородских летописях шесть известий имеют отсылки к этой неделе (см. таблицу), в летописях не содержится никаких противоречий, и наличие пасхальных отсылок позволяют реконструировать юлианские даты, отсутствующие в источниках, а также эру и стиль.

Начиная со **2-й седмицы по Пятидесятнице**, в православном календаре начинался Петров пост, или апостольский пост, который завершался в день памяти святых апостолов Петра и Павла (29 июня по старому стилю), поэтому в зависимости от даты Пасхи его продолжительность могла быть разной. Недельный счет снова возвращался к первому типу (понедельник–воскресенье) и велся теперь уже до конца пасхального года. «Формально этот период считается временем, когда памятей подвижного круга нет (его принято называть временем пения Октоиха), хотя подвижный круг определяет порядок следования гласов Октоиха и утренних воскресных евангельских чтений на весь год» [10] (до недели «о мытаре и фарисее»). Это находит подтверждение и в летописях. Анализ датировок в пределах пасхального года показывает, что дальнейшем в новгородских летописях пасхальные отсылки встречаются только в пределах Петрова поста, затем летописцы выбирали иные ориентиры для датирования событий (месяцесловные, другие посты – Успенский, Филиппов).

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующие выводы. Во-первых, новгородские летописи насыщены пасхальными хронологическими элементами, на данный момент в БД «Хронология новгородского летописания IX–XV вв.» выявлено 303 события, которые имеют отсылку к подвижному календарю, но БД пополняется материалами других новгородских летописей, поэтому эта цифра не окончательная. Во-вторых, удалось подтвердить существование двух систем недельного счета в рамках триодного цикла, что позволило окончательно представить структуру пасхального календаря. В-третьих, были обнаружены факты, подтверждающие гипотезу Н.В. Степанова о том, что в ранней богослужебной традиции переход от недельного счета понедельник–воскресенье к счету воскресенье–суббота происходил не перед Пасхой, а раньше, после Крестопоклонного воскресенья. Наконец, было продемонстрировано на множестве примеров, что наличие пасхальных элементов и знание структуры пасхального года позволяют реконструировать не только древние даты на современную систему счета времени, но и сами древнерусские времязначительные системы (эру, стиль).

ЛИТЕРАТУРА

- Степанов Н.В. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской летописи // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1909. Кн. IV. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. III.
- Цыб С.В. Древнерусское времязчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. С. 249–268.
- Полное собрание русских летописей. М. : Языки русской культуры, 2000. Т. 6, вып. 1. 312 с.
- Полное собрание русских летописей. М. : Языки русской культуры, 2000. Т. III. 720 с.
- Полное собрание русских летописей. М. : Языки русской культуры, 2000. Т. IV, ч. 1. 738 с.
- Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Л., 1926–1928. Т. I.
- Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Цыб С.В. Хронология домонгольской Руси. Барнаул, 2003. Ч. 1 : Киевский период.
- Лукашевич А.А. Годовой подвижный богослужебный круг // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 11. С. 672–683. URL: <http://www.pravenc.ru/text/165231.html> (дата обращения: 10.01.2017).
- Ткаченко А.А. Год церковный // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 11. С. 669–672. URL: <http://www.pravenc.ru/text> (дата обращения: 10.01.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 21 марта 2017 г.

THE STRUCTURE OF THE OLD RUSSIAN EASTER (FLEXIBLE) CALENDAR (BASED ON THE DATABASE “CHRONOLOGY OF THE NOVGOROD CHRONICLES OF THE 9TH–15TH CENTURIES”)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 91–100.

DOI: 10.17223/15617793/418/12

Nataliya P. Ivanova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ivanovanp@gmail.com

Keywords: Easter chronological elements; Ancient Rus; Novgorod chronicle; database.

The study aims to identify and analyze the chronological elements that allow to show the structure of the Old Russian Easter (flexible) calendar cycle based on the materials of the Novgorod chronicles. The continuous study of all Easter chronological elements was made possible through the use of the database “Chronology of the Novgorod Chronicles of the 9th–15th centuries” which allows to make a selection of datings of a certain type. The framework of the database developed by the author was based on the materials of three Novgorod chronicles – the First Novgorod (Synodal and Commission List), the Fourth Novgorod and the First Sofia Chronicles. Both general historical (comparative historical analysis, structural analysis, etc.) and special methods developed within the framework of historical chronology (methods for checking the calendar-mathematical coordination of diverse elements contained in the dating records, asynchronous dating analysis method, method of determining the annual limits of complexes, etc.) were used in this study. The innovation is the application of the database technology by the author of the study for the analysis of narrative sources which the Chronicles also include. The article presents the structure of a flexible (Easter) calendar cycle, used not only to organize liturgical practice, but also to date historical events. The content of the liturgy system is affected by the flexible calendar and is decorated in a special book – Triodion, which means a three-song canon. The liturgies of Triodion are written for 18 weeks: 10 weeks before Easter – Lenten Triodion, and 8 weeks after Easter – Pentekostsarion. The period of the year, not related to Lent or Lent preparatory weeks, Pentecost Sunday or of All Saints week, is formally considered as the time when there are no memories of the flexible cycle (it is usually called the time of Octoechos singing), although the flexible cycle determines the order of voices of Octoechos and of Sunday morning Gospel readings for the whole year. A table that allows to visualize the structure of the flexible church calendar and years of Novgorod chronicles with references to specific Easter elements is provided. The author comes to the following conclusions. First, the Russian chronicles are full of Easter chronological elements, there are 303 events found in these chronicles, they have reference to the flexible calendar. Second, it was possible to identify two week’s counting systems within the Triodion cycle: the first (Monday–Sunday) from the beginning of the flexible church year (Week “of the Publican and the Pharisee”) before Easter; the second (Sunday–Saturday) from Easter to Pentecost. Third, it is possible that in the early liturgical tradition the change from the Monday–Sunday week counting to the Sunday to Saturday counting did not take place before Easter, but earlier, after the Sunday of the Veneration of the Cross. Finally, the presence of Easter elements makes possible not only the reconstruction of old dates on the modern system of counting time, but of the Old Russian time counting systems themselves.

REFERENCES

- Stepanov, N.V. (2000) Edinitsy scheta vremeni (do XIII veka) po Lavrent'evskoy letopisi [The units of the time account (before the 13th century) according to the Laurentian Chronicle]. In: *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh. 1909* [Readings in the Society of History and of the Russian Antiquities. 1909]. Book IV. Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Tsyb, S.V. (2011) *Drevnerusskoe vremya*ischislenie v “Povesti vremennykh let” [The Old Russian time in the “Tale of Bygone Years”]. 2nd ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- Kisterev, S.N. & Timoshina, L.A. (eds) (2000) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 6. Is. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Kisterev, S.N. & Timoshina, L.A. (eds) (2000) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Kisterev, S.N. & Timoshina, L.A. (eds) (2000) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 4. Pt. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Karskiy, I.F. (ed.) (1926–1928) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1. Leningrad.
- Berezhkov, N.G. (1963) *Khronologiya russkogo letopisanija* [Chronology of Russian Chronicles]. Moscow: USSR AS.
- Tsyb, S.V. (2003) *Khronologiya domongol'skoy Rusi* [Chronology of the pre-Mongol Rus]. Pt. 1. Barnaul: Altai State University.
- Lukashevich, A.A. (2011) Godovoy podvizhnnyy bogosluzhebnyy krug [The annual flexible liturgical circle]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 11. pp. 672–683. [Online] Available from: <http://www.pravenc.ru/text/165231.html>. (Accessed: 10th January 2017).
- Tkachenko, A.A. (2011) God tserkovnyy [The Church Year]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 11. pp. 669–672. [Online] Available from: <http://www.pravenc.ru/text%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D1%86%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE.html>. (Accessed: 10th January 2017).

Received: 21 March 2017

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ, ФЕВРАЛЬ 1917 – ДЕКАБРЬ 1919 г.)

Рассматривается одно из ключевых направлений деятельности региональной небольшевистской власти – налоговая политика. Выделяются конкретные практики по реализации налоговых мероприятий каждого из правительств. Определяется реакция населения на действия властей в этой сфере. Исследуются причины слабой эффективности налоговых мероприятий. Выдвигается тезис о связи налоговой политики и степени легитимности власти, что позволяет объяснить падение небольшевистских правительств.

Ключевые слова: Сибирь; Томская губерния; Гражданская война; Белое движение; налоговая политика; региональная власть.

Налоговая политика являлась важной составляющей социально-экономической политики небольшевистских правительств Сибири. Непрерывное поступление налогов в казну всегда является необходимым условием нормально функционирования государственного аппарата и всех сфер жизни. В чрезвычайных условиях революции и гражданской войны этот фактор приобретает еще большее значение. Поступление налогов в казну в этот период является индикатором политической состоятельности государственной власти и эффективности ее социально-экономической политики, позволяет определить степень доверия и поддержки власти основными социальными слоями.

Налоговая политика небольшевистских правительств Сибири получила достаточно подробное освещение в советской историографии [1–2]. Современные исследователи не уделяют данному аспекту большого внимания. Отдельно стоит отметить работы новосибирского исследователя В.М. Рынкова, посвященные анализу как всей финансовой политики «белых» правительств в целом, так и налоговой в частности [3–4]. Однако региональный опыт проведения налоговой политики в жизнь не выступал предметом детального изучения в исследовательской литературе. В данной статье автор ставит перед собой цель на основе реконструкции и анализа мероприятий региональной власти в налоговой сфере и реакции на них населения определить степень эффективности властного аппарата на местах и выявить причины нежизнеспособности небольшевистских правительств Сибири, непосредственно с этим связанные.

С началом Первой мировой войны поступления основных государственных налогов в казну значительно сократились. Если доходная часть бюджета в 1913 г. составила 3 417,4 млн руб., то в 1914 г. – 2 898,4 млн руб. (–15,2%) [5. С. 16]. Последующее ухудшение социально-экономической обстановки в стране, революционные события только усугубили ситуацию. Временное правительство (ВП), пришедшее на смену царской администрации, оказалось в сложной ситуации экономического кризиса, для преодоления которого необходимы были активные действия. Правительству нужны были средства для продолжения войны и в то же время для переустройства государственных структур и поддержания нормально-го порядка повседневной жизни. Все это требовало

скорейшего налаживания налогового аппарата, а также интенсификации налоговых поступлений в государственный бюджет, так как именно налоги являлись одним из основных источников пополнения бюджета.

ВП не пошло по пути коренных реформ в этой сфере. Оно заявило о необходимости сохранения прежнего аппарата власти на местах, это касалось и налоговой сферы. На правительственном совещании 4 марта было принято решение обратиться к населению «с указанием на необходимость уплаты всех установленных ранее налогов, пошлин и податей...» [6. Л. 2 об.]. Такое заявление министра финансов было вскоре доведено до местных властей. В начале апреля 1917 г. Томский Временный комитет общественного порядка и безопасности разъяснял населению губернии, что «правильное поступление налогов теперь необходимо для страны и для молодой свободы более, чем когда либо» [7. 2 апр.]. Также члены комитета отмечали, что до издания новых законов, в том числе и налогового, «надо сохранить прежние правила, прежние законы...» [Там же]. Комитет выступал и за сохранение прежней администрации на местах, объясняя это невозможностью быстро заменить старых чиновников новыми компетентными и грамотными людьми.

20 апреля 1917 г. в Томске начало работу Губернское народное собрание, на заседаниях которого обсуждались все важнейшие вопросы политической и экономической жизни губернии, однако налоговой политике внимание практически не уделялось. Что касается ВП, то оно приступило к преобразованиям в налоговой сфере в начале лета 1917 г. Первым мероприятием, направленным на увеличение налоговых поступлений, стало повышение налогов на торговую и производственную деятельность, что закреплялось правительственным постановлением от 12 июня [8. 16 июня]. Согласно этому документу повышались также оклады государственного подоходного налога. Такая мера распространялась на граждан, чей доход превышал 1 000 рублей в год [8. 16 июня]. Большие надежды правительство также возлагало на увеличение ставок косвенных налогов, введение новых акцизов и государственных монополий на ряд товаров: «Без повышения косвенного обложения, повышения серьезного и значительного, мы в настоящее время не можем выйти из финансовых затруднений», – отмечал в начале августа 1917 г. министр финансов ВП

Н.В. Некрасов [1. С. 334]. Путем усиления косвенного обложения предполагалось увеличить доходы казны на 2,6 млрд руб. по сравнению с 1916 г. [1. С. 336]. Введение в Сибири летом 1917 г. земств, по мнению правительства, должно было привести к увеличению поступлений местных налоговых сборов. Однако формирование земских органов на местах затягивалось, что значительно осложняло налоговые мероприятия. В Правительстве также обсуждалась возможность введения единовременного подоходного налога на военные нужды с имущих слоев населения, но эта мера так и не была проведена в жизнь.

Поступление основных прямых налогов в государственный бюджет после февраля 1917 г. значительно сократилось. Например, за первые три месяца 1917 г. налоговые поступления от государственного поземельного налога упали на 32%, с городских недвижимых имуществ – на 41, квартирного налога – на 43, военного – на 29, промыслового – на 19%, по сравнению с аналогичным периодом 1916 г. [9. С. 175]. Это во многом объясняется слабостью административного аппарата на местах, а также общей дезорганизацией привычных устоев жизни. Так, еще в конце июня 1917 г. члены Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков в своем письме к министру финансов А.И. Шингареву отмечали, что «налоговые источники при нынешнем расстройстве административного аппарата на местах вряд ли дадут казне в скром времени неотложно ей нужные большие средства» [10].

Центральные и местные органы власти не спешили предпринимать активные действия для решения проблемы неуплаты налогов большинством населения Сибири. Можно предположить, что налоговые проблемы в период февраля – начала декабря 1917 г. отошли на второй план, их затмили бурные политические перемены в центре страны и в провинции. После свержения самодержавия Сибирь захлестнула волна небывалой общественной активности. На крестьянских съездах, проходивших в разных частях губерний, принимались решения о поддержке и доверии ВП, высказывались надежды на перемены к лучшему. Относительно налоговой политики правительства высказывались разные мнения. Одни съезды выступали за необходимость уплаты налогов, чтобы поддержать новые органы власти, другие заключали, что существующая налоговая система несправедлива и платить налоги не стоит. Однако после подобных заявлений до конца года как крестьяне, так и местные власти зачастую к этому вопросу не возвращались. Сообщения о налогах активно появляются в печати и архивных документах лишь в начале декабря 1917 г. Так, например, 6 декабря городской голова обращался к начальнику городской милиции с предложением проводить сбор городских налогов более интенсивно. Начальник милиции, в свою очередь, постановил «комиссарам по денежной части производить взыскания самым энергичным образом, вплоть до описи имущества» [11. 6 дек.]. 10 декабря на чрезвычайном заседании Губернского Народного собрания было принято решение «разработать систему налога на прибыль», а также «принять решительные меры по

взысканию подоходного налога за 1917 год» [12. Л. 8]. Однако этим мерам не было суждено воплотиться в жизнь. Политическая и финансовая ситуация к осени 1917 г. полностью вышла из под контроля правительства. За 8 месяцев пребывания у власти прямых налогов поступило в казну 644 млн руб., всего на 285 млн больше, чем в марте–октябре 1916 г. [8. С. 177]. Что касается Томской губернии, то за 1917 г. разных поземельных сборов должно было поступить 5 712 811, а поступило всего 1 992 263 руб., подоходного налога вместо 3 171 776 руб. – 1 916 928 руб. [13. Л. 24]. Согласно данным Казенной палаты сумма недоимок за 1917 г. составляла 100 тыс. руб. [14. Л. 7]. За весь период своего нахождения у власти ВП так и не решилось на радикальные мероприятия в налоговой сфере, что во многом повлияло на его дальнейшую судьбу. В течение декабря 1917 г. в Томской губернии установилась советская власть, просуществовавшая здесь до июня 1918 г. Стоит отметить, что большевиками не были упразднены местные налоговые органы, но сбор налогов фактически прекратился.

В июне 1918 г. к власти в Сибири пришел Западно-Сибирский комиссариат (ЗСК), затем Временное Сибирское правительство (ВСП). В этот период проблема поступления налогов в казну приобрела ключевое значение, так как от этого напрямую зависела жизнеспособность небольшевистского государственного аппарата, территориально рассчитывавшего только на сибирские земли. Стоит отметить, что небольшевистские правительства Сибири оказались в сложной экономической ситуации – поступления в бюджет катастрофически сократились, эта ситуация сопровождалась дефицитом наличности и ростом внутреннего долга. ЗСК начал восстанавливать отмененные большевиками налоги в рамках сохранившегося фискального аппарата. Серьезных попыток к его изменению предпринято не было. В целом сохранялись все учреждения, ведавшие налоговым сбором на местах: губернская податная инспекция, разделенная на участки (уезды), ведала поземельным налогом, в городах находились подоходные отделения податной инспекции, осуществлявшие сбор промыслового и подоходного налога, земские органы ведали сборами на местные нужды, однако возобновление работы земств шло медленно и неравномерно по территории губерний.

В июне 1918 г. на финансовой комиссии при ЗСК обсуждался вопрос о повышении налоговых ставок, что, очевидно, было необходимо в условиях стремительной инфляции. Однако на этот шаг правительство не решилось. Так, 27 июля 1918 г. им было принято решение о сохранении налоговых ставок (государственного налога с городской недвижимости, государственной оброчной и поземельной подати, основного промыслового налога, кибиточного сбора с киргизского населения) 1915 г. на 1918–1919 гг. Только ставки основного промыслового налога были подняты 23 сентября 1918 г. на 50–100% по сравнению с 1915 г. [15. С. 71]. Как отмечает В.М. Рынков, «...государственные органы почти заморозили ставки налогов на широкие слои населения и выбрали

“скромный” рост прямого налогообложения бизнеса» [3. С. 70]. Основной упор правительством был сделан на повышение ставок косвенных налогов, в первую очередь акцизов. Постановлением Совета министров от 27 июля 1918 г. повышалась часть акцизов на спирт, табак и другие товары [19. С. 123]. Правительственными постановлениями в июле и сентябре 1918 г. был отменен сухой закон и разрешена свободная продажа спиртных напитков, на них были установлены значительные акцизы [3. С. 74]. Эта мера также была призвана увеличить поступления в бюджет. Тенденция повышения ставок косвенных налогов сохранялась и в правительстве А.В. Колчака.

Стоит отметить, что возобновление налогового сбора (даже по неизменным ставкам) негативно отразилось на настроениях населения, особенно в сельской местности. Несмотря на то, что уже 14 июня 1918 г. уполномоченный по финансовым делам А.П. Мальцев докладывал в ЗСК, что налоговые органы готовы к продолжению работы [4. С. 53], поступления налогов в первые месяцы существования новой власти практически прекратились. Особое недовольство крестьян вызывало возвращение общегосударственных податей. Например, одна из волостей Томского уезда отказывалась от уплаты оброчной подати «впредь до установления прочной и самостоятельной власти в России и утверждения этой подати Губернским Крестьянским Съездом, так как оброчная подать считается общегосударственной, а твердой и прочной власти в России еще в настоящее время не существует» [13. Л. 1]. В таком заявлении читается стремление крестьян к личной выгоде; чувствуя слабость центральной власти, они хотели воспользоваться ситуацией в свою пользу.

Непросто складывалось и положение с поступлением местных налогов и сборов – городских и земских. Города, формировавшие свой бюджет главным образом за счет налоговых поступлений с принадлежащими им земель и недвижимости, вынуждены были обращаться за кредитами в губернские и центральные органы власти. Томский городской голова в начале июня 1918 г. обращался в губернский комиссариат с просьбой о выдаче управе кредита «ввиду полного отсутствия у города в настоящее время средств и прекращения за последний период поступления каких-либо налогов (меры к восстановлению поступления налогов управой принимаются). Имею честь просить Томский Губернский комиссариат не отказать выдать городу на неотложные нужды указанную выше сумму 250 000 руб.» [16. Л. 4]. Крестьяне одного из сел Томской губернии на общем собрании жителей, состоявшемся 28 июля 1918 г., обсуждали вопрос о раскладке земских податей и пришли к следующему заключению: «Мы от распределения податей не отказываемся, но воздержимся до тех пор, пока не станут хорошо известными задачи нового правительства и пока земство не станет на твердой почве» [17. 28 июля]. На других сходах земским инструкторам удавалось добиться одобрения намерений новой власти, но и это не гарантировало «покорности» крестьян и поддержки действий правительства. Крестьяне после отъезда инструкторов продолжали жить своей жизнью, кото-

рая не сильно соприкасалась с центральной властью. Зачастую крестьяне выступали за то, чтобы власти (любого уровня) как можно меньше вмешивались в их повседневные дела. Низкому налоговому поступлению также способствовал и тот факт, что у новой власти не было отлаженного налогового аппарата на местах. Основной проблемой в этой связи была нехватка подготовленных кадров. Многие чиновники попросту не справлялись со своей работой, многие должности долгое время оставались незанятыми. Как отмечает В.М. Рынков, одному податному участку, имевшему несколько инспекторов, приходилось обслуживать громадные территории [4. С. 53].

Не пытаясь вникнуть в суть проблемы низких налоговых поступлений, Министерство финансов 5 июля 1918 г. обратилось к губернской администрации за помощью в сборе налогов и недоимок: «Имея в виду, что надзор за успешным поступлением денежных повинностей должен по закону лежать на обязанности органов административного управления и что в настоящее время Государственное Казначейство испытывает напряжение и успешный приток в кассу казначейства денежных средств является в переживаемый момент особо важным, прошу областных комиссаров сделать подведомственным учреждениям и лицам распоряжение» [18. Л. 47]. От губернской власти поступали различные указания и распоряжения нижестоящим органам по поводу принятия срочных мер к увеличению налоговых поступлений, однако эффект от этой меры был недостаточным. Необходимы были решительные действия со стороны центральной власти. Прежде всего необходимо было выстроить работоспособный налоговый аппарат на местах, установить контроль над ним и упорядочить сбор основных категорий налогов.

Однако ВСП не пошло по пути кардинальных перемен в налоговой сфере. Налоговый аппарат продолжал функционировать без изменений, также правительством не предпринималось серьезных мер по интенсификации налоговых поступлений. В конце августа 1918 г. по распоряжению Министерства финансов в Томске состоялось совещание членов губернской администрации и представителей казенной палаты и казначейства по вопросу о мерах к усилению поступлений казенных окладных сборов и налогов. Управляющий Казенной палатой И.Б. Маршанг, выступая в начале совещания, заявил, что «в течение первой половины 1918 г. поступление многих казенных сборов прекратилось почти совершенно, а некоторые сборы поступали крайне неудовлетворительно» [13. Л. 24]. Так, в Кузнецком уезде за 1918 г. насчитывалось 62 483 руб. 7 коп. налогов и недоимок по этим налогам 44 520 руб. 80 коп. [17. 21 нояб.]. По Томской казенной палате государственной оброчной подати со старожилов вместе с недоимками на 1918 г. было исчислено 6 926 891 руб., а поступило в течение первого полугодия 151 291 руб. [13. Л. 24], или около 2%.

Население платить налоги отказывалось и нередко прямо об этом заявляло: «Население Семилуженской волости не только вновь раскладывать оброчную подать и губернский земский сбор, но даже и недоимку уплачивать отказалось» [13. Л. 5]. Причину этого яв-

ления управляющий казенной палатой видел в разрушении податного аппарата на местах, особенно в сельской местности, недостаточности состава податной инспекции, потере населением чувства ответственности и обязанности перед государством, а также в царившей безнаказанности: «Бездействие гражданской власти создает в населении уверенность в правильности их понимания “вопроса о ненужности платежей”, – отмечал И.Б. Маршанг [Там же. Л. 8]. Другую причину сокращения налоговых поступлений он видел в закрытии многих крупных торговых и промышленных предприятий губернии, аннулировании ценных бумаг.

В результате деятельности совещания был выработан ряд мер, направленных на увеличение налоговых поступлений. Большую надежду члены совещания возлагали на агитацию – было принято решение о выпуске брошюры, в которой предполагалось «объяснить, каким образом, с кого и сколько взыскивается налогов и податей» [Там же. Л. 25]. Также большое внимание уделялось прессе, планировалось выпустить ряд статей, опровергающих слухи о возможности не уплачивать налоги и сборы. Контрольные и административные функции отводились губернской администрации – губернским комиссарам и председателям губернских земских управ, которые должны были «сделать распоряжение подчиненным им органам о принятии всех указанных в законе мер для взыскания разного рода платежей и сборов» [Там же. Л. 25]. Казенной палате и казначейству вменялось в обязанность составление «недоимочных списков», которые должны были облегчить работу податных инспекторов.

В качестве долгосрочной меры признавалось необходимым воссоздать ключевые объекты налогового обложения – свободную отечественную торговлю и промышленность. Совещанием было также принято решение ввести институт городских сборщиков в Томске и волостных сборщиков пока только в одном из податных участков города в качестве опыта. В обязанности сборщиков должно было войти взыскание только прямых налогов. В случае успеха меру планировали распространить на всю губернию (однако дальнейшую судьбу этого решения выяснить не удалось). Также было принято решение увеличить количество податных участков, отменить льготы для кооперативных и потребительских обществ по уплате промыслового налога. Было решено увеличить оклады государственной оброчной подати как минимум на 50%.

В целом совещанием не было выработано кардинальных мер по решению налоговой проблемы, многие из них были реализованы только в начале 1919 г. На протяжении 1918 – начала 1919 г. небольшевистские власти важное место в вопросе интенсификации налоговых поступлений отводили агитации. С июня по октябрь 1918 г. при Министерстве внутренних дел существовал информационно-агитационный отдел, который непосредственно и занимался агитацией в сельской местности за уплату налогов. Также на места посыпались инструкторы, основной задачей которых был сбор информации об отношении населения к действиям правительства, в том числе и его налоговой политике.

Отсутствие кардинальных мер в системе налоговых сборов продолжало усугублять ситуацию. Серьезные задержки в поступлении прямых налогов приводили к стремительному росту недоимок. Парадоксальным является тот факт, что налоги не увеличивались, однако население все равно отказывалось их платить. Если в городе еще удавалось наладить сбор налогов, то в деревне все складывалось гораздо сложнее. Сельскую местность белье правительства контролировали крайне слабо. На город приходилась основная часть налоговых сборов. Так, например, основная тяжесть по уплате подоходного налога (одного из важнейших видов налогов) ложилась на плечи горожан, деревня, как и в прежнее время, оставалась в стороне от его уплаты. После свержения большевистской власти ЗСК и ВСП пришлось налаживать работу подоходных присутствий и восстанавливать утерянные списки плательщиков. Подоходным налогом облагались доходы от денежных капиталов, недвижимости, сельского хозяйства на собственной и арендованной земле, сдачи земли в аренду, разработки леса, промысловых, торговых, промышленных занятий и т.п. Система уплаты подоходного налога заключалась в следующем: налогоплательщик должен был составить декларацию о своих доходах и в соответствии с ней платить от 2 до 30% от суммы доходов. Однако крестьянское население в большинстве своем декларации о доходах не составляло, так как традиционно считало доходом только прибыль от коммерции. Проблема заключалась также и в том, что подоходный налог изначально был удостоен второстепенной роли, поскольку в условиях общей натурализации экономики (особенно в Сибири) сложно было рассчитывать на успех от этой меры. В целом можно отметить, что доходы сельских жителей контролировать было очень сложно или даже невозможно, особенно в условиях гражданской войны.

В начале 1919 г. Правительством были изменены некоторые принципы сбора подоходного налога. С 1 января была увеличена сумма общего дохода граждан, не облагаемого подоходным налогом, с одной до трех тысяч рублей в год. Можно сказать, что эта мера являлась вынужденной, популистской и была вызвана повышением прожиточного минимума. Основная ее задача заключалась в поддержке малоимущих слоев. Однако существенных изменений это не повлекло. Поступления продолжали оставаться низкими. По данным на апрель–май 1919 г. подоходный налог был получен с 3/4 учтенного дохода [8. С. 207]. Весной 1919 г. местные казенные палаты ввели практику централизованного удержания подоходного налога из зарплат работников государственных и общественных учреждений, организаций и предприятий. Так планировалось решить проблему «обесценивания» налогов, теперь они не были подвержены инфляции. Однако серьезного успеха это не дало, поскольку большая часть населения продолжала скрывать доходы от казны, как делала это раньше. Государственная власть не смогла найти эффективного решения этой проблемы. Работу по сбору недоимок по подоходному налогу за 1917–1918 гг. удалось наладить только к лету 1919 г. Однако пока населени-

ем выплачивались недоимки за прошлый год, инфляция их обесценивала, и государство фактически не получало от этого никакой выгоды.

С начала 1918 г. для городского населения был введен налог на увеселения и зрелища. Уплата такого налога фиксировалась на билетах штемпелем городской управы и печатью милиции. По данным «Народной газеты», по Томской и Алтайской губерниям за период с 1 января по 1 августа 1918 г. данного налога поступило 161 322 руб. [17. 21 нояб.]. Стоит отметить, что основной задачей такого налога было перераспределение налогового бремени в сторону более состоятельных горожан. Однако его собираемость падала по мере ухудшения уровня жизни.

Большую часть денежного обложения крестьян составляли земские сборы. Основным считался поземельный земский налог. Ставки по нему были установлены в 1917 г., а пересчет произведен только в 1919 г. Несмотря на незначительные, с учетом инфляции, суммы налоговых платежей, доля собранных в конце 1918 – первой половине 1919 г. поземельных налогов и недоимок по ряду уездов Западной Сибири оказалась на уровне неурожайных дореволюционных лет [8. С. 65]. Пересмотр налоговых ставок первоначально привел к значительному росту окладов поземельного налогообложения – в 10–20 раз. Однако это не стало большой проблемой, так как инфляция вскоре обесценила новые ставки, а к концу лета 1919 г. поступления поземельных налогов значительно сократились [4. С. 62]: с учетом постоянно нарастающей инфляции их сумма оказалась ничтожной. Что касается остальных видов земских налогов, то их уплата практически полностью прекращалась.

Земства не могли справиться с возложенными на них задачами, их работа была крайне затруднена нехваткой кадров и финансов: «Денег нет, задолженность продовольственной управе велика, к концу года денег, безусловно, не хватает, а в то же время еще ни одна волость не внесла исправно сборов: из 51 волости, на которые пала раскладка, только одна Спасская волость внесла больше половины, а другие – не платят» [17. 19 дек.], – отмечали представители Томского уездного земства в декабре 1918 г. Другая проблема заключалась в некомпетентности земских органов: «не только самое население еще не было осведомлено о порядке новой раскладки земских сборов, но подчас инструкции, идущие от земств, даже губернского уровня, не соответствовали закону и только запутывали крестьян» [20. Л. 19]. Нередко в деятельности земских органов усматривалось и откровенное стремление к личной выгоде. По сведениям Министерства внутренних дел, некоторые органы самоуправления прибегали к совершенно противозаконным действиям: «Некоторые городские самоуправления, стремясь улучшить свое финансовое положение, устанавливают такие налоги, взимание которых существующими законами не предоставлено», – отмечалось в сообщении министерства [21. 23 дек.]. Томский уездный комиссар в начале ноября 1918 г. отмечал, что «волостные земские управы задерживают собранные за счет налогов деньги у себя вместо того, чтобы оперативно сдавать их в Казначейство. Сравнив количество денег,

поступивших в Томское Казначейство от уплаты налогов и различных податей населением Томского уезда, с данными, которые волостные управы подали в Томский уездный комиссариат, оказалось, что реальные поступления оказались чрезвычайно ничтожными» [14. Л. 22].

Относительно налогообложения в целом на крестьянских съездах высказывались мысли о его несправедливости и необходимости отмены прямых и косвенных налогов. Большое недовольство крестьян вызывали земские сборы «высшего порядка» – уездные и губернские. Крестьяне в большинстве своем признавали только волостные сборы как наиболее очевидные и полезные для них. Социалистическая газета «Думы Алтая» описывала типичную ситуацию для сибирской деревни того времени: «...деревня не хочет платить податей, не хочет давать солдат, не желает являться по повесткам в суд. Деревня хочет только одного – чтобы ее не беспокоили и не трогали. Делайте себе, что хотите, воюйте, берите власть, кто угодно, только не трогайте нас, не тягните с нас податей» [22. 26 нояб.]. Так, крестьяне стремились скрыть размер посевов, земли (этому способствовали революционные передел и захват земель). Широко были распространены пассивные формы сопротивления налоговым сборам: отказ от раскладки податей между хозяйствами, от описи имущества недоимщиков. Стоит отметить, что для крестьянского сознания также была характерна изрядная доля притворства и стремления к личной выгоде. Из деревни нередко раздавались голоса с жалобами о крайне тяжелом положении и «чрезмерной обремененности» налогами. «Деревня видит и чувствует, что город и государство хотят от деревни взять, а взамен ничего не дают. Деревня является широчайшим и крепчайшим фундаментом государства, но чтобы этот фундамент сцепментировался, нужно сверху и снизу наладить стройный согласованный аппарат... Крестьянин, несмотря на свою кость, очень хорошо понимает, что порядок, а что непорядок» [17. 17 нояб.], – отмечал корреспондент «Народной газеты».

К концу лета – началу осени 1918 г. местным властям удалось сдвинуть процесс сбора налогов с мертвой точки, как отмечал управляющий губернией А.Н. Гаттенбергер в своем докладе председателю Совета министров Н.Д. Авксентьеву, прибывшему с кратковременным визитом в Томск: «...теперь уже начали поступать сборы. Есть волость, которая за одну неделю собрала 100 000...» [17. 12 нояб.]. Однако поступление податей происходило по губернии неравномерно и зависело от самых разных факторов – политической и военной обстановки, степени близости населенных пунктов к центру, степени и направленности агитации там. К концу 1918 г. в докладах уездных комиссаров, инструкторов с мест все чаще встречались сведения об отказе сельских сходов выплачивать налоги. Так, участковый начальник милиции Томского уезда в ноябре 1918 г. отмечал в своем рапорте: «19-го ноября в 5 часов вечера я совместно с отрядом явился в с. Зоркальцево и навестил Волостную управу с целью ознакомиться, в каком положении находятся сборы податей, а также о настроении

населения всей волости и его отношении к Правительству (...) За неимением налицо председателя Управы, один из членов Управы, Митъкин, сообщил мне, что три деревни, как Березкина, Нижне-Сеченова и Кудрина, отказались уплачивать подати» [23. Л. 5]. Однако после поездки инструктора в эти деревни и проведения разъяснительных бесед крестьяне согласились выплатить подати: «Никаких репрессивных мер не принималось, кроме предъявленного мною категорического требования», – отмечал начальник милиции. Но так безболезненно ситуация складывалась далеко не везде. В некоторых местах репрессивные меры были главным рычагом к действию. В конце октября 1918 г. Ново-Николаевский уездный комиссар в своем письме в Томский губернский комиссариат отмечал, что «пока что незначительное поступление податей из уезда началось после того, когда я вынужден был применить репрессивные меры (краткосрочный арест) по отношению к должностным лицам, допустившим обсуждение на сходах вопросов о нужности сбора податей» [13. Л. 17].

До некоторых мест агитация небольшевистской власти не доходила: «Очень редко бывают инструктора в деревнях и мало дают разъяснений», – значилось в заявлениях жителей одной из деревень Варюхинской волости Томского уезда в октябре 1918 г. [17. 5 окт.]. В августе 1919 г. газета «Народный вестник» отмечала: «Всякий раз, как только на сельском сходе зайдет разговор о раскладке и сборе налогов, так начнутся горячие споры, доходящие чуть не до драки. “Платить или не платить?” – вот большой вопрос крестьянства, изверившегося во всем. ... Наша сибирская деревня еще очень и очень темна и нужны чересчур большие усилия, чтобы она сделалась сознательной, – необходима в этом направлении большая работа. А как раз такой-то работы никем не ведется и живем то мы все “как Бог на душу положит”» [24. 11 авг.].

Постепенно правительство приходило к выводу, что единственный эффективный способ сбора налогов – силовое принуждение. Так, 3 февраля 1919 г. состоялся съезд управляющих уездами Томской губернии, на котором с докладом о положении дела налогов и сборов выступила специально организованная комиссия. По вопросу о «мерах взыскания податей и сборов» комиссия высказывалась за «установление принудительной силы и признала ненужными такие меры, как опись и продажа имущества недоимщика» [25. 7 марта]. Еще 5 июля 1918 г. товарищ министра финансов Н.Д. Буяновский циркулярной телеграммой обязал милицию оказывать содействие в сборе налогов земским и государственным податным органам. С ноября–декабря 1918 г. на основной части Сибири сбором налогов с крестьян занимались не столько податные инспекторы, редко выезжавшие в деревни, сколько уездная милиция при содействии волостных земских управ [4. С. 58]. Томский уездный комиссар в своем докладе губернской администрации в начале декабря 1918 г. объяснял такое положение вещей следующим: «...земские управы и даже уездное земство ничего не могли и не могут сделать без вмешательства милиции» [14. Л. 53]. Однако он же отмечал, что

милиции «нельзя давать в руки полную свободу действий, а надо следить за каждым ее шагом, ввиду случайного до некоторой степени состава ее» [14. Л. 53]. Нередко и сами местные власти высказывались за необходимость привлечения милиции к делу сбора налогов. Так, Телеутская волостная управа томского уезда «высказываетя за принудительные меры к взысканию налогов через милицию, ибо это дает блестящие результаты и заставляет темное население с уважением относиться к представителям власти существующего правительства» [Там же. Л. 54 об.]

Стоит отметить, что привлечение милиции к делу сбора налогов дало положительный результат. В конце 1918 – начале 1919 г. в докладах с мест отмечалось довольно интенсивное, хотя и неравномерное поступление податей. Циркуляр Главного управления налогов и сборов от 6 февраля 1919 г. рекомендовал, а циркуляр от 3 марта 1919 г. даже предписывал податным инспекторам использовать милицию при проведении обходов населения и других фискальных мероприятий [4. С. 57]. Как отмечает в своем исследовании В.М. Рынков, «появление в деревне отряда войск или милиции быстро решало проблему неплатежей» [Там же. С. 57]. Томский уездный комиссар, докладывая о положении дел в Ново-Николаевской волости в губернский центр в декабре 1918 г., отмечал, что «появление в соседней волости карательного отряда действовало на жителей отрезвляющим образом... Подати поступают довольно исправно» [14. Л. 54 об.]. Особенность действий силовых структур в этом вопросе заключалась еще и в том, что «редко выбиравшиеся в деревню милицейские отряды действовали обычно комплексно, т.е. старались собрать сразу все недоимки и текущие окладные сборы, штрафы за несанкционированные порубки леса, изъять самогонные аппараты, оружие и т.д.» [4. С. 58]. Это вызывало резко негативное отношение со стороны сельских жителей, порой выражавшееся в открытом сопротивлении. Крестьяне воспринимали милицейский отряд как карателей, хотя нередко это так и было. Случаи превышения милиционерами своих полномочий фиксировались часто, что было результатом общей деморализации милицейского аппарата, озлобленности и агрессивности населения. Все это формировало негативный образ власти в глазах народа, давало населению четкое понимание того факта, что лозунги правительства значительно расходятся с его реальными действиями. Однако другой социальной опоры для проведения подобных мероприятий у власти не было. Таким образом, складывался замкнутый круг. Меры силового воздействия на неплатильщиков не могли быть долгосрочными и использоваться на постоянной основе.

Во второй половине 1919 г. в связи с ухудшением общего положения государственной власти и ужесточением режима на население все чаще возлагались «чрезвычайные наложения и повинности» – реквизиции, конфискации, натуральные повинности. Такие мероприятия были поводом для подъема общественного недовольства: «Сдавая обмундирование и не получая за него тотчас платы крестьяне думают, что вознаграждения им не будет выдано, и потому агити-

рут в том смысле, что они страдали и мучились на позициях, а теперь у них берут последнее и они остаются не одетыми» [14. Л. 68]. Отряды, занимавшиеся сбором у населения часто прибегали к незаконным действиям: «Посланный в окрестные деревни г. Томска конный разряд для реквизиции оружия и седел казенного изготовления занялся вымогательством, грабежом и пьянством. Об этом узнало военное начальство и послало другой отряд ликвидировать безобразие. При встрече отрядов произошла перестрелка, в результате которой было 3 убитых» [25. 22 авг.].

В результате анализа политики небольшевистских правительств в налоговой сфере на губернском и уездном уровнях удалось выявить конкретные механизмы реализации налоговых мероприятий на местах. ВП и местные органы управления, возникшие в Томске на революционной волне, не внесли существенных изменений в устоявшуюся налоговую систему, сохранив прежние институты и учреждения. Однако такой подход не дал положительных результатов, а только усугубил и без того сложную ситуацию в налоговом секторе. Военно-революционное время требовало иного, совершенно нового взгляда на устоявшееся положение вещей и новых подходов по реализации ключевых направлений политики, но от радикальных мер в этой сфере ВП отказалось. Можно сделать вывод, что правительству не удалось привести налоговый аппарат в действие и установить контроль над ним. Отчасти это объясняется тем, что правительство оказалось в сложной ситуации, когда было необходимо одновременно завоевывать поддержку в обществе, а это означало проведение социально направленных мероприятий, и обеспечивать функционирование новых государственных институтов в масштабе страны, а также продолжать войну, что требовало огромных затрат. В сложившихся условиях правительство избрало путь «осторожных» мер – повышение косвенных налогов и акцизов. Однако это повлекло за собой неминуемый рост цен и при низких в целом доходах не могло не вызывать недовольства населения. Попытка введения повышенного налога на имущие классы встретила волну критики и протesta, а для принудительных мер у правительства не было инструментов (работоспособного аппарата на местах). Немаловажную роль сыграл и тот факт, что Сибирь традиционно играла далеко не главную роль в имперской налоговой системе, основная часть налоговых сборов приходилась на европейский центр. В период ВП эта тенденция сохранялась.

С приходом к власти Западно-Сибирского комисариата, а вскоре Временного Сибирского правительства ситуация в налоговой сфере не претерпела существенных изменений. Небольшевистские власти также сохранили курс на повышение ставок косвенных налогов, однако это повышение зачастую носило

скаккообразный характер, не имело под собой действенного механизма и, как следствие, не приводило к реальному росту бюджетных поступлений. Основным методом интенсификации налоговых поступлений стала агитация, преимущественно в сельской местности. Однако с уверенностью можно говорить о том, что в этой области успех был минимальным. Налоговый вопрос волновал сибирское крестьянство далеко не в первую очередь. Куда больше их заботили насущные проблемы продовольственного обеспечения и землепользования. С падением царской власти крестьяне в духе эсеровских идей провозглашали отмену так им ненавистных государственных поземельных налогов, косвенных налогов на предметы первой необходимости и т.д. Многие деревни явочным порядком прекращали выплату налога, отказывались от раскладки податей. Крестьяне зачастую одобряли, а чаще безразлично относились к власти до тех пор, пока она не предъявляла каких-либо требований к ним. Как отмечал в своем докладе о настроениях населения Петуховской волости Томского уезда глава уездной администрации, «до момента предъявления к населению категорических требований о внесении налогов, недоимок и добровольной сдаче солдатского обмундирования настроение населения и его отношение к правительству было самое лучшее, но с того времени настроение резко изменилось – в худшую сторону» [14. Л. 42–42 об.]. Примечательным является тот факт, что налоги для деревни не были столь обременительными, как об этом заявляли крестьяне. Налоговые ставки, установленные в дореволюционное время, долго не пересматривались, а чрезмерная инфляция совершенно их обесценивала.

Осознание неработоспособности подобных мер, а также общее ухудшение ситуации на фронте и в тылу в конце 1918 г. привели к ужесточению мер по сбору налогов и разного рода повинностей. Силовые мероприятия власти имели успех, но не могли длительно продолжаться, так как все больше усиливало недовольство населения политикой властей. В ситуации, когда власть была не в состоянии качественно выполнять свои прямые функции – обеспечение населения продовольствием и другими товарами первой необходимости, поддержание порядка и спокойствия, забота о социально неблагополучных категориях и т.д., население переставало признавать многие права этой власти, в том числе и фискальные. Сокращение налоговых выплат можно рассматривать как фактор кризиса легитимности власти. Небольшевистские правительства не смогли наладить действенный налоговый аппарат на местах, особенно в сельской местности, и тем самым обрекли себя на постоянную нехватку денежных средств. Стремительная инфляция, сопровождаемая реальным сокращением налоговых поступлений, привели государственность белых к неминуемому падению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. 482 с.
2. Журов Ю.В. Гражданская война в Сибирской деревне. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 196 с.
3. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – нач. 1920 г.). Новосибирск : НГУ, 2006. 212 с.

4. Рынков В.М. Налогообложение сибирской деревни в условиях войн и революционных потрясений (1914–1919 гг.) // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920 гг.). Новосибирск, 2004. С. 48–77.
5. Марискин О.И. Налогообложение населения России в период Первой мировой войны (по материалам среднего Поволжья) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 15–18.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1, ч. 1.
7. Голос Свободы (Томск). 1917.
8. Вестник Временного правительства (Петроград). 1917.
9. Петухова Н.Е. История налогообложения в России IX–XX вв. М. : Вузовский учебник, 2009. 415 с.
10. Проект докладной записки Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков министру финансов А.И. Шингареву // Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/44607>
11. Сибирская жизнь (Томск). 1917.
12. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 4.
13. ГАТО. Р-1362. Оп. 1. Д. 197.
14. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 286.
15. Рынков В.М. Налоговая политика контрреволюционных правительств Сибири (июнь 1918–1919) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. Вып. I. С. 65–95.
16. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 32.
17. Народная газета (Томск). 1918.
18. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 22.
19. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Вып. I. 192 с.
20. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 379.
21. Вестник Томской губернии (Томск). 1918.
22. Думы Алтая (Бийск). 1918.
23. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 188.
24. Народный вестник (Томск). 1919.
25. Вестник Томской губернии (Томск). 1919.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 апреля 2017 г.

FISCAL POLICY IN THE CONTEXT OF THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR (TOMSK PROVINCE, FEBRUARY 1917 – DECEMBER 1919)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 101–109.

DOI: 10.17223/15617793/418/13

Dina S. Kozlova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dina.my-mail@yandex.com

Keywords: Siberia; Tomsk Province; Civil War; White Movement; provincial authority; fiscal policy.

The article discusses the features of tax measures of each of the non-Bolshevik governments of Siberia in Tomsk Province. The tax policy was an important component of the socio-economic policy of non-Bolshevik governments. Traditionally, tax revenues were an important source of the state income. In the extreme conditions of the Revolution and the Civil War, the tax revenue to the budget was sorely needed; it also indicated the political legitimacy of the state power and the effectiveness of its socio-economic policies. A special role in this direction was given to the local administration which was responsible for the implementation of this policy. With the beginning of the First World War, the main state income taxes dropped significantly. The subsequent deterioration of the socio-economic situation in the country, the revolutionary events only aggravated the situation. The Provisional Government, which replaced the Imperial Administration, was in a difficult situation of an economic crisis. The government needed funds to continue the war and, at the same time, to reconstruct state structures and maintain the normal order of everyday life. It demanded the fast organization of the tax system, as well as the intensification of tax revenues to the state budget. However, the Provisional Government did not choose the path of radical reforms in this area. The government chose the path of cautious measures – the increase in indirect taxes and excise duties. This approach only exacerbated the already difficult situation in the tax sector. This resulted in the inevitable rise in prices and in social unrest. The government failed to establish the tax machinery and to control it. Important was the fact that Siberia traditionally played a secondary role in the Imperial tax system, the main part of tax revenues came from the European centre of the country. In the period of the Provisional Government, this tendency continued. With the Western-Siberian Commissariat and soon the Temporary Siberian Government coming to power, the situation in the tax area did not change significantly. The non-Bolshevik government also maintained the policy of increasing the rates of indirect taxes; however, this was often uneven and, as a consequence, did not lead to the real growth of budget revenues. The government also failed an attempt to build an efficient tax machinery at the local level. The main measure of enhanced tax revenues were elected campaigning, mostly in rural areas. However, the success in this area was minimal. The main measure to increase tax revenues was agitation, mostly in rural areas. However, the success in this sphere was minimal. The obvious inefficiency of such measures led to tougher tax collection measures at the end of 1918. The power measures of the government were successful, but could not last long because they only intensified the discontent of the population. In a situation when the government was not able to fulfill their direct functions in relation to the population, the population no longer recognized many of the rights of the government, including fiscal ones. The author considered the reduction of tax payments as a factor of the power legitimacy crisis.

REFERENCES

1. Volobuev, P.V. (1962) *Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva* [The economic policy of the Provisional Government]. Moscow: USSR AS.
2. Zhurov, Yu.V. (1986) *Grazhdanskaya voyna v Sibirskoy derevne* [Civil war in the Siberian village]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
3. Rynkov, V.M. (2006) *Finansovaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii (vtoraya polovina 1918 – nach. 1920 gg.)* [The financial policy of the anti-Bolshevik governments of the east of Russia (the second half of 1918 – the beginning of 1920)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
4. Rynkov, V.M. (2004) *Nalogoooblozhenie sibirskoy derevni v usloviyah voyn i revolyutsionnykh potryaseniy (1914–1919 gg.)* [Taxation of the Siberian village in the conditions of wars and revolutionary upheavals (1914–1919)]. In: Il'inykh, V.A. (ed.) *Nalogi i zagotovki v sibirskej derevne (1890–1920 gg.)* [Taxes and preparations in the Siberian village (1890–1920)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

5. Mariskin, O.I. (2014) Nalogooblozhenie naseleniya Rossii v period Pervoy mirovoy voyny (po materialam srednego Povolzh'ya) [Taxation of the population of Russia during the First World War (based on materials from the Middle Volga region)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 15–18.
6. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1779. List 2. File 1. Pt. 1. (In Russian).
7. *Golos Svobody*. (1917).
8. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917).
9. Petukhova, N.E. (2009) *Istoriya nalogooblozheniya v Rossii IX–XX vv.* [The history of taxation in Russia in the 9th–20th centuries]. Moscow: Vuzovskiy uchebnik.
10. Istoricheskie materialy. (1917) *Proekt dokladnoy zapiski Komiteta s "ezdov predstaviteley aktsionernykh kommercheskikh bankov ministru finansov A.I. Shingarevu* [Draft memorandum of the Committee of Congresses of representatives of joint-stock commercial banks to Minister of Finance A.I. Shingarev]. [Online] Available from: <http://istmat.info/node/44607>.
11. *Sibirskaya zhizn'*. (1917).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1362. List 1. File 4. (In Russian).
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). R-1362. List 1. File 197. (In Russian).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1362. List 1. File 286. (In Russian).
15. Rynkov, V.M. (1997) *Nalogovaya politika kontrevolyutsionnykh pravitel'stv Sibiri (iyun' 1918–1919)* [The tax policy of the counterrevolutionary governments of Siberia (June 1918–1919)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the 20th century]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1362. List 1. File 32. (In Russian).
17. *Narodnaya gazeta*. (1918).
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1362. List 1. File 22. (In Russian).
19. Lukov, E.V., Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (1998) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' belykh pravitel'stv Sibiri (iyun'–noyabr' 1918 goda)* [Legislative activity of the White governments of Siberia (June–November 1918)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1362. List 1. File 379. (In Russian).
21. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1918).
22. *Dumy Altaya*. (1918).
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1362. List 1. File 188. (In Russian).
24. *Narodnyy vestnik*. (1919).
25. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1919).

Received: 08 April 2017

РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ УКРАИНСКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX–XX в.

Рассмотрен один из главных обрядов в культуре украинского сельского населения юга Западной Сибири в конце XIX–XX в. В результате анализа имеющегося материала (литературы, устных источников) автор приходит к выводу, что в среде украинцев сохранялась значительная часть традиционных представлений и обрядов, связанных с беременностью, рождением ребенка, его имянаречением.

Ключевые слова: украинское сельское население; Западная Сибирь; обряд; роды; имянаречение; традиции.

Рождение ребенка в этнической культуре имеет специфические проявления, которые находят отражение в родильной обрядности. В своей основе эта обрядность направлена на охрану беременности, жизни и здоровья роженицы и новорожденного, на признание ребенка членом семьи, общественной микросреды и христианского мира [1. С. 57].

Источниками для работы послужили полевые материалы, собранные автором и сотрудниками Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (ЦУИЭ ЛИК АлтГПУ) в районах компактного (Поспелихинский, Романовский, Благовещенский, Кулундинский) и дисперсного (Егорьевский, Волчихинский, Панкрушихинский, Крутыхинский) проживания украинцев Алтайского края и Карасукского района Новосибирской области.

В традиционной родильной обрядности исследователи выделяют следующие основные группы ритуальных действий: предшествующие родам, связанные с рождением, а также имянаречение ребенка и празднование родин [Там же. С. 57–74].

На протяжении всего рассматриваемого периода в семьях украинцев юга Западной Сибири бездетность традиционно рассматривалась как несчастье. В связи с этим к женщине, которая готовилась стать матерью, относились с особым уважением. В первой половине XX в. украинские женщины пытались как можно дольше скрывать свое положение, что было связано с опасностью сглаза роженицы и будущего ребенка: «Раньше скрывали [беременность] месяца два, а то и дольше, сглазу боялись» [2].

В целях нормального протекания беременности и родов, а также наделения будущего ребенка хорошим здоровьем и положительными качествами вплоть до второй половины XX в. беременная женщина обязана была соблюдать определенные нормы поведения: не лгать, не воровать, не грубить окружающим, не быть ногами животных (кошку, собаку, свинью) и т.д. [1. С. 57]. Например, в Алтайском крае был записан случай, когда беременная женщина нарушила предписанные нормы и ребенок родился инвалидом: «Одна рука короче другой. Бог наказал!» [2]. Объяснялось это тем, что женщина, будучи беременной, в своей речи часто использовала нецензурную лексику – «много ругалась» [Там же].

Множество запретов, связанных с беременностью, распространенных на территории Украины (запретходить на похороны, видеть похоронную процессию,

печь свадебный хлеб и т.д.), в памяти украинцев рассматриваемой территории не сохранилось. Во время Великой Отечественной войны беременная женщина вовсе не соблюдала никаких предписаний: «Работали до последнего» [2].

До появления специальной медицинской аппаратуры широкое распространение в среде сельского украинского населения юга Западной Сибири имели приметы, по которым определяли пол будущего ребенка: круглый живот – «дивчина», выпирает – «хлопец» [Там же]. Если «высокий» живот, то будет девочка, если «низкий» – мальчик [Там же]. Часто информанты вспоминали, что пол ребенка точно могли определить взрослые женщины: «Определяли женщины: “Ой, у тэбэ будэ хлопец!” Или: “У тэбэ будэ дивчана!”»; «По глазам. Я сама не смогу. А вот многие женщины, может там месяц-два, еще не заметишь по животу, а уже – “а ты беременная”. Как-то по глазам узнают!» [Там же].

В связи с большим численным составом украинских семей в конце XIX – начале XX в. была распространена практика прерывания беременности, связанная со сложностями в обеспечении членов семьи всеми необходимыми благами и отсутствием развитой, доступной сельскому населению Сибири системы дошкольного воспитания: «Детей много было, а воспитывать не на что было. А их же растиль надо. Вот потому и делали» [2; 3. С. 128]. Если в городах Сибири данную функцию выполняли учреждения детского призрения, контролируемые государством, то в сельских населенных пунктах это была семья [4. С. 39]. Вплоть до начала 1950-х гг. в украинских семьях рассматриваемого региона сохранялась традиция воспитания детей старшим поколением (бабушками, дедушками), характерная для всех восточнославянских народов. Немедикаментозное искусственное прерывание беременности тщательно скрывали, так как это считалось позором для женщины и всех членов ее семьи: «Тайком все делали. От мужа я не знаю [скрывали], а от людей тем более, чтобы люди не знали, что она беременная» [2]. Делали аборты в домашних условиях, обращаясь за помощью к повитухам. Часто женщины умирали после такого аборта: «Многие женщины умирали, потому что в домашних условиях, и где там такие знания взять. Охото было помочь как бы, а не получалось. Бывало, что все хорошо обойдется. А бывало, что умирали женщины» [Там же]. Следует отметить, что в 1920 г. был принят декрет, разрешавший аборта с согласия женщины, но данные дей-

ствия мог совершать только врач в больнице. С 1936 по 1955 г. аборты вновь были криминализированы (за исключением абортов по медицинским показаниям), что повлекло за собой возвращение домашних абортов.

В первой половине XX в. роды украинских женщин в селах юга Западной Сибири традиционно проходили в хате [1. С. 58]. Начало родов тщательно скрывалось, так как считалось, что чем меньше лиц знает об их наступлении, тем легче они пройдут [Там же]. Роды принимала опытная в таких делах женщина, часто одинокая, пожилого возраста, которую традиционно называли повитухой или в селах с преобладанием русского населения – бабкой: «Бабка принимала роды. Бабка Наталья Найденова. Ну, повитуха тода называли. Ну, вот эта баба Наталья, она у всех роды принимала» [2]. Роль повитухи в родильном обряде восточнославянских народов к настоящему времени довольно подробно изучена. Остановимся лишь на функциональной роли повитухи по обеспечению здоровья роженицы и новорожденного в среде украинского сельского населения рассматриваемой территории. Можно сказать, что именно она была проводником новорожденного ребенка в мир людей, она же отвечала за формирование благоприятного «образа» ребенка в будущем.

В годы Великой Отечественной войны были распространены случаи рождения детей прямо во время работы в поле без помощи повитухи. Т.И. Перепончик из г. Карасука Новосибирской области вспоминала: «Это в войну было. Мы просо клали. Тетка Верка пузата была. С нами еи дочка клала и ее сын. Триста метров до соленого озера. Мы до соленого озера доходым и копны такие кладем, а тетки Верки нету. “Зинка, а дэ твоя маты?” “Нэ знаю, дэ то там за копыцою бачила!”. Идэм обратно, дошли до бэрэга – идэ тетка Верка. Из под копны вылезэ и пишла с нами копны ложить. Она говорит: “Щас пошли на обед”. Тетка Верка забэрэа, она нижню юбку сняла закутота ту дыгину под копною, нэ мыто. И пошли мы на обед. “А шо вы там ниситэ?” А она показывэ. “Ленька будэ!” Так родыла в копнэ» [2].

Как только у женщины начинались роды, она отправляла кого-то из членов семьи, в этот момент находящихся в доме, за повитухой. Обычно женщина-повитуха жила в одном селе с роженицей, что сокращало сроки ее прибытия и оказания необходимой помощи. Во время родов в хате кроме роженицы и повитухи никто не должен был присутствовать. Чтобы облегчить роды, повитуха прибегала к традиционным методам, например гладила по животу, при этом обязательно читала «богородичные» молитвы и соответствующие заговоры, которые должны были помочь роженице. Однако в Алтайском крае был записан рассказ, когда при родах присутствовал мужчина – брат роженицы, который читал молитвы в другой комнате, «помогая» женщине. Связано это было с религиозными верованиями украинского сельского населения, так как считалось, что чтение молитв облегчает роды. «Бабка, может и други кто. Дак хто читае. Я вот помню, моя сестра рожае, дак дядька сидел молитву читал, а родиха в другой хате была. Стал читать, и она родить начала – молитвы тогда помогали. Без молитвы не как! Все равно помогали молитвы!» [2].

В обязанности повитухи также входило перерезание и завязывание пуповины. Завязывалась пуповина по традиции льняной или конопляной ниткой, которую, например, в селах Новосибирской области называли «суровая» [Там же]. «Пупок» с ниткой по украинской традиции сохраняли и прятали за икону, скрывая от посторонних. Традиция сохранять «пупок» бытowała в среде украинского сельского населения юга Западной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода.

После рождения с очистительно-профилактическими и магическими целями ребенка купали в деревянном корытце с теплой водой. Символическими приемами, которые соблюдались во время купания, новорожденному стремились передать положительные качества. В воде для купания младенца по традиции предварительно запаривали травы, такие как череда, ромашка, любысток, а также листья березы. После купания его обтирали, заворачивали в пеленку и укладывали в колыску (колоубель), украинское название сохранилось лишь в районах компактного проживания украинцев. Колыску для новорожденного изготавливали самостоятельно из досок, по углам вбивали гвозди, привязывали к ним веревочки, соединяли, крепили к металлическому кольцу и вешали на матицу.

На дно колыски клали самодельный матрац – старое полотно, например изношенные мужские штаны, женские рубахи, которые разрезали, сшивали и набивали соломой, мхом, травами. Сверху колыску с ребенком обязательно прикрывали тканью, что позволяло сохранять тепло, а летом уберегало от насекомых.

Со второй половины XX в. колыски постепенно выходят из обихода украинского сельского населения Западной Сибири, что связано с появлением детских кроваток фабричного производства и улучшением материального положения.

Неотъемлемым действием родильной обрядности в среде украинского населения юга Западной Сибири были очистительные обряды. У украинцев роженицу «купали» в хате, в отличие от русского населения Сибири, когда женщину после родов было принято мыть в бане [5. С. 282]. В хате в русской печи в чугунах грели воду, наливали в специальные большие деревянные бочки, которые в селах Новосибирской области и Алтайского края называли «шаплыки», добавляли «разнотравье» – листья мяты, чабреца, земляники – или сено, усаживали в бочку роженицу и накрывали рядом. Она должна была помыться и обязательно искупаться в воде три раза.

Украинские повитухи в селах рассматриваемого региона оказывали лишь первую помощь во время и после родов, в то время как у русских была распространена традиция, когда повитуха оказывала помощь по хозяйству (от трех до десяти дней) [1. С. 62; 6. С. 147]. По словам информантов, повитухе деньги не платили, часто ее благодарили продуктами: «Не... деньги не давалы. Продуктамы в основном. Хто что мог, то и давалы ей» [2].

С декабря 1922 г. декретами советской власти была введена уголовная ответственность за незаконное врачевание, распространявшаяся и на деятельность повитух. Женщины, продолжавшие такую практику,

подвергались судебному преследованию и последующей ссылке. С этого времени начинаются постепенный процесс отхода от практики домашних родов и переход к стационарному медицинскому родовспоможению. При этом в первые годы институализации роддомов женщины предпочитали обращаться за помощью к «знающим» бабкам в селе. По рассказам информантов, это было связано с недоверием к молодым сельским акушеркам. Часто встречались рассказы о том, что роды проходили дома в присутствии акушерки и повитухи: «И врач был, и бабку звали. Боялись. Эта молодая – ниче не знает, а та подсобит ей где» [2].

Со второй половины XX в. роды проходят преимущественно в больнице. Значительная часть опрошенных женщин отмечают улучшение медицинского обслуживания в сфере гинекологии, его массовую доступность.

До 1940-х гг. в первые дни после родов по традиции посещать роженицу и показывать ребенка запрещалось, чтобы уберечь их от сглаза и порчи. Также запрет видеть мать и ребенка не членам семьи в селах Алтайского края и Новосибирской области информанты связывали с тем, что женщина «еще слаба была» [Там же]. В течение примерно месяца после родов женщина запрещалась выполнять тяжелые работы. Все это время ее называли «сырая» (Новосибирская область) или «мокрая» (Алтайский край). По мнению информантов, это было связано с тем, что «после родов у нее выделения еще идут. Может с месяц или сколько» [Там же].

Лишь через неделю, а в отдельных районах Новосибирской области традиционно на сороковой день: «показывают маленького. Все на него дывылыся!» [Там же]. Согласно украинской традиции к роженице не положено было приходить с «пустыми руками» [1. С. 64]. Поэтому часто приносили полотно для изготовления пеленок, хлеб и изделия из теста – вареники, блины, пироги: «Кода родит, тода блины, вареники. Больше ничего не несли» [2]. Со второй половины XX в. к традиционному набору блюд добавляются продукты, приобретенные в магазине, что связано с улучшением материального положения сельского украинского населения и общедоступностью ряда продуктов. Вручение гостинцев сопровождалось различными благопожеланиями роженице и младенцу.

С особым вниманием относились к имянаречению новорожденного. До 1930-х гг., как правило, ему давали имя святого («по святым»), день памяти которого отмечала церковь в день рождения ребенка или ближайшее время: «Ну, по церковному [называли]. Обращались. Ну, такие имена, которые сейчас мы считаем старинными»; «Вот до войны больше по церковному. Пока церковь у нас была, больше по церковному. Вот старые имена. А после войны тут уже стали называть как то, без церкви, сами. Я сама называла в 1950–1960-е годы» [2]. Часто информанты вспоминали, что имя, полученное в церкви, не нравилось его обладателю: «Да вот когда крестят, имя дают

по святым. Вот як мне дали погано имя! Я его нэ любила всю жизнь! Фекла!» [2].

В селах Новосибирской области были зафиксированы случаи, когда ребенку давали два имени – одно сразу после рождения (родители), а второе в церкви во время крещения. М.И. Порох (с. Белое, Карасукский район, Новосибирская область) вспоминала: «Никак не называли [до крещения]. У нас было так, что Никола-Васыль [Николай, Василий] – двойное имя было. Родители вот назвали так, а в церкви его переименовали и поэтому его звали в деревне Никола-Васыль. И так много было» [Там же]. Распространены были и другие варианты, например ребенка называли именем близких родственников (часто бабушек / дедушек), кроме того, ориентировались на имена, обладателями которых были красивые, удачливые люди.

По мнению информантов, звучание украинских имен, в отличие от русского произношения, казалось им грубым, хотя детские имена были одинаковые: «Да одинаковые имена и у хохлов, и у русских. У русских як помягше, а у нас як скажут! Полька, Дунька! У русских Дуся, у нас Дунька, Валька – Валя, Василий – Васыль!» [Там же].

С 20-х гг. XX в. формируется новая традиция выбора имени для ребенка. В имянаречие в советское время была вложена функция социализации нового человека [7. С. 168], результатом которой стал процесс самостоятельного выбора имени ребенка. Наречие имени по «красным святым», в которых имена посвящались революционным деятелям и событиям, в среде сельского украинского населения рассматриваемого региона не зафиксировано [7. С. 170]. Устойчивой традицией оставалось наречение детей именами покойных или здравствующих родственников. Со второй половины XX в. большую роль в выборе имени ребенка приобретает мода. Моду на имена создавали значимые личности: политики, деятели литературы, музыки, кино и т.д., что приводило к утрате традиционных имен, распространенных в православной России в конце XIX – начале XX в.

Таким образом, традиционные представления и обряды, связанные с беременностью, рождением ребенка, его имянаречением, празднованием родин в среде украинского сельского населения юга Западной Сибири вплоть до второй половины XX в. сохранились. Однако значительное влияние на процесс утраты традиционных элементов рассматриваемого обряда и его компонентов оказал целый комплекс факторов: политические (установление советской власти), экономические (улучшение материального положения украинского сельского населения), социальные (изменение потребностей, ценностей) и т.д. При этом в среде украинского сельского населения на протяжении XX в. сохранялись отдельные элементы, связанные с родильной обрядностью (например, длительное скрывание беременности, приметы, по которым определяли пол будущего ребенка и т.д.), носящие formalизованный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилюк Н. Дитина в обрядах і звичаях // Українська родина: обряди і традиції. Київ : Видавництво ім. Олени Теліги, 2015. С. 57–74.

2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1: Материалы ИЭЭ 2008–2014 г.; ЭЭ 2014–2015 г.
3. Люля Н.В. Воспитание девочек в семьях украинских переселенцев Алтайского края в 1920–1940-е гг. // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10 : материалы X междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 22–23 апр. 2015 г. / отв. ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова. Барнаул : АлтГПУ, 2015. С. 127–131.
4. Колокольникова З.У. Учреждения дошкольного детского воспитания в Сибири начала XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 116. С. 29–37.
5. Курсакова А.В. Обычаи и обряды, связанные с рождением детей в крестьянской семье (по материалам экспедиций в Солонешенский район) // Солонешенский район : очерки истории и культуры / ред. Т.К. Щеглова. Барнаул : БГПУ, 2004. С. 281–287.
6. Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) // Русские: семейные и общественный быт / отв. ред. М.М. Громыко, Т.А. Листова. М. : Наука, 1989. С. 147–171.
7. Бондаренко Е.Д. Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 166–171.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 марта 2017 г.

THE MATERNITY RITE OF UKRAINIAN RURAL POPULATION IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN THE LATE 19TH–20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 110–113.

DOI: 10.17223/15617793/418/14

Natalya V. Lyulya, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: natalyalyulya@mail.ru

Keywords: Ukrainian rural population; Western Siberia; rite; birth; naming; tradition.

This paper aims to consider the maternity rites of the Ukrainian rural population in the south of Western Siberia in the late 19th–20th centuries. It describes the preserved complex of traditional elements of the rite in the period under review, reveals its transformation under the influence of a number of factors. The research is primarily based on the field work data collected by the author and other staff members of the Oral History & Ethnography Center of the Laboratory of the Lore Local History at Altai State Pedagogical University in areas of compact and dispersed settlement of the Ukrainians in Altai and Novosibirsk provinces. It is determined that until the second half of the 20th century the Ukrainian rural population in the south of Western Siberia maintained traditional ideas of childlessness, signs on which sex of the unborn child was determined, pregnant women followed certain standards of behavior. When considering actions related to childbirth, the author reveals the observance of Ukrainian traditions. It is noted that with the coming of the Soviet power special attention was paid to the development and adoption of legislative acts in the field of medicine, which increased penalties for illegal medical treatment and for refusal of assistance in the birth of non-certified private midwives. Among all, medical services in the field of gynecology were intensifying, as a result of which a significant part of the traditional actions associated with childbirth was lost. The naming of newborn children is also considered here. The author comes to a conclusion that till the 1930s the tradition was respected to name the newborn by the name of a saint whose memory day was celebrated by the church on the child's birthday or in the near future. Later, a new Soviet tradition of naming was established. In some areas of Novosibirsk Province one more feature of double naming is identified. Meantime, field data evidence the distinctive sounding of Ukrainian and Russian names. The tradition of celebrating childbirth is also followed: till the 1950s the traditional set of elements with which it was customary to visit the mother and the child was preserved. Thus, traditional ideas and rituals connected with the maternity rite among the Ukrainian rural population in the south of Western Siberia were in force till the second half of the 20th century. However, a number of factors (political, economic, social) influenced significantly the loss of individual traditional elements of the maternity rite and its components.

REFERENCES

1. Gavrilyuk, N. (2015) Ditina v obryadakh i zvichayakh [Child in rites and customs]. In: *Ukraiinska rodina: obryadi i traditsii* [Ukrainian Homeland: rituals i traditions]. Kyiv: Vidavnitstvo imeni Oleni Teligi.
2. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Local History of Altai State Pedagogical University. Fund 1: *Materials of Historical Ethnography Expeditions of 2008–2014; 2014–2015*. (In Russian).
3. Lyulya, N.V. (2015) [The education of girls in the families of Ukrainian immigrants of Altai Krai in the 1920s–1940s]. *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhinem Priob'e i na Altae. 2014 g.: arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya* [Field research in Irtysh, Upper Ob region and the Altai. 2014: archeology, ethnography, oral history]. Vol. 10: Proceedings of the X international conference. Barnaul. 22–23 April 2015. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 127–131. (In Russian).
4. Kolokol'nikova, Z.U. (2009) Uchrezhdeniya doshkol'nogo detskogo vospitaniya v Sibiri nachala XX veka [Establishments of preschool children's upbringing in Siberia at the beginning of the twentieth century]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 116. pp. 29–37.
5. Kursakova, A.V. (2004) Obychai i obryady, svyazannye s rozhdeniem detey v krest'yanskoy sem'ye (po materialam ekspeditsiy v Soloneshenskiy rayon) [Customs and ceremonies associated with the birth of children in a peasant family (based on the materials of the expeditions to the Solonenshensky district)]. In: Shcheglova, T.K. (ed.) *Soloneshenskiy rayon: ocherki istorii i kul'tury* [Solonenshensky district: essays on history and culture]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
6. Listova, T.A. (1989) Russkie obryady, obychai i pover'ya, svyazannye s povival'noy babkoy (vtoraya polovina XIX – 20-e gody XX v.) [Russian rituals, customs and beliefs associated with the midwife (second half of the 19th century – the 1920s)]. In: Gromyko, M.M. & Listova, T.A. (eds) *Russkie: semeynyy i obshchestvennyy byt* [Russian: family and social life]. Moscow: Nauka.
7. Bondarenko, E.D. (2013) Sovetskie stsenarii imyanarecheniya: dialog s traditsiey [Soviet scenarios of naming: dialogue with the tradition]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (46). pp. 166–171.

Received: 21 March 2017

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ИНСТИТУТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ: ОТ ПЕРВЫХ ПРОЕКТОВ ДО УТВЕРЖДЕНИЯ (НОЯБРЬ 1917 – ОКТЯБРЬ 1919 г.)

На основе архивных материалов, документальных публикаций и периодической печати исследуются создание, разработка и утверждение Положения об Институте исследования Сибири. Анализируются различные изменения, внесенные в этот документ от разработки «Временного положения...» и подготовки к созыву съезда по организации ИИС до утверждения итогового проекта и последующего его рассмотрения во Временном всероссийском правительстве А.В. Колчака.

Ключевые слова: Институт исследования Сибири; Томск; наука; Гражданская война; правительство А.В. Колчака.

Изучение науки и высшего образования в Сибири в период Гражданской войны – одна из наиболее проблемных страниц в отечественной исторической науке. Несмотря на поворот, связанный со снятием идеологических ограничений в постсоветской период и вышедший в связи с этим ряд работ [1–7], некоторые проблемы остались вне поля зрения учёных. В частности, «за бортом» оказались крупные институциональные изменения, произошедшие в сибирском научном сообществе под воздействием социально-политических процессов того времени. Наиболее ярко этот пробел виден на примере изучения научной организации «Институт исследования Сибири» (ИИС). В данной работе мы остановимся на уставе этого учреждения, его разработке и утверждении, т.е. на нормативной базе ИИС, без учёта специфики которой невозможно понимание этой крупной исследовательской организации.

Мысль об учреждении научной организации, занимающейся всесторонними исследованиями Сибири, параллельно разрабатывалась во многих центрах России. В начале 1918 г. в Петрограде по поручению Петроградского союза областников Е.А. Френкелем и горным инженером Лабровичем был выработан проект учреждения Сибирского научно-хозяйственного института, работа которого подразделялась на несколько направлений: 1) сбор, систематизирование и опубликование уже имеющихся не разобранных материалов по различным отраслям хозяйственной жизни Сибири в их современном состоянии; 2) составление общей картины существующей хозяйственной жизни страны; 3) рассмотрение предложенных и составление новых проектов и планов развития для каждой из отраслей хозяйства. Решение третьей группы задач требовало проведения теоретических исследований, в том числе исторических, археологических и этнографических [8. 12 января]. Однако этот проект, встретив критику общественных организаций, изучающих Сибирь, так и не был реализован.

26 октября – 2 ноября 1917 г. в Иркутске проходил Первый сибирский метеорологический съезд, на котором с идеей основания Института исследования Сибири выступил профессор Томского технологического института Б.П. Вейнберг. Сначала он коснулся ряда актуальных проблем состояния науки в России и в первую очередь обратил внимание на отсутствие согласованности в деле проведения исследований между ведомствами и отдельными научными организациями. «Возьму самый близкий пример: метеорологиче-

ские станции, – отметил Б.П. Вейнберг. – Кем только они не учреждаются и не содержатся? Перечислю: Академия наук, учёные общества, высшие, средние и низшие учебные заведения, переселенческое управление, бывший кабинет его величества, управление государственными имуществами, министерство земледелия, железнодорожное управление, гидрографическое управление, горный департамент, управление водными путями, военное министерство (в Туркестане), министерство юстиции (на Сахалине) и даже министерство иностранных дел и святейший синод при наших миссиях в иностранных государствах. Так было, но так не будет, если признают, что так быть не должно» [9. С. 184–185]. Чтобы решить эту насущную проблему, Б.П. Вейнберг предложил создать министерство науки наподобие других имевшихся в то время министерств в России и других странах.

Созданием Министерства науки он полагал поднять статус научной деятельности в стране до статуса «государственной службы». Оно, как себе представлял Б.П. Вейнберг, должно было состоять из отделов по различным отраслям знания (география, ботаника, геофизика, история и др.). Каждый отдел избирал бы свой исполнительный орган на созываемых съездах, а также утверждал смету, рассматривал отчёты и намечал планы дальнейших работ. Во главе отделов стояли советы, которые могли присуждать учёные степени аспирантам за их научные труды. Учёные, подобно чиновникам, располагали бы своим «штатом служащих», т.е. вспомогательных работников (чертёжники, архивариусы и др.), и получали жалование от государства. Важным моментом в рассуждениях Б.П. Вейнберга был тезис о том, что научные ведомства могли бы сами составлять свои сметы, а не довольствоваться средствами, которые выделяет им государство.

Министерство науки не походило бы на другие министерства России, в которых чиновники назначались сверху правительством. Наоборот, новое учреждение должно было опираться на общественность, а также всемерно поощрять частную научную инициативу. Советы, возглавляющие те или иные отделы (отдел геофизики, отдел гидрологии и др.) министерства науки, предполагалось формировать из академиков и профессоров высших учебных заведений, представителей научных обществ, ведомств и др. Члены советов, в свою очередь, могли приглашать в её состав других лиц, известных своими научными трудами [Там же. С. 187]. Координацию деятельности всех отделов Министерства науки должен был осуществлять Совет министерства.

Помимо отделов по соответствующим наукам Б.П. Вейнберг предлагал создать при Министерстве специальные комитеты, которые занимались бы координацией исследований, направленных на изучение отдельных регионов России: Кавказа, Туркестана, Северного края и, конечно же, Сибири. Комитетом, занимающимся организацией изучения Сибири, должно было стать упоминаемое в докладе Б.П. Вейнберга «Ведомство исследования Сибири». Более реальным, однако, Б.П. Вейнберг в качестве первого шага считал открытие Института исследования Сибири. В задачи последнего входила бы систематизация уже осуществлённых исследований, а в перспективе – координация планируемых вплоть до публикации полученных результатов и т.д. Тем самым реализовалась бы одна из идей Б.П. Вейнберга, согласно которой изучение Сибири в будущем должно было стать делом самой Сибири.

Таким образом, на метеорологическом съезде в Иркутске идея учреждения министерства науки представляла собой «программу максимум», в то время как организация Института исследования Сибири была на первых порах лишь «программой минимум».

Размышления Б.П. Вейнберга нашли отражение в представленном им на рассмотрение делегатов метеорологического съезда «Временном положении об Институте исследования Сибири». После обсуждения в него были внесены некоторые изменения, не меняющие, однако, в корне его суть.

Первая статья «Временного положения...» гласила: «Институт исследования Сибири учреждается... для объединения исследований Сибири в научном и научно-практическом отношении» [9. С. 202]. ИИС, помимо собирания информации о произведённых исследованиях и согласования предстоящих, имел право «организовывать исследования и экспедиции, созывать съезды и вообще принимать меры для успешного осуществления своих задач».

Делегаты поддержали идею Б.П. Вейнберга о том, что ИИС должен иметь демократическую структуру управления. Стоявший во главе института совет включал бы в себя членов, избирающихся от научных и технических обществ, архивных комиссий и высших учебных заведений, земских и городских учреждений, а также ведомств, причастных к делу изучения Сибири.

Стоит отметить также, что отсутствие координации исследований в Сибири не было единственным фактором, повлиявшим на поиски сибирским научным сообществом новой формы научной организации. В Сибири, словами видного геолога Я.С. Эдельштейна, ширилось движение «в пользу насаждения местных исследовательских институтов» [10. С. 10]. Это движение шло из Европейской России, и наиболее ярким примером здесь была Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС).

Основные принципы работы КЕПС, изложенные 8 апреля 1915 г. В.И. Вернадским в записке «Об изучении естественных производительных сил России», удивительно напоминают принципы работы созданного впоследствии ИИС. Прежде всего к ним относятся: 1) комплексный подход к исследованиям с уча-

стием физиков, химиков, геологов, ботаников и зоологов; 2) открытость к критике со стороны общественности; 3) финансирование со стороны не только государства, но и частных лиц, общественных и экономических организаций [11]. По утверждению А.В. Кольцова, «комиссия представляла собой подлинно демократическое учреждение. Ее руководящие органы избирались путем тайного голосования. Все принципиальные вопросы, касающиеся работы комиссии, обсуждались на Общем собрании, советом и подкомиссиями. Руководители КЕПС стремились учесть все точки зрения, которые высказывались учеными при рассмотрении различных аспектов ее деятельности» [Там же]. К 1917 г. в работе КЕПС принимало участие 139 видных учёных, и множество контактировало, в том числе будущий ректор Томского университета А.П. Поспелов, принявший деятельное участие в подготовке съезда по организации ИИС и его работе. Таким образом, влияние идеи исследовательских институтов на взгляды ученых-сибиряков представляется несомненным.

После окончания работы Метеорологического съезда в течение продолжительного времени шла подготовка к созыву съезда по организации ИИС. В этот период Б.П. Вейнберг и В.Б. Шостакович (директор Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории), решая задачи организационного характера, не упускали из виду и принципиальный вопрос о главном предназначении будущего института. В.Б. Шостакович конкретизировал основные направления деятельности института. Им было выделено 7 направлений: 1) организация Сибирского областного музея; 2) охрана исторических и культурных памятников и памятников природы; 3) создание Сибирского областного книгохранилища; 4) собирание в институте всевозможных материалов, посвящённых Сибири; 5) составление и издание обзоров уже произведенных исследований Сибири в различных направлениях; 6) руководство дальнейшим планомерным и систематическим исследованием Сибири, а также производство самостоятельных исследований; 7) издательская деятельность ИИС [12. Ч. 1. С. 19–20].

В другом ключе мыслил Б.П. Вейнберг. В письме В.В. Сапожникову (министр народного просвещения Временного всероссийского правительства А.В. Колчака) от 21 октября 1918 г. он писал: «Первый съезд членов Института исследования Сибири... неизбежно столкнётся с большим вопросом о централизации компетенции ведомств». И здесь, полагал он, есть риск либо «броситься в Сибирь отвлечённо-идейного объединения работников по исследованию Сибири, либо попасть в Харибу немедленного насилиственного объединения из всех ведомств тех их частей, которые посвящают свои работы исследования Сибири... либо *необходимо будет* (курсив наш. – В.Р.) найти какой-нибудь промежуточный путь» [13. Д. 11. Л. 13 об.].

По мнению Б.П. Вейнберга, учитывая «ведомственное самолюбие», в качестве переходной модели на пути к Министерству науки (а он склонялся именно к этой форме объединения) могло быть учреждение ИИС в составе ряда готовых к работе отделов,

перечень которых предполагалось определить на съезде. Эти отделы можно было бы объединить центральным органом, выполняющим, однако, сугубо административно-исполнительные функции. Законодательная власть должна была принадлежать съезду членов совета института, выборного по своему характеру. При этом различные отделы ИИС в зависимости от местоположения, наличности материалов, персонала и прочего могли располагаться в различных городах.

Упомянул Б.П. Вейнберг и проект, разработанный метеорологическим бюро и опытно-агрономическим бюро Амурской области, предлагавшими территориальное, а не предметное объединение организаций, изучающих Сибирь, в виде «областных научных центров». «Принять ли это решение или то, которое было указано мною выше, или же и здесь найти решение компромиссного типа, – отмечал он, – будет опять-таки одной из основных задач съезда» [13. Д. 11. Л. 14 об.].

Дальнейшую работу над проектом положения провело исполнительное бюро, созданное для подготовки съезда по организации ИИС в декабре 1918 г. Проект положения включал в себя следующие разделы: Цели Института, Права Института, Состав Института и Средства Института. В первой статье первого раздела подчёркивался государственный характер ИИС и прописывалось, что в его обязанности входит «планомерное и систематическое исследование природы, жизни и населения Сибири». В качестве форм деятельности института был определён достаточно обширный круг мероприятий, включающих в себя снаряжение экспедиций, устройство наблюдательных станций и обсерваторий, испытательных станций, лабораторий и опытных заводов (п. 2а), сбор и систематизацию сведений, планирование и объединение исследований, поощрение научных и научно-практических исследований, содействие подготовке кадров исследователей и др. [12. Ч. 4. С. 10].

Во втором разделе было два ключевых пункта: во-первых, ИИС по своим правам приравнивался к Российской академии наук; во-вторых, ИИС должен был состоять в ведении Совета министров.

Состав института подразделялся на четыре основные категории: члены института, почётные члены института, сотрудники института и корреспонденты института. Члены Института избирались советами отделов института из лиц, известных своими трудами по исследованию Сибири или познаниями в данной области. Почётные члены избирались советом института из лиц, оказавших выдающиеся услуги делу исследования Сибири. Сотрудники избирались учёными учреждениями, высшими учебными заведениями, учёными обществами, ведомствами и общественными организациями, посвящающими свои работы исследованию Сибири, из лиц, известных своими трудами по исследованию Сибири. И, наконец, корреспонденты избирались из лиц, имеющих печатные или практические труды по исследованию Сибири [Там же].

Управление институтом должно было осуществляться через совет института, советы отделов института, и общие собрания. Различными делами института ведали специальные комиссии (правленская, хозяйственная, редакционная, библиотечная, музейная и т.п.). Не оста-

навливаясь на всех подробностях, отметим исключительно совещательную функцию общих собраний, в то время как всеми основными вопросами (утверждение правил для различных учреждений – участников ИИС и назначение их заведующих, утверждение инструкций для различных комиссий, денежные назначения отдельным исследователям и научным обществам, составление и утверждение сметы, изменение положения об ИИС и даже утверждение почётных членов) ведал совет института.

Средства института в этом проекте Положения подразделялись на штатные, отпускаемые государственным казначейством, и специальные, образующиеся из остатков штатных ассигнований, от коммерческой деятельности ИИС, а также от пожертвований и других поступлений.

Всё вышесказанное позволяет заключить, что *к моменту созыва съезда по организации ИИС проект положения об ИИС уже приобрёл определённый «каркас»*. Теперь же в ходе работы съезда проект бюро предстояло дополнить и конкретизировать в соответствии с пожеланиями участников, превратив его в официальный документ – устав нового научного учреждения. Вопросы о конструкции института были столь значительны, что вокруг них то и дело возникали оживлённые споры.

Открыв начало обсуждений, Б.П. Вейнберг, видимо, пытаясь сэкономить время работы съезда, предложил участникам собрания высказаться сразу по трём основным вопросам: целям ИИС, его составу и подведомственности. Однако присутствующие, желая принять более деятельное участие в разработке положения, большинством голосов высказались за предварительные общие прения по всем трём основным вопросам. С этого момента собрание перешло к обсуждениям каждого конкретного пункта устава положения.

В первую очередь обсуждались цели института, т.е. характер его деятельности и приоритеты. Часть делегатов (Д.А. Мацкевич, С.П. Никонов, Н.Н. Быховский и др.) рассматривали ИИС исходя из экономического или политического положения, в котором в то время находилась вся Россия и правительство А.В. Колчака в частности. Коль скоро промышленность Сибири остро нуждалась в сырье и новых технологиях, а Всероссийскому правительству необходимо было упрочить свои позиции на международной арене, то перед ИИС они ставили задачи экономического возрождения Сибири, а значит, приоритета практических, утилитарных целей. На практике, полагали они, такая организация должна была воплотиться не в виде института, а в виде вольно-экономического общества или другой экономической организации.

Другая группа (В.И. Анучин, Б.П. Вейнберг и др.) придерживалась «принципа чистой науки» и стояла если не за главенство теоретических исследований, то, по крайней мере, их паритета с научно-практическими разработками. Её сторонниками часто проводились параллели ИИС и Российской академии наук, где теория и практика были сбалансированы. Забегая вперёд, отметим, что здесь делегатам довольно быстро удалось прийти к компромиссу, включив в задачи института мероприятия и научного, и научно-практического характера.

По вопросу о том, на какие организации будет в первую очередь опираться институт, мнения также разошлись. Одна часть делегатов, по преимуществу иногородних (В.Б. Шостакович, А.А. Пескин и др.), настаивали на том, что институт должен опираться на широкие общественные круги, в первую очередь на городские и земские самоуправления и кооперативные общества. Если институт, говорили они, будет работать только с ведомствами, «то жизненность его будет поставлена под сомнение, ибо при скучности финансовых средств государственного казначейства многие из задач института не будут осуществлены» [12. Ч. 1. С. 73]. Другие убеждали в том, что коль скоро институт является государственным учреждением, то солидное участие в его работе должны принять ведомства.

Этот вопрос был напрямую связан с вопросом о членстве в ИИС. Часть членов комиссии настаивали на прежнем делении его членов на четыре категории (члены института, почётные члены института, сотрудники института, корреспонденты института), в то время как другие во главе с В.Б. Шостаковичем считали, что в составе института «все лица должны быть представителями ведомств, общественных учреждений, кооперативных союзов и т.д.».

По сути, участники собрания хотели выработать такие критерия выборности членов, которые обеспечивали бы ИИС как высокий уровень профессионализма, так и демократический представительный состав. Представители «академизма» упрекали своих оппонентов в том, что они вульгаризируют науку, создавая «научный совдеп». Их оппоненты подчёркивали, что в условиях хозяйственной разрухи без привлечения широкой общественности невозможно будет сколько-нибудь успешное функционирование будущего учреждения. В результате после долгих дебатов вечером 21 января голосованием 24 против 12 при трех воздержавшихся был принят первоначальный проект положения, означавший победу сторонников «академизма» [Там же. С. 99].

Отдельные проекты Положения об ИИС были выдвинуты от групп лиц П.М. Писцовым, В.Б. Шостаковичем, С.В. Шперлингом и Н.Н. Белослюдовым.

Проект, зачитанный сотрудником Благовещенского бюро опытной агрономии П.М. Писцовым, характеризовал будущий ИИС как «высший центральный научно-практический орган», контролирующий все части и органы ведомств, занимающихся исследованием Сибири. Отделы должны были заниматься как теоретическими исследованиями, так и вопросами практической реализации полученных результатов (всё это, однако, не отменяло того факта, что ИИС, подчиняясь совету министров, подчинялся и его решениям о приоритете тех или иных задач. – В.Р.). Состав ИИС должен был включать представителей учёных и технических обществ, высших учебных заведений, городских и земских самоуправлений, кооперативов, общественных и частных учреждений и др. В вопросе порядка вступления только ведомства имели возможность действовать по своему усмотрению, остальные же подчинялись решениям съездов [Там же. С. 73].

Проект В.Б. Шостаковича, точнее, принципы, которые он огласил, подразумевали, во-первых, сочетание научных и научно-исследовательских задач института. Во-вторых, опору как на широкие общественные круги, так и на государство. И в-третьих, В.Б. Шостакович указал на основные органы ИИС: съезд, совет и правление: «Съезд, собирающийся ежегодно, рассматривает и утверждает годовой отчёт, смету и намечает план ближайшей деятельности; совет – постоянный орган, ведающий всей деятельностью института, – состоит из 10–12 членов, выбираемых съездом из представителей министерств и заведующих отделами; правление – исполнительный орган совета, состоит из директора, помощника директора и секретаря, выбираемых съездом» [12. Ч. 1. С. 93–94].

Проект (также больше похожий на основные принципы), представленный от группы делегатов начальником томских партий отдела земельных улучшений Переселенческого управления С.В. Шперлингом, акцентировал внимание на двух моментах. Первый касался практических мер, необходимых институту для сбора, систематизации и координации исследований. По мнению автора, требовалось предписание правительства, согласно которому все занимающиеся исследованиями Сибири ведомства становились подотчетны ИИС в плане исследований. Второй момент касался вопроса о том, какой орган ИИС должен играть главенствующую роль. С.В. Шперлинг настаивал на превалирующей роли съездов института в противовес совету, который должен был играть лишь роль распорядительного и исполнительного органа [Там же. С. 94].

Проект Н.Н. Белослюдова, зачитанный от имени Семипалатинского подотдела РГО, рассматривал ИИС в качестве ассоциации сибирских учёных и технических обществ, высших учебных заведений, научных, научно-технических и сельскохозяйственных учреждений, ведомств, общественных учреждений, изучающих Сибирь, и частных лиц. Являясь юридическим лицом, эта ассоциация содержалась бы преимущественно на государственные средства. Во главе ИИС стояла сессия института, состоящая из выборных или назначенных от вышеуказанных организаций представителей. Сессия обладала довольно обширными правами: рассматривала, согласовывала и устанавливала общий план предполагаемых работ, включая те, которые планировали отдельные организации на собственные средства. Кроме того, сессия также распределяла работы по отдельным организациям и отделам, определяла необходимые для этого средства, рассматривала итоговые отчёты и премировала лучшие работы. Ролью исполнительного органа заведовало центральное бюро в Томске с филиалами на местах, которые исполняли организационные, представительные и хозяйствственные функции.

Обобщая сказанное по всем четырём предложением (за исключением проекта П.М. Писцова, который сосредоточил внимание на взаимоотношении ИИС и ведомств), отметим единодушное желание групп делегатов основать учреждение, демократичное по своему характеру как в плане представительства, так и в плане управления. Ключевую роль в управлении они

отдавали съезду института, а не совету. Это вызвало возражения Б.П. Вейнберга, настаивавшего на превалирующей роли именно совета. Съезды же, по его словам, должны были иметь направляющую, но не руководящую роль, «быть может, более интенсивную, чем та что была в проекте бюро». Реакция Б.П. Вейнберга вызвала критику со стороны В.Б. Шостаковича, упрекавшего проект бюро в излишней академичности и отсутствии широкого общественного начала.

В итоге утреннее заседание 21 января завершилось решением собрания избрать комиссию по переработке положения в составе В.И. Анучина, Б.П. Вейнберга, С.П. Никонова, А.П. Поспелова, В.Б. Шостаковича и Я.С. Эдельштейна. Пока что единодушно был одобрен пункт о том, что ИИС должен быть «государственно-общественным учреждением научно-практического характера» [12. Ч. 1. С. 97].

22 января на вечернем заседании Б.П. Вейнберг представил делегатам новый проект, учитывающий «мнения, высказанные на общих собраниях». Он отличался более подробным изложением должностных обязанностей служащих ИИС. В качестве отдельного раздела (разд. 9) были прописаны условия организации и ликвидации ИИС. Впервые упоминалась конференция института как орган, состоящий из Совета и представителей отделов Института. Вместо общих собраний предусматривался съезд института, который, в отличие от предыдущего проекта, играл бы более весомую роль в управлении. Теперь он не только мог утверждать отчёты о работах ИИС, выполненных за предыдущий период, но также обсуждал план будущих работ, смету и изменения, вносимые в положение об институте. Ключевым являлось право участников съезда избирать состав совета института и советов отделений, ранее принадлежавшее этим организациям [Там же. Ч. 4. С. 5–6].

Утром 23 января участники съезда продолжили обсуждение вопросов, связанных с разделом об управлении институтом. Некоторые делегаты высказали сомнение в необходимости учреждения конференции института, однако в конце концов все согласились с тем, что конференция должна иметь право учреждать отделы института, обсуждать и утверждать планы работ и сметы института, его отделений и отделов, вносить изменения в положение об ИИС, ходатайствовать перед Советом министров о сверхсметных ассигнованиях и изменениях в штатах, избирать почётных членов Института, созывать съезды и др. [Там же. Ч. 1. С. 108].

Общее заседание 24–25 января проходило в напряжённой обстановке, и это неудивительно. Обсуждался один из ключевых вопросов – смета ИИС. Недовольство делегатов проявилось сразу же во время обсуждения штата статистико-экономического отдела, который показался участникам чересчур большим. Причём речь шла не только о финансировании (отдел требовал 1 млн 400 тыс. руб. на операционные расходы и 900 тыс. руб. на содержание персонала), но и о кадровой составляющей. Невозможно было, по словам В.И. Анучина, найти 22 ординарных профессора, деятельность которых была бы связана с изучением Сибири [12. Ч. 1. С. 108]. Члены статисти-

ко-экономической секции (Н.А. Сборовский, В.Я. Нагнибела, С.П. Никонов), напротив, доказывали, что необходимое число сотрудников будущий отдел может найти с избытком. Кроме того, С.П. Никонов напомнил, что «если бы статистический и экономический отделы учреждались самостоительно, то на каждый из них пришлось бы по 11 членов», а В.Я. Нагнибела заявил, что «трое из 22 являются представителями высших учебных заведений и съезда статистиков, и поэтому нужно отнести к числу сотрудников» (т.е. состав секции должен сократиться до 19 человек). С большим трудом 8 голосами против 5 при 22 воздержавшихся были утверждены штат статистико-экономического отдела, а в дальнейшем и его смета. Однако позже штат статистико-экономического отдела всё же был сокращён до 15 человек.

Многих участников собрания не устроила общая смета института в размере 8 млн руб., которая показалась им чрезмерной. «Настоящее положение таково, – заявил В.Б. Шостакович, – что едва ли мыслимо в ближайшем будущем мобилизовать большие силы. Не лучше ли, возбуждая ходатайство об институте и стремясь к осуществлению в ближайшем будущем времени во всей широте намеченного плана, сейчас несколько сузить наши задачи и избрать организационную ячейку, которая, стараясь провести в жизнь все пожелания съезда, перешла бы к практической деятельности?» [Там же. С. 110]. В итоге он предложил значительно уменьшить смету ИИС, доведя её до 1,5 млн руб. Однако В.Б. Шостаковича никто не поддержал.

25 января дебаты вокруг сметы ИИС продолжились. В.Б. Шостакович вновь предложил урезать смету института до 1,5 млн руб., представив свой проект организации института.

Согласно этому проекту деятельность института на первых порах должна была протекать только в двух центрах. В Томске предлагалось открыть 10 отделов (статистико-экономический, геодезический, бальнеологический, историко-этнографический, промышленно-технический, сельскохозяйственный, лесоведения, ботаники, зоологии, библиографии, музеяного дела и библиотеки) в составе 10 человек. Три отдела располагались бы в Иркутске (геофизики, гидрологии, а также библиографии, музеяного дела и библиотеки) в составе трёх человек. Директор института и все члены совета должны были избираться съездом, Совет же, являясь исполнительным органом института, занимался бы выполнением текущих задач. Члены совета, избираясь ежегодно, должны были строго отчитываться о выполнении возложенных на них задач. Неотъемлемым провозглашалось привлечение к работам на местах уже существующих организаций [Там же. С. 113–114].

Несмотря на единогласное прежде решение об утверждении итогового текста положения, среди участников съезда обнаружились разногласия по поводу предложения В.Б. Шостаковича. Часть делегатов (П.Г. Любомиров, В.А. Пазухин, А.П. Поспелов) считали, что ИИС, скорее всего, не сможет в короткий срок организовать по всем направлениям эффективную работу. В этом случае проект В.Б. Шостаковича

как менее ресурсозатратный, помог бы, по их мнению, эффективно решить эту проблему, а кроме того, свести бюрократизм института к минимуму. Б.П. Вейнберг, В.И. Анучин, Н.А. Сборовский и другие подвергали сомнению столь пессимистичный прогноз. Они, в частности, ссылались на инфляционные процессы, в соответствии с которыми 8 млн руб. по смете равнялись 800 тыс. довоенных рублей, что не являлось такой уж большой суммой (по указаниям А.Н. Лагутина, Амурская экспедиция 1910 г. стоила государству 600 тыс. руб. – немногим больше, чем требовали члены ИИС на 1919 г). Наиболее разумным, пожалуй, был контраргумент Б.П. Вейнберга, заявившего, что «предложение В.Б. Шостаковича, меняя в корне структуру института, тем самым губит результаты одиннадцатидневной работы съезда» [12. Ч. 1. С. 114]. В конечном итоге на голосование были поставлены два предложения: «о сокращении сметы» и «о сокращении персонала», однако оба были отвергнуты. Исходя из результатов голосования видно, что отсутствие единодушия среди делегатов объяснялось тем, что многие из них склонялись к мысли, что в Сибири пока недостаточно квалифицированных учёных для столь масштабной задумки.

После обсуждения сметы делегаты перешли к рассмотрению устройства отделений ИИС. Все согласились с тем, что центр ИИС должен быть в Томске, а Восточно-Сибирского отделения – в Иркутске. Неясным оставался вопрос с Дальневосточным отделением. Большинство участников признавало наиболее рациональным открыть его в г. Владивостоке, где к тому моменту уже существовал Институт восточных языков. За Владивосток высказалось Приморское общество сельского хозяйства, которое задолго до открытия съезда ходатайствовало об устройстве Дальневосточного отделения именно в этом городе.

Однако имелись и другие предложения. Так, С.В. Шперлинг предложил в качестве центра Дальневосточного отделения Благовещенск. А.Н. Липский просил об устройстве в Хабаровске если не отделения, то хотя бы историко-этнологического отдела, ввиду обширности задач, стоящих перед этнографией «к северо-востоку от параллели оз. Ханка». В итоге было принято предложение В.И. Анутина, сводящееся к тому, что дальневосточные организации при посредничестве Восточно-Сибирского отделения должны на съезде сами определить местоположение Дальневосточного отделения ИИС [Там же. С. 110].

К вечеру 25 января дискуссии вокруг положения об ИИС были завершены, и оно было принято 74 голосами из 75.

Текст итогового Положения являлся доработанным вариантом проекта, выработанного бюро съезда и измененного в ходе общих заседаний.

В окончательной редакции были более подробно прописаны статус, права и привилегии категорий служащих института. Появились новые параграфы, касающиеся совмещения должностей. К примеру, директор института и его заведующий не могли одновременно работать в ИИС и в других учреждениях. Так, занявший впоследствии должность директора ИИС В.В. Сапожников покинул пост министра

народного просвещения. Рядовые члены ИИС могли совмещать свою работу с другой правительенной или частной «исключительно с особого каждого раз постановления того или иного органа или лица, которому принадлежит право избрания или назначения на эту должность по институту» [12. Ч. 4. С. 3].

Помимо этого, были расписаны обязанности и полномочия отделений и отделов института. Во многих они дублировали соответствующие пункты совета и съезда института. Также была подтверждена и расширена прерогатива съезда института, где избирались все ключевые фигуры: директор, помощник директора, секретари и члены как совета института, так и советов отделений и советов отделов (в последних съезд устанавливали лишь членов, а не руководящий состав) [Там же. С. 6]. Полномочия же совета и конференции остались неизменными.

Итак, начало Институту исследования Сибири было положено, но он ещё не имел статуса официально-го государственного учреждения, а должен был начинать свою деятельность в виде общественной организации – общества «Институт исследования Сибири».

В соответствии с уставом общества, принятым 11 февраля, его центр располагался в Томске [Там же. С. 16]. На первом организационном собрании его членов 12 февраля в совет Общества «Институт исследования Сибири» были выбраны В.В. Сапожников (председатель), Б.П. Вейнберг (товарищ председателя), Я.И. Николин, М.А. Великанов, В.И. Бауман, В.Я. Нагнибеда (казначей), В.Д. Дудецкий, П.Г. Любомиров, М.Г. Курлов, Н.В. Гутовский (секретарь), П.П. Гудков, П.Н. Крылов, М.Д. Рузский, Б.Е. Будде и И.И. Бобарыков [14. С. 163]. Всего в общество входило около 60 человек.

Параллельно работала комиссия по приведению в исполнение постановлений съезда. Она состояла из президиума съезда и его секций во главе с председателем профессором Б.П. Вейнбергом. С 31 января по 8 марта 1919 г. она провела 8 заседаний, составила, размножила и разослала в различные организации, в том числе в Совет министров, проекты «Положения об ИИС», штатов и сметы института с подробной объяснительной запиской к ним.

Подвижки в деле придания институту характера правительенного учреждения начались лишь спустя несколько месяцев после завершения работы съезда. С 1 по 18 мая 1919 г. в Омске состоялся ряд заседаний Межведомственного совещания, посвящённых официальному утверждению Института исследования Сибири и выделению аванса на его работу. В состав совещания входили уполномоченные от министерств народного просвещения, финансов, земледелия, торговли и промышленности, а также от Государственного контроля и Главного управления по делам вероисповедания.

В ходе заседаний в принятый съездом текст «Положения...» был внесён ряд изменений. В первую очередь понизился статус будущего института. Теперь он приравнивался не к Академии наук, а к университету и находился в ведении Министерства народного просвещения. Директор и его помощник становились самостоятельными фигурами в управлении институтом, а процедура их выбора уже не являлась демокра-

тичной: они избирались конференцией, а не съездом. Съезд также лишился права участвовать во внесении изменений в «Положение об ИИС», теперь он становился скорее совещательным органом [13. Д. 24. Л. 1]. Состав самой конференции сузился: в него входили только члены совета, директора отделений и заведующие отделами. Наряду с конференцией совет мог ходатайствовать о сверхсметных ассигнованиях. Кроме того, в положение был внесён пункт, предоставляющий ИИС право получать от Книжной палаты все книги, издаваемые в Сибири. Академики Российской академии наук по своему статусу приравнивались к почётным членам института.

Большая роль отводилась организациям на местах. Учреждениям, сотрудничавшим с институтом, было предоставлено право избирать своих представителей на съезд института и участвовать в работе советов отделов в качестве полноправных членов. Учреждения, которые вели работу «по определенной специальности в общесибирском масштабе», могли получать права отделов «в отношении участия заведующих этим учреждением в совете института и представителей этого учреждения – в конференции института» [Там же. Д. 15. Л. 261 об.]. С разрешения совета института советы отделов могли приглашать на свободные места новых членов.

В целом же институт резко ограничили в плане широты его деятельности. Во-первых, была урезана смета института. Вместо 8 испрашиваемых на съезде миллионов рублей (позже смета была сокращена до 4 млн руб.) было представлено значительно меньше – 1 млн 635 тыс. руб. [15. С. 12]. Даже с учётом того, что эти средства отпускались всего на полгода, их было явно недостаточно.

Указанные изменения в смете института диктовались экономией денежных средств в условиях Гражданской войны. На первый аванс в 230 тыс. руб., выделенный «на неотложные экспедиции и обследования», институту пришлось существовать в течение полугода, хотя изначально он был отпущен всего на два месяца [6. С. 369].

Во-вторых, институту запретили по собственной инициативе открывать местные отделения. В.Б. Шостакович, сторонник широкой децентрализации в устройстве института, с негодованием писал из Иркутска в Министерство народного просвещения: «...долголетняя практика уже давно показала, что всякие работы по изучению края, организуемые и ведущиеся из отдалённого центра, далеко не оправдывают тех результатов, на которые можно рассчитывать». То же касалось и утверждённой сметы института, которая, по словам В.Б. Шостаковича, удовлетворяла целиком и полностью только «местные, томские интересы» [14. С. 160].

Томич Б.П. Вейнберг, представлявший «Положение...» на Межведомственном совещании, также протестовал против запрета институту устраивать местные отделения: «Перенесение на места задач Института в пределах определённой части Сибири... нельзя, по моему мнению, рассматривать как какое либо распыление сил, так как эти силы и без того будут находиться на местах» [13. Д. 15. Л. 263].

С этой целью он предложил предоставить институту возможность разрешить организациям на местах выступать с инициативой образования местных отделений. 26 мая 1919 г. к особому мнению Б.П. Вейнберга единогласно присоединились все члены совета общества «Институт исследования Сибири» [Там же. Д. 47. Л. 56]. Однако в утверждённом Межведомственным совещанием положении предложение Б.П. Вейнберга не нашло отклика.

Не ограничившись докладной запиской В.Б. Шостаковича, совет Средне-Сибирского отделения решил создать в Иркутске собственное межведомственное совещание и составил обращение «Институт исследования Сибири. Вопиющая несправедливость», которое было разослано в местные газеты, а также приглашённым на совещание учреждениям и организациям [16. С. 192–193].

Возникший конфликт между Томском и Иркутском необходимо было уладить в кратчайшие сроки. 2 июня совет общества отправил товарищу председателя Средне-Сибирского отделения А.Н. Лагутину письмо, в котором содержалось особое мнение, высказанное Б.П. Вейнбергом на Межведомственном совещании, а также постановление совета Общества «Институт исследования Сибири» от 26 мая [13. Д. 47. Л. 51].

26 июня в редакцию иркутской газеты «Заря» было направлено опровержение, в котором говорилось: «...общество «ИИС» стоит на страже постановлений январского съезда и, будучи заинтересовано в существовании отделений, всячески отстаивает их и с удовлетворением констатирует, что в этом вопросе нет никаких разногласий между томичами и иркутянами...» [Там же. Д. 24. Л. 27, 27 об.]. 2 июля копия этого письма была направлена и в редакцию газеты «Свободный край». После этого конфликт был несколько сглажен. Но Средне-Сибирское отделение по-прежнему настойчиво боролось за возможность устраивать местные отделения.

Несмотря на успешное прохождение «Положения...» на Межведомственном совещании, вопрос о придании институту официального статуса не был ещё решён окончательно. 28 июня в Омск прибыла делегация под руководством того же Б.П. Вейнберга, целью которой было утверждение нового положения в Совете министров. Это было вызвано тем, что до Томска дошли тревожные известия от представителей Министерства народного просвещения, о том, что институт, скорее всего, не получит статус государственного учреждения [13. Д. 24. Л. 33]. Однако в ходе заседания Совета министров делегации удалось отстоять этот пункт.

До официального утверждения положению осталось пройти ещё одну инстанцию – Государственное экономическое совещание Временного Всероссийского правительства, состоявшее из чиновников, крупных банкиров и предпринимателей. Представители Общества «Институт исследования Сибири» были намерены добиваться права на устройство местных отделений института. Кроме того, одной из задач было получение нового кредита, так как деньги, выделенные Обществу «ИИС», к тому моменту были по-

чи полностью истрачены. 28 июля 1919 г. «Положение об Институте исследования Сибири» было принято Советом министров и утверждено Верховным Правителем [17. 31 июля]. Но в «Правительственном Вестнике» его опубликовуют лишь 25 октября 1919 г.

В окончательной редакции «Положение...» также содержало ряд существенных изменений. Из положительного стоит выделить предоставленную институту возможность ходатайствовать перед министром народного просвещения об устройстве местных отделений, которой он был лишён в майской редакции. Тем самым правительство пошло навстречу, прежде всего, иркутянам.

Из негативного стоит выделить то, что 11 отделов, изначально утверждённых на съезде, были реорганизованы в шесть: 1) географический с подотделами геодезии, геофизики и гидрологии; 2) бальнеология и курортоведения; 3) естественно-исторический с подотделами ботаники, зоологии, сельского хозяйства и лесоведения; 4) промышленно-технический; 5) историко-этнографический; 6) статистико-экономический в составе статистического и экономического подотделов [Там же. 25 окт.]. Это означало, что многие отделы, которые участники изначально планировали организовать как самостоятельные, вынуждены были работать в составе объединённых. Так, отдел геофизики, располагавшийся изначально в Иркутске, теперь в качестве подотдела должен был находиться в Томске [13. Д. 17. Л. 63]. Всё это, конечно, мешало эффективной работе института.

Тем самым возможности института заниматься проведением исследований были значительно ограничены в силу урезания выделенных средств для его работы финансовой сметой, утверждённой правительством. В организационном плане сказалось и сокращение количества отделов. Других изменений в управлении не произошло, а значит, компетенции совета, съезда и конференции института остались в прежнем виде с момента утверждения майской редакции.

С принятием «Положения...» институт стал официальным государственным учреждением с особыми привилегиями и полномочиями. Однако есть основания полагать, что приданье ИИС официального статуса произошло «задним числом» без подписи Верховного Правителя А.В. Колчака. Поводом для такого суждения являются письма секретаря Института исследования Сибири Н.Н. Бакая Б.П. Вейнбергу от 12, 16, 21, 30 августа и 27 сентября 1919 г. Вот что писал Н.Н. Бакай 12 августа: «...в Министерстве народного просвещения постановление об институте ещё не поступало и, конечно, ещё не подписано министром народного просвещения. Но в министерстве меня уверили, задержано положение будет лишь на день-два, и [я] немедленно затем перешлю его в Совет министров для подписания Верховным Правителем, после чего будет возвращено в Министерство народного просвещения» [13. Д. 16. Л. 54, 54а, 54а об.].

Спустя неделю он же писал Б.П. Вейнбергу: «П.И. Преображенский (товарищ министра народного просвещения. – В.Р.) до сих пор ещё не подписал “Постановление об Институте”, задержанное канцелярией совета министров, а следовательно, не отправляет его Верховному Правителю, почему, конечно, всего кредиты не могут быть открыты институту и переведены в Томск. Такое положение – результат совершенно индифферентного отношения, прежде всего, канцелярии Совета министров к судьбам института». И далее: «Везде необходимо ходить и без конца настойчиво просить, только тогда и можно достичнуть результатов. Заверяю Вас, что для института никто не шевелит здесь и пальцем, для ускорения в решении вопросов, если предоставить дело исключительно естественному ходу» [Там же. Д. 16. Л. 63, 63а, 64, 64а, 64 об.]. В приведенных отрывках из писем Н.Н. Бакая ярко проявилось безразличие со стороны бюрократов Временного Всероссийского правительства к судьбе института. Впрочем, такое отношение представляется совершенно неудивительным, ибо войска А.В. Колчака к тому времени уже отступали по всему фронту на восток, и у чиновников были другие заботы.

Подводя итоги, отметим, что Положение об ИИС, проделало до своего официального утверждения длинный путь, что, несомненно, сказалось и на судьбе самого ИИС. Начиная своё существование в качестве достаточно абстрактного проекта, Положение об ИИС не стояло на месте, постоянно «обрастая» новыми подробностями, приобретая характер официального документа. Очевидно, что конструкция института, характер его деятельности и принципы управления были полем столкновения взглядов многих учёных. Со всей полнотой это выяснилось на съезде по организации ИИС, когда со стороны иногородних делегатов критике подверглись принципы управления институтом. Их вмешательство было решающим в наделении съезда института более значительными прерогативами. Однако ключевым в событиях оказалось мнение государственных служащих, за которыми было последнее слово. В ходе событий мая–октября 1919 г. чиновники Временного Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака отобрали у съезда института все те полномочия, которые были даны ему в январе.

Что касается финансовой поддержки, то и здесь для ИИС обстоятельства сложились неблагоприятно. Стоящее на грани катастрофы правительство при всём желании не имело необходимых для института средств и было вынуждено резко ограничить его запросы в денежном плане, что выразилось в сокращении количества отделов. Осенью 1919 г. и без того небольшая смета ИИС была сокращена ещё на 455 тыс. руб [Там же. Д. 22. Л. 82]. Пришедшее к власти советское правительство новой сметы так и не утвердило, ограничившись оплатой произведённых работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молчанов Л.А. «Институт представляется в виде мощного... союза всех коллективов, причастных к делу изучения Сибири». Организация и деятельность Института исследования Сибири. 1919–1920 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 6. С. 158–177.

2. Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 – 16 сентября 1920) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.
3. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008. 440 с.
4. Очерки истории Иркутского государственного университета : учеб. пособие / И.В. Олейников, С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин и др. ; под ред. Ю.А. Зуляра. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 144 с.
5. Хаминов Д.В. Историческая наука в Сибири и организация сибиреведческих исследований в период революции, Гражданской войны и первых лет Советской власти (1917 г. – середина 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 111–116.
6. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
7. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 / Э.В. Ермакова, Е.А. Георгиевская, И.И. Глущенко и др. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.
8. Голос Сибири (Томск). 1919.
9. Труды Первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске 26–30 октября 1917 года. Благовещенск, 1919. 306 с.
10. Наука и учёные в Сибири. Геологические и гидрографические исследования // Наука и её работники. Петроград, 1921. № 1. С. 7–23.
11. Кольцов А.В. Деятельность КЕПС в годы Первой мировой войны 1914–1918. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/kol99v.htm> (дата обращения: 28.03.17).
12. Труды Съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919.
13. Государственный архив Томской области. Ф. Р-26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1.
14. «Целью института является...» : документы об организации и деятельности Института исследования Сибири. 1919–1920 гг. // Исторический архив. 2000. № 6. С. 158–177.
15. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г. и др. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). С. 5–44.
16. Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 358 с.
17. Правительственный вестник (Омск). 1919.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 марта 2017 г.

THE INSTITUTE FOR THE STUDY OF SIBERIA REGULATIONS: FROM THE FIRST DRAFT TO THE APPROVAL (NOVEMBER 1917 – OCTOBER 1919)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 114–123.

DOI: 10.17223/15617793/418/15

Viktor V. Raskolets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Keywords: Institute for the Study of Siberia; Tomsk; science; Civil War; A.V. Kolchak's Government.

This article examines the creation, development and approval of the Regulations of the Institute for the Study of Siberia (ISS) on the basis of archival materials, documentary publications and periodicals. It is noted that the first draft of the Regulations was proposed by the Tomsk Institute of Technology professor B.P. Weinberg at the First Siberian Meteorological Congress held in Irkutsk from October 26 to November 2, 1917. It is emphasized that the work on the Regulations was underway even during preparations for the Congress on the foundation of ISS, and was conducted by such figures as B.P. Weinberg and V.B. Shostakovich. The next version of the Regulations was developed by the Executive Bureau for the preparation of the Congress on the foundation of ISS. This version was more detailed and included five key sections: Institute Objectives, Institute Rights, Institute Composition and Institute Finances. This project was presented to the delegates at the Congress on the foundation of ISS held from 15 to 26 January, 1919. The delegates' various viewpoints on the main points of ISS – objectives, composition and jurisdiction – were analyzed. The delegates' (especially non-resident) biggest criticism was aimed at the Congress' lack of any real say in management. On January 25, 1919, after a major revision, the Regulations of ISS were passed. After the approval of the Regulations by the Congress on the foundation of ISS it was necessary to review and approve the document by the All-Russian Provisional Government headed by Admiral A.V. Kolchak. Only after that ISS could obtain the status of an official organization. There were two stages of the official approval of ISS. The first stage lasted from May 1 to May 18, when the ISS Regulations were discussed at the interdepartmental meetings. During these events, a number of changes were introduced into the Regulations: ISS was forbidden to establish branches in other parts of Siberia on their own, their budget was cut, and the Institute Congress lost the right to elect the Institute Administration Board, etc. During the second stage, the ISS Regulations were discussed at the State Meeting on Economy. The right to organize local branch offices was returned to ISS. At the same time, the number of ISS departments was reduced from 11 to 6, which further hindered the effective work of the Institute. Finally, on July 28, 1919, the ISS Regulations were approved officially, although they were published in *Pravitelstvenny vestnik* only on October 25, 1919. The author concludes that, while starting its existence as a fairly abstract design, the ISS Regulations gradually became a document suitable for a large research institution. The Institute structure, the nature of its activity and management principles were points of discussion for many scholars, and that was revealed fully at the Congress on the foundation of ISS. However, the government still had the final word.

REFERENCES

1. Molchanov, L.A. (2009) “Institut predstavlyaetsya v vide moshchnogo... soyusa vsekh kollektivov, prichastnykh k delu izucheniya Sibiri”. Organizatsiya i deyatel’nost’ Instituta issledovaniya Sibiri. 1919–1920 gg. [“The Institute is represented in the form of a powerful... union of all collectives involved in the study of Siberia.” Organization and activities of the Institute for the Study of Siberia. 1919–1920]. *Vestnik arkhivista*. 6. pp. 158–177.
2. Fominykh, S.F. (ed.) (2008) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 – 16 sentyabrya 1920)* [Journals of the meetings of the Board of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Rynkov, V.M. (2008) *Sotsial’naya politika antibolshevistskikh rezhimov na vostoke Rossii (vtoraya polovina 1918–1919 g.)* [Social policy of anti-Bolshevik regimes in the east of Russia (second half of 1918–1919)]. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS.
4. Zulyar, Yu.A. (ed.) (2012) *Ocherki istorii Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Essays on the history of Irkutsk State University]. Irkutsk: Irkutsk State University.

5. Khaminov, D.V. (2011) Historical science in Siberia and the organization of Siberian research in the period of revolution, the Civil War and the first years of Soviet power (1917 – mid-1920s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 352. pp. 111–116. (In Russian).
6. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University – the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s–1919)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Ermakova, E.V. et al. (1999) *Dal'nevostochnyy gosudarstvennyy universitet. Istoriya i sovremennost'. 1899–1999* [Far Eastern State University. History and modernity. 1899–1999]. Vladivostok: Far Eastern State University.
8. *Golos Sibiri*. (1919).
9. First Siberian Meteorological Congress. (1919) *Trudy Pervogo sibirskogo meteorologicheskogo s"ezda v g. Irkutske 26–30 oktyabrya 1917 goda* [Proceedings of the First Siberian Meteorological Congress in Irkutsk on October 26–30, 1917]. Blagoveschensk: Tipyo-lit. "I. Ya. Churilo i K".
10. Nauka i ee rabotniki. (1921) Nauka i uchenye v Sibiri. Geologicheskie i gidrograficheskie issledovaniya [Science and scientists in Siberia. Geological and hydrographic research]. *Nauka i ee rabotniki*. 1. pp. 7–23.
11. Kol'tsov, A.V. (1999) *Deyatel'nost' KEPS v gody Pervoy mirovoy voyny 1914–1918* [Activities of the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of Russia during the First World War, 1914–1918]. [Online] Available from: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/kol99v.htm>. (Accessed: 28th March 2017).
12. Veynberg, B.P. (ed.) (1919) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the organization of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk: Tomskaya gubernskaya tipografiya.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. *Institut issledovaniya Sibiri* [Institute for the Study of Siberia]. List 1.
14. Istoricheskiy arkhiv. (2000) "Tsel'yu instituta yavlyaetsya...": dokumenty ob organizatsii i deyatel'nosti Instituta issledovaniya Sibiri. 1919–1920 gg. ["The aim of the Institute is...": documents on the organization and activities of the Institute for the Study of Siberia. 1919–1920]. *Istoricheskiy arkhiv*. 6. pp. 158–177.
15. Nekrylov, S.A. et al. (2008) Iz istorii Instituta issledovaniya Sibiri [From the history of the Institute for the Study of Siberia]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 – 16 sentyabrya 1920)* [Journals of the meetings of the Board of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Fominykh, S.F. (ed.) (2014) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Journals of meetings of departments, the Central Siberian Department and the commissions of the Institute for the Study of Siberia (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
17. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919).

Received: 20 March 2017

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В КОНЦЕ ХХ – НАЧАЛЕ ХХI в.

Рассматриваются основные тенденции развития угольной промышленности России в конце ХХ – начале ХХI в.: либерализация хозяйственной деятельности, оптимизация шахтного и карьерного фондов, сокращение себестоимости продукции, рост производительности труда, снижение производственного травматизма, увеличение заработной платы рабочих, изменения в географии угледобычи и др. Делается вывод о том, что за это время угольная отрасль прошла этап структурной перестройки и встала перед необходимостью технологического обновления.

Ключевые слова: Российская Федерация; либерализация; угольная промышленность; тенденции.

Научный интерес к истории развития отечественной угольной промышленности заметно возрос в конце ХХ в., когда шахтёрское недовольство стало катализатором активной преобразовательской деятельности. Однако отношение к реформам в базовой отрасли народного хозяйства весьма неоднозначно [1–4 и др.], в том числе и за рубежом [5]. Вместе с тем положительная динамика технико-экономических показателей угледобывающих предприятий в совокупности с социальной стабильностью в шахтёрских городах и посёлках, которые чётко обозначились в начале ХХI в., позволяют говорить о серьёзном успехе политики реформ в стратегически важной отрасли. Понимание их сути и цены невозможно без анализа основных тенденций развития угольной промышленности России, что и стало предметом исследования данной работы.

Попытки анализа тенденций развития угольной промышленности России в конце ХХ – начале ХХI в. предпринимались в ряде научных работ. Отличительной особенностью настоящей статьи является широкое применение междисциплинарного подхода. Большая часть использованных нами трудов подготовлена учёными-экономистами А.М. Пяткиным [6, 7], Ю.В. Лахно [8], Н.А. Шепелевой и С.П. Огневым [9] и др. Все они отличаются значительным объемом фактического материала, однако в них доминируют выводы «на перспективу», а не оценка прошлого. В то же время работ учёных-историков по данной проблеме не так много. Наиболее значимыми являются труды кузбасских исследователей К.А. Заболотской [10, 11] и О.В. Бирюковой [12, 13]. С одной стороны, использование их работ позволило иметь представление о развитии угольной отрасли в ведущем углепромышленном регионе, с другой – данная историографическая ситуация является очевидным признаком дефицита исторического анализа изучаемой проблемы на федеральном уровне.

Методологической базой исследования являются цивилизационный и модернизационный подходы. Их значимость в оценке событий истории современной России особенно велика [14, 15]. В процессе научной работы были использованы две группы методов: общенаучные (анализ, синтез и метод статистической обработки материала) и специально-исторические (историко-типологический анализ и обобщение действующих документов и архивных материалов, сравнительно-исторический, историко-сравнительный,

историко-системный, проблемно-хронологический и исторического моделирования).

В ходе подготовки статьи использовались различные группы источников: нормативно-правовые, делопроизводственная документация, периодика, статистические и справочно-статистические материалы, источники личного происхождения. Наиболее информативным ресурсом стали материалы текущего архива АО «Росинформуголь», применение которых, прежде всего, позволило сформировать картину динамики основных тенденций развития угольной промышленности Российской Федерации.

Использованная в статье совокупность материалов позволила фактически и теоретически обосновать выводы по исследуемой теме.

Рубеж ХХ–ХХI вв., по нашему мнению, был одним из самых сложных в истории мировой топливно-энергетической системы. Это время крупных структурных преобразований во всех отраслях топливной промышленности, вызванных глобальными политическими, экономическими и социальными процессами. При этом весьма непросто в рассматриваемый промежуток времени складывалась ситуация в угольной промышленности, которая продолжала терять конкурентоспособность в сравнении с другими отраслями топливно-энергетического комплекса. Иметь в энергетической структуре народного хозяйства дотируемую угольную промышленность – «дорогое удовольствие» даже для экономически развитых государств. Примером служит Великобритания, где угольная отрасль была целенаправленно и весьма болезненно ликвидирована накануне рассматриваемых событий. Ещё труднее складывалась ситуация с «содержанием» угледобывающих предприятий в странах, где в 1990-е гг. осуществлялся переход от плановой экономики к рыночной. Среди них особое место занимала Россия, где имелись огромные запасы угля, от использования которого зависели многие важные для народного хозяйства страны предприятия и даже целые отрасли. Ситуацию осложняло динамичное падение объёмов угледобычи в первые годы рыночных реформ (рис. 1), что ставило под сомнение перспективы развития этой базовой отрасли промышленности.

Соответственно, с первых дней строительства уверенного государства для его руководства приоритетной задачей стало сохранение угольной отрасли, трудовую деятельность с которой связывали сотни тысяч человек. Вместе с тем она объективно нужда-

лась в реформировании, так как являлась неконкурен-
тоспособной на мировом уровне и была самой доти-
руемой в отраслевой структуре народного хозяйства.
В условиях макроэкономического перехода от плано-
вой модели к рыночной модернизация угольной про-

мышленности могла протекать только в либеральном
формате. Таким образом, ведущей тенденцией разви-
тия угольной промышленности России в рассматрива-
емый период стала *либерализация хозяйственной де-
ятельности*.

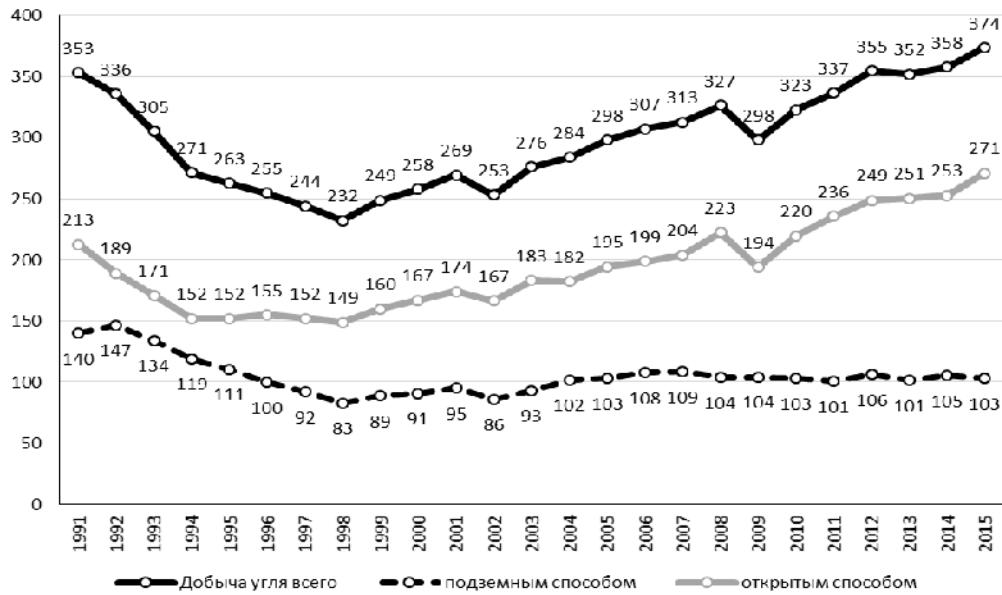

Рис. 1. Динамика добычи угля в Российской Федерации, млн т [16]

Изначально либерализация стратегически важной отрасли была нацелена на переход угледобывающих предприятий в формат рентабельной деятельности. Это позволяло государству снять с себя тяжёлое бремя расходов, а также создать возможности выхода российских угледобытчиков на международный уровень, что обещало приток инвестиций, экономический рост, прямые и косвенные доходы в бюджет, новые рабочие места и т.д. Однако развернуть и направить в правильное русло достаточно инертную и громоздкую отрасль оказалось весьма сложно по ряду причин. Во-первых, любое реформирование требует серьёзных финансово-материальных трат. Российский бюджет в условиях промышленного и сельскохозяйственного спада не был готов к таким расходам. Во-вторых, долгое время не было чёткой программы реформирования отрасли как на федеральном уровне, так и в регионах.

Финансовый эффект от расширения экономической свободы и возможностей угледобывающих предприятий на рубеже 1991–1992 гг. имел временный характер, а реальное реформирование затягивалось. Процесс угледобычи всё больше зависел от государственных дотаций, которые в условиях бюджетного дефицита подрывали финансовую стабильность. Обстановка усугублялась новыми макроэкономическими проблемами, ростом сомнений работников в перспективах развития отрасли, а также деградацией объектов социальной инфраструктуры шахтёрских городов и поселков.

Поводом к началу реформирования угольной отрасли послужил Указ Президента РФ от 30 декабря 1992 г. «О преобразовании в акционерные общества и приватизации объединений, предприятий и организаций

угольной промышленности», но кардинальные перемены начались с 1995 г. в соответствии с разработанными Минтопэнерго РФ и Минэкономразвития РФ «Концепцией реструктуризации российской угольной промышленности» и «Основными направлениями реструктуризации угольной промышленности России», принятыми федеральным правительством [17. С. 257]. Политика России по реформированию угольной промышленности нашла поддержку у международных финансово-экономических организаций, прежде всего у основного кредитного учреждения группы Всемирного банка – Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Его функциональной задачей было предоставление Правительству РФ бюджетозамещающих «угольных заемов» в федеральный бюджет.

Следует отметить, что те задачи, которые составили основу программы реструктуризации отрасли, по сути, превратились в характерные тенденции, большинство из которых являются актуальными по сегодняшний день. Среди них следует выделить такие, как оптимизация шахтного и карьерного фонда с дифференциацией предприятий на особо убыточные, неперспективные и перспективные, сокращение себестоимости продукции, рост производительности труда, обеспечение занятости и социальной защиты высвобождаемых работников, обеспечение промышленной безопасности и снижение производственного травматизма (в том числе со смертельным исходом), увеличение номинальной и реальной заработной платы рабочим.

Решить огромный комплекс проблем угольной промышленности, который своими корнями уходил в 70–80-е гг. XX в., было невозможно без *оптимизации шахтного и карьерного фондов*, которая должна была

создать условия рентабельной и конкурентоспособной работы угледобывающих предприятий в долгосрочной перспективе. По таким важным критериям, как производительность труда, производственные затраты и безопасность труда, была установлена группа неперспективных и особо убыточных шахт и разрезов, которая отвлекала на свое функционирование более 40% средств государственной поддержки, а добыча угля на этих предприятиях составляла лишь около 10% общегорнодобывающей. Поэтому и была разработана программа закрытия этих предприятий [17. С. 263]. Немаловажными являлись сокращение неэффективных расходов госбюджета и перераспределение их в пользу перспективных шахт и разрезов. Кроме того, угледобывающим предприятиям и организациям, не возмещавшим свои расходы в условиях свободных цен, оказывалась селективная поддержка на возмещение убытков от промышленной деятельности в части затрат на выплату заработной платы с начислениями материальных потерь и др.

Одновременно происходило форсированное снижение господдержки: при запланированном годовом темпе в 15–20%, она фактически уменьшалась в два раза быстрее. Соответственно, модернизация производства была сведена почти к нулю [18. С. 164]. К тому же средства господдержки на ликвидацию убыточных организаций в период 1994–1997 гг. приоритетно выделялись на связанные с этим технические работы, а социальная защита высвобождаемых работников финансировалась по остаточному принципу. Поэтому массовая ликвидация особо убыточных предприятий на первом этапе реструктуризации зачастую вызывала экономическое и политическое недовольство, провоцировала рост социальной напряжённости в угледобывающих регионах, в том числе и в радикальных формах. Только создание Правительством РФ в конце 1997 г. таких государственных структур, как «Соцуголь» и «ГУРШ», позволило постепенно отработать организационно-нормативные механизмы реструктуризации и оптимизировать её финансовую поддержку. Первая организация отвечала за координацию программ местного развития и решение социальных проблем, обусловленных реструктуризацией угледобывающей, вторая – за организационно-техническое и аналитическое обеспечение работ, связанных с ликвидацией неперспективных и убыточных шахт и разрезов [19].

В результате ликвидации к началу XXI в. 203 убыточных и неперспективных предприятий с высокой трудоёмкостью производства и сложными горногеологическими условиями [7. С. 53] было достигнуто существенное улучшение параметров и показателей работы угольной отрасли, в том числе и социального характера. Уже в 1999 г. добыча угля вышла на устойчивый рост, особенно открытым способом (см. рис. 1). При этом более 90% использовавшихся в производстве финансов поступило от продажи угольной продукции, а доля добычи угля перспективными шахтами достигла 70% [18. С. 162]. К середине 2000-х гг. основные технические работы по ликвидации нерентабельных шахт и разрезов были завершены и на заключительном этапе реструктуризации (с 2005 г.)

усилия были сосредоточены на окончательном выполнении государством обязательств по социально-экологическим мероприятиям.

Результатом процесса оптимизации количества угледобывающих предприятий стал выход оставшихся в строю на рентабельный уровень добычи угля и укрепление их конкурентных преимуществ на международном рынке. Большую роль в этом сыграло создание вертикально интегрированных структур с основными потребителями угольной продукции – металлургическими и энергетическими предприятиями. В результате в 2000-е гг. крупнейшим собственником на рынке энергетического угля стало АО «Сибирская угольная энергетическая компания» (СУЭК). Оно являлось одной из значимых угольно-энергетических компаний в мире с годовым объемом добычи порядка 100 млн т. На рынке коксующегося угля таковыми были акционерные общества «Распадская угольная компания», «Южный Кузбасс», «Кузбассразрезуголь», «Южкузбассуголь», «Воркутауголь», «Якутуголь» и др. Все они вошли в состав крупнейших российских горнодобывающих компаний – «Евразуголь», «Мечел», «Северсталь» и др. – или стали аффилированы с ними [20. С. 184–185].

Немаловажно и то, что господдержка угольной промышленности снизилась с 1,04% ВВП в 1993 г. [21] фактически до нуля в конце рассматриваемого периода.

Рентабельность угледобывающих предприятий постсоциалистической России повышалась и за счёт снижения себестоимости продукции. В условиях рыночной экономики это является объективной необходимостью. Себестоимость во многом определяла не только рентабельность предприятия, но и, в конечном счёте, перспективы развития шахты или разреза, а порой сам факт их существования.

Себестоимость угольной продукции изначально стала заложницей деформаций макроэкономической политики Правительства РФ. В течение всего рассматриваемого периода угледобывающих особенно беспокоили такие вопросы, как инфляция, тарифная и валютно-расчётная политика. По их весьма обоснованному мнению, динамика цен складывалась не в пользу шахтёрской отрасли, делала её заведомо нерентабельной, в том числе и в связи с невозможностью «подтянуть» себестоимость продукции до выгодного уровня [22. Л. 4]. Существенно снизить инфляцию удалось в начале 2000-х гг. На рубеже веков более благоприятный характер стали носить валютно-расчётные отношения. Сложнее обстоял вопрос с высоким железнодорожным тарифом, который на протяжении всего рассматриваемого времени серьёзно сдерживал экспорт российского угля. Наиболее разрушительный удар тарифная политика нанесла в начале рыночных реформ. В 1997 г. железнодорожный тариф был в четыре раза выше в сравнении с ценой на уголь. Через 10 лет в цене российского угля доля услуг железной дороги по-прежнему оставалась высокой, достигая 40% [23. Р. 588].

До конца 1990-х гг. отдельные меры федерального правительства, направленные на снижение негативного влияния ценовой политики, в общем не меняли суще-

ствовавший в реальности диспаритет цен. Труднее всего сокращать себестоимость продукции было шахтам и разрезам, которые достаточно давно эксплуатировали свои ресурсы, находились в сложных экономико-географических условиях (например, предприятия Крайнего Севера), добывали «второсортный» уголь, имели высокую степень износа оборудования и т.д. Не последнюю роль в этом играли такие субъективные факторы, как уровень трудовой дисциплины и профессиональные качества руководства предприятий. В комплексе эти условия определяли не только приоритеты господдержки, но и выбор действий отечественных и иностранных инвесторов.

Как таковой вопрос снижения себестоимости угольной продукции остро встал в середине 1990-х гг., когда Правительство РФ стало сокращать господдержку и акцентировать внимание на ликвидации особо убыточных и небезопасных предприятий. Поэтому руководители шахт и разрезов стали корректировать неадекватную уровню угледобычи численность персонала, а также усилили меры воздействия на трудовую дисциплину. Особое внимание уделялось нейтрализации акций протesta горняков, которые набирали обороны во всех углепромышленных территориях и серьёзным образом ухудшали технико-экономические показатели предприятий, тормозили выход угледобытчиков на международный уровень.

Определённую помощь в снижении финансовой нагрузки оказывало государство. Например, непрофиль-

ные предприятия были выведены из состава отрасли, угледобывающие компании стали самостоятельными субъектами на внутреннем и внешнем угольных рынках, социальная инфраструктура шахтёрских городов и посёлков передавалась муниципалитетам и др.

Стабилизация финансовой системы угольных предприятий начала 2000-х гг. была подорвана экономическим кризисом 2008–2009 гг., в ходе которого вновь усилился диспаритет между ценой на уголь и его себестоимостью. Средняя себестоимость добычи угля на шахтах и разрезах возросла с 753,2 руб. в 2010 г. до 1259,6 руб. в 2015 г., т.е. в 1,7 раза. Это было связано с резким увеличением (в 3,3 раза) внепроизводственных расходов [16].

Таким образом, снижение себестоимости продукции имело трудный, но последовательный характер, что положительно отразилось на конкурентоспособности угольной продукции российских предприятий.

Рост технико-экономических показателей и, в конечном счёте, уровень конкурентоспособности шахт и разрезов напрямую зависели от *роста производительности труда*. В советское время данному показателю уделялось недостаточное внимание, а в условиях рынка это стало жизненно важным элементом угледобычи. Несмотря на все трудности социально-экономического характера, производительность труда рабочих угольной промышленности постсоциалистической России довольно быстро вышла на стабильную позитивную динамику (рис. 2).

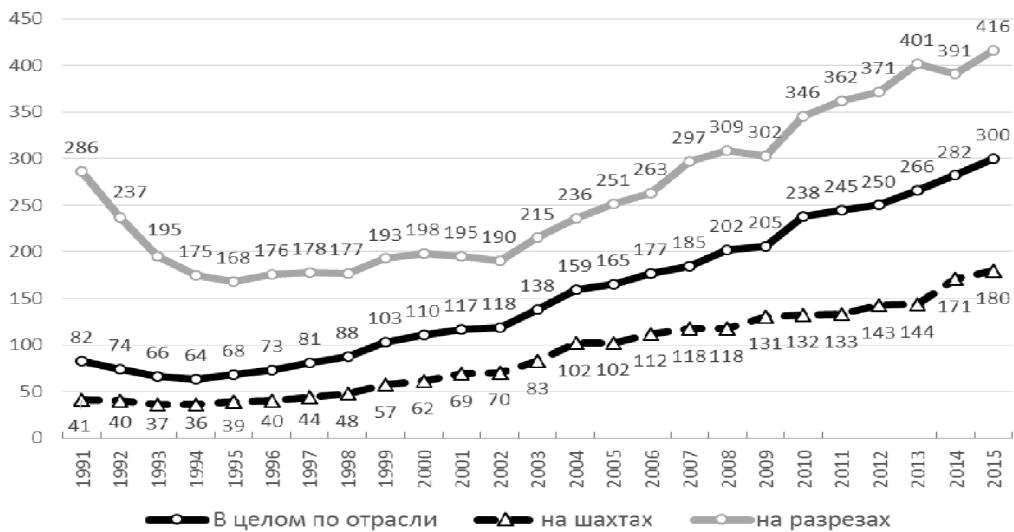

Рис. 2. Динамика среднемесячной производительности труда рабочего по добыче, т/мес. [16]

В основе этой несколько парадоксальной ситуации, на наш взгляд, лежали следующие важные мотивы. Во-первых, принципы экономической самостоятельности, которую угледобытчики получили на рубеже 1980–1990-х гг., в том числе и в результате мощного забастовочного движения шахтёров. Другие отрасли несколько отставали в данном процессе. Во-вторых, постепенное сокращение госдотаций вынуждало администрации предприятий избавляться от «лишних» рабочих рук, сокращать неэффективные расходы. В-третьих, благодаря международному сотрудничеству появились новые возможности использования в производственной деятельности последних

достижений мировой науки и техники, а также организаций труда.

Производительность труда рабочего по отрасли с 1994 по 2015 г. выросла почти в пять раз. Начиная с 1995 г. по данному показателю год от года наблюдалась стабильная положительная динамика, несмотря на последствия мировых экономических кризисов, не всегда благоприятную конъюнктуру рынка, санкции Запада и др. Наиболее высокая производительность труда всегда имела место на разрезах, но более динамичными темпами она росла на шахтах. Главное – сократился разрыв по этому показателю между шахтами и разрезами: если в 1991 г. производительность

труда на шахтах отставала от разрезов в 7 раз, то в 2015 – чуть более, чем в 2 раза (см. рис. 2), что указывает на заметное повышение конкурентоспособности подземного способа добычи угля. В основе такой ситуации – комплекс мер по оптимизации количества предприятий, большей частью которых являлись шахты.

С 2010 г. производительность труда рабочих угольной промышленности России резко повышается за счет внедрения инновационных технологий [9. С. 1056], а также существенного сокращения производственного персонала (рис. 3). Положительная динамика производительности труда нагляднее других тенденций доказывала эффективность реструктуризации угольной промышленности. В условиях высоких социальных издержек первого этапа структурных реформ (1994–1997 гг.) она оказывала серьёзное стабилизирующее воздействие на шахтёрское недовольство. Во время второго (1998–2004 гг.) и третьего этапов (2005–2015 гг.) реструктуризации она стала залогом укрепления конкурентоспособности российских угледобытчиков на международном уровне.

Вместе с тем имевшиеся достижения в увеличении производительности труда российских рабочих являлись относительными, поскольку в целом по отрасли этот показатель был меньше, чем за рубежом, примерно в пять раз [23. Р. 588]. Уровень производительности труда мог быть и выше. Из широкого перечня причин его сдерживания следует выделить высокий уровень заболеваемости рабочих. Если по таким важным для производительности труда параметрам, как техническое оснащение, оптимальность штата, тарифная политика и т.д., в 2000-е гг. произошли разительные перемены в лучшую сторону, то по уровню заболеваемости ситуация продолжала оставаться острой. Конечно, в 1990-е гг. решать эту проблему было сложнее. В то время угледобыча в наибольшей степени характеризовалась тяжелыми, вредными и опасными условиями труда среди других отраслей промышленности [24]. Однако и в начале XXI в. ситуация с заболеваемостью шахтёров оставляла желать лучшего. К примеру, в 2005 г. было зарегистрировано

37,5 случаев заболевания на 10 тыс. работающих. В целом по стране данный показатель составлял 1,99 случаев на 10 тыс. работающих [20. С. 190].

Существование такой ситуации указывает на многие упущения, допущенные в *выработке механизма социальной защиты*. Уже в первые месяцы рыночных преобразований работники угледобывающих предприятий оказались без таких значимых инструментов и механизмов социальной поддержки, как система перераспределения социальных благ «школой коммунизма», повышение квалификации труда, полное государственное обеспечение лечебно-медицинских учреждений, приоритетное финансирование горняцких профессионально-технических училищ и т.д. Социальная сфера шахтёрских городов и посёлков приобретала удручающий вид. Государство не могло гарантировать предоставление даже минимума жизненно важных благ. Поэтому данный вопрос оказался в центре внимания разработчиков программы реструктуризации отрасли. Однако долгое время он имел декларативный характер.

Между тем зарубежный опыт подсказывал, что «мягкий» вариант реструктуризации угольной промышленности был возможен только в условиях серьёзной социальной защиты шахтёрских семей. Решение данной задачи в рассматриваемое время осложнялось дополнительными объективными и субъективными причинами. Во-первых, переходным этапом, который протекал в условиях стремительного экономического спада, что затрудняло процесс трудоустройства горняков и его дополнительное финансирование. Во-вторых, историческими условиями формирования шахтёрских кадров в СССР: они по праву считались рабочей элитой и не были намерены терять данный статус в годы реформ. Немаловажно и то, что вопросы социальной защиты населения шахтёрских городов и посёлков долгое время не являлись приоритетными как для политического руководства страны, так и для оппозиции. Соответственно, шахтёрские семьи изначально оказались в социально-экономической «ловушке», из которой пытались вырваться как сообща, так и самостоятельно.

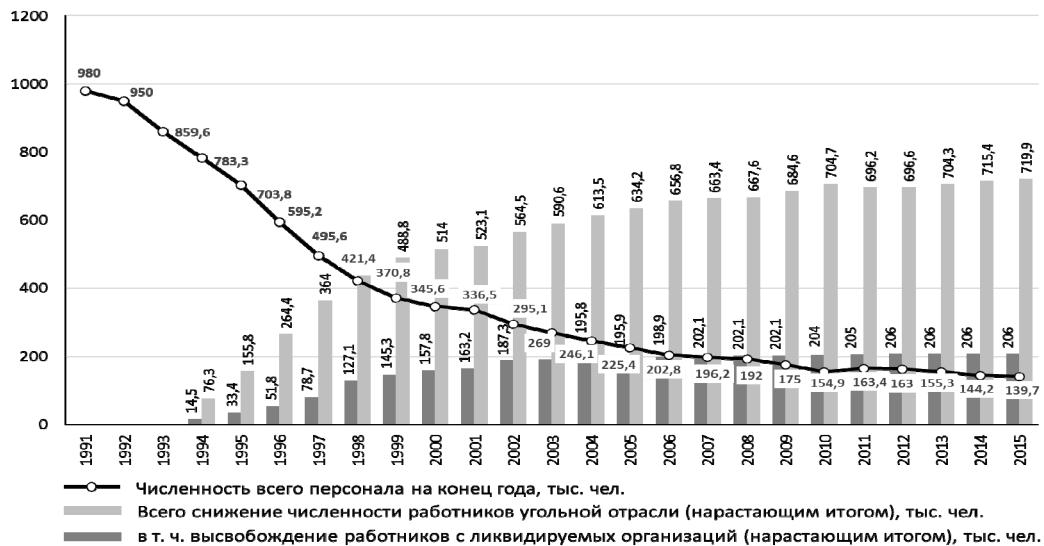

Рис. 3. Динамика численности персонала угольной отрасли [16, 25]

Ситуация не приобрела катастрофический характер только потому, что имелись советские резервы. К тому же жизненно важные проблемы шахтёрских городов и посёлков географически имели неоднородное распространение. Большую роль в поддержке социальной стабильности сыграли отраслевые профсоюзы (Росуглепроф и Независимый профсоюз горняков России), которые сумели в начале 1990-х гг. добиться повышения заработной платы угледобытчикам и смягчить ряд наиболее острых социальных вопросов: переселение шахтерских семей из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, выделение федеральных трансфертов на поддержку «социалки» и т.д.

Однако советские резервы быстро заканчивались, а борьба профсоюзов носила всё больше декларативный характер. Масштабное закрытие шахт, предпринятое с 1995 г., серьёзным образом осложнило социально-экономические возможности горняков. Прежде всего, это относилось к группе высвобождаемых работников с ликвидируемыми и действующими предприятиями, которые оказались в наиболее неблагоприятных условиях жизни и деятельности. В течение 1992–2015 гг. численность персонала в угольной промышленности снизилась с 950 тыс. до 139,7 тыс. человек, т.е. почти в 7 раз (см. рис. 3). Снижение количества работающих в отрасли произошло не только в связи с закрытием большого количества неперспективных угольных организаций, но и в результате ликвидации и перепрофилирования многих отраслевых структур.

Наиболее динамично и болезненно процесс высвобождения работников угольной промышленности происходил в начале рыночных реформ. Тогда рынки труда углепромышленных территорий оказались не готовы к массовому сокращению и трудоустройству рабочих шахтёрских профессий. В результате форсированной ликвидации угольных предприятий (в ряде случаев недостаточно обоснованной) и сокращения занятых в отрасли в шахтёрских городах и посёлках лавинообразно возросла безработица, увеличилась задолженность по зарплате и разным социальным трансфертам, ухудшилось содержание объектов социальной сферы из-за их муниципализации, возросла социальная напряжённость.

Под давлением шахтёрских протестов и требований международных финансово-экономических организаций Правительство РФ изменило в 1998 г. приоритеты реструктуризации угольной промышленности. На первый план вышла социальная защита населения шахтёрских городов и посёлков. Большую работу по решению жизненно важных вопросов углепромышленных территорий осуществляло ГУ «Соцуголь». Макроэкономическая стабилизация и увеличение расходов госбюджета на важные направления реализации социальной поддержки в 1999 г. позволили вывести ситуацию из кризиса, количество социальных конфликтов в углепромышленных регионах резко сократилось (с 295 случаев в 1998 г. до 79 в 1999 г.) [18. С. 163]. В дальнейшем это способствовало выходу отрасли на решение качественных задач. В течение 2000–2007 гг. размеры выплат социального характера по угольной промышленности России возросли в

2,7 раза, в денежном выражении – с 557,9 млн руб. в 2000 г. до 1487,6 млн руб. в 2007 г. [26] Расширялось содержание «социального пакета». По такому направлению социальной защиты, как внутрикорпоративные социальные инвестиции, были определены новые способы реализации.

Важным элементом формирования механизма социальной защиты населения шахтёрских городов и посёлков стало активное привлечение к решению данного вопроса финансовых возможностей частных угольных компаний и предприятий. В условиях положительной динамики добычи угля это было им вполне по силам. На данные процессы особо не повлиял даже мировой экономический кризис 2008–2009 гг. Компании «СУЭК», «Кузбассразрезуголь», «Южкузбассуголь», «Якутуголь», «Южный Кузбасс» и другие стали заключать соглашения о социально-экономическом сотрудничестве с местными органами власти. Практика заключения территориальных соглашений расширялась и далее [27. С. 77–78]. Социальная политика частных угольных компаний позволила обеспечить увеличение основных показателей, отражающих качество жизни и деятельности работников. Таким образом, на смену государственным механизмам социальной защиты пришла корпоративная социальная политика.

Вместе с тем кризисные явления в народном хозяйстве России в 2008–2009 гг. показали, что без точечного государственного вмешательства невозможно поддержать экономическую и социальную стабильность. В то время резко обострились протестные выступления в монопрофильных городах и посёлках, в том числе и связанных с угледобычей. В связи с этим в 2009–2011 гг. на федеральном уровне и в регионах был принят ряд специальных институциональных и методологических решений по поддержанию жизнедеятельности моногородов России, в том числе и угольной специализации [28. С. 36]. В результате реализации мер по социальной защите работников угольной промышленности был значительно снижен уровень безработицы, а также сведена к минимуму задолженность по заработной плате. Однако если сравнивать с советским временем, сложно говорить о создании к 2015 г. полноценного механизма социальной защиты, что, безусловно, сдерживает намеченную реализацию программы развития угольной промышленности России с завершением всех мероприятий по реструктуризации к 2020 г., включая обеспечение бесплатным пайковым углем льготных категорий граждан, дополнительные негосударственные пенсии, а также реализацию программ местного развития.

Крайне важной положительной тенденцией явилось снижение производственного травматизма (в том числе со смертельным исходом). Позитивные перемены произошли не сразу, до 1997 г. ситуация по данному показателю в целом носила неблагоприятный характер. Травматизм рос, несмотря на закрытие особенно опасных шахт и длительные забастовки рабочих. Быстрое развитие негативных процессов в финансово-экономической сфере шахт и разрезов вынудило их перейти на режим строжайшей экономии средств, в том числе и в сфере безопасности произ-

водства. Динамика коэффициента частоты травматизма со смертельным исходом (рис. 4) существенно коррелировала с уровнем господдержки отрасли, которая до 1999 г. ежегодно снижалась. Других источников для решения этого вопроса не было. В результате износ оборудования порой превышал три гарантийных срока. По мнению специалистов, основными причинами несчастных случаев были кадровая чехарда, нарушение требований правил безопасности, до-

пуск к работе не обученных и не ознакомленных с технической документацией рабочих, принятие технически не обоснованных решений специалистами предприятий, снижение производственной и трудовой дисциплины, утрата лабораторного контроля за санитарно-гигиеническими нормативами на рабочем месте, снижение качества поставляемых на угледобывающие предприятия отечественных машин и механизмов и др. [29. Л. 136; 30. Л. 72].

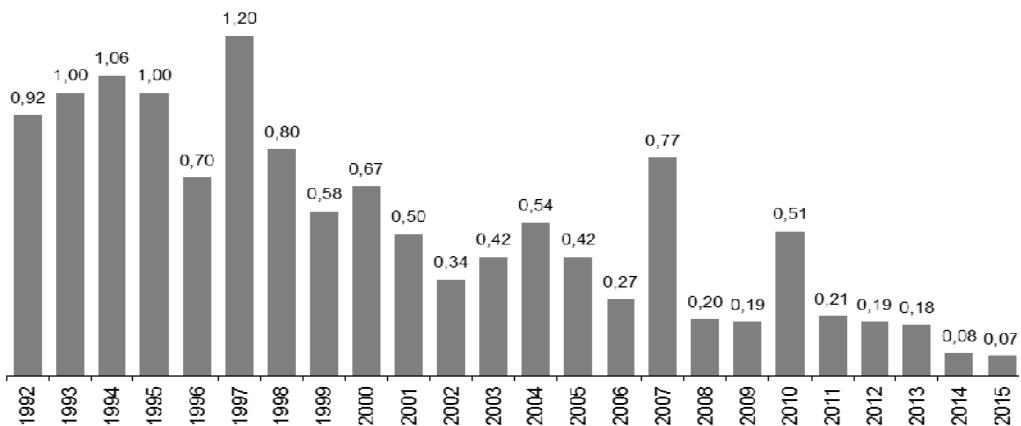

Рис. 4. Коэффициент частоты травматизма со смертельным исходом, случаев на 1 млн т добычи угля [16, 26]

Высокий уровень аварийности производства в период 1993–1997 гг. стал одним из наиболее негативных результатов череды просчётов в процессе реформирования угольной промышленности. Власть не могла объяснить это какими-либо «законами рыночной экономики». Таким образом, подрывались политико-экономические основы реформирования отрасли.

Количество несчастных случаев приняло устойчивую отрицательную динамику начиная с 1999 г., когда наблюдался самый низкий показатель за всё последнее десятилетие XX в. Увеличение (почти в два раза) в том году объёмов финансирования угольной промышленности со стороны Правительства РФ позволило предприятиям и компаниям переломить ситуацию с модернизацией оборудования. Немаловажно и то, что к тому времени были закрыты самые опасные шахты страны.

Из этой общей позитивной тенденции выпадают трагические события первого полугодия 2007 г., когда в результате крупных взрывов метана и угольной пыли на шахтах «Ульяновская» и «Юбилейная» ОАО «Южнокузбассуголь» и на шахте «Комсомольская» ОАО «Воркутаголь» погибли 110, 40 и 10 человек соответственно, а также авария на крупнейшей российской шахте «Распадская» в мае 2010 г., которая унесла жизни 91 человека [20. С. 189].

Трагические события на шахтах в Кузбассе и Воркуте показали отсутствие системного подхода к решению проблем безопасности труда в угольной промышленности и стали поводом для конкретных действий со стороны федеральных и региональных органов власти. 24 июня 2010 г. в г. Новокузнецке состоялось историческое совещание у Председателя Прави-

тельства РФ В.В. Путина с повесткой дня «О мерах по развитию угольной промышленности и обеспечению безопасности производства горных работ на угледобывающих предприятиях». На нём был принят комплекс мер по усилению безопасности и охраны труда в угольной промышленности страны [31]. Начиная с 2011 г. наблюдалось стабильное снижение производственного травматизма со смертельным исходом (см. рис. 4). Реализация данных мер была продолжена в рамках отраслевого стратегического документа – «Программы развития угольной промышленности России на период до 2030 г.», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 21 июня 2014 г. [32].

В общем позитивная динамика по снижению производственного травматизма укрепила престиж и привлекательность рабочих профессий в угольной промышленности.

Любая реформа в конечном итоге должна улучшать жизнь людей. Поэтому важным элементом анализа развития угольной промышленности в рассматриваемое время является определение уровня жизни её работников, прежде всего непосредственно занятых добывчей угля рабочих. Основой роста доходов шахтёров является *увеличение их номинальной и реальной среднемесячной заработной платы*. И это увеличение действительно происходило, однако реализация данного направления протекала достаточно сложно. Уже в первый год либеральных реформ угледобывающие испытали серьёзный ценовой шок. Высокие темпы инфляции в 1992 г. нивелировали многократное увеличение шахтёрам заработной платы. Её реальный индекс снизился до 60,7% по отношению к 1991 г. (рис. 5).

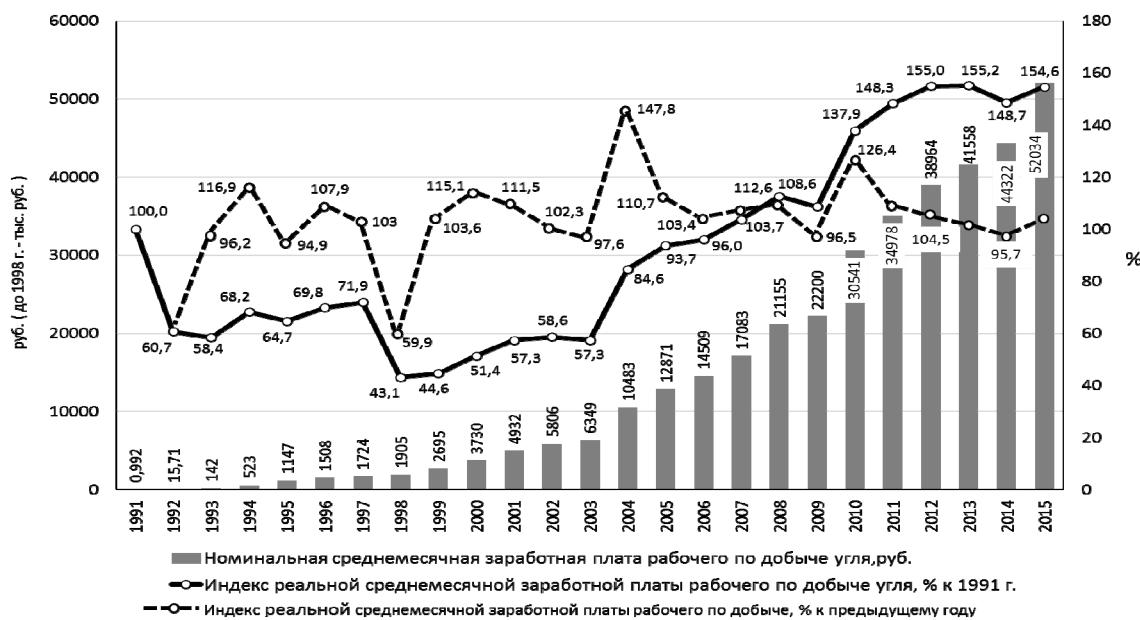

Рис. 5. Динамика номинальной и реальной среднемесячной заработной платы рабочего по добыче угля за 1991–2015 гг.
[16; 33. С. 241–242; 34. С. 108–109; 35. С. 105–106; 36. С. 8; 37; 38]

Несмотря на положительную динамику по таким показателям, как рост номинальной заработной платы и почти ежегодный прирост по индексу реальной заработной платы к предыдущему году, выйти шахтёрам на уровень 1991 г. по реальной заработной плате удалось только на рубеже 2006–2007 гг. Серьёзным испытаниям горняки подверглись в кризисный 1998 г., когда отмечались самые низкие показатели по всем параметрам реальной заработной платы. Мало того, системный характер приобрели многомесячные задержки выплаты зарплаты. Регулярные массовые выступления горняков в самых разнообразных формах заставили власть действовать более ответственно [39. С. 121–125]. Уже со следующего года (1999 г.) реальная заработная плата рабочего по добыче угля приобрела стабильную положительную динамику. Самые высокие показатели роста реальной зарплаты наблюдались в 2004 г., чему способствовали как внутренние (повышение внутреннего спроса на уголь, рост производительности труда, усиление конкуренции и т.д.), так и внешние факторы (благоприятная конъюнктура цен на мировых рынках, расширение экспортных операций и т.д.).

В начале второго десятилетия XXI в. наибольшая зарплата персонала наблюдалась в Республике Саха (Якутия), Чукотском автономном округе, Печорском угольном бассейне. Заработная плата выше среднеотраслевой была на многих предприятиях угледобывающих предприятий и компаний Кузбасса: в ОАО «Шахта Заречная», ОАО «Шахта Полосухинская», ЗАО «Салек» и др. [20. С. 187]. Высоким темпам роста заработной платы в 2000-е гг. во многом способствовало исполнение соглашений, достигнутых в рамках Федерального отраслевого тарифного соглашения по угольной промышленности [40]. Большую роль в этом сыграли профсоюзы.

В то же время в целом ряде угольных компаний и предприятий сохранился низкий уровень заработной платы, близкий к уровню бедности. Это предприятия

Сахалинской области, ООО «Сулинантрацит» (Ростовская область), ОАО «Оренбургуголь», ООО «Бурятуголь» (Республика Бурятия) и др. [20. С. 187].

В целом всегда наблюдался серьёзный разрыв между номинальной и реальной заработной платой. Даже в конце рассматриваемого периода уровень номинальной среднемесячной зарплаты не позволяет утверждать о возврате прежнего, высокого статуса шахтёской профессии.

В начале XXI в. чётко обозначились ещё две важные тенденции в развитии угольной промышленности России – изменение географии угледобычи и увеличение удельного веса экспорта в общем объёме реализованной продукции. Во многом они стали результатом процесса реструктуризации отрасли. Вместе с тем на их развитие серьёзное влияние оказали положительная динамика мировых цен на энергоносители, а также системные сдвиги в мировой экономике. Даные тенденции тесно взаимосвязаны и отражают такие ключевые направления развития народного хозяйства страны, как экономическое освоение Сибири и Дальнего Востока, диверсификация продукции топливной промышленности на международном рынке и укрепление конкурентных позиций отечественных товаров в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Хронологически раньше стали видны изменения в географии угледобычи. Они всё больше приобретали восточный вектор. Среди причин развития данной тенденции выделяются следующие. Во-первых, большая часть рентабельных предприятий оказалась в Восточной Сибири [41]. Шахты таких ранее значимых районов, как Печорский угольный бассейн и Российский Донбасс, заметно ослабили свой потенциал и оказались менее конкурентоспособны даже в сравнении с давно эксплуатируемыми предприятиями Кузбасса. Во-вторых, экономический подъём в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (особенно в Китае и Республике Корея) расширил перспективы освоения новых месторождений угля Восточной Сибири и Дальнего Востока, логистически

приближая их в направлении экспортных поставок в страны АТР.

Несмотря на все социально-экономические и политические трудности, с которыми столкнулся в конце XX в. Кузнецкий угольный бассейн, данный регион в рассматриваемое время только укрепил свои место и роль в топливно-энергетическом комплексе страны. В конце рассматриваемого периода на долю Кузбасса приходилось более 50% всей добычи угля в России, около 80% добычи коксующегося угля, по особо ценным маркам угля для коксования – все 100%, а также свыше 80% экспорта угля.

Однако в последние годы кузбасские шахты и разрезы стали более уязвимы в связи со смещением угледобычи в восточном направлении. Кемеровская область находится дальше других субъектов Российской Федерации от основных рынков сбыта. Немаловажным является и усиление экономического взаимодействия между Китаем и дальневосточными территориями России по освоению крупных угольных месторождений [8. С. 94–95].

К тому же Правительство РФ стало создавать благоприятные возможности социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые в 1990-е гг. оказались в депрессивном состоянии. Важным способом реализации правительственной политики явилось формирование основных точек роста с упором на инфраструктурные проекты. Особое значение в начале

XXI в. стали придавать модернизации железных дорог, что позволило повысить конкурентоспособность экспортных операций за счёт снижения транспортных расходов. Именно в восточном направлении были открыты первые территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРы), которые сделали более привлекательными для инвесторов как данные регионы, так и саму угледобычу. Вполне закономерно, что в 2015 г. главную лепту в повышение угледобычи внесли предприятия Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые добывали на 10,8 млн т угля больше предыдущего года [42. С. 20].

Изменения в географии угледобычи с учетом освоения новых перспективных месторождений дефицитных марок угля стали дополнительным фактором ускорения социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также создали благоприятные условия повышения объёмов экспорта.

Весьма противоречиво выглядит такая тенденция, как *увеличение удельного веса экспорта в общем объеме реализованной продукции*, которая показывает как достижения, так и проблемы в развитии угольной промышленности России. С 1991 по 2015 г. объёмы поставок российского угля на внутренний рынок уменьшились в 1,7 раза, а на внешний – увеличились в 3,6 раза. В 2015 г. реализация угля по этим направлениям почти сравнялась (рис. 6).

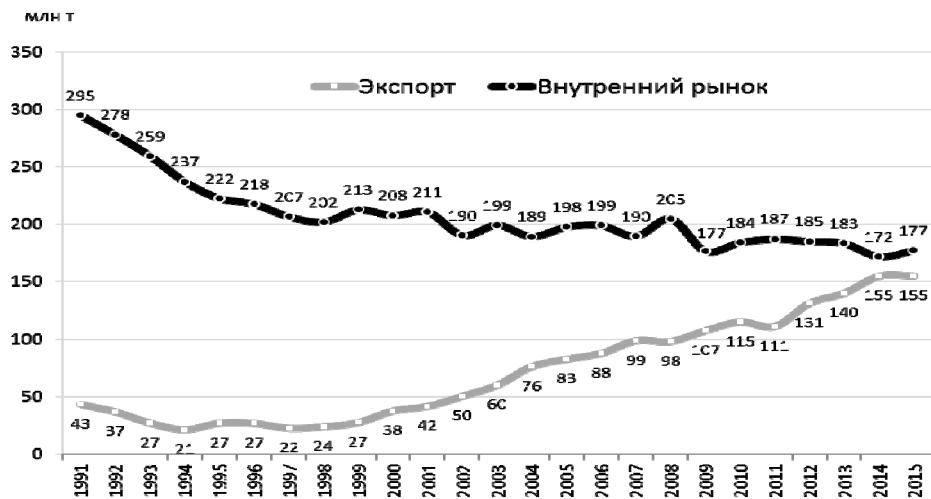

Рис. 6. Динамика внутреннего и внешнего рынка российского угля [16, 43]

И это при том, что до 1998 г. объёмы экспорта российского угля испытывали неоднородную динамику. Именно устранение «валютного коридора» в августе 1998 г. сыграло ключевую роль в укрепление конкурентных преимуществ российских угольных компаний и предприятий на мировом рынке. Положительная динамика экспорта российского угля указывает на то, что данная тенденция поддерживалась другими причинами и факторами. Например, были созданы более удобные возможности экспорта в страны АТР в связи со сдвигом российской угледобычи в восточном направлении. Лидером среди импортёров российского угля здесь стала Республика Корея. Между тем ослабление российского рубля, особенно начиная с 2013 г., являлось доминантой в сохранении конкурентных преимуществ отечествен-

ных угледобытчиков. В последние годы укрепление курса доллара в условиях сохранения объёмов экспорта значительно увеличило выручку в рублях. В рублевом эквиваленте общая прибыль компаний от экспорта угля возросла почти на треть [42. С. 20].

Конечно, увеличение удельного веса экспорта в общем объеме реализованной продукции выглядело бы более позитивно и значимо при сохранении показателей поставок угля на внутренний рынок. Однако спад объёмов поставок угля на внутренний рынок даже во время экономического роста в стране (2000–2012 гг.) указывает на наличие системных проблем в угольной промышленности в контексте развития отечественного топливно-энергетического комплекса. К ним можно отнести перераспределение топливного баланса в

пользу более дешевого и экологичного газового топлива, стагнацию в смежных отраслях, газификацию регионов. К концу 1990-х гг. доля угля в топливном балансе стабилизировалась на уровне 17–19% и оставалась такой до 2015 г. Надо признать, эти цифры не отражают тенденции, присущие многим развитым странам (США, Германия и др.), где место и роль угля в топливно-энергетическом комплексе заметно выше.

Таким образом, увеличение удельного веса экспорта в общем объёме реализованной продукции имело противоречивую природу. Между тем в условиях нестабильного положения угольной промышленности в системе топливно-энергетического комплекса увеличение объёмов экспорта угля позволило укрепить её место и роль в экономике страны.

В целом основными положительными результатами проанализированных тенденций необходимо считать следующие. Во-первых, утверждение либерального формата развития угольной промышленности России, что выразилось в прекращении госдотаций в отрасль, усилении здоровой конкуренции, а также росте отечественных и зарубежных капиталовложений. Во-вторых, возврат угледобычи к историческому максимуму. В-третьих, положительная динамика наблюдалась в решении как производственно-экономических, так и социальных вопросов. Это позволило соблюсти гармонию интересов всех контрагентов, вовлечённых в угледобычу.

Между тем многие факты и явления указывают на нестабильное положение угольной отрасли России в рассматриваемое время. К ним относятся не всегда обоснованное закрытие шахт, низкие темпы роста реальной заработной платы рабочих, снижение поставок угля на внутренний рынок, политика санкций со стороны стран Запада, которая сузила экономические возможности российских экспортёров угля, сделала и так слишком импортозависимую угольную отрасль еще более уязвимой в отношении поставок горно-

шахтного оборудования и технологий, что может привести к возникновению проблем с поддержанием производственных мощностей, а также к замедлению реализации проектов освоения новых месторождений.

Исторический анализ основных тенденций развития угольной промышленности России в конце XX – начале XXI в. позволяет сделать следующие важные выводы. Во-первых, базовая отрасль народного хозяйства страны сумела преодолеть полосу кризиса 1990-х гг. и по многим параметрам войти в один ряд с ведущими угледобывающими странами мира. Во-вторых, имелся дисбаланс между экономическими и социальными результатами. Высокие социальные издержки 1990-х гг. стали вынужденным фактором качественной модернизации отрасли в начале XXI в. В-третьих, угольная промышленность России стала весьма зависимой от экспорта. В-четвёртых, производственная деятельность угледобывающих и углеперерабатывающих предприятий стала одним из факторов укрепления социально-экономической стабильности в Восточной Сибири и Дальнем Востоке, т.е. в регионах, стратегически важных для страны не только с экономической, но и с geopolитической точки зрения.

В заключение отметим, что в ходе реформирования угольной промышленности России высокие социальные издержки 1990-х гг. были компенсированы серьёзными экономическими успехами угольного бизнеса 2000-х гг. Между тем не только сама отрасль, но и благополучие её работников всё динамичнее зависели от внешних факторов. После экономического кризиса 2008–2009 гг. важнейшими задачами топливно-энергетической политики государства стали поиск возможностей диверсификации использования угольной продукции на внутреннем рынке и курс на импортозамещение. Таким образом, в течение рассматриваемого периода угольная отрасль прошла этап структурной перестройки и встал перед необходимостью технологического обновления.

ЛИТЕРАТУРА

- Гордон Л.А. Крутой пласт: шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен. М., 1999. 352 с.
- Бизюков П. Реструктуризация закончена. А была ли она? // Кузбасс. 2002. 12 марта.
- День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов) / Е. Адаев, Л. Берсенева, И. Галкина и др. М., 2004. 132 с.
- Воронин Д.В., Воронина Н.В. Голоса шахтёров 90-х. Томск, 2013. 110 с.
- Harte S., Grävingholt J., Pleinert H., Schröder H.-H. Geschäft mit der Macht. Edition Temmen. Bremen, 2003. 383 s.
- Пяткин А.М. Социальная напряженность в угледобывающих регионах: социальный феномен, реальность и перспектива // Уголь. 2005. № 9. С. 73–79.
- Пяткин А.М., Рожков А.А. Проблемы снижения напряженности на рынках труда угледобывающих территорий в условиях преодоления современных кризисных явлений // Уголь. 2009. № 5. С. 52–58.
- Лахно Ю.В. Российская угольная отрасль: угрозы и возможности развития // Проблемы прогнозирования. 2015. № 5. С. 88–97.
- Шепелева Н.А., Огнев С.П. Оптимизация численности персонала в условиях реструктуризации угольной промышленности России на основе модельного подхода // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16, № 7. URL: <http://journals.creativeconomy.ru/index.php/gr/article/view/178/> (дата обращения: 30.01.2017).
- Заболотская К.А. Нарастание кризиса в угольной промышленности Кузбасса во второй половине 70-х – 90-е годы // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории. Кемерово, 1999. С. 64–76.
- Заболотская К.А. Угольная промышленность Кузбасса в условиях постсоветской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1 : История. С. 227–233.
- Бирюкова О.В. История реструктуризации угольной промышленности Кузбасса (середина 80-х гг. – начало XXI в.) : автореф. ... канд. ист. наук. Кемерово. 2005. 26 с.
- Бирюкова О.В. Реструктуризация угольной промышленности Кузбасса в середине 1980-х – начале 2000-х гг. (на примере г. Кемерово) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2012. С. 217–222.
- Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm> (дата обращения: 18.05.2016).
- Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 124–134.

16. Текущий архив АО «Росинформуголь».
17. Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г., Малышев Ю.Н., Попов В.Н., Рожков А.А. История угледобычи в России / под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. 480 с.
18. Проблемы и перспективы развития угольной промышленности: федеральный справочник. Топливно-энергетический комплекс России. М., 2000. Т. 2. URL: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemi%20i%20perspektivi.pdf> (дата обращения: 02.02.2017).
19. О совершенствовании управления угольной промышленностью: Постановление Правительства РФ от 20.11.1997 № 1462. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16852/ (дата обращения: 04.02.2017).
20. Рожков А.А., Резниченко С.С. Основные тенденции современного социально-экономического развития угольной промышленности России // Труды научного симпозиума «Неделя горняка – 2009». М., 2009. С. 184–193.
21. Письмо председателя Правительства РФ В. Черномырдина Президенту Международного банка реконструкции и развития г-ну Джеймсу Вулфенсону, 22 мая 1996 г. // Личный архив А.А. Рожкова.
22. Протокол чрезвычайной конференции коллективов города Прокопьевска от 11.09.1996 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 331.
23. Solovenko I.S., Trifonov V.A., Nagornov V.I. Russian Coal Industry Amid Global Financial Crisis in 1998 and 2008 // Applied Mechanics and Materials. 2014. Vol. 682. P. 586–590.
24. Россинин В. Анализ состояния охраны труда и здоровья на предприятиях угольной промышленности России // Искра (Инта, Республика Коми). 1998. 28 мая.
25. Текущий архив ФГБУ «Соцуголь».
26. Текущий архив Независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепрофа).
27. Кемеровская область и СУЭК зафиксировали параметры социально-экономического сотрудничества на 2008 год // Уголь. 2008. № 3. С. 77–78.
28. Рожков А.А., Анистратов М.К., Фролов А.А. Трансформация социально-экономических механизмов структурных преобразований в угольной промышленности России // Горная промышленность. 2015. № 5. С. 36–42.
29. О состоянии производственного травматизма на предприятиях и в организациях ОАО «Ростовуголь» и мерах по его снижению, г. Шахты, 15 декабря 1997 г.: Постановление президиума Ростовского теркома Росуглепрофа // Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области. Ф. Р-1127. Оп. 2. Д. 40.
30. О ведомственном контроле по охране труда в АООТ «Интауголь», 08 апреля 1996 г.: Приказ Генерального директора АО «Интауголь» // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 2538.
31. Выписка из протокола совещания у председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина от 24 июня 2010 года № ВП-П9-35пр (г. Новокузнецк). URL: http://www.rosugol.ru/upload/pdf/protocol_1_.pdf. (дата обращения: 10.02.2017).
32. Программа развития угольной промышленности России на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 21 июня 2014 г. № 1099-р. URL: <http://government.ru/media/files/41d4eab427ce44a21148.pdf> (дата обращения: 10.02.2017).
33. Угольная промышленность Российской Федерации за 1992 год. М., 1993. Т. II. 283 с.
34. Угольная промышленность Российской Федерации за 1997 год. М., 1998. Т. III. 136 с.
35. Угольная промышленность Российской Федерации за 1999 год. М., 2000. Т. III. 135 с.
36. Угольная отрасль топливно-энергетического комплекса России. М. : Росинформуголь, 2009. Ч. 1 : Структура, горнотехнические, технологические и технико-экономические показатели. 132 с.
37. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. URL: http://www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls (дата обращения: 02.04.2016).
38. Текущий архив ФГБУ «Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса».
39. Соловенко И.С. Основные направления нейтрализации протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 117–130.
40. Федеральное отраслевое соглашение по угольной промышленности Российской Федерации на 2007–2009 годы. М., 2007. 48 с.
41. Die postsowjetische Strukturkrise der russischen Kohleindustrie / Pleines Heiko (Ed.). Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Köln, 1999 (Berichte / BIOst 19-1999). URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-44049> (дата обращения: 14.04.2016).
42. Байсаров Р.С. Проблемы и перспективы реализации приоритетных проектов освоения угольных месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока // Горная промышленность. 2016. № 2 (126). С. 20–25.
43. Текущий архив Федеральной таможенной службы России.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 марта 2017 г.

MAJOR TRENDS IN RUSSIAN COAL INDUSTRY IN THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 124–136.

DOI: 10.17223/15617793/418/16

Anatoliy A. Rzhkov, Institute of Coal Market Conditions (INKRU LLC) (Moscow, Russian Federation); National University of Science and Technology MISiS (Moscow, Russian Federation). E-mail: aarozhkov@mail.ru

Igor S. Solovenko, Yurga Institute of Technology, Tomsk Polytechnic University Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Keywords: Russian Federation; liberalization; coal industry; trends.

The subject of the research paper is the main trends of the Russian coal industry development in the late 20th – early 21st centuries. The authors draw attention to the fact that at this time the underlying trend was the liberalization of economic activities. Despite attempts to reform the basic sectors of the economy, taken at the turn of 1992, in reality structural changes here became apparent only in the mid-1990s, when the Russian government began to implement a restructuring program. Its key task then transformed into the main trends of its development, among them are: optimization of mine and career fund with the differentiation of companies as the least profitable, unpromising and perspective; reduction of production costs; growth of labor productivity; employment and social protection of redundant workers; ensuring industrial safety and reduction of occupational injuries; increase in nominal and real wages of workers. The early 21st century clearly delineated two other important trends in the development of the coal industry of Russia – a change in the geography of coal mining and increase of the share of exports in the total volume of sales. The analysis of sources and literature leads to the following important conclusions. Firstly, the basic industry of the national economy managed to overcome the band of the 1990s crisis and in many ways to enter a par with the leading coal-producing countries of the world. Secondly, there was an imbalance between economic and social performance. Thirdly, the Russian coal industry became highly dependent on exports. Fourthly, the production activities of mining enterprises were one of the factors in improving the socio-economic stability in the eastern regions of the country. The final conclusion can be considered as following. In

the course of reforming the coal industry of Russia, the high social costs of the 1990s were offset by the serious economic successes of the coal business of the 2000s. Meanwhile, not only the industry itself, but the well-being of its employees were dynamically dependent on external factors. After the economic crisis of 2008–2009, an important task of the fuel and energy policy of the state became to find opportunities to diversify the use of coal in the domestic market, as well as to substitute import. Thus, in the period under review, the coal industry went through a restructuring and faced the need to upgrade technology.

REFERENCES

1. Gordon, L.A. (1999) *Krutoy plast: shakterskaya zhizn' na fone restrukturizatsii otrasi i obshcherossiyskikh peremen* [A steep layer: the miners' life against the backdrop of the restructuring of the industry and all-Russian changes]. Moscow: Kompleks-Progress.
2. Bizukov, P. (2002) *Restrukturizatsiya zakonchena. A byla li ona?* [Restructuring is over. Did it happen?]. *Kuzbass*. 12 March.
3. Adaev, E. et al. (2004) *Den' shakhtera (restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti glazami uchastnikov i zhurnalistov)* [The Miner's Day (restructuring of the coal industry through the eyes of participants and journalists)]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".
4. Voronin, D.V. & Voronina, N.V. (2013) *Golosa shakhterov 90-kh* [Voices of the miners of the '90s]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Harte, S., Grävingholt, J., Pleiners, H. & Schröder, H.-H. (2003) *Geschäfte mit der Macht* [Business with power]. Bremen: Edition Temmen.
6. Pyatkin, A.M. (2005) *Sotsial'naya napryazhennost' v uglepromyshlennykh regionakh: sotsial'nyy fenomen, real'nost' i perspektiva* [Social tension in coal-mining regions: the social phenomenon, reality and prospects]. *Ugol'*. 9. pp. 73–79.
7. Pyatkin, A.M. & Rozhkov, A.A. (2009) Problemy snizheniya napryazhennosti na rynkakh truda uglepromyshlennykh territoriy v usloviyah preodoleniya sovremennykh krisisnykh yavleniy [Problems of reducing tension in the labor markets of coal-mining territories in conditions of overcoming the current crisis phenomena]. *Ugol'*. 5. pp. 52–58.
8. Lakhno, Yu.V. (2015) *Rossiyskaya ugol'naya otrasi*: ugrozy i vozmozhnosti razvitiya [Russian coal industry: threats and opportunities of development]. *Problemy prognozirovaniya*. 5. pp. 88–97.
9. Shepeleva, N.A. & Ognev, S.P. (2015) Optimizatsiya chislennosti personala v usloviyah restrukturizatsii ugol'noy promyshlennosti Rossii na osnove model'nogo podkhoda [Optimization of the number of personnel in the restructuring of the Russian coal industry on the basis of the model approach]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo*. 16:7. [Online] Available from: <http://journals.creativeconomy.ru/index.php/rp/article/view/178>. (Accessed: 30th January 2017).
10. Zabolotskaya, K.A. (1990) Narastanie krizisa v ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa vo vtoroy polovine 70-kh – 90-e gody [The growth of the crisis in the coal industry of the Kuzbass in the second half of the '70s–'90s]. In: Gvozdikova, L.I. (ed.) *Aktual'nye problemy noveyshey otechestvennoy istorii* [Topical issues of modern national history]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat'.
11. Zabolotskaya, K.A. (2010) *Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa v usloviyah postsovetskoy Rossii* [Coal industry of Kuzbass in post-Soviet Russia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoryya, filologiya – Bulletin of Novosibirsk State University. Series History, Philology*. 9:1. pp. 227–233.
12. Biryukova, O.V. (2005) *Istoriya restrukturizatsii ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa (seredina 80-kh gg. – nachalo XXI v.)* [History of the restructuring of the coal industry of Kuzbass (mid-'80s – early 21st century)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
13. Biryukova, O.V. (2012) *Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa v serедине 1980-kh – nachale 2000-kh gg. (na primere g. Kemerovo)* [Restructuring of the coal industry of the Kuzbass in the mid-1980s – early 2000s. (On the example of Kemerovo)]. In: Zelenin, A.A. et al. (eds) *Intellektual'nyy i industrial'nyy potentsial regionov Rossii* [Intellectual and industrial potential of Russian regions]. Kemerovo: Kemerovo State University.
14. Poberezhnikov, I.V. (2002) *Modernizatsiya: teoretyko-metodologicheskie podkhody* [Modernization: theoretical and methodological approaches]. [Online] Available from: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm>. (Accessed: 18th May 2016).
15. Sogrin, V.V. (1998) Teoreticheskie podkhody k rossiyskoy istorii kontsa XX veka [Theoretical approaches to the Russian history of the late 20th century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 124–134.
16. Current Archive of JSC Rosinformugol. (In Russian).
17. Grun', V.D. et al. (2003) *Istoriya ugledobychi v Rossii* [History of coal mining in Russia]. Moscow.
18. Anon. (2000) *Problemy i perspektivy razvitiya ugol'noy promyshlennosti: federal'nyy spravochnik. Toplivno-energeticheskiy kompleks Rossii* [Problems and prospects of development of the coal industry: the federal reference book. Fuel and energy complex of Russia]. Vol. 2. Moscow. [Online] Available from: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemi%20i%20perspektivi.pdf>. (Accessed: 02nd February 2017).
19. Consultant.ru. (1997) *O sovershenstvovanii upravleniya ugol'noy promyshlennost'yu: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20.11.1997 № 1462* [On improving the management of the coal industry: Resolution of the Government of the Russian Federation of 20.11.1997 No. 1462]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16852/. (Accessed: 04th February 2017).
20. Rozhkov, A.A. & Reznichenko, S.S. (2009) [The main trends of modern socio-economic development of the Russian coal industry]. Nedelya gornjaka – 2009 [Miner's Week–2009]. Proceedings of the symposium. Moscow. pp. 184–193. (In Russian).
21. Personal Archive of A.A. Rozhkov. (1996) *Pis'mo predsedatelya Pravitel'stva RF V. Chernomyrdinu Prezidentu Mezhdunarodnogo banka rekonstruktsii i razvitiya g-nu Dzheyemu Wulfsonu, 22 maya 1996 g.* [Letter from Chairman of the Government of the Russian Federation V. Chernomyrdin to President of the International Bank for Reconstruction and Development Mr. James Wolfensohn].
22. Archive Department of the Administration of Prokopyevsk. Fund 31. List 1. File 331. *Protokol chrezvychaynoy konferentsii kollektivov goroda Prokop'evska ot 11.09.1996 g.* [Protocol of the emergency conference of collectives of the city of Prokopyevsk of September 11, 1996].
23. Solovenko, I.S., Trifonov, V.A. & Nagornov, V.I. (2014) Russian Coal Industry Amid Global Financial Crisis in 1998 and 2008. *Applied Mechanics and Materials*. 682. pp. 586–590.
24. Rossikhin, V. (1998) Analiz sostoyaniya okhrany truda i zdorov'ya na predpriyatiyakh ugol'noy promyshlennosti Rossii [Analysis of the state of labor and health protection at the enterprises of the Russian coal industry]. *Iskra*. 28 May.
25. Current Archive of Sotsugol Company. (In Russian).
26. Current Archive of the Independent Trade Union of Coal Industry Workers (Rosugleprof). (In Russian).
27. *Ugol'*. (2008) Kemerovskaya oblast' i SUEK zafiksirovali parametry sotsial'no-ekonomicheskogo sotrudничestva na 2008 god [Kemerovo Oblast and SCEC recorded the parameters of socio-economic cooperation for 2008]. *Ugol'*. 3. pp. 77–78.
28. Rozhkov, A.A., Anistratov, M.K. & Frolov, A.A. Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh mehanizmov strukturnykh preobrazovaniy v ugol'noy promyshlennosti Rossii [Transformation of socio-economic mechanisms of structural transformations in the Russian coal industry]. *Gornaya promyshlennost'*. 5. pp. 36–42.
29. Center for Archival Documents in Shakhty, Rostov Oblast. Fund P-1127. List 2. File 40. *O sostoyanii proizvodstvennogo travmatizma na predpriyatiyakh i v organizatsiyakh OAO "Rostovugol"* i merakh po ego snizheniyu, g. Shakhty, 15 dekabrya 1997 g.: Postanovlenie prezidiuma Rostovskogo terkoma Rosugleprofa [On the state of industrial injuries at enterprises and organizations of OJSC Rostovugol and measures to reduce it, Shakhty, December 15, 1997: Decree of the Presidium of the Rostov Territorial Committee of Rosugleprof].
30. National Archive of Republic Komi. Fund P-1659. List 1. File 2538. *O vedomstvennom kontrole po okhrane truda v AOOT "Intaugol"*, 08 aprelya 1996 g.: *Prikaz General'nogo direktora AO "Intaugol"* [On the departmental control over labor protection in Open Company Intaugol, April 8, 1996: The order of the General Director of joint-stock company Intaugol].

31. Rosugol.ru. (2010) *Vypiska iz protokola soveshchaniya u Predsedatelya pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii V.V. Putina ot 24 iyunya 2010 goda № VP-P9-35pr* (g. Novokuznetsk) [Extract from the minutes of the meeting with Chairman of the Government of the Russian Federation V.V. Putin on June 24, 2010 No. VP-P9-35pr (Novokuznetsk)]. [Online] Available from: http://www.rosugol.ru/upload/pdf/protocol_1_.pdf. (Accessed: 10th February 2017).
32. Government.ru. (2014) *Programma razvitiya ugol'noy promyshlennosti Rossii na period do 2030 g., utverzhдennaya rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 21 iyunya 2014 g. № 1099-r* [The program for the development of the Russian coal industry for the period until 2030, approved by the Russian Federation Government Resolution No. 1099-r of June 21, 2014]. [Online] Available from: <http://government.ru/media/files/41d4eb427ce44a21148.pdf>. (Accessed: 10th February 2017).
33. Anon. (1993) *Ugol'naya promyshlennost' Rossiyskoy Federatsii za 1992 god* [The coal industry of the Russian Federation for 1992]. Vol. 2. Moscow.
34. Anon. (1998) *Ugol'naya promyshlennost' Rossiyskoy Federatsii za 1997 god* [The coal industry of the Russian Federation for 1997]. Vol. 3. Moscow.
35. Anon. (2000) *Ugol'naya promyshlennost' Rossiyskoy Federatsii za 1999 god* [The coal industry of the Russian Federation for 1999]. Vol. 3. Moscow.
36. Anon. (2009) *Ugol'naya otratl' toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossii* [The coal branch of the fuel and energy complex of Russia]. Pt. 1. Moscow: Rosinformugol'.
37. Gks.ru. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli Rossiyskoy Federatsii v 1992–2008 gg.* [Socio-economic indicators of the Russian Federation in 1992–2008]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls. (Accessed: 02nd April 2016).
38. Current Archive of the Federal State Unitary Enterprise “Central Dispatch Administration of the Fuel and Energy Complex”. (In Russian).
39. Solovenko, I.S. (2016) Principal directions to control protest campaigns of Russian miners in 1992–1999. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 402. pp. 117–130. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/402/16
40. Anon. (2007) *Federal'noe otrraslevoe soglashenie po ugol'noy promyshlennosti Rossiyskoy Federatsii na 2007–2009 gody* [Federal industrial agreement on the coal industry of the Russian Federation for 2007–2009]. Moscow.
41. Pleines, H. (ed.) (1999) Die postsowjetische Strukturkrise der russischen Kohleindustrie [The post-Soviet structural crisis of the Russian coal industry]. Köln: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. [Online] Available from: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-44049>. (Accessed: 14th April 2016).
42. Baysarov, R.S. (2016) Problemy i perspektivy realizatsii prioritetnykh proektorov osvoeniya ugol'nykh mestorozhdeniy Vostochnoy Sibiri i Dal'nego Vostoka [Problems and prospects for the implementation of priority projects for the development of coal deposits in Eastern Siberia and the Far East]. *Gornaya promyshlennost'*. 2 (126). pp. 20–25.
43. Current Archive of the Federal Customs Service of Russia. (In Russian).

Received: 13 March 2017

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВ США ПО РАЗВИТИЮ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ (1980–1990-е гг.)

Исследуются усилия правительства Соединенных Штатов Америки Р. Рейгана, Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона по преодолению технологического отставания США от своих ближайших экономических конкурентов, в первую очередь – Японии. Для преодоления этого технологического разрыва американские правительства инициировали две масштабные программы, нацеленные на развитие производственных и технологических возможностей малых и средних предприятий Соединенных Штатов: Программа партнерства по расширению производства и Программа развития передовых технологий.

Ключевые слова: США; инновационная политика; малые и средние предприятия.

В начале 1980-х гг. сфера производства США начала проигрывать Японии. В бытовой электронике, производстве стальных изделий и в других отраслях промышленности американские товары по сравнению с японскими выглядели менее качественными, производственные процессы – устаревшими, процесс разработки производственных инноваций – находящимся в состоянии застоя [1]. Профессор Ф. Шапира из Технологического института Джорджии, работавший в качестве эксперта в Управлении оценки технологий Конгресса США, отмечал, что к середине 1980-х гг. конкуренция со стороны Японии стала настолько устрашающей, что он и другие его коллеги начали учить японский язык, чтобы лучше понимать конкурентные преимущества «Страны восходящего солнца» [2]. Например, по такому важному показателю технологического развития страны, как количество заявок на патенты на изобретения, Япония в 1986 г. находилась на первом месте в мире (2 388 заявок на 1 млн жителей), в то время как США – только на 10-м (271 заявка на 1 млн жителей) [3].

Для того чтобы преодолеть технологическое отставание от Японии, республиканские правительства Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего стали уделять особое внимание стимулированию развития контрактных отношений с мелким бизнесом, в особенности в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Стали возникать партнерства по принципу «правительство – промышленность», основанные на привлечении частного капитала, благодаря которому, как были убеждены республиканцы, можно добиться экономического роста. Но помимо частных предпринимательских инициатив, были необходимы федеральные инвестиции в технологии.

Ряд крупных законодательных инициатив, принятых Конгрессом в 1980-е гг., демонстрировали новый акцент политики США на развитии партнерств федерального правительства и американской промышленности. К их числу относятся Закон о технологических инновациях Стивенсона Уайдлера, 1980 (Stevenson-Wydler Technology Innovation Act), Закон Бея-Доула о патентах университетов и малого бизнеса, 1980 (the Bayh-Dole University and Small Business Patent Act), Закон о развитии инноваций в малом бизнесе, 1982 (the Small Business Innovation Development Act), Закон о национальных совместных исследованиях, 1984 (the National Cooperative Research Act), Закон о передаче

Fедеральных технологий, 1988 (the Federal Technology Transfer Act), Комплексный Закон о торговле и конкурентоспособности, 1988 (the Omnibus Trade and Competitiveness Act), Закон о передаче технологий, связанных с национальной конкурентоспособностью, 1989 (the National Competitiveness Technology Transfer Act) [4. Р. 38].

В соответствии с Законом о торговле и конкурентоспособности был создан Национальный институт стандартов и технологий (НИСТ) в целях содействия экономическому росту США за счет партнерства с промышленностью по вопросам разработки и применения новых технологий и стандартов. Миссия лабораторий НИСТ заключалась в удовлетворении нужд промышленности США в плане технологической инфраструктуры, включая стандарты, измерительные технологии, оценку данных, моделирование производственных процессов, испытания продукции, а также технологии оценки качества [5].

Закон о торговле и конкурентоспособности 1988 г. положил начало двум экспериментальным программам, осуществлявшимся под патронажем Национального института стандартов и технологий: Программе партнерства по расширению производства (The Manufacturing Extension Partnership, далее – Программа партнерства) и Программе развития передовых технологий (The Advanced Technology Program, далее – Программа технологий).

Целью Программы партнерств по расширению производства являлось предоставление технической помощи и поддержки в области менеджмента для малого и среднего бизнеса. Эта программа задумывалась как составная часть действий правительства США в ответ на потерю позиций перед Японией в области производства высокотехнологичной продукции [2].

Программа начала реализовываться в 1989 г. и изначально задумывалась как программа по созданию центров производственных технологий (Manufacturing Technology Centers) для предоставления услуг малым и средним предприятиям. Выделенные на реализацию программы средства по итогам проведения конкурсного отбора из 36 заявок были направлены на создание трех pilotных региональных центров: 1) Центр производственных технологий в г. Кливленд, штат Огайо; 2) Северо-восточный центр производственных технологий в политехническом университете в г. Троя, штат Нью-Йорк и 3) Юго-восточный центр

производственных технологий в университете Южной Каролины в г. Коламбия, штат Южная Каролина.

В период 1990–1992 гг. программа расширилась и охватила еще четыре штата. Были созданы: Среднезападный центр производственных технологий в институте промышленных технологий в г. Анн-Арбор, штат Мичиган; Среднеамериканский центр производственных технологий в корпорации технологических предприятий в г. Оверленд-Парк, штат Канзас; Центр производственных технологий г. Миннеаполис (штат Миннесота) и Калифорнийский центр производственных технологий в колледже г. Торранс [6].

Основная задача созданных региональных центров заключалась в совершенствовании производственных и технологических возможностей малых компаний США. Конгресс Соединенных Штатов подчеркивал важность участия в данной программе промышленности, университетов, правительства штатов, федеральных агентств и национальных лабораторий, входивших в структуру НИСТ [7]. Начав свою работу, руководители первых семи созданных центров быстро осознали, что трансфер передовых технологий, на который делал ставку НИСТ, не соответствовал потребностям малых и средних компаний США, которые, как оказалось, прежде всего, нуждались в услугах по внедрению систем качества, планировке производственных помещений, автоматизации оборудования.

В связи с этим Р. Килмер, представитель руководства НИСТ, отмечал, что существует разрыв между потребностями предприятий, ориентированных на инновационное производство, и тем, что изобретается или разрабатывается на самом деле. Например, некоторые виды технологий, которые разрабатывались в Национальном институте стандартов и технологий, такие как передовые образцы робототехники, были не нужны малым и средним предприятиям, т.е., в американском понимании, таким предприятиям, в которых были заняты не более 500 работников. «Мы должны менять нашу политику и вместо предложения технологий, которые под силу разработать лабораториям НИСТ, ориентироваться на то, что малым и средним предприятиям действительно необходимо», – заявлял Р. Килмер. – «Это, кроме всего прочего, означает научиться шире смотреть на все производство, видеть не только отдельную техническую деталь, но и все остальное: финансирование, развитие трудовых ресурсов, маркетинг и продажи» [2].

Ключевым аспектом деятельности региональных производственных центров было взимание платы с компаний за предоставляемые услуги. Причем это делалось не столько для того, чтобы покрывать расходы на реализацию программы, сколько для мотивации производителей к осознанному участию в модернизации производства. Таким образом, Программа партнерств становилась государственно-частным объединением, которое реализовалось по схеме долевого финансового участия в программе: 1/3 составляли средства федерального бюджета, 1/3 – средства местного, регионального правительства либо частных юридических лиц, 1/3 – оплата компании – получателя услуг.

Подобная финансовая схема явилась одним из факторов успешной реализации программы на терри-

тории США. Причин тому было несколько. Во-первых, региональные производственные центры имели мощный стимул к поиску новых организаций-партнеров и предоставлению именно тех услуг, в которых нуждались малые и средние предприятия. Во-вторых, сами предприятия-клиенты имели сильную мотивацию, так как вкладывали в модернизацию производства собственные средства. В-третьих, частичная оплата услуг со стороны федерального, регионального или местного бюджета делала услуги региональных производственных центров более доступными для малых и средних предприятий [1].

В результате к концу 1990-х гг. региональные производственные центры работали с приблизительно 30 тыс. малыми и средними предприятиями в рамках более 9 тыс. различных проектов. И тот же Р. Килмер мог с гордостью заявить, что в результате реализации Программы партнерств спрос малых и средних предприятий и предложение технологий со стороны НИСТ во многом совпадали. Он отмечал также, что в первые годы реализации Программы ее задача состояла в том, чтобы создать региональные производственные центры и начать работу. К концу 1990-х гг. наступило время для интеграции отдельных центров в единую сеть, с тем, чтобы не только повысить производительность малых и средних предприятий, но и научить их мыслить стратегически, т.е. думать о технологиях будущего [2].

С точки зрения Р. Килмера, новые задачи для малых и средних предприятий состояли в том, чтобы попытаться ответить на такие вопросы: «Как добиться роста компании? Как достичь увеличения объема продаж существующих продуктов? Как попасть на новые рынки за счет экспорта?» Р. Килмер выделял пять, по его мнению, ключевых областей, к которым должно быть приковано внимание руководителей подобных предприятий:

- непрерывное совершенствование;
- технология ускорения;
- новые цепочки поставок;
- устойчивость развития;
- трудовые ресурсы [Там же].

К концу XX в. спрос на услуги центров стал меняться в сторону бережливого производства, сертификации качества, чему во многом способствовало резкое развитие малозатратного производства в мире, особенно в Китае. Программа партнерств и услуги, предлагаемые в ее рамках региональными производственными центрами, оказались востребованы и сфокусированы на услугах, ориентированных на расширение малых компаний, на развитие их инновационного потенциала. Кроме того, просматривалось расширение охвата участников программы от индивидуальных компаний до производственно-сбытовых цепочек предприятий и производственных сообществ [1].

Самым активным сторонником мероприятий, направленных на развитие технологической и промышленной конкурентоспособности США, был сенатор из Южной Каролины Э.Ф. Холлингс, который в 1988 г. внес законопроект о технологической конкурентоспособности (Technology Competitiveness Act of 1988), ставший частью Закона о торговле и конкурен-

тоспособности 1988 г. [7]. По праву сенатора Холлингса можно было бы назвать главным инициатором Программы партнерств, он способствовал ее принятию и оказывал поддержку ее реализации в течение всего периода своей службы в Сенате до 2005 г.

Э.Ф. Холлингс так объяснял свою позицию: «На протяжении длительного времени я видел какие трудности испытывают наши малые предприятия, осваивая новые производственные технологии. Японцы и немцы ушли далеко вперед в помощи своему бизнесу. И я видел собственными глазами, еще когда был губернатором (штата Южная Каролина в 1959–1963 гг. – Т.Р.), какой существует разрыв между исследованиями в агрономии и тем, как они доводились до сведения наших фермеров. Потому-то я и предложил создать сеть центров производственных технологий для того, чтобы делиться советами и помогать малым предприятиям воспользоваться теми преимуществами технологических открытий, которые им мог предоставить НИСТ» [8. Р. 235]. Вклад Э.Ф. Холлингса в создание Программы партнерств был столь весом, что после выхода сенатора на пенсию эта программа была переименована в его честь и стала носить название Программа развития партнерств по расширению производства имени Холлингса (*Hollings Manufacturing Extension Partnership*) [1].

В 1992 г. вопрос технологического отставания Соединенных Штатов от Японии стал предметом предвыборной программы кандидата в президенты от демократов Б. Клинтона. Он заявлял, что уже не только Япония, но и Германия превосходили Америку в экономическом отношении во многом благодаря тому, что политика правительства этих стран была ориентирована на поддержку потенциальных областей развития, в то время как администрация Дж. Буша-старшего предпочитала субсидировать «классические» отрасли, такие как нефтяная промышленность и сельское хозяйство. Эти отрасли были важны с политической точки зрения, но они мало что могли дать в плане создания новых рабочих мест и появления новых предпринимателей, в отличие от высокотехнологичных отраслей [9. С. 477]. Предвыборный штаб Б. Клинтона активно использовал в качестве примера ошибочной политики действовавшей администрации заявление ее представителя К. Хиллз о том, что с точки зрения американской экономики совершенно «неважно, что экспортируют США: картофельные чипсы или кремниевые чипы» [Там же. С. 476].

Однако несмотря на предвыборную риторику, Б. Клинтон, одержав победу на выборах президента США, во многом продолжил политику своих предшественников по развитию Программы партнерств. Первоначально концепция создания региональных центров технологических инициатив предполагала создание около 10–25 таких центров по всей стране. В период 1993–1995 гг. при помощи программы реинвестирования технологий Департамента обороны число этих центров увеличилось до 44.

В 1994 г. произошла реструктуризация программы по созданию центров производственных технологий. Прямое финансирование обновленной программы позволило создать еще 36 региональных центров в

период 1995–1996 гг., таким образом общее их число достигло 70. Позже отдельные центры в штатах Нью-Йорк и Огайо объединились, и к началу XXI в. в 50 штатах США и Пуэрто-Рико действовала национальная сеть из 60 центров производственных технологий. Для развития промышленности создание этой сети было огромным шагом вперед, однако само по себе наличие сети не являлось достаточным, предстояло еще понять, в каких услугах нуждались американские предприятия.

Анализируя результаты реализации Программы партнерств, Ф. Шапира заявлял: «Мы живем в эпоху глобальной конкуренции. Наши компании конкурируют с компаниями по всему миру. Эта программа является одним из основных способов, которым мы пытаемся стимулировать наши малые и средние предприятия быть продуктивными, работать на экспорт, а также для подготовки высококвалифицированных работников. В эту эпоху глобальной конкуренции, мы должны быть уверены в том, что программа сконфигурирована таким образом, что она позволит решить не только существующие проблемы, но и дать адекватный ответ на будущие вызовы» [1].

Как уже отмечалось, другой инициативой, направленной на преодоление технологического отставания США, стала Программа развития передовых технологий. Она была задумана для повышения конкурентоспособности США, а также для того, чтобы создать условия, при которых экономика США выигрывает от федеральных инвестиций в НИОКР, реализуемых на базе партнерств. Программа технологий находилась в ведении Национального института стандартов и технологий Департамента торговли США и была нацелена на разделение затрат с промышленностью для ускорения развития и широкого распространения новых технологий с высокой степенью риска, которые обещают большие экономические выгоды для страны. Программа была направлена на преодоление разрыва между продукцией научно-исследовательских лабораторий и рынком и оказывала поддержку компаниям, осуществляющим разработку:

- новых и перспективных технологий, которые могли способствовать появлению и развитию новых и существенно улучшенных продуктов, производственных процессов и услуг с возможностью применения в различных областях;

- технологий, развитие которых часто включали в себя сложные «системные» проблемы, требующие совместных усилий нескольких организаций;

- технологий, которые в силу высокой степени риска вряд ли могли быть разработаны отдельными фирмами или развивались бы слишком медленно для того, чтобы конкурировать в быстро меняющемся мире рынка без поддержки со стороны Программы развития передовых технологий.

При этом компании сами разрабатывали проекты, готовили заявку в программу, обеспечивали софинансирование и выполняли проекты (часто в сотрудничестве с университетами и федеральными лабораториями). Роль Программы заключалась в определении наиболее перспективных проектов, требующих поддержки извне, и вложении финансовых средств на

принципах совместных расходов. Программа финансировала технические исследования, а не разработку продуктов. Гранты оформлялись в форме контрактов о совместных договоренностях. Это имело ключевое значение, так как предусматривало разделение ответственности за развитие проекта между Национальным институтом стандартов и технологий и фирмами. При этом важно отметить, что малые компании конкурировали наравне с крупными предприятиями за получение грантов.

Программа имела ряд особенностей, которые в совокупности отличали ее от других государственных программ, направленных на поддержку технологий. В их числе – сочетание инициативы промышленности в выявлении перспективных областей технологии и лидерство в отрасли в планировании и реализации совместных проектов. Процесс отбора проектов включал техническую и экономическую оценку и учитывал наличие партнерских связей с другими компаниями, а также университетами и лабораториями. Для того чтобы войти в число победителей Программы по итогам отбора, заявки должны были содержать четко сформулированные технические и экономические цели и демонстрировать не только перспективы работы, но и конкретные потребности в финансировании со стороны Программы. В рамках Программы развития передовых технологий поддержка предоставлялась отобранным компаниям на определенный период времени. Компания – победитель программы могла получить до 2 млн долл. на проведение НИОКР сроком на 3 года. Условием для крупных компаний было вложение собственных средств в объеме не менее 60% от общего объема финансирования проекта. Совместные предприятия могли получить поддержку сроком на 5 лет.

В период с 1990 по 2000 г. в рамках реализации Программы развития передовых технологий был проведен 41 конкурсный отбор, по итогам которых выделено 522 гранта на общую сумму в размере около 1,640 млрд долл. Получателями грантов стали 1 162 организаций и приблизительно такое же число субподрядчиков. Университеты и независимые некоммерческие исследовательские организации играли важную роль участников проектов, реализованных в рамках Программы. Университеты приняли участие в реализации более чем половины проектов, при этом общее число университетов участников достигло 176 [4. Р. 40]. На конкурсной основе в рамках Программы поддержку получили компании, разрабатывавшие новые технологии в разных сферах. К их числу относятся адаптивные обучающие системы, компоненты программного обеспечения, хранение цифровых данных, информационная инфраструктура для здравоохранения, производственная инфраструктура для сферы микроэлектроники, производственные технологии для фотоники, автотранспортные средства и печатные платы, инженерные технологии по созданию новых биологических тканей и инструменты для ДНК-диагностики. Эти технологии являлись перспективными, но рисковыми.

Автором инициативы Программы развития передовых технологий был все тот же сенатор Э. Хол-

лингс, а первоначальные ассигнования на программу были небольшими, всего 10 млн долл. в 1990 г. [4. Р. 39]. Администрация Дж. Буша-старшего курировала первую реализацию программы в Национальном институте стандартов и технологий, после чего рекомендовала существенно увеличить объем финансирования программы в государственном бюджете на 1993 г. [Ibid. Р. 31].

Начиная со скромного финансирования в первый год реализации, программа выросла при поддержке конгресса до более чем 60 млн долл. в последние годы правления администрации Буша. Администрация Клинтона сделала акцент на развитие программ в сфере гражданских технологий, стремясь выровнять расходы на военные и гражданские НИОКР и поощряя дальнейшее развитие партнерских отношений между правительством и промышленностью для восстановления конкурентоспособности США. В рамках этих усилий администрация Клинтона не только объявила Программу развития передовых технологий в числе ключевых приоритетов новой технологической инициативы США [10], но и значительно увеличила объем Программы, разработала Программу реинвестирования технологий (the Technology Reinvestment Program) с целью облегчения адаптации к концу холодной войны, а также Программу развития транспортных средств следующего поколения (the Program for the Next Generation Vehicle).

Существенное увеличение финансирования Программы развития передовых технологий и быстрое внедрение других программ, ориентированных на разработку технологий, вызвали также и значительную оппозицию к Программе, которая, возможно, способствовала возрождению национальной дискуссии о надлежащей роли правительства в стимулировании новых технологий. По существу, после начального скачка в объеме финансирования Программы развития передовых технологий до 340 млн долл. в первые годы администрации Клинтона, Программа стабилизировалась на уровне около 200 млн долл. ежегодно до конца 1990-х гг., после чего последовало сокращение объема финансирования Программы в 2000 финансовом году, частично связанное с неспособностью освоить в полном объеме выделенные средства. Отчасти в результате административной ошибки в расчетах, бюджет Программы на 2000 финансовый год резко сократился до 143 млн долл. (с 197 млн долл. в предыдущем году). В бюджете 2001 финансового года произошло возвращение к объему в 191 млн долл., включая переходящие остатки прошлых лет [4. Р. 42].

Таким образом, разработанная в 1988 г. при администрации Рейгана, получившая первое финансирование в 1990 г. при администрации Буша и достигшая масштабного развития при администрации Клинтона Программа развития передовых технологий представляла собой один из элементов усилий правительства США по восстановлению и повышению конкурентоспособности экономики США. Посредством Программы государство предоставляло гранты и обеспечивало софинансирование расходов, связанных с проведением НИОКР и разработкой конкурентоспособных передовых технологий, обладающих высокой степенью

риска, широким коммерческим потенциалом и способностью приносить пользу обществу в целом.

Что касается технологического отставания от Японии, то к концу президентского правления Б. Клинтона Япония по-прежнему занимала первое место в мире по количеству поданных заявок на патенты на изобретения, хотя США и поднялись по этому показателю с 10-го на 4-е место к 2000 г. [11]. Однако Соединенные Штаты продемонстрировали самый значительный в мире количественный рост по балансу платежей за технологии в период с 1985 по

1997 г.: с 5 до 24 млрд долл., в то время как аналогичные японские показатели за этот же период были скромнее: от минуса 0,2 млрд (т.е. Япония на самом деле в середине 1980-х гг. больше импортировала технологии, чем экспортировала) до 3 млрд долл. [12]. Важно отметить то, что Япония сыграла роль раздражителя для американского руководства, стимулировав разработку и внедрение важных инициатив, в числе которых были Программа партнерств по расширению производства и Программа развития передовых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. NIST Hollings Manufacturing Extension Partnership. URL: <http://www.nist.gov/mep/about/history.cfm> (дата обращения: 18.01.2017).
2. Strengthening American Manufacturing: The Role of the Manufacturing Extension Partnership: Summary of a Symposium, 2013. URL: <https://www.nap.edu/read/18329/chapter/3#18> (дата обращения: 18.01.2017).
3. International Statistics. URL: <http://www.nationmaster.com/country-info/compare/Japan/United-States/Industry#1986> (дата обращения: 19.01.2017).
4. The Advanced Technology Program: Assessing Outcomes / ed. by C.W. Wessner. Wash. : National Research Council, 2001. URL: <http://www.nap.edu/catalog/10145.html> (дата обращения: 15.01.2017).
5. An Assessment of the National Institute of Standards and Technology Programs. Fiscal Year 1994. Wash., 1994. URL: <http://www.nap.edu/read/9198/> (дата обращения: 19.01.2017).
6. Dave Cranmer. Reflections on 25 years of the MEP Program. URL: <http://nistmep.blogs.govdelivery.com/25-year-reflections/> (дата обращения: 11.01.2017).
7. South Carolina Manufacturing Extension Program. URL: <http://www.scmep.org/history/> (дата обращения: 17.01.2017).
8. Hollings E.F. Making Government Work. Columbia : University of South Carolina Press, 2008.
9. Клинтон Б. Моя жизнь : пер. с англ. М., 2005.
10. Technology for America's Economic Growth, A New Direction to Build Economic Strength. Washington: The White House office of the press secretary, 1993. URL: <http://nti.bts.gov/lib/jpodocs/briefing/7423.pdf> (дата обращения: 15.01.2017).
11. International Statistics. URL: <http://www.nationmaster.com/country-info/compare/Japan/United-States/Industry#2000> (дата обращения: 19.01.2017).
12. Organization for Economic Co-operation and Development. URL: <https://www.oecd.org/sti/sci-tech/2087228.pdf> (дата обращения: 19.01.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 23 февраля 2017 г.

THE US GOVERNMENT POLICY AIMED AT THE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRIAL AND TECHNOLOGICAL CAPACITY OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES (1980S–1990S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 137–142.

DOI: 10.17223/15617793/418/17

Tatiana B. Rumyantseva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rtb98@mail.ru

Keywords: United States; innovation policy; small and medium-sized enterprises.

The United States is one of the most technologically advanced countries in the world. At the same time, during the period of not less than 50 years it has been experiencing strong competition from innovative economies of such countries as Japan and Germany. In order to reduce the USA's technological lag with Japan, the Republican government of Ronald Reagan and George H.W. Bush started to pay special attention to the development of partnerships between government and small or medium-sized business, especially in the field of research and development (R&D). The Republicans were convinced that economic growth could be achieved by attraction of private capital for creation of partnerships based on the “government–industry” principle. Moreover, federal investments in technology were also necessary. In 1988, the National Institute of Standards and Technology (NIST) was created. Its aim was to promote the economic growth of the United States through partnerships with industry in the sphere of development and application of new technologies and standards. The mission of NIST laboratories was to satisfy needs of the US industry in technological infrastructure, including standards, measuring technology, data evaluation, simulation of manufacturing processes, product testing and quality control technology. The Omnibus Trade and Competitiveness Act of 1988 marked the beginning of two experimental programs carried out under the auspices of the National Institute of Standards and Technology: the Manufacturing Extension Partnership (MEP) and the Advanced Technology Program (ATP). The aim of the first program was to provide technical assistance and support in the field of management to small and medium-sized companies. MEP was launched in 1989 and was originally considered as a program for creation of manufacturing technology centers to provide services to small and medium-sized enterprises. The main task of the established regional centers was to improve the manufacturing and technological capacity of US small companies. Qualified MEP centers worked directly with small and medium manufacturing firms providing expertise, services and assistance directed to foster growth, improve supply chain positioning, leverage emerging technologies, upgrade manufacturing processes, develop work force training and apply and implement new information. Implementation of the MEP program had led to several important results. First, the regional manufacturing centers received a powerful incentive to find new partner organizations and provide services needed by small and medium-sized enterprises. Second, the enterprises-customers also had strong motivation because they invested their own funds in the manufacturing process modernization. Third, partial payment for services by the federal, regional or local government made services of regional centers more affordable to small and medium-sized enterprises. As a result, by the end of the 1990s, regional manufacturing centers had worked on more than 9 000 various projects with about 30 000 small and medium-sized enterprises. Another initiative aimed at reducing the USA's technological lag, was development of the Advanced Technology Program. It was designed to bridge the gap between the research lab and the marketplace, to enhance US competitiveness, as well as to create conditions under which the US economy could benefit from partnership-based federal

investments in R&D. This program was aimed to share federal costs with industry in order to accelerate development and wide dissemination of new high-risk technologies that promised greater economic benefits for the country. The ATP funding was directed to technical research but not product development. Companies, either singly or jointly, conceived, proposed and executed all projects, often in collaboration with universities and federal laboratories. The ATP shared the cost for projects that were selected for a limited time. Single-company awardees could receive up to \$2 million for R&D activities for up to three years. Larger companies had to contribute at least sixty percent of the total project cost. Joint ventures could receive funds for R&D activities for up to five years. Thus, developed in 1988 under the Reagan administration, first funded in 1990 under the Bush administration, and reached the large-scale development under the Clinton administration, the Advanced Technology Program represented one element of the U.S. government's efforts to restore and enhance the competitiveness of the U.S. economy. It provided cost-shared, competitive grants to industry to support R&D on high-risk, cutting-edge technologies with broad commercial potential and societal benefit.

REFERENCES

1. Nist.gov. (n.d.) *NIST Hollings Manufacturing Extension Partnership*. [Online] Available from: <http://www.nist.gov/mep/about/history.cfm>. (Accessed: 18th January 2017).
2. Nap.edu. (2013) *Strengthening American Manufacturing: The Role of the Manufacturing Extension Partnership*: Summary of a Symposium. [Online] Available from: <https://www.nap.edu/read/18329/chapter/3#18>. (Accessed: 18th January 2017).
3. Nationmaster.com. (1986) *International Statistics*. [Online] Available from: <http://www.nationmaster.com/country-info/compare/Japan/United-States/Industry#1986>. (Accessed: 19th January 2017).
4. Wessner, C.W. (ed.) (2001) *The Advanced Technology Program: Assessing Outcomes*. Washington: National Research Council, 2001. [Online] Available from: <http://www.nap.edu/catalog/10145.html>. (Accessed: 15th January 2017).
5. Nap.edu. (1994) *An Assessment of the National Institute of Standards and Technology Programs. Fiscal Year 1994*. Washington. [Online] Available from: <http://www.nap.edu/read/9198/>. (Accessed: 19th January 2017).
6. Crammer, D. (n.d.) *Reflections on 25 years of the MEP Program*. [Online] Available from: <http://nistmep.blogs.govdelivery.com/25-year-reflections/>. (Accessed: 11th January 2017).
7. Scmep.org. (n.d.) *South Carolina Manufacturing Extension Program*. [Online] Available from: <http://www.scmep.org/history/>. (Accessed: 17th January 2017).
8. Hollings, E.F. (2008) *Making Government Work*. Columbia: University of South Carolina Press.
9. Clinton, W. (2005) *Moya zhizn'* [My life]. Translated from English by M. Nikol'skiy et al. Moscow: Al'pina Biznes Buks.
10. Ntl.bts.gov. (1993) *Technology for America's Economic Growth, A New Direction to Build Economic Strength*. Washington: The White House office of the press secretary. [Online] Available from: <http://ntl.bts.gov/lib/jpodocs/briefing/7423.pdf>. (Accessed: 15th January 2017).
11. Nationmaster.com. (2000) *International Statistics*. [Online] Available from: <http://www.nationmaster.com/country-info/compare/Japan/United-States/Industry#2000>. (Accessed: 19th January 2017).
12. Oecd.org. (n.d.) *Organization for Economic Co-operation and Development*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/sti/scitech/2087228.pdf>. (Accessed: 19th January 2017).

Received: 23 February 2017

И.И. ДОЛГИХ – ПЕРВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ЮЖНОКУЗБАССКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ МВД СССР

Приводятся биографические сведения о первом начальнике Южно-Кузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР Иване Ивановиче Долгих. Автор, основываясь на архивных документах, проследил жизненный путь полковника и сопоставил его с уже распространенными данными об этом человеке. На основе проведенного исследования у некоторых авторов были выявлены неточности в представлении ряда биографических фактов о жизни и службе И.И. Долгих. Особое внимание обращается на его военные и трудовые достижения.

Ключевые слова: Южно-Кузбасский исправительно-трудовой лагерь МВД СССР; И.И. Долгих; биография; начальник; лесозаготовка; командир.

Первые годы становления Южно-Кузбасского исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) МВД СССР («Южнокузбасслага»), располагавшегося на юге Кемеровской области на территории Горной Шории, проходили под руководством опытного сотрудника уголовно-исполнительной системы ГУЛАГа полковника Ивана Ивановича Долгих (рис. 1).

Рис. 1. И.И. Долгих

Лагерь начал свою деятельность с 1 апреля 1947 г. на базе реорганизованного треста «Южнокузбасслес», и переход производственной деятельности от вольнонаемного труда к принудительному (с частичным сохранением наемной силы) осуществился под его началом.

Назначение И.И. Долгих на эту должность явилось последним в его трудовой деятельности. Накопленный ранее профессиональный опыт позволил максимально выполнить поставленные перед ним задачи. Именно в период исполнения И.И. Долгих своих должностных обязанностей (1947–1950 гг.) были решены основные управленические задачи по формированию производственной базы «Южнокузбасслага», подготовке квалифицированных рабочих кадров из контингента заключенных, осуществлен переход от сезонности лесозаготовительных процессов к круглогодичным, проведена работа по рационализации и механизации производства, сформирован и расширен

ассортимент производимых товаров народного потребления (ширпотреба), установлено регулярное снабжение угольных предприятий Кузбасса крепежным лесом.

Конечно, управленческую деятельность Долгих нельзя назвать безупречной. При всех указанных выше положительных итогах, многие важные вопросы решить не удавалось. Несмотря на все усилия руководства, лагерь ни разу не смог выполнить государственный производственный план на 100%. Исключением можно назвать лишь 1949 г., когда годовой план по всем видам работ был перевыполнен, кроме мехзывозки, выкатки и разделки древесины [1. Л. 204]. Оставались до конца нерешенными вопросы бытового содержания заключенных, использования современных механизированных средств производства, повышения производительности труда, наличия недостач, растрат и хищений и т.д.

Назначение Долгих на должность начальника лагеря было произведено в соответствии с Постановлением Совета министров СССР № 409 от 1 марта 1947 г. [2. С. 315]. К тому времени И.И. Долгих уже имел достаточный опыт работы на руководящих должностях в исправительно-трудовых учреждениях.

Источником о его биографических сведениях служат, прежде всего, официальные архивные документы, связанные с профессиональной карьерой: личный листок по учету кадров, служебная карточка, сведения о наградах и взысканиях, характеристика. ТА ГУФСИН по Кемеровской области располагает именно такими сведениями, которые и стали основой данного исследования.

Характеризуя источникопедическую базу изучаемого вопроса, считаем необходимым отметить, что в Интернете содержится ряд материалов, посвященных биографии И.И. Долгих. В некоторых из них авторы, приводя данные о жизни полковника (которые совпадают с имеющимися сведениями ТА ГУФСИН по Кемеровской области), ошибочно называют его генерал-лейтенантом и начальником ГУЛАГа в 1951–1954 гг. В частности, такая ошибка присутствует в публикациях на сайтах «ВятЛаг» [3] и «BankGorodov.ru» [4]. Очевидно, это заблуждение связано с существованием другого деятеля ГУЛАГа, однофамильца – Долгих Ивана Ильича. Биографический комментарий в книге «История сталинского ГУЛАГа конец 1920-х – превая половина 1950-х годов. Т. 2: Карательная система:

структуре и кадры» позволяет увидеть эту ошибку [2. С. 651]. Здесь приведены краткие биографические сведения об обоих сотрудниках.

Жизненный путь Ивана Ивановича Долгих (1896–1956) представляется весьма типичным для своего времени: выходец из низов, красноармеец, активный участник Гражданской войны, член коммунистической партии, работник ГУЛАГа НКВД СССР.

Местом его рождения стал город Барнаул Алтайского края. О родителях известно мало. Отец – торговец, умер в 1910 г. О матери в указанных выше архивных документах упоминания нет. По некоторым сведениям, через год после смерти мужа она выехала в Харбин (Китай), откуда уже не вернулась [3].

В 1907 г. Иван Иванович окончил церковно-приходскую школу. В период с 1907 по 1915 г. работал маляром, рабочим, жестянщиком в частных кустарных мастерских Барнаула. В 1915 г. Долгих был призван на воинскую службу в царскую армию. Служил рядовым 17-го запасного полка г. Новосибирска. В 1916–1917 гг. воевал в составе 518-го Алашкерского кавказского полка сначала рядовым, затем в звании унтер-офицера, позже фельдфебеля. «Трижды был ранен. Награжден двумя Георгиевскими крестами. За отказ провести экзекцию над солдатом был предан Военно-полевому суду, от расправы спасла Февральская революция» [5].

Долгих вернулся на родину и продолжил работать жестянщиком. В августе 1917 г. вступил в партию социал-революционеров (левых эсеров), где и состоял по май 1918 г. В мае 1918 вступил добровольцем в состав красноармейского отряда на Алтайском фронте. Исследователь А.И. Кобелев представляет этот факт биографии следующим образом: «Иван Долгих был назначен командиром эскадрона и прошел с отрядом весь легендарный двух тысячеверстный путь. Участвовал он и в последнем бою 7 августа 1918 г. в ущелье за с. Тюнгур Горного Алтая, где полег в засаде практически весь отряд. Раненых победители под командованием капитана Сатунина и подъесаула Кайгородова пристреливали на месте. Но Ивану Долгих удалось спастись – захваченного в плен, его как специалиста по ремонту сельхозмашин выпросили у казаков волостной старшины Архипов и волостной писарь Гомзин» [Там же].

Вскоре Долгих удалось бежать, но он был схвачен и заключен в барнаульскую тюрьму. «В марте 1919 года совершил побег, жил на нелегальном положении. В августе того же года вновь был арестован колчаковцами. Но на сей раз на тюремных нарах просидел недолго – устроено было так, что его освободили вместо другого арестанта. Добрался до партизан и воевал в 22-м Приобском полку 6-й партизанской дивизии под командованием Федора Архипова. Был командиром батальона» [Там же].

В период с 1920 по 1922 г. И.И. Долгих активно продолжал участвовать в Гражданской войне: командовал батальоном 1-го Алтайского запасного полка на Врангелевском фронте, был командиром полка штаба главнокомандующего по Сибири в Омске, затем командиром дивизиона ЧОН. Именно командуя дивизионом ЧОН, в 1922 г. Долгих осуществил блестящую

операцию по разгрому банды А.П. Кайгородова на Алтае, за которую был награжден орденом Красного Знамени. В «Отзывае на товарища Долгих», который хранится в его личном деле, заведующий агитационно-массовым отделом крайкома ВКП(б) Гордиенко пишет: «Товарищ Долгих выполнил эту боевую задачу при исключительно трудных условиях горных переходов в зимний период. Кайгородов был уничтожен со всем штабом в селе Канде Уйманского аймака. Это положило конец разгулу бандитизма на Алтае» [6].

В Интернете можно найти воспоминания самого И.И. Долгих о разгроме банды Кайгородова «Снежный поход» со ссылкой на источник «Десять лет советской Ойротии. Политико-экономический сборник» (Улала, 1932). «Подъехав к с. Катанда, конные лавой ворвались в село, мигом зарубили не успевших опомниться часовых. Понявшие в чем дело, бандиты стали выскакивать из домов и в беспорядке открыли стрельбу. Но после небольшого сопротивления все были порублены. 40 лошадей во главе с самим Кайгородовым взяты в плен. Таким образом, весь штаб Кайгородова за исключением начальника штаба попал к нам живьем. Пробовавшие бежать бандиты были постреляны на перевалах нашими засадами. Кроме того, Тюнгурская засада взяла в плен на перевале ничего не подозревавшую группу бандитов, которая состояла из интенданта банды Кайгородова, одного начальника отряда и 3 бандитов. При попытке к сопротивлению начальник бандитского отряда был убит, остальных привели.

В Катанде мы забрали 2 пулемета, около 400 винтовок и 30 000 патрон, 200 лошадей и всю материальную базу. Так окончил свое существование известный алтайский бандит Кайгородов» [7]. К сожалению, подтверждения или опровержения подлинности воспоминаний автором найдены не были.

На протяжении еще двух лет Долгих продолжал воевать с разного рода бандами, командуя Алтайской группой войск. С октября 1924 по август 1925 г. стал слушателем высшей военной тактической стрелковой школы «Выстрел» в Москве. По окончанию учебы, вплоть до декабря 1926 г., был командиром 62-го Краснознаменного полка в Новосибирске.

По окончанию военной службы вернулся на Алтай, где был назначен начальником Барнаульского исправительно-трудового дома. Именно той самой тюрьмы, узником которой он был сам в 1918 г. после ареста белогвардейцами. Почти два года И. Долгих руководил этим учреждением, а с 1 сентября 1928 г. возглавил Барнаульский окружной административный отдел. Летом 1930 г. Иван Иванович был переведен в Новосибирск и назначен начальником отдела трудовых поселений УНКВД. Именно с этого назначения и началась карьера Ивана Ивановича в системе в уголовно-исполнительной системе ГУЛАГа.

На протяжении восьми лет Долгих возглавлял вверенное ему учреждение, где занимался хозяйственным устройством, прибывающих с разных мест страны, труднопоселенцев. В апреле 1937 г. секретарь Западно-Сибирского крайкома тов. Эйхе и председатель исполкома тов. Грядинский подняли вопрос о награждении Долгих И.И. орденом Ленина за успеш-

ное проведение хозяйственного и политического освоения трудопоселений в необжитой Нарымской тайге. В ходатайстве они отметили, что «благодаря энергии т. Долгих, в Нарымской тайге заведено интенсивное культурное зерновое хозяйство, организован ряд кустарно-промышленных охотничих и рыбакских артелей, построены больницы, школы, детские дома и ясли и созданы другие культурно-бытовые условия, обеспечивающие превращение десятков тысяч кулацких семей в трудовое поселение...» [2. С. 127]. Но в 1937 г. награждение Долгих не состоялось [Там же. С. 621].

В марте 1938 г. И.И. Долгих был переведен на должность заместителя начальника Красноярского ИТЛ в г. Канске. В марте 1939 г. новое назначение на должность начальника Вятского ИТЛ, который располагался в Кайском районе Кировской области. По некоторым данным, Долгих прибыл к новому месту службы со строгим выговором и предупреждением по партийной линии «за необеспечение строительства в Краслаге» [3]. Но в служебной карточке в графе «Партвзыскания» самим Долгих этот факт не был указан. В послужном списке числятся всего три выговора: 1933 г. – строгий выговор, который был снят в 1935 г.; 1942 г. – выговор, снят в 1943 г.; 1943 г. – строгий выговор за срыв производственной программы в 1-м квартале 1943 г., снят в 1943 г. [6].

Проработав в Вятлаге чуть более года, Долгих в июле 1941 г. занимает должность начальника Ивдель-

ского ИТЛ в Свердловской области. В период с октября 1944 по февраль 1945 г. назначен заместителем начальника УПВИ НКВД СССР по делам военно-пленных и интернированных. В послевоенные времена вплоть до марта 1946 г. Долгих возглавлял спецлагерь № 0324 НКВД в г. Шатура Московской области. В марте 1946 г. был «уволен по болезни» [5]. Ровно через год вернулся на службу и занял должность начальника Управления Южно-Кузбасского ИТЛ в г. Степанск Кемеровской области. В январе 1951 г. на основании приказа МВД СССР № 1637 от 18.11.1950 г. Иван Иванович Долгих уволен из «Южкузбасслага» в запас по ст. 37 приказа НКВД СССР № 226-1936 г. по болезни с правом ношения военной формы с особыми отличительными знаками на погонах «полковник в запасе» [8].

По окончанию службы И.И. Долгих выехал в Москву, где в 1956 г. умер. Что касается его семейного положения, то нам известно немного. Был женат. Жена Мария Степановна 1903 г. рождения, уроженка г. Тамбова. Имел дочь Веру, которая родилась в 1920 г. в Барнауле. И.И. Долгих за долгие годы службы имел ряд государственных наград. Помимо уже упомянутого выше ордена Красного знамени (1922), в 1939 г. была получена медаль «За трудовое отличие», в 1943 г. – ордена «Знак Почета» и «Красное знамя». Таковы немногочисленные сведения, сохранившиеся о первом руководителе Южно-Кузбасского лесозаготовительного ИТЛ, созданного и функционировавшего в Кузбассе с 1947 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Годовой отчет по основной деятельности «Южкузбасслага» за 1949 год. Объяснительная записка к годовому отчету Южкузбасслага МВД СССР за 1949 год. Ф. 14. Оп. 1. Апр. № 14.
2. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов : в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры / ред. совет изд.: В.П. Козлов и др. ; отв. ред. и сост. Н.В. Петров ; М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. арх. агентство, Гос. арх. РФ, Гувер. ин-т войны, революции и мира. М. : РОССПЭН, 2004.
3. Долгих И.И. – начальник Вятлага. URL: http://www.vyatlag.ru/blog/dolgikh_i_i_nachalnik_vyatdaga/2014-09-01-10028 (дата обращения: 08.03.2017).
4. Долгих Иван Иванович. Биография. URL: <http://www.bankgorodov.ru/famous-person/Dolgikh-Ivan-Ivanovich> (дата обращения: 08.03.2017).
5. Кобелев А. Иван Иванович Долгих (1896–1956). Имя его не забыто. URL: <http://g-altais.ru/lgb.ru> (дата обращения: 08.03.2017).
6. ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Личное дело И.И. Долгих. Ф. 1. Оп. 12. Апр. № 1392.
7. Разгром банды Кайгородова. URL: <http://www.vtourisme.com/altaj/istoriya/478-razgrom-bandy-kajgorodova> (дата обращения: 08.03.2017).
8. ТА ГУФСИН по Кемеровской области. Приказ начальника управления Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД № 279 от 19.12.1950 г. Ф. 6. Апр. № 30.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 апреля 2017 г.

I.I. DOLGIKH, THE FIRST LEADER OF THE SOUTHERN KUZBASS CORRECTIVE LABOUR CAMP OF THE USSR MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 143–146.

DOI: 10.17223/15617793/418/18

Yuliya V. Ryabova, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ruv.kemtd@mail.ru

Keywords: Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs; I.I. Dolgikh; biography; chief; logging; commander.

The article examines the biography of the first leader of the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs, Ivan Ivanovich Dolgikh. He worked in this camp from 1947 to 1950. The camp was located in the south of Kemerovo Oblast in the Gornaya Shoria district. This camp was founded in 1947. The main production task of the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp was provision and transportation of wood. The prisoners worked there. The history of the camp has been little studied by researchers. Ivan Ivanovich Dolgikh organised the production activity of the new camp. He organised training of skilled workers from prisoners. The removal of timber from the harvesting sites became year-round. He introduced modern technical means of production. As a result, the camp began to regularly supply timber for the coal mines of Kuzbass. This was especially important for the restoration of the economy of Kuzbass in the postwar period. But, unfortunately, many organizational and production problems were not solved. These were questions about the life of prisoners, the fulfillment of production plans and thefts. There is scattered information about Ivan Ivanovich Dolgikh. The purpose of the study is to provide reliable information about this

person and to evaluate his activity as the head of the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp. The article contains a brief description of his professional activities in other corrective labour camps in the USSR. In addition, his military service in the army, feats and rewards are described. The article tells about his famous feat of destroying the gang of A.P. Kaigorodov, which was operating in the Altai region in the 1920s. For this feat he was awarded the Order of the Red Banner. Ivan Ivanovich Dolgikh was a brave commander and a competent leader. The author wrote his biography on the basis of archival documents. This is a characteristic, a personal leaflet, a service card and other official documents. The author compares these biography facts with the data of other researchers. Erroneous information was found in the articles of some authors. For example, some authors have confused biographical information about Ivan Ivanovich Dolgikh with data about another person, Ivan Illyich Dolgikh, who was also an employee of the NKVD (People's Commissariat of Internal Affairs) in the 1930s–1950s. The article also contains the memoirs of I.I. Dolgikh (with reference to the source).

REFERENCES

1. Territorial Archive of the Federal Penitentiary Service in Kemerovo Oblast. Fund 14. List 1. Archive 14. *Godovoy otchet po osnovnoy deyatel'nosti "Yuzhkuzbaslaga" za 1949 god. Ob'yasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu Yuzhkuzbasslag MVD SSSR za 1949 god* [Annual report on the main activities of Yuzhkuzbaglag for 1949. Explanatory note to the annual report of Yuzhkuzbasslag of the USSR Ministry of Internal Affairs for 1949].
2. Petrov, N.P. et al. (eds) (2004) *Istoriya stalin'skogo GULAGA: konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. Sobranie dokumentov: v 7 t.* [History of Stalin's GULAG: the late 1920s – the first half of the 1950s. Collection of documents: in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
3. Vyatlag.ru. (2014) *Dolgikh I.I. – nachal'nik Vyatlag* [Dolgikh I.I. – the Head of Vyatlag]. [Online] Available from: http://www.vyatlag.ru/blog/dolgikh_i_i_nachalnik_vyatdaga/2014-09-01-10028. (Accessed: 08th March 2017).
4. Bankgorodov.ru. (n.d.) *Dolgikh Ivan Ivanovich. Biografiya* [Dolgikh Ivan Ivanovich. Biography]. [Online] Available from: <http://www.bankgorodov.ru/famous-person/Dolgih-Ivan-Ivanovich>. (Accessed: 08th March 2017).
5. Kobelev, A.I. (n.d.) *Ivan Ivanovich Dolgikh (1896–1956). Imya ego ne zabyto* [Ivan Ivanovich Dolgikh (1896–1956). His name is not forgotten]. [Online] Available from: <http://g-altai-ru.1gb.ru>. (Accessed: 08th March 2017).
6. Territorial Archive of the Federal Penitentiary Service in Kemerovo Oblast. Fund 1. List 12. Archive 1392. *Lichnoe delo I.I. Dolgikh* [Personal file of I.I. Dolgikh].
7. Vtourisme.com. (n.d.) *Razgrom bandy Kaygorodova* [The defeat of the gang of Kaigorodov]. [Online] Available from: <http://www.vtourisme.com/altaj/istoriya/478-razgrom-bandy-kajgorodova>. (Accessed: 08th March 2017).
8. Territorial Archive of the Federal Penitentiary Service in Kemerovo Oblast. Fund 6. Archive 30. *Prikaz nachal'nika upravleniya Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD № 279 ot 19.12.1950 g.* [The order of the head of the administration of the South Kuzbass Correctional labour Camp of the Ministry of Internal Affairs No. 279 of December 19, 1950].

Received: 04 April 2017

УДК 902.01

М.В. Селецкий, С.В. Шнайдер, В.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, К.А. Колобова, С. Алишер кызы

ЭПИПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НАВЕСА БАДЫНОКО (ПРИЭЛЬБРУСЬЕ)

Исследование проведено при поддержке проектов РНФ № 14-50-00036 (Шнайдер С.В.), гос. задание Алтайского государственного университета проект № 33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производства древних обществ Северной Азии» (Колобова К.А., Кривошапкин А.И.), РГНФ № 15-31-01000 (Кривошапкин А.И.), грант президента РФ МД-2845.2017.6 (Колобова К.А.).

Впервые в полном объеме в научный оборот вводятся каменные комплексы навеса Бадыноко (Приэльбрусье, Кабардино-Балкарская Республика, Российская Федерация). В результате проведения подробного технико-типологического анализа в рамках атрибутивного подхода в исследуемых ансамблях были выявлены сырьевые предпочтения древних обитателей навеса, основные технико-типологические характеристики нуклеусов, сколов и орудий. Основываясь на полученных результатах, а также на имеющихся результатах абсолютного датирования, комплексы стоянки Бадыноко были сгруппированы в три культурно-хронологических этапа, характеризующих преемственное развитие каменной индустрии от раннего до позднего эпипалеолита.

Ключевые слова: Кавказ; эпипалеолит; технико-типологический анализ; каменная индустрия; геометрический микролит.

Активное изучение финальноплейстоценовых раннеголоценовых комплексов Кавказа проводилось в 1950–1970-е гг., в этот период была обнаружена большая часть известных памятников и разработаны основные схемы их культурно-хронологического развития [1. С. 13–16; 2. С. 93–105; 3. С. 125–130]. К настоящему моменту актуализировалась проблема пересмотра существующих построений, поскольку на современном этапе исследований получена новая информация по верхнему палеолиту и неолиту региона, которая входит в противоречие с ними [4. С. 43–46; 5. С. 79–80; 6. С. 77; 7. С. 65].

Значительная часть новых данных была получена в результате изучения археологических памятников, обнаруженных на территории Кавказа в недавнее время [6. С. 77; 8. С. 2–3; 9. С. 13–15; 10. С. 47]. Так, в 2004 г. в процессе разведочного исследования долины р. Баксан был открыт навес Бадыноко отрядом под руководством В.Н. Зенина [11. С. 71–72]. Навес Бадыноко (абс. в. – 830 м; отн. в. – 30 м) расположен в 50 км на запад от г. Нальчик (рис. 1, 1), на левом берегу р. Баксан [12. С. 5–7].

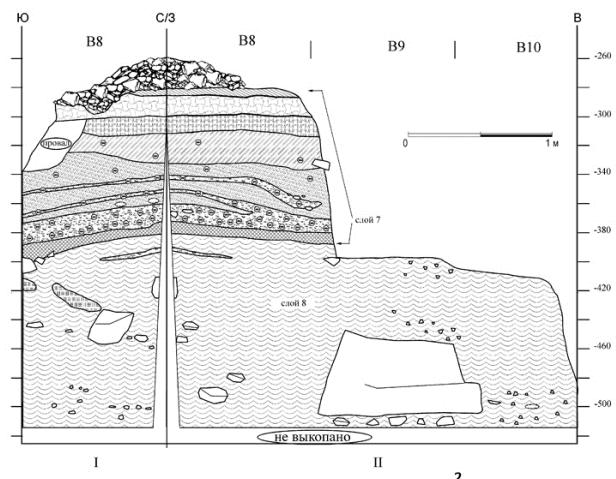
Целью настоящей работы является введение в научный оборот эпипалеолитических комплексов навеса Бадыноко в полном объеме. Ранее эти материалы подвергались лишь предварительному технико-типологическому анализу [11. С. 73–75; 13. С. 24–26].

Раскопки на памятнике проводились в 2004 г. Исследователями было выделено 8 литологических слоев (рис. 1, 2), из которых в состоянии *in situ* представлены только слои 7 и 8, раскопанные на площади 5 м² [11. С. 73–74; 13. С. 24–26].

Слой 7 представляет собой темно-серые супеси, пылеватые с золисто-угольными прослойками. В слое в большом количестве встречался уголь, раковины *Helix*. Археологический материал, представленный в этом слое, залегал согласно пяти горизонтам (7.1–7.5). Истинная мощность слоя составляет 1,1 м. Для слоя 7 имеется несколько определений абсолютного возраста, укладывающихся в диапазон от 17 до 8,5 тыс. л. н. (табл. 1). В соответствии с терминологией, приведенной в работах Л.В. Голованой и В.Б. Дороничева, данные хронологические рамки относятся к периоду эпипалеолита – началу неолита [5. С. 60; 14. Р. 189–191].

1

2

Рис. 1. Расположение (1) и стратиграфия (2) памятника Бадыноко

Таблица 1

Определения абсолютного возраста образцов из эпипалеолитических слоев навеса Бадыноко

Стратиграфический горизонт	Дата BP (лабораторная) [21. С. 55]	Калиброванная дата (калибровка была сделана по базе INTCAL13 [22. Р. 1870–1886] и OxCal версия 4.2)
7-й слой 2-й горизонт (средняя часть)	7715±95 л. н. (COAH-5895)	8501±83
7-й слой 4-й горизонт (средняя часть)	12635±150 л. н. (COAH-5896)	14965±304
7-й слой 5-й горизонт (основание)	13990±340 л. н. (COAH-5897)	16978±477

Слой 8 представляет собой желтовато-серые супеси с включениями дресвы, щебня и крупных глыб. В данном слое отсутствуют раковины *Helix*.

Археологический материал данного слоя малочислен и по основным технико-типологическим каменного инвентаря относится к периоду эпипалеолита. Истинная мощность слоя составляет 1,3 м.

Каменный инвентарь. При анализе первичного расщепления в категорию отходов производства были отнесены обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 20 мм в максимальном измерении. Пластиначатые сколы дифференцируются по ширине. Пластинаами являются сколы шириной более 12 мм, пластинками – до 12 мм включительно, микропластинаами – до 6 мм включительно [15. Р. 40–42].

Описание нуклеусов в работе приведено в соответствии с классификацией В.Н. Гладилина [16. С. 17].

При описании категории скребков применялась классификация, использовавшаяся в работах С.В. Шнайдер [17. С. 10–13] и А.Ю. Федорченко [18. С. 19]:

– микротесак – скребок, размер которого в наибольшем измерении не превышает 20 мм;

– концевой скребок с широким выпуклым лезвием – скребок, у которого угол дуги окружности рабочего края составляет от 120 до 180°;

– концевой скребок с узким выпуклым лезвием – скребок, у которого угол дуги окружности рабочего края составляет от 60 до 90°;

– концевой скребок с прямым лезвием – скребок, у которого рабочий край располагается под прямым углом к продольным краям.

Каменная коллекция слоя 8. Коллекция каменных артефактов насчитывает 120 экз., из них отходы производства составляют 47 экз. (39%; табл. 2; рис. 2). Петрографический анализ каменной коллекции позволяет говорить о том, что в первичном расщеплении большее предпочтение отдавалось обсидиановому сырью.

Таблица 2

Структура каменного инвентаря культурных слоев памятника Бадыноко

Категория первичного расщепления	Слой 8		Слой 7.5		Слой 7.4		Слой 7.3		Слой 7.2		Слой 7.1	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Нуклевидные изделия	1	1	1	1	13	2	11	3	3	3	1	2
Технические сколы	3	4	12	6	35	6	12	3	2	2	3	7
Отщепы	31	42	62	31	104	18	37	8	17	20	14	31
Пластины	5	7	10	5	16	3	9	2	–	–	–	–
Пластинки	25	34	94	45	277	48	228	52	40	47	21	47
Микропластины	8	11	24	12	132	23	139	32	24	28	6	13
Всего без учета отходов производства*	73	61	203	60	577	67	436	57	86	42	45	33
Отходы производства (обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 20 мм)**	47	39	135	40	278	33	325	43	120	58	93	67
Всего	120	100	338	100	855	100	761	100	206	100	138	100

* Процент от суммы артефактов горизонта без учетов отходов производства.

** Процент от общей суммы артефактов горизонта.

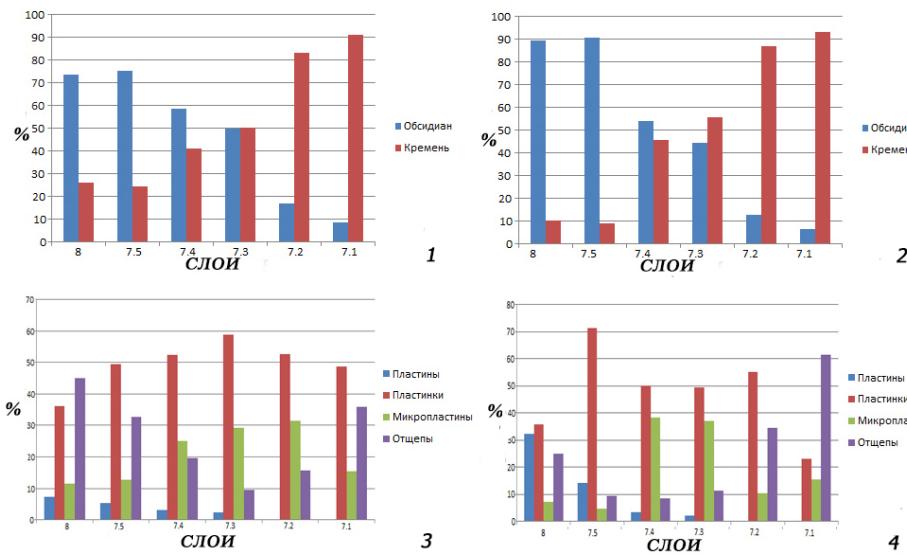

Рис. 2. 1 – распределение комплексов навеса Бадыноко в зависимости от типов утилизируемого каменного сырья;

2 – распределение комплексов навеса Бадыноко в зависимости от типов сырья, использовавшихся для производства орудий;

3 – распределение комплексов навеса Бадыноко в зависимости от заготовок различного типа, использовавшихся для производства орудий;

4 – распределение комплексов навеса Бадыноко в зависимости от содержащихся в них заготовок различного типа

В комплексе выделен один цилиндрический нуклеус для пластинок (табл. 3; рис. 3, 2). Изделие изготовлено из обсидиана, в сечении имеет овальную форму. Многогранная ударная площадка организована мел-

кими сколами, с неё под углом 80° на широкий объёмный фронт расщепления реализовывались снятия в параллельном направлении. Дуга скальвания подправлялась при помощи абразивной обработки.

Таблица 3

Типологический состав нуклеусов в культурных слоях памятника Бадыноко

Типы нуклеусов	Слой 8	Слой 7.5	Слой 7.4	Слой 7.3	Слой 7.2	Слой 7.1
<i>Объемные нуклеусы</i>	1	1	13	11	2	1
Цилиндрические нуклеусы для пластинчатых заготовок	1	1	4	10	1	1
Конические нуклеусы для пластинчатых заготовок	–	–	6	–	–	–
Подцилиндрические нуклеусы для пластинчатых заготовок	–	–	1	1	–	–
Подконусовидные нуклеусы для пластинчатых заготовок	–	–	1	–	1	–
Фрагменты нуклеусов для пластинчатых заготовок	–	–	1	–	–	–
<i>Торцовые нуклеусы</i>	–	–	–	–	1	–
Торцовые нуклеусы для пластинчатых заготовок	–	–	–	–	1	–
Всего	1	1	13	11	3	1

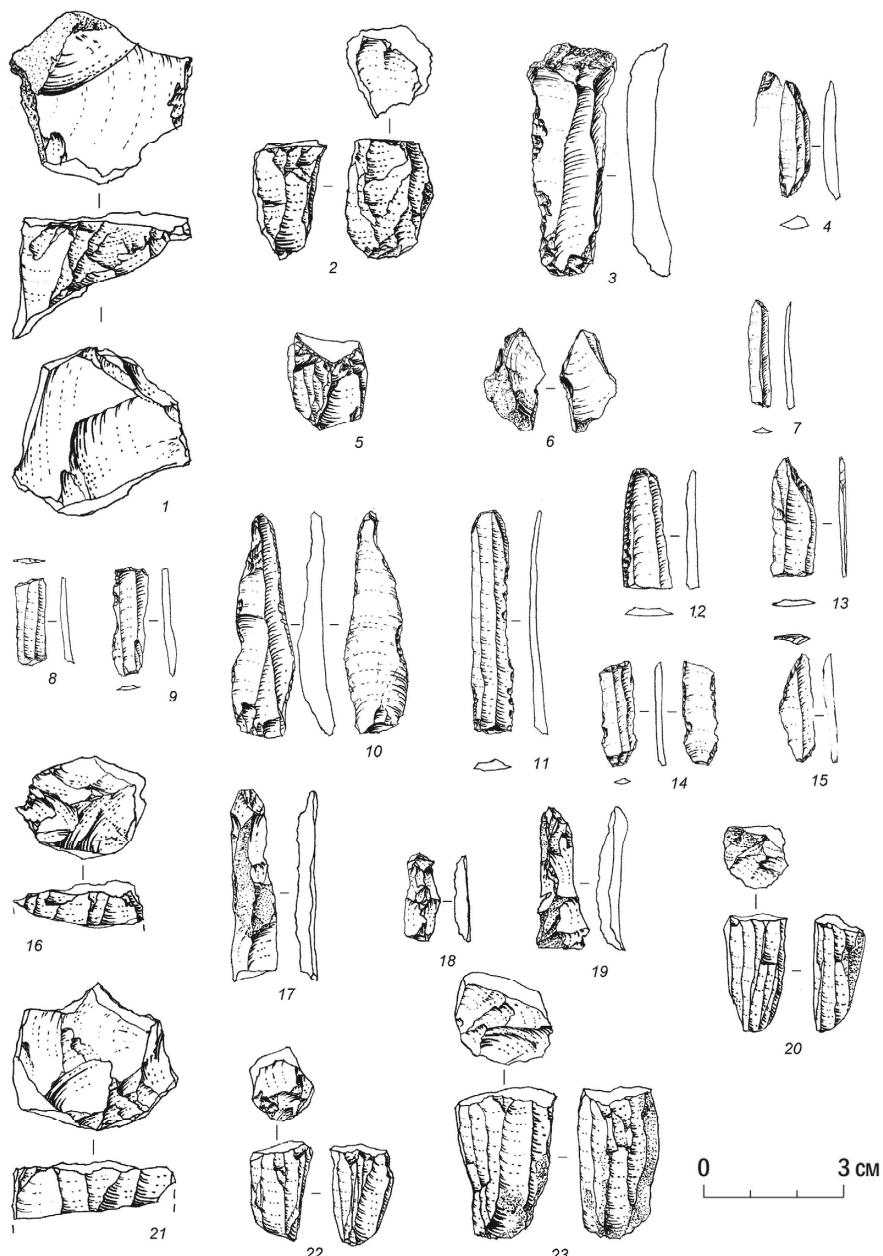

Рис. 3. Каменные изделия сл. 8–7.4 памятника Бадыноко: 1 – «таблетка» (сл. 8); 2 – цилиндрический нуклеус для пластинок (сл. 8); 3 – выемчатое изделие (сл. 8); 4 – острье (сл. 8); 5 – скол подправки фронта расщепления (сл. 8); 6 – угловой резец (сл. 8); 7 – пластинка с усеченным краем (сл. 8); 8, 9, 11, 12, 14 – пластинки с усеченным краем (сл. 7.5); 10 – выемчатое изделие (сл. 7.5); 13, 15 – острья (сл. 7.5); 16, 21 – «таблетки» (сл. 7.4); 17–19 – реберчатые сколы (сл. 7.4); 20, 22, 23 – цилиндрические нуклеусы для пластинок и микропластин (сл. 7.4)

Утилизация ядрища была прекращена на крайней стадии. Длина изделия составляет 28 мм, ширина – 18, ширина – 16 мм.

Технических сколов насчитывается 3 экз., среди них представлены скол подправки фронта расщепления (рис. 3, 5), «таблетка» (рис. 3, 1) и один полуреберчатый скол, которые были сняты с объемных ядрищ (табл. 4).

Индустринг сколов представлена отщепами – 31 экз. (42%), пластинами – 5 (7%), пластинками – 25 (34%) и микропластинами – 8 экз. (11%; табл. 2).

Анализ сколов показал, что для отщепов характерно преобладание угловатой формы, продольной огранки дорсальной поверхности, многогранного поперечного

сечения и линейных ударных площадок; в большинстве случаев ударная площадка подрабатывалась при помощи прямой редукции мелкими сколами.

Пластинчатые сколы, представленные в коллекции, характеризуются прямоугольной и треугольной в плане формой, прямым и изогнутым латеральными сечениями. Сколы демонстрируют признаки одностороннего продольного расщепления вдоль одного или двух направляющих ребер. Сколы, сохранившие проксимальную часть, имеют гладкие и линейные ударные площадки, для которых характерна прямая редукция при помощи мелких сколов.

Орудийный набор насчитывает 30 экз. (табл. 5).

Таблица 4

Типологический состав технических сколов в культурных слоях памятника Бадыноко

Типы технических сколов	Слой 8	Слой 7.5	Слой 7.4	Слой 7.3	Слой 7.2	Слой 7.1
Сколы подправки фронта расщепления	1	3	4	5	–	–
Краевые сколы	–	6	14	3	–	2
Сколы подправки ударной площадки и фронта расщепления	–	2	–	–	–	–
Сколы подправки дуги скальвания	–	–	6	1	–	–
Реберчатые сколы	–	–	3	2	1	1
Полуреберчатые сколы	1	1	4	–	–	–
Вторичные реберчатые сколы	–	–	1	–	–	–
Вторичные полуреберчатые сколы	–	–	1	–	–	–
«Таблетки»	1	–	2	–	1	–
«Стульчик»	–	–	–	1	–	–
Всего	3	12	35	12	2	3

Таблица 5

Типологический состав орудий в культурных слоях памятника Бадыноко

Типы орудий	Слой 8	Слой 7.5	Слой 7.4	Слой 7.3	Слой 7.2	Слой 7.1
<i>Геометрические микролиты:</i>						
прямоугольники	–	–	4	17	5	2
треугольники	–	–	1	1	–	–
сегменты	–	–	2	1	–	2
трапеции	–	–	2	13	4	–
Пластинки и микропластины с усечённым краем	1	6	16	24	4	2
<i>Скребки:</i>						
концевые с выпуклым лезвием	1	–	1	6	10	6
концевой с узким лезвием	–	–	–	3	6	–
концевой с прямым лезвием	–	–	–	–	–	–
концевой с широким лезвием	–	–	–	3	–	–
боковые	–	–	–	–	2	–
двойной	–	–	–	–	2	–
Пластинчатые сколы с вентральной ретушью	–	2	11	6	2	1
<i>Резцы:</i>						
угловой резец	1	–	2	2	–	1
поперечный резец	1	–	2	1	–	1
Острия	2	2	–	1	–	–
Перфораторы	1	1	2	–	1	–
Пластинки с ретушью притупления	–	–	–	1	–	–
Микропластины с ретушью притупления	–	–	1	3	–	–
Выемчатые орудия	2	2	7	8	4	1
Долотовидные орудия	1	–	–	–	–	–
Стамески	–	–	–	–	1	1
<i>Сколы с ретушью:</i>						
отщепы с ретушью	3	2	1	2	1	–
пластинки с ретушью	3	–	1	1	1	–
пластинки с ретушью	1	–	–	7	–	–
микропластина с ретушью	–	–	–	1	–	–
технические сколы с ретушью утилизации	–	1	–	–	–	–
осколки	–	–	–	1	–	–
<i>Сколы с ретушью утилизации</i>	14	6	14	28	2	1
отщепы с ретушью утилизации	–	–	–	1	–	1
пластинки с ретушью утилизации	6	–	–	–	–	–
пластинки с ретушью утилизации	8	5	7	17	2	–
микропластины с ретушью утилизации	–	1	6	10	–	–
Технические сколы с ретушью утилизации	–	–	1	–	–	–
Всего	30	22	59	108	32	15

Пластинка с усеченным краем (рис. 3, 7) выполнена на медиальном фрагменте пластиинки с теругольным поперечным сечением и прямым латеральным профилем. Усечение поперечного края производилось при помощи крутой дорсальной сильноодифицирующей параллельной ретуши, образующей прямую рабочую поверхность. Длина изделия составляет 25 мм, ширина – 6, толщина – 1 мм.

Концевой скребок с прямым лезвием выполнен на техническом сколе подправки фронта расщепления из обсидиана. Рабочий край образован на левом продольном краю заготовки посредством нанесения дорсальной крутой постоянной сильноодифицирующей параллельной ретуши. Длина орудия составляет 18 мм, ширина – 22, толщина – 8 мм.

Угловой резец (рис. 3, 6) выполнен на медиально-проксимальном фрагменте отщепа из обсидиана. Резцовый скол снят с ударной площадки скола по центральной поверхности под углом 70° по отношению к ударной площадке изделия. Длина орудия составляет 14 мм, ширина – 23, толщина – 5 мм.

Острия (2 экз.). Одно изделие изготовлено на обсидиановой микропластине (рис. 3, 4), другое – на кремневой пластинке. Изделия обладают остроконечной формой, которая задавалась ретушью притупления, нанесившейся на дистальную часть скола со стороны центральной поверхности, образуя угол между продольными краями 40–45°. Длина острия из обсидиана составляет 24 мм, ширина – 5, толщина – 2 мм; из кремня – 26 мм, ширина – 9, толщина – 3 мм.

Перфоратор оформлен на микропластине из обсидиана с треугольным поперечным сечением и изогнутым в дистальной части профилем. Дорсальная постоянная притупляющая ретушь располагается в дистальной части, образуя угол в 40° между продольными краями. Длина орудия составляет 27 мм, ширина – 6, толщина – 3 мм.

Выемчатые изделия (2 экз.). Первый экземпляр изготовлен на целом отщепе из кремня. Выемка оформлена отвесной параллельной дорсальной ретушью на медиальной части. В качестве заготовки второго экземпляра была использована пластина из обсидиана (рис. 3, 3). Выемка, оформленная параллельной вентральной ретушью, расположена на дистальной части орудия. Длина орудия из кремня составляет 19 мм, длина орудия из обсидиана – 27 мм, при том, что ширина и толщина изделий равны (16 и 4 мм соответственно).

В качестве заготовки *долотовидного изделия* выступил фрагмент обсидианового отщепа прямоугольной формы, на дистальной части которого располагается вогнутое лезвие со следами двухсторонних снятий. Угол лезвия составляет 65°; длина орудия – 34 мм, ширина – 37, толщина – 10 мм.

Сколы с ретушью (7 экз.) представлены отщепами, пластинами и пластинкой с ретушью.

Также в индустрии представлены *пластины* (6 экз.) и *пластинки* (8 экз.) с ретушью утилизации.

Каменная коллекция слоя 7.5. Коллекция каменных артефактов насчитывает 338 экз., из них отходы производства составляют 135 экз. (40%; табл. 2). Петрографический анализ сколов демонстрирует, что

большее предпочтение при первичном расщеплении отдавалось обсидиановому сырью (см. рис. 2, 1).

В слое 7.5 представлен *цилиндрический нуклеус для пластин* (табл. 3). Изделие изготовлено из желвака кремня, в сечении имеет многогранную форму. Многогранная ударная площадка располагается под углом 70° по отношению к фронту расщепления, который несет следы параллельных снятий пластин. В процессе расщепления дуга скальвания подрабатывалась мелкими сколами. Нуклеус имеет латеральный скол, нанесенный со стороны ударной площадки. Изделие находится на ранней стадии утилизации, его длина составляет 52 мм, ширина – 22, толщина – 29 мм.

Технических сколов насчитываются 12 экз., среди них представлены сколы подправки фронта расщепления, краевые сколы, сколы подправки ударной площадки и фронта расщепления, полуреберчатый скол, которые, вероятнее всего, производились с объемных ядрищ (табл. 4).

Индустрия сколов представлена отщепами – 62 экз. (31%), пластинами – 10 (5%), пластинками – 94 (45%) и микропластинами – 24 экз. (12%; табл. 2).

Отщепы, представленные в коллекции сл. 7.5, в большинстве случаев характеризуются угловатой формой в плане, продольной огранкой дорсальной поверхности, треугольным и многогранным поперечными сечениями. Среди ударных площадок отщепов преобладают гладкие ударные площадки со следами прямой редукции мелкими сколами.

Среди пластинчатых сколов преобладают изделия прямоугольной в плане формы с продольной огранкой дорсальной поверхности и трапециевидным поперечным сечением. В категории пластин доминируют сколы с изогнутым латеральным профилем и гладкими ударными площадками со следами редукции. Пластиинки и микропластины характеризуются прямым латеральным профилем и точечными и линейными ударными площадками со следами прямой редукции.

Орудийный набор насчитывает 22 экз. (табл. 5).

Пластиинки с усеченным краем (6 экз.) представлены на фрагментах обсидиановых (5 экз.) и кремневого сколов прямоугольной (4 экз.) и трапециевидной (2 экз.) форм с прямым латеральным профилем и трапециевидным поперечным сечением (рис. 3, 8, 9, 11, 12, 14). Усечение поперечного края производилось при помощи крутой дорсальной (5 экз.) или вентральной (1 экз.) сильноодифицирующей параллельной ретуши, образующей прямую (4 экз.), вогнутую (1 экз.) или выпуклую (1 экз.) рабочую поверхность. Кроме того, левый продольный край двух изделий оформлен в первом случае стелющейся вентральной ретушью; во втором случае – дорсальной ретушью притупления. Длина орудий варьируется от 20 до 49 мм, ширина – от 6 до 10, толщина – 2–3 мм.

Острия (2 экз.) изготовлены на пластиинках из обсидиана и кремня (рис. 3, 13, 15). Изделие из обсидиана оформлено по правому продольному краю ретушью притупления, по левому – фиксируются негативы стелющейся вентральной среднемодифицирующей параллельной ретуши. Таким образом, рабочий участок орудия оформлен под углом 45°. Изделие из кремня несет следы ретуши притупления по левому

продольному краю, которая образует угол в 45° между продольными краями. Длина орудия из обсидиана составляет 24 мм, ширина – 7, толщина – 2 мм. Длина орудия из кремня составляет 26 мм, ширина – 9, толщина – 2 мм.

Перфоратор оформлен в медиально-дистальной части обсидиановой пластинки с трапециевидным поперечным сечением и изогнутым в дистальной части латеральным профилем. Центральная постоянная ретушь была нанесена в проксимальной части изделия, ее угол составляет 45° . Длина изделия – 24 мм, ширина – 9, толщина – 2 мм.

Выемчатые изделия (2 экз.) (рис. 3, 10) выполнены на пластине и фрагменте пластинки из обсидиана. Выемки оформлены в медиальной части орудий. Длина орудия на пластинке составляет 23 мм, ширина – 8, толщина – 2 мм. Длина орудия на пластине – 49, ширина – 15, толщина – 5 мм.

Пластины с центральной ретушью (2 экз.) представлены медиально-дистальными фрагментами обсидиановых сколов угловатой формы с изогнутым в дистальной части профилем, треугольным и трапециевидным поперечными сечениями. Правый продольный край изделий оформлен отвесной центральной сильно модифицирующей параллельной ретушью. Длина первого экземпляра составляет 51 мм, ширина – 19, толщина – 6 мм. Длина второго экземпляра – 39 мм, ширина – 15, толщина – 7 мм.

В качестве заготовок для производства сколов с ретушью (3 экз.) использовались отщепы и технический скол.

Также в коллекции представлены *пластиинки* (5 экз.) и *микропластина* с ретушью утилизации.

Каменная коллекция слоя 7.4. Коллекция каменных артефактов насчитывает 855 экз., 278 экз. из которых – отходы производства (33%; табл. 2). Петро-графический анализ каменной коллекции слоя 7.4 показывает, что доля кремневого сырья, по сравнению с нижними уровнями (слой 8 и 7.5), увеличивается (рис. 2, 1).

В коллекции представлено 13 типологически выраженных ядиц (табл. 3).

Цилиндрические нуклеусы для пластинок и микропластин (4 экз.; рис. 3, 20, 22, 23). В качестве заготовок для нуклеусов использовались кремневые (3 экз.) и обсидиановые (1 экз.) желваки. Нуклеусы в поперечном сечении имеют овальную (3 экз.), реже – плосковыпуклую (1 экз.) форму. Ударные площадки оформлены серией мелких сколов и располагаются под углом 70° (3 экз.) или под прямым углом (1 экз.) по отношению к фронту расщепления, который распространяется на $\frac{3}{4}$ части периметра изделия. Подработка дуги скальвания осуществлялась при помощи абразива. Три нуклеуса находятся на крайней стадии утилизации, один – на средней стадии. Длина нуклеусов, представленных в коллекции, варьирует от 21 до 32 мм, ширина – от 8 до 24, толщина – от 10 до 17 мм.

Конические нуклеусы для пластинок и микропластин (6 экз.). В качестве заготовок для нуклеусов использовались кремневые (4 экз.) и обсидиановые (2 экз.) желваки. Нуклеусы в поперечном сечении имеют овальную форму (4 экз.), встречается также

плосковыпуклая (2 экз.) форма. Многогранные ударные площадки располагаются под прямым (3 экз.) либо (3 экз.) углом 70° по отношению к фронту расщепления. Рабочая поверхность занимает $\frac{3}{4}$ периметра изделия. Дуга скальвания в процессе расщепления подрабатывалась при помощи абразивной обработки. Нуклеусы находятся на крайней стадии утилизации. Длина нуклеусов варьирует от 20 до 36 мм, ширина – от 10 до 21, толщина – от 8 до 21 мм.

Подцилиндрический нуклеус для микропластин оформлен на обсидиановом желваке. Многогранная ударная площадка располагается под прямым углом по отношению к фронту расщепления, который распространяется на $\frac{3}{4}$ части периметра изделия. Дуга скальвания подрабатывалась при помощи мелких сколов. Нуклеус находится на крайней стадии утилизации, его длина составляет 32 мм, ширина – 17, толщина – 14 мм.

Подконусовидный нуклеус для пластинок и микропластин изготовлен на обсидиановом желваке. Нуклеус в поперечном сечении имеет плосковыпуклую форму. Ударная площадка оформлена серией мелких сколов и располагается под сильно склоненным углом по отношению к фронту расщепления. Рабочая поверхность распространяется на $\frac{3}{4}$ части периметра изделия. Дуга скальвания несет следы абразивной обработки. Нуклеус находится на крайней стадии утилизации. Длина изделия составляет 30 мм, ширина – 23, толщина – 10 мм.

Фрагмент объёмного нуклеуса для пластин и микропластин. Ядро оформлено на кремневом желваке. Ударная площадка располагается под углом 70° по отношению к фронту расщепления, дуга скальвания несет следы абразивной подработки. Длина изделия составляет 21 мм, ширина – 27, толщина – 12 мм.

Технические сколы представлены 35 экз. (табл. 4), среди них выделяются сколы подправки фронта, краевые сколы, сколы подправки дуги скальвания, реберчатые сколы (рис. 3, 17–19), полуреберчатые сколы, вторичный реберчатый скол, вторичный полуреберчатый скол, «таблетки» (рис. 3, 16, 21), которые произведены с объемных ядиц.

Индустрия сколов представлена отщепами – 104 экз. (18%), пластинами – 16 (3%), пластинками – 277 (48%) и микропластинами – 132 экз. (23%; табл. 2).

Среди отщепов преобладают изделия угловатой в плане формы с продольной огранкой дорсальной поверхности, треугольным и многогранным поперечным сечением. Большая часть ударных площадок сколов имеет линейные или гладкие ударные площадки со следами абразивной подработки.

Пластины характеризуются прямоугольной в плане формой, продольной огранкой дорсальной поверхности, трапециевидным поперечным сечением, изогнутым латеральным профилем. Изделия, сохранившие проксимальную часть, имеют линейные ударные площадки со следами редукции.

Для категорий пластинок и микропластин характерна высокая степень стандартизации. Практически все изделия обладают прямоугольной в плане формой, прямым латеральным профилем. Морфология сколов указывает на то, что их снятия реализовывались посред-

ством краевого скальвания с одноплощадочных ядрищ вдоль одного или двух направляющих ребер, большая часть сколов несет следы абразивной подработки.

Орудийная коллекция насчитывает 59 экз. (табл. 5).

В коллекции представлены *геометрические микролиты* (4 экз.) – трапеции (2 экз.; рис. 4, 1, 2), прямоугольник (рис. 4, 3) и сегмент (рис. 4, 4). Прямоуголь-

ник и сегмент изготовлены на пластинках, трапеции – на микропластинах. Важно отметить, что в основном при их изготовлении использовались кремневые заготовки. Все изделия оформлены посредством нанесения ретуши притупления. Длина микролитов составляет от 16 до 20 мм, ширина – от 5 до 7, толщина – от 0,5 до 1,5 мм.

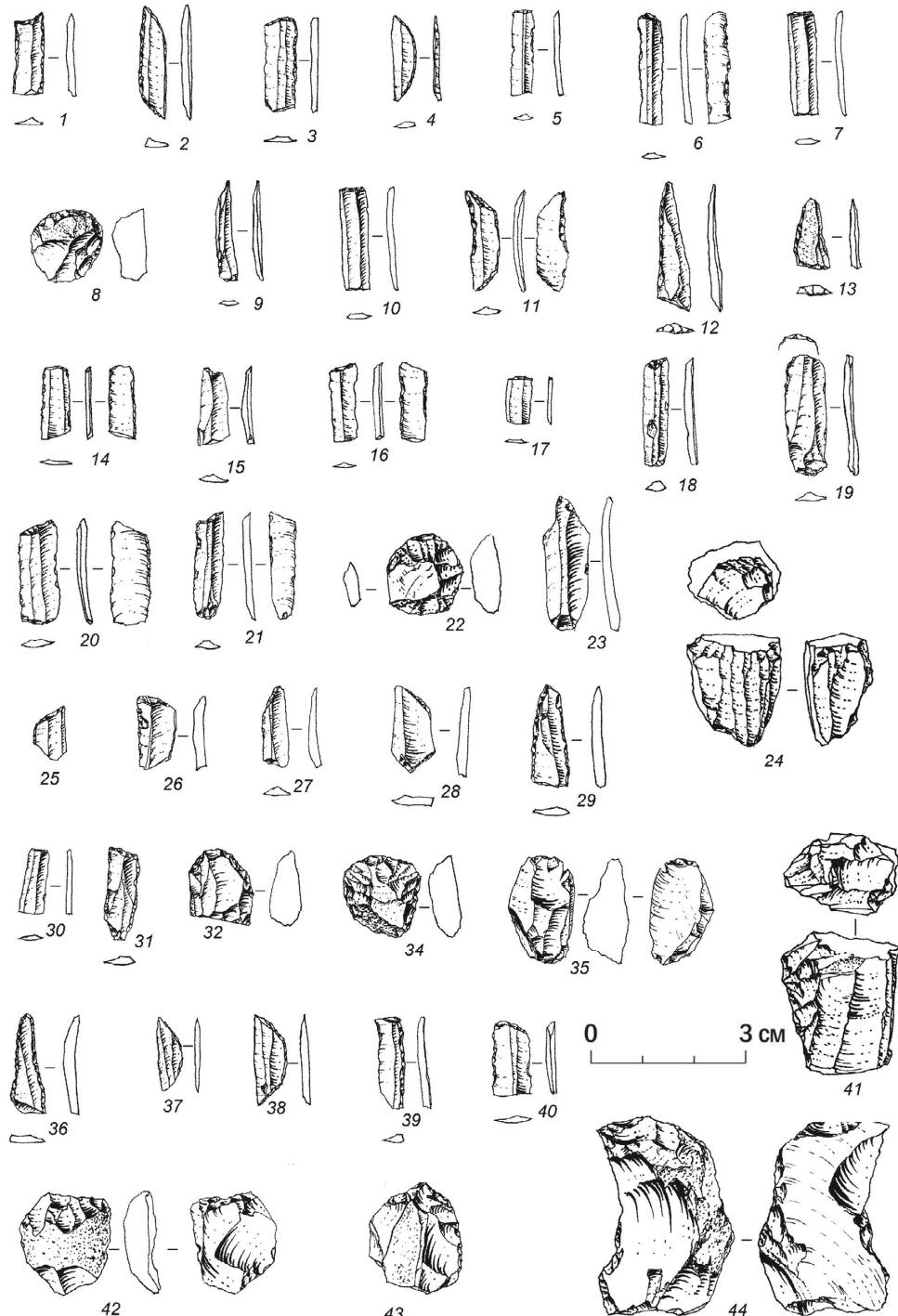

Рис. 4. Каменные изделия сл. 7.4–7.1 памятника Бадыноко: 1, 2 – трапеции (сл. 7.4); 3 – прямоугольник (сл. 7.4); 4 – сегмент (сл. 7.4); 5–7 – пластинки и микропластины с усеченным краем (сл. 7.4); 8 – концевой скребок с выпуклым краем (сл. 7.4); 9 – перфоратор (сл. 7.4); 10, 14–19, 21 – пластинки и микропластины с усеченным краем (сл. 7.3); 11 – сегмент (сл. 7.3); 12, 13 – треугольники (сл. 7.3); 20 – трапеция (сл. 7.3); 22 – концевой скребок с выпуклым краем (сл. 7.3); 23 – острие (сл. 7.3); 24 – подцилиндрический нуклеус для микропластин (сл. 7.2); 25–28 трапеции (сл. 7.2); 29–31 пластинки и микропластины с усеченным краем (сл. 7.2); 32–35 концевые скребки (сл. 7.2); 36 – перфоратор (сл. 7.2); 37, 38 – сегменты (сл. 7.1); 39, 40 – пластинки с усеченным краем (сл. 7.1); 41 – цилиндрический нуклеус для пластинок и микропластин (сл. 7.1); 42, 43 – концевые скребки с выпуклыми лезвиями (сл. 7.1); 44 – стамеска (сл. 7.1).

Основным типом орудий в данном культурном слое являются *пластинки* (4 экз.) и *микропластины* (12 экз.) с *усеченным краем*, при их изготовлении чаще использовались заготовки из обсидиана (рис. 4, 5–7). Для данного типа орудий использовались сколы, обладающие следующими морфологическими характеристиками: односторонней огранкой дорсальной поверхности, трапециевидным поперечным сечением, прямым латеральным профилем. Усечение сколам задавалось посредством нанесения на поперечный край заготовки крутой дорсальной сильномодифицирующей параллельной ретушью. Продольный край изделия, который имеет наибольшую длину, практически во всех случаях имеет следы утилизационной ретуши. Углы между усеченной стороной и продольным краем у всех изделий практически одинаковы и составляют от 75 до 80°. Длина изделий варьирует от 14 до 24 мм, ширина – от 4 до 8 мм.

Концевой скребок с выпуклым лезвием выполнен на кремневом отщепе с прямым латеральным профилем и многогранным поперечным сечением (рис. 4, 8). Широкий рабочий край оформлен крутой дорсальной сильномодифицирующей параллельной ретушью на дистальной части, образуя выпуклую рабочую поверхность с зубчатым контуром. Длина и ширина орудия составляют 14 мм, толщина – 7 мм.

Пластина с центральной ретушью представлена целым сколом из обсидиана сегментовидной формы с изогнутым в медиальной части профилем и треугольным поперечным сечением. Продольный край оформлен отвесной центральной среднемодифицирующей параллельной ретушью. Длина изделия составляет 41 мм, ширина – 14, толщина – 4 мм.

Пластинки с центральной ретушью (8 экз.) изготавливались в равной степени на фрагментах кремневых и обсидиановых сколов. Изделия обладают продольной огранкой дорсальной поверхности, трапециевидным поперечным сечением и прямым латеральным профилем. На один из продольных краев заготовок наносилась отвесная центральная сильномодифицирующая ретушь, на двух изделиях по второму краю фиксируются следы утилизационной ретуши. Длина изделий варьирует от 9 до 20 мм, ширина – от 6 до 12, толщина – от 2 до 4 мм.

Микропластины с центральной ретушью (2 экз.) изготавливались на фрагментах кремневых сколов с продольной огранкой дорсальной поверхности, изогнутым в медиальной части латеральным профилем и треугольным поперечным сечением. Продольные края изделий оформлены отвесной центральной среднемодифицирующей параллельной ретушью. Длина первого экземпляра составляет 16 мм, ширина – 4 мм. Длина второго экземпляра – 18 мм, ширина – 6 мм. Изделия имеют одинаковую толщину – 2 мм.

Угловые резцы (2 экз.) выполнены на фрагментах пластинок из обсидиана с изогнутым в медиальной части профилем, трапециевидной и треугольной формой в поперечных сечениях. Резцовые сколы наносились как с дорсальной, так и с центральной поверхности, образуя угол 70°. Длина первого орудия составляет 26 мм, ширина – 9, толщина – 2 мм. Длина второго – 20 мм, ширина – 12, толщина – 2 мм.

Перфораторы (2 экз.) представлены на фрагментах отщепов из кремня и обсидиана (рис. 4, 9) остроконечной формы с изогнутым в дистальной части профилем, трапециевидным и треугольным сечениями. Отвесная или полукруглая сильномодифицирующая параллельная ретушь наносилась на дистальную часть изделия со стороны левого продольного края, образуя вогнутую зубчатую рабочую поверхность и шип с углом в 50–55°. Длина первого изделия составляет 26 мм, толщина – 3 мм. Длина второго изделия – 25 мм, толщина – 5 мм. Ширина изделий имеет одинаковые значения – 10 мм.

Микропластина с ретушью притупления оформлена на медиально-дистальном фрагменте микропластины из кремня с продольной огранкой дорсальной поверхности, прямым латеральным профилем и трапециевидным поперечным сечением. Левый продольный край оформлен ретушью притупления, длина орудия составляет 17 мм, ширина – 6, толщина – 2 мм.

Выемчатые изделия (7 экз.). Большинство орудий (6 экз.) изготовлено на целых (2 экз.) и фрагментированных (4 экз.) пластинках из обсидиана (3 экз.) и кремня (3 экз.). Одно изделие оформлено на обсидиановом отщепе. Выемки оформлялись преимущественно стелющейся и отвесной дорсальной сильномодифицирующей параллельной ретушью. Длина изделий варьирует от 16 до 33 мм, ширина – от 7 до 26, толщина – от 1 до 9 мм.

В качестве заготовок для сколов с ретушью выступили пластина и отщеп.

Также в коллекции представлены сколы с ретушью утилизации (14 экз.): пластинки (7 экз.), микропластины (6 экз.) и технический скол.

Каменная коллекция слоя 7.3. Коллекция каменных артефактов насчитывает 761 экз., 325 экз. из которых – отходы производства (43%; табл. 2). Петро-графический анализ коллекции показал, что в данном культурном слое в равной степени представлены кремневые и обсидиановые изделия (рис. 2, 1).

В коллекции представлено 11 морфологически выраженных ядрищ: 10 цилиндрических нуклеусов и подцилиндрический нуклеус (табл. 3).

Цилиндрические нуклеусы для пластинок и микропластин (10 экз.). В качестве заготовок нуклеусов использовались желваки из кремня (8 экз.) и обсидиана (2 экз.). Нуклеусы имеют прямоугольную в плане и овальную в поперечном сечении форму. Ударные площадки оформлены мелкими сколами, которые наносились со стороны фронта расщепления. Практически все ударные площадки располагаются под прямым углом по отношению к рабочей поверхности, которая распространяется на $\frac{3}{4}$ части периметра изделия. У нуклеусов дуга скальвания подрабатывалась при помощи абразива. Все нуклеусы находятся на крайней стадии утилизации. Длина изделий варьируется от 21 до 34 мм, ширина – от 10 до 25, толщина – от 7 до 12 мм.

Подцилиндрический нуклеус для пластинок и микропластин. В качестве заготовки для нуклеуса выступил желвак из обсидиана. Нуклеус имеет в плане прямоугольную форму и в поперечном сечении – плоско-выпуклую. Ударная площадка оформлена мелкими

сколами под слабоскошенным углом. Объёмная рабочая поверхность занимает $\frac{1}{2}$ части периметра изделия. Дуга скальвания несет следы абразивной подработки. Нуклеус находится на крайней стадии утилизации. Длина нуклеуса составляет 24 мм, ширина – 19, толщина – 10 мм.

Технических сколов насчитывается 12 экз., среди них представлены сколы подправки фронта, краевые и реберчатые сколы, скол подправки дуги скальвания, скол подправки ударной площадки, «стульчик», которые произведены с объёмных ядрищ (табл. 4).

Индустринг сколов представлена отщепами – 37 экз. (8%), пластинами – 9 (2%), пластинками – 228 (52%) и микропластинами – 139 экз. (32%; табл. 2).

Для отщепов, представленных в сл. 7.3, характерна угловатая в плане форма, продольная огранка дорсальной поверхности, многогранное поперечное сечение и преобладание линейных и точечных площадок со следами подработки при помощи мелких сколов.

Пластины обладают прямоугольной в плане формой, продольной огранкой дорсальной поверхности, многогранным поперечным сечением. Изделия, сохранившие проксимальную часть, имеют линейные и точечные ударные площадки со следами абразивной подработки.

Пластинки и микропластины в данном комплексе стандартизированы, большая часть изделий обладает прямоугольной в плане формой, прямым латеральным профилем, трапециевидным поперечным сечением. Проксимальная зона изделий характеризуется точечными и линейными ударными площадками, которые несут следы абразивной обработки.

Орудийный набор насчитывает 108 экз. (табл. 5).

В культурном горизонте широко представлены геометрические микролиты (17 экз.) в виде трапеций (13 экз.; рис. 4, 20), отмечается наличие треугольников (2 экз.; рис. 4, 12, 13) и единичных экземпляров прямоугольника и сегмента (рис. 4, 11). При изготовлении трапеций отдавалось предпочтение обсидиановым пластинкам, в качестве заготовок прямоугольников, сегментов и треугольников чаще использовались кремневые микропластины и пластиинки. Геометрическая форма орудиям задавалась посредством нанесения ретуши притупления. Длина варьирует от 14 до 21 мм, ширина – от 4 до 8, толщина – от 1 до 1,5 мм.

Доминирующей категорией в орудийном наборе являются пластиинки и микропластины с усеченным краем (24 экз.; рис. 4, 10, 14–19, 21). Изделия практически в равной степени изготавливались на кремневых и обсидиановых заготовках. Анализ показал, что при их изготовлении отдавалось предпочтение сколам с продольной огранкой дорсальной поверхности и с трапециевидным поперечным сечением. Усечение задавалось посредством нанесения дорсальной крутой и полукрутой сильномодифицирующей ретуши на поперечный край заготовки под углом 70–90°. Важно отметить, что часто продольные края орудий несут следы утилизационной ретуши. Помимо стандартизации по морфологическим характеристикам, орудия стандартизированы по метрическим параметрам – длина изделий варьирует от 14 до 20 мм, ширина – от 5 до 8, толщина – от 1 до 2 мм.

Концевые скребки с узкими выпуклыми лезвиями (3 экз.), представленные в коллекции, изготовлены на кремневых отщепах овальной или угловатой формы с продольной огранкой дорсальной поверхности, многогранным поперечными сечениями и прямым латеральным профилем. Рабочий участок орудий оформленся дорсальной сильномодифицирующей параллельной пластинчатой ретушью. Все изделия стандартизированы по метрическим параметрам. Их длина варьируется от 17 до 21 мм, ширина – от 17 до 28, толщина всех изделий составляет 11 мм.

Концевые скребки с широкими выпуклыми лезвиями (3 экз; рис. 4, 22) изготовлены на отщепах из кремня со следующими морфологическими характеристиками: овальная или угловатая форма, продольная огранка дорсальной поверхности, многогранное поперечное сечение, прямой латеральный профиль. Лезвия изделий оформлены дорсальной сильномодифицирующей параллельной пластинчатой ретушью. Длина орудий варьируется от 14,5 до 16 мм, ширина – от 14,5 до 18, толщина – от 4,5 до 7 мм.

В коллекции отмечается наличие пластиинок и микропластиин с центральной ретушью (6 экз.). В качестве их заготовок выступали схожие по основным характеристикам медиальные фрагменты сколов, которые имеют продольную огранку дорсальной поверхности, трапециевидное поперечное сечение. На один продольный край изделий наносилась центральная стелющаяся среднемодифицирующая ретушь. Длина изделий укладывается в диапазон от 15 до 28 мм, ширина – от 5 до 9, толщина – от 1 до 2 мм.

Угловой резец на пластиинке изготовлен на медиально-дистальном фрагменте скола из обсидиана угловатой формы с закрученным профилем и трапециевидным поперечным сечением. Резцовый скол расположен со стороны центральной поверхности и направлен от ударной площадки скола на один из продольных краев орудия. Длина изделия составляет 23 мм, ширина – 10, толщина – 2 мм.

Поперечный резец на отщепе изготовлен на целом кремневом сколе угловатой формы с изогнутым в дистальной части профилем и трапециевидным поперечным сечением. Резцовый скол оформлен двумя снятыми со стороны дорсальной поверхности на дистальной части орудия от правого продольного края к левому. Длина изделия составляет 25 мм, ширина – 22, толщина – 9 мм.

Острие (рис. 4, 23) изготовлено на фрагменте неопределимого скола из кремня. Заготовка обладает изогнутым в медиальной части профилем и трапециевидным поперечным сечением. Правый и левый продольные края острия оформлены ретушью притупления, образующей угол в 50°. Длина изделия составляет 40 мм, ширина – 8, толщина – 3 мм.

Пластиинка с ретушью притупления оформлена на фрагменте кремневого скола с продольной огранкой дорсальной поверхности, прямым профилем и треугольным поперечным сечением. Продольный край изделия оформлен ретушью притупления, образующей прямой край. Длина изделия составляет 10 мм, ширина – 7, толщина – 2 мм.

Микропластины с ретушью притупления (3 экз.) представлены фрагментами сколов из кремня (2 экз.)

и обсидиана (1 экз.). Изделия обладают продольной огранкой дорсальной поверхности прямым латеральным профилем и треугольным поперечным сечением. Продольный край изделия оформлен ретушью притупления, образующей прямой край. Длина изделий варьирует от 7 до 13 мм, ширина – от 4 до 5, толщина – 1–2 мм.

Выемчатые изделия (8 экз.) изготавливались на целых и фрагментах пластинок из кремня (5 экз.) и обсидиана (2 экз.) и медиального фрагмента пластины из обсидиана. В качестве заготовок выбирались пластиинки угловатой и прямоугольной форм с прямым или изогнутым латеральным профилем, трапециевидным и треугольным сечением. Орудие из пластины имеет прямоугольную форму, прямой профиль и треугольное поперечное сечение. У изделий данной категории выемки оформлены при помощи полукруглой дорсальной сильномодифицирующей параллельной ретуши. Длина изделий варьируется от 15 до 36 мм, ширина – от 7 до 13, толщина – от 2 до 3 мм.

В качестве заготовок для сколов с ретушью (12 экз.) использовались отщепы, пластиинки, пластина, микропластина и фрагмент неопределимого скола.

Также в коллекции представлены сколы с ретушью утилизации: пластиинки (17 экз.), микропластины (10 экз.) и отщеп.

Каменная коллекция слоя 7.2. Коллекция каменных артефактов насчитывает 206 экз., 120 экз. из которых – отходы производства (58%; табл. 2). Согласно петрографическому анализу в коллекции культурного горизонта 7.2 большая часть изделий изготовлена из кремня (рис. 2, I).

В комплексе выделено 3 экз. типологически выраженных ядрищ (табл. 4).

Цилиндрический нуклеус для пластиин и пластиинок. В качестве заготовки выступил желвак из кремня. Нуклеус в поперечном сечении имеет плосковыпуклую форму. Ударная площадка оформлена мелкими сколами и располагается под слабо скосенным углом по отношению к фронту расщепления. Объёмная рабочая поверхность занимает $\frac{1}{2}$ часть периметра изделия. Дуга скальвания подрабатывалась при помощи абразивной обработки. Нуклеус в процессе расщепления был сломан на трещине в сырье. Длина изделия составляет 26 мм, ширина – 22, толщина – 14 мм.

Подконусовидный нуклеус для микропластиин (рис. 4, 24). В качестве заготовки выступил желвак из обсидиана. Нуклеус в плане имеет треугольную форму, а в поперечном сечении – треугольную форму. Ударная площадка оформлена мелкими сколами и располагается под прямым углом по отношению к фронту расщепления. Объёмная рабочая поверхность занимает $\frac{1}{2}$ периметра изделия. Дуга скальвания подрабатывалась при помощи абразивной обработки и мелкими сколами. Нуклеус находится на крайней стадии утилизации. Длина изделия составляет 20 мм, ширина – 16, толщина – 13 мм.

Торцовый нуклеус для пластиинок и микропластиин. В качестве заготовки выступил желвак из кремня. Нуклеус в поперечном сечении имеет плосковыпуклую форму. Ударная площадка оформлена мелкими сколами и располагается под слабоскошенным углом

по отношению к фронту расщепления. Рабочая поверхность занимает $\frac{1}{4}$ часть изделия периметра изделия. Дуга скальвания подрабатывалась при помощи абразивной обработки. Нуклеус находится на крайней стадии утилизации. Длина изделия составляет 25 мм, ширина – 15, толщина – 12 мм.

Технических сколов насчитывается 2 экз., среди них представлены реберчатый скол и «таблетка», которые были реализованы с объёмных ядрищ (табл. 4).

Индустря сколов представлена отщепами – 17 экз. (20%), пластиинками – 40 (47%) и микропластиинами – 24 экз. (28%; табл. 2).

Среди отщепов, представленных в сл. 7.2, доминируют изделия угловатой и овальной в плане формы с продольной и поперечной огранкой дорсальной поверхности, многогранным и треугольным поперечным сечением и гладкими ударными площадками со следами прямой редукции.

Пластиинки и микропластиинки характеризуются прямоугольной и треугольной в плане формой, прямым латеральным профилем. Их морфология указывает на то, что они были получены посредством краевого снятия с одноплощадочных ядрищ вдоль одного или двух направляющих ребер. Практически все ударные площадки несут следы абразивной подработки.

Орудийный набор насчитывает 32 экз. (табл. 5). Практически все орудия в культурном горизонте 7.2 изготовлены на кремневых заготовках.

В коллекции представлены геометрические микролиты (5 экз.) в виде трапеций (рис. 4, 25–28), единственным экземпляром представлен треугольник, форма орудиям задавалась посредством нанесения ретуши притупления. Длина изделия варьирует от 10 до 16 мм, ширина – от 6 до 9, толщина – от 1 до 2 мм.

В коллекции выделены пластиинки и микропластиинны с усеченным краем (4 экз; рис. 4, 29–31). В качестве заготовок отбирались сколы с продольной огранкой дорсальной поверхности, трапециевидным и треугольным сечениями. Усечение изделиям задавалось по поперечному краю изделия посредством нанесения кругой дорсальной сильномодифицирующей параллельной ретуши, наиболее длинный продольный край заготовки несет следы утилизационной ретуши. Угол между усеченным и продольным краем изделия варьирует от 75 до 80°. Орудия стандартизированы по метрическим параметрам, их длина составляет от 12 до 18 мм, ширина – от 5 до 7, толщина – от 0,5 до 1,5 мм.

В качестве заготовок концевых скребков с узкими прямыми лезвиями (6 экз.; рис. 4, 32–35) выступали кремневые отщепы угловатой и округлой форм с сегментовидным и многогранным поперечными сечениями. По углу дуги окружности ретуши скребки подразделяются на узкие (5 экз.) и широкие (1 экз.). Рабочий край изделий оформлялся кругой дорсальной (4 экз.), реже – вентральной (2 экз.), сильномодифицирующей параллельной ретушью. На рабочей поверхности изделий обнаруживаются следы износа. Длина изделий варьирует от 12 до 18 мм, ширина – от 12 до 17, толщина – от 6 до 8 мм.

Боковые скребки (2 экз.) выполнены на кремневых отщепах. В качестве заготовок выступали целые от-

щепы с прямым профилем, трапециевидным и треугольным поперечным сечением. Орудия имеют острые и тупые углы дуги окружности рабочей поверхности, которая оформлена крутой дорсальной сильномодифицирующей параллельной ретушью. Длина первого экземпляра составляет 15 мм, ширина – 12, толщина – 5 мм. Длина второго экземпляра – 12 мм, ширина – 14, толщина – 3 мм.

Двойные боковые скребки (2 экз.) изготовлены на кремневых отщепах угловатой формы с изогнутым в дистальной части профилем и трапециевидным поперечным сечением. Орудия имеют острые углы дуги окружности рабочих поверхностей, которые оформлены крутой дорсальной или вентральной сильномодифицирующей субпараллельной, реже – чешуйчатой ретушью. Длина первого экземпляра составляет 22 мм, ширина – 10, толщина – 4 мм. Длина второго экземпляра – 20 мм, ширина – 18, толщина – 6 мм.

Пластинки с вентральной ретушью (2 экз.) представлены на фрагментах кремневых сколов с прямым профилем, треугольным и трапециевидным поперечными сечениями. Продольные края оформлены стекающейся вентральной среднемодифицирующей параллельной или чешуйчатой ретушью. Орудия имеют одинаковую длину (20 мм) и толщину (2 мм) при разных показателях ширины (6 и 9 мм соответственно).

Перфоратор (рис. 4, 36) изготовлен на целом отщепе из кремня угловатой формы с прямым профилем и треугольным поперечным сечением. Рабочая поверхность, располагающаяся в дистальной зоне, оформлена с обоих продольных краев стекающейся дорсальной среднемодифицирующей параллельной ретушью, образующей прямые рабочие поверхности с волнистым контуром и угол шипа в 40°. Длина изделия составляет 47 мм, ширина – 25, толщина – 10 мм.

Выемчатые изделия (4 экз.) в равной степени изготавливались на основе фрагментов (2 экз.) и целых (2 экз.) пластинок из кремня (2 экз.) и обсидиана (2 экз.). Изделия с изогнутым в медиальной (3 экз.) и дистальной частях профилями, трапециевидным (2 экз.) и треугольным (2 экз.) поперечными сечениями. Выемки оформлялись при помощи крутой чередующейся или стекающейся дорсальной сильномодифицирующей параллельной ретуши. Длина изделий варьирует от 16 до 23 мм, ширина – от 7 до 10, толщина – от 2 до 3 мм.

Стамеска изготовлена на кремневом отщепе угловатой формы с прямым профилем и многогранным сечением. На дистальной части орудия расположен рабочий край, который оформлен вентральной крутой отвесной сильномодифицирующей чешуйчатой ретушью, образующей угол лезвия в 50°. Длина изделия составляет 21 мм, ширина – 13, толщина – 9 мм.

В качестве заготовок для сколов с ретушью (2 экз.) использовались пластинка и отщеп.

Кроме того, в коллекции представлены *пластинки с ретушью утилизации* (2 экз.).

Каменная коллекция слоя 7.1. Коллекция каменных артефактов слоя 7.1. представлена 139 экз., 93 экз. из которых – отходы производства (67%; табл. 2). Петрографический анализ для данного культурного горизонта показал, что большая часть изделий выполнена из кремня (рис. 2, I).

В данном слое представлен один *цилиндрический нуклеус для пластинок и микропластин*, изготовленный на кремневом желваке (табл. 3; рис. 4, 41). Нуклеус в плане имеет прямоугольную форму и в поперечном сечении – овальную. Ударная площадка оформлялась мелкими сколами под слабо скошенным углом. Объемная рабочая поверхность занимает $\frac{1}{2}$ часть изделия в ширину. Дуга скальвания подвержена абразивной обработке. Ударная площадка и фронт расщепления составляют угол 85°. Нуклеус находится на крайней стадии утилизации. Длина изделия составляет 30 мм, ширина – 18, толщина – 13 мм.

Технических сколов насчитывается 3 экз., среди них представлены краевые и реберчатый сколы, которые произведены с объемных ядрищ (табл. 4).

Индустрия сколов представлена отщепами – 14 экз. (31%), пластинками – 21 (47%) и микропластинами – 6 экз. (13%; табл. 2).

Отщепы, представленные в сл. 7.1, характеризуются овальной в плане формой, продольной огранкой поверхности, многогранным поперечным сечением и гладкой ударной площадкой.

Для пластинок и микропластин характерно преобладание прямоугольной и треугольной в плане формы, продольной огранки дорсальной поверхности, прямого латерального профиля, трапециевидного и треугольного поперечного сечения. Большая часть изделий, сохранивших проксимальную часть, имеют точечные или линейные ударные площадки со следами абразивной обработки.

Орудийный набор насчитывает 15 экз. (табл. 5).

Геометрические микролиты в комплексе представлены только сегментами (2 экз.; рис. 4, 37–38). Они изготавливались на фрагментах кремневых микропластин и пластинок с прямым профилем, треугольным и трапециевидным поперечным сечением посредством нанесения на продольный край дорсальной сильномодифицирующей параллельной ретуши притупления, которые образуют углы с основанием в 45–60°. Длина микролита на микропластине составляет 14 мм, ширина – 5, толщина – 1 мм. Длина микролита на пластинке – 17 мм, ширина – 7, толщина – 1 мм.

Пластинки с усечённым краем (2 экз; рис. 4, 39–40) изготавливались на фрагментах кремневых сколов. Заготовки обладают продольной огранкой дорсальной поверхности, трапециевидным поперечным сечением и прямым латеральным профилем. Поперечный край орудия оформлен крутой дорсальной сильномодифицирующей параллельной ретушью, который образует угол с продольным краем в 80°. Длина изделий составляет 14 и 30 мм, ширина – 7 и 8, толщина – 1 и 3 мм.

В качестве заготовок *концевых скребков с выпуклыми лезвиями* (6 экз; рис. 4, 42–43) выступили кремневые отщепы овальной и угловатой формой, многогранным и сегментовидным сечениями. По углу дуги окружности рабочих поверхностей выделяются узкие (5 экз.) и округлые (1 экз.) скребки. Рабочие края орудий оформлены крутой дорсальной сильномодифицирующей параллельной ретушью. Длина изделий варьирует от 11 до 31 мм, ширина – от 8 до 23, толщина – от 4 до 7 мм.

Микропластина с центральной ретушью изготовлена на целом кремневом сколе остроконечной формы с изогнутым в дистальной части профилем и трапециевидным поперечным сечением. Правый продольный край изделия оформлен стелющейся центральной среднемодифицирующей параллельной ретушью. Длина изделия составляет 15 мм, ширина – 6, толщина – 1 мм.

Угловой резец выполнен на фрагменте обсидианового отщепа трапециевидно-дивергентной формы с прямым латеральным профилем и многогранным поперечным сечением. Резцовые сколы производились вдоль заготовки крупными снятиями (6–10 мм) на центральной поверхности дистальной части орудий как со стороны левого, так и со стороны правого продольных краев. Длина изделия составляет 27 мм, ширина – 38, толщина – 10 мм.

Выемчатое изделие представлено фрагментом кремневого скола из кремня угловатой формы с изогнутым в дистальной части профилем и трапециевидным сечением. Правая латераль изделия оформлена отвесной дорсальной среднемодифицирующей параллельной ретушью утилизации, которая образовала две выемки. Длина изделия составляет 20 мм, ширина – 8, толщина – 3 мм.

Стамеска (рис. 4, 44) изготовлена из кремневого отщепа угловатой формы с изогнутым в медиальной части латеральным профилем и сегментовидным поперечным сечением. Дистальная часть изделия оформлена отвесной дорсальной среднемодифицирующей чешуйчатой ретушью, формирующей вогнутое лезвие, угол которого составляет 65°. Длина изделия – 20 мм, ширина – 18, толщина – 6 мм.

Кроме того, в коллекции определен один *отщеп с ретушью утилизации*.

Обсуждение. Результаты проведенного детального технико-типологического анализа показывают, что в комплексах Бадыноко представлена одна традиция камнеобработки, развитие которой прослеживается в постепенной смене сырьевых предпочтений, изменении технологий первичного расщепления и составе орудийного набора.

Сыревая база индустрии включает два вида каменного сырья – кремень и обсидиан. Снизу вверх по разрезу фиксируется постепенное снижение доли доминирующего в нижних комплексах обсидиана за счет пропорционального роста доли кремня (рис. 2, 1). Такая же тенденция наблюдается и в орудийных коллекциях. Среди орудий заметна значительная степень избирательности обсидиана в нижних культурных слоях (8 и 7.5) по сравнению с данными по всем комплексам (рис. 2, 2). Результаты петрографического анализа демонстрируют смену сырьевых предпочтений обитателей стоянки, что является одним из основных свидетельств изменения сырьевых стратегий.

Первичное расщепление на стоянке Бадыноко характеризуется применением призматического принципа расщепления, направленного на получение пластинчатых сколов. При метрическом анализе сколов прослеживаются следующие тенденции: постепенное сокращение доли отщепов снизу вверх по разрезу (слои 8–7.3), которое сменяется возрастанием доли

отщепных заготовок в верхних слоях (7.2 и 7.1). Данний процесс осуществлялся за счет постепенного возрастания доли пластинок в нижних слоях (8–7.3) и незначительного сокращения доли пластинок в верхних слоях (7.2 и 7.1). Доля микропластин также возрастает снизу вверх по разрезу, достигая своего максимума в комплексах слоев 7.3, 7.2 (рис. 2, 3). В целом комплексы Бадыноко демонстрируют общую направленность на возрастание мелкопластинчатого и микропластинчатого компонентов.

Морфометрические характеристики отщеповых снятий не стандартизированы, для них характерны угловатая форма, продольная или поперечная огранка дорсальной поверхности, многогранное поперечное сечение и распространение гладких ударных площадок. В целом набор данных признаков в совокупности с отсутствием нуклеусов для отщепов может свидетельствовать о том, что они не являлись целевыми заготовками и были получены при оформлении ядрищ.

Отсутствие стандартизации пластин по метрическим параметрам и их малочисленность, отсутствие ядрищ для сколов данного типа позволяют предположить, что они являлись побочными продуктами на ранних этапах утилизации нуклеусов.

Судя по морфологии ядрищ и структуре коллекций (табл. 1, 2), первичное расщепление преимущественно было направлено на получение стандартизованных продуктов в виде пластинок и микропластин. Данные сколы обладают схожими морфологическими характеристиками – продольная огранка дорсальной поверхности, прямой латеральный профиль, трапециевидное или треугольное поперечное сечение, редуцированная линейная или точечная ударная площадка.

Анализ орудийной коллекции комплексов Бадыноко показал, что в сл. 8 и 7.5 представлены выемчатые орудия, также отмечается наличие скребков, острий, единичных пластинок с усеченным краем. В сл. 7.4 и 7.3 доминируют пластинки и микропластины с усеченным краем, пластинки с центральной ретушью, геометрические микролиты в виде прямоугольников и трапеций, отмечаются единичные экземпляры сегментов и треугольников. Помимо этого, имеются микроскребки, перфораторы и выемчатые орудия, заготовками для которых, как правило, выступали пластины и отщепы. В сл. 7.2 и 7.1 представлены скребки, пластинки и микропластины с усеченным краем и геометрические микролиты.

Основными типами заготовок для орудий в индустриях сл. 7.5–7.3 выступали мелкопластинчатые сколы, при выборе заготовок предпочтение отдавалось сколам с прямым латеральным профилем и трапециевидным поперечным сечением. В малочисленных орудийных коллекциях верхних слоев (7.2 и 7.1) среди заготовок орудий сокращается доля микропластинчатых сколов и возрастает доля отщепов за счет возрастания доли скребков (рис. 2, 4).

В качестве основного приема оформления орудий в слоях 8 и 7.5 выступает стелющаяся дорсальная слабомодифицирующая ретушь. В слоях 7.4–7.1 большая часть орудий оформлена при помощи приема усечения, ретуши притупления и центральной ретуши.

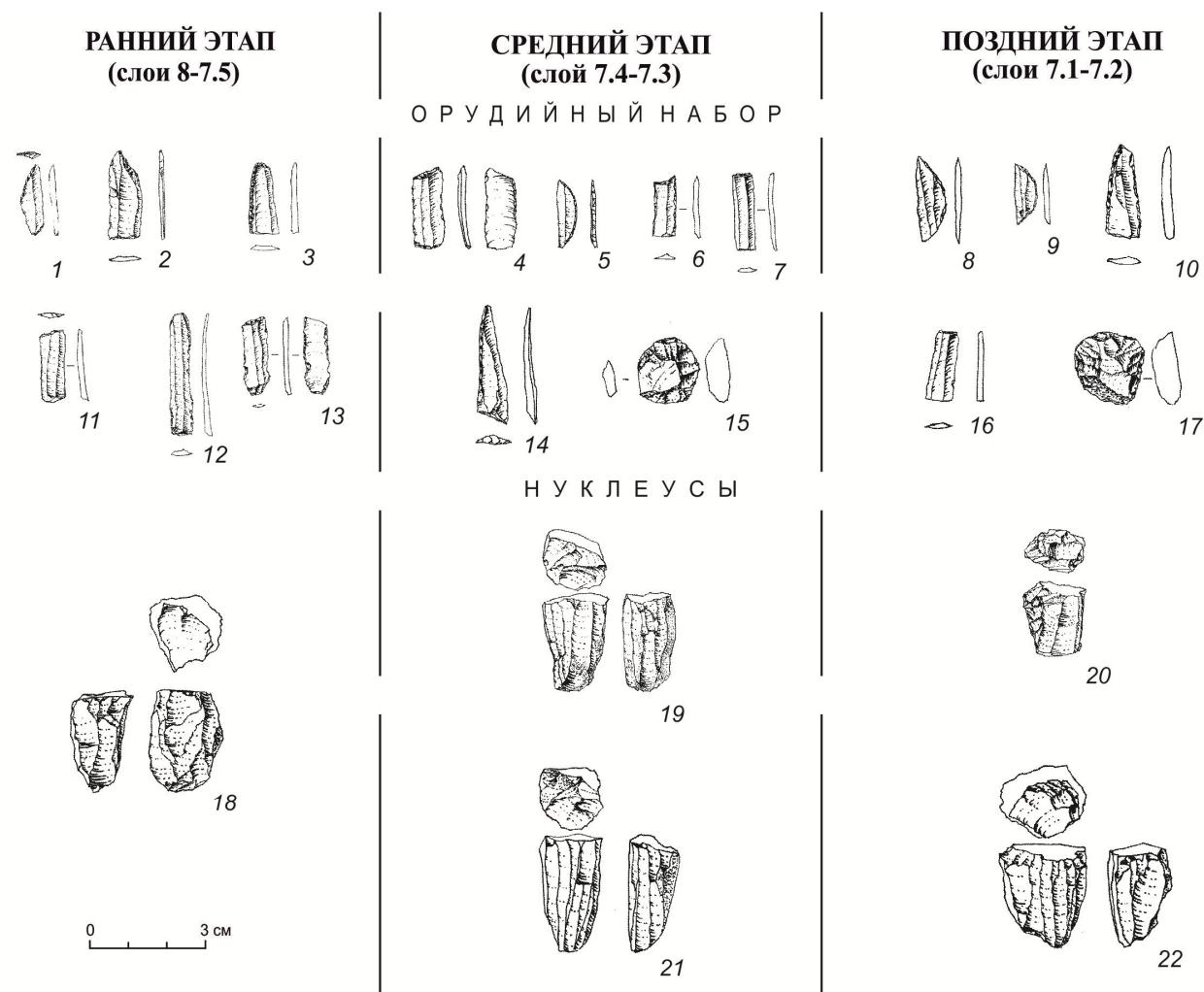

Рис. 5. Сопоставление каменные индустрій со сл. 8–7.1 памятника Бадыноко: 1, 2 – остряя (сл. 7.5); 3, 11–13 – пластинки с усеченным краем (сл. 7.5); 4 – пластинка с усеченным краем (сл. 7.3); 5 – сегмент (сл. 7.4); 6 – трапеция (сл. 7.4); 7 – пластинка с усеченным краем (сл. 7.4); 8, 9 – сегменты (сл. 7.1); 10, 16 – пластинка с усеченным краем (сл. 7.2); 14 – треугольник (сл. 7.3); 15 – концевой скребок с выпуклым лезвием (сл. 7.3); 17 – концевой скребок (сл. 7.2); 18 – цилиндрический нуклеус для пластинок (сл. 8); 19, 21 – цилиндрические нуклеусы для пластинок и микропластин (сл. 7.4); 20, 22 – цилиндрический нуклеус для пластинок и микропластин (сл. 7.1).

Заключение. На основании проведенного подробного технико-типологического анализа в рамках атрибутивного подхода материалов памятника Бадыноко выделяются три этапа развития каменной индустрии. Для каждого этапа на основе имеющихся абсолютных датировок (табл. 1) и технико-типологических характеристик предлагается приблизительный хронологический период его бытования. При анализе комплексов прослеживается постепенная эволюция в каменном производстве, которая выражается в изменении сырьевых предпочтений, отбора целевых заготовок и состава орудийного набора.

Так, на раннем этапе развития (сл. 8, 7.5; ~18–15 тыс. л. н.) комплексов навеса Бадыноко предпочтение отдавалось обсидиановым породам как в первичном расщеплении, так и во вторичной обработке. Первичное расщепление было направлено на получение пластинок посредством продольного скальвания с объемных ядрищ (рис. 5, 18), в комплексе значительное количество отщепов, являющихся результатами оформления нуклеусов, в орудийном наборе отмечается наличие скребков, резцов, остряй (рис. 5, 1, 2) и единичных экземпляров пластинок с усеченным краем (рис. 5, 3, 11–13).

На среднем этапе развития (сл. 7.4, 7.3; ~15–9 тыс. л. н.) в равной степени утилизируются кремневые и обсидиановые породы. Первичное расщепление направлено на получение пластинок и микропластин с объемных нуклеусов (рис. 5, 19, 21). В орудийном наборе широко представлены пластинки и микропластины с усеченным краем (рис. 5, 4, 7), пластинки с вентральной ретушью, геометрические микролиты в виде прямоугольников и трапеций (рис. 5, 6), отмечаются единичные экземпляры сегментов (рис. 5, 5) и треугольников (рис. 5, 14). Выделены микроскребки (рис. 5, 15), перфораторы и выемчатые орудия.

На позднем этапе (сл. 7.2, 7.1; ~8,5–7 тыс. л. н.) утилизируется преимущественно кремневое сырье, первичное расщепление ориентировано на производство пластинок и микропластин с цилиндрических (рис. 5, 20, 22) и подконусовидных ядрищ. В орудийном наборе распространены пластинки с усеченным краем (рис. 5, 10, 16) и микроскребки (рис. 5, 17), отмечается наличие единичных экземпляров геометрических микролитов (трапеции, треугольники, сегменты (рис. 5, 8, 9)), перфораторов и долотовидных изделий.

Навес Бадыноко является одним из многослойных стратифицированных памятников Кавказа, демонстрирующих постепенное развитие археологических комплексов в период финального плейстоцена – раннего голоцене, на протяжении, по меньшей мере, десяти тысячелетий. Новые данные, полученные в ходе исследований памятника, в значительной мере дополняют общий массив информации по эпипалеолитическим объектам региона. Общий вектор эволюции комплексов грота от раннего до позднего эпипалеолита

прослеживается в развитии приемов призматического принципа расщепления, направленного на производство пластинок и микропластин на кремневом сырье и в развитии специфического микролитического набора,ключающего различные варианты усеченных пластинок, пластинок и микропластин с притупленным краем и геометрических микролитов. Продолженные тенденции свойственны для эпипалеолитических комплексов Северного Кавказа, Загроса и Леванта [14. Р. 221–223; 19. С. 107–108; 20. С. 51–53].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер Н.О. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита // Советская археология. 1965. № 4. С. 3–16.
2. Бадер Н.О., Церетели Л.Д., Мелентьев А.Н. Мезолит Кавказа // Археология СССР. Мезолит СССР. М. : Наука, 1989. 352 с.
3. Любин В.П. Палеолит Кавказа и Северной Азии // Палеолит мира. Л., 1989. С. 9–142.
4. Беляева Е.В., Леонова Е.В., Любин В.П., Александровский А.Л., Александровская Е.И. Палеоэкологическая динамика и обитание человека в Губском микрорегионе (Кубанский Кавказ) в среднем палеолите – мезолите // Адаптация культур палеолита – энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб., 2009. С. 27–46.
5. Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М., 2012. С. 59–102.
6. Леонова Е.В. К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». М., 2015. С. 77–85.
7. Леонова Е.В., Агеева К.Е., Александрова О.И. Динамика культурных процессов в верхнем палеолите – мезолите Северо-Западного Кавказа (по материалам многослойных памятников навес Чыгай и пещера Двойная) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. 2011. Т. I. С. 65.
8. Александрова О.И., Киреева В.Н., Леонова Е.В. Опыт исследования остатков веществ органического и неорганического происхождения на поверхности каменных орудий из мезолитического слоя пещеры Двойная // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 2–12.
9. Дороничева Е.В. Сыревые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе : дис. ... канд. наук. СПб., 2013. 17 с.
10. Леонова Е.В. Новые исследования памятников верхнего палеолита – мезолита в Губском ущелье (предварительные результаты) // Адаптация культур палеолита – энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб., 2009. С. 47–54.
11. Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П., Керефов Б.М., Виндугов Х.Х. Бадыноко – новое многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2004 г. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X, ч. 1. С. 70–76.
12. Зенин В.Н. Отчёт об археологических раскопках Думановской пещеры и навеса Бадыноко в Кабардино-Балкарии в 2004 году // Открытый лист № 225. Москва ; Новосибирск, 2004. 31 с.
13. Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П. Многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2005 г. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 24–26.
14. Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E., Koulkova M.A., Sapelko T.V., Shackley M.S., Spasovskiy Yu.N. The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum // Quaternary International. 2014. № 337. P. 189–224.
15. Pelegrin J. Debitage experimental par pression: du plus petit au plus grand // Technologie Préhistorique. Valbonne : Editions du CNRS, 1988. P. 37–53.
16. Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. К. : Наукова думка, 1976. 230 с.
17. Шнайдер С.В. Туткаульская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 26 с.
18. Федорченко А.Ю. Экспериментально-трасологическое исследование скребков поздней ушковской культуры (Центральная Камчатка) // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 242. С. 16–32.
19. Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И. Эпипалеолит Ближнего Востока: обзор исследовательских концепций // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. С. 106–109.
20. Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И. Эпипалеолит Загроса: современная интерпретация // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 50–58.
21. Зенин В.Н., Орлова Л.А. Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // XXIV Крупновские чтения. Нальчик, 2006. С. 54–57.
22. Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon 55. 2013. 1869–1887.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 марта 2017 г.

EPIPALEOLITHIC COMPLEXES OF THE BADYNOKO ROCKSHELTER (ELBRUS REGION)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 147–162.

DOI: 10.17223/15617793/418/19

Maksim V. Seletskiy, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Archmax95@gmail.com

Svetlana V. Shnaider, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Vasiliy N. Zenin, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vzenin@archaeology.nsc.ru

Andrey I. Krivoshapkin, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russian Federation);

Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

Ksenia A. Kolobova, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russian Federation), Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kolobovak@yandex.ru

Saltanat Alisher Kyzy, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mionetta_kg@mail.ru

Keywords: Caucasus; Epipaleolithic; stone industries; technical and typological analysis; geometric microliths.

The lithic complexes of the Badynoko rockshelter (Elbrus region, Kabardino-Balkaria, Russian Federation) are analyzed. The site was discovered in 2004 by members of archaeological expedition led by Dr. V.N. Zenin. During the field study of the Badynoko rockshelter eight lithologic layers were identified. Only the lowest stratigraphic units (layers 7 and 8), which were excavated in an area of 5 m², could be described as *in situ* sediments. Those units contain remains of 6 Epipaleolithic cultural layers (8, 7.5, 7.4, 7.3, 7.2 and 7.1). As a result of a detailed technical and typological analysis within the attributive approach, the raw materials preferences of the prehistoric inhabitants of the Badynoko rockshelter were identified, and the main technical and typological characteristics of cores, blanks and tools were reconstructed. Based on the obtained results, as well as on the available absolute dates, the complexes of the Badynoko rockshelter were grouped into three cultural and chronological units that show the development from the early to the late Epipaleolithic. The early stage (layers 8, 7.5; ~18–15 thousand years ago). Obsidian predominated in raw material procurement strategy which is obviously seen both in primary flaking, and in tool kit. The primary flaking was aimed to produce bladelets by longitudinal knapping of prismatic cores. A considerable number of flakes, which are the technical result of the core reduction, were found. The tool kits are dominated by end-scrapers, burins and perforators. The middle stage (layers 7.4, 7.3; ~15–9 thousand years ago). At this stage prehistoric knappers equally utilized both obsidian and flint raw material. The primary flaking was aimed to produce bladelets and microblades from prismatic cores. The tool kits are dominated by the truncated bladelets, bladelets with ventral retouch, geometric microliths in the form of rectangles and trapezoids, single specimens of lunates and triangles. Thumbnail end-scrapers, perforators and notched tools are also identified. The late stage (layers 7.2, 7.1; ~9–7 thousand years ago) is characterized by the predominance of flint as raw material. The primary flaking was aimed to the production of bladelets and microblades from cylindrical and subconical cores. Truncated bladelets and thumbnail end-scrapers are common in the tool kits; there are single specimens of geometric microliths (trapezoids, triangles and segments), perforators and splintered pieces. New data obtained during the research of the Badynoko rockshelter supplement the understanding of the Epipaleolithic period in the Northern Caucasus. The general evolution trend in the Badynoko complexes from the early to the late Epipaleolithic is seen in the development of prismatic flaking techniques aimed to the production of flint bladelets and microblades. This trend includes a specific tool kit comprising various geometric and non-geometric microliths: truncated bladelets, backed bladelets, backed microblades and geometric microliths (trapezoids, triangles, segments). These trends are common for Epipaleolithic complexes in North Caucasus, Zagros and the Levant.

REFERENCES

1. Bader, N.O. (1965) Varianty kul'tury Kavkaza kontsa verkhnego paleolita i mezolita [Variants of the Caucasus culture of the end of the Upper Paleolithic and the Mesolithic]. *Sovetskaya arkheologiya*. 4. pp. 3–16.
2. Bader, N.O., Tsereteli, L.D. & Melent'ev, A.N. (1989) Mezolit Kavkaza [The Mesolithic of the Caucasus]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Arkheologiya SSSR. Mezolit SSSR* [Archeology of the USSR. The Mesolithic of the USSR]. Moscow: Nauka.
3. Lyubin, V.P. (1989) Paleolit Kavkaza i Severnoy Azii [The Paleolithic of the Caucasus and Northern Asia]. In: Boriskovskiy, P.I. (ed.) *Paleolit mira* [The Paleolithic of the world]. Leningrad: Nauka.
4. Belyaeva, E.V. et al. (2009) Paleoekologicheskaya dinamika i obitanie cheloveka v Gubskom mikroregione (Kubanskiy Kavkaz) v sredнем paleolite – mezolite [The Paleoecological dynamics and human habitation in the Guba microregion (Kuban Caucasus) in the Middle Paleolithic – the Mesolithic]. In: Trifonov, V.A. (ed.) *Adaptatsiya kul'tur paleolita – eneolita k izmeneniyam prirodnoy sredy na Severo-Zapadnom Kavkaze* [Adaptation of the Paleolithic – Eneolithic cultures to changes in the natural environment in the North-Western Caucasus]. St. Petersburg: TEZA.
5. Golovanova, L.V. & Doronichev, V.B. (2012) Imeretinskaya kul'tura v verkhinem paleolite Kavkaza: proshloe i nastoyashchее [The Imeretinskaya culture in the Upper Paleolithic of the Caucasus: past and present]. In: Sinitsyna, G.V. & Fedyunin, I.V. *Pervobytnye drevnosti Evrazii. K 60-letiyu Alekseya Nikolaevicha Sorokina* [Primitive antiquities of Eurasia. To the 60th anniversary of Alexei Nikolaevich Sorokin]. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences.
6. Leonova, E.V. (2015) K probleme khronologii i kul'turnoy variabel'nosti kamennyykh industriy kontsa verkhnego paleolita i mezolita Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam naves Chygay i peshchery Dvoynaya) [To the problem of chronology and cultural variability of stone industries at the end of the Upper Paleolithic and Mesolithic of the North-Western Caucasus (based on the materials of the Chygai rockshelter and the Dvoynaya Cave)]. In: *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma RAN "Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture"* [Traditions and Innovations in History and Culture: the Basic Research Program of the Presidium of the RAS "Traditions and Innovations in History and Culture"]. Moscow.
7. Leonova, E.V., Ageeva, K.E. & Aleksandrova, O.I. (2011) Dinamika kul'turnykh protsessov v verkhinem paleolite – mezolite Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam mnogosloynykh pamyatnikov naves Chygay i peshchera Dvoynaya) [Dynamics of cultural processes in the Upper Paleolithic – the Mesolithic of the North-Western Caucasus (based on materials of multi-layered monuments of the Chygai rockshelter and the Dvoynaya Cave)]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda*. I. pp. 65.
8. Aleksandrova, O.I., Kireeva, V.N. & Leonova, E.V. (2014) Opyt issledovaniya ostatkov veshchestv organicheskogo i neorganicheskogo proiskhozhdeniya na poverkhnosti kamennyykh orudiy iz mezoliticheskogo sloya peshchery Dvoynaya [Experience in the study of the remains of organic and inorganic origin on the surface of stone tools from the Mesolithic layer of the Dvoynaya Cave]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4 (60). pp. 2–12.
9. Doronicheva, E.V. (2013) *Syr eyye strategii drevnego cheloveka v sredнем i pozdnem paleolite na Severo-Zapadnom Kavkaze* [Raw materials strategies of ancient man in the Middle and Late Paleolithic in the North-Western Caucasus]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
10. Leonova, E.V. (2009) Novye issledovaniya pamyatnikov verkhnego paleolita – mezolita v Gubskom ushchel'e (predvaritel'nye rezul'taty) [New research on the monuments of the Upper Paleolithic – the Mesolithic in the Guba Gorge (preliminary results)]. In: Trifonov, V.A. (ed.) *Adaptatsiya kul'tur paleolita – eneolita k izmeneniyam prirodnoy sredy na Severo-Zapadnom Kavkaze* [Adaptation of the Paleolithic – Eneolithic cultures to changes in the natural environment in the North-Western Caucasus]. St. Petersburg: TEZA.
11. Derevyanko, A.P. et al. (2004) Badynoko – novoe mnogosloynoe mestonakhozhdenie kamennogo veka v Kabardino-Balkarii [Badynoko – a new layered location of the Stone Age in Kabardino-Balkaria]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy Godovoy sessii IAET SO RAN 2004 g.* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories: Materials of the Annual Session of the Institute of Anthropology and Ethnography, SB RAS, 2004]. Vol. 10. Pt. 1. Novosibirsk: IAE SB RAS.

12. Zenin, V.N. (2004) *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Dumanovskoy peshchery i navesa Badynoko v Kabardino-Balkarii v 2004 godu* [Report on the archaeological excavations of the Dumanovskaya Cave and the Badynoko rockshelter in Kabardino-Balkaria in 2004]. Moscow; Novosibirsk.
13. Derevyanko, A.P., Zenin, V.N., Anoykin, A.A. & Rybin, E.P. (2005) Mnogosloynoe mestonakhozhdenie kamennogo veka v Kabardino-Balkarii [Layered Location of the Stone Age in Kabardino-Balkaria]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy Godovoy sessii IAET SO RAN 2005 g.* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories: Materials of the Annual Session of the Institute of Anthropology and Ethnography, SB RAS, 2005]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
14. Golovanova, L.V. et al. (2014) The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum. *Quaternary International*. 337. pp. 189–224.
15. Pelegrin, J. (1988) Debitage experimental par pression: du plus petit au plus grand [Experimental bandwidth by pressure: from smallest to largest]. In: *Technologie Préhistorique* [Prehistoric Technology]. Valbonne: Editions du CNRS.
16. Gladilin, V.N. (1976) *Problemy rannego paleolita Vostochnoy Evropy* [Problems of the Early Paleolithic of Eastern Europe]. Kiev: Naukova dumka.
17. Shnayder, S.V. (2015) *Tutkaul'skaya liniya razvitiya v mezolite zapadnoy chasti Tsentral'noy Azii* [The Tutkaul line of development in the Mesolithic of the western part of Central Asia]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
18. Fedorchenko, A.Yu. (2016) Eksperimental'no-trasologicheskoe issledovanie skrebkov pozdney ushkovskoy kul'tury (Tsentral'naya Kamchatka) [Experimental-traceological study of scrapers of the late Ushkovo culture (Central Kamchatka)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 242. pp. 16–32.
19. Kolobova, K.A., Shnayder, S.V. & Krivoshapkin, A.I. (2015) Epipaleolit Blizhnego Vostoka: obzor issledovatel'skikh kontseptsii [The Epipaleolithic of the Middle East: an overview of research concepts]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestia of Altai State University. Series History, Philology*. 14:7. pp. 106–109.
20. Kolobova, K.A., Shnayder, S.V. & Krivoshapkin, A.I. (2015) Epipaleolit Zagrosa: sovremenennaya interpretatsiya [The Epipaleolithic of Zagros: a modern interpretation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorija, filologija – Bulletin of Novosibirsk State University. Series History, Philology*. 14:7. pp. 50–58.
21. Zenin, V.N. & Orlova, L.A. (2006) Kamenyy vek Baksanskogo ushchel'ya (khronologicheskiy aspekt) [The Stone Age of the Baksan Gorge (a chronological aspect)]. In: *XXIV Krupnovskie chteniya* [XXIV Krupnovsky Readings]. Nal'chik.
22. Reimer, P.J. et al. (2013) IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon* 55. pp. 1869–1887.

Received: 21 March 2017

ФАШИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА В СОВЕТСКОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЕ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1946–1964 гг.)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Рассматривается опыт фашизации образа врага в визуальной пропаганде СССР на начальном этапе холодной войны. Текстовое и изобразительное содержание агитационных плакатов и газетных карикатур, посвященных международным темам, исследуется на наличие понятий и символов, ассоциирующихся с фашизмом. На основе полученных в результате количественного и качественного анализа фактов выявляются политические силы и общественные явления, которые в советском массовом сознании с наибольшей степенью вероятности могли трактоваться как фашистские.

Ключевые слова: холодная война; советская пропаганда; плакаты; карикатуры; антифашизм.

Победоносной весной 1945 г. Красная армия нанесла смертельный удар нацистскому Третьему Рейху. Вскоре в Нюрнберге, казалось бы, в соответствии с волей всего человечества и навсегда были осуждены его идеология и практика. Однако в наши дни все чаще наблюдаются попытки реабилитировать фашизм, растет влияние так называемых ультраправых радикалов. Причем это происходит в странах, которые активно декларируют свою приверженность идеалам современной демократии. В нынешних непростых условиях подмены идеологических ориентиров и их трансформации под реалии информационных войн, представляется целесообразным проанализировать, что именно, как и почему в нашей стране ассоциировалось в массовом сознании с фашистской угрозой уже в послевоенное время. В этой связи большой интерес вызывает советский пропагандистский опыт времен холодной войны.

Само присутствие антифашистской риторики на очередном витке глобального противостояния СССР и Запада было далеко не случайным. Для коммунистов классическим оставалось определение фашизма, прозвучавшее еще в 1934 г. на XIII Пленуме Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала: «открытая террористическая диктатура самых реакционных, шовинистических и империалистических сил финансового капитала» [1. С. 34]. На связь капитализма и фашизма указывал и западный исследователь В. Випперман: «...факт состоит в том, что фашистские партии возникли и выросли на почве капитализма, что они обладали особой притягательной силой для определенных слоев капиталистического общества, что капиталистические круги готовы были оказывать фашистам политическую и финансовую поддержку» [2]. Некоторые современные российские философы также развивают мысль, что фашизм генетически исходит именно из либерально-буржуазной эгоцентрической доктрины конкурирующих «свободных индивидов» [3]. Он «вырос из идеи конкуренции и подавления друг друга – только на уровне не индивида, а расы» [1. С. 26]. Вместе с тем идеологию «единого пучка» («fascio») в виде господства нации или расы следует рассматривать и как одну из форм реакции на разобщенность капиталистического общества [Там же. С. 25]. Поэтому та или иная степень

фашизации образа врага-капиталиста представляется не только идеологически, но и в какой-то мере цивилизационно предопределенной, а значит, весьма актуальной для изучения.

Другой момент, на котором хотелось бы остановиться, заключается в том, что помимо отличительных идеологических особенностей, таких как антикоммунизм, корпорativизм, шовинизм и милитаризм, фашистские движения XX в. маркируются набором символических черт, сформировавших «специфический политический стиль» [2]. Иными словами, при всех дискуссиях о том, какой конкретно режим считать фашизмом, нацизмом, национал-социализмом, просто некой хунтой или «реакционной кликой», внешний образ порой характеризует его признаки гораздо сильнее, чем фактическая политика. Речь не идет о корректности такой идентификации. Важно то, что фашистские по происхождению атрибуты и символы достаточно узнаваемы и семантически нагружены, для того чтобы активно применяться и в контрпропаганде.

В этой связи обратимся к источникам, которые на начальном этапе холодной войны в наибольшей мере выполняли задачу образно-символической дискредитации идеологического противника, а именно к советским плакатам и карикатурам. Цель статьи – на основе данных материалов, охватывающих период 1946–1964 гг., выявить политические силы и общественные явления, которым придавались черты фашизма. Для этого было рассмотрено 630 агитационных плакатов и 848 карикатур газеты «Правда» на международные темы. Обширно представленный в них образ врага анализировался на наличие символов, которые в советском массовом сознании с наибольшей вероятностью трактовались как фашистские: свастика, нацистское приветствие, «имперский» орел-стервятник, элементы германской униформы времен войны, а также персонажи Гитлера и его соратников. Кроме того, учитывалось прямое упоминание фашизма и связанных с ним понятий в текстовой части источников.

К началу холодной войны вышеупомянутый символический ряд, безусловно, был уже далеко не новым для советской визуальной пропаганды, особенно в ее сатирической части. Так, еще в 1923 г. «раскол германских фашистов» в одноименной карикатуре

Б. Ефимова уподоблялся разнонаправленным лучам свастики, один из которых олицетворял гротескного вида Гитлер [4. С. 32]. Впоследствии создавший ее карикатурист вспоминал, что с появлением фашизма на исторической арене советские художники не уставали «клеймить варварство и изуверство фашистов, разоблачать их наглые претензии и беззастенчивую демагогию, издеваясь над тупостью и мракобесием расистской идеологии» [5. С. 14]. К этому следует добавить, что антифашистская риторика распространялась не только на соответствующие режимы, но и на страны капитала в целом, а также на изменников делу революции – «Троцкого и его кровавую фашистскую шайку»¹. Разоблачение врага велось не одним лишь методом сатиры, вызывавшей злой смех и презрение. Совсем на иные эмоции был нацелен, например, плакат П. Карабенцова «Фашизм – это голод, фашизм – это террор, фашизм – это война!» (1937). Формула, положенная в данный лозунг, визуализирована не типичным для того времени изображением звероподобного немецкого штурмовика, а побуждающими к сочувствию образами обездоленных женщины и ребенка, за которыми маршируют люди в коричневой форме. Несмотря на небольшие политические колебания, вызванные подписанием пакта Молотова–Риббентропа в 1939 г., отрицательный образ фашизма прочно укрепился в советском сознании. Так, историк и фронтовик Л.Д. Ефанов хорошо запомнил слова своего учителя, точно иллюстрирующие предвоенные настроения: «Оттого, что мы заключили договор с Германией, дело не меняется. Запомните, фашисты есть фашисты...» [6. С. 77]. О специфике визуальной пропаганды в условиях Великой Отечественной войны известно уже довольно много. Отметим лишь, что на примере плакатов хорошо заметно, как на определенных ее этапах, будучи сугубо политической категорией, фашизм обрел некоторые национально окрашенные черты, а прежний карикатурно-метафорический язык его дискредитации подчас становился более реалистическим [7. С. 192–193].

Какими же были перспективы использования в пропаганде темы фашизма после победы? О масштабах ее распространения свидетельствуют общие количественные данные. Так, за период 1946–1964 гг. фашистские символы обнаруживаются примерно в 31% карикатур и в 6% плакатов на внешнеполитические темы. Последний показатель не следует считать малозначительным, поскольку плакатные материалы были рассчитаны преимущественно на изображение положительного героя и формулировку побудительных лозунгов. И тот факт, что даже в них различные антагонистические образы 39 раз наделялись отсылками к фашизму, довольно красноречив. Среди соответствующей символики наиболее распространенной и универсальной была *свастика*. Она присутствует в 189 карикатурах и 34 плакатах, разоблачая довольно разнообразные политические силы. В 1960 г. этому «нацистскому пауку», вновь замеченному на стенах домов Западной Германии, в «Правде» посвятили даже целый сюжет-предупреждение: «На фюзеляжах самолетов и на эсэсовских значках он жил, зловещие тенета плетя вокруг материка. Еще нигде не позабы-

лись кошмары паучиных лет, но вот вчера он снова вылез, как говорят, на белый свет. И снова расправляет лапы, еще не сильные пока... Пока не поздно, бросьте на пол и раздавите паука!» – строки Л. Щеглова были проиллюстрированы рисунком Кукрыниксов, на котором два милитариста в форме, похожей на мундиры вермахта, тащат битую змееподобную свастику [8. 9 янв.] (рис. 1). Один из ее лучей исполнен в виде ракеты, что выражало идею особой опасности возрождения фашизма в ядерную эпоху на фоне роста международной напряженности в начале 1960-х гг.

Рис. 1. Худ. Кукрыниксы (Правда. 1960. 9 янв.)

Рис. 2. Худ. Кукрыниксы (Правда. 1946. 1 мая)

Рис 3. Худ. Р. Матусевич (1948)

Самые ранние визуально-сатирические отклики на возможность развития нового конфликта также звучали с антифашистских позиций. Первая из карикатур, опубликованных в «Правде» в 1946 г., от имени «международной демократии» клеймила как вероятных поджигателей войны не Запад в целом, а именно фашистующих европейских правых: «Не ходят нынче в форменной одежде, Рейхstag не собираются поджечь, но где-то мимоездом скажут речь, а им ответит хор разноголосый: Ялчин и Андерс, Франко и хитосы...»² [9. 1 мая] (см. рис. 2). Следует отметить, что упомянутый здесь испанский диктатор был изображен со свастикой и железным крестом. Но если Франко в глазах советской пропаганды уже исторически являлся олицетворением фашиста, то начавшаяся холодная война стала закреплять эту неблаговидную роль и за другими политиками. Так, в самом конце 1947 г. был создан посвященный 30-летию советских вооруженных сил сатирический плакат Б. Ефимова и Н. Долгорукова «Поджигателям новой войны следовало бы помнить позорный конец своих предшественников! (Н. Булганин)». В нем среди поджигателей оказался еще недавно союзный генерал де Голль, в руке у которого нечто вроде штандарта из таблички «крестовый поход против СССР» и свастики. Этот же фашистский знак виден на альпийской шляпе, одетой художниками на некую карикатурную фигуру, символизирующую, очевидно, германский национализм. Примечательно, что все эти деятели, ведомые Черчиллем, вылезали из огромного мешка с эмблемой доллара. По существу данная агитка предопределила основную логику фашизации образа врага в рассматриваемый период холодной войны: сплоченный идеологией антисоветизма и питаемый американским капиталом Запад становится благоприятной средой для разного рода ультраправых элементов и тем самым разоблачает собственное тяготение к фашизму.

В рассмотренном выше плакате впервые в рамках холодной войны доносилась идея битого «предшественника», которая, с одной стороны, прославляла Вооруженные силы СССР, а с другой – давала повод для изображения карикатурных фашистов прошлого. Впоследствии в агитках на эту тему обычно противопоставлялись образы задорного, боевитого советского солдата или матроса и жалких, подцепленных на штыки или бараживающих в море интервентов³. Так выражалось назидание потенциальным агрессорам. При помощи интересной метафоры наиболее прямо оно передано в работе Р. Матусевича «Незабудки поджигателям войны» (на укр. яз. 1948), где недавние лидеры стран Оси выступили в роли «букета». Красный кулак протянул его действующим западным политикам, среди которых свастикой и железным крестом на мундире вновь особо выделялся Франко (см. рис. 3). Метод исторического намека применялся в сатирических плакатах Б. Ефимова и Н. Долгорукова: «Старая песня на новый лад» (1949), основанном на параллели между Североатлантическим альянсом и Антикоминтерновским пактом; «На свою голову» (1960), в котором руководство НАТО «балуется» со старой фашистской каской, пытаясь прикрыть на ней свастику. Подобным способом высмеивался и харак-

тер взаимоотношений внутри организации. Так, в карикатуре «Правды» «Двадцать лет спустя» фашистский генерал держит британского за горло в 1939 г., но уже в 1959 г. британец, улыбаясь, готов передать немцу ядерную ракету по линии союзничества с Бундесвером [10. 17 дек.] (рис. 4). Или после подписания договора о сотрудничестве между Францией и ФРГ в 1963 г. де Голль в глазах карикатуриста М. Абрамова стал очередным «французским каблучком» к германскому армейскому сапогу точно так же, как и министр-коллaborационист Лаваль в 1943 г. [11. 20 февр.].

Если говорить о персонализированных тенях фашистского прошлого, то в целом за 1946–1964 гг. Гитлер, его соратники и союзники изображены в плакатах 17 раз, в карикатурах – 71 раз. При этом нередко они представляли не только в смешном, но и довольно жутком виде. Ярким примером тому служит сюжет Кукарниксов «Парад командного состава НАТО». В нем в едином строю выжившие и получившие должности в Альянсе генералы вермахта вместе с мертвыми фашистскими вождями стоят перед пентагоновским эмиссаром, в уста которого вложена фраза: «Жаль, что многие из них не уцелели, могли бы сгодиться» [12. 17 дек.]. В инфернальном стиле художники разоблачили и ультраправую западногерманскую газету «Национальцайтунг унд Зольдатенцайтунг», уподобив ее рупору в костлявых руках Геббельса, вставшего из гроба [11. 6 дек.]. Очевидно, все это было призвано доносить идею, что сотрудничество с бывшими нацистами или обращение к их идейному наследию – самый гибельный политический путь.

Такими были наиболее универсальные закономерности фашизации образа врага на рассматриваемом этапе холодной войны. Но каждый конкретный политический прецедент по-своему закреплял за недругами СССР символические оттенки фашизма, проявляемые в разное время и с различной интенсивностью. Рассмотрим их несколько подробнее.

Выше уже упоминалось, что среди «поджигателей» холодной войны первым носителем фашистской символики (не считая Франко, который наделялся ей еще с 1930-х гг.) оказался де Голль. В карикатуре одного из номеров «Правды» за 1950 г. стремящийся к власти французский генерал уже прямо назван «очередным кандидатом в фюреры», запечатлен вскинувшим руку в нацистском приветствии и комично захватившимся на разбитую статую Гитлера при помощи своих внутренних сторонников и внешних (американских) покровителей [13. 3 марта] (рис. 5). Вместе с тем для середины 1950-х гг. характерны сюжеты, где национальные символы Франции – Марианна или галльский петух – как бы конфликтуют с фашистскими [14. 21 окт., 31 окт., 22 нояб.]. Этим иллюстрировалась перспектива подписания западными государствами разного рода военных соглашений, которые вели к ремилитаризации ФРГ и, в глазах советской пропаганды, несли угрозу, прежде всего, для французов. В комментариях к данным карикатурам вновь отражалась точка зрения, что все это делается под давлением и в интересах империалистических кругов США и от части Британии. К репортажу об антифашистских митингах в Париже в 1958 г. также был

подготовлен основанный на противопоставлении рисунок «Фашизм поднимает голову...» [15. 18 мая]. В нем волевая монументальная женщина-республика в знаменитой фригийской шапочке противостоит мелким карикатурным военным и правительственный реакционерам, которые пытаются навязать ей генеральскую диктатуру, представленную в виде каменного бюста — головы де Голля. В начале 1960-х гг. образ политической жизни Франции стал интенсивнее фашизироваться за счет обличения ультраправой организации ОАС, развернувшей свою террористическую деятельность, как считалось, при полном попустительствеластей. С декабря 1961 по май 1962 г. в «Правде» вышло 7 карикатур на эту тему, в 5 из них присутствует свастика.

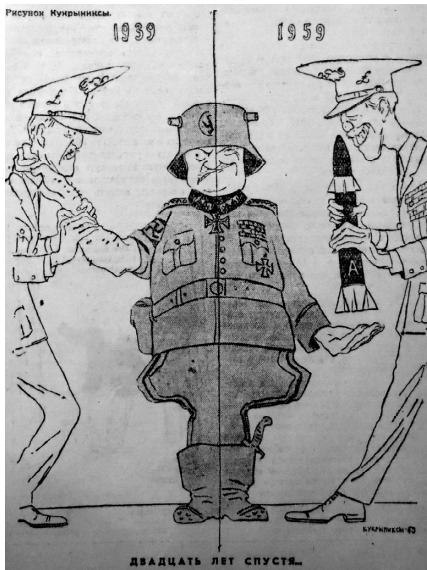

Рис. 4. Худ. Кукрыниксы (Правда. 1959. 17 дек.)

Возвращаясь к началу холодной войны, нельзя не упомянуть опыт фашизации образа Югославии в лице ее лидера И.Б. Тито, что представляло собой один из самых крутых поворотов в истории советской пропаганды. В мемуарах Б. Ефимова, непосредственного свидетеля многих идеологических перемен в нашей стране, особо выделен эпизод, когда в 1949 г. редактор «Правды» Л.Д. Ильинчев к «немалому изумлению, попросил срочно нарисовать к завтрашнему номеру карикатуру на Тито под названием “Перебежчик”» [16. С. 403]. Редакционное задание было выполнено, и в газете за 13 августа 1949 г. читатели увидели рисунок с длинным названием «Перебежчик из лагеря социализма и демократии в лагерь иностранного капитала и реакции» [17. 13 авг.]. Гротескного вида Тито устремился к Трумэну, Черчиллю и Франко, что, надо сказать, выглядело еще относительно нейтрально. Но уже через десять дней Б. Ефимов в карикатуре «По их образу и подобию» изобразил югославского маршала в виде свастики, которая салютует портретам Гитлера, Муссолини, Гиммлера и держит топор с надписью «фашистский террор» [Там же. 23 авг.] (рис. 6). А вскоре, благодаря Кукрыниксам, некогда близкий союзник стал именоваться «Титлером» [Там же. 4 сент.]. Подобные визуальные материалы, где обви-

ненный в предательстве Тито за счет символических средств или прямым текстом назван фашистом, особенно часто публиковались в «Правде» в 1949–1950 гг. (10 раз), после чего, несмотря на продолжение советско-югославского конфликта, газетные карикатуры почти перестают обращаться к этой теме. Между тем с началом Корейской войны и ростом антикоммунистической истерии на Западе на роль последователей фашизма в советской сатире появились новые яркие претенденты.

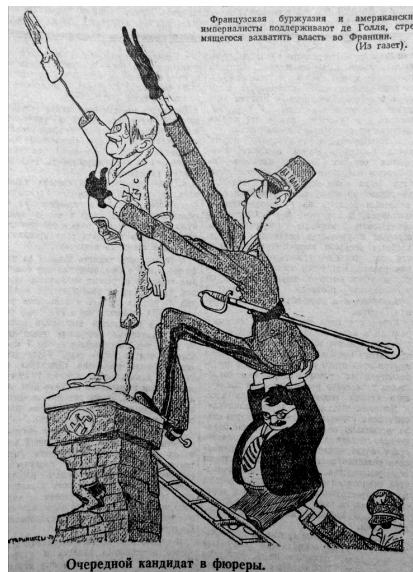

Рис. 5. Худ. Кукрыниксы (Правда. 1950. 3 марта)

Рис. 6. Худ. Б. Ефимов (Правда. 1949. 23 авг.)

Если рассматривать каждый создаваемый карикатуристами сюжет как взаимодействие сразу нескольких антигероев, характеризующих какое-либо враждебное явление, то можно обнаружить, что американские образы и символы явно соседствуют с фашистскими в 131 рисунке, опубликованном с 1949 по 1964 г. Подобным способом формировалось понимание, что в западном блоке фашизм поддерживается в интересах правящих и, особенно, военных кругов

США⁴. Собственно и сами они представлялись продолжателями вполне определенного политического мышления. Так, в основу сатирического плаката «Военные авантюры не сулят империалистам ничего иного, кроме катастрофы» (1950) положено уподобление «американского мирового порядка» «новому порядку» Гитлера, бесславный конец которого символизирует фашистское оборванное знамя и пробитая каска (рис. 7). Не менее яркий пример этой тенденции является собой агитка Н. Долгорукова «Американская “свобода” – тюрьма для народа» (1951). Она построена как несколько сюжетов, обличавших социальные язвы в США. Среди прочего в них есть милитарист, буквально вливающий «агрессивную психологию» в голову юного полуфашиста-полугангстера. Ниже, однако, делается достаточно оптимистичный вывод-лозунг: «Идет фашизация Америки на полный ход, но последнее слово скажет народ!». Метафорой «гитлеровского пути» и «старой фашистской дороги», а также свастикой и физиономией фюрера отмечены в советской визуальной пропаганде действия американской военщины в последние годы Корейской войны⁵. Впоследствии черты фашизма по-американски символически закреплялись за группировками, склонными к милитаристской или расистской риторике. В частности, в 1962–1963 гг. их политическое прозвище – «бешеные» – обыгрывалось через аналогию с «бесноватым» Гитлером и его нацистскими погромщиками [11. 4 дек.; 19. 14 дек.].

Рис. 7. Худ. Б. Аржекаев (1950)

С образованием в 1949 г. ФРГ в советской визуальной пропаганде появился наиболее устойчивый контекст для фашизации образа врага. Масштаб этой тенденции наглядно демонстрируют количественные данные: в 87% карикатур «Правды» на западногерманский режим присутствовали фашистские символы. При этом с 1952 по 1958 г. подобный его образ оставался практически безальтернативным. По существу, уже самые первые рисунки, вышедшие осенью 1949 г., на долгие годы заложили основы советского восприятия политической роли ФРГ: марионеточное

государство, возглавляемое ярым антисоветистом – канцлером Аденауэром, при финансовой поддержке своих заокеанских покровителей строит планы реванша, направленные против соцлагеря и угрожающие миру в целом. Символическим выражением тому послужили «правительственная платформа» из знака доллара и свастики, «восстановление» местными парламентариями разбитой статуи нацизма, а также любопытный образ еще неоперившегося германского стервятника в каске вермахта, которого «подкармливают» американские и британские ястребы [17. 11 сент., 22 окт., 31 окт.] (рис. 8).

Рис. 8. Худ. М. Абрамов (Правда. 1949. 31 окт.)

Центральное место в сатире на политику Западной Германии занимал акцент на милитаризме. В целом в течение рассматриваемого в статье периода даже не свастика (встречается 138 раз), а именно пародии на форму гитлеровских вооруженных сил стали основным способом символического разоблачения ре-милитаризации ФРГ – всего было опубликовано 150 таких изображений. Обычно данные символы сочетались как между собой, так и с некоторыми другими, менее распространенными, но также несущими фашистский оттенок. Особенно ярко это заметно на карикатуре Кукрыниксов «Западной Европе – от заокеанского дядюшки» [20. 1 янв.], в которой западно-германское государство олицетворяет солдат в форме вермахта со свастикой на шлеме и портретом Гитлера. Правую руку он вскинул в нацистском приветствии. В значительной части рисунков в подобном виде предстает персонально Аденауэр. Фашизованный образ канцлера оказался столь знаковым, что временами попадал и в политические плакаты⁶.

Очевидно, логика сюжетов, связанных с ФРГ, исходила из убеждения, что любые попытки наращивания военной мощи (нарушение условия демилитаризации Германии) вкупе с ортодоксальным неприятием социализма и, как следствие, непризнания ГДР (нарушение демократизации) почти автоматически означают попрание и другого важнейшего послевоен-

ного принципа – денацификации. Свидетельствует ли это о рождении в советской пропаганде одного из самых мощных политических или даже национальных стереотипов? Надо сказать, что при всей смысловой окраске символического ряда карикатур, в комментариях к ним политическая жизнь в ФРГ напрямую отождествляется с фашизмом не многим более десятка раз.

Рис. 9. Худ. Кукрыники (Правда. 1955. 17 апр.)

Преобладающей была формулировка «боннские реваншисты», которая, хотя и ассоциировалась с духом германского милитаризма, но по существу низводила образ врага до уровня локальной группировки в лице столичной верхушки и ее сторонников. Параллельно в печати и агитационных плакатах формировался образ другой, Восточной Германии, дружественной и миролюбивой⁷. Примечательно, что в канун 18-й годовщины начала Великой Отечественной войны в «Правде» был опубликован рисунок М. Абрамова «Мир Дружба Frieden Freundschaft», в котором рукопожатие советского и восточногерманского рабочих явилось ударом по американскому милитаристу, капиталисту-«атомщику», а также реваншисту, внешне напоминающему Гитлера [10. 21 июня].

Для фашизации образа ФРГ находился вполне объективный повод, заключавшийся в допущении к государственному управлению плеяды генералов и чиновников, скомпрометированных не только службой Третьему Рейху, но и, как подчеркивала советская сторона, военными преступлениями. Наиболее ярко эту тему раскрывают карикатуры «Американская рассада» [14. 28 дек.], «Новые руководители... Прежние вдохновители» [20. 17 апр.] (рис. 9), «Возвращение Ганса Шпейделя» [21. 27 янв.], «Провокаторы новой войны Штраус, Шпейдель, Брентано и их старые тени» [12. 17 авг.], а также некоторые другие, где фашистские бонзы прошлого соседствуют с послевоенными западногерманскими деятелями. Уже после от-

ставки канцлера Аденауэра, в самом конце 1964 г. серией из трех сатирических рисунков, содержавших и звероподобные образы бывших фашистов, в «Правде» отмечена новость, что «в Западной Германии прекращается судебное преследование нацистских преступников “за давностью преступлений”» [22. 15 нояб., 26 дек., 27 дек.].

Такими были основные направления фашизации образа врага на начальном этапе глобального идеологического конфликта. Примечательно, что сама холодная война также иногда наделялась чертами карикатурного фашиста – это был бесформенный, подтаявший снеговик в каске вермахта на голове и с орудийным стволом вместо носа [10. 22 дек.; 15. 3 мая]. Эпизодически Гитлер или фашистская символика изображались в карикатурах на Черчилля и консервативные круги Британии, недружественные СССР режимы Японии, Южной Кореи и Португалии, или, например, на вдохновителей антикоммунистического мятежа в Венгрии осенью 1956 г. Данный метод визуального разоблачения применялся и в последующий период, коснувшись и всевозможных хунт, и даже действий Израиля в Ливанской войне 1982 г.

Еще в начале 1960-х гг. ветераны советской сатиры отмечали, насколько знаковыми и в какой-то мере рутинными для них стали подобные рисунки. Б. Ефимов писал, что «такие трафаретные фигуры, как британский лев, дядя Сэм, поджигатель войны с атомной бомбой в зубах, германский реваншист в рогатом шлеме (выделено мной. – Е.Ф.) и тому подобные, давным-давно знакомые и надоевшие персонажи» по-прежнему сохраняют актуальность как традиционные образы-метафоры, получившие характер «своего рода сатирический терминологии» [5. С. 58]. В 1962 г., оглядываясь на свой 30-летний опыт работы в «Правде», Кукрыники вспоминали, как с началом холодной войны «появилась и новая “натура”, смеившая надоевшего до черта Гитлера. А в последнее время снова повылезли и старые гитлеровские “натурщики” – шпейдели, хойзингеры и прочие штрансы» [23. 19 апр.]. Все это говорит о том, что восприятие, однажды заложенное в визуальную пропаганду, оказалось заметное влияние как и на ее авторов, так и, в конечном счете, на ее зрителей.

Были ли предложенные образы убедительны, косвенно можно судить по письмам некоторых советских граждан, присланным высшему руководству СССР на фоне различных событий холодной войны. В свете визита Н.С. Хрущева в Австрию в июле 1960 г. бывший фронтовик М. Рязанов, ссылаясь на личные наблюдения, писал генсеку, что фашисты в этой европейской стране открыто и беспрепятственно распространяют свои призывы, а на новогоднем балу 1956 г. в одном из клубов «сыпали конфеты с изображением свастики». Также он напомнил о прибывающих из Австрии «бандитах от фашизма», которые пополняли ряды венгерских повстанцев, и сделал весьма показательный вывод: «...фашистские молодчики могут действовать и сейчас, и они, будучи подстрекаемыми американскими агрессорами, могут натворить любую мерзость» [24. Л. 120]. В моменты роста международной напряженности простые люди,

как это часто встречалось и в визуальной пропаганде, проводили исторические параллели: «если острит Эйзенхауэр штыки на нас стальные, словно Гитлер пропадет на много раз быстрее» [24. Л. 80]. Или, например, суждение по Карибскому кризису: «...между Гитлером тогда и Кеннеди теперь, к сожалению, слишком мало различий... все наши сегодняшние уступки вернутся предательством по отношению к мужественному, героическому, прекрасному кубинскому народу... Мир мы этим не спасем, как не спасли когда-то, уступая Гитлеру Чехословакию» [25. Л. 79–80]. При этом отдельные авторы с оптимизмом смотрели на общественное движение капиталистических стран, что также было в духе советских интернационалистических лозунгов. Так, письмо некого А. Наумова из Ленинграда, написанное летом 1962 г., выражало надежду, что народы «будут воевать против капиталистов всех мастей, где бы они не находились и под какой маской не скрывались – под фашистами, милитаристами, ультрай и т.п.» [26. Л. 34–35]. Но в некоторых случаях фашизация восприятия врага пре-взошла даже отведенные официальной пропагандой рамки. Например, после убийства в начале 1961 г. лидера конголезского национально-освободительного движения П. Лумумбы виновников этого преступления – западных колонизаторов и их африканских сторонников – называли фашистами [27. Л. 10]. А генсека ООН Д. Хаммершельда, который, как считалось, будучи в сговоре с Западом, допустил расправу, также предлагалось «судить, как матерого фашиста» [Там же. Л. 32]. И хотя в то время десятками публиковались карикатуры, разоблачавшие колониализм, отсылок к фашизму в них не наблюдалось.

Несмотря на определенное сходство приведенных выше суждений с картиной мира, предлагаемой визуальной пропагандой, в целом, было бы, однако, не совсем корректно связывать возникновение у населения «фашистских аналогий» исключительно с какими-либо пропагандистскими приемами. Для большинства советских людей того поколения борьба с

фашизмом была, прежде всего, личным опытом и трагедией, упоминание о которой в письмах являлось следствием и более глубоких психологических переживаний о дальнейшей судьбе своей страны и мира.

В наши дни исследователь С. Кара-Мурза замечал, хотя и с долей иронии, что попытки глубокого научного анализа фашизма иногда сталкиваются с аргументом «...все, дескать, нам Кукрыники объяснили» [1. С. 12]. Что же конкретно карикатуристы могли «объяснить» обществу? Предпринятый анализ показал, что, по сути, холодная война в визуальной пропаганде СССР началась именно с намека на по-прежнему звучащие на политической арене послевоенной Европы отголоски фашизма. При этом он обрел характер некого архетипического зла, к которому, с советской точки зрения, относился почти каждый, кто вставал на откровенно недружественный путь. В данном случае роль фашистской символики как таковой может быть определена двояко: с одной стороны, закреплять и усиливать отрицательную сущность антагонистических образов, а с другой – создавать их изначально за счет особой смысловой нагрузки самих символов. Поэтому фашизм здесь уже не конкретный режим или идеология, а символическая категория, означающая определенное *политическое поведение*. В соответствии с сюжетами плакатов и карикатур к типичным качествам этого поведения следует отнести: курс на *предательство* классовых или национальных интересов, выстраивание *личной диктатуры*, культивирование *агрессивной социальной психологии*, ведение *наступательных войн*, *ортодоксальный антикоммунизм*, *милитаризм* и *реваншизм*, а также любые меры, де-факто *реабилитирующие нацизм*. Применительно к современности рассмотренный пропагандистский опыт свидетельствует, что в ситуации информационных войн в принципе любая политическая сила, которая сознательно или неосознанно подпадает под выше-названные признаки, на ментальном уровне может ассоциироваться в массовом сознании с фашизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр., плакаты Г. Розе «Капитал лицом к СССР» (1930); В. Дени «Стереть с лица земли врага народа Троцкого и его кровавую фашистскую шайку» (1937).
- ² Хюсейн Джакит Ялчин – прозападный турецкий писатель и общественный деятель, антикоммунист; Владислав Андерс – польский генерал-националист; Франиско Франко – испанский диктатор; хитосы – греческие ультраправые.
- ³ См., напр., И. Семенов «Мы врага встречаем просто...» (1948); В. Брискин «Урок врагам» (1952), «В советском море врагу горе» (1953); С. Забалуев «Напомним на всякий случай агрессорам» (1955).
- ⁴ Представители Пентагона изображались вместе с образами-носителями фашистской символики в 65 карикатурах.
- ⁵ См. плакаты В. Брискина «По гитлеровскому пути... одна дорога, один конец...» (1952) и «По старой фашистской дороге...» (1953), а также карикатуры Кукрыников «По пути гитлеровской тирании» [18. 19 мая] и «Заклейменные» [18. 24 дек.].
- ⁶ См., напр., Л. Самойлов «По рукам!» (1952) и Б. Широкорад «Звонари войны» (1962).
- ⁷ См., напр., С. Забалуев «За дружбу советского и германского народов! Во имя мира во всем мире!» (1953); В. Корецкий «Да здравствует дружба народов Советского Союза и Германской Демократической Республики (1958).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кара-Мурза С.Г. Немецкий фашизм и русский коммунизм – два тоталитаризма // Коммунизм и фашизм: братья или враги? : сб. / ред.-сост. И. Пыхалов. М., 2008. С. 7–57.
2. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922–1982. Новосибирск, 2000. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/fascio.txt>, свободный (дата обращения: 04.03.2017).
3. Вахитов Р.Р. Национализм: сущность, происхождение, проявления. URL: <http://redeurasia.narod.ru/biblioteka/nacionalizm.html>, свободный (дата обращения: 04.03.2017).
4. Ефимов Б.Е. Невыдуманные истории. М., 1976. 221 с.
5. Ефимов Б.Е. Основы понимания карикатуры. М., 1961. 69 с.

6. Ефанов Л.Д. Мое 22 июня 1941 года // Не забыть нам дорог фронтовых: воспоминания участников Великой Отечественной войны – ветеранов Томского государственного университета. Томск, 2004. С. 74–80.
7. Федосов Е.А., Конев К.А. Советский плакат времен Великой Отечественной войны: общенациональный и региональный аспекты // Ру-син. 2015. № 2 (40). С. 189–210.
8. Правда. 1960.
9. Правда. 1946.
10. Правда. 1959.
11. Правда. 1963.
12. Правда. 1961.
13. Правда. 1950.
14. Правда. 1953.
15. Правда. 1958.
16. Ефимов Б.Е. Десять десятилетий: о том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000. 672 с.
17. Правда. 1949.
18. Правда. 1952.
19. Правда. 1962.
20. Правда. 1955.
21. Правда. 1957.
22. Правда. 1964.
23. Советская культура. 1962.
24. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р5446. Оп. 94. Д. 1278.
25. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д. 1354.
26. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 96. Д. 1356.
27. ГАРФ. Ф. Р7523. Оп. 78. Д. 140.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2017 г.

THE FASCIZATION OF THE ENEMY IMAGE IN THE SOVIET VISUAL PROPAGANDA AT THE BEGINNING OF THE COLD WAR (1946–1964)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 163–171.

DOI: 10.17223/15617793/418/20

Egor A. Fedosov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karamba243@yandex.ru

Keywords: Cold War; Soviet propaganda; posters; caricatures; anti-fascism.

In the article the experience of the fascization of the enemy image in the visual propaganda of the USSR at the beginning of the Cold War is considered. The textual and graphic content of the propaganda posters and newspaper caricatures, devoted to foreign matters, is studied for the presence of concepts and images associated with fascism, such as: Swastika, Nazi salute, “Imperial” eagle-vulture, elements of the German WWII military uniform, as well as Hitler and his allies. By the facts from the results of the quantitative and qualitative analysis, the political powers and social phenomena are elicited, which in the Soviets’ public consciousness with the greatest possibility were interpreted as fascists’. The analysis has shown the Cold War in the visual propaganda of the USSR began exactly from the hint about the echoes of fascism, sounding as before on the European post-WWII political arena. At the same time, fascism was presented as the archetypal evil which, from the Soviet point of view, included almost everyone declaring the outspoken unfriendly policy. In this case, the role of fascists’ symbolism could be defined in two ways: on the one hand, to fasten and to strengthen the negative substance of the antagonists’ images, and, on the other hand, to create them originally by the semantic value of symbols as such. Therefore, fascism was not a certain regime or ideology, but a category, which meant a definite political behavior. According to the subjects of the posters and the caricatures, the typical features of this behavior include: betrayal of the class or national interests, personal dictatorship, cultivation of aggressive social psychology, waging of offensive wars, ardent anti-Communism, militarism and revanchism, as well as all activities of the de facto Nazism rehabilitation. In modern times, this propagandistic experience shows that in the information war each political power, which consciously or unconsciously has the above-mentioned features, may be associated with fascism on the mental level of mass consciousness.

REFERENCES

1. Kara-Murza, S.G. (2008) Nemetskiy fashizm i russkiy kommunizm – dva totalitarizma [German fascism and Russian communism: two totalitarianisms]. In: Pykhalov, I. (ed.) *Kommunizm i fashizm: brat'ya ili vragi?* [Communism and Fascism: Brothers or Enemies?]. Moscow: Yauza-press.
2. Vipperman, V. (2000) *Evropeyskiy fashizm v svernenii 1922–1982* [European fascism in comparison, 1922–1982]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. [Online] Available from: <http://lib.ru/POLITOLOG/fascio.txt>, svobodnyy. (Accessed: 04th March 2017).
3. Vakhitov, R.R. (n.d.) *Natsionalizm: sushchnost', proiskhozhdenie, proyavleniya* [Nationalism: essence, origin, manifestations]. [Online] Available from: <http://redeurasia.narod.ru/biblioteka/nacionalizm.html>. (Accessed: 04th March 2017).
4. Efimov, B.E. (1976) *Nevydumannye istorii* [Nonfictional stories]. Moscow: Sovetskiy khudozhestnik.
5. Efimov, B.E. (1961) *Osnovy ponimaniya karikatury* [Basics of understanding caricatures]. Moscow: Akademiya khudozhestv.
6. Efanova, L.D. (2004) Мое 22 июня 1941 года [My June 22, 1941]. In: Solov'eva, V.A. (ed.) *Ne zabyt' nam dorog frontovykh: vospominaniya uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny – veteranov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [We will not forget the front roads: memoirs of the participants of the Great Patriotic War – veterans of Tomsk State University]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Fedosov, E.A. & Konev, K.A. (2015) Soviet poster in the times of the Great Patriotic War: national and regional dimension. *Rusin.* 2 (40). pp. 189–210. (In Russian).
8. *Pravda*. (1960).
9. *Pravda*. (1946).
10. *Pravda*. (1959).
11. *Pravda*. (1963).
12. *Pravda*. (1961).
13. *Pravda*. (1950).
14. *Pravda*. (1953).

15. *Pravda*. (1958).
16. Efimov, B.E. (2000) *Desyat' desyatiletii: o tom, chto videl, perezhil, zapomnil* [Ten decades: what I saw, experienced, remembered]. Moscow: Vagrius.
17. *Pravda*. (1949).
18. *Pravda*. (1952).
19. *Pravda*. (1962).
20. *Pravda*. (1955).
21. *Pravda*. (1957).
22. *Pravda*. (1964).
23. *Sovetskaya kul'tura*. (1962).
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R5446. List 94. File 1278. (In Russian).
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R5446. List 96. File 1354. (In Russian).
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R5446. List 96. File 1356. (In Russian).
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R7523. List 78. File 140. (In Russian).

Received: 26 March 2017

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИМИДЖА ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1920-е ГГ.

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки РФ образовательных организаций по проекту 33.1687.2017/ПЧ «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности».

На материалах периодической печати, архивной документации, источников личного происхождения исследуется процесс трансформации корпоративной идентичности и имиджа Томского университета в 1920-е гг. Анализируются изменения в научных и административных структурах университета после восстановления советской власти в Томске в декабре 1919 г. Практическое проведение декретов и положений о высшей школе в Томском университете привело к столкновению между старой профессурой и представителями советской власти, поддержанной частью профессорско-преподавательского состава. Делается вывод, что изменение имиджа и складывание новой корпоративной идентичности университета произошли в результате конвергенции дореволюционной академической традиции и новых веяний.

Ключевые слова: Томский университет; 1920-е гг.; корпоративная идентичность; имидж; профессура.

В 1932 г. писатель Илья Эренбург в рамках своей поездки по СССР посетил Томск. Его впечатления о городе нашли отражение в романе «День второй», в котором особое место отведено «шумной истории» города. Эренбург в характерной манере описал особенности местной исторической памяти, хранившей имена декабриста Батенькова, «строившего здесь замысловатые дома с бельведерами», революционера-анархиста Бакунина, венчавшегося в Томске, Федора Кузьмича, которого «народная молва превратила в царя».

Тем не менее город не произвел впечатления на писателя, что особенно заметно в его депрессивных зарисовках Томска времен революции 1917 г. и Гражданской войны. Вдохновленный энергией индустриализации и социалистического строительства 1930-х гг., Эренбург восхищался скорее крупными промышленными городами Сибири. «Судьбу различных городов, — писал он, — легко было распознать на вокзале: достаточно было поглядеть, какой хлеб едят местные жители. Там, где люди строили гиганты, хлеб был светло-серый и нежный. В Томске хлеб черный, мокрый и тяжелый: пятилетка обошла Томск, и Томск умирал» [1. С. 43]. И далее: «Так жил город, который должен был умереть» [Там же. С. 44].

Однако «своенравность» революции, «богатой на выдумки», по мнению Эренбурга, предопределила для города иную судьбу. И ключевое значение в этом он отводил университету.

Приведенный пример является одним из многих, иллюстрирующих подобное отношение к роли университета в истории Томска. Неоднократно жители или гости города связывали с ним не только богатство и содержательность исторического прошлого Томска, но и его перспективы в будущем.

В XXI в. Томск продолжает успешно эксплуатировать образ университета как бренда города, что отражается и на рекламных баннерах, и в объективных показателях (приток жителей). Что касается изображения главного корпуса Томского государственного университета (ТГУ) со 140-летней историей, то нередко именно по нему Томск узнают многие жители России и мира.

Все это определяет исследовательский интерес к историческому прошлому ТГУ, который прошел в

своем развитии несколько стадий. Для каждой из них были характерны особая символика, имидж, образы университета, находившие отражение в массовом сознании. Социально-политический контекст и вместе с тем прорастающие сквозь время традиции в разные периоды формировали специфический облик университета, что отражалось на таком явлении, как корпоративная идентичность.

Понятие «корпоративная идентичность» было введено в научный оборот сравнительно недавно, но уже успело получить широкое распространение, прежде всего в сфере бизнеса, маркетинга, связей с общественностью. Значение этого термина в литературе трактуется по-разному. Следуя исконным смыслам понятия «идентичность», корпоративная идентичность нередко определяется как «котождествление» сотрудниками себя с какой-либо организационной структурой или как «процесс осознания себя представителем определенной организации», степень соответствия ей. В различных подходах к понятию, в зависимости от концепции, упор делается либо на эмоционально-когнитивную составляющую, либо на организационный аспект [2. С. 69].

Если резюмировать всю совокупность definicij корпоративной идентичности, то наиболее компромиссно ее можно определить как комплексное понятие, включающее в себя элементы корпоративной культуры, философии, особенностей поведения внутри организации, а также стиля, дизайна и пр. [3. С. 72].

Подчеркивается, что необходимым условием складывания корпоративной идентичности является принятие всеми членами организации определенных правил игры, представлений и установок. Следовательно, в ситуации раскола внутри организации по данным критериям мы можем говорить о кризисе корпоративной идентичности. В свою очередь, среди признаков развитой корпоративной идентичности выделяют высокую степень осведомленности об истории, ценностях, целях организации; осознание единства сотрудника и организации и, соответственно, обособление от других структур; осознанное соблюдение правил корпоративного поведения и ряд других [4. С. 91–92].

В современной литературе существует тенденция разводить понятия «корпоративная идентичность» и

«корпоративный имидж». Последнее обыкновенно представляется производным от первого. Выделяются этапы формирования корпоративного имиджа от формулировки его видения до непосредственного конструирования, согласуясь с принципом «изнутри – наружу» [4. С. 90].

Таковы опорные точки в определении этого понятия, столь важного для характеристики организаций не только современности, но и прошлого. Вузы в данном случае живут по законам любой другой организации, стремясь не только к внутренней консолидации на основе фундаментальных принципов, ценностей, идей, но и к презентации «своего Я» в массовое сознание для привлечения студентов и преподавателей, поддержания уровня динамичного развития, создания собственного мифа. Важным инструментом презентации образов корпоративной идентичности и имиджа является периодическая печать, к которой как к историческому источнику неоднократно обращаются авторы настоящей статьи. Отдельные аспекты рассматриваемой в статье проблемы нашли освещение в монографии новосибирских историков, посвященной сибирской интеллигентии первой трети XX в. [5].

В годы революции и Гражданской войны Томск переживал период своеобразного ренессанса. В университете еще в 1917 г. были открыты физико-математический и историко-филологический факультеты. Политические события и социально-экономическая обстановка в стране способствовали активному притоку научных кадров в город. Сюда одно время были эвакуированы преподаватели Казанского и Пермского университетов (в период отступления Белой армии), нередко переезжали и профессора из Москвы и Петрограда. В Томске был учрежден Институт исследования Сибири, который современники называли «Сибирской Академией». Вузы города жили по-старому, не нарушая сложившихся традиций, ритуалов, этики взаимоотношений внутри академических сообществ. Томский университет, получивший в 1917 г. долгожданную автономию, воспринимал ее как большое достижение. Однако с окончанием Гражданской войны ситуация изменилась.

1920-е гг. – особенное время в отечественной истории. Это была эпоха контрастов, когда «буря и натиск» нового советского мира встретили сопротивление почти во всех сферах жизни. Не стала исключением и система высшей школы, в том числе и Томский университет, который ко времени восстановления советской власти в Томске в 1919 г. имел за собой 30-летнюю историю и сложившийся образ корпоративной идентичности университетского сообщества. С. Финкель отмечал: «Период Гражданской войны можно считать относительно “либеральным” по отношению к высшему образованию, но начало НЭПа компенсировало этот либерализм настойчивым вмешательством со стороны партийно-государственных органов в дела высшего образования» [6. С. 174].

Радикальное изменение статуса профессоров и научных сотрудников, контекста повседневности, принципов организации управления внутри университета, экспансия советской партийной культуры в вузовскую жизнь определили то, что в 1920-е гг. в сте-

нах университета развернулась борьба, в которой оппонентом власти и части профессорско-преподавательского состава стала так называемая старая профессура. В это время в университете шла трансформация былой корпоративной идентичности, которая в конечном итоге в результате сложного сочетания традиции и новации сложилась в особое явление.

Для проведения реформ в томских вузах («согласно со своей революционной совестью») не только в сфере управления, но и преподавания создавались так называемые тройки, куда входили представители «от парткома, студенчества и народа» [7. 1920. 6 марта]. В 1920 г. была создана Коллегия по управлению высшими учебными заведениями г. Томска, плодом деятельности которой явилось «Положение о Томском университете и Технологическом институте». На протяжении последующего полугода его текст неоднократно менялся без согласования с профессурой и студенчеством. Готовое положение вызвало несогласие со стороны ректора и профессоров Томского университета, прежде всего по вопросу о представительстве студенчества и прочих заинтересованных государственных, профессиональных, производственных и общественных организаций в ученых и административных структурах университета [8. Л. 5].

Отменялись ученыe степени и связанные с ними привилегии. По декрету СНК (1918 г.) все приватдоценты со стажем не менее 3 лет становились профессорами, что значительно пополнило профессорско-преподавательский корпус томских вузов и в то же время наложило отпечаток на взаимоотношения внутри академической корпорации. В Томском университете после введения действия декрета количество профессоров увеличилось на 25% (с 60 до 75 чел.) [5. С. 142]. В 1920 г. звание профессора Томского университета получили Я.А. Калачников (по кафедре терапевтической клиники), П.М. Караганов (по кафедре судебной медицины), В.Я. Нагнибеда (по кафедре теории и техники статистики), Е.И. Неболюбов (по кафедре детских болезней), А.М. Никольский (по оториноларингологии) и др. [9. С. 185, 188, 308, 310, 324]. По замыслу организаторов, эта мера должна была внести раскол в корпорацию и склонить часть профессоров в сторону советской власти.

Неприятие вызвала и отмена аттестации научных кадров, являвшейся в дореволюционной высшей школе «общепризнанным внутри корпорации способом вхождения в нее и одним из механизмов функционально-ролевой иерархии». Несмотря на нововведение, часть профессоров стремились к сохранению «форм внутренней аттестации». Некоторые из них (как, например, В.Д. Кузнецов) отказывались от получения звания профессора и проходили процедуру защиты диссертации на звание ученого специалиста [5. С.136]. Таким образом они выражали свою солидарность со сложившимися еще до революции классическими принципами получения ученой степени и приятия в профессорское университетское сообщество.

25 января 1921 г. на заседании Совета Томского университета состоялись выборы ректора по новым правилам. В голосовании принимали участие 190 человек (77 профессоров и преподавателей, 103 пред-

ставителя от студенчества, 9 – от административно-хозяйственной части). В своем вступительном слове подавший в отставку ректор профессор А.П. Поспелов охарактеризовал период с момента восстановления советской власти в Томске как «бессовесть», отметив при этом: «За год существования советской власти в Сибири администрации университета приходилось и приходится переживать тяжелые моменты вследствие неполной налаженности отношений местной власти к университету» [8. Л. 8 об.]. Профессор В.Н. Саввин в ходе заседания отметил, что «Положение о Томском университете и Технологическом институте» «в своих основных пунктах страдает неясностью и логической несогласованностью».

Решением частного совещания профессоров и преподавателей на пост ректора была выдвинута кандидатура профессора Б.Л. Богаевского, одобренная студенческой фракцией. В своем обращении к собравшимся Богаевский заявил: «Незачем говорить нынешним сибирякам, как Томский университет необходим для Сибири, – это слишком очевидно. Томский университет надо сберечь и усилить. Каковы веления Духа, оживляющие университет? Университет должен существовать, как *Universities Litterarum*. С гордостью можно отметить, что профессора, преподаватели и студенчество признают необходимым сохранить гуманитарные факультеты. Нет разницы между представителями точных дисциплин и представителями гуманистов... Но наряду с веяниями Духа существует, как выразился в одной из своих трагедий гениальный греческий поэт Эсхил, “Веления Жизни”. Должны быть созданы здоровые, простые и культурные условия жизни и работы в университете» [Там же. Л. 12–12 об.].

Из-за отсутствия достаточного количества шаров (именно по ним ранее осуществлялись выборы) для голосования использовались записки. Б.Л. Богаевский был избран подавляющим большинством голосов. На том же заседании избирался состав хозяйственного комитета и комитета по студенческим делам. В марте избрание нового ректора было одобрено заведующим ЗапСибнарообразом Д.К. Чудиновым. Несмотря на процедуру одобрения государственным органом, это были первые столь демократичные выборы в истории университета.

Однако, как вспоминал В.Д. Кузнецов, новый ректор «примыкал к группе реакционных профессоров, и большевики были им очень недовольны» [10. С. 148]. Подтверждается это и критикой его вступительной речи, развернутой в печати. Так, в одной из заметок в местной газете «Знамя революции» (в будущем – «Красное знамя») профессор Богаевский был представлен идеологом «философии вымирания». В его лице критиковалась вся старая профессура с ее «флером пессимизма и сожалением по умирающей буржуазно-капиталистической культуре», «преклонением перед “Духом”, незнающим социальных расслоений и классов», «защитой полного банкротства идеализма» и т.д. В заметке отмечалось: «Становится очевидным, что являясь продуктом социального вымирания класса эксплуататоров, “философия вымирания” больше чем когда-либо в период своего вырождения стано-

вится ярой реакцией против всяких попыток новых течений» [7. 1921. 31 марта].

Автор заметки не побоялся прибегнуть и к оскорбительным выражениям в адрес старой профессуры («философствующие дегенераты»), что трудно было представить в прежние времена. Это явственно свидетельствовало о трансформации социального статуса «старых» профессоров и преподавателей, их месте в новой сетке корпоративной идентичности университета.

Проведение реформ в системе высшей школы встретило сопротивление профессорско-преподавательского состава по всей России. Пиком его стал период осени–зимы 1921–1922 гг., когда «профессора ведущих вузов страны, нередко при поддержке своих студентов, громко и горько протестовали против введения нового устава, реформирующего высшее образование» [6. С. 174].

Наиболее недовольство профессуры вызывали инициативы власти, связанные с так называемой пролетаризацией вузов путем «предпочтительного приема рабочих и крестьян, организуя рабочие факультеты», изменением системы назначения на преподавательские должности, ликвидацией гуманитарных факультетов и введением вместо них факультетов общественных наук (ФОН) [Там же. С. 175].

По декрету СНК РСФСР «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)» от 2 сентября 1921 г., фактически выполнявшего функцию устава, в советы вузов наряду с профессорами должны были входить преподаватели и научные сотрудники, студенты, представители профессиональных объединений, местных губисполкомов, наркомата и т.д. Всеми высшими учебными заведениями РСФСР заведовал Народный комиссариат просвещения. По уставу, ректоры и члены Правления назначались Главным комитетом профессионально-технического образования из числа лиц, избранных в вузе по пяти куриям.

В 34-й статье Положения указывалось: «В случае неповиновения распоряжениям Правления со стороны подчиненных коллегий [Советов и Президиумов факультетов и пр.], или единоличных органов со стороны отдельных лиц и групп, принадлежащих к составу преподавателей, слушателей и служащих высшего учебного заведения, Правление имеет право для восстановления порядка непосредственно обращаться к содействию соответствующих органов власти на местах, немедленно уведомляя об этом Главный комитет профессионально-технического образования» [11].

Принятие «Положения...» вызвало в академической среде России эффект разорвавшейся бомбы. Ситуация усугублялась и тяжелым материальным положением, в котором оказалась профессура по всей стране. В городах центральной России (прежде всего в Москве и Петрограде) акции протesta сопровождались прекращениями занятий, забастовками, призывами к саботажу, ультиматумами со стороны профессуры и студенчества в адрес власти.

Что касается профессуры Томского университета, с ее стороны протест носил неявный характер. Однако именно томская профессура в вопросе лояльности советской системе в то время считалась «особенно упрямой» [12].

В 1922 г. в Томском университете был закрыт ФОН. Подобный факультет, по замыслу организаторов, был оставлен в «более молодом» Иркутском университете, «которому было легче переварить советское обществоведение, чем старому и окрепшему в своих возвраниях Томскому университету». «Учебное заведение, выросшее в период революции, – вспоминал Д.К. Чудинов, – было более подвижным и чутким к запросам действительности... Оставление факультета общественных наук в Иркутске и закрытие его в Томске было принято, как кровная обида, нанесенная университету» [13. С. 35]. Едва удалось избежать реорганизации физико-математического факультета университета в педагогический институт. Вскоре после закрытия ФОНа профессор Б.Л. Богаевский оставил пост ректора и покинул город [14. С. 87].

Профессор В.Д. Кузнецов, исполнявший обязанности ректора Томского университета с июля по сентябрь 1922 г., вспоминал, как незадолго до назначения он был приглашен на встречу с почтенными томскими профессорами А.П. Поспеловым (бывший ректор), С.М. Курбатовым, Н.В. Култашевым, Ф.Э. Молиным, М.Д. Рузским и тем же Б.Л. Богаевским. Кузнецов писал: «Когда я вошел в кабинет, то увидел, что все были в сборе. Очевидно, профессора собрались раньше. Пропустив меня, профессор Поспелов запер кабинет и ключ положил себе в карман, вынул из кармана револьвер и демонстративно положил его на стол. “Вот так попал”, – подумал я... Суть “беседы” сводилась к тому, что профессора меня запугивали, требовали, чтобы я не выдавал их на съедение большевикам, чтобы я во всем слушался их, так как только в этом случае можно сохранить университет, иначе он будет уничтожен» [10. С. 150].

Между тем продолжалась идеологическая кампания в местной прессе против старой профессуры. В сентябре 1922 г. критику вызвала встреча местных профессоров с представителем Нансеновского комитета иностранной помощи русской интеллигенции Гибсоном, с которой «по единогласному постановлению профессуры были изгнаны профессора рабфака». Данная акция была расценена как антисоветская политическая вылазка томских «рыцарей “apolитической буржуазной науки”» [7. 1922. 9 сент.]. В газете «Красное знамя» отмечалось, что рабфаковцы, «чтобы подчеркнуть свою солидарность и неразрывную связь со всем пролетариатом, бастующим и голодающим больше всего именно в тех странах, откуда идет помощь», запели «Интернационал». В ответ группа студентов запела гимн, символизирующий ценности доктора революционной и в целом классической высшей школы, – «Gaudemus». «Эту по существу ничего не выражавшую песенку, – прокомментировал автор заметки, – буржуазное студенчество противопоставило “Интернационалу” рабфаковцев с целью показать свою идейную связь со старыми дореволюционными и зарубежными коллегами... Товарищ вытесняет “коллегу”, “Интернационал” заглушает “Гаудеamus”» [Там же. 16 сент.].

В октябре того же года резонанс вызвала речь профессора С.В. Лобанова на открытии учебного года на медицинском факультете Томского университета, в

которой он говорил о том, что «старая высшая школа давала много, ее никто не разорял; в старой школе слушали профессоров и относились к ним с полным уважением и доверием, что бы ни делал старый профессор, его никто не критиковал, старые студенты, теперешние старшекурсники, даже недавно еще сами топили печи, заменяя собой сторожей, которые ходили на рынок, а, главное, они являются опытными во всяких делах». Анонимная «abituriентка» назвала услышанное «программной речью старой профессуры» и выразила надежду, что «не за горами время, когда мы будем иметь и свою красную профессуру» [7. 1922. 3 окт.].

Вызвав раскол в университетской корпорации по важным вопросам, касающимся идентичности сообщества, советская власть в условиях невозможности достичь компромисса со старой профессурой взяла курс на замену ее новой «красной профессурой». «Молот истории застучал по толстым стенам университетов и вывел из равновесия ученое болото... Мрачная надежда на попятное движение истории согревает душу ученых старичков... Победившая революция вправе рассматривать высшую школу как один из фронтов контрреволюции», – говорилось в очередной «непримиримой» заметке в «Красном знамени» [Там же. 28 июня].

«Передовая часть буржуазно-монархических группировок в лице большей части профессуры и реакционного студенчества» [Там же. 10 окт.] продолжали критиковатьсья на протяжении всех 1920-х гг. Критике подвергался профессор Б.П. Вейнберг из-за содержания своих публичных лекций [Там же. 3 июля]. В свете своеобразной «победы» над старой профессурой был представлен процесс над бывшим профессором богословия Томского университета И.Я. Галаховым [Там же. 11 мая, 25 июля]. В конце 1920-х гг. нередко ставилось под сомнение, прежде всего с идеологической точки зрения, содержание курсов профессоров И.Н. Бугакова [7. 1929. 24 янв.], В.Д. Кузнецова, В.П. Миролюбова [Там же. 26 апр.], Л.И. Оморокова, И.А. Соколова [Там же. 8 мая] и др. Тогда же настоящей травле в прессе подвергся профессор ТГУ Вит.А. Хахлов.

Однако еще в 1923 г. после посещения Томска нарком просвещения А.В. Луначарский, говоря о томских профессорах, констатировал: «Из всех бесед моих с профессурой, наблюдений, справок, из этого вечера, проведенного, так сказать, с “профессорской массой”, я вынес решительное заключение, что профессура в подавляющем большинстве, по меньшей мере, примирилась с советской властью и самым лояльным образом готова сотрудничать с ней, что сопротивление профессуры можно найти только в порядке некоторой учебно-методологической косности, которая не может не противиться некоторым реформам в области самого преподавания, не может не находить их чуждыми и скороспелыми... Расстояние между нами и профессурой стало меньше, даже в Томске...» [12].

В «Советской Сибири» была опубликована заметка бывших профессоров томских вузов (П.И. Лященко, В.А. Ванюкова и др.), в которой те выразили

«большое удовлетворение статьей Луначарского» и, особенно, его словами о том, что «Томск должен явиться гигантским культурным очагом для Северной Азии, отчасти и за пределами Сибири» [15. 1923. 31 июля]. Однако и это в целом лояльное выступление не обошлось без ответной критики представителей местных властей [Там же. 17 авг.].

Стоит, однако, отметить, что скорее местная власть была вынуждена примиряться со старой профессурой, чем наоборот. Ярко свидетельствует об этом тот факт, что в 1922–1929 гг. ректором Томского государственного университета был представитель той же старой профессуры, упоминавшийся выше профессор В.Н. Саввин. Партийные представители в университете, ведшие мониторинг политических настроений профессорско-преподавательского состава и делившие его на «махрово-реакционную, нейтральную и просоветскую части» [16. Л. 7], в своем послании заместителю Наркомпроса И.И. Ходоровскому отмечали: «Реакционно-консервативные профессорские кадры с идущими за ними молодыми сотрудниками хорошо сколочены в свой фракционный кулак и возглавлены таким матерым лидером, как ректор Саввин» [17. Л. 8].

Столкновение между старой, верной дореволюционным академическим традициям и отстаивающей идею автономии университета, и новой, лояльной советской власти, профессурой проявилось, например, после избрания деканом физико-математического факультета профессора В.В. Ревердатто, когда часть профессоров факультета желала «снять его с этой должности», и многие профессора (В.Д. Кузнецов, И.А. Соколов, А.В. Лаврский, С.В. Лебедев и др.) были настроены по отношению к нему оппозиционно. Продолжалась борьба против участия студентов в управлении вузом. Возражение вызывали попытки ввести на кафедры ординаторов и научных работников, «не угодных заведующему». [18. Л. 1–6]. Так старая профессура стремились сохранить в университете «традиционную модель внутрикафедральных отношений» [5. С. 143], проявлявшейся, в частности, в уважении и приоритете мнения заведующего при выборе новых сотрудников.

Представители старой профессуры, осознавая свое значение для города и университета, в случае возникновения конфликтных ситуаций нередко прибегали к ультиматумам, угрожая покинуть университет. Это была действенная мера. В партийной докладной записке университета тех лет отмечалось: «У нас так мало научных сил, к нам так неохотно едут, от нас так охотно бегут, что приходится дорожить буквально каждой единицей, каждой сколько-нибудь активной фигурой, подчас закрывая глаза на некоторые проблемы» [17. Л. 8 об.].

Действительно, тяжелые материальные условия (низкие заработные платы, проблемы с жильем и т.д.), напряженные корпоративные отношения, столкновения в рамках университета различных ценностей, мировоззрений, в целом кризис группового сознания местного научного сообщества приводили к оттоку научных кадров высшей квалификации из Томска. С 1920 по 1924 г. Томский университет лишился

23 профессоров. Из них 5 умерли, 12 уехали, 6 переехали во вновь организованные вузы Сибири. Всего город за это время покинули 40 профессоров. Перед началом 1924/25 учебного года из Томска уехали профессора П.М. Силин, Н.В. Култашев, А.А. Кулябко. Ряд других профессоров собирались покинуть город (С.П. Гомеля, Н.И. Карташов, Я.И. Михайленко). Все это заставляло говорить жителей об эпидемии бегства из Томска [7. 1924. 2 окт.].

В борьбе двух течений в корпоративной сфере университета, в конце концов, мог проиграть сам Томск, превратив свою репутацию крупного северо-азиатского научно-просветительского центра в факт исторического прошлого.

Уважение к традициям и заслугам членов корпорации, в данном случае заслуженных и почтенных ученых, является важным показателем уровня развития корпоративной культуры, создавая репутацию вузу и привлекая в него новых работников. В 1920-е гг. острые критика в прессе старой профессуры совмещалась с традицией чествовать юбиляров и доносить до населения сведения об их заслугах.

Так, в апреле 1924 г. был отмечен 40-летний юбилей научно-преподавательской и врачебной деятельности профессора терапевтических клиник ТГУ М.Г. Курлова и 30-летний юбилей научно-педагогической деятельности в Сибири профессора ботаники В.В. Сапожникова. В газете «Красное знамя» подчеркивалось: «Оба юбиляра за время своей профессорской деятельности создали многочисленную школу учеников, из которых многие ныне занимают кафедры в университетских городах России». Их чествование состоялось 20 апреля 1924 г. На нем присутствовали профессора, преподаватели, студенты и жители города [Там же. 19 апр.]. В их честь были выпущены юбилейные номера «Известий ТГУ».

Заметки и юбилейные мероприятия посвящались профессорам ТГУ В.М. Мышу («30-летие работы») [7. 1925. 12 февр.], М.С. Тарабенко («25 лет работы за социалистическую культуру») [7. 1926. 4 марта], Н.А. Александрову («25-летие в качестве профессора Томского университета»), Н.В. Вершинину («30 лет научной и ученой работы») [Там же. 18 апр.], А.Н. Зимину [7. 1927. 26 окт.] и др.

Отмечались юбилеи обыкновенно на торжественных заседаниях в Актовом зале ТГУ и нередко «превращались в праздник труда и науки». Так, упомянутый юбилей деятельности профессора В.М. Мыши сопровождался приветствиями не только коллег и студентов, но и общественных организаций. В.М. Мыш, который был представителем старой профессуры, в поздравлениях был удостоен звания «инженера медицины». В прессе при этом отмечалось: «Юбилей профессора В.М. Мыши, его 30-летняя многогранная деятельность лишний раз подчеркнули общность интересов трудящихся и ученых» [7. 1925. 24 нояб.].

В 1926 г. в Томском университете праздновали 35-летний юбилей факультетских клиник. В президиум заседания входили заместитель ректора профессор Е.И. Неболюбов, профессор А.П. Азбукин, а также представители окрисполкома и окрздрава, студенчества, месткома клиник, первый выпускник медицин-

ского факультета доктор Л.И. Рубинштейн. Под бурные аплодисменты собравшихся почетным председателем был избран М.Г. Курлов. Торжества состоялись в воскресенье 19 декабря. Главврач профессор С.В. Лобанов, а также профессора И.М. Левашев и А.Н. Зимин сделали доклады об истории и современном состоянии клиник [7. 1926. 19 дек.]. Собравшиеся в ходе заседания отдали дань памяти «профессорам факультетских клиник, отдавших им лучшие годы своей научной практической деятельности и умерших на своем посту: [А.П.] Коркунову, [И.Н.] Грамматику, [С.М.] Тимашеву, [М.Ф.] Попову, [В.А.] Муратову и др.». Старейшим работникам клиник были вручены благодарственные грамоты [Там же. 21 дек.]. Приветственную телеграмму в связи с юбилеем прислал Нарком здравоохранения Семашко.

В 1927 г. были отмечены 10-я годовщина физико-математического факультета и «10 революционных лет» Библиотеки ТГУ. А в следующем году был отпразднован 40-летний юбилей Томского университета. Он был приурочен ко дню октябряских торжеств. В рамках подготовки к торжественному заседанию Актовый зал ТГУ был декорирован живыми цветами из оранжереи Ботанического сада, в нижнем этаже здания (в помещении Клуба ученых) была организована книжная выставка.

Празднование юбилея университета интересно с точки зрения эклектичного сочетания традиций старого времени и символики нового. Так, открывалось заседание исполнением «Интернационала» оркестром и хором музыкального техникума под управлением Л.Н. Виссонова. Почетными членами президиума были избраны А.И. Рыков, И.В. Сталин, А.В. Луначарский, Н.А. Семашко, а также председатель исполкома Сибирского краевого совета Р.И. Эйхе и первый секретарь Сибирского краевого комитета ВКП(б) С.И. Сырцов. Кроме профессоров, преподавателей и студентов на заседании присутствовали представители советских, партийных, общественных организаций города. Приветственные телеграммы прислали Наркомздрав, крайком, крайисполком, все местные организации и т.д.

Доклады сделали ректор В.Н. Саввин, декан физико-математического факультета В.В. Ревердатто, декан медицинского факультета А.П. Азбукин, студент И.Е. Зудилов. Зал продолжительными аплодисментами чествовал хранителей традиций университета, старейших профессоров П.В. Бугаина, И.М. Левашева, Н.В. Вершинина, В.П. Миролюбова. Тогда же было предложено присвоить факультетской и терапевтической клинике имя М.Г. Курлова, а Гербарию ТГУ – П.Н. Крылова [7. 1928. 10 нояб.]. Решено было издать юбилейный том «Известий ТГУ», в котором планировалось отразить научную, учебную, общественную деятельность университета за 40 лет.

Судя по поздравительным посланиям, юбилей университета, во всяком случае на время, объединил не только университетское сообщество, но и весь город. Корпоративный дух существует не только на уровне организации: он сохраняет связь и со всеми бывшими членами корпорации. В юбилейный период университет вспомнили многие бывшие студенты и

преподаватели. Это были благодарности «за полученное образование», пожелания « дальнейшего развития и процветания», «воспоминания об ушедших из жизни и вложивших в дело свою активность» служителей университета, просто «приветы близкому сердцу Томскому университету». Бывший помощник секретаря Правления университета В.Н. Ансиев пожертвовал «своим недвижимым имуществом, находящимся на улице Равенства». Не забыл университет и бывший ректор Б.Л. Богаевский, который отметил в своем приветствии: «Желаю продолжения плодотворной деятельности. Живо вспоминаю хорошие работы в университете» [19].

Поводом к корпоративной консолидации нередко служат и трагические события. В 1924 г. Томск встретил новость о кончине профессора В.В. Сапожникова. Профессор В.Д. Кузнецов от имени университетского сообщества отметил в некрологе: «Спи мирно, дорогой друг и товарищ и не беспокойся: мы будем помнить твои заветы и будем стараться продолжать твою работу» [7. 1924. 13 авг.]. Еще ранее из газет жители города могли получить сведения о том, что во время научной командировки на Алтай профессор В.В. Сапожников простудился, получил крупозное воспаление легких и больной возвратился назад [7. 1923. 2 нояб.]. Соболезнования о кончине поступали не только от научных работников города, коллег по университету, но и из разных организаций СССР (Наркомпрос, Академия наук и т.д.) [Там же. 1924. 24 авг.]. На гражданскую панихиду в Актовом зале ТГУ собрались и профессора, и студенты, и рабфаковцы. Не обошли стороной это траурное мероприятие и представители советской власти. Свое прощальное слово сказали ректор В.Н. Саввин, профессора В.Д. Кузнецова, С.В. Лобанов, В.В. Ревердатто, декан рабфака С.Т. Русаков, представитель студентов В.П. Гришкевич. Всю ночь рядом с телом «дежурили почитатели» профессора [Там же. 15 авг.].

Поддержание традиции устройства юбилеев и чествований, отражение в городской печати трагических событий, связанных с университетом, восстановление в 1920-е гг. своеобразного культа ученых города, а также приобщение к этим процессам представителей городской партийной власти свидетельствуют о том, что в 1920-е гг. в Томском государственном университете начинает складываться новый тип корпоративной идентичности, рожденный одновременно из традиции и новых веяний.

Наряду с поиском фундаментальных ценностей, на которых можно выстроить идентичность университета в советское время, предотвратить опасность утраты городом репутации культурного центра Сибири, властями предпринимались меры, призванные остановить падение уровня жизни профессоров, преподавателей, университета. В 1920-е гг. в городе функционировала Комиссия по улучшению быта ученых, в 1925 г. были на 20% (надбавка за работу в окраинных вузах) повышены оклады научных работников вуза [7. 1925. 21 мая], организовывались дома отдыха, для ученых предоставлялись путевки на курорты, улучшилось хозяйственное положение университета в целом. В 1925 г. в одном из своих докладов В.Н. Саввин

отметил: «Бегства научных работников из-за недостаточного материального обеспечения, что имело место в прошлые годы, в настоящее время едва ли приходится опасаться» [7. 1925. 29 марта].

Таким образом, в рассматриваемый период Томский университет столкнулся с кризисом корпоративной идентичности. Стены вузы стали ареной столкновений разных философий, мировоззрений, взглядов на принципы организации управления, учебных планов, содержания курсов и т.д. Университетское сообщество, как студенты, так и преподаватели, дифференцировалось по идеяным, ценностным установкам. Для формирующейся корпоративной культуры было характерно осознание университета как культурного ядра Томска, а Томска – как культурного центра Сибири, зарождение практики социального эгалитаризма в университете и низкий уровень субординации внутри сообщества (все друг другу товарищи), наконец, приобщение к социалистическому строительству, на основе чего изменился и имидж ТГУ.

Одной из особенностей университета в рассматриваемый период является то, что складывание новой корпоративной идентичности шло в нем одновременно с формированием нового имиджа.

Уже в начале 1920-х гг. изменились очертания «лица» университета – его главного корпуса. В дореволюционные времена на фронтоне располагался крест. Связано это было с тем, что в здании тогда располагалась домовая церковь. Естественно, после окончательного установления в городе советской власти церковь была закрыта, а крест снят. На его месте, в тот же подкрестный шар, был установлен знак «Серп и молот». Этот символ нового времени одно время сочетался с табличками на фасаде с надписями об основании и открытии университета, сделанными еще старой орфографией.

Позднее над фронтоном главного корпуса университета развивался советский флаг. Уже в 1930-е гг. здание обретет свою законченную «советскую» композицию, когда после присвоения университету имени В.В. Куйбышева его новое название красными буквами увенчает фасад. В праздничные дни его украшали гербом СССР, портретами Ленина и Сталина. Накануне войны перед фонтаном был установлен памятник последнего. Новые красные тона радикально изменили имидж университета.

В период острого противостояния старой и новой профессуры изменились интерьеры в стенах университета. Портреты «героев нового времени» Ленина и Калинина, академиков Обручева и Тимирязева в 1920-е гг. нередко украшали помещения университета. Изображения политических лидеров страны были на транспарантах с лозунгами, которые по случаю торжеств вешались в Актовом зале университета. В обиход городских обывателей через прессу и выступления учёных стали входить сравнения Томска с западными университетскими центрами, образуя такие сочетания, как Сибирский Оксфорд, Сибирский Гейдельберг и т.д. Улица Черепичная, на которой располагались студенческие общежития, по примеру Парижа нередко именовалась в газетах «Томским “Латинским кварталом”». Изменилась документальная атрибутика ву-

за: гербовые и факультетские печати. Наконец, именно в 1920-е гг. университет приобрел свое современное название – Томский государственный университет (с 1921 г.).

Важным аспектом изменения имиджа университета стало переформатирование его социальной составляющей. Отмечается, что в позднеимперский дореволюционный период большинство профессуры России и мира в целом руководствовались так называемой идеологией науки, что подразумевало приоритет просветительских целей над утилитарными интересами государства и экономики [6. С. 174]. Это отражалось и на статусе Императорского Томского университета, который считался центром просвещения Сибири. Отсюда рождалась старая традиция томской профессуры давать публичные лекции. В 1920-е гг. статус университета и его имидж претерпевают изменения – от центра культуры и просвещения к «кузнице кадров» для народного хозяйства азиатской части СССР.

Под впечатлениями от посещения Томска А.В. Луначарский в 1923 г. писал: «Было бы прямой нелепостью и полной культурной опрометчивостью ставить крест на Томске. Грядущее темно, и самая близость Томска к Кузбассу с его гигантским будущим, к Кузбассу, правление которого и теперь еще в Томске, может открыть в экономическом отношении гигантские перспективы» [12. 21 июля]. В том же году в ходе собрания профсекций вузов г. Томска Всероссийского союза горнорабочих, состоявшемся в университете, специалист в области горного дела профессор Д.А. Стрельников сделал доклад на тему «Кузбасс и его промышленное значение». В нем он подчеркнул, что возрождение и дальнейшее развитие промышленности, строительство новых железных дорог, потребление топлива рудниками на собственные нужды, наконец, рост потребления энергии самим населением Сибири ставили перед Кузбассом задачу увеличения показателей добычи угля, а перед инженерами и учёными горного дела – повышения производительности труда на шахтах [7. 1923. 16 мая]. Профессор М.А. Усов неоднократно в своих статьях и докладах обращал внимание на крупнейшие угольные месторождения Сибири, которые необходимо разрабатывать: Минусинскую котловину, Тунгусский угленосный бассейн, Иркутское месторождение и т.д. «Сибирь – страна черного золота», – отмечал Усов [Там же. 1924. 24 апр.]. Широкие перспективы для экономики региона представляла организация металлургического дела [Там же. 1925. 31 июля]. Однако в условиях распространения двигателей внутреннего сгорания будущее, как отмечал в одной из своих статей профессор Н.И. Карташов, принадлежало «драгоценнейшему природному богатству» – нефти [Там же. 13 февр.].

Тот факт, что Сибирь обладала большими природными запасами и что подавляющая их часть оставалась нетронутой, делали актуальными для учёных Сибири вопросы изучения производительных сил региона. Так, в 1924 г. Обществом сибирских инженеров была создана комиссия для создания органа, «который объединил бы все имеющиеся силы для выявления экономических и промышленных возможностей Сибири». В нее кроме инженеров вошли профес-

сора С.В. Лебедев, В.И. Минаев, И.Ф. Пономарев [7. 1924. 7 марта].

Как следствие, вузы превращались в инструмент социалистического строительства и развития народного хозяйства. Отсюда вытекала и технологизация их образов в массовой презентации. В прессе все чаще Томский университет и технологический институт стали сравниваться с предприятиями, выпускающими продукцию: инженеров, врачей, педагогов. В свою очередь, «перед студенчеством и передовым профессорско-преподавательским составом стояла задача улучшить эту продукцию с наименьшими затратами сил и средств» [Там же. 10 окт.]. Социальная роль вузов освещалась в таких оборотах, как «ближе к запросам жизни», «осуществление НОТ (научной организации труда. – Авт.) в вузах», «укрепление связи вузов с производством», «теснее связь науки и труда», «предъявить свой счет Уралу» и т.д. По итогам всесоюзного ректорского совещания 1924 г. было решено «для усиления связи вузов с производством использовать три пути: летняя практика (в рамках так называемого третьего триместра. – Авт.), постоянная практика (при кооперативной системе) и планомерная связь с удовлетворением запросов промышленности в вузах» [Там же. 14 нояб.].

Особый упор стал делаться на связь университета и народных масс. В таком ключе освещался, например, Съезд врачей Сибири, состоявшийся в Томске в 1926 г. В новой идеологической парадигме особая роль принадлежала, конечно же, Томскому технологическому институту (с 1925 г. – Сибирский технологический институт), названному Кузницей пролетарских инженеров [7. 1927. 6 нояб.]. Что касается Томского государственного университета, то стоит отметить, что в 1920-е гг. он был крупнейшим в Сибири центром подготовки врачей, что определяло его стратегическое региональное значение как «Мастерской медицинских кадров».

«Старый медицинский факультет, несмотря на трудные годы, удержал всю высоту научной подготовки дела», – отмечалось в газете «Красное знамя» [Там же. 6 мая]. Технологический подход к презентации вуза предполагал особое внимание к показателям (как и на любом предприятии). Так, отмечалось, что «за 10 лет советской власти Томским государственным университетом выпущено врачей больше, чем за 25 лет дореволюционного времени», «тысячи молодых врачей, сотни квалифицированных специалистов, десятки профессоров» и т.д. [Там же. 6 нояб.]. Немаловажную роль в процессе подготовки специалистов для сибирской промышленности играл и физико-математический факультет ТГУ. Университет включился в конкурентную борьбу с другими вузами Сибири, ставшую известной как социалистическое соревнование.

Новый статус университета давал особые очертания его социальному облику в плане сближения с производством и народными массами, что особенно характерно проявилось, например, в случае избрания в 1928 г. профессоров ТГУ М.Г. Курлова и П.Н. Крылова в почетные шахтеры [7. 1928. 30 нояб.].

Наука становилась фактором государственной политики и международных отношений, что предопре-

деляло и особое значение университета и томских вузов в целом в бурно развивавшихся Сибири и Урале. Позднее, в 1932 г., во время выездной Урало-Кузбасской сессии Академии наук СССР ее вице-президент академик В.Л. Комаров отметил: «Мы ехали в Томск, зная, что сейчас в период бурного расцвета социалистического строительства, в период, когда мы стоим перед большой работой по выполнению второго пятилетнего плана, Томск в системе всей Западной Сибири и в строительстве Урало-Кузбасского комбината играет исключительную роль» [7. 1932. 15 июня]. Подчеркивая значение города как «старого культурного и научно-исследовательского очага Сибири», академик С.И. Вавилов, в будущем президент АН СССР, сказал: «Академия наук знает, что пионеры-инженеры на Урале все почти без исключения были томичами, что первые начатки техники на Дальнем Востоке, первая заслуга в этой области принадлежит Томску, что основы исследования естественных богатств Сибири заложены томичами. Академии наук известно, что Томск стал мощным центром теоретической и научной технической мысли... Перед колоссальными новыми задачами, перед славой их завершения, конечно, померкнет слава старого Томска... Академия наук ранее, еще совсем недавно бывшая ученым обществом, в котором были сосредоточены представители так называемой “чистой науки”, переменила свой фронт: она пошла навстречу жизни, пошла навстречу техники, навстречу задачам политики и задачам производства в промышленности» [Там же. 14 июня].

«Должен был наступить такой момент, когда все это отношение научных работников должно было вылиться в известную форму. И этот момент наступил» [7. 1927. 23 окт.], – отметил В.Н. Саввин в беседе с журналистом местной газеты в 1927 г. Пересмотр социальной роли университета в новых реалиях не просто изменил его имидж и статус, но и способствовал корпоративной консолидации внутри университетского сообщества и в целом зарождению особой типологии советской научной интеллигенции.

Вместе с тем, как уже было отмечено, сохранялась просветительская традиция профессоров университета, заключавшаяся в чтении публичных лекций. Многочисленных слушателей в 1920-е гг. привлекали лекции профессоров Б.Л. Богаевского (по искусству), П.Н. Лащенкова (о быте национальных меньшинств), Н.А. Попова (о мозге) и др. В стенах ТГУ устраивались диспуты по различным вопросам, а местная газета использовалась для популяризации трудов и идей крупнейших томских ученых.

Так, в 1927 г. жители города узнали об издании «плода более чем сорокалетних трудов» – «Флоры Западной Сибири» профессора П.Н. Крылова. Всего планировалось издать 10 томов. В газете отмечалось: «Автор труда маститый профессор Томского государственного университета, работающий в Томске с 1885 года. В настоящее время ему 77 лет, но он еще упорно работает, мечтая о том, когда улучшение государственных средств позволит привести в порядок его детище – университетский ботанический сад, им основанный и взращенный» [Там же. 12 февр.]. Осве-

щались также научно-просветительские заслуги других крупных томских профессоров.

Новой формой выражения старой традиции стал Народный университет, открытие которого состоялось 13 октября 1925 г. в Актовом зале ТГУ. Торжества прошли под лозунгом «научные знания в широчайшие народные массы» «с одной целью – приобщить рабочих, трудящихся к великому знанию, к культуре» [7. 1925. 15 окт.]. Лекции в нем читали профессора ТГУ А.В. Лаврский, М.Д. Рузский, Вен.А. Хахлов, В.В. Ревердатто, М.С. Тарасенко и др. Народному просвещению способствовала и организация в ТГУ собственной радиовещательной станции, по которой нередко читались лекции и доклады научных работников.

Таким образом, в 1920-е гг. Томский университет претерпел значительные изменения: как в управлении и социальном составе, так и в структуре идентичности. Конвергенция старой дореволюционной тради-

ции жизни и взаимоотношений в университете, ценностей и мировоззрения старой профессуры с советским партийным видением устройства и принципов построения жизни внутри вузов в это время привели к рождению эклектичного, временами контрастного типа идентичности Томского университета.

Становление новой синтетической корпоративной идентичности сопровождалось противостоянием между профессорами старой школы, с одной стороны, и так называемой новой профессурой («красной профессурой») и представителями власти – с другой. Необходимость сохранения статуса университета как крупнейшего вуза Сибири способствовала нахождению общих ценностей в новых реалиях, на основе которых вплоть до 1940-х гг. складывался новый «“Красный” Томский государственный университет». В этот же период ТГУ стал инструментом социалистического строительства 1920–1930-х гг., что кардинально изменило имидж и идеологию вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эренбург И.Г. День второй. М. : Сов. лит., 1934. 256 с.
2. Фоминых С.Ф., Грибовский М.В., Сорокин А.Н. Корпоративная идентичность отечественных вузовских преподавателей в конце XIX – начале XXI в.: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 67–78.
3. Крылов А.Н. Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов. М. : Икар, 2004. 226 с.
4. Дагаева Е. Имидж вуза и корпоративная идентичность // Высшее образование в России. 2008. № 11. С. 89–93.
5. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск : Сова, 2007. 310 с.
6. Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в Советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов : материалы Междунар. науч. коллоквиума. СПб., 2003. С. 173–184.
7. Знамя революции. Орган Томского уездного революционного комитета (в январе 1920 г. «Сибирский коммунист», с октября 1921 г. «Красное знамя»). Томск.
8. Государственный архив Томской области. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 39.
9. Профессора Томского университета: биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
10. Кузнецов В.Д. Мой путь в науке // Музей истории ТГУ.
11. Декрет СНК РСФСР от 02.09.1921 «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 65. Ст. 486.
12. Луначарский А.В. По Сибири и Уралу. Сибирские впечатления // Известия ВЦИК, советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов и Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. М., 1923. 21 июня.
13. Чудинов Д.К. Из недавнего прошлого // Просвещение Сибири. 1927. № 10. С. 25–38.
14. Ректоры Томского университета: биографический словарь (1888–2003) / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, К.В. Петров, А.В. Литвинов, К.В. Зленко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 5. 188 с.
15. Советская Сибирь. Ежедневная газета Сибирского крайкома ВКП(б), Сибревкома и Новосибирского губкома и губисполкома. Новосибирск.
16. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 115. Оп. 2. Д. 6.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 3. Д. 1.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 330.
19. XL юбилей университета. Поздравительные телеграммы по случаю 40-летия открытия университета // Музей истории ТГУ.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2017 г.

TRANSFORMATION OF THE CORPORATE IDENTITY AND IMAGE OF TOMSK UNIVERSITY IN THE 1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 172–181.

DOI: 10.17223/15617793/418/21

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: Tomsk University; 1920s; corporate identity; image; professors.

In the article, based on the use of archival materials, periodicals and sources of personal origin, the transformation of the corporate identity and image of Tomsk University in the 1920s is being investigated. The main theoretical approaches to the concepts “corporate identity” and “corporate image” are considered. This allowed the authors to determine the state of Tomsk University in the period under review as a crisis of corporate identity. It is noted that the emergence of this crisis occurred as a result of the practical implementation of the decrees of the Council of People’s Commissars of the RSFSR and provisions on higher education at Tomsk University. The fall in the status and privileges of professors, the deterioration of their financial situation, the introduction of student representation in the administrative and academic structures of the university, the liquidation of academic degrees and attestations – all this caused a protest of professors throughout Russia, including representatives of the university community of Tomsk. Forms of confrontation between the old professors and the representatives of the Soviet government, supported by part of the faculty and students, are analyzed. This confrontation was manifested in the criticism of the representatives of the old university professors in the local press, in the ignoring of their opinion in solving important issues of the internal life of the university

(liquidation of the Faculty of Social Sciences, the order of admission of new faculty and researchers to the departments, etc.), in the attempt to grow a new “red professorship” and replace the old one with it. In turn, the old professors, using their influence, often resorted to ultimatums, manipulated the leadership of the university, retained the old traditions and ethics of relationships in the informal sphere. The rapprochement of the conflicting parties and the formation of a new mixed corporate identity on the basis of the convergence of pre-revolutionary academic values, ideals, traditions and new trends of the Soviet era were manifested in the resumption of the cult of venerable scholars of the university and the technological institute, in the tradition of solemn celebration of anniversaries (individual scholars, the university and its structures), in demonstrating respect for deceased professors. For the emerging corporate culture it was also characteristic to recognize the university as the cultural core of Tomsk, to introduce the practice of social egalitarianism within the university community (all are comrades to each other), to involve scholars in socialist construction. It is noted that the new corporate identity was formed simultaneously with the transformation of the image. It was created on the basis of the changed social mission of the university, the significance of which as a “forge of the cadres” in the Asian part of the USSR expanded and increased in the era of socialist construction. It is concluded that the new status of Tomsk State University was also formed on the basis of recreating its educational function in the Soviet era, which manifested itself in public lectures of university professors, popularization of their research achievements in the local press and the organization of the People’s University in Tomsk.

REFERENCES

1. Erenburg, I.G. (1934) *Den' vtoroy* [Day Two]. Moscow: Sov. lit.
2. Fominykh, S.F., Gribovskiy, M.V. & Sorokin, A.N. (2013) Corporate Identity of National University Lecturers at the end of the XIX - the beginning of the XXI century: the Study Concept. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 67–78. (In Russian).
3. Krylov, A.N. (2004) *Korporativnaya identichnost' dlya menedzherov i marketologov* [Corporate identity for managers and marketers]. Moscow: Ikar.
4. Dagaeva, E. (2008) Imidzh vuza i korporativnaya identichnost' [Image of the university and corporate identity]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 11. pp. 89–93.
5. Krasil'nikov, S.A. (2007) *Intelligentsiya Sibiri v pervoy treti XX veka: status i korporativnye tsennosti* [Intellectuals of Siberia in the first third of the 20th century: status and corporate values]. Novosibirsk: Sova.
6. Finkel', S. (2003) Organizovannaya professura i universitetskaya reforma v Sovetskoy Rossii (1918–1922) [Organized professorship and university reform in Soviet Russia (1918–1922)]. In: Smirnov, N.N. (ed.) *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov. Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma* [Power and Science, Scholars and Power: 1880s – early 1920s. Materials of the International Academic Colloquium]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
7. *Znanya revolyutsii*.
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 39. (In Russian).
9. Fominykh, S.F. et al. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: a Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
10. History Museum of TSU. Kuznetsov, V.D. (n.d.) *Moy put' v nauke* [My way in science].
11. RSFSR. (1921) Dekret SNK RSFSR ot 02.09.1921 “O vysshikh uchebnykh zavedeniyakh RSFSR (Polozhenie)” [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of September 02, 1921 “On higher educational institutions of the RSFSR (Regulations)"]. In: *Sobranie uzakoneniy RSFSR* [Collection of legal acts of the RSFSR]. Vol. 65. Art. 486.
12. Lunacharskiy, A.V. (1923) Po Sibiri i Uralu: Sibirskie vpechatleniya [In Siberia and the Urals. Siberian impressions]. *Izvestiya VTSIK, sovetov rabochikh, krest'yanskikh, kazach'ikh i krasnoarmeyskikh deputatov i Moskovskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov*. 21 June.
13. Chudinov, D.K. (1927) Iz nedavnego proshloga [From the recent past]. *Prosveshchenie Sibiri*. 10. pp. 25–38.
14. Fominykh, S.F. et al. (2003) *Rektory Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* (1888–2003) [Rectors of Tomsk University: A Biographical Dictionary (1888–2003)]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University.
15. *Sovetskaya Sibir'*.
16. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 115. List 2. File 6. (In Russian).
17. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 115. List 3. File 1. (In Russian).
18. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 330. (In Russian).
19. History Museum of TSU. *XL yubilej universiteta. Pozdravitel'nye telegrammy po sluchayu 40-letiya otkrytiya universiteta* [XL anniversary of the University. Congratulatory telegrams on the occasion of the 40th anniversary of the opening of the University].

Received: 26 March 2017

К ПРОБЛЕМЕ ВЕРХНЕЙ ГРАНИЦЫ КОКОРЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЕНИСЕЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ ТРОИЦКАЯ)

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»

Изложены итоги комплексного изучения позднепалеолитической стоянки Троицкая на Красноярском водохранилище. Отнесение памятника к кокоревской культуре обосновано пластинчатостью инвентаря, стандартами первичного расщепления, набором и типологией орудий. При этом в каменном инвентаре стоянки отмечены особенности, не характерные для традиционных комплексов кокоревской культуры. По мнению авторов, это связано с поздним возрастом памятника, подтверждаемым стратиграфической позицией культурного слоя и датой $9\,851 \pm 109$ лет назад. Тем самым материалы стоянки Троицкая позволяют раздвинуть хронологические рамки существования кокоревской культуры до раннего голоцен и рассматривать ее как вероятную основу енисейского эпипалеолита.

Ключевые слова: Средний Енисей; Красноярское водохранилище; финальный палеолит; ранний голоцен; кокоревская культура.

Кокоревская археологическая культура была выделена З.А. Абрамовой в 1960-е гг. по итогам изучения позднего палеолита в зоне будущего Красноярского водохранилища [1]. Индустриси кокоревской культуры, сохраняя традиционную для Енисея галечную архаику в виде разнообразных чопперов и крупных скребел, отличались выраженной пластинчатой техникой. Именно на получение пластин соответствующих размеров были ориентированы нуклеусы на специально подобранных гальках. На свойствах удлиненной заготовки основаны набор и типология орудий: остроконечников, концевых скребков, резцов, ножевидных и скребловидных орудий. Развитая микротехника кокоревской культуры существовала в форме симметричных клиновидных и торцовых микронуклеусов. Многочисленные костяные пазовые оправы показывали степень распространения и вариативность вкладышевой техники.

Возраст кокоревской культуры определялся рамками 15–11 тыс. лет назад по наиболее изученным памятникам, ставшим эталонными, – Кокорево I, стоянкам Новоселовской и Батеневской групп. В то же время работы на стоянке Аешка I позволили З.А. Абрамовой высказать предположение «об ее очень позднем в рамках палеолита, возможно, мезолитическом возрасте» [2].

Первые памятники, отнесенные к кокоревской культуре, были расположены на уровне II надпойменной террасы Енисея. После создания Красноярского водохранилища этот ярус в нижней и средней зонах водохранилища был уничтожен. Продолжение процесса береговой абразии привело к разрушению памятников разного возраста, которые в большинстве случаев никем не фиксировались. Благодаря работам Н.Ф. Лисицына в 1970–1980-е гг. были открыты стоянки кокоревской культуры на высоких террасах – Чегерак, Аешка III, Чемушки [3]. В 1990-е гг. были проведены небольшие раскопки стоянки Трифоновка [4]. За пределами Красноярского водохранилища в окрестностях г. Красноярска к кокоревской культуре были отнесены открытые в разные годы стоянки Лиственка (7–10 слои), Гремячий ключ, Злобино, расположенные на уровне высоких террас Енисея (рис. 1) [5, 6].

В 2014 г. началось изучение одного из наиболее значимых памятников кокоревской археологической культуры в северной части Красноярского водохранилища – стоянки Троицкая.

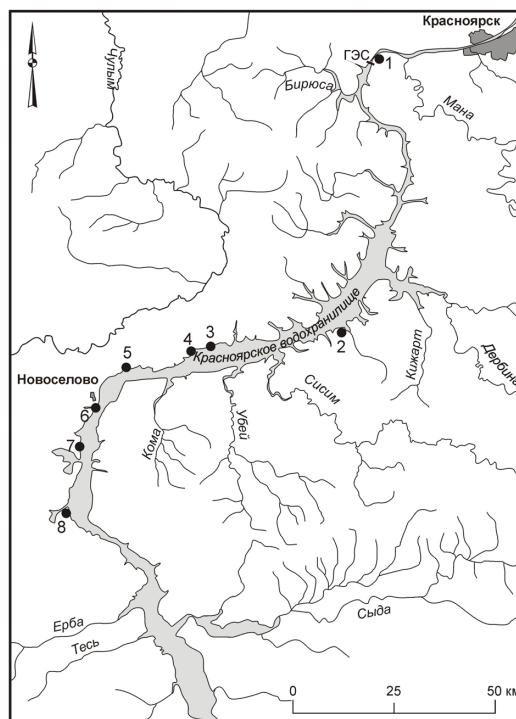

Рис. 1. Стоянки кокоревской археологической культуры, расположенные на высоких террасах р. Енисей: 1 – Лиственка; 2 – Чемушки I–III, Троицкая; 3 – Каштанка V, VII, VIII; 4 – Трифоновка; 5 – Чегерак; 6 – Новоселовская группа; 7 – Аешка III; 8 – Батеневская группа

Стоянка расположена по правому берегу водохранилища в 80 км южнее плотины Красноярской ГЭС в широкой равнинной части Енисейско-Чулымской котловины. Ширина водохранилища на этом участке достигает 8 км, что обеспечивает большую интенсивность прибойно-волновой деятельности и, как следствие, наибольшее разрушение берегов, образование линий высоких абразионных уступов (до 10 м), прерываемых только на участках логов и заливов.

Стоянка Троицкая открывалась дважды. В 1990 г. пункт по левому приусыевому участку небольшого залива, образовавшегося в долине ручья с местным названием Пашкин ключ, зафиксировал Н.Ф. Лисицын. В береговом уступе на глубине 60 см он отметил культурный слой, датировав его рубежом плейстоцена–голоцен или ранним голоценом. На береговой отмели были найдены концевой скребок на отщепе, торцовий микронуклеус, отщепы, осколки галек [3. С. 59]. К сожалению, раскопки этой, тогда невыразительной и малоперспективной стоянки организовать не удалось. В 2014 г. стоянка была открыта вторично отрядом под руководством В.М. Харевича и Е.В. Акимовой [7, 8].

Памятник приурочен к высокому (до 9 м) абразионному уступу Красноярского водохранилища, срезающему здесь аккумулятивную площадку пологого наклоненной ($5\text{--}7^\circ$) к северо-востоку равнины. Поверхность ее осложняется современными водно-эрзационными и супфозионными формами в виде рытвин и оврагов длиной 20–30 м и шириной до 3–7 м. Они часто имеют висячие тальвеги по отношению к базису эрозии, глубина вреза в таких случаях не превышает 3–4 м. Нередко тальвеги формируют поноры в виде туннелей диаметром 0,3–0,7 м и длиной более 3 м, над которыми формируется просадка глубиной до 1,5–2,5 м. Верховья таких форм обычно дренируют неглубокие блюдцеобразные понижения супфозионной природы диаметром до 10–15 м и глубиной до 1–1,2 м [9].

Разрез берегового обнажения имеет следующее стратиграфическое строение (рис. 2):

1. Супесь темно-серая, до черной, органогенная, с многочисленными корневищами растений, рыхлая, слабо пылеватая, пористая, мягкая – 0,1 м.

2. Супесь темно-серая, до черной, легкая, пылеватая, органогенная, плитчатая, по контакту плитчатости развиты тонкие (до 0,05 см) присыпки супеси светло-серой, алевритистой – 0,15 м.

3. Супесь бурая, коричнево-бурая, средняя, вязкая, уплотненная, плитчатая. Плоскости напластования плитчатости чистые, редко с присыпками алеврита. В верхней части слоя включения супеси темно-серой из слоя 2–0,17 м.

4. Супесь светло-бурая, палево-бурая, легкая, пылеватая, массивная, однородная, без видимой плитчатости и слоистости, в нижней части с пятнами охристо-бурового цвета ожелезнений, подошва неровная – 0,22 м.

5. Супесь палево-желтая, палево-серая, со слабым бурым оттенком, легкая, пылеватая, алевритистая, уплотняется от кровли к подошве. У подошвы слоя отмечаются криогенные складки и структуры внедренний супеси слоя 5 в нижележащие осадки в виде оволов, разлинования, клиньев. В интервале 3–17 см от кровли слоя встречаются находки археологического материала и костных остатков северного оленя (*Rangifer tarandus*). По кости получена дата в $9\ 851 \pm 109$ лет назад (NSK/UGAMS), или 11 600–11 150 кал. лет (Химическая обработка проведена в лаборатории пробоподготовки ИАЭ СО РАН (NSK-1071), измерение концентрации C-14 в лаборатории

AMS университета Джорджии (UGAMS-24359). Дата откалибрована при использовании INTCAL13 (Reimer et al., 2013) and OxCal version 4.2. Авторы выражают благодарность сотруднику Отдела геохронологии кайнозоя ИАЭ СО РАН В.С. Панову за помощь в получении даты) – 0,29 м.

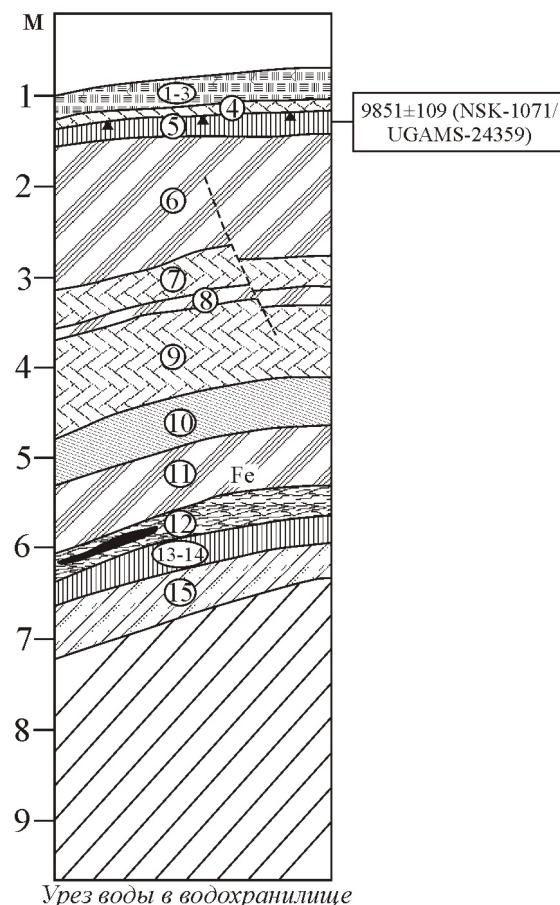

Рис. 2. Стоянка Троицкая. Стратиграфический разрез берегового обнажения

6. Супесь серая, белесо-серая, палево-серая, легкая, карбонатная, массивная, слабо пылеватая, с отдельными пятнами марганцевых новообразований черного и темно-бурового цвета, в нижней части слоя с пятнами железистых новообразований охристо-бурового цвета. Подошва нарушается сбросом амплитудой смещения 20 см – 0,6 м.

7. Супесь светло-коричневая, буроватая, средняя, связная, карбонатная, однородная, массивная, слоистая, слоистость субпараллельная, выражена за счет прослоев супеси серой, коричнево-серой, толщиной до 2–3 см у кровли слоя и волнистой у подошвы слоя. У подошвы слоя отмечаются пятна ожелезнений охристо-бурового цвета. Слой разбит на всю мощность сбросом, который затухает в его подошве. Отмечаются затягивания супеси серой из прослоев в зону смещения по сбросу – 0,54 м.

8. Супесь серая, буровато-серая, с палевым оттенком, легкая пятнистая за счет охристо-бурых ожелезнений диаметром 0,5–1 см, слабо карбонатная – 0,24 м.

9. Супесь пестрая, розово-бурая, серая, светло-бурая, средняя, слоистая. Слоистость субпараллельная выражена за счет переслаивания супесей различ-

ных окрасок в виде тонких прослоев (1–2 см), слабо волнистая. В слое отмечаются отдельные пятна с повышенной карбонатностью и вторичная слоистость за счет ожелезнений охристо-бурового цвета – 0,85 м.

10. Супесь серая, со слабым бурым оттенком, однородная, легкая, слабо карбонатная, пятнистая, с темно-серыми пятнами марганцевых новообразований и охристо-бурыми пятнами ожелезнений – 0,6 м.

11. Суглинок серый, легкий, однородный, с редкими пятнами марганцевых новообразований. В интервале 0,27–0,58 м от кровли слоя отмечается слоистость за счет переслаивания суглинка серого с суглинком желто-бурым, охристо-бурым в виде прослоев толщиной 2–3 см. Подобный участок с переслаиванием и преобладанием охристо-бурых оттенков маркирует и подошву слоя – 0,75 м.

12. Переслаивание супеси серой, легкой, охристо-желтой, светло-буровой, темно-серой, бурой в различном сочетании. Толщина отдельных прослоев – до 2–5 см. В слое отмечаются пятна углисто-черного цвета толщиной до 1 см. Из слоя получен фрагмент запястной кости носорога (определение канд. биол. наук А.М. Климентьева) – 0,2 м.

13. Суглинок бурий, желто-бурий, легкий, однородный, плотный, вязкий, слоистый, с прослойками светло-серых и коричнево-серых оттенков – 0,1 м.

14. Супесь светло-бурая, однородная, средняя, с пятнами марганцевых новообразований – 0,2 м.

15. Алеврит серый, бледно-серый, легкий, пылеватый, однородный, слоистый за счет переслаивания прослоев алевритов различных оттенков серого цвета с большим числом пятен марганцевых новообразований, которые иногда образуют линзы – 0,3 м (мощность видимая).

Абрационный уступ вскрывает строение типично-верхнеплейстоценового разреза региона. Здесь выделяются отложения трех горизонтов – каргинского, сартанского и современного [10, 11].

Опорными в разрезе являются осадки каргинского горизонта. К ним прежде всего относятся органогенные пестрые супеси (слой 12), которые могли накопиться во время липовско-новоселовского потепления и представляют собой разрушенную криогенными процессами палеопочву. Палеопочва залегает на суглинках, супесях и алевритах слоистых, которые свидетельствуют о холодноводных и холодных безводных обстановках осадконакопления в коношельское время.

Сартанский горизонт представлен переслаиванием супесей лессовидных и слоистых (слои 6–11). В разрезе горизонта можно выделить отложения, соответствующие периодам трех похолоданий (супеси серые лессовидные слоев 6, 8, 9–10) и двух относительных потеплений (супеси светло-буровые с признаками слоистости слоев 7 и 9, сформированные в сезонноводных обстановках и холодных, умеренно-холодных интерстадиальных условиях сартанского времени).

Современный горизонт голоценового возраста (слои 1–5) в целом отражает тенденцию к потеплению от раннего до среднего голоцена. Этот процесс сопровождался формированием блюдцеобразных западин с сезонными застойно-водными условиями осадкона-

копления (прослои супеси темно-буровой в слое 5) после исчезновения многолетней мерзлоты. После непродолжительного похолодания (супеси светлобуровые, пылеватые слоя 4) началось формирование современного делювиального покрова мощностью 0,3–0,5 м (супеси бурые, плитчатые слоев 2–3) и современной почвы (слой 1).

Таким образом, культурный слой, приуроченный к среднему и верхнему интервалу супесей палево-желтых и палево-серых (слой 5), имеет раннеголоценовый возраст и был сформирован в период исчезновения многолетней мерзлоты и формирования суффозионных блюдцеобразных котловин.

Разведочным раскопом (9 кв. м), заложенным в береговом уступе, вскрыт периферийный участок стоянки. Об этом свидетельствует расположение артефактов и фаунистических остатков узкой полосой вдоль кромки обнажения, за пределами которой находки единичны. Разброс артефактов по вертикали варьирует в пределах 10–20 см, при этом массивные предметы тяготеют к нижней части слоя, что характерно для лессовых памятников верхнего яруса долины Енисея. В простирании слоя прослеживается уклон в северо-восточном направлении – в сторону древнего лога, в настоящее время ставшего заливом водохранилища.

В культурном слое получен невыразительный фаунистический материал (285 ед.) с преобладанием обломков трубчатых костей в плохой сохранности. Северному оленю принадлежат часть челюсти и кости конечностей (фрагменты берцовой и лучевой, пятчная и заплюсневая кости, астрагалы).

Общее количество каменного инвентаря культурного слоя составляет 861 экз., включая чешуйки и фрагменты микропластин, полученные при промывке. Категории первичного расщепления представлены сработанным клиновидным микронуклеусом с односторонней обработкой гребня и двусторонней – киля (рис. 3, 3), и торцовым микронуклеусом, оформленным на обломке более крупного ядра и выбракованном на начальной стадии расщепления (рис. 3, 5). О наличии крупных нуклеусов также свидетельствуют соответствующие фрагменты пластин и массивный обломок фронта нуклеуса. Индустрия сколов представлена отщепами и техническими сколами, пластинами разных размеров и микропластинами, пластинчатыми отщепами, обломками и чешуйками.

В составе орудийного набора присутствуют скребки, скребла, долотовидные орудия, пластины, отщепы и сколы с ретушью, обломки и заготовки орудий (рис. 3, 1–3, 6–13).

Скребки, в том числе одно незаконченное орудие, изготовлены на отщепах и пластинчатом сколе с концевым расположением рабочего края (рис. 3, 1–3, 8). Только в одном случае отмечена дополнительная ретушь по продольному краю (рис. 3, 8). В единственном экземпляре представлен микроскребок на первичном отщепе с центральным оформлением лезвия.

Для скребел характерно продольное расположение широкого выпуклого рабочего края, оформленного дорсальной чешуйчатой ретушью. В качестве заготовок использованы расколотая галька (рис. 3, 8), мас-

сивный пластинчатый скол (рис. 3, 6) и крупный отщеп, с края которого снят широкий резцовый скол (рис. 3, 12). К скребловидным отнесено орудие с вогнутым лезвием на небольшой гальке (рис. 3, 11).

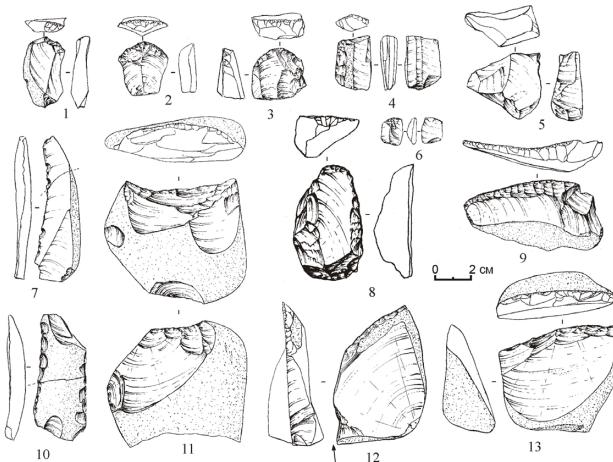

Рис. 3. Стоянка Троицкая. Культурный слой. Каменный инвентарь: 1–3, 8 – скребки; 4, 5 – микронуклеусы; 6 – долотовидное орудие; 7, 10 – пластины с ретушью; 9, 11–13 – скребла

Долотовидные орудия представлены обломком на первичной пластине и двулезвийным микродолотовидным орудием (рис. 3, 6).

Обрушение берегового уступа привело к массовому отложению экспонированного археологического материала в тыловой части береговой отмели. Отдельные предметы в процессе волновой деятельности водохранилища перенесены в прибойную зону, сложенную пляжевыми песками.

Сборы подъемного материала велись по четырнадцати секторам шириной 10 м, размеченным поперек отмели. Сортировка и выборка артефактов на месте не производились: в коллекцию были включены все предметы независимо от их типологической информативности. Таким образом, коллекция каменного инвентаря, полученная в ходе подъемных сборов 2014–2015 гг., насчитывает 7 083 экз. Основную часть составляют отщепы, пластины и микропластины, чешуйки и обломки, а также технические сколы, в состав которых нами включены первичные и обушковые снятия.

Первичное расщепление в каменной индустрии Троицкой основано на сочетании нуклеусов крупных форм и микронуклеусов (рис. 4).

Практически все крупные нуклеусы ориентированы на производство пластин. Ведущим типом являются одноплощадочные монофронтальные нуклеусы параллельного или субпараллельного принципа скальвания на гальках и фрагментах галек (39 экз.) (рис. 4, 10, 13). Стратегия первичного расщепления традиционна для памятников кокоревской культуры [1, 12, 13]. Ударные площадки подготавливались сериями сколов, реже – одинарными снятиями со стороны фронта. Выпуклость фронта различна и, по всей видимости, зависит от стадии, на которой было прекращено расщепление. Каких-либо иных способов подготовки преформ, кроме оформления ударной площадки, не применялось. Восстановление выпукло-

сти фронта осуществлялось снятием краевых сколов либо путем оформления и снятия латерального ребра, о чем свидетельствует наличие в коллекции как полу-реберчатых пластин, так и самих ядрищ со следами удаления латеральных ребер. Особый интерес вызывает нуклеус, на фронте которого сохранились зоны забитостей, частично удаленные снятием сколов-заготовок. По всей видимости, изделие первоначально использовалось в качестве отбойника, а позже было переоформлено в нуклеус. Подобная эволюция вспомогательного орудия в нуклеус ранее не отмечалась.

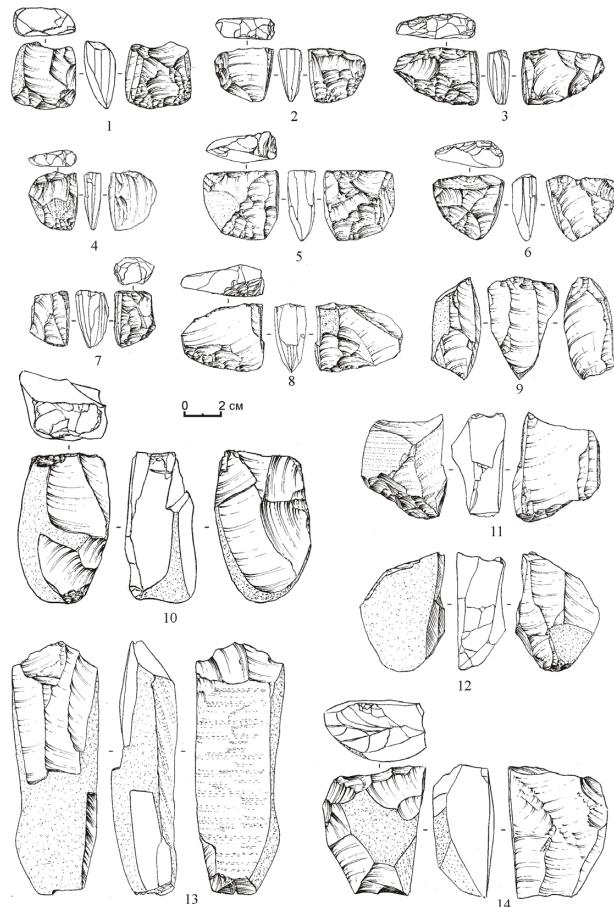

Рис. 4. Стоянка Троицкая. Подъемные сборы. Каменный инвентарь: 1–8 – микронуклеусы, 9–14 – нуклеусы

Второй по представительности тип нуклеусов, использующих широкую плоскость расщепления, – двухплощадочные монофронтальные ядрища встречного скальвания (6 экз.). В единичных экземплярах присутствуют двухплощадочный монофронтальный нуклеус продольно-поперечного скальвания, двухплощадочные бифронтальные нуклеусы продольно-поперечного (3 экз.) и встречного скальвания (1 экз.).

Особенностью первичного расщепления в комплексе Троицкой можно считать широкое распространение и типологическое разнообразие крупных торцевых форм (рис. 4, 11, 12, 14). Так, на 50 широкофронтальных нуклеусов приходится 41 торцевый. Для ранее изученных памятников кокоревской культуры это соотношение не характерно [1]. Преформами служили первичные и обушковые сколы, обломки гальек, реже целые гальки. Подготовка пренуклеусов,

помимо оформления ударной площадки, могла включать подтеску одной из латералей, притом что вторая латераль зачастую сохраняла галечную корку (см. рис. 4, 12). В единичных случаях отмечены двусторонняя обработка заготовки (см. рис. 4, 14) и оформление киля (см. рис. 4, 11). Несколько изделий (3 экз.), видимо, следует рассматривать как неудачные заготовки клиновидных нуклеусов. Большинство нуклеусов торцовых форм представлено одноплощадочными монофронтальными вариантами (29 экз.), ориентированными на получение пластин и пластинок. Типологический ряд дополняют единичные одноплощадочные бифронтальные нуклеусы (3 экз.) и серия двухплощадочных нуклеусов, включающих бифронтальные нуклеусы встречного, продольно-поперечного и попеременного скальвания, в том числе со смежными фронтами и ударными площадками, и единственный монофронт с противолежащими ударными площадками.

Среди микроформ, составляющих значительную долю от общего числа нуклеусов (53,1%), преобладают клиновидные (90 экз.) (см. рис. 4, 1–8). Тип заготовки в большинстве случаев установить невозможно, но у значительной части изделий в качестве заготовок использовались отщепы, первичные и обушковые сколы. В целом клиновидные нуклеусы отличает разнообразие вариантов обработки латералей и килем-гребневой части. Наиболее часто встречается полная обработка поверхностей обеих латералей (32 экз.), значительно реже – только одной латерали (8 экз.), только киля (10 экз.), киля и гребня (6 экз.). В остальных случаях прослеживаются различные комбинации степени оформления разных элементов нуклеусов.

Подготовка ударных площадок осуществлялась, как правило, с двух сторон: фронта и одной латерали; реже – с одной из сторон. В нескольких случаях отмечаются попытки переноса фронта на плоскость ударной площадки. Какого-либо предпочтения в оформлении площадок не наблюдается.

В единичных экземплярах в коллекции представлены двухплощадочные бифронтальный и монофронтальные варианты клиновидных нуклеусов.

Типологический ряд микронуклеусов дополняют торцовые формы на отщепах, первичных и обушковых сколах, не предусматривающие оформления киля и гребня. Среди них преобладают одноплощадочные монофронтальные микронуклеусы (10 экз.), в единичных экземплярах присутствуют двухплощадочные монофронтальный и бифронтальные микронуклеусы (2 экз.), в том числе со смежными фронтами. Оформление ударных площадок также фронтальное или фронтально-латеральное.

Кроме того, к категориям первичного расщепления отнесены обломки и заготовки нуклеусов, нуклевидные обломки, колотые гальки и обломки галек. Индустрия сколов представлена целыми и фрагментированными отщепами пластинами, пластинками, микропластинками, а также пластинчатыми отщепами, чешуйками и обломками.

Технические сколы включают в себя обушковые, первичные, краевые отщепы, реберчатые и полуреберчатые пластины и сколы, а также сколы подправки ударных площадок.

Наиболее многочисленную категорию орудийного набора составляют *скребла*, отличающиеся большим типологическим разнообразием (рис. 5, 12, 15, 17, 18).

В качестве заготовок использовались крупные отщепы, первичные и обушковые сколы, широкие пластины, расколотые или реже цельные плоские гальки. Место расположения широкого слегка выпуклого рабочего края определялось параметрами и формой заготовки. Наиболее распространены дорсальные продольные и поперечные скребла с выпуклым (71 экз.) или прямым рабочим краем (10 экз.), обработанным краевой чешуйчатой ретушью (см. рис. 5, 12). Центральное оформление рабочего края отмечено только у 9 экз. Небольшими сериями представлены скребла-унифасы (см. рис. 5, 18) на отщепах и гальках (13 экз.), дорсальные скребла с лезвием по 3/4 периметра на отщепах (8 экз.), скребла на отщепах с центрально (2 экз.) или дорсально оформленным рабочим краем (4 экз.), занимающим 1/2 периметра заготовки. В одном или нескольких экземплярах присутствуют скребла-бифасы (см. рис. 5, 17), скребла-остроконечники, различные варианты двойных скребел и др. Из способов дополнительной подработки, применяемых ко всем типам скребел, можно отметить уточнение тела заготовки и подтеску одного или двух продольных краев центральными снятиями (рис. 5, 12).

Абсолютное большинство *скребков* изготовлено на непластинчатых заготовках, как правило, не подвергавшихся дополнительной обработке (рис. 5, 1, 2, 4, 5, 8). Ведущим типом являются концевые скребки на отщепах, первичных и обушковых сколах (64 экз.), как правило, с выпуклым лезвием, оформленным дорсальной ретушью. Дополнительная подработка одного продольного края отмечена только у девяти орудий (см. рис. 5, 2, 8), обоих краев – у одного. Из общей массы выделяется концевой скребок на двусторонне обработанной заготовке. Помимо одинарных скребков в коллекции присутствуют немногочисленные двойные концевые скребки (3 экз.) на отщепах (рис. 5, 5). Примерно в равных долях представлены угловые (21 экз.) (рис. 5, 1) и боковые скребки (16 экз.), а также орудия с лезвием по 3/4 (24 экз.) и 1/2 (17 экз., рис. 5, 4) периметра заготовки. В единичных экземплярах найдены круглые скребки на отщепах (6 экз.), угловой скребок на пластинчатом отщепе, двойной боковой и двойной боковой альтернативный скребки, а также микроскребки (3 экз.).

Концевые скребки на пластинах относительно немногочисленны (13 экз., рис. 5, 3). Ретуширование одного или двух продольных краев также фиксируется в единичных случаях. Выпуклое лезвие оформлялось дорсальной ретушью, центральная обработка отмечена только у одного орудия.

Многочисленна категория *резцов* (рис. 5, 10, 13, 16), выполненных, как правило, на рассеченных или сломанных пластинах. Наиболее распространены боковые резцы с негативом одного резцового скола по продольному краю (28 экз.), нанесенным, как правило, с излома заготовки (рис. 5, 10, 16). К угловым резцам относятся одинарные (7 экз., см. рис. 5, 13), двойные (2 экз.), двойные альтернативные (2 экз.) и многогранный. Преимущественно на отщепах изготовлены

на небольшая группа срединных резцов симметричной и асимметричной формы (7 экз.).

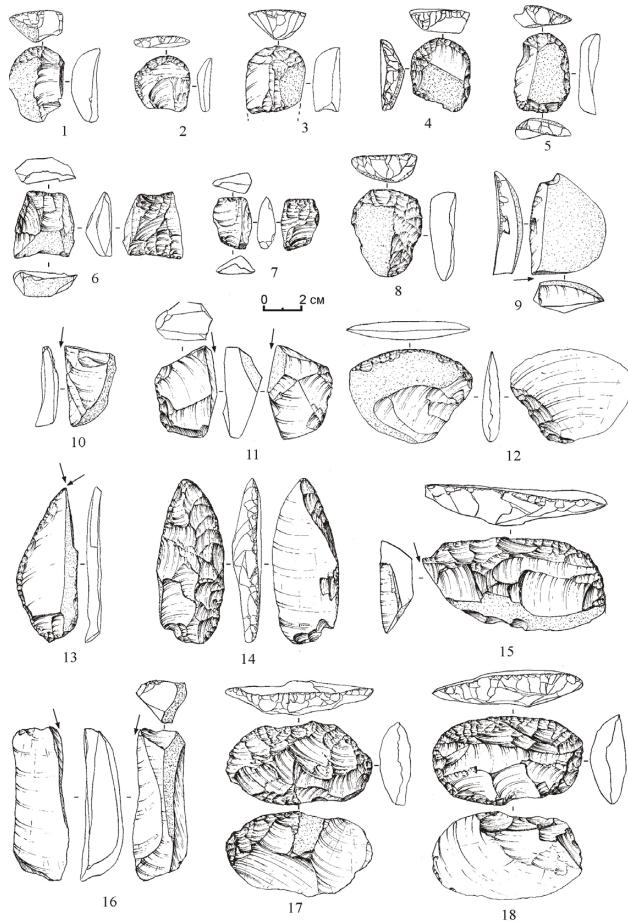

Рис. 5. Стоянка Троицкая. Подъемные сборы. Каменный инвентарь: 1–5, 8 – скребки; 6, 7 – долотовидные орудия; 9, 11 – изделия с резцовыми сколами; 10, 13, 16 – резцы; 12, 15, 17, 18 – скребла; 14 – остроконечник

Резцы с ретушированными площадками представлены в основном вогнуторетушными вариантами (7 экз.), в единичных экземплярах присутствуют косоретушные (2 экз.) и пряморетушный многофасеточный резцы и резчик на пластине.

К специфическим формам следует отнести многочисленную группу *изделий с резцовыми сколами*, морфологически занимающих промежуточное положение между торцевыми нуклеусами и резцами (рис. 5, 9, 11). Они представляют собой ретушированные либо не ретушированные отщепы, первичные и обушковые сколы, реже пластины и двусторонне обработанные изделия, по узкой торцовой грани которых с подготовленной либо неподготовленной ударной площадки произведено одинарное снятие пластинчатых пропорций. В отличие от собственно резцов у изделий этой группы резцовая кромка и грани не всегда выражены, а ширина негатива резцового скола достигает 7–10 мм. В ряде случаев преформой служили скребла (рис. 5, 15).

В отличие от эталонных кокоревских памятников группа *остроконечников* на Троицкой крайне малочисленна. Ведущим типом являются асимметричные орудия на пластинах (6 экз.) и отщепах (2 экз.) со сходящимися продольными краями, обработанными дорсальной ретушью. Асимметричным лезвием обладают также остроконечник-унифас на пластине с острием, подработанным вентральной ретушью (см. рис. 5, 14), и остроконечник-унифас на отщепе. Единственный симметричный остроконечник на первичной пластине имеет вентральную обработку краев и острия. Немногочисленны и обломки остроконечников (острийная часть – 3 экз.).

Галечные орудия, составляющие заметную часть коллекции, представлены в основном стругами. Повсюду большинство орудий имеет одно поперечно ориентированное прямое (35 экз.), выпуклое (15 экз.), вогнутое (13 экз.) или скошенное лезвие (2 экз.). В нескольких экземплярах найдены двулезвийные струги с комбинацией прямых (4 экз.) или вогнутых рабочих краев (3 экз.), струги округлой формы с рабочим краем по большей части периметра заготовки (2 экз.), а также обломки (3 экз.). Значительная часть орудий имеет следы забитостей на фасах или пятках. К галечным орудиям отнесены отбойники (7 экз.) и острие на гальке (1 экз.).

На целых или расколотых гальках изготовлены унифасы неопределенного назначения, у которых более выпуклый фас обработан центростремительными снятиями.

На памятниках кокоревской культуры известны немногочисленные долотовидные орудия, оформленные на сработанных микронуклеусах, крупных случайных сколах или обломках [1, 6]. На Троицкой же группа долотовидных орудий сравнительно велика (27 экз.) и включает изделия на двусторонне обработанных заготовках, отщепах, обломках и краевых сколах, а также выбракованных клиновидном микронуклеусе и скребке на отщепе. Большинство, в том числе единственное микродолотовидное орудие, имеет два противолежащих лезвия (20 экз., см. рис. 5, 6, 7). В трех случаях диагностируется только один рабочий край с характерными следами забитостей, в одном – две противолежащие пары рабочих краев.

Категория острыйных орудий (*прроверток и роколок*) очень непредставительна (8 экз.). Выделяются изделия с угловым и средним расположением жальца на крупных и средних по размеру отщепах и фрагментах пластин, тем самым резко отличаясь от традиционных миниатюрных афонтовских проколок. Одно орудие с массивным сильно выступающим жальцем изготовлено на двусторонне ретушированном крупном отщепе.

К комбинированным орудиям отнесены единичные изделия (6 экз.), сочетающие элементы скребка и проколки, скребка и резца (3 экз.), струга и скребла, струга и острия без определенно выраженного функционального предпочтения.

В орудийный набор также входят выемчатые орудия на отщепах и пластине, ножевидные орудия на отщепах, обломки различных орудий, отщепы, первичные и обушковые сколы и обломки с ретушью, пластины с дорсальной ретушью по одному или обоим краям и пластинчатые отщепы с ретушью. Небольшая группа предметов имеет двустороннюю обработку (6 экз.), при этом собственно к бифасам мож-

но отнести только одно изделие овальной формы, остальные следует рассматривать как различного рода заготовки.

Каменный инвентарь стоянки Троицкая

Категория	Культурный слой, экз.	Подъемные сборы, экз.
Нуклеусы		91
Микронуклеусы	2	103
Нуклевидные обломки		19
Заготовки нуклеусов		3
Обломки нуклеусов	1	5
Скребки	5	170
Скребла	3	155
Скребловидные орудия	1	9
Резцы		58
Изделия с резцовым сколом		105
Галечные орудия		85
Долотовидные орудия	2	27
Односторонне обработанные изделия		5
Остроконечники		14
Проколки, провертки, острия		8
Комбинированные орудия		6
Выемчатые орудия		3
Ножевидные орудия		3
Двусторонне обработанные изделия		6
Пластины и пластинчатые отщепы с ретушью	6	90
Отщепы, технические сколы и обломки с ретушью	2	158
Обломки и заготовки орудий	8	102
Отщепы	143	2 653
Технические сколы	6	880
Пластины	32	598
Микропластины	53	77
Пластиинки	24	61
Пластинчатые отщепы	21	66
Обломки	14	270
Колотые гальки	1	60
Чешуйки	537	1125
Обломки галек		68
Итого	861	7 083

Основной вопрос, возникающий при работе с экспонированными коллекциями археологических памятников в зоне береговой абрации водохранилища, заключается в правомерности отнесения к одному комплексу материалов подъемных сборов и культурного слоя. На Троицкой все наиболее характерные для подъемного комплекса типы изделий, такие как клиновидные нуклеусы, концевые скребки на отщепах, продольные и поперечные дорсальные скребла, изделия с резцовым сколом, пластины с ретушью, долотовидные орудия, микропластины и крупные пластины, найдены и в культурном слое. Это позволяет утверждать, что абсолютное большинство артефактов, полученных с поверхности береговой отмели, принадлежит культурному слою, вскрытыму в береговом уступе.

На сегодняшней стадии развития абрационного уступа следов второго культурного слоя не обнаружено. Однако само по себе это не может быть гарантией отсутствия здесь остатков разрушенного более раннего памятника. О гипотетической возможности наличия более древних артефактов в подъемных сборах могут свидетельствовать фаунистические остатки мамонта, бизона, лошади, носорога со следами раскалывания,

видовой состав которых и лучшая степень сохранности не позволяют относить их к выявленному в раскопе культурному слою с костями северного оленя.

Ранний культурный слой на Троицкой мог быть связан с каргинским педоседиментом, в котором была обнаружена кость носорога. В составе подъемной коллекции присутствуют изделия, встречающиеся в разновозрастных памятниках Енисея: в частности, скребки, долотовидные орудия и остроконечники из пластинчатых индустрий позднекаргинского–раннесартанского времени практически аналогичны тем же изделиям их кокоревских памятников середины–конца сартанского похолодания. Единичные двусторонне обработанные изделия типологически соответствуют скреблам-бифасам, известным в средне- и позднесартанских палеолитических индустриях Енисея, клиновидные же формы бифасов, относящиеся к позднекаргинскому–раннесартанскому времени, на Троицкой не найдены. Таким образом, возможность инородных примесей в безусловно кокоревском комплексе допустима, но она не может быть сколько-либо значимой.

Помимо таких типичных для кокоревской культуры черт как пластинчатость инвентаря, стандарты первичного расщепления, ориентированные на использование енисейской гальки, соразмерные клиновидные нуклеусы, многообразие резцов и т.д., Троицкую характеризует и ряд нестандартных признаков. Здесь практически нет симметричных остроконечников, единичны скребки на пластинах, но выделяются группы долотовидных орудий и проколок, многочисленны крупные скребла на сколах, в том числе традиционного «афонтовского типа» – дорсальные унифасы с локальной вентральной обработкой. Можно предполагать, что особенности исследуемого комплекса кокоревской культуры связаны с локальной территориальной спецификой, в частности с удаленностью залива Черемушки от эталонных стоянок Кокоревского залива (около 70 км севернее), но более оправданным представляется вариант специфики хронологической.

Возраст каменной индустрии Троицкой на данный момент не вызывает сомнений. Дата $9\ 851 \pm 109$ лет назад полностью согласуется со стратиграфическим положением артефактов и позволяет подтвердить не только предположение Н.Ф. Лисицына о раннеголоценовом возрасте Троицкой (Пашкина ключа) [3. С. 59], но и предположение З.А. Абрамовой о возможности раздвинуть хронологические рамки существования кокоревской культуры до раннего голоцена [2].

В этом случае особенности каменной индустрии Троицкой дают возможность наметить некоторые тенденции развития индустрий кокоревской культуры на финальных этапах ее развития. Так, именно хронологическим критерием может являться широкое распространение торцовых форм, число которых практически равно числу широкофронтальных нуклеусов, в то время как на других кокоревских памятниках их доля не превышает 1/3 от общего количества нуклеусов [1]. Также значительное увеличение доли микронуклеусов, которых на Троицкой больше, чем ядрищ крупных форм, может свидетельствовать о тенденции

к микролитизации инвентаря. Так, судя по опубликованным данным, на всех кокоревских стоянках, материалы которых достаточны для статистических построений, крупные нуклеусы количественно преобладают над микронуклеусами. Исключение составляют материалы стоянки Новоселово VI, имеющие возраст в 11,6 тыс. лет назад [1. С. 120–131]. Сокращение количества симметричных остроконечников, видимо, следует рассматривать как обратную сторону увеличения производства микропластин. Вероятно, пазовые составные орудия частично вытеснили остроконечники, использовавшиеся в том числе в качестве ножей по мягким материалам [14]. Уменьшение доли пластин среди заготовок орудий также может рассматриваться как специфика позднего этапа развития культуры.

Важно отметить, что коллекция каменного инвентаря Троицкой была получена с протяженного участка

береговой отмели (более 150 м). При этом количественное соотношение предметов разных категорий изменяется по секторам береговой отмели. Выделяются зоны с повышенным содержанием практически всех категорий орудий и нуклеусов, внутри которых отмечены локальные участки с концентрацией определенных групп артефактов. Это позволяет рассматривать Троицкую как базовое поселение с соответствующей степенью представительности всех категорий инвентаря.

Таким образом, комплексные археологические исследования стоянки Троицкая свидетельствуют о необходимости раздвинуть хронологические рамки кокоревской позднепалеолитической культуры непосредственно до рубежа плейстоцена–голоцен. Более того, как показали последние раскопки стоянки Бюза II, кокоревская культурная традиция сохраняется и в раннем голоцене и, по всей видимости, составляет основу для енисейского эпипалеолита [15, 16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 200 с.
2. Абрамова З.А. Палеолитические стоянки у дер. Аешка на Енисее // Краткие сообщения Института антропологии. 1969. С. 31–37.
3. Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чульмо-Енисейского междуречья // Труды ИИМК РАН. СПб., 2000. Т. II. 230 с.
4. Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В. Раскопки позднепалеолитической стоянки Трифоновка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. V. С. 203–204.
5. Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского археологического района (XX век: итоги и перспективы) // Древности Приенисейского края. Красноярск, 2003. Вып. 2. С. 5–17.
6. Палеолит Енисея. Лиственка / Е.В. Акимова и др. Красноярск ; Новосибирск : Универс ; Наука, 2005. 180 с.
7. Харевич В.М., Акимова Е.В., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А., Кукса Е.Н. Разведочные работы в северной зоне Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. Т. XX. С. 91–96.
8. Акимова Е.В., Харевич В.М., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А. Новые памятники рубежа плейстоцена–голоцен в северной зоне Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 7–10.
9. Евсеева Н.С., Окишев П.А. Эзогенные процессы рельефообразования и четвертичные отложения суши. Томск : Изд-во НТЛ, 2010. Ч. I. 300 с.
10. Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М. : Наука, 1974. 256 с.
11. Даухин С.А., Санько А.Ф., Еловичева Я.К., Мотузко А.Н., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Дербина V – опорный разрез Дербинского археологического района (юго-запад Восточного Саяна) // Литосфера. 2002. № 1 (16). С. 49–57.
12. Гречкина Т.Ю. Реконструкция техники расщепления (по результатам ремонта нуклеусов из Кокорево 1) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 56–58.
13. Харевич В.М., Стасюк И.В. Индустрии крупных пластин в верхнем палеолите Среднего Енисея. Технологический аспект // Stratum plus. 2016. № 1 : Археология и культурная антропология. С. 211–222.
14. Абрамова З.А., Щелинский В.Е. Типология и функции остроконечных орудий палеолитической стоянки Кокорево I на Енисее // Краткие сообщения Института антропологии. 1973. С. 3–10.
15. Акимова Е.В., Харевич В.М., Попова Н.Н. Стоянка Бюза 2 – новый памятник раннеголоценового времени на Красноярском водохранилище // Stratum plus. 2016. № 1 : Археология и культурная антропология. С. 315–324.
16. Харевич В.М., Акимова Е.В., Вашков А.А., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Раскопки стоянки Бюза II (Красноярское водохранилище) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 173–177.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 марта 2017 г.

THE PROBLEM OF THE UPPER CHRONOLOGICAL BORDER OF THE KOKOREVO CULTURE DURING THE LATE PALEOLITHIC OF THE YENISEI (TROITSKAYA SITE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 182–190.

DOI: 10.17223/15617793/418/22

Vladimir M. Kharevich, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: mihalich84@mai.ru

Elena V. Akimova, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: elaki2008@yandex.ru

Andrey A. Vashkov, Geological Institute of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation). E-mail: avashkov@mail.ru

Keywords: Middle Yenisei; Krasnoyarsk reservoir; Late Paleolithic; Early Holocene; Kokorevo culture.

The article is based on the materials of the Troitskaya site and devoted to the problem of the final stage of the Kokorevo archeological culture in the Middle Yenisei basin. Archaeological research of the Troitskaya site located in the northern part of Krasnoyarsk reservoir, allowed to substantiate the Early Holocene age as the upper chronological border of the Kokorevo culture. The Troitskaya site locates in the northern part of Krasnoyarsk reservoir on the right bank 90 km south to the Krasnoyarsk Dam. The

site was discovered by N.F. Lisitsin (the Pashkin Kluch) in 1990. The stratigraphic section (the depth is 5.7 m) and the exploring excavation (9 m²) that helped to reveal the edge of the site were made in the cliff. The cultural layer was explored within the upper pale-yellow colored sandy clay loam (at a depth of 0.5–0.8 m). During the cleaning of the cultural layer there were found at least 861 stone artifacts, 285 bones fossils. There is a bone from the cultural layer that was dated to 9851±109 years ago (NSK/UGAMS), which completely corresponds to the stratigraphic position of the other artifacts. The number of the collected stone inventory items is 7083, including at least 300 tools and cores. Identical inventory of the site (microcores, burins, end-scrapers, chisel-like tools and specific items with a wide sharp edge) confirms that the archaeological materials of the cultural layer from the coastal shallow refers to the same archaeological complex. The authors believe, the prevalence of blade industry, methods of primary flaking, large cores made on the Yenisei pebbles, proportionate wedge-shaped cores, tool sets, etc. point out that the Troitskaya site belongs to the Kokorevo culture. At the same time, the Troitskaya site has some distinctive features: 1. A minimal number of points and end-scrapers on blades; 2. A significant number of pieces, chisel-like tools and drillings; 3. Microcores prevail over large tools, which proves a gradual increase of the composite tool technology influence. It is supposed that these features characterize the specific development of the Kokorevo culture during the Early Holocene period. Based on excavations on the site Buza II, the authors conclude that the Kokorevo culture exists in the period of Early Holocene, and evidently is the basis for the Yenisei Epipaleolithic.

REFERENCES

1. Abramova, Z.A. (1979) *Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kul'tura* [The Paleolithic of the Yenisei. The Kokorevo culture]. Novosibirsk: Nauka.
2. Abramova, Z.A. (1969) Paleoliticheskie stoyanki u der. Aeshka na Enisee [Paleolithic sites near the village Aeshka on the Yenisei]. *Kratkie soobshcheniya Instituta antropologii*. pp. 31–37.
3. Lisitsyn, N.F. (2000) Pozdnii paleolit Chulyumo-Eniseyskogo mezhdurech'ya [The Late Paleolithic of the Chulym-Yenisei Interfluvial]. *Trudy IHMK RAN*. II.
4. Tomilova, E.A., Stasyuk, I.V. & Akimova, E.V. (1999) Raskopki pozdnepaleoliticheskoy stoyanki Trifonovka [Excavations of the Late Paleolithic Site Trifonovka]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 5. Novosibirsk: IAE SB RAS.
5. Akimova, E.V. (2003) Pozdnii paleolit Krasnoyarskogo arkeologicheskogo rayona (XX vek: itogi i perspektivy) [The Late Paleolithic of Krasnoyarsk archeological region (20th century: results and prospects)]. *Drevnosti Prieniseyskogo kraya*. 2. pp. 5–17.
6. Akimova, E.V. et al. (2005) *Paleolit Eniseya. Listvenka* [The Paleolithic of the Yenisei. Listvenka]. Krasnoyarsk: Novosibirsk: Univers; Nauka.
7. Kharevich, V.M. et al. (2014) Razvedochnye raboty v severnoy zone Krasnoyarskogo vodokhranilishcha [Exploration work in the northern zone of the Krasnoyarsk reservoir]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 20. Novosibirsk: IAE SB RAS.
8. Akimova, E.V. et al. (2014) Novye pamyatniki rubezha pleystotsena-golotsena v severnoy zone Krasnoyarskogo vodokhranilishcha [New monuments of the Pleistocene-Holocene boundary in the northern zone of the Krasnoyarsk reservoir]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 20. Novosibirsk: IAE SB RAS.
9. Evseeva, N.S. & Okishev, P.A. (2010) *Ekzogennye protsessy rel'efoobrazovaniya i chetvertichnye otlozheniya sushi* [Exogenous processes of relief formation and the Quaternary deposits of land]. Vol. 1. Tomsk: NTL.
10. Kind, N.V. (1974) *Geokhronologiya pozdnego antropogena po izotopnym dannym* [The geochronology of the late Anthropogenic by isotopic data]. Moscow: Nauka.
11. Laukhin, S.A. et al. (2002) V-oporny razrez Derbinskogo arkheologicheskogo rayona (yugo-zapad Vostochnogo Sayana) [V-support section of the Derbinsk archaeological area (south-west of the Eastern Sayan)]. *Litosfera*. 1 (16). pp. 49–57.
12. Grechkina, T.Yu. (1992) Rekonstruktsiya tekhniki rasshchepleniya (po rezul'tatam remontazha nukleusov iz Kokorevo 1) [Reconstruction of the cleavage technique (based on the results of the repair of cores from Kokorevo 1)]. In: *Paleoekologiya i rasselenie drevnego cheloveka v Severnoy Azii i Amerike* [Paleoecology and the settlement of ancient man in North Asia and America]. Krasnoyarsk: Institute of Archeology and Ethnography.
13. Kharevich, V.M. & Stasyuk, I.V. (2016) Industrii krupnykh plastin v verkhnem paleolite Srednego Eniseya. Tekhnologicheskiy aspekt [The industry of large plates in the Upper Paleolithic of the Middle Yenisei. A technological aspect]. *Stratum plus*. 1. pp. 211–222.
14. Abramova, Z.A. & Shchelinskii, V.E. (1973) Tipologiya i funktsii ostrokonechnykh orudiy paleoliticheskoy stoyanki Kokorevo I na Enisei [Tipology and functions of pointed tools of the Kokorevo I paleolithic site on the Yenisei]. *Kratkie soobshcheniya Instituta antropologii*. pp. 3–10.
15. Akimova, E.V., Kharevich, V.M. & Popova, N.N. (2016) Stoyanka Byuza 2 – novyy pamyatnik rannegolotsenovogo vremeni na Krasnoyarskom vodokhranilishche [Byuza 2 settlement – a new monument of the Early Holocene at the Krasnoyarsk reservoir]. *Stratum plus*. 1. pp. 315–324.
16. Kharevich, V.M. et al. (2016) Raskopki stoyanki Byuza II (Krasnoyarskoe vodokhranilishche) [Excavations of the Byuza II settlement]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 5. Novosibirsk: IAE SB RAS.

Received: 20 March 2017

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 70 ЛЕТ НА ТЫЛОВУЮ МЕДИЦИНУ: 70 ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ УДМУРТИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ РАБОТЫ

Освещена работа медицинской службы эвакогоспиталей на территории Удмуртской Республики в 1941–1945 гг., приведены показатели эффективности их деятельности по доступным информационным источникам. Научно-практические и социальные достижения медицинской службы эвакогоспиталей сгруппированы в 7 пунктов.

Ключевые слова: эвакогоспиталь; раненые; операции; лечение; медицинская реабилитация; медицинские работники; эффективность работы.

В статье проанализирована работа медицинской службы в глубоком тылу фронта, а именно на базе эвакуационных госпиталей, расположенных на территории Удмуртской Республики в 1941–1945 гг. с целью пополнения исторического опыта в развитии медицины.

Задачи исследования: 1. Описать организационную и лечебно-реабилитационную деятельность эвакогоспиталей на территории Удмуртии. 2. Определить и оценить показатели эффективности работы эвакогоспиталей в Удмуртии. 3. Обобщить и сгруппировать практические результаты мероприятий, связанных с работой эвакогоспиталей.

Материалом исследования послужил анализ доступных государственных архивных фондов, тематических статей и сборников.

Медицинская служба, как и вся страна, в годы Великой Отечественной войны работала под единым лозунгом «Всё для фронта! Всё для Победы!» [1]. Задачей медицинской службы являлось сохранение здоровья и работоспособности населения в тылу, но главное – это сохранение боеспособности людей, сражавшихся на фронтах, восстановление их после ранений и увечий в кратчайшие сроки, по возможности, в полном объеме.

1. Организация работы эвакогоспиталей в Удмуртии. Эвакогоспитали были организованы согласно постановлениям правительства страны во время войны в период массового появления раненых и пострадавших военнослужащих. Территория Удмуртии стала одной из тыловых госпитальных баз, в которую эвакуировались раненые, требующие более объемных или повторных оперативных вмешательств или более продолжительных сроков восстановления после перенесенных операций и полученных увечий. Организационную работу проводил Комитет помощи раненым, созданный 14.10.1941 г. из 9 человек: третий секретарь обкома ВКП(б), председатель Президиума Верховного Совета УАССР, зам. Председателя Совнаркома УАССР, начальник политотдела республиканского военкомата, нарком здравоохранения, секретарь обкома ВЛКСМ и три председателя обкома профсоюзов [2. С. 2]. Материально-финансовое обеспечение тыловых госпиталей требовалось по постановлениям проводить за счет местного бюджета. При Наркомздраве республики был создан отдел эвакогоспиталей [3]. На дополнительный объем работы по приему раненых и больных в годы войны указывает такой факт: только за период с сентября 1941 по май

1942 г. в Удмуртии разгрузили 87 военно-санитарных поездов, в них прибыло 34 594 раненых и больных солдата [3]. В среднем нагрузка составляла примерно до 3 поездов еженедельно с около 400 вновь прибывающими ранеными в каждом. На 1 января 1942 г. было 26 госпиталей [2. С. 1]. К июлю 1943 г. на территории Удмуртии действовало 53 эвакогоспиталя, на излечении в которых находилось более 18 тысяч солдат и офицеров Красной армии [4]. В общей сложности в годы войны в республике развернули работу около 70 госпиталей [Там же]. Госпитали подразделялись по профилям на специализированные хирургические: при ранениях черепа, позвоночника, периферических нервов (№ 3672), при повреждении глаз, уха, горла, носа (№ 3776), челюсти и лица (№ 1352), груди, живота и терапевтический (№ 3777), мочеполовые органы (№ 3150), для ампутированных (№ 3673, 1127, 5333, 5877), восстановительной хирургии (№ 3151), большое количество общехирургических [5], реабилитационных (терапевтических), тубгоспиталь, а также курортный (№ 3153), 4 госпиталя для спецконтингента (военнопленных) и 1 госпиталь для репатриированных.

В начале войны отдельные эвакуированные госпитали функционировали как полевые подвижные госпитали. Эвакогоспитали в основном открывались в пристаниционных городах и поселках и размещались в зданиях лучших больниц и школ. Дислокация и количество эвакогоспиталей Наркомздрава УАССР по состоянию на 15.01.44 г.: г. Ижевск (16), г. Сарапул (6), г. Глазов (3), г. Можга (2), г. Воткинск (1), г. Камбарка (1), п. Кез (2), п. Ува (2), по 1 в поселках: Кизнер, Пычас, Балезино, Яр, Пудем, Малая Пурга, на станциях Чепца и Областная [6]. В г. Ижевске сортировка раненых по тяжести и локализации травм и увечий из прибывающих военно-санитарных поездов проводилась сразу в эвакоприемнике на перроне железнодорожного вокзала. Раненых увозили на машинах и трамваях: 1) нуждающихся в оперативном лечении – в ближайший к вокзалу сортировочно-распределительный госпиталь, расположенный на трамвайных путях, на базе школы № 25 (госпиталь № 3150); 2) нуждающихся в восстановительном лечении – в госпитали реабилитационного профиля, расположенные в санаториях и домах отдыха. В эвакогоспитали г. Сарапула раненых доставляли еще и речным путем. В оснащении и оборудовании госпиталей использованы медицинская аппаратура и инструментарий городских и сельских больниц республики [7. С. 9]. С начала 1944 г. в

связи с передислокацией на запад количество госпиталей в республике значительно уменьшилось, и на 1 октября 1945 г. их осталось 12, в том числе 4 госпиталя для спецконтингента, 1 для репатриантов, с количеством коек 5 450 [2. С. 1].

Лечебно-реабилитационная деятельность эвакогоспиталей. Все госпитали были профицированы, что повышало качество лечения ранбольных. Ранбольные концентрировались в том или ином госпитале согласно локализации ранения. В каждом госпитале был подобран специальный штат, умеющий лучшим образом лечить данные повреждения (лечение проводилось комплексно: хирургическое вмешательство, физиотерапия, лечебная физкультура, переливание крови, трудотерапия и т.д.). С февраля 1942 г. функционировал курортный госпиталь № 3153 в грязелечебном курорте Варзи-Ятчи на 200 коек. Наши госпитали были тыловыми, и раненые лечились до выздоровления и выписывались домой к труду или возвращались в армию. Поступавший контингент раненых и больных был тяжелым, он нуждался в длительном лечении, сложных восстановительных операциях [Там же. С. 5]. Общее руководство и направление лечебной работы в госпиталях осуществлялись главным хирургом, тогда доцентом Ижевского медицинского института С.И. Ворончихином, и главным терапевтом профессором М.Н. Тумановским [7. С. 43]. Руководителями-консультантами лечения в госпиталях являлись профессора Ижевского медицинского института: директор института Н.Ф. Рупасов, М.А. Благовещенский, С.А. Флеров, С.Я. Стрелков, И.И. Кальченко и др. Для работы в эвакогоспиталах на территории Удмуртии было привлечено более 400 медицинских работников, в том числе 46 лучших хирургов [4]. Десятки молодых врачей, а также стажированных с различной довоенной специальностью научились оперировать, освоили технику несложных операций (широко вторично зашивали раны, оперировали повседневно по поводу остеомиелитов, удаляли инородные тела, сокращая сроки лечения раненых и т.д.) [2. С. 6]. Врачи Воробьев, Кармашева, Каргаполова, Щегай, Семячкина, Малых и другие выросли и стали опытными хирургами. Шесть из них стали ведущими хирургами госпиталей. Ряд ведущих хирургов (Лапчинский, Юрасов, Лященко, Митрофанов, Медведев) прекрасноправлялись с ответственной работой, самостоятельно консультируя в 2–3 госпиталях [Там же]. В эвакогоспиталах г. Ижевска были организованы практические занятия и дежурства студентов и сотрудников медицинского института. Деятельность эвакогоспиталей всесторонне и строго контролировалась, были случаи заведения уголовных дел за плохую организацию работы. В 1943 г., переломном в ходе войны, истощение материальных и кадровых ресурсов стало критическим и даже в некоторых случаях закритическим. По итогам обследования отдельных эвакогоспиталей Удмуртии в 1943 г. Санитарным Управлением МВО и Политинспектором ГВСУ отмечается, что остро стоят вопросы водоснабжения, освещения, отопления, имеются случаи завшивленности, большая скученность больных: они лежат по 3 человека на 2 койках или по 2 человека на

1 койке, имеются госпитали, где недоукомплектованность врачами достигает выше 40%, острый недостаток ощущается в рентгенологах; имеется недостаток спирта (только в количестве 8% от потребности), вследствие этого происходят задержки в производстве оперативных пособий, наблюдаются перебои в снабжении гипсом; госпитали обеспечиваются перевязочными материалами в размере 30% от потребности, а лекарственными препаратами – на 20%; выздоравливающие больные используются на сельскохозяйственных и подсобных работах и др. [8]. Тем не менее шефствующие предприятия, студенты и, конечно, медицинские работники работали в госпиталях, не считаясь со своим временем и собственными лишениями.

2. Научно-практическая работа на базе эвакогоспиталей. На опыте практической работы в эвакогоспиталах Удмуртии в годы войны было написано 177 научных работ, внесено 25 рационализаторских предложений [4]. Профессор С.И. Ворончихин первым успешно провел редкую по тем временам операцию, удалив металлический осколок из мышцы сердца раненого Долбиева, который полностью выздоровел. Без единого смертельного исхода были удалены осколки и пули из легких 80 раненых бойцов (хирурги Ворончихин, Корочанский, Наговицына) [2. С. 7]. Ворончихин разработал простой и эффективный метод закрытия кишечных свищей толстого кишечника, послеоперационная смертность снизилась в несколько раз. Он же предложил простой метод изготовления kleola из местного сырья (живицы хвойных растений). Клеол оказался высококачественным, им пользовались все лечебные учреждения УАССР с начала войны. Им также разработаны принципиально новые методы фиксации переломов и ампутации конечностей, лечения черепно-мозговых травм. Директор медицинского института профессор Николай Федорович Рупасов за 1941–1945 гг. лично выполнил около 2 500 операций, предложил методику восстановления конечностей после ранений, разработал систему лечения обморожений во фронтовой обстановке, много сделал для лечения несросшихся огнестрельных переломов костей. Он создал конструкцию – прототип аппарата Елизарова, первым применил электронож при операциях, внес собственные дополнения в методику местной анестезии. Профессор Сергей Андреевич Флёрсов на основе личного опыта разработал учебник «Краткий курс военно-полевой хирургии» [9]. Ведущие хирурги делали успешно сложные пластические операции [2. С. 6]. Профессор И.И. Кальченко внёс рабочее предложение: обвертывать поврежденный нерв аутогемостолом, фибрином крови самого больного. Нежная оболочка из крови предохраняет нерв от спаечного процесса с окружающими тканями. Профессор Гольфарб изобрел новую трубку для лечения сужений горла [2. С. 7]. Врач Медведев предложил для производства местного обезболивания иглы непрерывного действия. Игла ускоряет процесс анестезирования и обеспечивает асептичность. Он же предложил пластический метод восстановления мочеиспускательного канала при его повреждениях. Метод позволяет восстанавливать непрерывность уретры при наличии значительного дефекта.

Эффективность работы эвакогоспиталей в Удмуртии. Совместная работа гражданского и военного здравоохранения страны в годы Великой Отечественной войны позволила добиться возвращения в строй 72,3% раненых и 90,6% больных [10] на всех этапах оказания медицинской помощи. Но возврат в строй из тыловых эвакогоспиталей был значительно ниже. Общий итог деятельности тыловых эвакогоспиталей: 57,6% раненых возвращено в строй, 4,4 отправлено в отпуск, 36,5 демобилизовано, 1,5% умерло [11]. В Удмуртии всего за первый год войны лечилось более 51 тыс. чел., а выбыло из госпиталей свыше 38 тыс. чел., возврат в армию – 63%, уволено 28, общая смертность составила 0,6% [12]. За годы войны из эвакогоспиталей Удмуртии всего возвращено в воинские части 59,1% и умерло 0,51% из числа поступивших раненых [2. С. 6]. 50% из выписавшихся были инвалидами 3-й группы, т.е. работоспособными [Там же. С. 9].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

- Благодаря напряженному труду медицинских работников, слаженной организации работы, несмотря на объективные трудности, показатели эффективности лечения в эвакогоспиталах Удмуртии лучше,

чем по тыловым госпиталям страны в целом: возвращено в строй 59,1% раненых (по стране 57,6%), умерло 0,51% (по стране 1,5%).

- На всем протяжении помощи раненым была внедрена и четко выполнялась этапность оказания медицинской помощи.

- Высокой эффективности восстановления удалось достичь вследствие применения принципа сортировки раненых по тяжести и локализации травм и увечий.

- В годы войны удалось избежать многих случаев инфицированности благодаря увеличению роли асептики, в том числе за счет внедрения местных растворов.

- Активное применение разнообразных способов реабилитации позволило большему числу раненых вернуться в строй.

- Обобщение лечебного опыта закреплялось в научно-практические достижения и безотлагательно внедрялось в практическое применение.

- На базе эвакогоспиталей студентами медицинского института приобретался огромный практический опыт в лечении военных травм. Сопричастность к общему делу – вкладу в Победу в Великой Отечественной войне – также объединяла эвакогоспитали.

ЛИТЕРАТУРА

- Козлов М.М. Великая Отечественная война 1941–1945. М. : Сов. энциклопедия, 1985. С. 184.
- Отчет Удмуртского обкома ВКП(б) о работе эвакогоспиталей УАССР в годы войны // UDMURT.RU: Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. URL: <http://www.udmurt.ru/upload/iblock/099/09907326163be30baf8b5b3172fdf56.pdf> (дата обращения: 8.12.2015).
- Эвакогоспитали в Удмуртии // IZarticle – информационный сайт по Ижевску, Удмуртской Республике. URL: http://www.iz-article.ru/avakogospital_1.html (дата обращения: 8.12.2015).
- Ушакова Е.М. Эвакогоспитали Удмуртии // Архивная служба Удмуртии. URL: http://www.gasur.ru/activity/publications/pub_arh_cdni/cdni0103.php (дата обращения: 8.12.2015).
- Сведения о профилях эвакогоспиталей УАССР (на 1941 г.) // UDMURT.RU: Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. URL: <http://www.udmurt.ru/upload/iblock/792/792c0d3526cdd71b5a57681c361d8e3d.pdf> (дата обращения: 9.12.2015).
- Дислокация эвакогоспиталей Наркомздрава УАССР по состоянию на 15.01.44 (документ рассекречен) // UDMURT.RU: Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. URL: <http://www.udmurt.ru/upload/iblock/572/572cef7566a0704fb77bbff177951e1e.pdf> (дата обращения: 9.12.2015).
- Савельев В.Н. 60 лет здравоохранения Удмуртской АССР. Ижевск : Удмуртия, 1981. С. 136.
- Докладная записка Главного военного санитарного управления Красной Армии во Всесоюзный комитет помощи раненым о результатах обследования ряда эвакогоспиталей УАССР (документ рассекречен) // UDMURT.RU: Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. URL: <http://www.udmurt.ru/upload/iblock/291/2919e7101fca07933ede59571129e360.pdf> (дата обращения: 9.12.2015).
- Ситников В.А. Избранные страницы истории хирургической школы Удмуртии. Ижевск, 2010. С. 54.
- Шабров А. Специальные формирования здравоохранения. Роль и место тыловых госпиталей в современной системе лечебно-эвакуационного обеспечения войск // Dendrit – портал для студентов медицинских вузов. URL: <http://www.dendrit.ru/page/show/mnemonick/specialnye-formirovaniya-zdravooohraneniya> (дата обращения: 9.12.2015).
- Медицина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. URL: http://www.medicport.ru/portal_news/k_65letiyu_pobedy_medicina_v_gody_velikoj_otechestvennoj_vojny/ (дата обращения: 9.12.2015).
- Книга Памяти Удмуртской Республики. Ижевск : Удмуртия, 1994. Т. 7. С. 183.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 марта 2017 г.

THE REAR MEDICINE 70 YEARS LATER: MEDICAL CARE IN EVACUATION HOSPITALS OF UDMURTIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 191–194.

DOI: 10.17223/15617793/418/23

Lev L. Shubin, Izhevsk State Medical Academy (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: leva-shubin@mail.ru

Andrey M. Shabardin, Izhevsk State Medical Academy (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: Andrew.Shabardin@gmail.com

Keywords: evacuation hospital; injured; operation; treatment; medical rehabilitation; health care workers; work efficiency.

The article summarizes the experience of the medical service in the rear of the front during the Great Patriotic War of 1941–1945 based on the evacuation hospitals located in Udmurtia. The authors analyzed a large factual material comprising 13 sources cited, 6 of which are authentic archival documents. Quoting archival documents creates a distinct and impressive view of the difficult working and living conditions of workers of evacuation hospitals, and of their overcoming the physical, moral and material difficulties of the period. Sections of the article concerning the work of evacuation hospitals are logically identified: organization of

work, treatment and rehabilitation activities, research and practical work, effectiveness of the results related to the activities of evacuation hospitals. Organization of evacuation hospitals was clearly centralized by management authorities: their material resources, human and material support, accounting and cost control and, most importantly, the quality and effectiveness of treatment were detailed. Each incoming wounded and sick person was taken into account, their health condition was tracked. Treatment and rehabilitation activities of each evacuation hospital was under strict control, regular reports on the number of the cured, the dead, the demobilized wounded were made. Scientific, methodological work based on a synthesis of the huge, compared to peacetime, and diverse practical material was actively implemented in the form of the publication of articles, tutorials, innovation proposals and others. The effectiveness of the evacuation hospitals in Udmurtia is estimated higher than the national average for the same performance (in %): the wounded returned to the army, dismissed / demobilized, total mortality. The results of activities related to evacuation hospitals work is a kind of a conclusion of the article. The authors single out the following leading causes of good performance: the human factor, i.e. the high responsibility and performance discipline in general, and, more importantly, the scientific authority of the leading medical specialists of evacuation hospitals which is based on a large practical experience and initiative, broad introduction of more effective treatment methods.

REFERENCES

1. Kozlov, M.M. (1985) *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945* [The Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
2. UDMURT.RU. (n.d.) *Otchet Udmurtskogo obkoma VKP(b) o rabote evakogospitalej UASSR v gody voyny* [Report of the Udmurt regional committee of the CPSU (b) on the work of evacuation hospitals of the UASSR during the war]. [Online] Available from: http://www.udmurt.ru/upload/iblock/099/09907326163_be30baf8b5b3172fdf56.pdf. (Accessed: 08th December 2015).
3. Izarticle.ru. (n.d.) *Evakogospitali v Udmurtii* [Evacuation hospitals in Udmurtia]. [Online] Available from: http://www.iz-article.ru/avakogospital_1.html. (Accessed: 08th December 2015).
4. Ushakova, E.M. (n.d.) *Evakogospitali Udmurtii* [Evacuation hospitals in Udmurtia]. [Online] Available from: http://www.gasur.ru/activity/publications/pub_arh/cdhi/cdhi0103.php. (Accessed: 08th December 2015).
5. UDMURT.RU. (n.d.) *Svedeniya o profilyakh evakogospitalej UASSR (na 1941 g.)* [Information on the profiles of the evacuation hospitals of the UASSR (for 1941)]. [Online] Available from: <http://www.udmurt.ru/upload/iblock/792/792c0d3526cd71b5a57681c361d8e3d.pdf>. (Accessed: 09th December 2015).
6. UDMURT.RU. (n.d.) *Dislokatsiya evakogospitalej Narkomzdrava UASSR po sostoyaniyu na 15.01.44 (dokument rasskrechen)* [Dislocation of evacuation hospitals of Narkomzdrav of the UASSR as of 15.01.44 (document declassified)]. [Online] Available from: <http://www.udmurt.ru/upload/iblock/572/572cef7566a0704fb77bbff177951e1e.pdf>. (Accessed: 09th December 2015).
7. Savel'ev, V.N. (1981) *60 let zdravookhraneniya Udmurtskoy ASSR* [60 years of health care of the Udmurt ASSR]. Izhevsk: Udmurtiya.
8. UDMURT.RU. (n.d.) *Dokladnaya zapiska Glavnogo voennogo sanitarnogo upravleniya Krasnoy Armii vo Vsesoyuznyy komitet pomoshchi ranenym o rezul'tatakh obsledovaniya ryada evakogospitalej UASSR (dokument rasskrechen)* [Memorandum of the Main Military Sanitary Directorate of the Red Army to the All-Union Committee for Assistance to the Wounded on the Results of the Survey of a number of evacuation hospitals of the UASSR (document declassified)]. [Online] Available from: <http://www.udmurt.ru/upload/iblock/291/2919e7101fca07933ede59571129e360.pdf>. (Accessed: 09th December 2015).
9. Sitnikov, V.A. (2010) *Izbrannye stranitsy istorii khirurgicheskoy shkoly Udmurtii* [Selected pages of the history of the surgical school of Udmurtia]. Izhevsk.
10. Shabrov, A. (n.d.) *Spetsial'nye formirovaniya zdravookhraneniya. Rol' i mesto tylovykh gospitalej v sovremennoy sisteme lechebno-evakuatsionnogo obespecheniya voysk* [Special formations of public health. The role and place of rear hospitals in the modern system of medical and evacuation support of troops]. [Online] Available from: <http://www.dendrit.ru/page/show/mne-monick/specialnye-formirovaniya-zdravookhraneniya>. (Accessed: 09th December 2015).
11. Medicport.ru. (c. 2010) *Meditina v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945* [Medicine during the Great Patriotic War of 1941–1945]. [Online] Available from: http://www.medicport.ru/portal_news/k_65letiyu_pobedy_medicina_v_gody_velikoj_otechestvennoj_vojny/. (Accessed: 09th December 2015).
12. Udmurtia. (1994) *Kniga Pamyati Udmurtskoy Respubliky* [Memory Book of the Udmurt Republic]. Vol. 7. Izhevsk: Udmurtiya.

Received: 21 March 2017

ПРАВО

УДК 343.721

A.B. Архипов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Рассматривается проблема квалификации хищения безналичных денежных средств согласно действующему уголовному законодательству Российской Федерации. Обращается внимание на то, что действующая редакция УК РФ не позволяет квалифицировать хищение безналичных денежных средств как кражу или грабеж. Делается вывод о том, что сложившаяся ситуация, когда аналогичные по сути действия по-разному наказываются, в зависимости от того, обратил ли виновный в свою пользу денежные средства потерпевшего в наличном или безналичном виде, не соответствует принципу справедливости. Предлагаются пути решения указанной проблемы.

Ключевые слова: хищение; безналичные денежные средства; наличные деньги.

Согласно ст. 140 ГК РФ платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов. Расчеты, осуществляемые безналичными денежными средствами, прочно вошли в обиход не только субъектов предпринимательской деятельности, но и простых граждан. Имеются все основания полагать, что в наше время безналичные деньги постепенно, но уверенно вытесняют деньги наличные, как в свое время бумажные банкноты практически вытеснили из оборота монеты из драгоценных металлов.

Широкое распространение безналичных денег повлекло увеличение числа преступлений, связанных с незаконным завладением данными денежными средствами. И если 15–20 лет назад такого рода преступления выявлялись, как правило, в банковской или иной предпринимательской сфере, то в последние годы факты хищения безналичных денежных средств выявляются практически во всех сферах, в том числе в быту. Развитие банками различных систем удаленного управления банковскими счетами (Сбербанк-Онлайн, Телебанк, Банк-Клиент), простота их использования привели к тому, что сейчас для хищения денежных средств с чужого банковского счета не нужно обладать глубокими познаниями в области компьютерных технологий, достаточно лишь получить доступ к платежной карте или сотовому телефону владельца счета.

Так, например, для того чтобы перечислить денежные средства с банковского счета клиента Сбербанка России на счет, подконтрольный виновному, достаточно отправить СМС-сообщение с сотового телефона потерпевшего на номер 900 с указанием суммы перевода и номера телефона, к которому прикреплен счет получателя. Данное действие занимает несколько секунд и может быть совершено любым человеком, получившим доступ к телефону владельца счета, когда потерпевший, скажем, оставил телефон на несколько минут на столике в баре и т.п.

Противоречивая следственная и судебная практика по делам данной категории [1, 2] свидетельствует о том, что правоохранительные органы и суды оказались не готовы к сложившейся ситуации. Выявляя преступления, связанные с незаконным завладением

безналичными денежными средствами, особенно если они совершены в бытовой сфере, сотрудники правоохранительных органов испытывают затруднения при решении вопроса о квалификации таких действий. В условиях отсутствия четких, понятных, а главное актуальных с точки зрения действующего законодательства разъяснений высшей судебной инстанции решения о квалификации принимаются подчас интуитивно.

В доктрине уголовного права, несмотря на то что внимание ученых-правоведов на данную проблему было обращено уже давно, также отсутствует единство в понимании целого ряда вопросов, являющихся ключевыми для квалификации незаконного завладения безналичными денежными средствами.

Для решения вопроса о квалификации незаконного завладения безналичными денежными средствами в первую очередь необходимо разобраться с тем, что же представляют собой безналичные денежные средства.

Среди ученых-правоведов давно ведется дискуссия о том, являются ли безналичные денежные средства имуществом или же правом на имущество [3. С. 14–19; 4. С. 97; 5. С. 76–80]. Некоторую ясность в данном вопросе попытался внести законодатель путем принятия Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ, которым были внесены изменения в ст. 128 ГК РФ. Указанным законом было установлено, что безналичные денежные средства не являются имущественными правами, а являются иным имуществом. Данное обстоятельство применительно к проблеме квалификации преступлений против собственности дает все основания утверждать, что безналичные денежные средства могут являться предметом хищения, а не мошенничества в форме приобретения права на имущество или вымогательства в виде требования о передаче права на имущество.

Главной отличительной чертой безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг от иного имущества, способного быть предметом хищения, является отсутствие физического признака. Безналичные деньги не являются вещью, они существуют лишь в виде записи в бухгалтерских документах банка. Данное свойство определяет специфику их изъятия и обращения, которые возможны только посредством совершения банковских операций: изъя-

тие – путем списания денежных средств со счета потерпевшего, обращение – путем зачисления денежных средств на счет виновного.

В доктрине уголовного права преобладающей является точка зрения, согласно которой имущество, не обладающее физическим признаком, не может быть предметом кражи, грабежа и разбоя [6, 7]. Представляется, что в настоящее время законных оснований для исключения безналичных денежных средств из предмета указанных форм хищения, лишь ввиду отсутствия у них физического признака, не имеется. В диспозициях ст. 158, 161 и 162 УК РФ предмет хищения никак не описывается, а значит, следует руководствоваться общим определением предмета хищения, данным в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Согласного данному примечанию, предметом хищения является имущество, к которому в соответствии со ст. 128 ГК РФ относятся и безналичные денежные средства, оснований ограничивать предмет кражи, грабежа и разбоя, по сравнению с иными формами хищения (мошенничеством, присвоением и растратой), нет.

Вместе с тем имеются иные основания для утверждения о том, что безналичные денежные средства не могут быть похищены способами, указанными в ст. 158 и 161 УК РФ.

Как уже указывалось выше, безналичные денежные средства могут быть похищены только посредством совершения двух банковских операций – списания средств со счета потерпевшего и зачисления их на счет виновного. Данные операции могут быть выполнены либо имеющим соответствующие полномочия работником банка, либо автоматически компьютерной программой.

Очевидно, что в первом случае ни сам виновный, ни потерпевший по требованию виновного перевести безналичные деньги на счет виновного не смогут. Для такого перевода потребуется либо ввести в заблуждение сотрудника банка (например, используя телефон, принадлежащий потерпевшему, убедить сотрудника банка в том, что распоряжение о переводе денег дано самим потерпевшим), либо заставить потерпевшего отдать такое распоряжение, т.е. заставить его не передать имущество, а совершив действия имущественного характера. Соответственно, в первом случае будет иметь место мошенничество (ст. 159 УК РФ), а во втором – вымогательство.

В том случае, когда указанные банковские операции осуществляются автоматически компьютерной программой, произвести списание денежных средств со счета потерпевшего и зачисление их на счет виновного можно только путем ввода компьютерной информации, необходимой для того, чтобы компьютерная программа банка внесла необходимые изменения в бухгалтерскую документацию. Такая информация может быть введена в программу, например, путем отправки СМС-сообщения с телефона потерпевшего или путем входа со смартфона или компьютера от имени потерпевшего в программы удаленного управления банковским счетом (Сбербанк-Онлайн, Телебанк и т.п.) и введения необходимых для перевода средств данных.

Каким же образом следует квалифицировать действия виновного в таких случаях?

Данный вопрос являлся дискуссионным в теории и неоднозначно разрешался на практике. Можно выделить две основные точки зрения. Сторонники первой из них полагают, что такого рода действия следует квалифицировать как мошенничество [8. С. 19–21], сторонники второй точки зрения считают, что в данном случае имеет место кража [9. С. 89].

Представляется, что этот спор также был разрешен законодателем. Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ в УК РФ была введена ст. 159.6, предусматривающая уголовную ответственность за хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Введя данную норму, законодатель принял решение о том, что хищение чужого имущества, связанное, если так можно выразиться, с «обманом» не человека, а компьютерной программы надлежит квалифицировать как особую форму мошенничества или, как полагают некоторые исследователи, особую форму хищения [10. С. 229–233]. Соответственно такие действия не могут квалифицироваться как кража.

Таким образом, в случае, если виновный, воспользовавшись сотовым телефоном потерпевшего, от его имени производит перевод средств со счета потерпевшего на свой счет, его действия следует квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ, так как, производя такие действия, виновный, образно выражаясь, «обманывает» компьютерную программу банка в личности отправителя информации. При этом квалификация действий виновного останется одинаковой вне зависимости от того, используется ли сотовый телефон втайне от потерпевшего или же ввод данных с телефона производится виновным в присутствии потерпевшего, например непосредственно после насилия изъятия у него телефона.

Как в таком случае следует квалифицировать действия виновного, если он не вводит необходимую для перевода безналичных денежных средств информацию от имени потерпевшего, а под угрозой применения насилия, не опасного для жизни и здоровья, или даже с применением такого насилия заставляет потерпевшего перевести на его счет деньги? Возможна ли квалификация такого рода действий как грабеж?

Представляется, что, исходя из действующего законодательства, как грабеж такие действия квалифицированы быть не могут. Факт отнесения законодателем действий, связанных с изъятием денежных средств с помощью ввода компьютерной информации, не к краже, а к мошенничеству, по нашему мнению, указывает на то, что с точки зрения законодателя изъятие имущества в таких случаях производится не непосредственно лицом, вводящим данную информацию, а компьютерной программой. Виновный лишь воздействует на данную программу с целью, образно говоря, «понудить» ее произвести изъятие имущества у потерпевшего. Следуя данной логике, отправка соответствующей компьютерной информа-

ции самим потерпевшим также не может расцениваться как действие, непосредственно направленное на передачу имущества кому-либо. Как и в случае, когда вместо компьютерной программы такую информацию получает работник банка, такие действия следуют расценивать лишь как поручение банку на перечисление денежных средств, что, с точки зрения УК РФ, квалифицируется не как передача имущества, а совершение действий имущественного характера. Соответственно, в настоящее время описанные действия должны квалифицироваться как вымогательство.

Итак, согласно действующему законодательству, если виновный тайно похищает из сумочки, ненадолго оставленной потерпевшей у столика в баре, 4 тыс. руб. наличными, то такие действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 158 УК РФ, предусматривающей максимальное наказание в виде 2 лет лишения свободы. Если точно такая же сумма похищается виновным у нее при аналогичных обстоятельствах в виде безналичных денежных средств, например с помощью оставленного в сумочке сотового телефона, то такие действия будут квалифицироваться уже по ч. 1 ст. 159.6 УК РФ, предусматривающей максимальное наказание в виде принудительных работ.

Если виновный те же 4 тыс. руб. наличными отнимет у потерпевшего под угрозой применения насилия, не опасного для жизни и здоровья, его действия будут квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, предусматривающей наказание до 7 лет лишения свободы, если же таким же способом он заставит потерпевшего ту же сумму немедленно перевести на его счет безналичным путем, то его действия будут квалифицироваться уже по ч. 1 ст. 163 УК РФ, предусматривающей наказание до 4 лет лишения свободы, а если виновный, угрожая насилием, временно позаимствует сотовый телефон потерпевшего и сам с его помощью даже в присутствии потерпевшего переведет на свой счет со счета потерпевшего ту же сумму, то его действия не могут квалифицироваться иначе, как по ч. 1 ст. 159.6 УК РФ, санкция которой, как уже было сказано, вообще не предусматривает в качестве наказания лишение свободы.

Таким образом, в настоящее время сложилась ситуация, когда аналогичные по сути действия по-разному наказываются в зависимости от того, обратил ли виновный в свою пользу денежные средства потерпевшего в наличном или безналичном виде. По нашему мнению, такое положение не соответствует принципу справедливости.

Существующая дифференциация уголовной ответственности по указанному признаку могла бы быть признана обоснованной только в том случае, если бы общественная опасность хищения безналичных денежных средств была бы существенно ниже, чем хищения наличных денег, но ведь в действительности это не так.

Как известно, общественная опасность – это объективное свойство действия, определяемое тем вредом, который действие причиняет или может причинить об-

ществу. Она определяется двумя показателями – характером (качественный показатель) и степенью (количественный показатель). Качественный показатель общественной опасности определяет объект посягательства, количественный – объективная сторона [11. С. 28].

Анализируя вышеописанные деяния с данных позиций, можно прийти к однозначному выводу о том, что их общественная опасность одинаковая. При совершении хищения и наличных денег, и безналичных денежных средств вред причиняется одним и тем же общественным отношениям – отношениям собственности. С объективной стороны, данные деяния также не имеют существенных отличий, которые бы позволяли усмотреть разную степень общественной опасности этих хищений: способ изъятия безналичных денежных средств, хотя и отличается от способа изъятия наличных денег, но о пониженной общественной опасности таких действий не свидетельствует; наступившие последствия вообще значимых отличий не имеют. И в первом и во втором случаях преступные последствия заключаются в причинении имущественного вреда потерпевшему и незаконном обогащении преступника, при этом ни потерпевшему, ни преступнику нет никакой разницы, в какой форме были похищены деньги. При современном развитии безналичных платежей незаконное завладение безналичными денежными средствами не создает преступнику каких-либо дополнительных проблем, связанных с возможностью их расходования по сравнению с наличными деньгами. У потерпевшего каких-либо дополнительных возможностей возместить ущерб в таких случаях также не возникает.

Представляется, что решить указанную проблему возможно следующим образом:

– во-первых, исключить из УК РФ ст. 159.6, поскольку существование именно этой нормы делает возможной приведенную выше абсурдную по своей сути квалификацию. Мы разделяем точку зрения о том, что хищение чужого имущества способами, указанными в диспозиции ч. 1 ст. 159.6 УК РФ, в чистом виде является не чем иным, как кражей, совершенной с применением технических средств, и принципиально не отличается, например, от кражи крупногабаритного груза с использованием автокрана;

– во-вторых, необходимо, как это уже предлагалось в научной литературе [12. С. 114–121], более четко разъяснить в примечании 1 к ст. 158 УК РФ термин «чужое имущество» как предмет хищения, указав, кроме прочего, что безналичные денежные средства, несмотря на отсутствие физического признака, являются предметом всех форм хищения наряду с вещами.

Подобные шаги позволят квалифицировать случаи хищения безналичных денежных средств, не связанные с обманом сотрудников банков, т.е. совершенные путем оказания воздействия только на компьютерные программы, как кражу или грабеж.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 31.05.2016 № 44у-102/16 // СПС КонсультантПлюс.
2. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Алтай от 21.08.2014 по делу № 22-457 // СПС КонсультантПлюс.

3. Белов В.А. Денежные обязательства. М., 2001.
4. Олейник О.М. Правовые аспекты безналичных денег // Закон. 1997. № 1.
5. Хилюта В. Безналичные деньги – предмет хищения или преступлений против собственности // Уголовное право. 2009. № 2.
6. Клепицкий И.А. Объекты системы имущественных преступлений в связи с реформой уголовного законодательства России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
7. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 8.
8. Ефремова М.А. Мошенничество с использованием электронной информации // Информационное право. 2013. № 4.
9. Лопашенко Н.А. Посыгательства на собственность. М., 2012 // СПС КонсультантПлюс.
10. Шумихин В.Г. Седьмая форма хищения чужого имущества // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2.
11. Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012.
12. Манакова Р.П. О межотраслевом применении частноправовых понятий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18).

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 апреля 2017 г.

TOPICAL ISSUES OF QUALIFICATION OF EMBEZZLEMENT OF NON-CASH MONEY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 195–198.

DOI: 10.17223/15617793/418/24

Andrey V. Arkhipov, Tomsk Regional Court (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aav180@mail.ru

Keywords: embezzlement; non-cash money; cash.

In the article the problem of qualifying embezzlement of non-cash money according to the existing criminal legislation of the Russian Federation is considered. Wide distribution of non-cash money increases the number of crimes connected with the illegal acquisition of such money in all spheres, including private life. The problem of the qualification of such actions is ambiguously resolved both in practice and in the theory. The main distinctive feature of non-cash money from other property is the lack of physical signs. Cashless money is not a thing, it exists only in the form of entry in accounting documents of a bank. This property determines the specificity of its attachment and circulation, which are possible only by means of banking operations: attachment by writing-off money from the victim's account, circulation by transferring money into the account of the guilty person. In the doctrine of criminal law, a point of view prevails according to which property which does not have a physical sign cannot be subject of a theft, a robbery or a plunder. It seems that the legal basis is not available for the exclusion of non-cash money from the subject of specified embezzlement forms only in the view of the absence of a physical sign. At the same time, according to the current legislation non-cash money cannot be stolen by ways specified in Section 158 and Section 161 of the Criminal Code of the Russian Federation. Non-cash money can be stolen only by means of bank operations which can be executed by a bank's employee having an appropriate authority, or by an automatic computer program. In the first case, to transfer money from the victim's account to the account of the offender it is required to mislead a bank's employee or to force the victim to make such an order. In the second case, it is possible to write off money from the victim's account and to transfer them to the account of the guilty person only by the input of the computer information, so, such actions have to be qualified according to Section 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. And so, if the guilty person secretly steals four thousand rubles cash from the victim, such actions should be qualified according to Part 1 of Section 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. If the same sum is stolen by the guilty person under similar circumstances in the form of non-cash money, such actions will be qualified according to Part 1 of Section 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. If the guilty person takes away the same four thousand rubles from the victim under the threat of violence, but not threatening life and health, these actions will be qualified according to Item "g" of Part 2 of Section 161 of the Criminal Code of the Russian Federation. If the guilty forces the victim to immediately transfer the same sum to their account in the non-cash way, their actions will be qualified according to Part 1 of Section 163 of the Criminal Code of the Russian Federation, and if the guilty, threatening with violence, temporarily borrows the cell phone of the victim and transfers the same sum from the victim's account to their account via the phone, even at the presence of the victim, their actions cannot be qualified differently than according to Part 1 of Section 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. Thus, nowadays there is a situation when actions similar in fact are differently punished depending on whether the offender stole cash or non-cash money. But the public danger of stealing cash and non-cash money is identical. It is obvious that such a situation does not correspond to the principle of justice.

REFERENCES

1. Konsul'tantPlyus. (2016) *Postanovlenie Prezidiuma Stavropol'skogo kraevogo suda ot 31.05.2016 № 44y-102/16* [Decision of the Presidium of the Stavropol Regional Court of May 31, 2016 No. 44y-102/16].
2. Konsul'tantPlyus. (2014) *Apellyatsionnoe postanovlenie Verkhovnogo suda Respubliki Altay ot 21.08.2014 po delu № 22-457* [Appeal Decision of the Supreme Court of the Republic of Altai of August 21, 2014 on case No. 22-457].
3. Belov, V.A. (2001) *Denezhnye obyazatel'stva* [Monetary obligations]. Moscow: Yurinform.
4. Oleynik, O.M. (1997) *Pravovye aspekty beznalichnykh deneg* [Legal aspects of non-cash money]. *Zakon*. 1.
5. Khilyuta, V. (2009) *Beznalichnye den'gi – predmet khishcheniya ili prestupleniy protiv sobstvennosti* [Non-cash money – the subject of embezzlement or crimes against property]. *Ugolovnoe pravo*. 2.
6. Klepitskiy, I.A. (1995) *Ob "ekty sistemy imushchestvennykh prestupleniy v svyazi s reformoy ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii* [Objects of the system of property crimes in connection with the reform of the criminal legislation of Russia]. Law Cand. Diss. Moscow.
7. Yani, P.S. (2015) *Spetsial'nye vidy moshennichestva* [Special types of fraud]. *Zakonnost'*. 8.
8. Efremova, M.A. (2013) *Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnoy informatsii* [Fraud with use of the electronic information]. *Informacionnoe pravo*. 4.
9. Lopashenko, N.A. (2012) *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Attacks on property]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
10. Shumikhin, V.G. (2014) *Sed'maya forma khishcheniya chuzhogo imushchestva* [The seventh form of theft of someone else's property]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2.
11. Prozumentov, L.M. (2012) *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyaniy* [Criminalization and decriminalization of acts]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Manakova, R.P. (2015) On the intersectoral application of private law concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4 (18). (In Russian).

Received: 11 April 2017

B.B. Груздев

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП РАВЕНСТВА

Статья способствует правильному пониманию равенства как принципа гражданского права. Автор присоединяется к мнению о том, что равенство субъектов есть специфический признак гражданско-правовой связи, но не самого фактического отношения, регулируемого цивилистической отраслью. Наделение указанных субъектов равенством, автономией воли и имущественной самостоятельностью осуществляется в ходе правового регулирования с использованием приема координации как раз потому, что в основу построения цивилистической отрасли положен принцип равенства.

Ключевые слова: принципы гражданского права; принцип равенства; гражданская правосубъектность; гражданское правоотношение.

Регулируемый цивилистической отраслью оборот экономических благ – область проявления индивидуальных интересов, весьма разнообразных, подчас эгоистичных и противоположных, а поэтому неизбежно вступающих между собой в конфликт. Разрешение подобного конфликта возможно исключительно путем приведения участников соответствующей социальной связи в равное правовое положение с тем, чтобы каждый из них не испытывал юридической необходимости подчиняться односторонним властным волеизъявлениям другого. Речь идет об обеспечении пресловутого равенства субъектов имущественных отношений.

Понятие «равенство» используется в гражданском праве в различных аспектах: как свойство регулируемых общественных отношений¹ [1. С. 43], как черта метода [2. С. 131–144], как признак правоотношения [3. С. 117] и, наконец, как отраслевой принцип [4. С. 10].

Утверждать, что отношения, регулируемые гражданским правом, основаны на началах равенства их участников, – значит, выдавать желаемое за действительное. Если бы такие отношения характеризовались как равные, ценность данной правовой отрасли, которой в этом случае оставалось бы поддерживать фактически сложившееся положение своих субъектов, оказалась во многом утраченной. Между тем хорошо известно, что подвергаемые гражданско-правовому воздействию индивидуализированные социальные связи, будучи отдельными фрагментами реальной жизни, зачастую возникают между отнюдь не равными в фактическом смысле лицами, одно из которых стремится навязать свою волю другому². И прежде всего, по этой причине цивилистическая отрасль содержит нормы, реализация которых призвана обеспечить юридическое равенство, нивелирующее описанное фактическое неравенство³.

Другое дело – отношения имущественного оборота в их идеальном виде. Они, безусловно, должны основываться на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, что необходимо для совершения актов обмена экономическими благами. А поскольку идеальными свойствами могут наделяться правовые, но не фактические явления, постольку равенство, автономия воли и имущественная самостоятельность являются неотъемлемыми качествами участников именно гражданского правоотношения как результата целенаправленного воздействия цивилистической отрасли на регулируемые ею реальные общественные связи.

Очевидно, что равенство не свойственно и методу гражданско-правового регулирования, так как оно

достигается в ходе использования данного метода. Ведь в логическом плане следует различать гражданско-правовой метод (систему приемов регулирования) и результат применения гражданско-правового метода (динамически развивающееся гражданско-правовое отношение). В частности, устранение распространенного фактического неравенства участников имущественного оборота и, соответственно, достижение их равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности в рамках гражданского правоотношения осуществляются посредством координации, выступающей одним из приемов гражданско-правового метода. В этом смысле метод гражданского права характеризуется не равенством (равноправием), а уравниванием субъектов с дальнейшим поддержанием достигнутого юридического равенства.

Итак, равенство субъектов есть специфический признак гражданско-правовой связи, но не самого фактического отношения, регулируемого цивилистическими нормами. Наряду с собственно равенством субъектам гражданского правоотношения присущи автономия воли и имущественная самостоятельность. Наделение соответствующих участников имущественного оборота названными качествами происходит как раз потому, что в основу построения цивилистической отрасли положен принцип равенства.

Гражданско-правовому принципу равенства в юридической литературе справедливо придается широкое значение. В частности, отмечается, что данный принцип проходит через все гражданское право, обуславливая содержание каждого из его институтов и подотраслей; нормативная идея равенства прослеживается на двух уровнях – при установлении правоспособности как общего и единого для всех субъектов правового состояния и при определении возможностей субъектов гражданского права в конкретном гражданском правоотношении [6. С. 8–9].

Вместе с тем, учитывая, что реализацией принципа равенства обеспечиваются необходимые для успешного правового регулирования качества сторон гражданского правоотношения как конкретной социальной связи, равенство субъектов права, которые никогда не вступят между собой в гражданское правоотношение, цивилистического значения не имеет. Ведь точно так же они равны как субъекты других отраслей, в чем, в частности, обнаруживается проявление общеправового принципа равноправия (равенства всех перед законом). Следовательно, применительно к принципу равенства речь должна идти о тех субъектах гражданского права, которых связывает конкретное гражданско-

ское правоотношение или которые выразили намерение вступить в подобное правоотношение.

Равенство субъектов гражданского правоотношения должна быть обеспечена на всех динамических стадиях этого правоотношения, начиная с его возникновения. Стало быть, равенство закладывается в предпосылках движения гражданско-правовой связи, к числу которых относятся нормы права, правосубъектность и юридические факты [7. С. 6]. Причем нормы права, воплощая принцип равенства, закрепляют юридические формы правосубъектности, а также образуют обязательный элемент всякого юридического факта – нормативную основу последнего. В то же время необоснованными выглядят попытки обнаружить равенство правосубъектности абсолютно всех участников имущественного оборота: только утопией можно считать мысль о равенстве правосубъектности, например юридического лица и гражданина; в плenу иллюзии доказать недоказуемое находятся и те авторы, которые усматривают искомое в равенстве юридических возможностей, формальном равенстве и т.п. На самом же деле одной из задач цивилистической отрасли является создание условий, при которых лица, обладающие различной правосубъектностью и при этом вступающие друг с другом в правоотношение, окажутся в равном юридическом положении не вообще, а именно в данном конкретном правоотношении.

Граждано-правовое равенство реально достигнуть лишь между такими участниками имущественного оборота, которые становятся субъектами конкретного правоотношения, т.е. *реализуют свою правосубъектность*. В частности, подобное равенство обеспечивается путем: 1) юридического поддержания сложившегося фактического равенства, соответствующего идеальной модели регулируемых отношений; 2) юридического устранения сложившегося фактического неравенства, противоречащего идеальной модели регулируемых отношений, с последующим поддержанием достигнутого юридического равенства.

В цивилистической доктрине верно замечено, что равенство проявляется в независимости и свободе, неподчиненности воль субъектов, отсутствии отношений власти и подчинения⁴ [8. С. 48, 51]. Однако представляется, что при таком подходе следует говорить об использовании понятия равенства в широком смысле, включающем следующие элементы: равенство в тесном значении этого термина (собственно равенство), автономия воль, имущественная самостоятельность участников гражданского правоотношения.

Собственно, равенство субъектов выражается в том, что соединяющее их правоотношение не является связью власти–подчинения, которая основана на нормах публично-правовых отраслей и существует исключительно в юридической форме.

Автономия воль участников гражданского правоотношения заключается в отсутствии у одного из них юридической необходимости подчиняться односторонним властным волеизъявлениям другого, т.е. неподчиненность их воль. Подобная картина наблюдается далеко не во всех частноправовых отраслях. Так, на работника возлагается обязанность подчиняться законным распоряжением работодателя, чем, собственно, и обес-

печивается трудовой распорядок, требуемый для нормального протекания производственного процесса.

Имущественная самостоятельность есть имущественная обособленность субъектов гражданско-правовой связи, дополненная способностью по своему усмотрению распоряжаться принадлежащими им экономическими благами. При этом под имуществом здесь понимаются не только вещи, но также образующие содержание соответствующего правоотношения имущественные права и обязанности.

Если субъекты гражданского правоотношения находились и находятся в положении фактического равенства, что на практике встречается крайне редко, то задача цивилистической отрасли сводится к юридическому поддержанию данного идеального положения. Например, заключенный такими субъектами договор по общему правилу может быть изменен или расторгнут по их соглашению; если же договор оказался измененным или расторгнутым под влиянием насилия или угрозы одной стороны, другая сторона наделяется правом потребовать признания соответствующей сделки недействительной (п. 1 ст. 179 ГК РФ). Подобным образом юридически поддерживается необходимый баланс интересов фактически равных контрагентов.

Гораздо чаще в гражданское правоотношение вступают лица, либо обладающие различной правосубъектностью, либо находящиеся одно от другого в какой-либо экономической или иной неюридической зависимости, либо оказавшиеся по отношению друг к другу в условиях нарушенной социальной справедливости. В этой связи отчетливо выделяются правосубъектные и социально-экономические предпосылки фактического неравенства, которые в силу рассматриваемого принципа как раз и должны быть нивелированы гражданско-правовыми средствами.

Так, только в конкретной юридической связи недостающая правосубъектность гражданина восполняется правосубъектностью других граждан (законных представителей), в противном случае юридический акт недееспособного (частично дееспособного, ограниченно дееспособного) гражданина содержит порок воли со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями. Точно так же выход за пределы целевой правоспособности юридического лица влечет недействительность совершенной им сделки.

Фактическое неравенство может обуславливаться наличием у одного из субъектов гражданского правоотношения профессиональных знаний в соответствующей области имущественного оборота и (или) экономической возможности влиять на поведение другого субъекта, в том числе в связи с осуществляющей монополистической или иной деятельностью, создающей предпосылки для навязывания воли контрагенту (например, заключение договора присоединения). Как следствие, гражданским правом более слабой в соответствующем аспекте стороне предоставляются дополнительные юридические возможности, чем и исправляется фактический «перекос» регулируемых названной отраслью отношений.

Наконец, к фактическому неравенству приводит нарушение участником оборота требований социальной справедливости, выражющееся в лишении другого участника принадлежащих последнему экономи-

ческих благ. Подобное неравенство устраняется по правилу «натворил – исправь» посредством односторонней юридической связи, в которой потерпевший является кредитором, а нарушитель – должником.

Таким образом, принцип равенства есть руководящая идея, в силу которой гражданское право призвано обеспечить и поддержать юридическое равенство, авто-

номию воль и имущественную самостоятельность участников конкретного гражданского правоотношения, нивелируя тем самым их фактическое неравенство, проистекающее из правосубъектных и (или) социально-экономических предпосылок. Указанный принцип обуславливает наличие в составе метода гражданского права главным образом приема координации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На равенство (наряду с автономией воли и имущественной самостоятельностью) участников как на признак регулируемых отношений указывает и абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ.

² Не говоря уже о том, что «одинаковых людей не бывает».

³ В этой связи нельзя не согласиться со следующим высказыванием: «Если признать, что стороны общественных отношений, входящих в предмет гражданского права, находятся в равном положении и без их правового регулирования, то становится бессмысленным само правовое регулирование указанных отношений методом равноправия...» [5. С. 11–12].

⁴ Соответственно, фактическое неравенство выражается в зависимости одного субъекта от другого, соподчиненности их воль, наличия между ними отношений власти–подчинения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1.
2. Яковлев В.Ф. Гражданечно-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 2006.
3. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М., 2009. Т. 1.
4. Гражданское право : учеб. для вузов : в 2 ч. / под общ. ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М., 1998. Ч. 1.
5. Гражданское право : учеб. : в 2 ч. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. Ч. 1.
6. Киракосян С.А. Принцип равенства в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
7. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958.
8. Щенникова Л.В. Принципы гражданского права: достижения цивилистики и законодательный эффект // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. Москва ; Екатеринбург, 2002. Вып. 2.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 марта 2017 г.

THE CIVIL LAW PRINCIPLE OF EQUALITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 199–201.

DOI: 10.17223/15617793/418/25

Vladislav V. Gruzdev, Novosibirsk State University of Economic and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gruzvlad@rambler.ru

Keywords: principles of civil law; principle of equality; civil legal personality; civil legal relationship.

At the beginning of the article the author makes conclusions used as a starting point in further reasoning on the basis of the criticism of existing opinions on the nature of civil equality. So, the author says that the equality of entities is a specific feature of civil communication, but not the actual relations regulated by the civil law norms. Along with actual equality, subjects of civil legal relations have the autonomy of will and property independence. The relevant participants of the property turnover are vested these qualities precisely because the civil branch construction is based on the principle of equality. Given that the implementation of the principle of equality provides for successful legal regulation of the quality of civil legal relations as a specific social context, equality of subjects of law that will never enter into a civil relationship does not matter in civilistic terms. After all, they are equal as subjects of other branches, which, in particular, reveals a manifestation of the general principle of equality (equality before the law). Therefore, with respect to the principle of equality we should talk about those subjects of civil law that are bound by specific civil legal relationship or intend to enter such a relationship. The equality of subjects of civil legal relations must be ensured at all dynamic stages of this relationship, starting with its occurrence. Therefore, equality is laid in the pre-assumptions of the civil-legal relations, including the rule of law, legal personality and legal facts. However, attempts to detect equality of legal personalities of all the participants of the property turnover are unjustified, because one of the tasks of the civilistic branch is to create conditions under which persons with different legal personalities that enter legal relations will be in an equal legal position in this particular case, not in general. The results of the study provide a brief formula of the civil law principle of equality as the leading idea, by which civil law is intended to ensure and support legal equality, autonomy of will and property independence of participants of specific civil matters, to reduce thereby their actual inequality that stems from the legal entity and (or) socio-economic conditions.

REFERENCES

1. Tolstoy, Yu.K. (1957) O teoretycheskikh osnovakh kodifikatsii grazhdanskogo zakonodatel'stva [On the theoretical basis of the codification of civil law]. *Pravovedenie*. 1.
2. Yakovlev, V.F. (2006) *Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy* [The civil law method of regulation of public relations]. Moscow: Statut.
3. Sergeev, A.P. (ed.) (2009) *Grazhdanskoe pravo: ucheb.*: v 3 t. [Civil law: Textbook: In 3 vols]. Moscow: TK Velbi.
4. Illarionova, T.I., Gongalo, B.M. & Pletnev, V.A. (eds) (1998) *Grazhdanskoe pravo: ucheb. dlya vuzov: v 2 ch.* [Civil law: Textbook for universities: in 2 vols]. Moscow: Infra-M.
5. Sergeev, A.P. & Tolstoy, Yu.K. (eds) *Grazhdanskoe pravo: ucheb.*: v 2 ch. [Civil law: Textbook: In 2 parts]. Moscow: Prospekt.
6. Kirakosyan, S.A. (2009) *Printsip ravenstva v rossiyskom grazhdanskom prave* [The principle of equality in Russian civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
7. Krasavchikov, O.A. (1958) *Yuridicheskie fakty v sovetskem grazhdanskem prave* [Legal facts in Soviet civil law]. Moscow: Gosyurizdat.
8. Shchennikova, L.V. (2002) *Printsipy grazhdanskogo prava: dostizheniya tsivilistiki i zakonodatel'nyy effekt* [Principles of civil law: civilizational achievements and legislative effect]. In: *Tsivilisticheskie zapiski* [Civilistic Notes]. Vol. 2. Moscow; Ekaterinburg: Statut, Institute of Private Law.

Received: 22 March 2017

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В рамках теории международного права анализируется проблема формирования представлений о правах человека в контексте современной реальности. Выявляется специфика концепции «ответственности защищать». Доказано, что несмотря на обилие нормативно-правовых актов в области прав человека, на практике обнаруживается кризис политики-правовой деятельности. Среди проблемных факторов называются принцип «двойных стандартов» в интерпретации норм права и рекомендательный, а не императивный характер прав человека.

Ключевые слова: права человека; политика; ООН; международный бильль о правах; «ответственность защищать».

В настоящее время в теории международного права наблюдается повышенное внимание к человеку и его правам в аксиологическом аспекте. В системе ценностной иерархии на первый план выдвигаются ценности свободы, достоинства, справедливости, что обуславливает интерес к пониманию прав человека в контексте современной реальности, где не прекращаются, а с каждым годом растут и множатся вооруженные конфликты. Мировой политический кризис выявил слабые стороны сферы международных отношений (ее этической составляющей), несостоятельность ряда международных организаций поддерживать стабильность в мировой политике. Сегодня на планете в результате вооруженных столкновений гибнут миллионы людей, в большей степени жертвами становятся гражданское население. В этой связи актуальным представляется обращение к вопросу соответствия существующих прав человека функционирующей в настоящее время мировой системе нормативно-правовых актов.

Поиск специфики прав человека и выявление механизмов их формирования представляют отдельную проблему для философов, историков, правоведов, социологов и других исследователей правового компонента общественного сознания. Важным в контексте современной реальности представляется юридический аспект закрепления прав человека в международных нормативно-правовых документах.

В рамках современной «гуманитаризации» права в мировой политике произошел своеобразный «поворот к человеку». Известно, что до Второй мировой войны между государствами были заключены лишь отдельные соглашения, где предусматривались меры по обеспечению только некоторых прав личности. Среди них можно особо выделить Парижский договор 1856 г., Берлинский договор 1878 г., создание в 1919 г. Международной организации труда и в 1921 г. Лиги Наций [1. С. 101–102].

Существенный прорыв в отношении прав человека начался после образования в 1945 г. Организации Объединенных Наций. Перед организацией была поставлена цель «существовать международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [2].

В 1946 г. по поручению Экономического и Социального Совета ООН Комиссия по правам человека

начала разрабатывать комплекс международно-правовых актов – «международную хартию прав» [3]. Первым в числе таких актов значилась Всеобщая декларация прав человека, а затем был запланирован к принятию единый Пакт по правам человека. Всеобщая декларация появилась на свет нелегко, так как столкнулись противоречивые позиции различных групп государств – членов ООН. Так, «западные державы строили свои аргументы, основываясь на Конституции США 1787 г. и Французской декларации 1789 г., ратовали за включение в итоговый текст документа исключительно перечня гражданских и политических прав. Для советской делегации, в первую очередь, главной задачей стояло закрепление в Декларации широкого спектра социальных и экономических прав, а также права народа на самоопределение и равенства прав народа и каждой национальности в пределах государства» [4. С. 29]. Тем самым, несмотря на различия в подходах к вопросу о том, каким должен быть текст Всеобщей декларации, государствам-участникам удалось принять согласованный вариант. Более того, из текста Декларации сознательно убрали содержание многих обсуждаемых понятий, стремясь уйти от их классовых характеристик. Поэтому многие из статей документа носят общий характер, не имеют точных правовых границ.

Таким образом, Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 г. Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, стала результатом совместных усилий мирового сообщества. С самого своего рождения она носила рекомендательный характер, так как резолюции Генеральной Ассамблеи не создают норм международного права и не подлежать применению судами. Но бесспорным представляется утверждение, что Декларация была первым универсальным международно-правовым актом, в котором государства мирового сообщества согласовали, систематизировали и провозгласили основные права и свободы, которые должны быть предоставлены каждому человеку на Земле. Это и право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, равенство перед законом, свобода мысли, совести и религии, собраний и ассоциаций и др. (группа гражданских и политических прав, «первое поколение» прав человека). В Декларации получили закрепление также социальные и экономические права, что было новым для того времени: право на труд и на отдых, на социальное обеспечение и на достойный жизненный уровень («второе поколение» прав человека) [5].

После принятия Всеобщей декларации прав человека начался процесс ее признания на международном и национальном уровнях. На международном уровне Декларация стала ядром всей системы универсальных международных актов по правам человека в рамках ООН (около 200 документов). Она – правовой ориентир и стандарт для десятков и сотен региональных и международных договоров: Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [6], Американской конвенции о правах человека 1969 г. [7], Африканской Хартии прав человека и народов 1981 г. [8] и др. На национальном уровне ряда государств Декларация воплощалась в виде прямых ссылок на ее положения, непосредственного включения последних в тексты местных конституций, в том числе Конституцию Российской Федерации [9]. По словам В. Ягавика, «не менее чем 90 национальных конституций, принятых после 1948 г., содержат перечень фундаментальных прав, которые или воспроизводят положения Декларации, или включены под ее влиянием» [10].

Значимость Декларации не единожды подчеркивалась в заключительных актах и итоговых документах международных совещаний и конференций. В Хельсинском Заключительном акте СБСЕ 1975 г. говорится, что «в области прав человека и основных свобод государства-участники будут действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН и Всеобщей декларацией прав человека» [11].

В итоге мировое сообщество разработало и приняло следующие документы, входящие в Международный бильль о правах человека: Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. [5], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 16 декабря 1966 г. [12], Международный пакт о гражданских и политических правах 16 декабря 1966 г. [13], а также Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. [14]. Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни 1989 г. [15], также вступивший в законную силу Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 10 декабря 2008 г. [16].

В современной политической культуре происходит «универсализация международного сотрудничества в сфере обеспечения и защиты прав и свобод человека», что «свидетельствует о важных сдвигах, происходящих в международном праве в ходе глобализации, приведшей международное право к осознанию прав человека как общепризнанной мировой ценности» [1. С. 112]. Отечественный исследователь К.К. Кожевников отмечает существующую диалектику в вопросе взаимоотношения прав человека и его свобод, утверждая, что, с одной стороны, «это позитивный результат подобного глобального процесса», с другой – «...было бы неверно утверждать, что у такого сложного и взаимозависимого процесса не существует “больных тем”» [Там же]. Более того, согласно К.К. Кожевникову, происходящее «расширение международного сотрудничества в сфере прав человека –

это ответ международного сообщества на ухудшение общемировой ситуации с соблюдением прав человека» [1. С. 112]. Негативные проявления жизни общества, такие как терроризм, расизм, геноцид и др., представляя угрозу будущему человечества, составляют тягчайшие преступления против человечности. В связи с этим для борьбы с ними необходимо солидаризировать усилия всех государств, так как «против них невозможно бороться в одиночку; необходимо выступление всем “фронтом” государств – членов мировой семьи», – констатируют современные учёные [Там же].

Сегодня перед мировыми державами встал вопрос о том, как суметь защитить права человека не только способом закрепления перечня прав в международно-правовых актах, но и сделать их эффективными, применимыми для разрешения реальной ситуации? Одним из рекомендованных ответов на данный вопрос стала концепция «ответственность защищать». Ее разработка закономерна и может быть объяснена «с учетом известных исторических предпосылок: тенденция к радикальному сепаратизму, с постоянными фактами нарушения прав человека и практика интервенций по так называемым “гуманитарным мотивам” стала причиной резкого скачка сепаратизма в 1990-х прошлого столетия» [Там же. С. 113]. В отечественной политологии отмечается, что «такая практика стимулирует радикальные группы внутри религиозных и этнических меньшинств на обострение конфликтов вплоть до применения вооруженной силы в надежде на победу с помощью миротворческих сил» [17. С. 42].

Как определить необходимость вступления в конфликт сил международного сообщества, не нарушив при этом суверенитета государств, о незыблемости которого говорится в Уставе ООН? Существующее противоречие между определением уровня внутригосударственной угрозы массового нарушения прав человека и порядком реагирования на нее международным сообществом стало объектом для анализа видных зарубежных и отечественных специалистов, в частности, по мнению Ю.Н. Малеева, «с одной стороны, невозможно терпеть массовые убийства людей по воле правителей или в результате родоплеменной и прочей вражды; с другой стороны, крайне нежелательно, чтобы вооруженные акции внешних сил, направленные на прекращение этих зверств, получали одобрение авторитетного международного органа или проводились самим таким органом» [18. С. 6–7]. Тем самым, складывается ситуация, при которой «не избежать многочисленных случаев камуфляжа актов агрессии под предлогом “невозможности терпеть”» [18. С. 6–7].

В докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций К. Аннана от 27 марта 2000 г. «Мы, народы: роль ООН в XXI веке» отмечается, что в грядущем столетии «требуется обеспечить более эффективную интеграцию стратегий предотвращения конфликтов, постконфликтного миростроительства, оказания гуманитарной помощи и помощи в целях развития» [19]. Речь идет о необходимости появления новых международно-правовых концепций, одной из которых стала концепция «ответственности защищать». Суть последней заключается в «установлении

новой государственной обязанности защищать свое население и нести ответственность со стороны международного сообщества в случае ее неисполнения» [1. С. 115].

В сентябре 2000 г. под эгидой ООН была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, включившая в свой состав наиболее уважаемых специалистов-международников в этих сферах. Комиссия провела пять полносоставных встреч и 11 региональных круглых столов и консультаций на пяти континентах. Достаточно показательной представляется география заседаний: Пекин, Каир, Мапуту, Дели, Сантьяго – на Юге; Брюссель, Женева, Лондон, Оттава, Париж, Санкт-Петербург, Вашингтон – на Севере [Там же]. В декабре 2001 г. Комиссия представила 90-страничный доклад и 400-страничное приложение (куда вошли материалы исследования, библиография), носящие название «Ответственность защищать» (The Responsibility to Protect – сокращенно можно обозначить как RtoP). В докладе выделялось шесть оснований для легитимной силовой акции:

1) серьезность угрозы (является ли угроза причинения ущерба государству или человеку в достаточной мере ясной и серьезной, чтобы оправдать применение военной силы, сопряжена ли она с геноцидом и другими массовыми убийствами и нарушениями международного гуманитарного права);

2) правильная цель (вмешательство должно быть направлено на помочь населению, а не на смену существующего строя);

3) чрезвычайный характер применения силовых средств (прежде использования силовых средств необходимо использовать дипломатическую площадку мирного урегулирования спора);

4) достаточные основания (военные действия могут быть легитимизированы, только если их использование имеет разумные шансы на достижение успешного результата по предотвращению массовых преступлений против гражданского населения);

5) разумные средства силовой акции (средства должны быть соразмерны с предполагаемыми итогами, а также быть соотносимы с причиной вмешательства);

6) правильные намерения (первоочередной и главной целью вмешательства должно быть прекращение страданий гражданского населения) [Там же. С. 116].

Следует отметить, что ряд положений концепции «Ответственность защищать» были выработаны государствами задолго до принятия доклада Комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета в 2001 г. Например, в ст. 1 Женевских конвенций 1949 г. закреплена обязанность «соблюдать и заставлять соблюдать» международное гуманитарное право вне зависимости от того, идет ли речь о международном или внутреннем конфликте [20. С. 899]. Дальнейшее обращение международного сообщества к данной концепции («Ответственность защищать») нашло отражение в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г., где в п. 138 значится, что главы государств и правительства договорились о том, что «каждое государство обязано защищать (responsibility to

protect) свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Эта обязанность влечет за собой необходимость предотвращения таких преступлений» [21].

Отдельно следует отметить обращение Генерального секретаря ООН к вопросам «ответственности защищать» в своих докладах к Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций: «При большей свободе», 2005 г. [22], «Выполнение обязанности защищать», 2009 г., «Раннее предупреждение, оценка и ответственность защищать», 2010 г., «Роль региональных и субрегиональных соглашений в реализации ответственности защищать», 2011 г. [23].

Российская Федерация разделяет положения концепции RtoP. В утвержденной Президентом России 12 февраля 2013 г. Концепции внешней политики Российской Федерации в п. 31 обозначена четкая позиция нашего государства: «Не допустить попытки выдать за нарушение международного права его «творческое применение». Недопустимо, чтобы под предлогом реализации «ответственности по защите» осуществлялись военные интервенции и прочие формы стороннего вмешательства, подрывающие устои международного права, основанные на принципе суверенного равенства государств» [24].

Таким образом, можно констатировать, что проблема прав человека не остается незамеченной международным правовым сообществом. Более того, необходимо помнить, что хотя на сегодняшний день правовая концепция «Ответственность защищать» не является нормой международного права, а представляет собой правовую теорию, разработанную экспертами-международниками, ее общественная ценность неоспорима, так как, несмотря на отсутствие правового статуса, в ней заключается своего рода «Кодекс гуманитарных интервенций», предусматривающий основания для легитимной силовой акции, критерии вмешательства, правила оказания гуманитарной помощи. Тем самым, в современном правоведении остро звучит вопрос соответствия реальных прав человека существующей системе нормативно-правовых актов. Другими словами, почему же при наличии немалого количества нормативно-правовых актов сегодня по-прежнему продолжают нарушаться права человека?

В отечественной науке и праве функционирует взгляд, согласно которому «с одной стороны, европейское право в области прав человека представляет собой общепринятые государствами международные стандарты и, прежде всего, для национального права» [25. С. 24]. Но, с другой стороны, «сформулированные в декларациях общие принципы, хотя и имеют непосредственное отношение к правам человека и гражданина, в целом не являются императивными» [Там же], т.е. обладают рекомендательным характером и, как отмечает И.А. Кацапова, «рассматриваются как источник обычных норм международного права, закрепляя лишь основные права и свободы личности» [Там же. С. 25]. Полагаем верным также утверждение, что «европейское право в области прав человека, представляя собой совокупность принципов и норм, регулирующих международную защиту прав и основных свобод индивидов, целиком не может

контролировать практику обеспечения этих гарантий, которые всецело зависят от геополитических и региональных условий разных стран» [25. С. 25]. Тем самым закономерно возникает вопрос: «не рекомендательная ли трактовка о правах человека и безусловное их подчинение государству, в котором человек проживает и гражданином которого является, позволили сегодня в некоторых регионах мира поставить жизнь человека, конкретного, а не абстрактного понятия “человек”, или “юридический субъект”, на грани выживания – между самой жизнью и смертью?» [26. С. 27].

В контексте современной мировой политической реальности получается, что международное право в его естественной форме – прав человека – на практике демонстрирует свою несостоительность. Можно назвать несколько факторов, способствующих намечающемуся разладу международных отношений. Одним из них является кризис политico-правовой деятельности. Злободневной стала тема о «двойных стандартах» в интерпретации принципов и норм права, тогда как правовая аксиома гласит, что юрист или правовед должен следовать букве и духу закона. В юридической практике, однако, существует система, когда сам закон может быть интерпретирован в чьих-либо интересах, в силу

чего и возникают те самые двойные стандарты, о которых говорят сегодня [25. С. 27].

В настоящее время важной проблемой современной юриспруденции является то, что лидерство от профессионалов частного права перешло к специалистам в области публичного права, способствуя обновлению статуса юриста, а современная юриспруденция, по мнению Ф. Хайека, понимаемая в качестве «аппарата, в котором индивидуум вынужден служить целям своих правителей», имеет выраженный идеологический характер, так как «всесфера находится под влиянием людей, главной заботой которых является публичное право, или правила организации правительства» [26. С. 85].

Таким образом, права человека представляют собой феномен культуры, отражающий систему ценностных ориентаций личности, укорененной в конкретной исторической эпохе и зависящей, соответственно, от идеологии мирового правового сообщества. Проблема прав человека, его защиты от внешних и внутренних угроз требует незамедлительного разрешения, обуславливая приоритетность рассмотрения правовых проблем среди широкого спектра глобальных проблем человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожевников К.К. Демократия и международное право: иллюзия и реальность. М. : Юрист, 2014. 150 с.
2. Устав ООН. URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 01.11.2016).
3. Резолюция 5 (I). ЭКОСОС от 16 февраля 1946 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/041/60/IMG-NR004160.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.11.2016).
4. Карташkin B.A. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М. : Норма: ИНФРА-М, 2011. 288 с.
5. Всеобщая декларация прав человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.11.2016).
6. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.). URL: <http://www.echr.eu/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (дата обращения: 03.11.2016).
7. Американская конвенция о правах человека 22 ноября 1969 г. URL: <http://base.garant.ru/2559460/> (дата обращения: 03.11.2016).
8. Африканская Хартия прав человека и народов 26 июня 1981 г. URL: <http://www.memo.ru/pravo/teg/afrika.htm> (дата обращения: 03.11.2016).
9. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 г. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 03.11.2016).
10. Yagawick W. Hong Kong and the International Politic of Human Rights // Human rights in Hong Kong. Hong Kong, 1992 (дата обращения: 05.11.2016).
11. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинкий Заключительный акт 1 августа 1975 г. URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 05.11.2016).
12. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.11.2016).
13. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactcon.shtml; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.11.2016).
14. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/death-pro.shtml (дата обращения: 10.11.2016).
15. Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни от 15 декабря 1989 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/deathpro.shtml (дата обращения: 10.11.2016).
16. Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 10 декабря 2008 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprotocol_icescr.shtml (дата обращения: 10.11.2016).
17. Кокошин А.А. Феномен глобализации и интересы национальной безопасности // Внешняя политика и безопасность национальной России. 1991–2002 / сост. Т.А. Шаклеина : в 4 т. М., 2002. Т. 1.
18. Малеев Ю.Н. Концептуальное обоснование превентивной гуманитарной интервенции // Международное право. 2009. № 2 (38). С. 6–7.
19. Аннан Кофи А. «Мы, народы». Роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. М. : Информационология, 2000. 130 с.
20. Международное публичное право : сб. док. / сост. К.А. Бекяшев и др. М. : Проспект, 2009. 1200 с.
21. Итоговый документ Всемирного саммита 16 сентября 2005 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 10.11.2016).
22. Доклад Генерального секретаря ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех». URL: <http://www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml> (дата обращения: 12.11.2016).
23. Обсуждение вопроса об ответственности по защите в Генеральной Ассамблее. URL: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/adviser/responsibility.shtml> (дата обращения: 12.11.2016).
24. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 15.11.2016).

25. Кацапова И.А. Современные проблемы правоведения в контексте социальной роли права // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1. С. 24–31.
26. Хайек Ф.А. Право, законодательство, свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики : пер. с англ. М. : ИРИСЭН, 2006. 644 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 марта 2017 г.

THE PERSON AND THEIR RIGHTS IN THE CONTEXT OF MODERN REALITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 202–207.

DOI: 10.17223/15617793/418/26

Maria S. Zhuleva, Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: zhuleva_ms@mail.ru

Tatiana V. Lazutina, Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: LazutinaTV@yandex.ru

Keywords: human rights; policy; United Nations (UN); International Bill of Human Rights; responsibility to protect.

The article focuses on the question of the specifics of the relations of a person as the subject of law and the system of law of the modern world community, which needs the analysis of human rights within the modern political situation. A separate subject of consideration is the compliance of the existing human rights with the world system of regulatory legal acts functioning now. Despite the existing interest of researchers (historians, philosophers, culturologists, jurists, sociologists, etc.) in human rights and their genesis, the issue of identification of their essence and disclosure of specifics of their formation mechanisms and functioning is still topical, which is the objective of the article. The concept of the article is determined by understanding human rights as a sociocultural phenomenon displaying specifics of a complex of political, ethical, etc. value preferences of the society that generate a person's ideas of freedom, of the type of relations with the state, which requires the analysis of the legal concept "responsibility to protect", the legal theory is understood as a version developed by experts in international affairs whose characteristic feature is the value component that reflects the dominating type of values functioning during a certain historical period in human rights, which, in turn causes reorganization in the structure of the legal outlook. The methodology of the research is based on the application of a dialectic approach, allowing to consider human rights as a unity existing in a variety of various features and relations. The use of an axiological approach to the system of law results in the understanding of human rights as a phenomenon of culture reflecting the developed complex of value orientations of a person implanted in a specific historical era and depending, respectively, on the ideology of the world legal community. During the research of legal culture, authors develop understandings of human rights as of global problems of the historical and welfare development of humanity, and a view on the world of legal values as a specific integrity is formed where there is a variety of global values that causes the use of system and value approaches to human rights as a special value understood as a hierarchical universal system that includes a set of rules of a person's behavior guaranteed by the state and dependent on natural and public laws. It is approved that human rights as a part of a developed outlook express features of modern attitude, dynamics of life of the value world.

REFERENCES

1. Kozhevnikov, K.K. (2014) *Demokratiya i mezhdunarodnoe pravo: illyuziya i real'nost'* [Democracy and international law: illusion and reality]. Moscow: Yurist.
2. UN.org. (n.d.) *Ustav OON* [The UN Charter]. [Online] Available from: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>. (Accessed: 01st November 2016).
3. Documents-dds-ny.un.org. (1946) *Rezolyutsiya 5 (I). EKOSOS ot 16 fevralya 1946 goda* [Resolution 5 (I). ECOSOC of 16 February 1946]. [Online] Available from: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/041/60/IMG/NR004160.pdf?OpenElement>. (Accessed: 01st November 2016).
4. Kartashkin, V.A. (2011) *Prava cheloveka: mezhdunarodnaya zashchita v usloviyakh globalizatsii* [Human rights: international protection in the context of globalization]. Moscow: Norma: INFRA-M.
5. UN.org. (n.d.) *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka* [Universal Declaration of Human Rights]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. (Accessed: 01st November 2016).
6. Echr.ru. (1950) *Evropeyskaya Konvensiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Rim, 4 noyabrya 1950 g.)* [European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, 4 November 1950)]. [Online] Available from: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm>. (Accessed: 03rd November 2016).
7. Base.garant.ru. (1969) *Amerikanskaya konvensiya o pravakh cheloveka 22 noyabrya 1969 g.* [The American Convention on Human Rights of November 22, 1969]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/2559460/>. (Accessed: 03rd November 2016).
8. Memo.ru. (1981) *Afrikanskaya Khartiya prav cheloveka i narodov 26 iyunya 1981 g.* [African Charter on Human and Peoples' Rights. June 26, 1981]. [Online] Available from: <http://www.memo.ru/prawo/reg/afrika.htm>. (Accessed: 03rd November 2016).
9. Constitution.ru (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii 12 dekabrya 1993 g.* [Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993]. [Online] Available from: <http://www.constitution.ru>. (Accessed: 03rd November 2016).
10. Yagwick, W. (1992) *Hong Kong and the International Politic of Human Rights*. Hong Kong.
11. Osce.org. (1975) *Organizatsiya po bezopasnosti i sotrudничеству в Европе. Khel'sinksyi Zaklyuchitel'nyy akt 1 avgusta 1975 g.* [Organization for Security and Cooperation in Europe. Helsinki Final Act of August 1, 1975]. [Online] Available from: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true>. (Accessed: 05th November 2016).
12. UN.org. (1966) *Mezhdunarodnyy pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh ot 16 dekabrya 1966 g.* [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 16 December 1966]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactcon.shtml; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. (Accessed: 10th November 2016).
13. UN.org. (1966) *Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh ot 16 dekabrya 1966 g.* [International Covenant on Civil and Political Rights of 16 December 1966]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactcon.shtml; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. (Accessed: 10th November 2016).
14. UN.org. (1966) *Fakul'tativnyy protokol k Mezhdunarodnomu paktu o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh ot 16 dekabrya 1966 g.* [Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights of 16 December 1966]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactprol.shtml; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/death-pro.shtml. (Accessed: 10th November 2016).
15. UN.org. (1989) *Vtoroy fakul'tativnyy protokol k Mezhdunarodnomu paktu o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh, napravlenyy na otmenu smertnoy kazni ot 15 dekabrya 1989 g.* [The Second Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights, aiming at the

- abolition of the death penalty of 15 December 1989]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/deathpro.shtml. (Accessed: 10th November 2016).
16. UN.org. (2008) *Fakul'tativnyy protokol k Mezhdunarodnomu paktu ob ekonomiceskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh 10 dekabrya 2008 g.* [Optional Protocol to the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 10 December 2008]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprotocol_icescr.shtml. (Accessed: 10th November 2016).
 17. Kokoshin, A.A. (2002) Fenomen globalizatsii i interesy natsional'noy bezopasnosti [The phenomenon of globalization and the interests of national security]. In: Shakleina, T.A. *Vneshnyaya politika i bezopasnost' natsional'noy Rossii. 1991–2002: v 4 t.* [Foreign policy and security of the national Russia. 1991–2002. In 4 vols]. Vol. 1. Moscow: INO-Tsentr.
 18. Maleev, Yu.N. (2009) Kontseptual'noe obosnovanie preventivnoy gumanitarnoy interventsii [Conceptual justification of preventive humanitarian intervention]. *Mezhdunarodnoe pravo – International Law.* 2 (38). pp. 6–7.
 19. Annan, K.A. (2000) "My, narody". *Rol' Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy v XXI veke* [We, the peoples. The role of the UN in the 21st century]. Translated from English. Moscow: Informatsiologiya.
 20. Bekyashev, K.A. et al. (2009) *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International Public Law]. Moscow: Prospekt.
 21. UN.org. (2005) Itogovyy dokument Vsemirnogo sammita 16 sentyabrya 2005 g. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations_outcome2005.shtml. (Accessed: 10th November 2016).
 22. UN.org. (n.d.) Doklad General'nogo sekretarya OON "Pri bol'shey svobode: k razvitiyu, bezopasnosti i pravam cheloveka dlya vsekh". [Online] Available from: <http://www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml>. (Accessed: 12th November 2016).
 23. UN.org. (n.d.) *Obsuzhdenie voprosa ob otvetstvennost' po zashchite v General'noy Assamblee* [Discussion on the issue of responsibility for protection in the General Assembly]. [Online] Available from: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/adviser/responsibility.shtml>. (Accessed: 12th November 2016).
 24. Mid.ru. (2013) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V.V. Putinyim 12 fevralya 2013 g.)* [Concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on February 12, 2013)]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186. (Accessed: 15th November 2016).
 25. Katsapova, I.A. (2015) Sovremennye problemy pravovedeniya v kontekste sotsial'noy roli prava [Modern problems of jurisprudence in the context of the social role of law]. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovanii.* 1. pp. 24–31.
 26. Hayek, F.A. (2006) *Pravo, zakonodatel'stvo, svoboda: Sovremennoe ponimaniye liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki* [Law, legislation, freedom: A modern understanding of the liberal principles of justice and politics]. Translated from English. Moscow: IRISEN.

Received: 15 March 2017

РОЖДЕНИЕ ТЕРРОРА ВО ФРАНЦИИ: ПОИСК ИСТИНЫ И ПРАВОВЫХ АЛЬТЕРНАТИВ

Рассмотрен процесс зарождения террора во Франции в конце XVIII в., определена его политическая и правовая природа. Особое внимание удалено организационным вопросам правового закрепления террористического режима и признакам его реализации. Исследована французская модель криминализации терроризма, проведен анализ нормативных правовых актов, устанавливающих специальные процедуры применения методов террора в отношении отдельных категорий граждан. Предпринята попытка определения правовых альтернатив террористическому режиму и нивелирования его негативных последствий.

Ключевые слова: террор; якобинский террор; революция; государственный режим; террористический режим; французская модель криминализации терроризма.

Любое государство, впервые в своей истории сталкиваясь с проблемой признания террора и выделения терроризма в качестве самостоятельного состава преступления, формировало свое национальное законодательство с учетом действующих правовых традиций и специфики юридической техники. Законодатель каждой страны по-разному оценивал проблему терроризма, определял пути ее разрешения и, соответственно, формировал антитеррористическое законодательство. Оценка и последующий учет успешных и неудачных зарубежных правовых решений дают возможность объективировать исследовательский подход к изучению института противодействия террористической деятельности в период ее появления в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.).

В этой связи большое значение имеет анализ исторического опыта конструирования зарубежных правовых моделей формирования террористического режима и последующего противодействия ему. Прежде всего, следует обратить внимание на опыт Франции. Фактически зародившись в конце XVIII в. в качестве средства решения политических задач, за непродолжительное время французский террор оформился в совершенно обособленное устойчивое явление, которое довольно быстро нашло своих сторонников во многих странах мира. Безусловно, этому способствовал успех якобинского террора во Франции, а именно его фактическое провозглашение в качестве правящего государственного режима. В структурном отношении террористический режим во Франции наиболее наглядно показан Е.М. Мягковой, которая представила его в виде классической триады «террорист – жертва – объект, где государство (террорист) наносит удар по определенной части населения (жертва), чтобы запугать весь народ (объект) и предупредить его нежелательные выступления» [1. С. 52]. При этом нужно понимать, что современное понимание терроризма в категориальном плане никаким образом не может быть соотнесено с якобинским террором.

Существуют различные точки зрения по вопросу авторской принадлежности террора и его идей. По мнению А. Парри, первым идеологом французского террора являлся Дантон, который сформулировал его основные начала и задачи [2]. Сущность террора как явления раскрывались во многих определениях, которые, как правило, основывались на авторской интерпретации отдельных форм насилия. Большинство та-

ковых определений обладали ярко выраженными консолидирующими свойствами, которые наиболее полно отражены в трактовке понимания этого термина П. Генифе. По его мнению, основным отличием террора от иных форм насилия является его рациональная, осознанная природа и направленность на достижение определенного эффекта, а задачей – уничтожение без остатка всех, кто для него являются одновременно и жертвами, и целью [3. С. 19].

Нормативное закрепление во Франции террор впервые получил сразу в нескольких правовых источниках: в декрете от 26 февраля 1794 г., декрете от 3 марта 1794 г., законе от 10 июня 1794 г., однако наиболее полно и содержательно французское понимание террора оформилось лишь к концу диктатуры якобинцев [4]. Следует отметить, что термин «террор» упоминался еще 25 декабря 1793 г. в докладе «О принципах революционного правительства», сделанном Робеспьером от имени Комитета общественного спасения. В нем в опосредованной форме был отражен основной принцип реализации террора, согласно которому «революционное правительство должно приближаться к обычным нормам поведения во всех случаях, когда они могут быть строго применены без нарушения общественной свободы. ... Чем большая суворость вызывается окружающими его обстоятельствами, тем больше оно должно воздерживаться от применения тех мер, которые бесполезно стесняют свободу и нарушают интересы частных лиц без всякой пользы для общества» [5. С. 42]. Фактически революционеры стремились если не в правовой, то в общесоциальной форме оправдать необходимость применения террора в государстве.

Следует отметить, что правовое закрепление террористического режима во Франции в конце XVIII в. осуществлялось довольно уверенно и последовательно. Изначально решались организационные, а впоследствии процедурные вопросы его применения. Прежде всего, в стране были созданы особые органы, обладавшие соответствующими полномочиями по реализации мер террора. В числе первых правовых актов организационного характера по данной проблематике, конечно, следует выделить принятый 2 октября 1792 г. декрет Конвента, учредивший Комитет общественной безопасности. 10 марта 1793 г. Конвент принял декрет, на основании которого во Франции создавался Чрезвычайный уголовный трибунал, предметом ведения которого стали все контрреволюционные

дела [6. С. 210]. К числу подобных органов следует также отнести Комитет общественного спасения, учрежденный декретом Конвента от 6 апреля 1793 г. [5]. Вышеперечисленные органы стали главными революционными структурами по реализации террористического режима во Франции в конце XVIII в.

За непродолжительный период всего в 2–3 года в республике был создан достаточно внушительный массив нормативных правовых актов, в той или иной мере установивших специальные процедуры применения методов террора в отношении отдельных категорий граждан. Прежде всего, в него входили законы о печати. Так, 29 марта 1793 г. Конвентом был издан декрет «О противоправительственной печати», согласно которому любое лицо, уличенное «в составлении или издании работ и статей, призывающих к распуску созыва национальных представителей, к восстановлению королевской власти или какой-либо другой, посягающей на народный суверенитет, предается суду Революционного Трибунала и карается смертью» [7. С. 172]. В течение 1792–1793 гг. революционными органами Франции были приняты сразу несколько правовых документов, которые запрещали издание, чтение и распространение целого ряда периодических изданий «как подрывающие истинные принципы в области политики... как клонящиеся к извращению общественного мнения; как пагубные для равенства, которое является единственной прочной базой общественной и индивидуальной свободы» [8. С. 444–445].

Примечательно, что в процессе формирования террористического режима французские революционеры довольно активно использовали негласные методы выявления социально-политических настроений в обществе. В частности, 15 апреля 1793 г. было принято Постановление Комитета общественного спасения «О рассылке по Департаментам тайных агентов для наблюдения за общественным мнением», согласно которому главной обязанностью этих агентов являлось сообщение сведений «об истинном состоянии общественного мнения в департаментах, в войсках, в администрации, трибуналах, народных обществах, деревнях и городах... о состоянии продовольствия, земледелия, торговли, мануфактур и всего, что касается благодеятельности и безопасности Республики» [7. С. 175]. В дополнение к этому правовому акту в короткие сроки были приняты сразу несколько нормативных документов организационно-управленческого характера. Прежде всего, к ним относились Постановление Временного Исполнительного Совета «О секретных агентах» от 3 мая 1793 г., определяющее порядок организационного оформления института секретного осведомления, а также Инструкция «Об обязанностях секретных агентов в Париже», изданная в мае 1793 г. и детальным образом конкретизировавшая их задачи [9. С. 2–4, 17–18]. Особенность законодательной конструкции этих правовых актов заключалась в открытом нормировании специальных методов регулирования общественных отношений, которые в силу своей специфики должны носить негласный ведомственный характер и не становиться достоянием общественности.

Отдельное внимание следует уделить комплексу нормативных правовых актов, который в литературе

принято называть законами о подозрительных. Первым из них являлся декрет Конвента от 26 марта 1793 г., приказывавший произвести разоружение подозрительных [5. С. 115–116]. В этом документе были перечислены лица, которые в обязательном порядке под угрозой наказания должны быть разоружены, а оружие передано в распоряжение Республики. Пункт 5 декрета непосредственно объявлял подозрительными граждан перечисленных категорий, подлежащих разоружению, относя к ним священников, бывших дворян и сеньоров, не состоявших на службе в армии и не занимавших гражданские или военные общественные должности, а также «служащих и при слугу бывших дворян, сеньоров и священников» [Там же. С. 116]. Через несколько месяцев, а именно 12 августа 1793 г., французский законодатель в лице Конвента принял декрет, предписывавший арестовать всех подозрительных лиц независимо от их участия в общественной или политической жизни [7. С. 184]. Однако наибольшее значение в определении объектов террора имел декрет Конвента «О подозрительных» от 17 сентября 1793 г., который не только повторно их криминализировал, но и существенным образом расширил контингент лиц, подпадавших под новое для Франции правовое понятие [5. С. 117–118]. В числе прочих к категории подозрительных относились «те, кто своим поведением или связями, речами или сочинениями проявили себя как сторонники тирании, феодализма и враги свободы» [Там же. С. 118]. Кроме того, важным революционным параметром разграничения граждан являлось введение нового документа, удостоверяющего личность – свидетельства о благонадежности, наличие которого становилось одним из главных оснований, доказывавшим свое позитивное отношение к новой власти.

13 марта 1794 г. Конвент принял новый декрет, существенно расширивший перечень объектов террористического режима и виды применяемых к ним мер, вплоть до смертной казни [7. С. 277]. К высшей мере наказания, в первую очередь, привлекались лица, каким-либо образом препятствовавшие деятельности революционного республиканского правительства в целом и Национального Конвента в частности. Также нельзя не отметить нормативное закрепление важного революционного принципа – обязанности любого гражданина «доносить на заговорщиков и лиц, поставленных вне закона, если он знает место, где они находятся» [5. С. 120]. Кроме того, декрет учреждал новый судебный орган – народные комиссии, в обязанность которых входило осуществление быстрого правосудия над врагами республики, находящимися в тюрьмах. Всего во Франции было учреждено шесть таких комиссий, причем организационно-правовые основы деятельности одновременно с их созданием не были установлены: требовалось время для их определения и последующего нормативного закрепления. Этой сложной работой занялись сразу два революционных органа – Комитет общественной безопасности и Комитет общественного спасения.

Необходимо также отметить, что уже к началу 1794 г. методы террора стали применяться не только к врагам революции и подозрительным, но и к отдельным революционерам, прежде всего к эбертистам и

дантонистам. Фактически выступая за усиление террора и ужесточение контрреволюционных мер, эбертисты во главе с их лидером Ж. Эбером в конце концов стали жертвами этого же террора. Дантонисты и их лидер Ж. Дантон, в целом признавая необходимость применения террора, но в значительно меньших масштабах, также были уничтожены.

Таким образом, рассмотренный уникальный в своем роде правовой массив фактически закрепил факт реализации мер социального террора со стороны политической силы, провозгласившей себя новой формой политico-правовой организации французского общества. Террор парадоксальным образом обладал консолидирующими свойствами: насилие являлось эффективным способом создания и политического, и пространственного единства, располагающим действенными элементами саморегуляции [10. С. 86–96].

Поиск правовой альтернативы действовавшему до революционных преобразований порядку государственного управления постепенно привел лидеров новой власти к необходимости установления в государстве именно террористического режима. При этом многие революционные деятели осознавали необходимость внесения изменений не только в частно- и публично-правовую сферы жизни общества, но и в структуру государственности как таковой: в процесс организации высшей политической власти, установления способов и методов осуществления этой власти, а также распределения суверенитета между составными частями государства.

Так, 16 апреля 1794 г. на заседании Конвента был заслушан доклад Сен Жюста, посвященный социальному-политическому положению республики и необходимости установления строгих полицейских мер. В числе прочих вопросов в докладе были отражены негативные аспекты существования федерализма во Франции. По его мнению, главной задачей федерализма являлось разобщение государства на части по интересам и последующее исчезновение Франции как государства. В этой связи Сен Жюст призвал членов Конвента к необходимости подавления федерализма «мерами строгой полиции и призывом к порядку всех властей, всех должностных лиц» [11. С. 222]. В результате 16 апреля 1794 г. Конвент принял закон «Об общей полиции Республики», который хоть и не решил проблему федерализма, но в дополнение к уже действующим законам ввел ряд новых мер по обеспечению общественного порядка во Франции [7. С. 291]. Существенным образом было конкретизировано правовое положение иностранных граждан в республике, большая часть которых объявлялась вне закона. Примечательно, что настоящий закон также устанавливал новый вид наказания – ссылку в Гвиану, которая должна была применяться народными комиссиями в отношении любых лиц, уличенных в «жалобах на революцию». Следует отметить, что принятие подобного закона не являлось исключительным случаем. В течение 1793 г. во Франции было принято несколько подобных декретов, объявлявших вне закона отдельные категории граждан: аристократов, эмигрантов, французов, согласившихся занимать общественную должность на завоеванных территориях, а также свя-

щенников, уличенных в оказании помощи внешним врагам [5]. Применение террора при этом объяснялось необходимостью выполнения революционного долга перед народом и соблюдения принципа справедливости. В некоторых случаях террор представлялся вынужденной мерой, которая по своей сущности подпадает под современную правовую категорию «крайняя необходимость». Именно в этот период представители новой власти действительно серьезно стали задумываться о его надобности только в исключительных случаях, о выверенном и аккуратном применении и возможных вариантах сочетания с иными революционными методами, а также способах интеграции последствий применения террора в новое политico-правовое пространство. Однако это не помешало принять 10 июня 1794 г. декрет, учреждавший Революционный трибунал с широкими полномочиями в отношении врагов французского народа [12. С. 359–362]. Помимо нормативного закрепления категорий лиц, относившихся к врагам народа, следует обратить внимание на характер содержавшихся в ст. 8 этого декрета норм, частично определявших отдельные элементы революционного уголовного процесса того периода. В частности, определялся уровень достаточности доказательств для объявления лица врагом народа и последующего его привлечения к смертной казни: «всевозможные документы – моральные, вещественные, устные и письменные, естественные, вызывающие уверенность всякого справедливого и просвещенного ума» [Там же. С. 360]. Процесс судопроизводства, осуществляемый революционным трибуналом, по замыслу законодателя должен состоять «из простых мер, диктуемых здравым смыслом для того, чтобы добиться истины, придерживаясь при этом указанных законом форм» [Там же. С. 361].

Вообще французская модель криминализации терроризма по-настоящему серьезно начала организационно оформляться именно в постреволюционный период, когда террор становился не средством достижения политических интересов, а источником опасности для власти. Еще в период революционных преобразований проблема избавления от террористических методов беспокоила французских революционеров. Так, политический план Робеспьера по мере приближения к непосредственным революционным действиям становился недейственным «как только Робеспьеру пришлось отвечать на незданный вопрос: что делать с террором, с той системой революционной власти, которая возникла именно благодаря успеху этого плана?» [13. С. 50]. Наиболее ярко определил последствия террора П. Генифе, согласно которому в результате его применения общество получило «опустевшее поле боя двух непримиримых армий... Битва закончилась гибелью сражавшихся, и на развалины опустилась тишина» [3. С. 8]. Выход из террора как системы власти, представлявший собой достаточно длительный процесс обретения качественно нового, ранее не известного опыта, определял целый ряд сложных политico-правовых проблем, которые в обязательном порядке было необходимо решать. Главная из них – юридическое и институционально-структурное наследие, требующее, с одной стороны, определения и по-

следующей ликвидации так называемых террористических законов и структур, а с другой – сохранения колоритных элементов революционного правосудия. Одним из первых преобразований в этом направлении являлась реорганизация Революционного трибунала, который сохранил за собой право рассматривать лишь контрреволюционные преступления, в то время как иные правонарушения были отнесены к области обычного уголовного правосудия. При этом Революционный трибунал фактически предоставлял обвиняемым определенные гарантии законности и соблюдения юридической процедуры [14. С. 260–274].

Существенный сдвиг в общественно-политическом сознании произошел 27 июля 1794 г. во время государственного переворота. Помимо всей важности его последствий, а именно смены вектора революционного развития, отстранения от власти якобинцев и применения по отношению к ним созданного ими же самими революционного террора, следует отметить появление нового признака террористической деятельности, который впоследствии найдет свое повсеместное проявление. Террор стал одним из наиболее эффективных средств политической борьбы, главным инструментом реализации высшей политической власти во Франции. Именно по этой причине террор в очень короткие сроки получил распространение во многих странах, в том числе и в России. Также имеет большое значение тот факт, что уже в период своего зарождения главным оправданием применения террора были избраны морально-этические аспекты регуляции отношений во французском обществе. Например, М. Робеспьер определял террор как «эмманацию добродетели... не столько частное начало, сколько следствие общего принципа демократии, примененного к наущнейшим нуждам отечества» [15. С. 289]. Фактически подобный подход являлся единственno верным и наименее противоречивым из всех существовавших. Как ни парадоксально, но имевшиеся во французской революционной среде политические усмешения были основаны на идеях гражданского и юридического равенства, которые путем применения террора должны были установить такую высшую государственную власть, которая могла реализовывать интересы народа, им создаваться и им же управляться. Проблема нормирования террора в условиях достижения подобных целей была одной из наиболее трудных: процедура провозглашения прав и свобод человека в качестве главной ценности никоим образом не соотносилась с непосредственным применением террора для достижения таковых ценностей. Кроме того, совпадение социального и политического в едином «теле» революции при переходе от идеи к практике привело к появлению уникального феномена, успешно сочетавшегося с террором, – исключительного равнодушия, а иногда и ненависти к правам отдельного человека. Этот аспект довольно подробно освещен в труде П. Генифе «Французская революция и Террор» [16. С. 68–87].

Другим, не менее важным аспектом реализации террористического режима во Франции, который проявился практически сразу после начала применения террора, являлся признак противодействия, заключа-

ющийся в обязательном наличии образа врага, для борьбы с которым террор и необходим. Можно провести аналогию с характером применения террора в России в 80-х гг. XIX в. после убийства Александра II и найти существенное количество совпадений [17. С. 123–128]. Только при существовании врагов революции, заговоров, подпольных ячеек и т.п. можно вполне легально использовать террор в качестве исключительного средства устранения угрозы власти и оправдать его применение. Так, по мнению П. Генифе, именно в существовании угрозы «революционный разум, убежденный в собственной правоте и всесилии, находил удобный ответ на ту непостижимую для себя загадку, каковой для него являлось сопротивление... Откуда все время... возникают новые препятствия, новые трудности, если не из-за происков врагов» [3. С. 18].

Примечательно, что для власти с точки зрения обращения к террору не имело существенного значения, являлся этот образ реальным или фантомным: применение исключительных методов дестабилизировало политическую и правовую системы в государстве, нивелируя характер относимости между основополагающими сущностями (добром и злом, дозволениями и запретами) и подменяя содержание социальных ценностей. В таком случае несвоевременный отказ от террора может привести к неблагоприятным для государства последствиям: искажению правосознания представителей высшей политической власти в государстве и организации революционной борьбы ради самой борьбы. Наступающие политические последствия такой деятельности становятся исключительно факультативными. Однако не следует забывать о последствиях социальных: проблемно-объектовая концепция «террор – заговорщик» позволила конституировать французское общество путем материализации конкретной идеи и консолидации в рамках нее всего общества. Следует согласиться с мнением П. Генифе, который считал, что самоидентификация французской нации произошла путем отсечения части социального организма, обновления общества за счет исключения из него части его членов [16. С. 82].

Процесс рождения террора во Франции и последующий поиск возможных правовых альтернатив этому инструменту политического давления постоянно вынуждали представителей революционного движения в России периода второй половины XIX – начала XX в. регулярно проводить аналогию между историческим опытом Франции конца XVIII в. и собственными убеждениями. Примечательно, что отдельные французские революционные последствия влияли на российскую революционно-террористическую среду не всегда позитивно. В условиях наличия качественно иной социальной системы образов в России появлялись сомнения в необходимости избрания подобного пути, применения методов насилия и террора, а также в специфике формирования нового политического курса и распределения властных полномочий. В начале XX в. в дореволюционной, а впоследствии и в Советской России данная аналогия в тех или иных формах и объемах также проводилась руководителями революционных сил: французский

опыт представлялся иногда в качестве начального, иногда переходного или даже упаднического состояния революции [13]. Главное, не учитывать этот опыт при исследовании процессов формирования террора в России не представлялось возможным.

Таким образом, сохранение легитимности государственной власти, зародившейся в революционном пространстве, использовавшем террор в качестве средства достижения этой власти, представлялось сложнейшей

задачей для французских революционеров, которая разрушала все существовавшие в тот период идеологические программы. Последующий отказ от террора должен быть нормированным и находиться исключительно в правовом пространстве. Вопрос о том, каким образом этого добиться без искажения социальных ценностей, без формирования латентных рисков и кризисных элементов в политико-правовой системе государства, до сих пор остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мягкова Е.М. Террор и насилие во Французской революции (опыт регионального прочтения) // Европа. 2005. № 5. С. 52–64.
2. Parry A. Terrorism: From Robespierre to the Weather Underground. New York : Dover Publications, 2006. 656 p.
3. Генифе П. Политика революционного террора, 1789–1794 / пер. с фр.; под ред. А.В. Чудинова. М. : УРСС, 2003. 320 с.
4. Gueniffey P. Histoires de la Révolution et de l'Empire. Paris : Éditions Perrin, 2013. 744 p.
5. Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента 1792–1794 гг.: сб. док. и материалов / под ред. Н.М. Лукина. М., 1927. 696 с.
6. Документы истории Великой Французской революции : в 2 т. / отв. ред. А.В. Адо. М. : Изд-во МГУ, 1990. Т. 1. 528 с.
7. Mautouche P. Le gouvernement révolutionnaire (10 aout 1792 – 4 brumaire an IV). Paris, 1912. 458 p.
8. Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Revolution française – ou, Journal des assemblées nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815. Paris, 1837. 528 p.
9. Caron P. Paris pendant la terreur. Rapports des agents secrets du Ministre de l'intérieur, publiés pour la Société d'histoire contemporaine (French Edition). Paris, 2011. Vol. I. 506 p.
10. Яцук Н.А. Эпоха террора 1793–1794 годов: обыденность, жестокость или очищение? // Известия Российской государственной педагогической университета им. А.И. Герцена. 2015. № 175. С. 86–96.
11. Gazette nationale ou le Moniteur Universel (reimpression, 1789–1799). Paris, 2012. Т. 20. 748 р.
12. Французская революция в документах, 1789–1794 / под ред. Я.М. Захера. Л. : Прибой, 1926. 379 с.
13. Бачко Б. Как выйти из террора? Термидор и революция / пер. с фр. и послесл. Д.Ю. Бовыкина. М. : BALTRUS, 2006. 348 с.
14. Walton H. Histoire du Tribunal révolutionnaire de Paris: avec le journal de ses actes. Paris, 2011. Vol. V. 476 p.
15. Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения М. Робеспьера // Из истории якобинской диктатуры : тр. межвуз. научн. конф. Одесса : Изд-во Одес. гос. ун-та, 1962. С. 263–316.
16. Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789–1799 гг.: итоги юбилея. М. : Едиториал УРСС, 2000. 264 с.
17. Колотков М.Б. Концептуальные основы идеологии терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 123–128.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 марта 2017 г.

THE ORIGIN OF TERROR IN FRANCE: THE SEARCH FOR TRUTH AND LEGAL ALTERNATIVES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 208–213.

DOI: 10.17223/15617793/418/27

Mikhail B. Kolotkov, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: mkolotkov@yandex.ru

Keywords: terror; revolution; terrorist regime; French model of criminalization of terrorism.

This article is devoted to the study of the emergence of terror in France in the late eighteenth century, to the definition of its political and legal nature. Appearing in the late eighteenth century as the primary means of resolving political problems, French terror very quickly took shape as a sustainable phenomenon and found its supporters in many countries. Special attention is paid to the organizational issues of the \ legal status of the terrorist regime and the characteristics of its implementation. Terror first received a regulatory consolidation in France in several legal sources. These include the decree of February 26, 1794, the decree of March 3, 1794, the law of June 10, 1794. It is noteworthy that in the formation of the terrorist regime, the French revolutionaries rather actively used covert methods to identify the socio-political moods in the society. The French model of criminalization of terrorism and normative legal acts establishing special procedures for the application of methods of terror against certain categories of citizens are analyzed. An attempt to determine the legal alternatives to a terrorist regime and level its negative consequences is made. In the post-revolutionary period, terror was not a means of achieving political interests, but a source of danger for the authorities. In the period of the revolutionary transformation, the problem of terrorist methods troubled the French revolutionaries. The end of terror, which was a lengthy process of acquiring a qualitatively new, previously unknown knowledge, identified a number of complex political and legal issues which had to be resolved. Chief among them was the legal, institutional and structural heritage requiring, on the one hand, to identify and subsequently to liquidate the so-called “terrorist” laws and structures, on the other hand, to preserve the characteristic elements of the revolutionary justice. In the beginning, the main justification of the use of terror was the ethical aspects of regulation of relations in French society. Paradoxically, political views that existed in French revolutionary environment were based on the ideas of civil and legal equality, which through the use of terror were to establish a state authority able to implement the interests of the people, to be created and controlled by the people. The problem of normalization of terrorism in terms of achieving similar goals was one of the most difficult: the declaration of the rights and freedoms of the individual as the ultimate values was not correlated with the direct application of terror to achieve those values. In addition, the coincidence of the social and the political in a single “body” of the revolution in the transition from idea to practice led to the emergence of a unique phenomenon successfully combined with terror: remarkable indifference to and sometimes hatred of the rights of the individual.

REFERENCES

1. Myagkova, E.M. (2005) Terror i nasilie vo Frantsuzskoy revolyutsii (opyt regional'nogo prochteniya) [Terror and violence in the French Revolution (experience of regional interpretation)]. *Evropa*. 5. pp. 52–64.

2. Parry, A. (2006) *Terrorism: From Robespierre to the Weather Underground*. New York: Dover Publications.
3. Geniphe, P. (2003) *Politika revolyutsionnogo terrora, 1789–1794* [Policy of Revolutionary Terror, 1789–1794]. Translated from French. Moscow: URSS.
4. Gueniffey, P. (2013) *Histoires de la Révolution et de l'Empire* [Histories of the Revolution and the Empire]. Paris: Éditions Perrin.
5. Lukin, N.M. (ed.) (1927) *Revolyutsionnoe pravitel'stvo vo Frantsii v epokhu Konventa 1792–1794 gg.: sbornik dokumentov i materialov* [Revolutionary government in France in the era of the Convention of 1792–1794: a collection of documents and materials]. Moscow: Communist Academy.
6. Ado, A.V. (ed.) (1990) *Dokumenty istorii Velikoy Frantsuzskoy revolyutsii: v 2 t.* [Documents of the history of the Great French Revolution: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
7. Mautouche, P. (1912) *Le gouvernement revolutionnaire (10 aout 1792 – 4 brumaire an IV)* [The Revolutionary Government (10 August 1792 – 4 Brumaire Year IV)]. Paris.
8. Buchez et Roux. (1837) *Histoire parlementaire de la Revolution francaise – ou, Journal des assemblees nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815* [Parliamentary History of the French Revolution, or Journal of National Assemblies, from 1789 to 1815]. Paris.
9. Caron, P. (2011) *Paris pendant la terreur. Rapports des agents secrets du Ministre de l'intérieur, publies pour la Societe d'histoire contemporaine* [Paris during the terror. Reports of the secret agents of the Minister of the Interior, published for the Society of Contemporary History]. (French Edition). Vol. I. Paris.
10. Yatsuk, N.A. (2015) Epokha terrora 1793–1794 godov: obydennost', zhestokost' ili ochishchenie? [The era of terror of 1793–1794: commonness, cruelty or purification?]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsen*. 175. pp. 86–96.
11. Anon. (2012) *Gazette nationale ou le Moniteur Universel* (reprint, 1789–1799). Vol. 20. Paris.
12. Zakher, Ya.M. (ed.) (1926) *Frantsuzskaya revolyutsiya v dokumentakh, 1789–1794* [The French Revolution in the documents, 1789–1794]. Len-ingrad: Priboy.
13. Bachko, B. (2006) *Kak vyyti iz terrora? Termidor i revolyutsiya* [How to get out of terror? Thermidor and revolution]. Translated from French by D.Yu. Bovykin. Moscow: BALTRUS.
14. Walton, H. (2011) *Histoire du Tribunal revolutionnaire de Paris: avec le journal de ses actes* [History of the Revolutionary Tribunal of Paris: with the journal of its acts]. Vol. V. Paris.
15. Serebryanskaya, E.Z. (1962) [On the evolution of the worldview of M. Robespierre]. *Iz istorii yakobinskoy diktatury* [From the history of the Jacobin dictatorship]. Proceedings of the interuniversity conference. Odessa: Odessa State University. pp. 263–316. (In Russian).
16. Chudinov, A.V. (ed.) (2000) *Frantsuzskiy ezhegodnik 2000: 200 let Frantsuzskoy revolyutsii 1789–1799 gg.: itogi yubileya* [French Yearbook 2000: 200 years of the French Revolution of 1789–1799: results of the anniversary]. Moscow: Editorial URSS.
17. Kolotkov, M.B. (2015) Conceptual foundations of the ideology of terrorism in Russia (second half of the 19th century – early 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 123–128. (In Russian).

Received: 21 March 2017

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УСКОРЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Анализируется история развития законодательства об ускоренных производствах в российском уголовно-процессуальном праве, обращается внимание на такие источники права, как: Русская Правда, Псковская судная грамота 1397–1467 гг., Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное Уложение от 29 января 1649 г., Краткое изображение процессов или судебных тяжб от 26 апреля 1715 г., Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г., УПК РСФСР от 25 мая 1922 г., УПК РСФСР от 15 февраля 1923 г., УПК РСФСР от 27 октября 1960 г., УПК РФ. Автор приходит к выводу о том, что сокращенный порядок рассмотрения дела в суде, в случае признания подсудимым вины, свойствен национальной правовой системе и имеет ряд отличительных признаков. Предлагаются изменения по оптимизации положений действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего ускоренный порядок рассмотрения дел в суде.

Ключевые слова: история института ускоренного судопроизводства; законодательство об ускоренных производствах; признаки ускоренного судопроизводства; предложения по оптимизации законодательства.

Понимание и применение современных правовых институтов немыслимы без соответствующего анализа, прежде всего, осмыслиения исторической практики, ибо «изучение постепенных модификаций современных общественных институтов весьма важно потому, что оно выясняет самую природу последних, их отдаленные корни, выдвинувшие их жизненные интересы» [1. С. 59]. Уголовное судопроизводство – это перманентно изменяющийся феномен, в силу чего требующий постоянного переосмыслиения в контексте с конкретными историческими реалиями [2. С. 45]. Наряду с общим порядком рассмотрения дел в суде существуют особые порядки уголовного судопроизводства. Дифференция уголовного судопроизводства зависит от тяжести деяния, отношения обвиняемого (подсудимого) к содеянному деянию (признание либо отрицание вины), статуса субъекта уголовного преследования (специальный субъект), возраста привлекаемого (несовершеннолетний), его психического состояния (вменяемый или невменяемый) и т.д. Среди указанных производств особо значимую роль процессуальной экономии исполняют ускоренные производства. С целью установления этапов развития института об ускоренных производствах, его закономерностей, а также признаков, попробуем проследить историю его развития и предложить изменения по оптимизации положений действующего законодательства.

Отечественное законодательство предусматривало сокращенный порядок рассмотрения спора, в том числе и уголовно-правового, со времен Русской Правды (IX–XII вв.). Уголовный процесс согласно Русской Правде (далее – РП) носил ярко выраженный частно-исковой характер. В то время не было деления на гражданские и уголовные дела. Все дела рассматривались единообразно. Основанием для начала процесса являлся *заклич* (здесь и далее курсив наш. – А.К.) – объявление о нарушении права (краже, «обида» и т.д.). При этом потерпевший и члены его общины сами проводили розыск *обидчика* и похищенного имущества, осуществляя *гонение следа*, которое выражалось в поиске доказательств; розыске виновного; установлении свидетелей *послухов и видоков*. По результатам *заклича, гонения следа* и обнаруженного ответчика с похищенным имуществом происходил *свод* – подтверждение или опровержение факта хище-

ния, а также устное рассмотрение иска (дела) по существу. В результате *свода* у привлекаемого было два варианта: признать вину и вернуть потерпевшему вещь или возместить ущерб, либо через присягу невиновности – *роту*, произнесенную через *целование креста*, пройти испытание водой и железом, чтобы доказать свою невиновность. Позже испытание водой и железом было заменено испытанием *полем*, которое заключалось в поединке между истцом (потерпевшим) и ответчиком (подсудимым). Тот, кто побеждал – выигрывал дело, данное обстоятельство принималось как *воля Бога*. В случае обнаружения украденной вещи у кого-либо ему необходимо было заявить об этом. Если ответчик (подсудимый) не мог представить доказательства невиновности, т.е. *признавал вину* и не указывал, что вещь приобрел у третьих лиц, то судебное разбирательство по факту не проводилось. Подтверждение этого находим в ст. 29 РП по Троицкому списку: «*Аже кто позает свое, что будеть погубиль или оукрадено оу него и или конь, или порть, или скотина, то не рци и: се мое ; но поиди на сводъ, где есть взяль; сведитеся, кто будет вновать, на того татба сnidеть; тогда онъ свое возьмет, а что погибло боудеть съ нимъ тоже ему начеть платити*» [3. С. 8]. О.В. Бобровский утверждает, что «собственное признание и вещественные доказательства играли в судебном процессе главную роль. Вместе с тем собственное признание виновного ввиду обычности и традиционности данного доказательства не нашло своего закрепления в РП» [4. С. 11]. Далее отмечает, что «сравнительно-правовой анализ законодательства Древней Руси и стран Западной Европы позволяет сделать вывод, что собственное признание было известно не только древнерусскому праву, но и германскому. В Салической Правде законодатель не только прямо закрепил признание как вид законодательства, но и *смягчал наказание в случае, если ответчик сознавался в совершении преступления*» [Там же. С. 11–12]. По словам В.И. Сергеевича, «нет сомнения в том, что признание вины в Русской Правде играло решающую роль в суде» [5. С. 35]. Таким образом, «в рассматриваемом нормативном акте впервые стало придаваться официальное значение сознанию лицом своей вины» [6. С. 210]. В этой связи полностью поддерживаем позицию И.Ю. Мурашкина, ука-

завшего на то, что «упрощенные формы рассмотрения уголовных дел известны как в дореволюционной России, так и в более поздний – советский период. В качестве основного критерия родства этих форм выделяется отсутствие стадии исследования доказательств при признании вины лицом, совершившим преступление» [7. С. 32].

Уголовный процесс, согласно Псковской судной грамоте 1397–1467 гг. (далее – ПСГ), предусматривал наряду с частно-исковым, также и розыскную форму процесса. Об этом свидетельствуют положения ст. 25 ПСГ: «*Если ответчик, котораго обвиняютъ въ разбое, не будетъ ссылааться на послуха, то, чтобы не дать преимущества одной стороне, судебная власть должна послать къ суду своихъ людей для исследования дела на месте...*» [8. С. 9]. Положения Русской Правды о выборе ответчиком (подсудимым) порядка рассмотрения дела также нашли продолжение в ст. 19 ПСГ: «*Если закупень или скотникъ при обходе волости предъявить искъ о поклаже или хлебе, то господа должны произвести расследование и представить ответчику право разрешить иск или присяго, или поединком, или представлением вещи къ кресту*» [Там же. С. 7]. Согласно ст. 21 ПСГ в делах о побоях и грабеже при наличии показаний послуха: «...то решение дела представляется на волю ответчика: хотеть идти съ послухомъ не поединокъ, или послуху положит у креста то, что потерпевший искаль» [Там же. С. 8]. Статья 107 ПСГ предусматривала обстоятельства признания вины при споре между иностранными гражданами без судебного разбирательства: «*Если чужеземецъ принесеть обвинение на туземца въ нанесенныхъ ему побояхъ или грабеже, то на воле ответчика: или присягнуть въ том, что онъ не биль и не грабиль чужеземца, или у креста положить ему то, чего отъ него ищутъ*» [Там же. С. 36]. По словам Н. Ланге, «в судебных же делах добровольное сознание на допросе принималось за полное доказательство вины подсудимого» [9. С. 190].

Судебник 1497 г. также включал правовые нормы о признании вины, впервые указав на возможные последствия минимизации наказания. В статье 48 Судебника 1497 г. говорится: «*А кого послух послушает в бою или в грабежю или в займех, ино судити на того волю, на ком ищут, хощет на поле в послухомъ лезет, или став у поля, у креста положит, на нем ищут, и истецъ бес целования свое воает, и ответчикъ и полевые пошлины заплатит, а вины ему убитые нет*» (здесь и далее выделено мной. – А.К.). *А не стояв у поля, у креста положит, и он судиамъ пошлину по списку заплатит, а полевых ему пошлини нет*» [10]. Анализ указанной нормы позволяет заключить, что если свидетель показывает против ответчика, в делах о личном оскорблении, грабежах, или по обязательствам из договоров займа дальнейший порядок решения спора зависит от воли ответчика (подсудимого): либо он вступает в судебный поединок с послухом, либо, начав поединок, под присягой соглашается добровольно на уплату суммы иска. Истец в последнем случае считается выигравшим дело без причинения присяги, а ответчик обязан уплатить пошлины за судебный поединок и освобождается от наказа-

ния. Если ответчик (подсудимый) до начала судебного поединка под присягой добровольно согласится на уплату суммы иска, он платит пошлину судьям, а от уплаты пошлин за судебный поединок освобождается. Таким образом, признание порождает не только упрощенный вариант рассмотрения дела, но также освобождение ответчика (подсудимого), согласившегося с притязаниями истца (потерпевшего), от наказания.

В Судебнике 1550 г. мы отмечаем регламентацию сокращенного судебного разбирательства в зависимости от позиции признания вины ответчиком (подсудимым). Статья 25 Судебника 1550 г. гласит: «*А который ищетъ взыщет бою и грабежу, и ответчик скажет: был, а не грабил, и ответчика в бою обвинити и бесчестие на нем взяти; а в пene, посмотря по человеку, что государь укажет; а в грабеже суд и правда, а во всем не обвинити; а скажет, что грабил, а не был, и на том грабеж доправити, хто скажет грабил; а в пene, посмотря по человеку, что государь укажет; а в бою суд и правда. А в ыных делах судити по тому ж: кто в чём скажется виноват, то на нем и взяты; а в пene что государь укажет, посмотря по человеку; а в достали суд и правда, крестное целование*» [10]. Таким образом, в делах о побоях и грабеже, если ответчик признаёт побои и отрицает грабёж, то виновен в побоях. Если признаёт грабеж и отрицает побои, то виновен в грабеже. Признание вины в рамках объёма обвинения по иным делам является основой окончательного судебного решения. Наказание зависит от личности привлекаемого, а именно: «*что государь укажет, посмотря по человеку*» (ст. 25 Судебника 1550 г.).

Соборное уложение 29 января 1649 г. (далее – СУ) действовало в условиях перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Частно-исковая форма процесса трансформируется в розыскную, ужесточая ответственность за государственные и имущественные преступления, происходит законодательное закрепление пыток с целью признания вины. Объём обвинения истца (потерпевшего), признаваемый ответчиком (подсудимым) через пытку, является достаточным доказательством итогового окончательного решения. Согласно ст. 23 Главы XXI СУ «...а которые розбойники в ысивых исках на себя... с пыткой говорят, что они розбивали, а что розбоем взяли... то и править, что розбийник сказал...». Статья 100 Главы XXI СУ: «*А на которых людей языки учнут говорить в роспросе до пытки, а с первыя и з другия и с третия пытки с них учнут зговаривати, и тому зговору верить*» [11]. Таким образом, дело могло быть закончено судебным рассмотрением в самом его начале, если ответчик (подсудимый) не возражал против иска. Признание вины в совершении преступления играет роль исключительного доказательства. В одностороннем порядке государство не делает привилегий в плане послабления наказания для осужденного.

Краткое изображение процессов или судебных тяжеб от 26 апреля 1715 г. также включало институт признания вины. Статья 6 Главы I «О доказании» предусматривает четыре вида доказательств, среди которых и «своевольное признание». Признание вины

считалось «лучшее свидетельство всего света», не требующее рассмотрение иных доказательств. Согласно Главе II «О признании» оно должно соответствовать следующим требованиям: «(1) Чтоб признанное в действо всенечно было. (2) Чтоб оное признание вольное было. (3) И в суде пред судьею учнено. (4) Чтоб притом доказать такия обстоятельства, которые б могли быть достоверны, и о правде б не сумневаться... И ежели обстоятельство таким образом изобретено будет, тогда судья не опасается более пристойной на оное дело приговор учинить...» [12. С. 138]. Ускоренный порядок уголовного судопроизводства осуществлялся после признания вины подсудимым без каких-либо привилегий по наказанию для осужденного.

Свод Законов Российской империи также предусматривал порядок ускоренного судопроизводства при признании подсудимым вины. Согласно ст. 317 «Законов о судопроизводстве о преступлениях и проступках» (Свод Законов Российской империи издания 1857 г. Том 15) признание подсудимого считается доказательством в случае, если оно «учинено добровольно», «в судебном месте перед судьей», «совершено сходно с происшедшем действием», «**когда показаны** при том такие обстоятельства действия, при которых в достоверности и истине которого сомневаться невозможно». В соответствии со ст. 318, если такое признание совершено по всем правилам, дальнейшего доказывания не требуется и суд может выносить по делу приговор. Статья 319 регламентирует, что принуждение к такому признанию не допускается, ст. 320 устанавливает, что если при признании выясняются обстоятельства, с которыми «произошедшее действие не сходно», то признание «не составляет совершенного доказательства» и суд «в любом случае изыскивает другие» [13]. В этой связи полностью разделяем позицию О.В. Качаловой, указавшей, что «основные условия применения современного института особого порядка судебного разбирательства, регламентированного гл. 40 УПК РФ (добровольность, признание вины, соответствие показаний обвиняемого иным доказательствам по делу, возможность суда отказаться от особого порядка судебного разбирательства и осуществлять доказывание в полном объеме), во многом совпадают с теми, которые были заложены в середине XIX века» [14. С. 433].

Судебные реформы 1864 г. устранили инквизиционный порядок расследования преступлений, в России вводился смешанный (состязательный и розыскной) процесс. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (далее – УУС) предусматривал сокращенное производство в случае признания подсудимым вины. В соответствии со ст. 678–683 УУС «по исполнении всех обрядов, кои сопровождают открытие судебного заседания, читается вслух обвинительный акт или жалоба частного обвинителя. Затем председатель суда в кратких словах излагает существо обвинения и спрашивает подсудимого: признает ли он себя виновным. Подсудимому, признающему свою вину, предлагаются дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется. Если признание подсудимого

не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям» [15]. УУС наряду с Уложением о наказаниях 1845 г. предусматривал меру ответственность за содеянное деяние в зависимости от позиции признания вины подсудимого. Так, согласно ст. 774 УУС «при определении наказания на основании законов суду предоставляется право по обстоятельствам, уменьшающим вину подсудимого, смягчить наказание одной или двумя степенями...» [Там же]. К обстоятельствам, уменьшающим вину и наказание п. 2 ст. 140 Уложения о наказаниях относилось: «раскаянием полное во всем **признание**» [16. С. 44].

В статье 286 УПК РСФСР от 25 мая 1922 г. было определено, что «если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон; однако в случае требования кого-либо из судей или сторон суд обязан произвести судебное следствие, несмотря на наличие признания подсудимого» [17]. Дела о задержанных обвиняемых, которые, по мнению органов, произведших задержание, не требуют особого расследования или по которым обвиняемые признали себя виновными, согласно ст. 398 УПК РСФСР рассматривались в дежурных камерах. При назначении наказания законодатель не учитывал отношение подсудимого к содеянному деянию. Подтверждение этому находим в ст. 24 УК РСФСР, указавшей: «при определении меры наказания учитываются степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления» [18].

УПК РСФСР от 15 февраля 1923 г. продублировал положения ст. 286 УПК РСФСР от 25 мая 1922 г., указав в ст. 282 УПК РФ: «Если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон». Осуществление правосудия в дежурных камерах было закреплено аналогичным образом и нашло отражение в ст. 360–365 УПК РСФСР [19].

27 октября 1960 г. был принят новый УПК РСФСР, который с 1993 г. предусматривал сокращенный порядок рассмотрения дел только в суде присяжных. Согласно ст. 446 УПК РСФСР «если все подсудимые полностью признали себя виновными, председательствующий сразу же **предлагает каждому из них дать показания по поводу предъявленного обвинения и других обстоятельств дела**. В случае, когда сделанные признания не оспариваются какой-либо из сторон и не вызывают у судьи сомнений, председательствующий вправе, если с этим согласны все участники процесса, **ограничиться исследованием лишь тех доказательств, на которые они указают**, либо объявить судебное следствие оконченным и перейти к выслушиванию прений сторон» [19]. В иных случаях действовал общий порядок рассмотрения дел

в суде. Согласно ст. 278–279 УПК РСФСР в начале судебного следствия: «...после опроса подсудимых о признании или непризнании ими своей вины суд выслушивает предложения обвинителя, подсудимого, защитника, а также потерпевшего... о порядке исследования доказательств» [20]. Согласно п. 9 ст. 39 УК РСФСР к обстоятельствам, смягчающим ответственность, законодатель отнёс: «чистосердечное раскаяние или явку с повинной, а также активное способствование раскрытию преступления» [21]. Важным положением соблюдения принципа презумпции невиновности были положения ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР о том, что «признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу» [20].

В 2001 г. принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который начал действовать с 1 июля 2002 г. и также предусмотрел ускоренные производства при рассмотрении дел в суде. Новый УПК РФ включил отдельную главу особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявлением ему обвинением. В 2009 г. процедура особого порядка рассмотрения дела была распространена на дела с заключенными досудебными соглашениями о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), а в 2013 г. в УПК РФ появился институт сокращенного дознания (гл. 32.1 УПК РФ).

Анализ историко-правового исследования законодательства об ускоренных производствах позволяет утверждать, что оно свойственно национальной правовой системе и имеет ряд признаков: вопрос о рассмотрении дела в сокращенном порядке решался в суде в случае признания подсудимым вины; допрос подсудимого был обязательен; суд мог исследовать доказательства, подтверждающие обвинение; в качестве поощрения для привлекаемого предусматривалось послабление наказания.

В определенные исторические этапы законодатель по-разному интерпретировал уголовное судопроизводство по данной категории дел.

В начальный период зарождения права (период РП, ПСГ), в частно-исковом процессе вопрос о возможности рассмотрения дела в упрощенном порядке решался в суде между истцом (потерпевшим) и ответчиком (подсудимым), носил договорной характер. Инициатором такого порядка выступал ответчик (подсудимый). При этом закон *допускал его поощрение, освобождая от наказания* за содеянное по определенным составам, указывая на то, что «вины ему убитые нет» (ст. 48 Судебника 1497 г.).

Начиная с Судебника 1550 г. законодатель акцентирует внимание не только на факте признания вины, но и на *показаниях* ответчика (подсудимого), данных в суде. Вопрос о наказании в данном случае не был конкретизирован и поставлен в зависимость от личности привлекаемого.

СУ и Краткое изображение процессов или судебных тяжб от 26 апреля 1715 г. также обратили внимание на позицию признания вины и *показаниях* ответчика (подсудимого), данных в суде при рассмотрении дела в сокращенном порядке. При этом законода-

тель не предусматривает никаких послаблений при назначении наказания за содеянное.

Свод Законов Российской империи предусматривал сокращенный порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявлением обвинением в том случае, если показания подсудимого, данные в суде, сопоставимы с обстоятельствами обвинения и не вызывают у суда сомнений.

Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. регламентировал упрощенный порядок рассмотрения дела при согласии обвиняемого с предъявлением обвинением и давшим показания в суде. Признание рассматривалось как обстоятельство, смягчающее наказание, которое влекло *послабление наказания*.

Послереволюционное законодательство аналогичным образом закрепляло сокращенный порядок рассмотрения дела в случае признания вины подсудимым, который дал показания в суде. При назначении наказания отношение подсудимого к содеянному деянию не учитывалось.

УПК РСФСР от 27.10.1960 г. (в редакции 1993 г.) при рассмотрении дела в упрощенном порядке предусмотрел *не только допрос подсудимого, но и исследование письменных доказательств*, подтверждающих виновность.

В новейшей истории России с принятием в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации законодатель взял курс на оптимизацию и рационализацию уголовного судопроизводства. Введение в систему уголовно-процессуального законодательства гл. 40 УПК РФ, регулирующей особый порядок судебного разбирательства при согласии лица с предъявлением ему обвинением, было продиктовано в первую очередь интересами целесообразности и экономичности. УПК РФ закрепил возможность заявить ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке только на этапе ознакомления с материалами уголовного дела либо в ходе предварительного слушания. В процессе рассмотрения дела в особом порядке УПК РФ *не предусмотрен допрос подсудимого* относительно обстоятельств содеянного деяния, а также исследование судом *письменных материалов дела*, подтверждающих либо опровергающих обвинение. Наряду с этим законодатель указал, что наказание не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Изученный исторический опыт может быть использован при оптимизации норм уголовно-процессуального права, регламентирующих порядок ускоренного судопроизводства при рассмотрении дела в особом порядке, при согласии обвиняемого с предъявлением обвинением: о возможности заявления ходатайства о постановлении приговора в особом порядке, не только при ознакомлении с материалами дела или на предварительном слушании, но также и в ходе судебного разбирательства; о необходимости допроса подсудимого по обстоятельствам признанного обвинения; о целесообразности соблюдения принципа презумпции невиновности и возможности исследования в особом порядке письменных материалов дела, подтверждающих позицию допрошенного подсуди-

мого; о конкретизации размера наказания, не связанного с его максимальным размером или видом санкции инкриминируемой статьи.

Данные положения в полной мере сопоставимы не только с историей развития отечественного права, но и с мнением ученых. В частности, М.А. Днепровская обосновывает, что «в целях предоставления подсудимому права заявить ходатайство о рассмотрении уголовного дела в “особом порядке” не только при ознакомлении с материалами уголовного дела или на предварительном слушании необходимо закрепить возможность заявления такого ходатайства в подготовительной части судебного заседания...» [22. С. 9]. С ней полностью солидарен Д.В. Глухов, указывая, что «подсудимый вправе заявить такое ходатайство... до начала судебного следствия» [23. С. 9]. И.Ю. Мурашкин утверждает, что «минимизировать противоречие между требованием обоснованности судебного решения и особым порядком

судебного разбирательства возможно путем введения в уголовное судопроизводство правила об исследовании судом при рассмотрении уголовного дела по правилам гл. 40 УПК РФ письменных доказательств» [7. С. 10–11]. С. В. Сердюков предлагает «обязательный допрос подсудимого при рассмотрении дела в особом порядке» [24. С. 11–12]. Д.В. Глухов справедливо указывает на законодательный пробел назначения наказания в особом порядке, отмечая, что «норма УПК РФ, устанавливающая, что наказание, назначенное в результате рассмотрения дела в особом порядке, не может превышать две трети максимального срока или размера *наиболее строгого вида наказания*, предусмотренного за совершенное преступление, не обеспечивает достаточной правовой гарантии сокращения размера наказания для большинства обвиняемых... Назначенное наказание должно быть сокращено на одну треть от его срока или размера» [23. С. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права: Общая и Особенная части. Киев ; Харьков, 1903. 628 с.
2. Колоколов Н.А. Обжалование, проверка и пересмотр промежуточных судебных решений в уголовном процессе России: новое теоретическое обоснование подготовлено известным практиком // Российский судья. 2014. № 4. С. 45–47.
3. Калачов Н. Текст Русской Правды на основании четырех списковъ разныхъ редакцій. М. : въ Типографії Августа Семена, 1846. 52 с.
4. Бобровский О.В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 27 с.
5. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. 577 с.
6. Соловьева Н.А. Историко-правовой анализ института признания вины в отечественном уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 210–221.
7. Мурашкин И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 220 с.
8. Васильев И.И., Кирпичниковъ Н.В. Псковская судная грамота (1397–1467). Подлинная и въ переводе на современный языкъ съ примечаніями по установленію переводного текста. Псковъ : Типографія Губернскаго Правленія, 1896. 75 с.
9. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и первой половины XVII веков). СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1884. 253 с.
10. Российской законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова ; отв. ред. тома А.Д. Горский ; рец. В.И. Корецкий. М. : Юрид. лит., 1985. 520 с.
11. Памятники русского права / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М. : Госюриздан, 1963. Вып. 7. 527 с.
12. Савельев П.Ю. История государства и права России. Источники права. Юридические памятники XI–XX вв. М., 1995. 255 с.
13. Свод Законов Российской империи издания 1857 г. СПб., 1857. Т. 15: Законы уголовные. URL: <http://www.univers.ru/upload/iblock/c02/15.pdf>(дата обращения: 5.12.2016).
14. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 482 с.
15. Судебные Уставы от (20 ноября 1864 г.), с изложением рассуждений, на коих они основаны. 2-е изд., доп. СПб. : В типографії Второго Отделенія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1867. Ч. 2: Устав уголовного судопроизводства. 555 с.
16. Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845. СПб : В типографії Второго Отделенія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1845. 898 с.
17. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об уголовно-процессуальном кодексе» (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20–21.
18. Постановление ВЦИК от 24 мая 1922 г. «О введении уголовного кодекса РСФСР в действие» // СУ РСФСР. 1922. № 15.
19. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7.
20. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с кодексом) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40.
21. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями и дополнениями на 21 мая 1970 г. с приложением постатейно-систематизированных материалов. М. : Юрид. лит., 1970.
22. Днепровская М.А. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 21 с.
23. Глухов Д.В. Совершенствование института особого порядка судебного разбирательства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 25 с.
24. Сердюков С.В. Рассмотрение военными судами уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 22 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 марта 2017 г.

THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON FAST-TRACK PROCEDURE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 214–220.

DOI: 10.17223/15617793/418/28

Aleksey L. Koryakin, Magistrates' Court Judge of the Court Plot Number 3 of the Surgut Court District (Surgut, Russian Federation). E-mail: alk1978@mail.ru

Keywords: history of institute of fast-track procedure; law on fast-track procedure; signs of fast-track procedure; proposals to optimize legislation.

The author analyzes the development of legislation on the fast-track procedure in the Russian criminal procedure law. In the initial period of the birth of rights (the period of Russian Truth, Pskov Judicial Charter of 1397–1467) in the private claim process, the possibility of the simplified procedure was decided in court between the plaintiff (victim) and the defendant (the accused), and was of a contractual nature. The initiator of the fast-track procedure was the defendant. The law allowed it and released the defendant from punishment for certain crimes. Since the *Sudebnik of 1550*, during the transition from the private claim form to the investigative process, the legislator focuses not only on the fact of the guilty plea, but also on the testimony of the defendant, the data in court. The question of punishment in this case was not specified and was made dependent on the defendant's personality. The *Conciliar Code of January 29, 1649* and the *Short Story of Processes or Trials of April 26, 1715* also drew attention to the position of the guilty plea and to the evidence given in the court in the fast-track procedure, while the legislator did not provide for any exemptions in punishment. The *Code of Laws of the Russian Empire* used the fast-track procedure when the accused agreed with the charges. The *Charter of Criminal Proceedings of November 20, 1864* regulated the fast-track procedure for cases when the defendant agreed with the accusation and testified in court. Confession was considered as a circumstance mitigating punishment and entailed smaller punishment. Post-revolutionary legislation also consolidated the order of the fast-track procedure if the defendant pleaded guilty and testified in court. In sentencing the defendant, their attitude to the deed was not considered. The *Code of Criminal Procedure of October 27, 1960* (as amended in 1993) provided for not only the examination of the defendant, but also the study of written evidence proving the guilt in the fast-track procedure. In the modern history of Russia since the adoption of the *Criminal Procedure Code of the Russian Federation* in 2001, the legislator set the course for the optimization and rationalization of criminal proceedings. The analysis of the historical-legal research of legislation on the fast-track procedure suggests that this is an institution peculiar for the national legal system, and it has a number of characteristics: it is associated with the accused pleading guilty of the alleged offense; consideration of the case in the fast-track procedure was decided in court; the defendant's interrogation was required; the court could examine evidence supporting the charges; smaller punishment was an incentive for the accused. The considered historical experience of the fast-track procedure can be used for a more detailed regulation of the criminal procedure law on this issue in cases under special circumstances, when the defendant agrees with the charges: the possibility of a motion of the verdict in a special order, not only when learning the materials of the case or at the preliminary hearing, but also during the trial; the need to interrogate the defendant on the circumstances recognized by the prosecution; the feasibility of compliance with the principle of the presumption of innocence and the possibility of studying in a special order of written materials of the case, confirming the position of the interrogated defendant; specifying the size of punishment, not connected with its maximum size or kind of sanctions of the incriminated article.

REFERENCES

1. Belogrits-Kotlyarevskiy, L.S. (1903) *Uchebnik russkogo ugolovnogo prava: Obshchaya i Osobennaya chasti* [Textbook of Russian criminal law: General and Special parts]. Kiev; Khar'kov: Yuzhno-rus. kn-vo F.A. logansona.
2. Kolokolov, N.A. (2014) *Obzhalovanie, proverka i peresmotr promezhutochnykh sudebnykh resheniy v ugolovnom protsesse Rossii: novoe teoreticheskoe obosnovanie podgotovленo izvestnym praktikom* [Appeal, review and revision of interlocutory judgments in the criminal process of Russia: a new theoretical justification prepared by a well-known practitioner]. *Rossiyskiy sud ya – Russian Judge*. 4. pp. 45–47.
3. Kalachov", N. (1846) *Tekst" Russkoy Pravdy na osnovanii chetyrekh "spiskov" raznykh" redaktsiy* [Text of the Russian Truth on the basis of four lists of different editors]. Moscow: v" Tipografiia Avgusta Semena.
4. Bobrovskiy, O.V. (2007) *Ugolovnyy i grazhdanskiy protsess po Russkoy Pravde* [Criminal and civil process by the Russian Truth]. Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
5. Sergeevich, V.I. (1903) *Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava* [Lectures and studies on the ancient history of Russian law]. St. Petersburg: tipografiya M. M. Stasyulevicha.
6. Solov'eva, N.A. (2011) *Istoriko-pravovoy analiz instituta priznaniya viny v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve* [Historical and legal analysis of the institute of confession in domestic criminal proceedings]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5. Jurisprudentsiya – Bulletin of Volgograd State University. Ser. 5. Jurisprudence*. 1 (14). pp. 210–221.
7. Murashkin, I.Yu. (2014) *Realizatsiya printsipa prezumptsiyi nevinovnosti v osobom poryadke priinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyenogo s pred'yavlennym obvineniem* [Implementation of the principle of the presumption of innocence in a special procedure for the adoption of a judicial decision with the consent of the accused with the charge]. Law Cand. Diss. Omsk.
8. Vasilev", I.I. & Kirpichnikov", N.V. (1896) *Pskovskaya sudnaya gramota (1397–1467). Podlinnaya i v" perevode na sovremennyy yazyk" s primechaniyami po ustyanovleniyu perevodnogo teksta* [Pskov Judicial Charter of 1397–1467. Original and translated into modern language with notes on the translated text]. Pskov: Tipografiya Gubernskago Pravleniya.
9. Lange, N. (1884) *Drevnee russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo (XIV, XV, XVI i pervoy poloviny XVII vekov)* [Ancient Russian criminal proceedings (14th, 15th, 16th and the first half of 17th centuries)]. St. Petersburg: Tip. i khromolit. A. Transhelya.
10. Chistyakov, O.I. (ed.) (1985) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t.* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vols]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Cherepkin, L.V. (ed.) (1963) *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of the Russian law]. Vol. 7. Moscow: Gosurzdat.
12. Savel'ev, P.Yu. (1995) *Istoriya gosudarstva i prava Rossii. Istochniki prava. Yuridicheskie pamyatniki XI–XX vv.* [History of the state and law. Sources of law. Legal monuments of the 9th–20th centuries]. Moscow: Firma Manuscript.
13. Russian Empire. (1857) *Svod Zakonov Rossiyskoy imperii izdaniya 1857 g.* [Code of Laws of the Russian Empire published in 1857]. Vol. 15. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. [Online] Available from: <http://www.univers.ru/upload/iblock/c02/15.pdf>. (Accessed: 05th December 2016).
14. Kachalova, O.V. (2016) *Uskorennoe proizvodstvo v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Fast-track procedure in the Russian criminal trial]. Law Dr. Diss. Moscow.
15. Russian Empire. (1867) *Sudebnye Ustavy ot (20 noyabrya 1864 g.), s izlozeniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany* [Judicial Statutes of (November 20, 1864), outlining the reasoning on which they are based]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg: V tipografiia Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii.
16. Russian Empire. (1845) *Ulozhenie o nakazaniyakh" ugolovnykh" i ispravitel'nykh" 1845* [Rules on the criminal and correctional punishments, 1845]. St. Petersburg: V tipografiia Vtorago Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii.
17. RSFSR. (1922) *Postanovlenie VTsIK of 25 maya 1922 g. "Ob ugolovno-protsessual'nom kodekse"* (vmeste s "Ugolovno-protsessual'nym kodeksom R.S.F.S.R.") [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of May 25, 1922 "On the Code of Criminal Procedure" (together with the Criminal Procedure Code of the RSFSR)]. In: *SU RSFSR* [Collection of legal documents of the RSFSR]. 20–21.

18. RSFSR. (1922) Postanovlenie VTSIK ot 24 maya 1922 g. "O vvedenii ugolovnogo kodeksa RSFSR v deystvie" [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of May 24, 1922 "On the introduction of the Criminal Code of the RSFSR into effect"]. In: *SU RSFSR* [Collection of legal documents of the RSFSR]. 15.
19. RSFSR. (1923) Postanovlenie VTSIK ot 15 fevralya 1923 g. "Ob utverzhdenii ugolovno-protsessual'nogo kodeksa R.S.F.S.R." (vmeste s "Ugolovno-protsessual'nym kodeksom R.S.F.S.R.") [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of February 15, 1923 "On the approval of the Criminal Procedure Code of the RSFSR" (together with the Criminal Procedure Code of the RSFSR)]. In: *SU RSFSR* [Collection of legal documents of the RSFSR]. 7.
20. RSFSR. (1960) Zakon RSFSR ot 27 oktyabrya 1960 g. "Ob utverzhdenii Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RSFSR" (vmeste s kodeksom [Law of the RSFSR of October 27, 1960 "On the approval of the Criminal Procedure Code of the RSFSR" (together with the Code)]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 40.
21. RSFSR. (1970) *Ugolovnyy kodeks RSFSR. Ofitsial'nyy tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 21 maya 1970 g. s prilozheniem postateyno-sistematisirovannykh materialov* [The Criminal Code of the RSFSR. The official text with amendments and additions of May 21, 1970 with the application of article-systematized materials]. Moscow: Yurid. lit.
22. Dneprovskaya, M.A. (2009) *Osobyy poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyaemogo s pred'yavlennym obvineniem* [Special order of acceptance of the judicial decision at the consent of the accused with the charge]. Abstract of Law Cand. Diss. Irkutsk.
23. Glukhov, D.V. (2010) *Sovershenstvovanie instituta osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva v Rossiyskoy Federatsii* [Perfection of the institute of special order of the trial in the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
24. Serdyukov, S.V. (2008) *Rassmotrenie voennymi sudami ugolovnykh del v osobom poryadke sudebnogo razbiratel'stva* [Consideration by military courts of criminal cases in a special order of the trial]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

Received: 21 March 2017

О РОЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Рассматриваются актуальные проблемы участия Конституционного Суда Российской Федерации в развитии российского конституционализма, путём конституционализации текущего законодательства и судебной правоприменительной практики, разрешения конституционно-правовых споров о компетенции и обоснования конституционно-правовой ответственности, толкования конституционных положений и формирования конституционно-правового мировоззрения. На основе анализа практики Конституционного Суда делается вывод, что он способствует распространению конституционных норм и ценностей во всех сферах осуществления российского конституционализма.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации; конституционно-правовая доктрина; интерпретация конституционных положений; преобразование Конституции Российской Федерации; конституционализация текущего законодательства; конституционные нормы и ценности.

Одним из важнейших направлений функционирования Конституционного Суда Российской Федерации как специализированного органа конституционной юстиции является укрепление и развитие системы российского конституционализма – сложного, комплексного феномена, предполагающего построение такого особого политico-правового состояния, в рамках которого находят свою фактическую реализацию конституционные нормы, институты и принципы в деятельности субъектов конституционного права, направленные на обеспечение верховенства, высшей юридической силы и прямого непосредственного действия Конституции РФ; повышение эффективности механизма конституционно-правового регулирования и воздействия на поведение субъектов конституционно-правовых отношений; правовую охрану (защиту) Основного Закона и его адекватного толкования; разрешение складывающихся конституционно-правовых конфликтов и применение мер конституционно-правовой ответственности; утверждение и распространение конституционных ценностей и формирование отечественной конституционно-правовой доктрины, а также внедрение, воспитание и обучение высокого уровня конституционного правосознания, культуры среди членов российского общества и государства [1. С. 24–25; 2. С. 226; 3. С. 43–44].

Прежде всего речь идет о том, что Конституционный Суд в ходе осуществления конституционного судебного контроля призван способствовать установлению конституционно-правовой основы реализации российского конституционализма как фундаментальной базы построения национальной правовой системы посредством выполнения традиционной роли «негативного законодателя», когда он, признавая нормативные правовые акты, не соответствующие Конституции РФ, лишает рассматриваемые акты юридической силы и, тем самым вытесняя их с правового поля, восстанавливается действие нарушенных прав и свобод человека и гражданина и обеспечивается прямое непосредственное применение конституционных норм. Причём Конституционный Суд РФ оценивает конституционность любого нормативного правового акта в порядке абстрактного и конкретного нормо-контроля как с точки зрения буквального смысла проверяемого акта, так и смысла, придаваемого ему офи-

циальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов (ч. 2 ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») [4]. В частности, по общему правилу Конституционный Суд самог ограничивается от квалификации законодательного акта неконституционным, если возникающий пробел в случае признания проверяемого акта не соответствующим Конституции РФ не может быть преодолен прямым применением конституционных положений либо конституционно-правовым истолкованием оспариваемого акта и для его устранения требуется введение нового механизма законодательного регулирования. Также Конституционный Суд РФ, исходя из принципа презумпции конституционности нормативного правового акта, воздерживается от официального признания нормативного правового акта неконституционным, поскольку в противоположность объявлению такого акта не соответствующим Конституции по процедуре принятия и исключение его из правовой системы ставит фактически под сомнение конституционность иных ранее законодательных актов вопреки преследуемым целям конституционного судопроизводства как защите основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечению верховенства Основного Закона и прямого действия его норм [5].

Как свидетельствует накопленный опыт Конституционного Суда по отправлению конституционного правосудия, в целях обеспечения разумной стабильности, непротиворечивости российской правовой системы и предотвращения неадекватной конституционной интерпретации законодательного акта в правоприменительной деятельности, нередко Конституционный Суд РФ, установив неконституционный смысл текста акта, придаваемый ему правоприменителем, может формально не исключать данный акт из правового поля. Сказанное может привести к возникновению пробела и обязанности его устранения законодательным путём посредством его конституционно-правового истолкования, позволяющего скорректировать сложившуюся правоприменительную практику и отказаться от процедуры отмены признанного неконституционным нормативного правового акта

[6. С. 146–149; 7. С. 87; 8. С. 9]. В другом случае Конституционный Суд, руководствуясь правилом сохранения разумной достаточности и сокращения правовых пробелов в зависимости от специфики содержания разрешаемого конституционно-правового вопроса, может уточнить, с какого момента прекращают действие отдельные положения акта, признанного не соответствующим Конституции РФ, определив, что оспариваемые положения утрачивают юридическую силу через шесть месяцев либо иной разумный срок, учитывая возможные негативные последствия в результате его немедленной отмены, создающие угрозу причинения вреда правам, свободам и конституционно значимым интересам личности, и предоставляет законодателю отсрочку по исполнению вынесенного постановления, в течение которой он должен урегулировать соответствующий вид общественных отношений, и в дальнейшем указанные нормы подлежат отмене в установленном законом порядке [9, 10].

Вместе с тем наиболее существенное позитивное влияние Конституционного Суда РФ на конституционно-правовую основу функционирования системы российского конституционализма проявляется тогда, когда он оказывает помощь и содействие законодателю в правотворческой сфере по обновлению и модернизации российского законодательства, направленные на повышение эффективности регулирования общественных отношений. Как следствие в ряде случаев для обеспечения стабильности правовой системы и предупреждения возникновения пробела в текущем законодательстве Конституционный Суд в связи с признанием оспариваемых положений нормативного правового акта неконституционным, который нельзя восполнить непосредственным применением Конституции РФ, может временно восстанавливать ранее действовавший механизм правового регулирования либо продлить срок его действия до момента внесения изменений и дополнений в отраслевое законодательство [6. С. 175–184, 189; 11. С. 187]. Но особенно значительно расширяются границы воздействия Конституционного Суда РФ на сферу правотворчества, если в постановлении о признании нормативного акта не соответствующим Конституции не только констатируются наличие обнаруженного пробела и необходимость его устранения в законодательстве, но и содержатся указания и рекомендации, адресованные законодателю, о параметрах принятия в будущем новых актов по ликвидации возникшей «дыры» в российском законодательстве в их выявленном конституционно-правовом истолковании [6. С. 179–180; 12. С. 230].

В свою очередь, внедрение Конституционным Судом конституционно-правовых начал в правотворческую деятельность органов публичной власти одновременно предполагает участие его в конституционализации актов текущего законодательства, направленное на конкретизацию и развитие конституционных норм в различных сферах и видах отраслевых правоотношений. Конечными целями конституционализации текущего законодательства в практике Конституционного Суда РФ являются перевод конституционных положений как нормативно-правообразующих установлений, обладающих высокой степенью

юридической обобщенности и абстракции, в конкретные нормы отраслевых актов и обеспечение многоуровневого, универсального механизма конституционно-правового регулирования общественных отношений, а также преодоление правовых деформаций и определение перспективных путей модернизации российского законодательства. В результате процессов конституционализации Конституционным Судом акты текущего законодательства получают свою конкретизацию или были легализованы различные отраслевые принципы в их новой конституционно-правовой интерпретации, имплементированы многие общепризнанные принципы и нормы международного права, предполагающие утверждение приоритета конституционных ценностей и сохранение баланса публично-правовых и частноправовых интересов, сближение международного, конвенционального европейского права и внутригосударственного законодательства, способствующие в целом преобразованию Основного Закона в гибкую, «живую» Конституцию применительно к реальным экономическим, политическим и социально-культурным явлениям, происходящим в российском обществе и государстве.

Такое адекватное истолкование конституционно-правовой характеристики актов текущего законодательства позволяет Конституциальному Суду РФ выяснить глубинные отношения и связи, складывающиеся между Конституцией РФ и положениями отраслевого законодательства в контексте нормативно-доктринального правопонимания и правопользования конституционных норм и ценностей в конкретных отраслевых правоотношениях, снимать коллизии и дефекты в рамках массива текущего законодательства и обосновывать главные тенденции его дальнейшего совершенствования на основе Конституции как базы для развития всей российской правовой системы [12. С. 139–142, 289–293; 13. С. 94–95]. В этом смысле, как справедливо отмечает профессор Н.С. Бондарь, Конституционный Суд, выполняя роль «квазиправотворческого» органа в результате конституционно-судебного генерирования конституционных норм и ценностей, способствует актуализации существующих конституционных величин и приращения их к более высоким конституционным уровням либо восполнение возникающих конституционно-правовых пустот (пробелов и коллизий) новым нормативно-доктринальным содержанием, чем обеспечиваются гармонизация и сбалансированность воздействия Основного Закона на правотворчество и источники текущего законодательства [14. С. 22; 15. С. 10–13].

Наряду с активным участием в конституционализации системы отраслевого законодательства большое значение также имеет деятельность Конституционного Суда по расширению конституционных начал в судебную правоприменительную практику, предполагающая корректировку полномочий судебных органов в ходе применения норм текущего законодательства, которое не должно расходиться с буквой и духом положений Основного Закона и вытекающих из них интерпретированных актов отраслевого законодательства. В этой связи важнейший особенностью воздействия Конституционного Суда РФ на судебное право-

применение выступает своеобразная его рихтовка от искажений применения отраслевых законов в выявленном им конституционно-правовом смысле и содержании посредством следования всеми судами вынесенным собственным конституционным прецедентам толкования и применения конституционных норм, исключающих возникновение противоречий между Конституцией РФ и отраслевым законодательством в судебной правоприменительной практике. Поэтому учитывая необходимость формирования единообразной и устойчивой судебной практики по реализации конституционных положений, в настоящее время возрастает роль Конституционного Суда по внедрению в судебную правоприменительную деятельность вырабатываемых в своих правовых позициях нормативно-precedентных правил, руководствуясь которыми в качестве образца все остальные суды должны исходить из даваемого конституционно-правового истолкования понимания и правоприменения отраслевых актов либо в последующем отменить и пересмотреть ранее принятые судебные решения, расходящиеся с ним, призванного обеспечивать осуществление справедливого и равного правосудия в рамках механизма судебной защиты конституционных принципов и ценностей [16. С. 22–23]. Как неоднократно свидетельствует выработанная практика Конституционного Суда РФ, вынесение постановления, содержащего новое конституционно-правовое истолкование нормы законодательного акта, опровергающее в том числе прежнее её официальное разъяснение высшими судебными инстанциями, порождает обязанность судов общей и арбитражной юрисдикции о запрещении применения схожих юридических норм, закрепленных в других актах, и необходимости учитывать сформулированные в своих решениях и правовых позициях доктринально-эмпирические правила толкования конституционных положений при рассмотрении конкретного дела до момента внесения соответствующих корректив в правовые акты государственными органами, их издавшими [17. С. 65–66; 18; 19].

В неменьшей мере существенное влияние оказывает Конституционный Суд РФ на укрепление и развитие системы российского конституционализма в сфере разрешения конституционных коллизий и споров о компетенции, складывающиеся в законодательстве и правоприменительной практике. Так, рассматривая дела о проверке конституционности законодательных актов, Конституционный Суд часто сталкивается с различными видами конституционных коллизий между внутригосударственным и международным правом, межотраслевыми, отраслевыми, конкурирующими конституционными ценностями и в целях их разрешения устанавливает конституционные коллизионные квазинормы (критерии), предусматривающие обязанность по разработке и принятию актов, содержащих новое законодательное регулирование, распространению своих правовых позиций на схожие (тождественные) конституционно-правовые ситуации или преодолению препятствий в применении конституционных положений в судебной правоприменительной практике. Аналогично результатами разбирательства Конституционным Судом РФ конституцион-

но-правовых споров о компетенции являются вынесение конституционных компетенционных правоположений, раскрывающих конкретный объем и содержание полномочий органов государственной власти в правотворческой и правоприменительной деятельности по изданию нормативного акта, либо совершение действия правового характера и запрещение вторгаться в чужую компетенцию другого государственного органа и уклоняться от исполнения возложенной на них обязанности вопреки установленной Конституцией РФ компетенции каждого органа государственной власти.

К другим приоритетным задачам деятельности Конституционного Суда по развитию российского конституционализма относятся обоснование конституционной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности, предусматривающей негативную оценку противоправного поведения субъектов конституционно-правовых отношений, не соответствующего предписаниям конституционных норм и применение к ним мер государственного воздействия претерпевать определенные неблагоприятные юридические последствия. Её дальнейшая нормативно-доктринальная интерпретация Конституционным Судом РФ подразумевает не только назначение мер наказаний (санкций) к нарушителям за совершение конституционного деликта в ретроспективном аспекте, но и действие специальных средств обеспечения надлежащего исполнения ими своих конституционных обязанностей, в позитивном смысле позволяющих восстановить нарушенные конституционный правопорядок и законность, права и свободы человека и гражданина, конституционные принципы и ценности [20. С. 284–286]. Первостепенное внимание в правовых позициях Конституционного Суда уделяется выяснению таких вопросов осуществления конституционной ответственности, не получивших достаточной законодательной регламентации, как закрепление оснований и порядка наступления ответственности выборных органов государственной и муниципальной власти, наделенных особым конституционно-правовым статусом, установление принципов ответственности, определение формы вины коллективных субъектов, дифференциация отдельных видов судопроизводств и процедур рассмотрения конституционных нарушений, предоставление дополнительных юридических гарантий от необоснованного применения к публично-правовым субъектам конституционных санкций, которые требуют более детального регулирования в актах отраслевого законодательства [21. С. 118–120].

Ещё одним перспективным направлением позитивного влияния Конституционного Суда РФ на развитие российского конституционализма выступает нормативно-интерпретационная функция по истолкованию положений Конституции РФ как специфический вид государственно-правовой деятельности органа конституционной юстиции по уяснению и разъяснению содержания текста (буквы) и смысла (духа) конституционных правоустановлений и их оценке в сопоставлении с проводимой конституционно-правовой политикой субъектов конституционно-право-

вых отношений в государственной и общественной жизни. Именно выяснение Конституционным Судом действительной воли законодателя и порой раскрытие скрытого смысла её содержания в интерпретируемых конституционных положениях в контексте их соотнесения с происходящими экономическими, социальными, политическими процессами и полученными результатами в конституционно-правовой практике позволяют наполнить конституционные нормы и ценности реальным содержанием, что даёт возможность в будущем использовать процедуру судебного преобразования Конституции применительно к конкретным социально-историческим условиям и новой изменяющейся политико-культурной парадигме развития нашей страны без коренного обновления конституционного текста [14. С. 23–24; 22. С. 311; 23. С. 68].

Одновременно теоретическое и практическое значение толкования Конституции РФ Конституционным Судом РФ состоит в формировании определённых аксиологических подходов в правопонимании и реализации конституционно-правовых отношений, которые, выступая в качестве вынесенных своих правовых позиций по конкретным делам, становятся составной частью официальной российской конституционно-правовой доктрины, опирающейся на присущие им свойства всеобщности, общеобязательности и правовой определенности, способствуют претворению предписаний конституционных норм в реальную конституционно-правовую действительность [13. С. 87–90].

В частности, благодаря вынесенным решениям и правовым позициям Конституционного Суда в результате доктринального толкования положений Конституции РФ и актов отраслевого законодательства значительно обогатилась конституционно-правовая теория новыми идеями регулирования прав и свобод человека и гражданина, системы организации государственной власти и местного самоуправления, признания Российской Федерации конституционной федерацией, о «скрытых» полномочиях Президента РФ, заложившими фундаментальную теоретическую базу для развития российского конституционализма и дальнейшей их практической апробации в текущем законодательстве и судебной правоприменительной практике органов государственной власти РФ и её субъектов. Помимо этого, интерпретация Конституции Конституционным Судом РФ оказывает большое влияние на углубление научно-доктринальных начал конституционной герменевтики как специализированного вида конституционно-правовой деятельности, направленного на поиск различных методов, способов и средств адекватного постижения содержания и

смысла конституционных правоустановлений по разрешению возникающих конституционно-правовых проблем и конфликтов в ходе реализации конституционных норм и ценностей, способствующего превращению Конституции РФ в реальный Основной Закон, определяющий главные закономерности и тенденции конституционно-правового регулирования общественных отношений в Российской Федерации [24. С. 204–274; 25. С. 22–23].

Исходя из особенностей природы Конституционного Суда в качестве главного хранителя и защитника Конституции, логично вытекает осуществление им мировоззренческой функции, предполагающей разработку философско-правовой концепции отечественного конституционализма о природе, сущности и значении Основного Закона в рамках отношений, возникающих между государством, обществом и личностью, раскрытие гуманистического потенциала таких фундаментальных конституционных категорий, как демократия, справедливость, равенство, народовластие, права и свободы человека и гражданина, а также выбор наиболее опимальных механизмов и правовых технологий, предусматривающих воплощение конституционных норм и принципов в правотворчестве и правоприменении. В практическом аспекте решения и правовые позиции Конституционного Суда РФ по установлению научно-мировоззренческой основы функционирования системы конституционализма служат необходимой теоретико-познавательной и нормативно-доктринальной базой формирования конституционной идеологии, глубоко-го постижения буквы и духа Конституции Российской Федерации и проведения активной конституционной политики по эффективной реализации конституционных положений с точки зрения обеспечения соответствия действий (актов) органов публичной власти, содержащимся в них конституционным идеалам и ценностям в своей правотворческой, правопримени-тельной и правоохранительной деятельности [2. С. 227, 233; 26. С. 273; 27. С. 19]. Наконец, последова-тельное осуществление вырабатываемых Конституционным Судом основных направлений конституционной идеологии и политики предполагает воспита-ние высокого уровня конституционного правосозна-ния и культуры у субъектов конституционно-правовых отношений следования или конституционных правил, стандартов поведения во всех сферах государственной и общественной жизни с учетом накопленного национального конституционного опыта и традиций, актуальных интересов и потребностей развития российского общества и государства в со-временных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М. : Закон и право; Юнити-Дана, 2003. 264 с.
2. Витрук Н.В. Верность Конституции. М. : Изд-во РАП, 2008. 272 с.
3. Чиркин В.Е. Вызовы современности и российский конституционализм: общее, особенное, единичное // Конституционный вестник. 2008. № 1(19). С. 34–47.
4. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2016) // Собрание Законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 1999 г. № 12-П по делу о проверке конституционности Федерального закона «О культурных ценностях, переданных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3989.
6. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма; Инфра-М, 2011. 720 с.

7. Сивицкий В.А. К вопросу о вариативности формулы итогового решения Конституционного Суда // Конституционное правосудие. Международный вестник конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2012. № 4 (58). С. 81–91.
8. Князев С.Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 5–13.
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р о разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2008. № 48. Ст. 5722.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2012 г. № 15-П по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой // Собрание законодательства РФ. 2012. № 29. Ст. 4167.
11. Кузнецова Е.В. Деятельность органов конституционной юстиции по минимизации возникающих законодательных пробелов // Современные проблемы конституционной доктрины и практики : сб. науч. тр., приуроченный к юбилею проф. А.К. Кокотова / под ред. В.Н. Руденко, А.Т. Карапасева, А.К. Безрукова. М. : Юстицинформ, 2016. С. 182–192.
12. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма; Инфра-М, 2011. 544 с.
13. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М. : Юрист, 2013. Вып. 2. 176 с.
14. Бондарь Н.С. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурного явления (к 20-летнему юбилею) // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6 (36). С. 13–24.
15. Бондарь Н.С., Чепенко Я.К. Пробелы в конституционном механизме реализации прав и свобод (практика Конституционного Суда Российской Федерации по их преодолению) // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 4 (52). С. 8–16.
16. Кузьмин А.Г. Конституционализация правосудия и арбитражная судебная практика в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 57 с.
17. Алешкова И.А., Марокко Н.А. Особенности развития принципа прямого применения Конституции РФ в контексте решений Конституционного Суда РФ // Право и государство: теория и практика. 2016. № 3 (135). С. 64–68.
18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 2011 г. № 8-П по делу о проверке конституционности ряда положений статьи 18 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 5 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» и статьи 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.П. Кузьменко и А.В. Орлова и запросом Избербашского городского суда Республики Дагестан // Собрание законодательства РФ. 2011. № 22. Ст. 3238.
19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2012 г. №-24-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в истолковании, приданном её положениям в правоприменительной практике после вступления в силу постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2010 года № 21-П, в связи с жалобой гражданина Р. Инамова // Собрание законодательства РФ. 2012. № 47. Ст. 6551.
20. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М. : Юнити-Дана, 2002. 687 с.
21. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М. : Изд-во РАП, 2008. 342 с.
22. Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Бек, 1998. 462 с.
23. Нарутто С.В. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правопонимания // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 64–70.
24. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма. Проблемы теории и практики. М. : Новосибирск; ЮКЭА, 2011. 360 с.
25. Сергеевин С.Л. Российское национальное правосознание: некоторые конституционно-правовые проблемы // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 5 (41). С. 16–23.
26. Витрук Н.В. Конституционно-правовое мировоззрение в системе правовой культуры // Право, демократия и личность в конституционном измерении: (история, доктрина и практика). Избранные труды (1991–2012 гг.). М. : Норма, 2012. С. 271–282.
27. Хабриева Т.Я. Юридическая наука и развитие конституционной юстиции // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 5 (53). С. 17–24.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 апреля 2017 г.

ON THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 221–227.

DOI: 10.17223/15617793/418/29

Sergey A. Tatarinov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: cafedra206@mail.ru

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation; constitutional legal doctrine; interpretation of constitutional provisions; transformation of the Constitution of the Russian Federation; constitutionalization of current legislation; constitutional norms and values.

The purpose of this article is to explore the main forms of influence of the Constitutional Court of the Russian Federation on the system of the Russian constitutionalism, by means of judicial constitutional control, constitutionalization of the existing legislation and judicial practice, solution of constitutional disputes about competence and grounds of constitutional liability, interpretation of constitutional statements and development of constitutional ideology. The author uses different general (logical, dialectic, comparative) and specific (technical, complex, historical) scientific methods of research to analyze the influence of the Constitutional Court on the development of Russian constitutionalism. Based on the analysis of the practice of the Constitutional Court, the author comes to a conclusion that the main direction of its influence on Russian constitutionalism is its activities in constitutional control, providing displacement from legal ground of constitutional acts considered unconstitutional and becoming invalid. At the same time the Constitutional Court of the Russian Federation influences in the most essential positive way on the development of Russian constitutionalism when it helps the legislator in the improvement and development of the existing legislation by means of elaboration of suggestions and recommendations to fulfill gaps and collisions in legislation. Another important aspect of influence of the Constitutional Court on Russian constitutionalism is its participation in the constitutionalization of the existing legislation, providing legal consciousness and legal application of these acts in the constitutional interpretation of given decisions and legal statements by the Constitutional Court of the Russian Federation. The activity of the Constitutional Court over constitutionalization of judicial legal

practice, directed to correct judicial powers over application of departmental acts in constitutional meaning and content, has the same value for further development of Russian constitutionalism. Another independent direction of influence of the Constitutional Court of the Russian Federation on Russian constitutionalism is consideration of constitutional disputes on competence, providing creation of constitutional contentious pre-norms, disclosing concrete extent and content of powers of public authorities in law enforcement and legislative activities. Besides, an urgent problem of the Constitutional Court in the development of Russian constitutionalism is grounds of constitutional liability as a special type of legal liability fixed for violation of constitutional norms by subjects of the constitutional relations. Other perspective directions of influence of the Constitutional Court of the Russian Federation on Russian constitutionalism are the fulfillment of regulatory and interpretative functions over constitutional interpretation and extension of the constitutional doctrine. The author concludes that the practical meaning of consideration of legal positions and judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation assumes the possibility to modify the Constitution into a "living" General Law.

REFERENCES

1. Bobrova, N.A. (2003) *Konstitutsionnyy stroy i konstitutsionalizm v Rossii* [The constitutional system and constitutionalism in Russia]. Moscow: Zakon i pravo; Yuniti-Dana.
2. Vitruk, N.V. (2008) *Vernost' Konstitutsii* [Fidelity to the Constitution]. Moscow: RAJ.
3. Chirkin, V.E. (2008) *Vyzovy sovremennosti i rossiyskiy konstitutsionalizm: obshchee, osobennoe, edinichnoe* [Challenges of the present and Russian constitutionalism: the general, the special, the individual]. *Konstitutsionnyy vestnik*. 1(19). pp. 34–47.
4. Russian Federation. (1994) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 21 iyulya 1994 g. №1-FKZ "O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii" (v red. of 28.12.2016) [Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation" (as amended on December 28, 2016)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 13. Art. 1447.
5. Russian Federation. (1999) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 20 iyulya 1999 g. № 12-P po delu o proverke konstitutsionnosti Federal'nogo zakona "O kul'turnykh tsennostyakh, peremeshchennykh v Soyuz SSR v rezul'tate Vtoroy mirovoy voyny i nakhodyashchikhsya na territorii Rossiyskoy Federatsii" [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 20, 1999 No. 12-P on the case on the verification of the constitutionality of the Federal Law "On Cultural Values Moved to the USSR as a Result of the Second World War and Located on the Territory of the Russian Federation"]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 30. Art. 3989.
6. Zor'kin, V.D. (2011) *Konstitutsionno-pravovoe razvitiye Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow: Norma; Infra-M.
7. Sivitskiy, V.A. (2012) K voprosu o variativnosti formuly itogovogo resheniya Konstitutsionnogo Suda [On the variability of the formula of the final decision of the Constitutional Court]. *Konstitutsionnoe pravosudie*. 4 (58). pp. 81–91.
8. Knyazev, S.D. (2013) Konstitutsionnyy Sud v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii [The Constitutional Court in the legal system of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 12. pp. 5–13.
9. Russian Federation. (2008) Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 11 noyabrya 2008 g. № 556—O-R o raz"yasnenii postanovleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 5 fevralya 2007 goda № 2-P po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy statey 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 i 389 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 11, 2008 No. 556-O-R on clarifying the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 5, 2007 No. 2-P in the case on verification of constitutionality of the provisions of Articles 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 and 389 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 48. Art. 5722.
10. Russian Federation. (2012) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 27 iyunya 2012 g. № 15-P po delu o proverke konstitutsionnosti punktov 1 i 2 stat'i 29, punkta 2 stat'i 31 i stat'i 32 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanki I.B. Delovoy [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2012 No. 15-P on the case on the verification of constitutionality of Paragraphs 1 and 2 of Article 29, paragraph 2 of Article 31 and Article 32 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.B. Delovaya]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 29. Art. 4167.
11. Kuznetsova, E.V. (2016) Deyatel'nost' organov konstitutsionnoy yustitsii po minimizatsii voznikayushchikh zakonodat'nykh probelov [Activity of bodies of constitutional justice on minimization of emerging legislative gaps]. In: Rudenko, V.N., Karasev, A.T. & Bezrukov, A.K. (eds) *Sovremennye problemy konstitutsionnoy doktriny i praktiki* [Contemporary problems of the constitutional doctrine and practice]. Moscow: Yustitsinform.
12. Bondar', N.S. (2011) *Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice]. Moscow: Norma; Infra-M.
13. Bondar', N.S. (2013) *Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnye tsennosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya* [Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice]. Is. 2. Moscow: Yurist.
14. Bondar', N.S. (2013) Tsennost' Konstitutsii Rossii kak yuridicheskogo akta i sotsiokul'turnogo yavleniya (k 20-letnemu yubileyu) [The value of the Constitution of Russia as a legal act and a socio-cultural phenomenon (to the 20th anniversary)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 6 (36). pp. 13–24.
15. Bondar', N.S. & Chepenko, Ya.K. (2016) Probely v konstitutsionnom mekhanizme realizatsii prav i svobod (praktika Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po ikh preodoleniyu) [Gaps in the constitutional mechanism for the realization of rights and freedoms (the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on their overcoming)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 4 (52). pp. 8–16.
16. Kuz'min, A.G. (2016) *Konstitutsionalizatsiya pravosudiya i arbitrazhnaya sudebnyaya praktika v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutionalization of justice and arbitration jurisprudence in the Russian Federation]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
17. Aleshkova, I.A. & Marokko, N.A. (2016) Osobennosti razvitiya printsipa priyamogo primeneniya Konstitutsii RF v kontekste resheniy Konstitutsionnogo Suda RF [Features of the principle of direct application of the Constitution in the context of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 3 (135). pp. 64–68.
18. Russian Federation. (2011) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 17 maya 2011 g. № 8-P po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozheniy stat'i 18 Federal'nogo zakona "O statusse voennosluzhashchikh", stat'i 5 Federal'nogo zakona "Ob obyazatel'nom gosudarstvennom strakhovanii zhizni i zdorov'ya voennosluzhashchikh", grazhdan, prizvannyykh na voennyye sbory, lits ryadovogo i nachal'stvuyushchego sostava organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhbby, organov po kontrolyu za oborotom narkoticheskikh i psikhotropnykh veshchestv, sotrudnikov uchrezhdeniy i organov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy" i stat'i 1084 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan A.P. Kuz'menko i A.V. Orlova i zaprosom Izberbashskogo gorodskogo suda Respubliki Dagestan [Decision of the Constitutional Court of 17 May 2011 no. 8 in the case concerning the constitutionality of some provisions of Article 18 of the Federal Law "On status of servicemen", Article 5 of the Federal Law "On obligatory state life insurance and health of citizens, called up for military training, those of all ranks and officers of law-enforcement bodies of the Russian Federation, the State Fire Service, Narcotic and Psychotropic Substances Traffic Monitoring Bodies, employees in the institutions and bodies of the correctional system", and Article 1084 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens A.P. Kuz'menko and A.V. Orlov and the request of the Izberbash City Court of the Republic of Dagestan]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 22. Art. 3238.

19. Russian Federation. (2012) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 7 noyabrya 2012 g. №24-P po delu o proverke konstitutsionnosti chasti pervoy stat'i 2 Federal'nogo zakona ot 12 fevralya 2001 goda № 5-FZ "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii "O sotsial'no zashchite grazhdan, podvergshikhsya vozdeystviyu radiatsii vsledstvie katastrofy na Chernobyl'skoy AES" v istolkovanii, pridannom ee polozheniyam v pravoprimenitel'noy praktike posle vstupleniya v silu postanovleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 20 dekabrya 2010 goda № 21-P, v svyazi s zhaboloy grazhdanina R. Inamova [Decision of the Constitutional Court of 7 November 2012, no. 24 in the case concerning the constitutionality of Section 2 of the Federal Law of February 12, 2001 no. 5-FZ "On Amendments and Additions to the Federal Law "On social protection of citizens exposed to radiation as a result of the Chernobyl disaster"" in the interpretation given to its provisions in law enforcement after the entry into force of the decision of the Constitutional Court of December 20, 2010 no 21-P, in connection with the complaint of citizen R. Inamov]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 47. Art. 6551.
20. Luchin, V.O. (2002) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Problemy realizatsii* [The Constitution of the Russian Federation. Implementation problems]. Moscow: Yuniti-Dana.
21. Vitruk, N.V. (2008) *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theory of legal responsibility]. Moscow: RAJ.
22. Kryazhkov, V.A. & Lazarev, L.V. (1998) *Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Justice in the Russian Federation]. Moscow: Bek.
23. Narutto, S.V. (2016) Rol' Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v opredelenii paradigmy sovremennoy pravoponimaniya [The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in determining the paradigm of contemporary legal understanding]. *Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo*. 11. pp. 64–70.
24. Kravets, I.A. (2011) *Formirovanie rossiyskogo konstitutsionalizma. Problemy teorii i praktiki* [Formation of Russian constitutionalism. Problems of theory and practice]. Moscow: Novosibirsk: YuKEA.
25. Sergevnin, S.L. (2014) Rossiyskoe natsional'noe pravosoznanie: nekotorye konstitutsionno-pravovye problemy [Russian national legal consciousness: some constitutional and legal problems]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 5 (41). pp. 16–23.
26. Vitruk, N.V. (2012) *Pravo, demokratiya i lichnost' v konstitutsionnom izmerenii: (istoriya, doktrina i praktika). Izbrannye trudy (1991–2012 gg.)* [Law, democracy and personality in the constitutional dimension: (history, doctrine and practice). Selected works (1991–2012)]. Moscow: Norma. pp. 271–282.
27. Khabrieva, T.Ya. (2016) Yuridicheskaya nauka i razvitiye konstitutsionnoy yustitsii [Juridical science and development of constitutional justice]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 5(53). pp. 17–24.

Received: 10 April 2017

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГЛАВЫ РЕГИОНА В РЕГИОНАЛЬНОМ ПАРЛАМЕНТЕ: МЕСТО, РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Анализируется правовой статус представителя высшего должностного лица в законодательном органе государственной власти субъекта России. Освещаются его роль и значение в реализации властных полномочий, а равно типичные проблемы функционирования. Сформулированы предложения, направленные как на повышение эффективности деятельности представителя высшего должностного лица в парламенте региона, так и на совершенствование регионального уровня государственного управления в целом.

Ключевые слова: представитель высшего должностного лица субъекта Российской Федерации; высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации; глава региона; законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации; региональный парламент; субъект Российской Федерации; регион; региональное законодательство.

Институт представительства высших должностных лиц субъектов России в региональных органах государственной власти в существующем виде оформился сравнительно недавно и в большинстве своем хронологически в разное время. Как правило, должности представителей глав регионов нормативно определены в основных законах субъектов Российской Федерации. В отдельных регионах страны учредительные тексты не содержат подобных положений, открыто не наделяют высшее должностное лицо субъекта России правомочием по назначению своих представителей в иные властные региональные структуры. Вместе с тем обозначенное обстоятельство не является препятствием, ограничивающим право высшего должностного лица назначать своих представителей в региональные органы государственной власти. Возможность существования представителей главы региона логично проистекает из подразумеваемых, дискреционных полномочий высшего должностного лица субъекта России, возглавляющего систему региональной исполнительной власти и представляющего конкретный субъект Российской Федерации как государственно подобное образование. Так, например, Устав Московской области гласит, что губернатор «обеспечивает взаимодействие Московской областной Думы и исполнительных органов государственной власти Московской области» [1]. Схожее зафиксировано в Уставе Ставропольского края с той лишь разницей, что губернатор «представляет Ставропольский край в отношениях с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и при осуществлении внешнеэкономических связей...» [2].

В обоих случаях механизм реализации закрепленных за главой региона полномочий не конкретизирован, четко не определен. Нет этого и в федеральных нормативных актах (в первую очередь, в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [3]), а также в законодательных актах субъектов Российской Федерации, детализирующих тексты их основных законов. В этой связи глава региона не только может, но и обязан, а в некотором смысле даже вынужден,

реализуя конституционно-правовые установления, самостоятельно определять механизм своего взаимодействия с иными региональными государственными органами, в том числе посредством создания специального государственно властного инструмента, а равно закрепления организационно-правовых основ и пределов его функционирования. Роль такого инструмента, по нашему мнению, и выполняют сегодня представители высшего должностного лица субъекта России. При этом отсутствуют запреты, ограничивающие право высшего должностного лица региона в назначении своих представителей в какой-нибудь государственный или муниципальный орган, хозяйствующий субъект. В данном контексте наблюдается схожесть (пусть даже условная) правового статуса главы региона и главы Российской Федерации.

Правовой статус представителей высшего должностного лица субъекта России произведен из правового статуса последнего, предопределен им и раскрыт в основном не в региональных законах, а в утверждаемых главой региона положениях. Цель института представительства главы региона видится в непосредственном обеспечении реализации полномочий представляемого субъекта, в создании необходимых и достаточных условий для их эффективного осуществления. При этом встречающаяся определенная разница в наименовании – «представитель», «полномочный представитель», «постоянный представитель», «специальный представитель» и т.п. – правового значения не имеет. Важно отметить, что в некоторых регионах создан институт представительства субъекта Российской Федерации.

В частности, в Калининградской области предусмотрены представительства Калининградской области при органах государственной власти Российской Федерации, в субъектах Российской Федерации и за рубежом [4]; в Республике Коми функционируют постоянное представительство Республики Коми при Президенте Российской Федерации и представительство Республики Коми в Северо-Западном регионе Российской Федерации (последнее выступает новшеством данного субъекта Российской Федерации), которые являются органами исполнительной власти Республики Коми, подчиненные Главе Республики Коми [5]. Не вдаваясь в подробности, заметим, что представительства обеспечивают реализацию интерес-

сов региона как образования, а не конкретного должностного лица или государственного органа регионального уровня. Исходя из этого, подобное представительство выступает государственно-правовым институтом иного уровня, чем представляет собой институт представительства высшего должностного лица субъекта России. Данные институты обладают несравнимыми характеристиками.

В подавляющем большинстве случаев на региональном уровне учреждена только должность представителя высшего должностного лица субъекта России в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации. В то же время нельзя не обратить внимания на уникальный опыт Омской области, где предусмотрена должность полномочного представителя Губернатора Омской области и Правительства Омской области в судах, правоохранительных и контролирующих органах [6]. Анализ правовой основы функционирования данного представителя показал схожесть его статуса с лицом, действующим на основании доверенности. В частности, данный представитель наделяется следующими правомочиями: запрашивать необходимые материалы и информацию от органов исполнительной власти при подготовке к слушанию дел, рассматриваемых в судах, правоохранительных и контролирующих органах; взаимодействовать в установленном порядке с государственными (федеральными, региональными) и муниципальными органами, учреждениями, организациями; вести дела в судах, правоохранительных и контролирующих органах, осуществляя процессуальные действия в пределах, установленных доверенностью и т.д. По нашему мнению, существование представителей руководителя субъекта России в иных региональных государственных органах, нежели орган законодательной (представительной) власти, неоправданно. В силу эпизодичности деятельности таких представителей вследствие малой загруженности их функции могут вполне успешно осуществлять доверенные лица или специальные представители по тому или иному вопросу (той или иной проблеме).

Целевое назначение деятельности представителя главы региона в региональном парламенте состоит в обеспечении реализации конституционно установленных законодательных полномочий высшего должностного лица субъекта России, в действенном согласовании интересов последнего и законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации в ходе нормативного регулирования по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, а равно исключительного ведения регионов. При этом существование исследуемого института не отрицает возможности назначения главой региона специального представителя по тому или иному законопроекту, внесенному им в региональный парламент. Нельзя не отметить и практику «двойного представительства», когда представитель главы региона в законодательном (представительном) органе одновременно выступает представителем высшего регионального органа исполнительной власти в парламенте субъекта Рос-

сии. Данная практика заслуживает поддержки и распространения. Логичность такого решения очевидна, проистекает из статуса главы региона, который одновременно является руководителем высшего органа исполнительной власти субъекта России. Известны примеры совмещения должности представителя главы региона в региональном парламенте с замещением иной региональной должности. В частности, в Хабаровском крае ранее была предусмотрена должность начальника главного управления Губернатора и Правительства края – полномочного представителя Губернатора края в Законодательной Думе Хабаровского края [7]. Оправданность такого положения дел не очевидна и требует осмысливания в каждом конкретном случае.

Для достижения целевых показателей определены следующие основные функциональные задачи деятельности представителя высшего должностного лица субъекта России в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации:

1. Поддержание устойчивых доверительных отношений между законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации, комитетами и комиссиями в его составе, депутатскими объединениями, отдельными депутатами и высшим должностным лицом субъекта России. Разрешая данную задачу, представитель главы региона осуществляет следующее: участвует в заседаниях временных рабочих органов, формируемых региональным парламентом; участвует в формировании плана законопроектной работы, согласовывает вопросы, включаемые в повестку дня заседаний регионального законодательного органа; участвует в создании рабочих групп по отдельным направлениям законотворческой деятельности; организует работу согласительных комиссий при возникновении разногласий между высшим должностным лицом и региональным парламентом.

2. Обеспечение функционирования механизма взаимодействия органов исполнительной власти, формируемых высшим органом исполнительной власти и высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, их аппаратов и структурных подразделений с региональным парламентом по вопросам подготовки и рассмотрения проектов нормативных правовых актов. Для этого представитель главы региона дает соответствующие поручения руководителям региональных органов исполнительной власти, аппарата высшего должностного лица и высшего органа исполнительной власти субъекта России, а равно контролирует их выполнение; согласовывает кандидатуры должностных лиц региональных органов исполнительной власти, ответственных за представление законопроектов на сессиях регионального парламента.

3. Налаживание инструментария полноценного и своевременного обмена сведениями, затрагивающими нормотворческую деятельность на региональном уровне, между высшим должностным лицом и органом законодательной (представительной) власти субъекта Российской Федерации. В рамках данного направления деятельности представитель главы реги-

она доводит до сведения депутатов регионального парламента позиции представляемого лица по вопросам, связанным с региональным нормотворчеством; осуществляет информационно-аналитическое сопровождение регионального парламента и представляемого лица в нормотворческой деятельности; руководит разработкой и подготовкой документов организационно-распорядительного и информационно-аналитического характера (приказы, распоряжения, доклады, аналитические отчеты, записки, информационные справки).

Исследование полномочий представителей глав регионов в региональных законодательных органах обнаружило отсутствие четкого разграничения структурных элементов их правового статуса. В одних случаях не разграничиваются права и обязанности представителей; в других – выделяются только функции и права представителей, а обязанности не упоминаются; в некоторых – обозначаются только задачи и общие полномочия представителей без выделения их прав и обязанностей [8]; в отдельных – отсутствует указание на права и обязанности представителей, но выделяется их компетенция [9]. При этом часть полномочий представителей высших должностных лиц субъектов России обязательна для реализации, а некоторые необязательна к осуществлению. Так, в соответствии с ч. 3 Положения о полномочном представителе губернатора Магаданской области в Магаданской областной Думе представитель правомочен «направлять в органы исполнительной власти для подготовки замечаний, предложений и отзывов проекты федеральных Законов» [10]. Вместе с тем далеко не каждый проект федерального закона требует учета мнения органов исполнительной власти. В этой связи он лишь может быть направлен на согласование. Речь идет о праве, а не обязанности представителя главы региона делать это. В этом состоят свобода его усмотрения, возможность широкого выбора им в рамках разумного и допустимого определенного варианта поведения. Противоположный пример. Согласно ч. 2 указанного нормативного акта «полномочный представитель губернатора области от имени и по поручению губернатора области представляет на заседаниях Думы и ее постоянных комиссий <...> проекты областных Законов, внесенные губернатором области в порядке реализации права законодательной инициативы». Формулировка данной нормы напрямую обязывает представителя главы региона выполнить свое правомочие. Здесь свобода усмотрения и выбора варианта поведения не предусмотрена или существенно ограничена. Однако в рамках выполнения обязанности представитель главы региона наделен свободой выбора средств достижения цели.

В данном контексте, в целом, представитель главы региона вправе принимать участие в согласовании вопросов, включаемых в повестку дня, в ходе заседаний законодательного органа; создавать рабочие группы по отдельным направлениям региональной законотворческой деятельности; определять поручения руководителям региональных органов исполнительной власти, аппарата высшего должностного лица и высшего органа исполнительной власти региона по вопросам своего ведения; подписывать документы

организационно-распорядительного и информационно-аналитического характера. При этом представитель главы региона обязан участвовать в заседаниях временных рабочих структур, формируемых законодательным (представительным) органом государственной власти; участвовать в формировании плана законопроектной работы; организовывать работу согласительных комиссий при возникновении разногласий между высшим должностным лицом и парламентом региона; контролировать исполнение поручений, адресованных руководителям региональных органов исполнительной власти, аппарата высшего должностного лица и высшего органа исполнительной власти региона; согласовывать с региональным парламентом кандидатуры должностных лиц органов исполнительной власти региона, ответственных за представление законопроектов на сессиях законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта России; доводить до сведения депутатов регионального парламента позиции высшего должностного лица субъекта России по вопросам, связанным с нормотворчеством; в случае назначения специального представителя по тому или иному законопроекту координировать его работу; осуществлять информационно-аналитическое сопровождение работы парламента и высшего должностного лица региона по вопросам своего ведения; организовывать своевременную подготовку требуемых документов и материалов.

Законодательством конкретного субъекта Российской Федерации могут быть установлены дополнительные права и обязанности представителя высшего должностного лица субъекта России в региональном парламенте, не имеющими аналога в иных регионах. В частности, в Нижегородской области представитель Губернатора, Председателя Правительства «организует совместно с департаментом информационных технологий, связи и средств массовой информации Нижегородской области работу по информированию населения Нижегородской области о наиболее значимых законах Нижегородской области» [8]. Кроме того, ряд полномочий представителей глав регионов не нашли официального закрепления в положениях о них, но вытекают из нормативно установленных. Они могут быть зафиксированы в регламентах деятельности и порядках взаимодействия иных государственных органов и их структур. Реализация таких полномочий осуществляется на практике и не оспаривается. К таким «неявным» правам и обязанностям можно отнести: контроль за соблюдением и корректировку примерного плана законопроектной работы высшего органа исполнительной власти субъекта России; представление интересов главы региона в судах; организацию работы по подготовке заключения высшего должностного лица субъекта России или отзыва регионального высшего органа государственной исполнительной власти на представленные парламентом региона (его комитетами, комиссиями, депутатами) проекты; создание условий обсуждения разногласий по проектам, поступившим из парламента с представителями органов исполнительной власти региона, выражаящими разные позиции.

К сожалению, приходится констатировать, что полноценная правовая основа, закрепляющая статус представителя главы региона, до сих пор не создана в приемлемом виде ни в одном из субъектов Российской Федерации. В этой связи представляется целесообразным подробное и обстоятельное закрепление в положениях о представителях высших должностных лиц в парламентах регионов их прав и обязанностей, в том числе «неявных» полномочий. В первостепенном порядке необходимо нормативно очертить как вопросы взаимодействия законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации (комитетов и комиссий в его составе, депутатских объединений, отдельных депутатов) и представляемого высшее должностное лицо субъекта России, так и различные аспекты сотрудничества региональных органов исполнительной власти, формируемых высшим должностным лицом и возглавляемым им высшим органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, структурных подразделений их аппаратов с органом законодательной (представительной) государственной власти субъекта России в области подготовки и рассмотрения проектов нормативных правовых актов. По нашему мнению, как минимум это позволит: во-первых, упорядочить взаимоотношение главы региона с парламентом субъекта России; во-вторых, избежать возможных споров о компетенции между региональными государственными органами, наделив соответствующей компетенцией действительно необходимое должностное лицо – представителя; в-третьих, минимизировать случаи ненадлежащего исполнения представителем главы региона своих должностных обязанностей; в четвертых, предупредить возможное превышение им своих полномочий, тем самым предотвратив вмешательство в деятельность регионального парламента.

Обращает на себя внимание факт отсутствия в положениях о представителях высших должностных лиц субъектов России в региональных парламентах норм, предусматривающих их ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение принадлежащих полномочий, а равно гарантии деятельности. В большинстве субъектов Российской Федерации должность представителя главы региона в региональном законодательном органе относятся к должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации категории «руководитель» высшей группы должностей. На данных должностных лиц в полной мере распространяется законодательство о государственной гражданской службе без каких-либо исключений, в том числе положения об ответственности и гарантиях. В некоторых субъектах Российской Федерации государственный служащий, выполняющий функции представителя главы региона в региональном парламенте и совмещая одновременно иную должность, в этом статусе замещает государственную должность субъекта России. Например, в Нижегородской области к государственной должности отнесена должность министра Правительства Нижегородской области – полномочного представителя Губернатора в Законодательном Собрании Нижегородской области. К данной категории лиц неприменимо большинство

позиций законодательства о государственной гражданской службе, в частности квалификационные требования к должностям. Логичным представляется унифицировать правовой статус представителей глав регионов в региональных законодательных органах, определив их как государственных гражданских служащих субъектов Российской Федерации, чем зафиксировать их роль и значение в механизме государственного аппарата и реализации исполнительной власти. В свою очередь это потребует внесения соответствующих изменений в реестры должностей субъектов России.

Целесообразно также дополнить перечень требований к представителю главы региона в региональном парламенте и предусмотреть наличие у кандидата на должность представителя высшего должностного лица субъекта России определенного жизненного опыта, установив минимальный возраст для занятия данной должности. Зафиксировать, что «Представителем высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительной органа государственной власти субъекта Российской Федерации) может быть назначен гражданин Российской Федерации, достигший возраста 30 лет». Перечень гарантий деятельности представителей глав регионов вполне может быть расширен, что, предположительно, должно найти соответствующее закрепление в положениях о них. В то же время «Досрочное прекращение полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительной органа государственной власти субъекта Российской Федерации) влечет прекращение полномочий представителя высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительной органа государственной власти субъекта Российской Федерации)».

Необходимым видится нормативная фиксация особой доверительной связи высшего должностного лица субъекта России со своим представителем в положении о представителе главы региона в региональном парламенте. Формулировка данной позиции может иметь следующий вид: «Представитель высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительной органа государственной власти субъекта Российской Федерации) назначается на должность и освобождается от должности высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительной органа государственной власти субъекта Российской Федерации). Представитель высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительной органа государственной власти субъекта Российской Федерации) назначается на должность на срок, определяемый высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительной органа государственной власти субъекта Российской Федерации), но не превышающим срока исполнения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительной органа государственной власти субъекта Российской Федерации)».

Таким образом, фактически будут легализованы положения, согласно которым выбор конкретной кан-

дидатуры для назначения на должность представителя главы региона зависит от усмотрения высшего должностного лица субъекта России. Право освобождения от должности представителя главы региона принадлежит высшему должностному лицу субъекта России и на практике реализуется в двух случаях: во-первых, в связи с переходом представителя высшего должностного лица региона на другую работу или увольнением с государственной гражданской службы по любым основаниям или усмотрению главы региона; во-вторых, при переназначении представителя высшего должностного лица региона на должность по истечении срока полномочий последнего и вступления в должность вновь избранного главы региона.

Непосредственное обеспечение деятельности представителей высших должностных лиц субъектов России возложено на их «обслуживающие аппараты», решающие организационные, документационные, аналитические и информационно-справочные вопросы. Смысл их работы – эффективное осуществление принадлежащих представителям глав регионов полномочий. Наименование аппаратов разнятся в разных субъектах Российской Федерации. Например, в Москве – это отдел заместителя Мэра Москвы в Правительстве Москвы, полномочного представителя Мэра Москвы в Московской городской Думе; в Magadanской области – отдел по правовому обеспечению законотворческой деятельности правового управления и организационный отдел аппарата администрации области. Возглавляют аппараты должностные лица, назначенные высшими органами исполнительной власти регионов, а не непосредственно представители глав регионов. При этом аппараты выступают структурными подразделениями высших органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а не аппарата высшего должностного лица субъекта России. Отсюда наблюдается тесная организационно-правовая связь представителя главы региона не только с ним, но и высшим региональным исполнительным органом власти. Истоки этого усматриваются, во-первых, в довольно часто встречающихся случаях «двойного представительства», освещенного ранее; во-вторых, в положении высшего должностного лица, напомню, одновременно возглавляющего высший орган государственной исполнительной власти субъекта России; в-третьих, в нередких ситуациях, когда аппараты одновременно обеспечивают деятельность как высшего должностного лица, так и высшего органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Следует отметить, что институт представителя (полномочного представителя) главы региона в региональных (местных) государственных органах является особенностью, а в определенном смысле и новшеством российского механизма государственного управления (публичного властовования) на региональном уровне. Рассматриваемый институт в подобном виде неизвестен ни одной из стран мира. Тем не менее в иностранных федеративных государствах в структуре государственного аппарата все же встречаются должностные лица (служащие), так или иначе, по крайне мере в некоторых признаках, воспроизводя-

щие характеристики представителя высшего должностного лица в парламенте субъекта России. Так, в США в 47 штатах из 50 учреждена должность государственного секретаря (в 12 из них назначение на данную должность осуществляется губернатором штата). В большинстве штатов предметы ведения государственного секретаря не связаны с представлением интересов губернатора. Лишь в штате Пуэрто Рико государственный секретарь штата возглавляет Консультативный совет при губернаторе по вопросам реорганизации исполнительной власти (англ. *Governor's Advisory Council on Executive Branch Reorganization and Modernization*), и в этом статусе наделен полномочиями: по подготовке и внесению в парламент штата предложений и проектов нормативных правовых актов в части изменения системы органов исполнительной власти штата; обеспечению взаимодействия с законодательным органом штата; представлению позиции губернатора на заседаниях местного парламента; осуществлению информационно-аналитической работы. Исходя из этого, государственного секретаря с большой долей условности, но все же можно отнести к представителю губернатора в парламенте штата. Несмотря на то что губернаторы наделены правом учреждать координационные (консультативные) советы при органах государственной власти штата, наделять служащих (лиц) полномочиями по представлению его интересов в соответствующих органах власти, должность представителя регионального руководителя в органах штата не нашла распространения в США.

Отдельными чертами схожести с представителем высшего должностного лица в государственном органе субъекта Российской Федерации обладает лейтенант-губернатор в штате Австралии, который не является представителем руководителя штата, но осуществляет в определенных пределах аналогичные функции. Однако данное должностное лицо, в первую очередь, является заместителем губернатора и реализует полномочия последнего, когда он не может в силу каких-либо причин исполнять свои обязанности. При этом ему могут быть даны поручения, в числе которых доведение до сведения сенаторов позиции главы исполнительной власти штата по вопросам, связанным с региональным нормотворчеством, и подготовка в этой связи документов информационно-аналитического характера. Вместе с тем лейтенант-губернатор является подчиненным должностным лицом, исполняющим задания своего руководителя – губернатора по широкому кругу вопросов реализации исполнительной власти штата, а не выступает его непосредственным представителем в конкретном государственном органе с наделением соответствующей нормативно закрепленной компетенцией, хотя и может решать подобные задачи при наличии необходимого акта (указания).

Определенный интерес представляет опыт государственного строительства Индии, где получил развитие институт специальных уполномоченных губернаторов штатов. В частности, избирательную комиссию штата в стране возглавляет назначаемый губернатором специальный уполномоченный по выборам

(англ. *State Election commissioner*), наделенный полномочиями по организации, проведению избирательной кампании, а также реализующий в этой связи контрольные функции. Однако этим его компетенция и ограничивается. Хотя возможность существования специального представителя губернатора в парламенте штата на законодательном уровне не запрещена и не ограничена, в реальности он отсутствует. Такое положение определено особенностями организации публичной власти в штатах Индии, практически полностью воспроизводящей систему государственного управления федерального уровня, в рамках которой глава государства не имеет своих представителей в органах власти, а реализует полномочия, опираясь на институты государственной службы и руководителей подразделений, отвечающих за ту или иную сферу управления.

Учитывая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. В целях обеспечения действенной реализации полномочий главы региона в законотворческой сфере, создания необходимых условий для согласования позиций региональных элит по спектру вопросов нормативно-правового регулирования государственного строительства представляется перспективным разработать проект Модельного нормативно-

го акта, в котором отразить правовой статус представителя высшего должностного лица в парламенте региона. Возможное наименование документа – «О представителе высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительной органа государственной власти субъекта Российской Федерации) и высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации». Данный правовой акт мог бы быть согласован в рамках деятельности Государственного Совета Российской Федерации с последующей апробацией его положений в ряде субъектов Российской Федерации. После прохождения необходимых процедур отдельные успешно апробированные позиции предлагаемого акта могли бы найти отражение в нормах Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

1. Устав Московской области от 04.12.1996 № 55/96-ОЗ // СПС «КонсультантПлюс: Региональное законодательство».
2. Устав (Основной Закон) Ставропольского края от 12.10.1994 № 6-кз // СПС «КонсультантПлюс: Региональное законодательство».
3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
4. О представительствах Калининградской области при органах государственной власти Российской Федерации, в субъектах Российской Федерации и за рубежом : закон Калининградской области от 27.11.1998 № 95 // Дмитрий Донской. 1998. № 45.
5. О структуре органов в системе исполнительной власти Республики Коми : указ Главы Республики Коми от 17.10.2016 № 123 // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2016. № 18. Ст. 267.
6. О полномочных представителях Губернатора Омской области и Правительства Омской области в судах, правоохранительных и контролирующих органах : указ Губернатора Омской области от 15.03.2004 № 62 // Сборник правовых актов органов исполнительной власти Омской области. 2004. № 2. Ст. 22.
7. Об утверждении Положения о главном юридическом управлении Губернатора и Правительства Хабаровского края : постановление Губернатора Хабаровского края от 05.11.2009 № 166 // Собрание законодательства Хабаровского края. 2009. № 11(88) (ч. 1). (Утратило силу).
8. Об обеспечении взаимодействия с Законодательным Собранием Нижегородской области : указ Губернатора Нижегородской области от 26.08.2010 № 65 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. О полномочиях полномочного представителя Мэра Москвы в Московской городской Думе : распоряжение Мэра Москвы от 22.06.2009 № 202-РМ // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. О полномочном представителе губернатора Магаданской области в Магаданской областной Думе : постановление Губернатора Магаданской области от 25.03.2004 № 55 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Статья представлена научной редакцией «Право» 2 марта 2017 г.

THE COMMISSIONER OF THE HEAD OF THE REGION IN THE REGIONAL PARLIAMENT: THE PLACE, ROLE AND IMPORTANCE IN PUBLIC AUTHORITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 228–234.

DOI: 10.17223/15617793/418/30

Konstantin V. Cherkasov, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation); Russian Academy of National Economy under the President of the Russian Federation (Nizhny Novgorod Administration Institute) (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

Daniil A. Osipov, Russian Academy of National Economy under the President of the Russian Federation (Nizhny Novgorod Administration Institute) (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: daniilosipov92@gmail.com

Keywords: commissioner of the highest official of the subject of the Russian Federation; head of region; legislative (representative) state authority of the subject of the Russian Federation; regional parliament; subject of the Russian Federation; region; regional legislation.

The article is devoted to the study of the legal status of the commissioner of the head of the region in the regional parliament, the analysis of their place, role and importance in the mechanism of exercising state power. The modernization of the legal regulation of the functioning of the commissioner of the highest official of the subject of Russia in the legislative (representative) state authority of the subject of the Russian Federation is capable to significantly improve the effectiveness of interaction between the executive and legislative authorities at the regional level. The aim of the study is to formulate general thematic theoretical provisions, to formulate

recommendations aimed at optimizing the organizational and legal framework for the activity of the commissioner of the head of the region in the regional parliament, and, ultimately, in the scientific justification and suggestion of tools for improving state administration at the regional level. The study analyzed federal legislation regulating the organization of the system of public authorities in the constituent entities of the Russian Federation, the basic regional legal documents, including the constitutions and statutes of the subjects of Russia, acts of the heads of regions, as well as the legislation of foreign federal states (the USA, India, Australia and others). The research was carried out on the basis of proven and positively proven methods of scientific knowledge. The general scientific methods (logical, dialectical, structural-functional, systemic) and special-legal (formal legal, interpretations of the norms of law, comparative law, legal forecasting) were used to study the subject of the study comprehensively. The work consistently examines the issues of institutionalization of the commissioner of the head of the region in the regional parliament, its legal basis for functioning; the target and competence component of the activity of the commissioner of the head of the subject of Russia in the parliament of the region; peculiarities of the status of the commissioner of the head of the region in the regional parliament as a state civil servant of the subject of the Russian Federation; ensuring the activity of the commissioner of the head of the region in the regional parliament; the functioning of a similar institution in foreign federal states. During the research, in particular, it was established that the right of the highest official of the subject of Russia to have a commissioner in the regional parliament refers to the discretionary powers of the head of the region. S/he has the right to independently determine the mechanism of their interaction with regional state bodies, fixing the organizational and legal bases and limits of their representative. It is proved that the institution of the commissioner of the head of the region in regional (local) state bodies is a feature, and in a certain sense also an innovation, of the Russian mechanism of public administration (public administration) at the regional level. Concrete proposals and recommendations aimed at improving the efficiency of the institute under study are presented. Thus, legal norms are formulated with the aim of detailing the status of the commissioner of the head of the region in the regional parliament as a state civil servant of the subject of Russia, as well as fixing their special confidential relationship with the highest official of the subject of Russia; the expediency of developing a Model Normative Act in which it is possible to reflect the basis of the legal status of the commissioner of the highest official in the region's parliament was argued.

REFERENCES

1. Konsul'tantPlyus: Regional'noe zakonodatel'stvo. (1996) *Ustav Moskovskoy oblasti ot 04.12.1996 № 55/96-OZ* [Charter of Moscow Oblast of December 04, 1996 No. 55/96-OZ].
2. Konsul'tantPlyus: Regional'noe zakonodatel'stvo. (1994) *Ustav (Osnovnoy Zakon) Stavropol'skogo kraya ot 12.10.1994 № 6-kz* [Charter (Basic Law) of Stavropol Krai of October 12, 1994 No. 6-kz].
3. Russian Federation. (1999) Ob obshchikh printsimakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'ektor Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ [On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation: Federal Law No. 184-FZ of October 06, 1999]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 42. Art. 5005.
4. Dmitriy Donskoy. (1998) O predstavitev stvakh Kaliningradskoy oblasti pri organakh gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii, v sub'ektakh Rossiyskoy Federatsii i za rubezhom: zakon Kaliningradskoy oblasti ot 27.11.1998 № 95 [On the representative offices of the Kaliningrad Oblast under the bodies of state power of the Russian Federation, in the subjects of the Russian Federation and abroad: Kaliningrad Oblast Law of November 27, 1998 No. 95]. *Dmitriy Donskoy*. 45.
5. Vedomosti normativnykh aktov organov gosudarstvennoy vlasti Respubliki Komi. (2016) O strukture organov v sisteme ispolnitel'noy vlasti Respubliki Komi: ukaz Glavy Respubliki Komi ot 17.10.2016 № 123 [On the structure of the bodies in the system of executive power of the Komi Republic: the decree of the Head of the Komi Republic of October 17, 2016 No. 123]. *Vedomosti normativnykh aktov organov gosudarstvennoy vlasti Respubliki Komi*. 18. Art. 267.
6. Sbornik pravovykh aktov organov ispolnitel'noy vlasti Omskoy oblasti. (2004) O polnomochnykh predstaviteleyakh Gubernatora Omskoy oblasti i Pravitel'stva Omskoy oblasti v sudakh, pravoохранitelyakh i kontroliruyushchikh organakh: ukaz Gubernatora Omskoy oblasti ot 15.03.2004 № 62 [About plenipotentiary representatives of the Governor of Omsk Oblast and the Government of Omsk Oblast in courts, law enforcement and controlling bodies: the decree of the Governor of Omsk Oblast of March 15, 2004, No. 62]. *Sbornik pravovykh aktov organov ispolnitel'noy vlasti Omskoy oblasti*. 2. Art. 22.
7. Sobranie zakonodatel'stva Khabarovskogo kraya. (2009) Ob utverzhdenii Polozheniya o glavnem yuridicheskem upravlenii Gubernatora i Pravitel'stva Khabarovskogo kraya: postanovlenie Gubernatora Khabarovskogo kraya ot 05.11.2009 № 166 [On the approval of the Regulations on the main legal department of the Governor and the Government of Khabarovsk Krai: Resolution of the Governor of Khabarovsk Krai of November 5, 2009, No. 166]. *Sobranie zakonodatel'stva Khabarovskogo kraya*. 11(88) (Pt. 1). (Cancelled).
8. Konsul'tantPlyus. (1996) *Ob obespechenii vzaimodeystviya s Zakonodatel'nym Sobraniem Nizhegorodskoy oblasti: ukaz Gubernatora Nizhegorodskoy oblasti ot 26.08.2010 № 65* [On ensuring interaction with the Legislative Assembly of Nizhny Novgorod Oblast: the decree of the Governor of Nizhny Novgorod Oblast No. 65 of August 26, 2010]. (Unpublished).
9. Konsul'tantPlyus. (1996) *O polnomochiyakh polnomochnogo predstavitelya Mera Moskvy v Moskovskoy gorodskoy Dume: rasporyazhenie Mera Moskvy ot 22.06.2009 № 202-RM* [On the powers of the plenipotentiary representative of the Mayor of Moscow in the Moscow City Duma: the order of the Mayor of Moscow of June 22, 2009 No. 202-RM]. (Unpublished).
10. Konsul'tantPlyus. (2004) *O polnomochnym predstavitele gubernatora Magadanskoy oblasti v Magadanskoy oblastnoy Dume: postanovlenie Gubernatora Magadanskoy oblasti ot 25.03.2004 № 55* [On the plenipotentiary representative of the Governor of Magadan Oblast in the Magadan Oblast Duma: Resolution of the Governor of Magadan Oblast of March 25, 2004 No. 55]. (Unpublished).

Received: 02 March 2017

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКИМОВА Елена Васильевна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. научно-образовательного отдела Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: elaki2008@yandex.ru

АЛИШЕР КЫЗЫ С. – магистрант кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета. E-mail: mionetta_kg@mail.ru

АРХИПОВ Андрей Валерьевич – канд. юрид. наук, судья Томского областного суда. E-mail: aav180@mail.ru

БУЯНОВ Дмитрий Евгеньевич – соискатель департамента отечественной истории Дальневосточного государственного университета. E-mail: dmit2b@gmail.com

ВАШКОВ Андрей Александрович – канд. геол.-минерал. наук, науч. сотр. Геологического института Кольского научного центра Российской академии наук (г. Апатиты Мурманской области). E-mail: avashkov@mail.ru

ВОЛКОВ Иван Олегович – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: wolkoviv@gmail.com

ВОРОПАНОВ Виталий Александрович – канд. ист. наук, зав. кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: vvoropanov@yandex.ru

ГАНИЕВ Рустам Талгатович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, директор Центральноазиатского научно-исследовательского центра Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: rusthist@yandex.ru

ГОРОХОВ Станислав Анатольевич – канд. геогр. наук, ст. науч. сотр. лаборатории географии мирового развития Института географии Российской академии наук (г. Москва). E-mail: stgorohov@yandex.ru

ГРУЗДЕВ Владислав Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: gruzvlad@rambler.ru

ДИДЕНКО Вероника Викторовна – ассистент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: verdi.fefu@gmail.com

ДМИТРИЕВ Руслан Васильевич – канд. геогр. наук, ст. науч. сотр. Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук (г. Москва); лаборатории географии мирового развития Института географии Российской академии наук (г. Москва); лаборатории экономики народонаселения и демографии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: dmitrievtv@yandex.ru

ЖУЛЕВА Мария Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Тюменского индустриального университета. E-mail: zhuleva_ms@mail.ru

ЗЕНИН Василий Николаевич – д-р ист. наук, зав. отделом геохронологии кайнозоя Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); вед. науч. сотр. лаборатории геоархеологии и палеэкологии человека Новосибирского государственного университета. E-mail: vzenin@archaeology.nsc.ru

ИВАНОВА Наталья Петровна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: ivanovanp@gmail.com

ИВАНОВА Людмила Андреевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: ludon26@mail.ru

КОЗЛОВА Дина Сергеевна – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: dina.my-mail@yandex.com

КОЛОБОВА Ксения Анатольевна – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); вед. науч. сотр. лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: kolobovak@yandex.ru

КОЛОТКОВ Михаил Борисович – канд. юрид. наук, ст. науч. сотр. Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: mkolotkov@yandex.ru

КОРЯКИН Алексей Леонидович – канд. юрид. наук, мировой судья судебного участка № 3 Сургутского судебного района города окружного значения Сургута ХМАО–Югры. E-mail: alk1978@mail.ru

КОСТРУБИНА Светлана Александровна – аспирант кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации Череповецкого государственного университета. E-mail: kostrubinasa@mail.ru

КРИВОШАПКИН Андрей Иннокентьевич – д-р ист. наук, зам. директора по научной работе Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); зав. кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета; вед. науч. сотр. лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

ЛАЗУТИНА Татьяна Владимировна – д-р филос. наук, профессор кафедры гуманитарных наук Тюменского индустриального университета. E-mail: LazutinaTV@yandex.ru

ЛУКЬЯНОВА Ирина Владимировна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: irluk11@gmail.com

ЛЮЛИЯ Наталья Викторовна – аспирант кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: natalyalyulya@mail.ru

ОСИПОВ Даниил Александрович – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: daniilosipov92@gmail.com

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

РОЖКОВ Анатолий Алексеевич – д-р экон. наук, директор по науке и региональному развитию Института конъюнктуры рынка угля (г. Москва); профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление в промышленных регионах» Национального исследовательского технологического университета «МИСиС». E-mail: aarozhkov@mail.ru

РУМЯНЦЕВА Татьяна Борисовна – ассистент кафедры управления качеством Томского государственного университета. E-mail: rtb98@mail.ru

РЯБОВА Юлия Владимировна – соискатель кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (г. Кемерово). E-mail: ruv.kemcdo@mail.ru

СЕЛЕЦКИЙ Максим Владимирович – магистрант кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета. E-mail: Archmax95@gmail.com

СКЛЯРОВА Наталья Геннадиевна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: panochka@bk.ru

СОЛОВЕНКО Игорь Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета. E-mail: solovenko71@mail.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович – магистрант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

ТАТАРИНОВ Сергей Александрович – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного и конституционного права Томского государственного университета. E-mail: cafedra206@mail.ru

ТОЛСТОНОЖЕНКО Оксана Алексеевна – магистрант, преподаватель кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: t_oksa@mail.ru

ФЕДОСОВ Егор Андреевич – аспирант кафедры современной отечественной истории, мл. науч. сотр. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: karamba243@yahoo.ru

ФОМИНЫХ Сергей Фёдорович – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ХАРЕВИЧ Владимир Михайлович – канд. ист. наук, научный сотрудник научно-образовательного отдела Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: mihalich84@mail.ru

ХАЧЕРЕСОВА Любовь Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения Пятигорского государственного университета. E-mail: panochka@bk.ru

ЧЕРКАСОВ Константин Валерьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (г. Киров); зав. кафедрой адми-

нистративного, финансового и информационного права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

ШАБАРДИН Андрей Михайлович – студент лечебного факультета Ижевской государственной медицинской академии.
E-mail: Andrew.Shabardin@gmail.com

ШНАЙДЕР Светлана Владимировна – канд. ист. наук, науч. сотр. отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

ШУБИН Лев Леонидович – канд. мед. наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Ижевской государственной медицинской академии. E-mail: leva-shubin@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2017. № 418. Май

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20 мая 2017 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 27,6. Тираж 250 экз.
Заказ № 2580. Цена свободная.

Дата выхода в свет 9 июня 2017 г.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюор
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Карапур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)-52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием.
Учредитель – Томский государственный университет.
«Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)-52-98-49; 8(382-2)-53-15-28; 8(382-2)-52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-98-49; 8(382-2)-53-15-28; 8(382-2)-52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru